

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА.

Съ критическимъ очеркомъ Н. А. Котляревскаго, предисловіями А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета Гергарта Гауптмана.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1908.

Артистическое заведеніе Т-ва Л. Ф. МАРКСЪ, Никольск. пр., № 29.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

СЕМЕЙНАЯ КАТАСТРОФА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ В. М. Саблина.

Это произведение было благоговѣнно посвящено Теодору Фонтану, здравствующему. Посвящаю его теперь памяти отшедшаго.

Герартъ Гауттманъ.

«Праздникъ мира» (Das Friedensfest) открываетъ въ собраніи сочиненій Гауптмана пиктъ «семейныхъ драмъ» (Familiendramen), въ который входятъ еще: «Одинокіе», «Коллега Крамptonъ» и «Михайль Крамеръ».

«Праздникъ мира» по времени написанія всего лишь вторая пьеса Гауптмана. Она появилась черезъ годъ послѣ «Предъ восходомъ солнца», въ началѣ 1890 года, въ журналѣ «Свободная сцена», и въ іюнѣ того же года прошла послѣднимъ представленіемъ сезона въ театрѣ общества Свободной сцены. Въ томъ же году въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ она имѣла большой успѣхъ.

Она названа авторомъ «Семейной катастрофой» (eine Familienkatastrophe) и посвящена извѣстному писателю Теодору Фонтану, какъ дань почтительной благодарности молодого автора старому художнику, который первый призналъ крупный талантъ въ написавшемъ драму Лота и Елены.

Драмѣ предпосланъ слѣдующій эпитафій изъ Лессинга, устанавливающій здравый взглядъ на драматическое дѣйствіе: «Въ каждомъ драматическомъ произведеніи они (плохіе критики) видятъ дѣйствіе только тамъ, гдѣ любовники упадаютъ къ ногамъ и т. п. Они никакъ не хотятъ согласиться, что любая внутренняя борьба страстей, любой рядъ различныхъ, взаимно опровергающихъ другъ друга мыслей уже составляютъ драматическое дѣйствіе. Не потому ли это, что сами они думаютъ и чувствуютъ слишкомъ ужъ механически, чтобы при этомъ у нихъ возникло ощущеніе какой-нибудь дѣятельности. Возражать такимъ умамъ серьезно—трудъ бесполезный».

Гауптманъ предвидѣлъ, что его упрекнутъ въ скудости внѣшняго движенія, въ бѣдности сюжета. И на этотъ разъ, и много разъ впередъ ему дѣйствительно приходилось слишкомъ часто слышать этотъ упрекъ. Раздается онъ иногда и посейчасъ.

Идея наслѣдственности легла въ основу «Предъ восходомъ солнца». Она же царитъ и въ «Праздникѣ мира». Въ этомъ смыслѣ вторая драма Гауптмана еще болѣе, чѣмъ первая—дарвинистическій этюдъ, какъ выразился Шлентеръ. Драматургъ какъ бы задался цѣлью оправдать Лота, героя своей первой драмы, испугавшагося ужасовъ наслѣдственности и отказавшагося, въ виду этого, отъ любимой дѣвушки и счастья съ нею.

Лотъ былъ правъ, какъ бы говорить Гауптманъ, показывая въ «Праздникѣ мира» трагедію семьи, гнѣющей и агонизирующей подъ гнетомъ страшнаго закона происхожденія отъ больного отца. Съ безжалостнымъ спокойствіемъ естественнаго зрителя онъ подводитъ чита-

теля къ семьѣ Шольцевъ и показываетъ, въ какой адъ можетъ иногда обратиться семья, этотъ мирный и милый уголокъ, когда она создается на основѣ печальной наследственности.

Бедякобильный мастеръ, онъ пользуется ослѣпительный эффектъ контраста свѣтлой рождественской ночи вѣчному мраку, царящему въ душахъ его героевъ, объединившихся въ этотъ вечеръ у зеленой елки.

Большой отецъ передалъ неврозъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, и вѣчный разладъ царитъ въ этой семьѣ. Вражда, ненависть, раздоръ господствуютъ въ ней. На мгновеніе какъ будто спускается сюда свѣтлый небесный мигъ примиренія. Чужая, сторонняя дѣвушка Ида несетъ его съ собой въ психопатическую семью. Но семейному аду, слагавшемуся десяткомъ лѣтъ, не превратиться въ рай въ мгновеніе ока. Карточный домикъ мнимого счастья разлетается подъ первымъ дуновеніемъ бури раздора. Та же черная туча ненависти и несчастія нависаетъ надъ финаломъ драмы.

Разница между первой, столь же безотрадно кончающейся драмой Гауптмана, и «Праздникомъ мира» — только въ томъ, что здѣсь въ это страшное темное царство пробивается все-таки хоть одинъ свѣтлый лучъ. Это — Ида, точно свѣтлый посланникъ изъ какого-то другого царства, — царства здоровыхъ, бодрыхъ, призванныхъ къ радости жизни.

Замѣтимъ, что вообще у Гауптмана очень часто воплощеніемъ бодрости, силы и радости бытія являются дѣвушки. Близкія къ природѣ, здоровыя, чистыя, онѣ несутъ свѣтъ и миръ въ мужскія души, надломленные, вывихнутыя, сложные и растерянные. И не ихъ вина, если тѣ не могутъ принять этотъ свѣтъ и согрѣться въ немъ, какъ герои этой драмы, какъ герой «Одинокихъ».

«Праздникъ мира» есть трагедія характеровъ, которые по самому существу своему не могутъ проявляться рядомъ, совместно жить и работать, потому что они признаютъ только свой эгоизмъ и подчиненіе своей волѣ. Самп несчастные, они дѣлаютъ несчастными всѣхъ кругомъ. Ихъ, какъ горбатовъ, исправить только смерть. Соприкосновеніе съ семьей Шольцевъ даже свѣтлой Иды не привело ни къ чему.

Гауптманъ далъ почувствовать эту идею, — но фактически въ пьесѣ не далъ этого «примиренія въ смерти». Нѣкоторые критики ставили ему это въ упрекъ и признавали драму незаконченной. Къ этой идеѣ «мира въ смерти», къ гимну «вспримирающей смерти» Гауптманъ вернулся позднѣе — въ «Михаилѣ Крамерѣ».

Во второй пьесѣ Гауптмана уже не уловить никакихъ социальныхъ задачъ. Это дѣйствительно только «семейная катастрофа», чистѣйшая «семейная драма», которая можетъ совершаться и совершается подъ какою угодно широтою, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ условіяхъ. Такъ всегда можетъ быть тамъ, гдѣ склонный къ психозу, сильно тронутый цивилизаціей человѣкъ, давно пережившій молодость, свяжетъ свою жизнь съ шестнадцатилѣтней необразованной дѣвушкой.

Поддавшийся модному въ то время теченію въ наукѣ и литературѣ, можетъ-быть, слишкомъ высоко оцѣнившему значеніе наследственности, Гауптманъ хотѣлъ показать во всемъ ужасѣ банкротство такого брака, обезцѣнивающего дѣтей.

Автобиографически такой интересъ въ нашемъ писателѣ могъ обуславливаться недавними его увлеченіями этою областью знанія.

Здѣсь могли много значить его впечатлѣнія, вынесенныя изъ Цюриха, гдѣ въ 1888 году онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ обществѣ психіатра Фореля, живо интересуясь областью его работъ. Что это увлеченіе не было простой данью модѣ, за это говорить и то, что почти одновременно съ этой драмой онъ писалъ и свой разсказъ «Апостолъ», посвященный разработкѣ такой же психопатологической темы. Только апостолъ кончается маніей религіознаго величія тамъ, гдѣ Шольцъ становится жертвой маніи преслѣдованія.

Совершенно невозможно отрицать однако и чисто-внѣшнихъ литературныхъ вліяній на Гауптмана. Всѣ критики единодушно указываютъ на огромное вліяніе на него драмы Ибсена «Призраки» и въ меньшей мѣрѣ, можетъ-быть, «Отца» Стриндберга. Искать вліянія на Гауптмана со стороны толстовской «Крейцеровой сонаты», появившейся въ томъ же 1890 году, — совершенно напрасно.

Герой «Призраковъ» Освальдъ — такая же трагическая жертва проклятой наслѣдственности, оставленной ему отцомъ, такая же иррушка рока, какъ и дѣти Шольцевъ. Гауптманъ дѣлкомъ присоединился къ походу Ибсена противъ семьи. Къ чести его нужно сказать, что онъ топыше и глубже посмотрѣлъ на вопросъ наслѣдственности. Если у Ибсена передъ вами чистая наслѣдственность *физическаго недуга*, наслѣдственность большой клѣтки головного мозга, пораженной прогрессивнымъ параличомъ, то у Гауптмана *наслѣдственность большого характера, больного духа* у людей физически вполне здоровыхъ.

Конечно, хорошее знаніе широкою публикою названныхъ пьесъ Ибсена и Стриндберга не могло послужить къ выгодѣ Гауптмана.

Болѣзненный колоритъ драмы Гауптмана настолько сгустился, что можно понять дѣлавшіеся ему упреки за чрезмѣрную исключительность, за эксцентричность и героевъ драмы и ихъ катастрофы. Критика не разъ по поводу этой драмы указывала на то, что жизнь клиники, больницы, домовъ сумасшедшихъ едва ли можетъ претендовать на общечеловѣчскій интересъ, едва ли можетъ глубоко задѣвать здороваго зрителя, и что Гауптманъ напрасно еще болѣе сгустил тона ибсеновскаго сюжета. Указывалось на то, что «Празднику мира» еще болѣе, чѣмъ первой драмѣ, недостаетъ типическаго значенія (Бартельс).

Послѣднее десятилѣтіе, выдвинувшее рядъ замѣчательныхъ произведеній не психологическаго, а психопатологическаго характера, сильно ослабило значительность такихъ упрековъ. Большой и первый вѣкъ призналъ за писателемъ неотъемлемое право касаться больного духа и преслѣдовать недуги мыслей и воли. Пусть это клиника, но впечатлѣніе, оставляемое «Праздникомъ мира» на сценѣ, — властно и неотразимо. Гауптманъ точно гипнотизируетъ зрителя.

Можно не стоять ни въ какомъ отношеніи къ этой и подобной больнымъ семьямъ, но нельзя остаться равнодушнымъ передъ этимъ зрѣлищемъ возможнаго человѣческаго страданія, возбуждающимъ истинный драматическій ужасъ. Большой вѣкъ, умножая число больныхъ семей и людей, подверженныхъ психозу, все болѣе и болѣе устанавливаетъ право на признаніе за такими вещами общечеловѣческаго значенія.

Въ смыслѣ техники, вторая драма — безспорный шагъ Гауптмана впередъ. Въ «Праздникъ мира», — пишетъ Штейгеръ: — Гауптманъ находился еще всецѣло подъ вліяніемъ Ибсена. Весь обликъ молодого человека, котораго онъ хотѣлъ изобразить, долженъ былъ механически

объясняться дарвинистическими законами наследованія и приспособленія. Краткія и рѣзкія слова циническаго Роберта, въ которыхъ онъ самъ сообщаетъ о наследственности семьи, напоминаютъ даже Зола... Но если сравнить эту драму съ первой, то нельзя не удивляться сильной, цѣлостной композиціи и искусной постройкѣ его трагической семейной идилліи. Сейчасъ чувствуется, что авторъ сбросилъ съ себя всѣ натуралистическія причуды, обязанныя своимъ существованіемъ только духу противорѣчія, китайщинѣ школьныхъ правилъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать одному своему художественному чувству. Какъ прекрасно здѣсь выработано сценическое настроеніе! Въ «Праздникѣ мира», гдѣ все ссора и споръ, рѣзкая иронія тамъ и здѣсь проявляется и во внѣшней сценической обстановкѣ. Рождественская елка и семейная перебранка, рождественская пѣсня и сцена ссоры—контрасты настолько рѣзкіе, что ожиданіе Норы въ рождественскую ночь кажется рядомъ съ ними прямо дѣтской игрой (ein Kinderspiel). И такъ же ужасенъ въ концѣ видъ сына, желающаго обнять отца, который убѣгаетъ отъ страха побоевъ».

Патологическій наклонъ драмы не препятствуетъ Шлентеру признать большія достоинства за драмой. «Большинство первыхъ критиковъ Гауптмана,—пишетъ онъ:—категорически отвергли «Праздникъ мира». Но кто признаетъ право драматурга изслѣдовать человѣческую душу и человѣческую судьбу въ ихъ высшемъ подъемѣ и глубочайшемъ паденіи, тотъ не найдетъ достойнымъ порицанія, что поэтъ былъ вынужденъ психологическія наблюденія свести къ психопатическимъ выводамъ. И тотъ признаетъ художественной строгую, суровую, серьезную форму, въ какую вылился «Праздникъ мира».

Брандесъ видитъ въ пьесѣ проявленіе «большого драматическаго таланта» и подчеркиваетъ выгодную частность пьесы—то, что «по пбсеновской манерѣ въ драмѣ скрывается тайна, которая лишь къ концу объясняется зрителямъ».

Манеру Гауптмана давать многое въ драмѣ не въ формѣ живого дѣйствія, а въ формѣ разсказа, не приходится отнести къ драматическимъ достоинствамъ, но Гауптманъ пользуется ею съ такимъ искусствомъ, что она не влечетъ за собою скучнаго и отнюдь не чувствуется, какъ недостатокъ.

Въ техническихъ приѣмахъ въ своей первой «интимной» драмѣ драматургъ остается вѣренъ себѣ: немногія изъ пьесъ его такъ изрѣзаны авторскими примѣчаніями для актера, какъ эта.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

СЕМЕЙНАЯ КАТАСТРОФА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ медицины Фрицъ Шольцъ, 68 лѣтъ.

Минна Шольцъ, его жена, 46 лѣтъ.

Августа, 29 лѣтъ

Робертъ, 28 лѣтъ

Вильгельмъ, 26 лѣтъ.

Г-жа Мари Бухнеръ, 42 лѣтъ.

Ида, ея дочь, 20 лѣтъ.

Фрица, слуга, 50 лѣтъ.

Насколько возможно, въ ихъ лицахъ должно выражаться семейное сходство.

Событія этой поэмы происходятъ въ рождественскій вечеръ, въ 80-хъ годахъ, въ одинокомъ деревенскомъ домикѣ на Шютценхюгелѣ, близъ Эркнера (Бранденбургъ).

Всѣ три акта происходятъ въ высокой просторной залѣ, съ выбѣленными стѣнами, которыя увѣшаны старинными картинами, рогами и разными звѣринными головами. Съ середины потолка изъ балокъ свѣшивается люстра изъ оленьихъ роговъ съ цѣльными свѣчами. По срединѣ задней стѣны, выдаваясь впередъ—тамбуръ со стеклянной дверью; черезъ которую виденъ тяжелый, рѣзного дуба подъѣздъ. Наверху, надъ тамбуромъ—чучело токующаго тетерева. Направо и нѣлѣво отъ тамбура—по окну, съ замерзшими, частью занесенными снѣгомъ стеклами.

Въ стѣнѣ направо—открытая, въ родѣ воротъ, арка, ведущая на лѣстницу въ верхній этажъ. Въ той же стѣнѣ—двѣ низкія двери, одна—въ погребъ, другая—въ кухню. Въ стѣнѣ напротивъ—также двѣ двери, въ ту же комнату. Между этими дверями—старинные стѣнные часы; на ихъ верхней крышкѣ—чучело совы. Мебель въ комнатѣ состоитъ изъ старинныхъ, массивныхъ дубовыхъ столовъ и стульевъ. Направо отъ зрителя, параллельно боковой стѣнѣ—столъ подъ бѣлой скатертью. Направо, въ глубинѣ сцены—небольшая желѣзная печь съ идущими вдоль стѣны трубами. Всѣ двери разрисованныя; примитивные рисунки изображаютъ попугаевъ и т. п.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала убрана зелеными вѣтками. На каменныхъ плитахъ пола лежатъ елки безъ подставки. Фрибэ на верхней ступенькѣ лѣстницы въ погребъ сколачиваетъ подножку. У противоположныхъ концовъ стола г-жа Бухнеръ и г-жа Шольцъ прикрѣпляютъ разноцвѣтныя восковые свѣчи къ подсвѣчникамъ. У г-жи Бухнеръ видъ здоровой, хорошо упитанной, ласковой женщины; одѣта просто, солидно и очень опрятно. Гладко причесана. Все ея существо дышитъ сердечностью, вполне искреннею, даже когда ея проявленія порою производятъ впечатлѣніе нѣкотораго жеманства. Рѣчь ея намѣренно чистая, въ минуты возбужденія—съ декламаціей. Ото всей точно вѣстъ довольствомъ и благополучіемъ.

Сосѣдъ другая — г-жа Шольцъ. Она кажется много старше своихъ лѣтъ, съ начинающимися недугами старости. Въ ея фигурѣ — нездоровая полнота. Цвѣтъ кожи—блѣдно-сѣрый. Одѣта болѣе чѣмъ просто. Волосы сѣды и въ безпорядкѣ. Носитъ очки. Г-жа Шольцъ въ движеніяхъ порывиста, безпокойна; говорить по большей части слезливо или писливо; производитъ впечатлѣніе, что постоянно возбуждена. Въ то время, какъ г-жа Бухнеръ какъ будто живетъ лишь для другихъ, г-жа Шольцъ занята только собою.

На столѣ—двѣ жпрандоли въ пять развѣтвленій со свѣчами. Ни жпрандинъ жпрандоли еще не зажжены. Горитъ керосиновая лампа.

Фрибэ (ударяетъ топоромъ). Вотъ какъ, у меня безъ промашки!

Г-жа Шольцъ. Фу! Не могу этого слышать, Фрибэ! Сколько разъ говорила я вамъ... Вѣдь топоръ можетъ такъ легко сорваться. На камнѣ не рубятъ дровъ!

Фрибэ. За это ужъ поручусь. Къ чему же я тогда былъ десять лѣтъ на службѣ.

Г-жа Бухнеръ. На службѣ?

Г-жа Шольцъ. Онъ служилъ въ королевскихъ лѣсныхъ дачахъ.

Фрибэ. Нѣ-ѣтъ, безъ промашки (ударяетъ). Вотъ та-акъ! (ударяетъ). Ужъ за это могу ручаться. (Онъ поднимается, осматриваетъ свою работу при свѣтѣ лампы, затѣмъ укрѣпляетъ елку, такъ что она стоитъ. Фрибэ — маленькаго роста, слегка сторбенный, кривопогій, плѣшивый. Маленькое, подвижное обезьянье лицо не брито. Волосы на головѣ и въ бородѣ—пѣжелта-сѣдые. Сюртукъ на немъ весь въ порошокъ, маслѣ, ваксѣ, пылѣ и т. д., спитъ на человѣка въ два раза выше, оттого рукава засучены, борта сильно заходятъ одинъ на другой. На немъ коричневый, относительно чистый фартукъ, пзъ-за котораго онъ время отъ времени вытаскиваетъ табакъ, чтобы съ чувствомъ понюхать. Елка укрѣплена. Фрибэ поставилъ ее на столъ, стоитъ передъ ней и оглядывается). Отличнѣйшее... красивое... настоящее... деревцо! Ель! (Глядитъ на женщину съ презрительнымъ превосходствомъ). Развѣ не ель, а?

Г-жа Бухнеръ. Какъ бывший лѣсничій, вы должны умѣть различать.

Фрибэ. Ну, разумѣется, не сумасшедшій! Не сосна же это.

Г-жа Шольцъ (нетерпѣливо его перебиваетъ). Да, да, только не задерживайте насъ, Фрибэ! Моя дочь прямо сказала: «Пришли мнѣ Фрибэ».

Фрибэ. Что-жъ!.. По мнѣ... (Уходитъ въ дверь, ведущую въ кухню, сдѣлавъ презрительное движеніе рукою).

Г-жа Бухнеръ. Должно-быть, возня вамъ съ нимъ?

Г-жа Шольцъ. О, еще бы! Несносный! Если бы не мой мужъ... Да что съ нимъ, съ мужемъ, можно было подѣлать... Нуженъ былъ ему зачѣмъ-то этотъ старый табачный носъ, чтобы былъ онъ цѣлый день около него, а то ему уже было не по себѣ. Удивительный человѣкъ!

АВГУСТА (торопливо, съ шумомъ входитъ. Войдя, съ силой запираетъ стеклянную дверь на замокъ и заслоняетъ собою дверь, точно желая загородить кому-то входъ).

Г-жа Шольцъ (страшно испуганная, скороговоркой). Ахъ, Господи! Господи, Господи!!!

Г-жа Бухнеръ. Да что?..

АВГУСТА (длинная, поразительно худая; одѣта по послѣдней модѣ, но безвкусно. Плюшевая кофточка, плюшевая шапочка, муфта. Лицо и ноги длинные. Лицо суровое, съ узкими, крѣпко сжатыми губами, съ выраженіемъ горечи. Носитъ лорнетъ. Съ возбужденностью матери соединяетъ болѣзненную обидчивость. Такое лицо должно разливать кругомъ атмосферу недовольства, досады и унынія). На улицѣ... честное слово... кто-то гнался за мною.

Г-жа Бухнеръ (выпякая часы). Можетъ-быть, это уже Вильгельмъ... Нѣтъ, онъ не можетъ еще быть. Поѣздъ еще не пришелъ. (Августѣ) Подожди-ка! (Берется за ручку двери, чтобы открыть).

АВГУСТА. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

Г-жа Бухнеръ. Вы первничаете, дитя мое. (Идетъ въ стеклянную дверь и отворяетъ наружную дверь. Немного робко) Кто здѣсь? (Рѣшительно) Кто здѣсь? (Пауза, никакого отвѣта).

Г-жа Шольцъ (сердито). Право, это замѣчательно!.. Кажется, и такъ у насъ предостаточно волненій. Право, можно отъ всего этого умереть. Всегда съ тобою что-нибудь!

АВГУСТА. Со мной, со мной! (Рѣзко) Но что такое всегда со мной?!

Г-жа Шольцъ. Однако ты очень любезно разговариваешь съ матерью!

АВГУСТА. А по мнѣ... Поневоѣ испугаешься, когда... въ такой темнотѣ... и совѣтъ одна, ни души...

Г-жа Бухнеръ (обнявъ ее за талию, мягко). Горячка, горячка!.. Ну, развѣ можно всегда такъ?.. Пойдемте. (Помогаетъ ей раздѣться). Вотъ такъ-то лучше.

Августа. Ахъ, г-жа Бухнеръ, правда.

Г-жа Бухнеръ. Послушайте вы меня, господа. Вотъ мы у васъ уже четыре долгихъ дня... Я думала... Хотите вы говорить мнѣ нынѣ? Да? Отлично! Ну-съ, итакъ (объявляетъ и цѣлуетъ Августа, потомъ г-жу Шольцъ).

Г-жа Шольцъ (прежде, чѣмъ отвѣтить на обнятіе). Постой, постой, у меня руки въ воскѣ.

Г-жа Бухнеръ (Августѣ, которая подошла къ печкѣ погрѣться). Ну вотъ, теперь тебѣ уже гораздо лучше? Хорошо было въ церкви?

Августа. Во всякомъ случаѣ, я туда больше не хожу. Скверный воздухъ, невыносимая жара.

Г-жа Бухнеръ. Хорошо говорилъ пасторъ?

Августа. Вотъ какъ говорилъ: будь я нищая, я бы въ отвѣтъ на его проповѣдь... право, я бы швырнула имъ подъ ноги всю ихъ милостыню.

Г-жа Бухнеръ. Но для бѣдняковъ въ этомъ—великое утѣшеніе.

За сценой звонкій красивый женскій голосъ поетъ:

Какъ только липа по веснѣ
Въ Гаагѣ зацвѣтетъ,
Рой грезъ забытыхъ, какъ во снѣ,
Передо мной встанетъ.

(Ида спускается съ лѣстницы. Ей двадцать лѣтъ. Простое черное шерстяное платье. Хорошенькая, полная; маленькая головка; длинные русые волосы распущены. На всенъ ея существѣ—печать тихой радости, сдерживаемаго веселья, увѣренной надежды на счастье. И потому въ умомъ лицѣ—выраженіе веселое; но вдругъ дѣлается нѣжно-серьезное или глубоко-просвѣщенное).

Ида (на плечахъ полотенце, въ рукѣ нѣсколько картонокъ). Какъ будто кто-то пришелъ?

Г-жа Шольцъ. Августа нагнала на насъ порядочно страху!

Ида (показывая на лѣстницу за своею спивною). Тамъ наверху тоже не очень ужъ уютно. (Смѣясь) Я рѣшила сползти внизъ.

Г-жа Шольцъ. Но, дѣтка! Вѣдь надъ тобою живетъ еще Робертъ.

Ида (ставитъ картонки на столъ, открываетъ ихъ и вынимаетъ изъ нихъ различныя вещи). Конечно! А все-таки весь этажъ всегда пустой.

Г-жа Бухнеръ. По-моему, твои волосы уже должны бы высохнуть.

Ида (граціозно подставивъ головку). Потрогай!

Г-жа Бухнеръ (трогаетъ). Э, нѣтъ! Тебѣ бы надо, дитя, выкупаться пораньше.

Ида. Ну что мнѣ дѣлать съ этой старой гривой! Вѣдь цѣлыхъ полчаса торчала у печки. (Вынула изъ одного картоня желтый шелковый кошелекъ и протираетъ Августѣ). Цвѣтъ хорошъ, а? Правда, только пустячокъ. Былъ уже у Вильгельма когда-нибудь кошелекъ?

Августа (чиститъ свою плюшевую кофточку и пожимаетъ плечами). Не знаю. (Подноситъ кошелекъ къ своимъ близорукимъ глазамъ) Вещь не очень прочная. (Снова погружается въ свою прожнюю работу). Плюшъ уже никуда не годится.

Ида (прикрѣпляя къ елкѣ ящичекъ съ сигарами). Я страшно рада... Вы никогда еще не убрали елку?

Августа. Серьезно говоря,—это вовсе не для взрослыхъ.

Г-жа Шольцъ. Никогда! Только попробовала бы я, могу себѣ представить, какую исторію поднялъ бы мой мужъ... Зато у покойныхъ родителей... Когда подумаю... какая это была прекрасная семейная жизнь! Ни одного Рождества безъ елки. (Копируетъ походку и манеры отца) Отецъ возвращался вечеромъ изъ конторы и приносилъ пре-е-лестные лемановскіе пряники! (Она подноситъ большой и указательный палецъ ко рту, точно держитъ кусочекъ этого восхитительнаго пряника). Да, все это прошло! Мой мужъ... Онъ ни разу не пообѣдалъ вмѣстѣ съ нами. Онъ жилъ наверху, мы—внизу. Отшельникъ какой-то! Если нужно было что-нибудь отъ него, надо было, ой-Богу, прятаться за Фрибэ.

Августа (у печки, подкладывая дрова). Да не говори ты всегда такъ.

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, лучше ты не топи такъ безумно много.

Августа. Да вѣдь надо же, чтобы было тепло.

Г-жа Шольцъ. Сегодня все тепло улетаетъ въ трубу.

Августа (нерѣшительно, сердито). Что-жъ, значить, не подкладывать въ печку?

Г-жа Шольцъ. Оставь ты меня въ покоѣ.

Августа (съ шумомъ бросаетъ въ ящичекъ лопату). Ну, и не надо! (Въ гнѣвѣ уходитъ надѣво).

Ида. Ахъ, Густя, останься. (Къ г-жѣ Шольцъ) Постой, я ее опять развеселю. (Уходитъ слѣдомъ за нею).

Г-жа Шольцъ (смирненно). Вотъ таковы всѣ мои дѣти!

Нѣтъ, дѣйствительно, что за дѣвушка!.. И никакого удержу! То то, то другое... Потомъ вдругъ взбредетъ ей въ голову... она должна учиться. Запретя у себя наверху, пѣлюю недѣлю слова отъ нея не услышишь. А то вообразить, что никому она не нужна... Ахъ, ты, Господи, Боже мой... да, тебѣ можно позавидовать. Твоя дочка—вотъ это прелесть...

Г-жа Бухнеръ. Ну, и Густя тоже.

Г-жа Шольцъ. Какъ великолѣпно она играетъ на роялѣ; и такой восхитительный голосокъ! Съ какимъ удовольствіемъ послушала бы я немного музыки!

Г-жа Бухнеръ. Почему же ты теперь сама совѣмъ не играешь?

Г-жа Шольцъ. Я! Да тогда бы не осталось у меня и послѣдней капельки покоя. Вѣдь Августа такая первая!.. Совершенно какъ ея отецъ, котораго игрой на роялѣ можно бы только прогнать изъ дому.

Г-жа Бухнеръ. Ты бы послушала, какъ теперь играетъ твой Вильгельмъ! Какъ онъ усовершенствовался! Что стало бы съ Идой безъ него? У него научилась она всему, что знать.

Г-жа Шольцъ. Ахъ, да, ты уже говорила. Онъ талантливый. Тутъ и спора не можетъ быть. Учить его было удовольствіе.

Г-жа Бухнеръ. Да и онъ вспоминаетъ такъ трогательно то время, когда его мамочка стала давать ему первые уроки.

Г-жа Шольцъ. Правда?! Ахъ, Господи, да, это были хорошие часы... Тогда я думала... Все выходитъ по-другому... И такъ меня волнуетъ...

Г-жа Бухнеръ. Волнуетъ... что?

Г-жа Шольцъ. Ну, вотъ то, что онъ пріѣзжаетъ. Какъ онъ теперь выглядитъ?..

Г-жа Бухнеръ. Хорошо... Пополнѣлъ... здоровъ... Ты не нарадуешься на сына.

Г-жа Шольцъ. Не могу не удивляться, что мальчикъ пріѣзжаетъ. Сколько разъ по-настоящему бои́ло у меня сердце. И сколько павела я бумаги на письма. Но онъ ни разу не отвѣтилъ своей старой матери. Какъ же тебѣ удалось его убѣдить? Этого я не могу понять, не могу понять.

Г-жа Бухнеръ. Я? О, нѣтъ! Это Ида убѣдила его.

Г-жа Шольцъ. Роберту тоже, въ сущности, нѣтъ до насъ никакого дѣла, но, по крайней мѣрѣ, онъ каждый

годъ прѣзжаетъ къ намъ на пару дней, на Рождествѣ. Это похвально! А Вильгельмъ... Вотъ уже цѣлыхъ шесть лѣтъ не былъ онъ здѣсь. Онъ и мой мужъ,—цѣлыхъ шесть лѣтъ! Что же, она съ нимъ ладить?

Г-жа Бухнеръ. Кто? Ида? Великолѣпно ладить, во всемъ.

Г-жа Шольцъ. Поразительно! Ты и представить себѣ не можешь, какой онъ всегда былъ замкнутый, совсѣмъ какъ отецъ. Никакихъ товарищей дѣтскихъ игръ, никакого школьнаго друга, никогда ничего.

Г-жа Бухнеръ. Да, да, и съ нами онъ былъ сначала такой же... Ни за что не хотѣлъ приходить къ намъ такъ,—только на урокъ музыки.

Г-жа Шольцъ. Но потомъ сталъ все-таки бывать?

Г-жа Бухнеръ. То-есть... да. Онъ сказалъ, чтобы мы его лишь на время оставили въ покоѣ, а потомъ онъ и самъ придетъ. И мы были настолько благоразумны, что не противорѣчили ему. И въ самомъ дѣлѣ. Подождали мы полгода,—ужъ и ждать перестали,—и онъ пришелъ. И уже приходитъ каждый день. И понемногу все совершенно измѣнилось.

Г-жа Шольцъ. Вы, должно-быть, умѣете колдовать. Уже одна эта помолвка—какое-то непостижимое чудо.

Г-жа Бухнеръ. Съ художниками надо умѣть обращаться. Я научилась,—вѣдь и мой покойный мужъ былъ художникъ.

Г-жа Шольцъ. А эта... исторія... съ отцомъ? Посвятилъ онъ васъ... и въ эту исторію?

Г-жа Бухнеръ. Н...нѣтъ, милая. Видишь ли, это—единственный пунктъ... я хочу сказать... лишь въ этомъ пунктѣ еще не могъ онъ себя преодолѣть. Это все равно, но, можешь мнѣ повѣрить, онъ страшно страдаетъ отъ воспоминаній объ этомъ. До сегодняшняго дня страдаетъ. И, навѣрное, больше всего оттого, что онъ скрываетъ всю исторію. Но, во всякомъ случаѣ, долженъ онъ наконецъ одолѣть и это.

Г-жа Шольцъ. О, избави. Боже,—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Чти отца и мать: рука, которая поднялась на собственнаго отца... Изъ могилы вырастаютъ такіе руки. Ну, конечно, мы ссорились! У обоихъ у насъ есть недостатки,—у мужа и у меня,—но это наше дѣло. Никто не смѣетъ въ это вмѣшиваться, меньше всего—собственный сынъ. А кому пришлось все расхлебывать? Разумѣется, мнѣ. Такая старуха должна все вынести на себѣ. Мой мужъ ушелъ изъ

дому въ тотъ же день, а полчаса спустя ушелъ и Вильгельмъ. Никакія слова не помогли. Сначала я думала, что они вернутся. Но они не вернулись. И только Вильгельмъ—одинъ онъ—виновать въ этомъ, никто другой.

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ, вѣроятно, очень виновать, убѣждена въ этомъ, но, послушай... послѣ долгихъ лѣтъ раскаянія и...

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! Что ты думаешь? Не такъ-то легко перешагнуть черезъ это. Это было бы еще лучше! Очень хорошо съ твоей стороны, что ты привязалась къ мальчику. Очень тоже мило, что онъ пріѣзжаетъ, почему бы и нѣтъ? Но, въ сущности, къ чему все это? Не такъ легко заполнить пропасть... Да, да, это—пропасть, настоящая, глубокая пропасть между всѣми членами нашей семьи.

Г-жа Бухнеръ. Но я все-таки думаю, что мы, люди съ сильной, честной волей...

Г-жа Шольцъ. Воля, воля! Не говори мнѣ о ней! Это я знаю лучше тебя. Здѣсь можно хотѣть, хотѣть, сто разъ хотѣть,—и все-таки все остается по-старому. Нѣтъ, нѣтъ, твоя дочь,—это совсѣмъ другое дѣло. Она—такая, Вильгельмъ—такой, и оба остаются сами собой. Слишкомъ она хороша для одного изъ насъ, слишкомъ, слишкомъ хороша... Господи, воля, воля!.. Да, да, добрая воля... У тебя отличная воля, но сумѣешь ли ты достигнуть чего-нибудь? Я не вѣрю.

Г-жа Бухнеръ. Но я тѣмъ сильнѣе надѣюсь.

Г-жа Шольцъ. Все можетъ быть. Все не хочу зарекаться. Въ сущности, и я рада отъ всего сердца за мальчика, только волнуешь меня, очень волнуешь, и имѣй въ виду—ты все представляешь себѣ слишкомъ легко.

Ида (входитъ слѣва, вкрадчиво говорить г-жѣ Шольцъ). Мамочка, она золотить орѣхи.

Г-жа Бухнеръ. Пора, Идочка! Ты должна принарядиться. Онъ можетъ теперь каждую минуту быть здѣсь.

Ида (испытанно). Да? Уже?

Г-жа Шольцъ. Да не дѣлайте вы никакихъ исторій! Для этого мальчика она и такъ слишкомъ хороша.

Г-жа Бухнеръ. Я приготовила тебѣ голубое. (Кричитъ Идѣ вслѣдъ) И приколи брошку, слышишь! (Ида уходитъ).

Г-жа Бухнеръ (обращаясь къ г-жѣ Шольцъ). Не обращаетъ никакого вниманія на драгоценныя вещи.

(Открывается наружная дверь).

Г-жа Шольцъ. Постой... кто это? Сдѣлай мнѣ одолженіе... Я не могу еще сейчасъ его видѣть, я...

Г-жа Бухнеръ (кричитъ въ дверь, ведущую на лѣстницу). Ида, твой Вильгельмъ идетъ!

(Въ стеклянную дверь входятъ докторъ Шольцъ).

Д-ръ Шольцъ — необыкновенно высокаго роста, широкоплечій, очень тучный. Жирное лицо, съ сѣрой нечистой кожей. Глаза его то погасаютъ, то блестятъ, точно лакированные; блуждающіе взоры. У него сѣрые, взъерошенные бакенбарды. Движенія у него неуклюжія и вздрагивающія. Рѣчь его прерывается одышкою. Говоритъ такъ, точно ротъ у него набитъ мукою, спотыкается на каждомъ слогѣ. Одѣтъ небрежно. Когда-то коричневая, выпѣтшав бархатная жилетка; сюртукъ и брюки безразличнаго цвѣта. Шапка съ большимъ козырькомъ. Буро-сѣрая, странной формы. Галстукъ изъ суроваго шелка. Помогите бѣдѣ. Сморнается въ большой пестрый платокъ. Въ правой рукѣ—трость съ ручкой изъ оленьяго рога, на лѣвой висятъ—длинное дорожное военное пальто и мѣховой мѣшокъ для ногъ.

Д-ръ Шольцъ. Servus! Servus!

Г-жа Шольцъ (смотря на доктора, какъ на привидѣніе). Фрицъ!..

Д-ръ Шольцъ. Да, какъ изволишь видѣть.

Г-жа Шольцъ (съ крикомъ бросаясь мужу на шею). Фрицъ!

АВГУСТА (открываетъ дверь налѣво и сейчасъ же отскакиваетъ назадъ). Отецъ!

(Г-жа Бухнеръ уходитъ черезъ лѣвую боковую дверь, пятясь назадъ съ выраженіемъ отпеченія).

Д-ръ Шольцъ. Это я, какъ видишь. Прежде всего вотъ чтѣ: Фрибѣ адъсь?

Фрибѣ (выглядываетъ изъ двери въ кухню, пугается, затѣмъ входитъ). Господинъ докторъ! (Бросается къ нему, хватается обѣ его руки, цѣлуетъ ихъ). Вотъ это штука! Точно Господь Богъ подарилъ мнѣ талеръ!

Д-ръ Шольцъ. Пест!.. Смотрите, закройте крѣпко входную дверь.

(Фрибѣ кланяется и съ радостнымъ усердіемъ исполняетъ приказаніе).

Г-жа Шольцъ (внѣ себя отъ изумленія). Да скажи ты мнѣ, Фрицъ, скажи мнѣ только... Я ничего не могу сообразить... (Обнимаетъ его со слезами). Ахъ, Фрицъ! Какъ ты истерзалъ меня за эти долгіе годы!

Д-ръ Шольцъ (нѣжно отстраняя жену). Ахъ, знаешь... и моя жизнь также... Лучше не станемъ съ самаго начала заниматься попреками... А ты, ты—все еще та же прежняя страдающая душа... (Съ нѣкоторою горечью) Впрочемъ, я бы, конечно, не обезпечилъ тебя, если бы не... (Фрибѣ

береть у него пальто, мѣшокъ для ногъ и т. д.). Бываютъ въ жизни, милая Милна, такія положенія... когда приходится имѣть дѣло, какъ вотъ мнѣ, съ вліятельными противниками. (Фрицъ уходитъ съ вещами доктора на дѣстняцу).

Г-жа Шольцъ (добродушно ворча). Вѣдь никто же не приказывалъ тебѣ, Фрицъ! Здѣсь у тебя былъ вѣрный, теплый домашній уголь. Ты могъ бы жить такъ хорошо!

Д-ръ Шольцъ. Не сердись, по—этого ты не можешь понимать.

Г-жа Шольцъ. Ну, конечно! Я вѣдь только простая женщина, очень можетъ-быть, но ты же былъ совершенно самостоятеленъ. И вовсе не было никакой необходимости, чтобы ты...

Д-ръ Шольцъ. Псст! Было очень необходимо. (Не безъ таинственности) За виной слѣдуетъ искушеніе, за грѣхомъ—наказаніе.

Г-жа Шольцъ. Ну да, конечно, Фрицъ... Многое и отъ тебя зависѣло. (Начиная съ этого момента и до конца разговора все время бросаетъ боязливые взгляды на входную дверь, точно боится, что каждую минуту можетъ войти Вильгельмъ). Вѣдь мы могли бы такъ спокойно... такъ мирно... если бы ты только хотѣлъ...

Д-ръ Шольцъ. Все отъ меня зависѣло, все безъ исключенія!

Г-жа Шольцъ. Опять ты несправедливъ.

Д-ръ Шольцъ. И!.. Я не хочу спорить: противъ меня соединилось столько низости. Это же извѣстно... Напримѣръ, вообрази себѣ: въ отелихъ... кельнера... ни одной ночи не могъ я спать спокойно... все взадъ и впередъ по коридору, взадъ и впередъ, и непремѣнно мимо моей двери.

Г-жа Шольцъ. Такъ вѣдь въ концѣ концовъ не наконецно же они безпокоили тебя.

Д-ръ Шольцъ. Нѣтъ?.. Ну, знаешь, этого ты не понимаешь!

Г-жа Шольцъ. Впрочемъ, можетъ-быть; бываютъ иногда среди кельнеровъ негодяи.

Д-ръ Шольцъ. Негодяи? Да, именно,—негодяи! Впрочемъ, мы еще поговоримъ объ этомъ. У меня болитъ что-то голова. (Хватается за затылокъ) Вотъ здѣсь! Тоже такая подлость! Я отлично знаю, кого долженъ я за это поблагодарить... Я только хочу еще удостовѣриться, могу ли я прогнать эти боли, хорошенько выспавшись. Очень усталъ.

Г-жа Шольцъ. Но, Фрицъ, наверху не топилено.

Д-ръ Шольцъ. Представь себѣ только,—однимъ махомъ изъ Вѣны. Не топлено? Ничего не значить! Уже Фрибэ похлопочетъ... Ну, а какъ Фрибэ? Вотъ что я хотѣлъ спросить, все еще такой же надежный?

Г-жа Шольцъ. Фрибэ все такой же, какъ всегда.

Д-ръ Шольцъ. Я такъ и думалъ!.. До свиданія! (Пожавъ руку женѣ, поворачивается съ выраженіемъ глубокаго раздумья и идетъ къ лѣстницѣ. Замѣтивъ елку, останавливается и растерянно смотритъ на нее). Это что же такое?

Г-жа Шольцъ (колеблясь между страхомъ, стыдомъ и чувствительностью). Мы празднуемъ рождественскую ночь.

Д-ръ Шольцъ. Празднуемъ? (Послѣ долгой паузы, отдавшись воспоминаніямъ) Это... было... давно... (Поворачивается и говоритъ съ искреннимъ чувствомъ) И ты тоже стала сѣдая?

Г-жа Шольцъ. Да, Фрицъ, оба мы...

Д-ръ Шольцъ (киваетъ головой, отворачивается и уходитъ по лѣстницѣ).

Г-жа Бухнеръ (быстро входитъ слѣва). Значить, твой мужъ снова здѣсь?

Г-жа Шольцъ. Это точно... какъ будто... не знаю! Иисусе Христе! какъ мнѣ понять все это?

Г-жа Бухнеръ. Что это, дорогой мой другъ,—воля Божья, и всѣ мы должны быть за это благодарны.

Г-жа Шольцъ. Ахъ! Какъ онъ выглядитъ!.. Сколько онъ пережилъ! Какая была его жизнь: изъ страны въ страну, изъ города... Ахъ, какъ она его истрепала!

Г-жа Бухнеръ (хочетъ подняться по лѣстницѣ).

Г-жа Шольцъ (испуганно). Куда ты?

Г-жа Бухнеръ. Сказать Идѣ объ этомъ радостномъ событіи. (Уходитъ по лѣстницѣ).

Г-жа Шольцъ. О, Господи! Нѣтъ, нѣтъ, что ты задумала! Этого не долженъ онъ даже замѣтить. Я слишкомъ хорошо знаю своего мужа! Если бы онъ узналъ, что живетъ наверху еще кто-то, кромѣ него... была бы исторія!

Г-жа Бухнеръ (уже на лѣстницѣ). Я потихоньку.

Г-жа Шольцъ. Только совсѣмъ потихоньку! А то какъ бы не вышло что-нибудь такое...

Г-жа Бухнеръ. Я ступаю совсѣмъ тихо.

Г-жа Шольцъ. О, Господи, Господи! Только ужъ совсѣмъ-совсѣмъ тихо!

АВГУСТА (быстро входитъ слѣва). Отецъ здѣсь?

Г-жа Шольцъ (совершенно растерянно). Да, конечно! Что же теперь дѣлать? И Вильгельмъ тоже. Я пережила смер-

тельный страх. А если бы онъ столкнулся съ отцомъ? Въдь онъ могъ войти каждую секунду. Сколько еще я, старуха, должна пережить!

Августа. Поразительное чувство, мама, такое поразительное! Такъ мы привыкли къ тому, что... Точно мертвецъ воскресъ, черезъ много лѣтъ! Мнѣ страшно, мама!

Г-жа Шольцъ. Значить, въ концѣ концовъ всѣ свои деньги онъ прожилъ?

Августа. Ну, это было бы... По мнѣ, это было бы послѣднее дѣло...

Г-жа Шольцъ. Да какъ же мы сводили бы концы съ концами... Пришлось бы скоро пойти по-миру.

Ида (одѣтая, спускается сверху, радостно жметъ Августѣ руку, съ чувствомъ). Густя! значить, правда? Ахъ, какъ я рада! (Г-жа Шольцъ и Августа болѣзненно взволнованы).

Робертъ—изъ двери калѣво. Средняго роста, худой, съ осунувшимся, блѣднымъ лицомъ. Глубоко впашіе глаза иногда горятъ болѣзненнымъ блескомъ. Усы и записочка. Курить турецкій табакъ изъ очень короткой трубки.

Робертъ (небрежно). Стало нескладно у тебя, мать!

Г-жа Шольцъ. Ну вотъ, теперь еще и этотъ начинается!

Августа. Что касается меня... (Украдкой бросаетъ завистливые взгляды на костюмъ Иды).

Робертъ (Идѣ, которая взглянула на него). Да, я такой, фрейлейнъ Ида!

Ида (недовѣрчиво качаетъ головой). Нѣтъ... нѣтъ!

Робертъ. Какъ это—нѣтъ! По-моему, не стоить труда притворяться, показывать какія-то ничтожныя чувства. Въ самомъ дѣлѣ,—не стоить!

Ида. Нѣтъ... нѣтъ.

Августа (сердито). Ты возмутителенъ, Робертъ!

Робертъ. Не имѣю намѣренія кого-нибудь возмущать!

Августа. А по мнѣ...

Робертъ. Ну, и далѣе.

Августа. Далѣе, далѣе...

Робертъ (съ притворнымъ изумленіемъ). Прости... Я думалъ... ты же больше не придаешь никакого значенія внешней красотѣ...

Ида (стараясь занять ссору). Ахъ, г. Робертъ...

Робертъ. Да... Я-то тутъ при чемъ...

Августа (почти даваясь слезами). Все ты!.. все ты!.. Только изъ-за тебя... Мои годы... слишкомъ подло!.. Г-жа Бухнеръ, развѣ это не такъ?.. Мнѣ... я... я... просидѣла здѣсь... у

матери... здѣсь... лучшіе... лучшіе годы... жизни... а вы... я... точно горничная...

РОБЕРТЬ. О, какъ эффектно... въ самомъ дѣлѣ!.. Тебѣ бы на сцену! (Другимъ тономъ, грубо) Брось, пожалуйста, эти свои скверныя шутки! И слушай: ты и этотъ твой мученическій вѣнецъ — ерунда это все. Гдѣ-то тамъ тебѣ было еще гораздо хуже, чѣмъ дома, вотъ это правда.

АВГУСТА. Мама! Будь свидѣтельницей: развѣ я не отклонила три предложенія?

РОБЕРТЬ. Какъ бы не такъ! Если бы только мать выложила пукныя денежки, ну, тогда, конечно, эти господа прихватили бы ужъ кстати и тебя.

Г-жа Шольцъ. Деньги? (Наступая на Роберта, хватая его за руку) Такъ возьми кухонный ножъ!.. Вырѣжь изъ меня! Вырѣжь изъ меня деньги!

АВГУСТА. Они — меня? Хочешь, я тебѣ сейчасъ покажу письма съ отказомъ?

Г-жа Шольцъ (перебывая). Дѣти! (Дѣлаетъ такое движеніе, точно подставляетъ грудь подъ смертельный выстрѣлъ) Вотъ сюда! Лучше сразу убейте меня! Неужели же нѣтъ у васъ хоть немного жалости ко мнѣ? Хотя вотъ столько?.. А?.. Великій Боже!.. пяти минутъ... Не знаю, чтѣ это за дѣти!.. Пяти минутъ не могутъ они пробыть мирно!

РОБЕРТЬ. Ну, конечно, я же только-что сказалъ: опять будетъ здѣсь нескладно.

(Фрибэ спускается озабоченный съ верхняго этажа. Что-то шепчетъ г-жѣ Шольцъ, та даетъ ему ключъ. Фрибэ уходитъ въ погребъ).

РОБЕРТЬ (молча слѣдилъ за всей этой сценой. Въ тотъ самый мигъ, когда Фрибэ исчезаетъ за дверью въ погребъ, восклицаетъ): Ага!

АВГУСТА (въ свой чередъ не сводитъ глазъ съ Роберта. Говоритъ съ раздраженіемъ). Нѣтъ у тебя ни къ чему уваженія, ни къ чему, ни къ чему!

РОБЕРТЬ. Ну, и дальше?

АВГУСТА. Но ты играешь комедію, ты жалко лжешь, а это — самое отвратительное!

РОБЕРТЬ. Ты имѣешь въ виду отца?

АВГУСТА. Конечно, отца!

РОБЕРТЬ (пожимая плечами). Если ты думаешь...

АВГУСТА. Да... если бы... если бы это было иначе, тогда... да... тогда... ты былъ бы негодной тварью.

Г-жа Шольцъ (вставляя въ нихъ разговоръ). Будетъ этому скоро конецъ... или, или...

Робертъ. Въ такомъ случаѣ я—негодная тварь? Ну-съ, а затѣмъ?

(Ида чего-то тревожно ждетъ, уходитъ въ стеклянную дверь).

Августа. Фу, безстыжій!

Робертъ. Безстыжій, совершенно вѣрно.

Г-жа Бухнеръ. Г. Робертъ! Не вѣрю я вамъ... Вы лучше, чѣмъ хотите заставить насъ думать... лучше, чѣмъ даже вы сами думаете...

Робертъ (со слабымъ, затѣмъ все взвинчивающимся сарказмомъ, холодно). Достоуважаемая г-жа Бухнеръ! Можетъ-быть, это чрезвычайно любезно... но, какъ говорится, — я не знаю хорошенъко, чѣмъ могъ я заслужить такую честь... Но я долженъ отклонить вашу любезность. Мое самоуваженіе, по крайней мѣрѣ — пока, еще вовсе не такъ незначительно, чтобы нуждаться въ чьей-нибудь...

Г-жа Бухнеръ (съ нѣкоторымъ смущеніемъ). Да я вовсе и не думала. Только... вашъ отецъ...

Робертъ. Мой отецъ для меня — докторъ медицины Фрицъ Шольцъ.

Августа. Да, да, поговори!

Робертъ. И если для меня этотъ человѣкъ все-таки не совсѣмъ такой же безразличный, какъ какой-нибудь дуракъ X или Y, то это потому, что я... ну, и такъ далѣе... (Куритъ). Что я... ну, да—я все-таки въ нѣкоторомъ родѣ продуктъ его глупости.

Г-жа Бухнеръ (точно олушенная). Простите! Тутъ ужъ я не могу... Какъ хватаетъ у васъ смѣлости говорить такъ?! Мнѣ прямо страшно.

Г-жа Шольцъ (обращаясь къ г-жѣ Бухнеръ). Пускай, пускай! Ты еще и не то увидишь у насъ...

Августа. Что же съ этимъ подѣлаешь, мать! Мы—такіе, какіе есть. Другіе, которые Богъ знаютъ какъ поступаютъ,—ничѣмъ не лучше.

Робертъ. Въ самомъ дѣлѣ, все еще есть наивныя души, которыя чувствуютъ себя скверно, если не могутъ чинить и улучшать своихъ ближнихъ. Старые предрасудки! Рутина!..

Г-жа Бухнеръ (беря Роберта за обѣ руки, съ искреннимъ чувствомъ). Г. Робертъ! Я чувствую, что служу одной опредѣленной цѣли. Это подчиняетъ меня. Отъ всего сердца говорю вамъ—вы меня не обидѣли.

Робертъ (нѣсколько растерявшись). Вы поразительная женщина.

ФРИБЭ (приходить из погреба. Въ лѣвой рукѣ у него три бутылки краснаго вина; держитъ, зажавъ горлышки между пальцевъ; подъ лѣвой рукой, подъ мышкой—бутылка коньяку, въ правой рукѣ—ключъ отъ погреба. Подходить къ г-жѣ Шольцъ, говорить озабоченно). Теперь скорѣе сигары!

Г-жа Шольцъ. Ахъ, Господи! Да не знаю я, Фрибэ, гдѣ онѣ.

Робертъ. Въ письменномъ столѣ.

Г-жа Шольцъ. Ахъ, правда! (Беретъ связку ключей и тревожно ищетъ нужный ключъ).

Августа. Ты же знаешь, какой ключъ отъ письменнаго стола.

Робертъ. Съ прямой бородкой.

Г-жа Шольцъ. Вѣрно! Постой!..

Робертъ. Дай-ка сюда...

Г-жа Шольцъ. Постой, постой!.. Вотъ! Ахъ, нѣтъ, не тотъ!.. Совсѣмъ спуталась!.. (Передавая Роберту связку) Нѣ!

Робертъ (снимаетъ нужный ключъ и передаетъ Фрибэ). Вотъ! Желаю, чтобы вамъ понравились сигары моего отца.

Фрибэ. Ну да! Какъ же! Онъ ихъ цѣлый день не выпускаетъ изъ зубовъ! (Сильный звонокъ). Иду, иду! (Фрибэ уходитъ наверхъ).

Г-жа Шольцъ. Ну, теперь скоро отъ вина ничего не останется! Великій Боже! къ чему все это приведетъ?! Постоянно вино, дорогія крѣпкія сигары! Говорю вамъ, онъ погубитъ себя.

Робертъ. Что же, каждый воленъ...

Г-жа Бухнеръ. Что хотите вы этимъ сказать?..

Робертъ. Каждый воленъ доставлять себѣ тѣ удовольствія, какія ему нравятся. Но крайней мѣрѣ, я ни за что не позволилъ бы посягать на это мое право, даже закону. А впрочемъ, странно!

Г-жа Бухнеръ. Что?

Робертъ. Странно!..

Г-жа Бухнеръ. Почему смотрите вы на меня такъ пристально? Станнымъ вамъ кажется что-то во мнѣ?

Робертъ. Какъ посмотрѣть. Вы уже столько дней у насъ и все еще не думаете о томъ, чтобы уѣхать.

Августа. Говорить такъ!

Г-жа Шольцъ. Конца этому не будетъ! (Съ отчаяніемъ качаетъ головой).

Робертъ (грубо и запальчиво). Что-жъ, мать, развѣ это не правда? Развѣ когда-нибудь кто-нибудь чужой могъ выдер-

жать у насъ больше половины дня?.. Развѣ всѣ они не убѣжали отъ насъ,—Ничше, Леманы?..

Августа. На что намъ чужіе люди?.. Довольно съ насъ насъ самихъ.

Робертъ. Да, совершенно вѣрно! (Грубымъ тономъ) Скажу я вамъ, г-жа Бухнеръ! Въ присутствіи совершенно чужихъ людей они такъ вѣплялись другъ другу въ волосы, что ключья летѣли! Мать срывала скатерть, отецъ билъ графиню съ водой. Весело, не правда ли?.. Веселыя сценки, веселыя дѣтскія впечатлѣнія?

Августа. Ты бы долженъ провалиться отъ стыда, подлецъ! (Быстро уходитъ).

Г-жа Шольцъ. Теперь видишь? И вотъ такъ я жила десятки лѣтъ, десятки лѣтъ! (Уходитъ возбужденная).

Робертъ (продолжаетъ вѣренно). Впрочемъ, чему тутъ удивляться! Сорокалѣтній мужчина женился на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ и притащилъ ее съ собою въ этотъ глухой, всѣми забытый уголокъ. Человѣкъ, служившій врачомъ въ турецкой арміи и путешествовавшій по Японіи. Развитой, предприимчивый умъ. Человѣкъ, который еще вчера носился съ самыми широкими планами, связалъ себя съ женщиной, которая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ была непоколебимо убѣждена, что можно разглядѣть въ небѣ Америку, какъ звѣзду. Да, да! Я не преувеличиваю. Только такіе результаты и могли получиться: стоячее, гнилое, бродящее болото, изъ котораго мы имѣли сомнительное удовольствіе произойти. Волосъ становится дыбомъ! Ни слѣда любви, ни тѣни взаимнаго пониманія, уваженія, — вотъ та почва, на которой выросли мы, дѣти,

Г-жа Бухнеръ. Г. Робертъ! Я бы очень просила васъ...

Робертъ. Хорошо!.. Не для чего мнѣ говорить! Да къ тому же исторія эта...

Г-жа Бухнеръ. Нѣтъ, нѣтъ! Я только хотѣла бы попросить васъ объ одномъ. Надо слѣшить.

Робертъ. Просить? меня?..

Г-жа Бухнеръ. Можетъ-быть, вы, ради меня... можетъ-быть... Развѣ это такъ ужъ совсѣмъ невозможно?.. Можетъ, вы хотѣ на сегодняшний вечеръ сбросили бы съ себя свою маску?

Робертъ. Великолѣпно!.. Сбросить маску?

Г-жа Бухнеръ. Да, потому что это—маска, а не ваше настоящее лицо.

Робертъ. Что вы говорите!

Г-жа Бухнеръ. Обѣщайте мнѣ, г. Робертъ...

Робертъ. Но я совсѣмъ не знаю...

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ... Вашъ братъ Вильгельмъ можетъ каждую минуту пріѣхать и...

Робертъ (перебивая). Г-жа Бухнеръ! Если бы вы... захотѣли... мнѣ... повѣрить! Всѣ ваши усилія... увѣряю васъ... совершенно напрасны. Все это ни къ чему не приведетъ, абсолютно ни къ чему. Всѣ мы изгажены до самаго основанія! Изгажены отъ рожденія, окончательно изгажены воспитаніемъ. Тутъ уже ничего не подѣлаешь. На видъ все какъ будто такъ славно: елка... свѣчи... подарки... семейный праздникъ... Но это только такъ, сверху, а на самомъ днѣ—мучительная, грубая ложь—больше ничего! А теперь еще отецъ. Если бы я не зналъ, какъ трудно отъ него чего-нибудь добиться,—честное слово, я бы подумалъ, что это вы привезли его сюда.

Г-жа Бухнеръ. Ей-Богу, нѣтъ! И это оживило мои надежды. Это не можетъ быть случайность, это—судьба. И оттого отъ всей души прошу я васъ: встрѣтите вы своего брата дружелюбно, ласково! Если бы вы знали, какъ хорошо онъ всегда говоритъ о васъ, съ какою любовью, съ какимъ уваженіемъ...

Робертъ (перебивая). Ну, и какая же цѣль?

Г-жа Бухнеръ. Т.-е. какъ?

Робертъ. Т.-е. чего ради долженъ я къ нему отнестись дружелюбно, ласково?

Г-жа Бухнеръ. Вы объ этомъ спрашиваете?

Робертъ. Да.

Г-жа Бухнеръ. Ну... прежде всего для того, чтобы не сдѣлать ему тягостнымъ возвращеніе въ родительскій домъ.

Робертъ. О, намъ нѣтъ другъ до друга никакого дѣла, какъ вы, вѣроятно, и предполагаете, а потомъ... впрочемъ, если вы думаете, что отъ появленія въ сихъ комнатахъ зашевелится въ немъ какое-то нѣжное чувство, вы...

Г-жа Бухнеръ. Вашъ братъ—такой хорошій, въ своей основѣ—такой благородный человѣкъ!.. Онъ выдержалъ страшную борьбу, прежде чѣмъ рѣшился на этотъ шагъ. Могу вамъ поручиться, онъ приходитъ сюда съ горячимъ желаніемъ примириться.

Робертъ. Совершенно не понимаю, что это значитъ: примириться! Съ чѣмъ же это хочетъ онъ примириться? Ничего подобнаго не понимаю. Вѣдь мы-то, братья, достаточно понимаемъ другъ друга. Это для меня совершенно

ново. Маѣ не въ чемъ упрекать его. Съ другой стороны, фактовъ не скроешь. Позвольте васъ спросить, какъ вы полагаете? Питаю я какое-нибудь особое уваженіе къ своему отцу?.. Конечно, нѣтъ!.. Или, можетъ-быть, люблю его?.. Можетъ-быть, испытываю признательность сына?.. Ну, такъ знайте—для всего такого нѣтъ у меня ни малѣйшихъ основаній. Всю жизнь были мы другъ для друга, въ лучшемъ случаѣ, ничѣмъ. А иногда, когда каждый изъ насъ считалъ другого виновнымъ въ своемъ несчастіи, мы даже ненавидѣли другъ друга. Ну, такъ вотъ, вспыхнула та же ненависть между отцомъ и Вильгельмомъ. Вполнѣ это понимаю. Можетъ-быть, только случайность, что я не поступилъ такъ же, какъ Вильгельмъ. Словомъ, я ничего не имѣю противъ него, — *notabene*,—когда не вижу его. Но какъ только встрѣчусь съ нимъ, летятъ всѣ мои разсужденія къ чорту, и тогда становлюсь я... того... ну, какъ бы это сказать?.. тогда... тогда... вижу я въ немъ только человѣка, который ударилъ по лицу моего отца,—не своего, но моего отца.

Г-жа Бухнеръ. О, великій Боже!

Робертъ. И тогда я не могу ни за что поручиться, буквально—ни за что.

Г-жа Бухнеръ. Боже, Боже! Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Ударилъ, говорите вы? По...лицу?.. своего собственнаго отца?

Робертъ. Ну, и такъ дальше...

Г-жа Бухнеръ (почти безсознательно). Боже!.. Великій Боже!.. Но... въ такомъ случаѣ... я хочу... я должна сейчасъ же поговорить съ вашимъ славнымъ, старымъ отцомъ... въ такомъ случаѣ...

Робертъ (глубоко испуганный). Съ кѣмъ?

Г-жа Бухнеръ (почти плача). Съ вашимъ славнымъ, старымъ, бѣднымъ, оскорбленнымъ отцомъ.

Робертъ (хочетъ ее удержать). Ради Бога, что хотите вы?..

Г-жа Бухнеръ. Оставьте меня! Я должна, должна... (Уходитъ по лѣстницѣ).

Робертъ (кричитъ ей вслѣдъ). Г-жа Бухнеръ! (Оборачивался) Истерія! Проклятая!

(Онъ пожимаетъ плечами и ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; нѣсколько разъ онъ вдругъ начинаетъ бѣжать, точно, хочетъ ее догнать, но каждый разъ дѣлаетъ это рѣшеніе, наконецъ совсѣмъ отказывается отъ него и заставляетъ себя успокоиться, доводитъ себя до парализаго равнодушія. Въ этомъ состояніи онъ сначала возится съ трубою: выколачиваетъ ее, приближаетъ свѣжій табакъ, который вынимаетъ изъ табачницы, закуриваетъ и нѣсколько мгновений какъ

Судно всецело отдается наслаждению курением. Затѣмъ его вниманіе попрежнему сосредоточивается на елѣ и на подаркахъ, разложенныхъ на столѣ. Онъ стоитъ передъ ними, широко разставивъ ноги, все разглядываетъ и нѣсколько разъ горько смѣется, не выпуская трубки изъ рта. Затѣмъ вдругъ приходитъ въ изумленіе и, вынувъ трубку изъ рта, наклоняется низко къ столу. Выпрямившись, точно только въ это мгновеніе замѣчаетъ, что онъ одинъ въ комнатѣ. Боязливо оглядѣвшись кругомъ, точно воровъ, снова наклоняется къ столу, торопливо хватаясь кошелекъ изъ желтаго шелка, подноситъ его ближе къ глазамъ и затѣмъ—къ губамъ, порывистымъ, страстнымъ движеніемъ. Въ это мгновеніе видна въ немъ вспышка, жуткой болезненной страстности. Какой-то шумъ пугаетъ его. Онъ сейчасъ же кладетъ кошелекъ на прежнее мѣсто. Робертъ хочетъ уйти потихоньку, идетъ на цыпочкахъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ собирается исчезнуть въ боковую дверь налѣво, онъ замѣчаетъ, что въ сосѣдную дверь входитъ г-жа Шольцъ и, притавившись, останавливается).

Г-жа Шольцъ (тяжелыми шагами, но быстро идетъ черезъ залу къ выходу на лѣстницу. Здѣсь прислушивается).

РОБЕРТЪ (оборачиваясь). Мать, скажи мнѣ! Чего, собственно, хочешь эта женщина?

Г-жа Шольцъ (испуганно). О, Господи, Боже мой! Какъ ты напугалъ...

РОБЕРТЪ. Чтò... зат... чтò, собственно, затѣваетъ здѣсь эта Бухнеръ? Я бы очень хотѣлъ знать...

Г-жа Шольцъ. Я бы лучше хотѣла знать... чтò отецъ... Чего онъ хочетъ?.. Да, скажи мнѣ! Чего... онъ хочетъ?

РОБЕРТЪ. Не откажешь же ты ему все-таки въ кровѣ?

Г-жа Шольцъ (почти плача, упрямо). Постичь не могу... Въдѣ столько времени не была... я ему нужна... По крайней мѣрѣ, можно было ни отъ кого не зависѣть... Теперь опять начнется все это... Теперь, на старости лѣтъ, опять придется быть точно маленькимъ ребенкомъ, кого-то слушаться.

РОБЕРТЪ. Ты не можешь не преувеличивать! Всюду одно и то же: надо, во что бы то ни стало, преувеличивать.

Г-жа Шольцъ. Ты только посмотри, чтò будетъ, когда онъ завтра увидитъ, что оранжерея пустая. Не могу же я держать особаго садовника!.. И муравьиныхъ ящичковъ тоже уже нѣтъ. По мнѣ, совершенно ни къ чему дѣйты, отъ нихъ только головная боль! И эти скверныя насѣкомыя!.. Не знаю, на что они ему. Но почему-то нужно разоряться изъ-за нихъ. Какой подымется гамъ! Я уже боюсь до смерти... Скверно стало жить на бѣломъ свѣтѣ!

РОБЕРТЪ (пока г-жа Шольцъ говоритъ это, пожимаетъ плечами и хочетъ уйти. При послѣднихъ словахъ останавливается и отвѣчаетъ). А развѣ когда-нибудь было лучше?

Г-жа Шольцъ. Ну, все-таки, я думаю!

Робертъ. Вотъ какъ? Во всякомъ случаѣ, это было до меня. (Уходитъ въ первую дверь направо).

Г-жа Шольцъ (снова прислушиваясь у лѣстницы). Когда я вспоминаю... Наверху говорятъ... (Глядитъ наверхъ, видитъ, что одна, снова тревожно вслушивается и наконецъ уходитъ, приложивъ руку къ уху, на лѣстницу. Лицо ея полно тоски, муки и любопытства).

(Въ стеклянную дверь входятъ Ида и Вильгельмъ. Вильгельмъ—средняго роста, сильный, на видъ—здоровый человѣкъ. Низко-остриженная русая голова. Платье на немъ сидитъ хорошо, но безъ щеголеватости. Пальто, шляпа, дорожная сумка. Лѣвая рука лежитъ на плечахъ Иды, она обняла его правой рукой. Онъ слегка упирается, она тянетъ его впередъ).

Ида. Ну вотъ видишь, ты ужъ и здѣсь! Главное уже сдѣлано.

Вильгельмъ (тяжело вздохнувъ). О, пѣть!

Ида. Можешь мнѣ повѣрить. Твоя мать очень, очень рада. И Густя тоже. (Она стагиваетъ съ него зимнія перчатки). Откуда онъ у тебя?

Вильгельмъ. Значитъ, ты уже знаешь мою... мать?

Ида. Еще бы, всѣхъ, дорогой мой! Съ сегодняшняго дня мы даже говоримъ другъ другу *ты*.

Вильгельмъ. И что же, какъ? Понравились они тебѣ?

Ида. Отличные, душевные люди,—вѣдь ты самъ знаешь.

Вильгельмъ (съ каждой секундой все смущеннѣе, точно говоря съ самимъ собою). Пора...зительно... (Глаза его падаютъ на сѣку. Заглядывшись на нее, онъ помимо своей воли остановился).

Ида (разстегивая ему пальто). Но, золото мое! Вѣдь не въ первый же разъ видишь ты сѣку...

Вильгельмъ. Здѣсь—въ первый... И ты не можешь, не можешь почувствовать такъ, какъ я... какъ необычайно...

Ида (снимаетъ съ него пальто. Онъ механически позволяетъ дѣлать это). Прошу тебя, прошу, Вилли! (Стоитъ передъ нимъ съ пальто на рукѣ, со шляпой и сумкой въ рукахъ). Вилли, посмотри на меня!.. (Желая вызвать въ немъ бодрость) Будь силенъ! (Секунду стоитъ вся вытянувшись, затѣмъ быстро относитъ въ сторону вещи и опять возвращается къ Вильгельму). Ты мнѣ об... обѣщать...

Вильгельмъ. Видѣла ты когда-нибудь... Ида... видѣла ты когда-нибудь... склепъ съ вѣнками...

Ида (испуганно). Вильгельмъ! (Бурно обнимаетъ его, виѣ себя) Это зло! Это въ самомъ дѣлѣ зло! Въ самомъ дѣлѣ, очень, очень зло...

Вильгельмъ (вѣжко прижимаетъ ее къ себѣ, съ подавляющимъ

волненіемъ). Ахъ, все это совсѣмъ не важно... (Холодно, задумчиво) Ну, ничего, ничего!..

Ида. Вотъ ты какой!

Вильгельмъ (осматривая елку). А такъ, кромѣ этого, все... по-старому... Ида!.. Право, ты должна принять это въ расчетъ!

Ида. Мнѣ вдругъ стало такъ страшно, Вилли! Можетъ-быть, въ концѣ концовъ было бы лучше, если бы... Мама, навѣрное, не знала, что тебѣ будетъ такъ, такъ тяжело, а я... я только думала... потому что мама говорила... я вовсе и не хотѣла. Но теперь... теперь, разъ ты уже зашелъ такъ далеко, будь... слышишь? Сдѣлай для меня!.. Ахъ! (Обнимаетъ его).

Вильгельмъ (котораго рука Иды притянула еще немного впередъ, съ глубокимъ внутреннимъ потрясеніемъ). Каждый шагъ впередъ... Чего только ни пережилъ я здѣсь!

Ида. Только не вороши... не вороши старого!

Вильгельмъ. Посмотри!.. Теперь мнѣ дѣлается ясно... Твоя мать не должна бы была совѣтовать мнѣ это... Она всегда такая увѣренная, такая... Вѣдь я же зналъ, я говорилъ ей... Но эта наивная, непоколебимая увѣренность... Я не долженъ былъ позволить ослѣпить себя...

Ида. Ахъ, Вилли, какъ тяжело все на тебя дѣйствуетъ. Повѣрь мнѣ, завтра ты будешь говорить иначе... когда опять увидишь ихъ всѣхъ... Ты будешь тогда, по крайней мѣрѣ, правъ передъ самимъ собою. Ты доказалъ, что серьезно хотѣлъ жить въ мирѣ со своей семьей.

Вильгельмъ. Когда видишь все снова... всѣ старыя мѣста... все воскресаетъ... Понимаешь? Прошлое подступаетъ такъ близко, такъ завладѣваетъ... кажется, что... дѣлаешься совершенно безоружнымъ.

Ида (обнимая его со словами). Когда я вижу тебя такимъ, Вильгельмъ... только не подумай... ради Бога, не подумай, что я побуждала бы тебя, если бы я могла только предполагать... не подумай этого! Мнѣ такъ страшно больно за тебя!

Вильгельмъ. Ида!.. Говорю тебѣ... могу тебя увѣрить, я долженъ бѣжать отсюда... Несомнѣнно!.. Для такого натиска я не выросъ... несомнѣнно! Можетъ-быть, это погубитъ меня... навсегда... Вѣдь ты еще дитя!.. Милое, чистое дитя, Ида. Ты не можешь знать... Слава Богу, что ты даже не можешь подозрѣвать... то, что меня, что человѣка, который близокъ тебѣ... говорю тебѣ... ненавижу! злоба!.. едва я вошелъ сюда...

Ида. Хочешь, уйдемъ отсюда? Сейчасъ же уйдемъ?

Вильгельмъ. Да, потому что... въ этой обстановкѣ... даже ты!.. Я ужъ едва отличаю тебя отъ другихъ... Я лишаюсь тебя!.. Я совершаю преступленіе уже однимъ тѣмъ, что ты здѣсь.

Ида. Ахъ, если-бы ты говорилъ, Вильгельмъ, немного яснѣе! Навѣрное, здѣсь произошло что-то ужасное, что...

Вильгельмъ. Здѣсь? Преступленіе! И оно тѣмъ страшнѣе, что не считается преступленіемъ. Здѣсь дали мнѣ жизнь и здѣсь же эту самую жизнь, говорю тебѣ... я могъ бы сказать—портити почти систематически... такъ что она стала мнѣ отвратительной, что я несъ, волочилъ ее, сгибаясь подъ ея тяжестью, какъ вьючное животное... И я спрятался, глубоко зарылся, не знаю, какъ назвать... Но вѣдь страдаешь и не говоря... Ненависть, ярость, раскаяніе, отчаяніе... нѣтъ покоя!.. День и ночь та же жгучая, пожирающая боль... (показываетъ на лобъ) здѣсь!.. (показываетъ на сердце) и здѣсь...

Ида. Что же мнѣ дѣлать, Вильгельмъ? Я уже не рѣшаюсь... что-нибудь посовѣтовать тебѣ... такая я...

Вильгельмъ. Вы бы должны были быть довольны... что я былъ счастливъ вдали. Тамъ, вдали отсюда, все было такъ хорошо, все прошлое такъ поблекло... Теперь только понимаю я, какъ далеко все то ушло отъ меня... (Сломленный напряженіемъ, падаетъ на стулъ).

Ида (подавляя крикъ). Вильгельмъ!

Г-жа Бухнеръ (быстро вбѣгаетъ черезъ арку передъ лѣстницей, бросается къ Вильгельму). Вильгельмъ, выслушайте меня, Вильгельмъ! Подумайте о томъ, о чемъ мы говорили. Теперь... если я дорога вамъ... заклинаю васъ... теперь докажите... Да, я требую... Я, какъ мать моего ребенка, хочу, чтобы вы... Вильгельмъ!.. Отъ васъ зависитъ... отъ васъ одного... Вильгельмъ, вы были страшно виноваты!.. На васъ ужасная вина... Вы узнаете снова радость... Я сдѣлала это... Я говорила съ вашимъ отцомъ. Онъ...

Вильгельмъ (всканиваетъ съ выраженіемъ оцѣпѣнія. Голосъ прерывается). Съ от... отцомъ?.. Какъ... съ м...моимъ от...цомъ? (Шатается, точно помѣшанный, хочетъ взять свои вещи).

Ида (страшно испуганная). Виль... В...

Вильгельмъ (знаками объясняетъ, чтобы его не удерживали).

Ида. Ахъ... мама... Вильгельмъ... ты... ты не должна была... сказать ему это такъ сразу.

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ! Вѣдь вы — мужчина! Вы

не могли обманывать насъ... Если есть въ васъ еще хоть искра любви къ намъ... къ Идѣ... Я взываю къ вамъ... Я женщина...

Ида (бросается къ Вильгельму, который уже взял свои вещи, и, обвивъ его руками, удерживаетъ его). Ты не долженъ уходить, или я... Мать! Если онъ уйдетъ, и я уйду съ нимъ!

Вильгельмъ. Почему... почему вы скрыли это отъ меня?

Ида. Мы ничего... ты не можешь такъ дурно объ насъ... мы ничего не скрыли.

Г-жа Бухнеръ. Всѣ мы—ваша мать, ваша сестра—также не имѣли никакого понятія... совершенно такъ же, какъ вы сами. Онъ появился лишь нѣсколько минутъ назадъ... не предупредивъ. И тогда я сейчасъ же подумала...

Вильгельмъ. Кто вамъ сказать о... томъ?

Г-жа Бухнеръ (беря со слезами его руку). Вы страшно, страшно виноваты.

Вильгельмъ. Значить, вы знаете?..

Г-жа Бухнеръ. Да, теперь...

Вильгельмъ. Все?

Г-жа Бухнеръ. Да, все... Вотъ видите, я была права... что носили вы какое-то бремя. Это была тайна.

Вильгельмъ. Вы знаете, что я...?

Г-жа Бухнеръ (киваетъ утвердительно головой).

Вильгельмъ. А Ида?.. Должна ли она пасть жертвою такого человѣка... такого, какъ я... она знаетъ?.. И ты, Ида, ты тоже знаешь?

Ида. Нѣтъ, Вильгельмъ... только... знаю я, или нѣтъ... право же, это совершенно безразлично.

Вильгельмъ. Нѣтъ... Эта рука, которую ты... которую ты часто... Эта рука... (Обращаясь къ г-жѣ Бухнеръ) Вѣдь вы это?..

Г-жа Бухнеръ (утвердительно киваетъ головой).

Вильгельмъ (Идѣ). Какъ постыдно обманулъ я тебя!.. Не могу этого вынести... Потому!..

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ! Я знаю, чего я хочу, по я... Вы должны унизиться передъ вашимъ бѣднымъ отцомъ... Только тогда почувствуете вы себя снова совсѣмъ свободнымъ. Молите его! Просите его! Ахъ, Вильгельмъ, вы должны это сдѣлать! Вы должны обнять его колѣни... И если онъ наступитъ на васъ ногой, — не противьтесь! Не пророните ни слова! Будьте кротки, какъ ягненокъ! Повѣрьте мнѣ—женщинѣ, которая хочетъ вамъ только самаго лучшаго.

Вильгельмъ. Вы не знаете... Вы не понимаете, чего вы отъ меня... О, вы должны благодарить Бога, г-жа Бухнеръ, что Онъ скрылъ отъ васъ вашу собственную жестокость. Пусть это мерзко. Пусть то, что я сдѣлалъ, мерзко. Но то, что я вытерпѣлъ, вотъ тутъ, что я перестрадалъ, какъ боролся съ самимъ собою... Эти ужасныя муки... Все звалили онъ на меня... и наконецъ ко всему еще и эту проклятую вину... И все-таки!.. (Долго, глубоко смотритъ въ глаза Идѣ и приходитъ къ твердому рѣшенію). Можетъ-быть, все-таки мнѣ удастся!..

(Запавъсь падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната пуста. Она освѣщается частью краснымъ фонаремъ, спускающимся надъ лѣстницей, но главнымъ образомъ свѣтомъ изъ соседней комнаты, который проникаетъ черезъ открытыя двери налѣво. Въ соседней комнатѣ ужинають, какъ можно судить по звону стакановъ, стуку тарелокъ, ножей и вилокъ.

(Идѣ, слѣдомъ за ней Вильгельмъ выходятъ изъ соседней комнаты).

Идѣ. Наконецъ-то! (Привѣтливо) Теперь, Вилли, нужно тебѣ подумать объ отцѣ! Не сердись на меня, но если ты долженъ въ чемъ-то извиниться передъ отцомъ,—не надо ждать, когда онъ спустится внизъ къ тебѣ...

Вильгельмъ. Отецъ хотѣлъ сойти къ ужину?

Идѣ. Разумѣется. Мама ему...

Вильгельмъ (вдругъ стремительно, въ порывѣ страсти, обнимаетъ Иду и прижимаетъ къ себѣ).

Идѣ. Ой!.. Ахъ, ты... вдругъ кто-нибудь... Ты мнѣ всѣ волосы...

(Руки Вильгельма безсильно скатываются. Онъ складываетъ руки, опускаетъ голову. Быстро прядя въ себя, онъ стоитъ передъ нею, точно пойманный преступникъ).

Идѣ (поправляя волосы). Какой ты... точно буря...

Вильгельмъ. Ты зовешь это бурей... я называю... со-вѣтъ... иначе...

Идѣ. Ну, Вилли! Чего же ты опять сталъ сразу такой убитый? Право, ничего съ тобою нельзя подѣлать.

Вильгельмъ (судорожно беретъ ея руки, кладетъ ей свою руку на плечо и быстро улекаетъ ее впередъ по комнатѣ). Ничего нельзя подѣлать... Да, видишь... Именно этого... ничего я такъ не боялся, какъ того, чтобы я... чтобы всѣ твои уси-

лія изъ-за меня не были напрасными... И такъ отвратительно быстро мѣняюсь! (Показывал на лобъ.) Здѣсь никогда не бываетъ спокойно. Въ секунду рѣшаются всѣ судьбы. Я боюсь самого себя. Бѣжать отъ самого себя, — можешь ты себѣ это представить? А вотъ я, понимаешь ты, такъ бѣгу отъ себя... всю свою жизнь.

Ида. Въ концѣ концовъ... Ахъ, нѣтъ, это не годится...

Вильгельмъ. Говори, говори!..

Ида. Иногда... уже нѣсколько разъ думала я... въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько разъ казалось мнѣ, будто... только ты не сердись... будто ничего того, отъ чего ты долженъ былъ бы бѣжать, вовсе и нѣтъ. И я даже... уже...

Вильгельмъ. О, нѣтъ, не вѣрь этому! Слѣдила ты за Робертомъ, видѣла ты?

Ида. Нѣтъ. А что?

Вильгельмъ. Замѣтила ты, какъ онъ со мной поздоровался? Вотъ онъ, видишь, онъ знаетъ, что я долженъ бѣжать. Вотъ этотъ знаетъ меня. Спроси его, — этотъ тебѣ объяснитъ! И онъ этимъ угрожаетъ мнѣ. Ты, ты... это я лучше знаю. Ты только обрати вниманіе, какъ онъ всегда глядитъ на меня! Точно говоритъ: «тебѣ, должно-быть, страшно, ты долженъ бояться». Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, любезный братецъ, все-таки до такой степени мы еще не жалки. Теперь ты, конечно, понимаешь, Ида, что я не долженъ этого допустить... я хочу сказать, не должно быть у тебя на мой счетъ иллюзій. Тутъ возможно только одно: все во мнѣ должно быть открыто передъ тобой... Я добиваюсь этого... И когда ты будешь знать меня всего, тогда... Я хочу сказать, если и тогда я не буду тебѣ противенъ... или если ты... будешь въ состояніи любить меня... тогда... это было бы... тогда воскресло бы во мнѣ что-то... бодрое, гордое.. Тогда могъ бы я жить, даже если бы они всѣ презирали меня... (Ида очень доверчиво прислоняется къ нему). А теперь... теперь я и тебѣ... прежде чѣмъ подымусь паверхъ къ отцу... Ты знаешь, что я думаю?

Ида (наклоняетъ голову).

Вильгельмъ. Теперь ты... я долженъ пересилить себя и сказать тебѣ, что было между мною... и моимъ... отцомъ... Да, Ида, я хочу это сдѣлать... (Они ходятъ, взявъ другъ друга подъ руку). Ты представь себѣ! Я пріѣзжалъ сюда погостить... нѣтъ... нельзя начинать только съ этого... Нужно начать раньше... Ты вѣдь знаешь, я тогда уже довольно долгое

время самъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни... Да развѣ я тебѣ ничего не рассказывалъ объ этомъ?..

Ида. Нѣтъ... Только спокойнѣе... только, Вилли, не волнуйся напрасно...

Вильгельмъ. Видишь, вотъ тебѣ еще доказательство того, что я—трусъ. До сихъ поръ не хватило у меня смѣлости рассказать тебѣ о моемъ прошломъ. Во всякомъ случаѣ, и на это нужна смѣлость... Чѣмъ-то рискуешь,—и передъ самимъ собою... Все равно! Если бы я не могъ преодолѣть себя въ этомъ, какъ бы нашелъ я въ себѣ силъ—подняться къ отцу?!

Ида. Ахъ, не мучь ты себя!... Теперь столько всего надвигается на тебя.

Вильгельмъ. Тебѣ страшно?.. Какъ? Ты боишься услышать что-то такое...

Ида. Фу, фу, ты не долженъ такъ говорить!

Вильгельмъ. Ну, итакъ, — представь ты себѣ: тамъ наверху жилъ отецъ. Пока онъ не женился на матери, онъ жилъ одиноко и скоро опять сталъ жить такъ же; опять сталъ вести свою одинокую, уединенную жизнь... Затѣмъ вдругъ набросился на насъ — на Роберта и меня; на Августу онъ не обращалъ никакого вниманія... Каждый день цѣлыхъ десять часовъ корпѣли мы надъ книгами... Когда я вижу, даже теперь, эту тюрьму... Она около его рабочей комнаты... Ты же видѣла!

Ида. Это большая зала наверху?..

Вильгельмъ. Да... Когда мы входили въ эту комнату, — для насъ наступала ночь, хотя бы солнце било яркими лучами въ окна... Ну, вотъ видишь, тогда мы бѣжали къ матери... Мы попросту убѣгали отъ него... И тогда разыгрывались всякія сцены... Мать тащила меня къ себѣ за лѣвую руку, отецъ—за правую... Доходило до того, что Фрибе хваталъ насъ и волочилъ наверхъ. Мы отбивались, кусали ему руки; конечно, все это ничему не помогало, жизнь наша только дѣлалась еще болѣе несносной... Но мы не хотѣли покориться. И—теперь я знаю это—отецъ началъ насъ ненавидѣть. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ разъ не спустилъ насъ съ лѣстницы. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ насъ переносить, видъ нашъ сталъ ему противенъ.

Ида. Но вѣдь твой отецъ — ты признаешь это? — хотѣлъ вамъ только добра. Вы должны были много учиться...

Вильгельмъ. Да, пожалуй, до нѣкоторой степени...

тогда были у него хорошія памѣренія. Но въ то время вѣдь мы были мальчиками девяти или десяти лѣтъ. А затѣмъ добрыя напѣренія прекратились. Напротивъ, тогда у него явилось желаніе, чтобы мы совершенно погибли... Да, да! На зло матери... Цѣлыхъ пять лѣтъ были мы всецѣло предоставлены самимъ себѣ... на насъ махнули рукой... Мы стали бандитами и ворами... У меня все-таки еще что-то было,—я набросился на музыку. У Роберта же не было ничего... Но мы набросились и на совсѣмъ другое... и врядъ ли когда-нибудь отдѣлаемся мы отъ послѣдствій этого... Наконецъ отецъ все-таки опоминился. Между нимъ и матерью происходили ужасныя сцены: Насъ забрали и помѣстили въ какое-то учебное заведеніе. Но я уже никакъ не могъ привыкнуть къ тамошней подневольной жизни и бѣжалъ. Тогда отецъ велѣлъ меня поймать и доставить въ Гамбургъ: онъ рѣшилъ сослать негодяя въ Америку... Конечно, негодяй снова бѣжалъ. Я забылъ о существованіи родителей, я голодалъ и собственными кулаками прокладывалъ себѣ дорогу въ жизни. У Роберта была приблизительно такая же жизнь. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ отца такъ и остались мы ни на что негодными людьми... Какъ-то разъ потомъ я былъ настолько наивенъ, что потребовалъ—не попросилъ, а потребовалъ—отъ него поддержки. Я хотѣлъ поступить въ консерваторію. Въ отвѣтъ онъ написалъ мнѣ на открыткѣ: «сдѣлайся саножникомъ!»... Такимъ-то образомъ, Ида, сдѣлались мы своего рода *self made man*... Но мы не очень горды этимъ.

Ида. Право, Вили... право, я не могу иначе... я во всемъ сочувствую тебѣ... но... сейчасъ я не могу въ серьезъ... не смотри на меня такъ странно, прошу тебя... прошу...

Вильгельмъ. Право, это очень печально... а совсѣмъ не смѣшно...

Ида (не умѣя сдержатъ себя). Это — чувство торжества, Вильгельмъ! Я должна тебѣ сказать... пускай это эгоистично... но я такъ страшно рада... что тебѣ нужно все это... Я хочу такъ любить тебя, Вильгельмъ!.. Я такъ сразу увидала, къ чему, къ какой цѣли стремиться. Ахъ, я совсѣмъ смущена!.. Я очень жалѣю тебя. Но тѣмъ болѣе жалѣю, тѣмъ сильнѣе моя радость. Понимаешь ты, что я хочу сказать? Я думаю... мнѣ кажется... можетъ-быть, я могла бы тебѣ... все, чего у тебя не было... всю любовь... я хочу сказать... я могла бы тебѣ... такъ полно...

Вильгельмъ. Если бы только я... заслуживать... По-

тому что сейчас я долженъ рассказать... что касается... меня одного... Нѣсколько лѣтъ назадъ... нѣтъ, т.-е... Я потомъ приѣхалъ сюда, чтобы навѣстить мать... Пойми это вполне ясно, Ида!.. Когда я снова увидалъ здѣсь все горе... Пойми, пойми вполне... какъ тяжело было мнѣ...

Ида. Твоя мать... очень страдала?

Вильгельмъ. Во многихъ отношеніяхъ я думаю теперь о матери иначе. Но, во всякомъ случаѣ, главная вина лежить на отцѣ. Тогда же мнѣ представилось, что онъ насильно держитъ мать около себя. И я захотѣлъ, чтобы она разсталась съ нимъ.

Ида. Но... этого... твоя мать не могла...

Вильгельмъ. Она и не послушалась меня. У нея не было для того мужества... Теперь... теперь ты, вѣроятно, можешь себѣ представить, какими глазами я смотрѣлъ на отца.

Ида. Послушай, Вильгельмъ, можетъ-быть, все-таки ты не былъ вполне правъ относительно твоего отца...

Вильгельмъ (не обращая вниманія на замѣчаніе Иды). Одинъ разъ... я сдѣлалъ... глупость... У меня былъ другъ... Нѣтъ, чепуха, не другъ... случайный знакомый... музыкантъ... Ну, такъ вотъ, я привезъ его сюда съ собою... Это подѣйствовало освѣжающе на мать... Она играла съ нимъ каждый день... цѣлую недѣлю... въ четыре руки. И вотъ... Это ужасно, волосы встаютъ дыбомъ... Я говорю правду, вотъ какъ то, что я стою передъ тобою... Не было и тѣни чего-нибудь... И въ концѣ недѣли... горничная бросила ей въ лицо... что она...

Ида. Прости!.. Я не п... что?..

Вильгельмъ. Будто мать!.. будто она... будто моя мать... ты представь себѣ!.. Они осмѣлились открыто упрекать ее, что она... въ какихъ-то отношеніяхъ... съ... т.-е... я заставилъ говорить... Нахалы!.. Сказали, будто бы кучеръ... Я къ кучеру, и онъ... онъ... онъ прямо заявляетъ мнѣ, что онъ отъ барина... отъ самого барина... Разумѣется... Какъ же могъ я ему повѣрить? Или... по крайней мѣрѣ... я отказывался вѣрить... пока я не подслушалъ... разговоръ... какъ отецъ... въ конюшнѣ... говорилъ съ этимъ парнемъ... и... можешь мнѣ... повѣрить... у меня... отнялись руки... когда я... тамъ... услышалъ... какъ онъ... говорить... о... моей... матери...

Ида. Только успокойся... не надо... не волнуйся такъ страшно... Видь ты совѣтъ...

Вильгельмъ. Не знаю... Знаю только... — захватываетъ насъ что-то... воля... соломинка... Нужно это испытать... Точно что-то рухнуло на меня... Такое состояніе, какъ будто... И въ такомъ состояніи я вдругъ оказался въ комнатѣ отца... Я взглянулъ на него... Онъ что-то... не могу теперь припомнить, — что... И тогда я его... буквально... этими... обними... руками... по...ка...ра... (Онъ съ трудомъ держится на ногахъ).

Ида (ея глаза полны слезъ; она ихъ вытираетъ, нѣсколько секундъ смотритъ въ упоръ на Вильгельма, блѣдная, потрясенная, затѣмъ, тихо плача, цѣлуетъ его въ лобъ).

Вильгельмъ. Ты милосердна.

(Наверху, на лѣстницѣ, слышенъ голосъ доктора).

Вильгельмъ. Ну, а теперь... (Выпрямляется. Ида еще разъ цѣлуетъ его. Онъ судорожно схватываетъ ея руку. Когда голосъ доктора затихаетъ, изъ сосѣдней комнаты слышенъ веселый смѣхъ).

Вильгельмъ (говоритъ, подразумѣвая и этотъ смѣхъ и приближеніе доктора, спускающіеся шаги котораго слышны на лѣстницѣ). У васъ—поразительная сила! (Они ободряюще жмутъ другъ другу руку, затѣмъ Ида отходитъ отъ Вильгельма. Прежде чѣмъ уйти, она еще разъ оборачивается, беретъ Вильгельма за руку и говоритъ: «Будь тверды!». Уходитъ).

Д-ръ Шольцъ (еще на лѣстницѣ). Эй Чепуха! Направо, Фрибэ... Э... За локоть... не держать, не держать... Чортъ побери!..

Вильгельмъ (чѣмъ ниже спускается по лѣстницѣ докторъ, тѣмъ сильнѣе возбужденіе Вильгельма. Краски на лицѣ часто мѣняются; проводитъ рукою по волосамъ; глубоко дышитъ; дѣлаетъ такія движенія правой рукою, точно играетъ на роялѣ, и т. д. Ясно видно, какъ борются въ немъ различныя чувства, какъ колеблется онъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ какъ будто уже хочетъ бѣжать, но его приковываетъ къ мѣсту появленіе доктора. Онъ схватился за спинку стула, чтобы удержаться на ногахъ, и стоитъ, дрожа, весь блѣдный. Докторъ также остановился, вытянувшись во весь свой внушительный ростъ, и обмѣриваетъ сына взглядомъ, въ которомъ—искупъ, ненависть и презрѣніе. Тихо. Фрибэ, который также вошелъ въ комнату, поддерживалъ доктора и свѣтя ему, пользуется этой минутой, чтобы ускользнуть въ кухню. Вильгельмъ, повидимому, съ физической болью переживаетъ душевную борьбу. Онъ хочетъ говорить, но горло сжалось, нѣтъ звука, и только беззвучно шопшутъ что-то губы. Снизаетъ руку со спинки стула и идетъ къ старику. Идетъ неувѣренно, шатается, останавливается, снова хочетъ говорить, но не въ силахъ, шлетется дальше и падаетъ, сложивъ руки, къ ногамъ старика. Въ лицѣ доктора послѣдовательно мѣняются выраженія ненависти, изумленія, нарастающаго состраданія, смущенія).

Д-ръ Шольцъ. Мальчикъ... мой милый мальчикъ! мой... (Старается поднять его) Встань же... (Беретъ обѣими руками пишущую голову Вильгельма и поворачиваетъ къ себѣ) Погляди

на меня... мальчикъ... погляди же на меня... Ахъ, да что же... съ..?

Вильгельмъ (шевеливъ губами).

Д-ръ Шольцъ (дрожащимъ голосомъ). Что... что... ты говоришь? Я...

Вильгельмъ. От... отецъ... я...

Д-ръ Шольцъ. Какъ?.. Что ты говоришь?..

Вильгельмъ. Я... тебя... тебя... о...

Д-ръ Шольцъ. Глупости, глупости!.. Не будемъ теперь... о такихъ...

Вильгельмъ. Я... съ тобою... какъ преступникъ...

Д-ръ Шольцъ. Глупости! Глупости!.. Я не знаю, зачѣмъ ты... что было—быльемъ поросло. Сдѣлай мнѣ такое одолженіе, мальчикъ!

Вильгельмъ. Тенерь... сними съ меня... сними съ меня эту тяжесть...

Д-ръ Шольцъ. Простилъ и забылъ, мальчикъ! Простилъ и забылъ...

Вильгельмъ. Благодарю... (Глубоко вздохнулъ и потерялъ сознание).

Д-ръ Шольцъ. Мальчикъ! Да что же это, что ты со мною дѣлаешь!.. Что... (Поднимается, танцуетъ упавшаго въ обморокъ къ ближайшему стулу. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ усадить его, быстро входитъ изъ соседней комнаты Ида, Робертъ, Августа, г-жа Шольцъ и г-жа Вухнеръ, изъ кухни—Фрибэ).

Д-ръ Шольцъ. Вина! Скорѣ немного вина! (Ида уходитъ и сейчасъ же возвращается съ виномъ).

Г-жа Шольцъ. О, Господи, Господи, Господи!.. Скорѣ опрыскайте водою!

Д-ръ Шольцъ (вливаетъ ему въ ротъ вина).

Августа. Что такое произошло?

Ида (блѣдная, въ слезахъ, прижимается щекою къ лицу Вильгельма). Холодный, какъ ледъ.

Г-жа Шольцъ. Я хотѣла бы только знать, изъ-за чего мальчикъ такъ взволновался... Мнѣ совершенно...

Робертъ (хватаетъ ее за руку и перебиваетъ). Мать!

Г-жа Вухнеръ. Опрыскать, опрыскать, г. докторы!

Д-ръ Шольцъ. Шш... шш... Нѣтъ ли у васъ одеколона?

Г-жа Вухнеръ. Есть. (Передастъ ему флаконъ) Вотъ!

Д-ръ Шольцъ. Благодарю... (Онъ третъ Вильгельму лобъ).

Ида (доктору). Но пѣдь, надѣюсь... не правда ли?.. Это только... (Она рыдаетъ). Ахъ, у него такой страшный видъ... точно... точно мертвый...

Робертъ (утѣшаетъ Иду).

Г-жа Шольцъ. Мальчикъ весь въ поту! (Огираетъ ему лобъ).

Вильгельмъ (зѣваетъ).

Д-ръ Шольцъ. Шшш... (Онъ и всѣ другіе напряженно смотрятъ на Вильгельма).

Вильгельмъ (откидывается, потягивается, открываетъ и сейчас же закрываетъ глаза. Точно въ полуснѣ, укладываетъ голову шкъ будто для сна).

Д-ръ Шольцъ (внятно). Слава Богу! (Поднимается, отираетъ лобъ платкомъ и, взволнованный, немного смущенный, оглядываетъ окружающихъ. Ида, смѣясь и плача, бросается на шею къ матери. Робертъ едва сдерживаетъ волненіе, стоитъ со сложенными руками и скользитъ глазами послѣдовательно по всѣмъ присутствующимъ. Августа быстро ходитъ взадъ и впередъ, прижимая скомканный платокъ ко рту, и каждый разъ, проходя мимо Вильгельма, на мгновеніе останавливается, испытующе взглядываетъ на него. Фрибъ уходитъ на цыпочкахъ. Взглядъ доктора встрѣчается съ глазами жены. Она робко и несмѣло подходитъ, тихо беретъ его руку и похлопываетъ его по плечу).

Г-жа Шольцъ. Старичокъ мой!..

Августа (подражаетъ матери, обвиняетъ и цѣлуетъ отца. Тотъ позволяетъ, не вынимая руки изъ руки жены).

Августа (обнявъ отца). Мой дорогой папочка!

Робертъ (вдругъ рѣшившись, подходитъ къ отцу и трясетъ ему руку).

Г-жа Шольцъ (выпускаетъ руку доктора и подводитъ къ нему Иду).

Д-ръ Шольцъ (взглядываетъ на Иду, затѣмъ на Вильгельма, потомъ смотритъ вопрошающе на г-жу Бухнеръ).

Г-жа Бухнеръ (утвердительно киваетъ головой).

Д-ръ Шольцъ (дѣлаетъ движеніе, которое выражаетъ приблизительно слѣдующее: «Я не хочу что-либо сказать, я, можетъ-быть, ошибаюсь»). Затѣмъ протягиваетъ руку дѣвушкамъ).

Ида (подходитъ, беретъ его руку, наклоняется и цѣлуетъ ее).

Д-ръ Шольцъ (испуганно отдергиваетъ руку).

Вильгельмъ (глубоко вздыхаетъ. Всѣ пугаются).

Августа (въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, дѣлаетъ знакъ г-жѣ Шольцъ и уходитъ).

Г-жа Шольцъ (дѣлаетъ знаки доктору, которые должны означать: «для больного лучше, если всѣ уйдутъ въ сосѣднюю комнату»).

Д-ръ Шольцъ (киваетъ утвердительно головою и осторожно уходитъ рука объ руку съ г-жою Шольцъ).

Г-жа Бухнеръ (которой Ида даетъ понять, что она хочетъ остаться подлѣ Вильгельма, также уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Робертъ (тихо). Фрейлейнъ Ида, быть-можетъ, вы... позволите мнѣ подежурить...

Ида (радостно изумленная). Отъ всей души! (Она жметъ ему руку и уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Робертъ (подвигаетъ стулъ къ стулу Вильгельма и опускается на него, смотря на спящаго брата. Черезъ нѣсколько мгновеній вынимаетъ изъ кармана трубку, чтобы закурить, но въ-время вспоминаетъ о присутствіи больного и сейчасъ же причесть ее назадъ).

Вильгельмъ (вздыхаетъ и потягивается).

Робертъ (тихо и осторожно). Вильгельмъ!

Вильгельмъ (откашливается, съ изумленіемъ, не понимая, гдѣ онъ, открываетъ глаза и говоритъ послѣ паузы, точно только сейчасъ дошло до него обращеніе Роберта). Да!

Робертъ. Какъ ты себя теперь чувствуешь?

Вильгельмъ (посмотрѣвъ нѣкоторое время съ раздумьемъ на Роберта, говоритъ слабымъ голосомъ). Робертъ?.. Да?..

Робертъ. Да, это я... Робертъ... Ну, какъ мы сейчасъ?..

Вильгельмъ. Хорошо... (Откашливается). Теперь совсѣмъ хорошо... (Онъ принужденно смѣется, дышетъ слабое усиліе подняться и сейчасъ же снова падаетъ).

Робертъ. Чтѣ ты! Еще слишкомъ рано, да?

Вильгельмъ (утвердительно киваетъ головой, вздыхаетъ, безсильно закрываетъ глаза. Потомъ широко открываетъ ихъ. Спокоенъ, говоритъ тихо, но отчетливо). Чтѣ такое, собственно, произошло?

Робертъ. Знаешь, Вильгельмъ, по-моему—самое лучшее—оставимъ пока это, не будемъ касаться... Увѣряю тебя лишь въ одномъ: что мнѣ, во всякомъ случаѣ, это всегда казалось невозможнымъ.

Вильгельмъ (воодушевленно). И мнѣ—также.

Робертъ. Да и какъ бы... а! Чепуха! Этого абсолютно немыслимо было предусмотрѣть! А все-таки случилось.

Вильгельмъ. Да... теперь мнѣ кажется... все болѣе... это... было... такъ хорошо... (Глаза его наполняются слезами).

Робертъ (съ легкой дрожью въ голосѣ). Все-таки мы сентиментальны, какъ женщины... Только одно совершенно несомнѣнно: обвинили мы человѣка... такъ, зря... старика-то мы не знали.

Вильгельмъ. Отца?.. Нѣтъ! Вѣдь всѣ мы — такіе слѣпые, слѣпые!

Робертъ. Да, видитъ Богъ,—это правда...

Вильгельмъ. Какъ все это странно! Вѣдь онъ насъ любитъ! Вѣдь онъ, этотъ старикъ, — такой безгранично-добрый!..

Робертъ. Да, онъ можетъ быть добрымъ; до сихъ поръ я этого не зналъ.

Вильгельмъ. Я начинаю что-то различать сквозь весь этот туманъ!..

Робертъ. Какъ тебѣ объяснить... Умомъ... и такъ какъ-то... я уже давно это понялъ. И все такъ и случилось. Я не винилъ отца... Т.-е., я хочу сказать, уже давно пересталъ винить... ни за себя, вообще ни за кого изъ насъ. Но сегодня я это *почувствовалъ*; а это, можешь ты мнѣ повѣрить, совсемъ другое... Честное слово, это все во мнѣ спутало... Когда я увидалъ его такимъ... какъ онъ хлопоталъ около тебя... точно что ошеломило меня! И я все время спрашиваю себя: такъ почему же... почему же... Вотъ, вѣдь теперь же это ожило въ насъ, значить — было это въ насъ... Такъ почему же раньше не прорвалось это наружу? въ отца, въ тебѣ... и, ей-Богу, и во мнѣ... Жило же это въ насъ! А онъ... я хочу сказать — отецъ, да и мы... столько дѣтъ душили все это въ себѣ...

Вильгельмъ. Теперь стало мнѣ ясно: человѣкъ не только каждому изъ своихъ ближнихъ показываетъ себя съ какой-то оробой стороны, но и на самомъ дѣлѣ для каждого опъ—иной!..

Робертъ. Почему же должно быть такъ между нами? Почему непременно должны мы всегда отталкивать другъ друга?

Вильгельмъ. Я тебѣ отвѣчу. Нѣтъ въ насъ сердечной доброты! Возьми, напримѣръ, Иду! То, что ты надумалъ умомъ, въ ней живетъ. Она никогда не судитъ. Все принимаетъ она такъ мягко, съ такимъ состраданіемъ,—все. И это дѣйствуетъ такъ, понимаешь ты,—такъ, что... И это-то, думаю я, и есть...

Робертъ (вставалъ). Какъ ты себя теперь чувствуешь?..

Вильгельмъ. Такъ свободно...

Робертъ. Э! Къ чему все это!.. Да... Что это я хотѣлъ... сказать?... Да, можетъ-быть, все у васъ и устроится!

Вильгельмъ. Т.-е. что?

Робертъ. Ну, какъ же... ты и Ида... ну, и Ида, разумѣется.

Вильгельмъ. Можетъ-быть... У нихъ у обоихъ есть сила... и у г-жи Бухнеръ... но главнымъ образомъ у Иды. Я подумалъ, что это могло бы меня спасти... Сначала я противился...

Робертъ (задумчиво). Да, въ нихъ есть... въ нихъ есть сила, и оттого-то... сперва... говоря откровенно... я осуждалъ тебя.

Вильгельмъ. Я это ясно чувствовалъ.

Робертъ. Ты поймь, — я слышалъ о помолвкѣ, затѣмъ увидалъ Иду; бѣгаетъ вверхъ и внизъ по лѣстницѣ и поетъ, такъ радостно... безъ какой-нибудь мысли о...

Вильгельмъ (встаетъ). И я понималъ тебя, я даже признавалъ, что ты правъ, чего же ты хочешь!

Робертъ. Ну, конечно! Вѣдь и я тоже... Вѣдь разъ такъ, то это совсѣмъ другое дѣло... Я долженъ согласиться... какъ говорится... вообще... Ну, теперь чувствуешь себя хорошо?

Вильгельмъ. Совершенно.

Робертъ. Значитъ, сейчасъ пойдешь туда?

Вильгельмъ. Хочу только еще... Ступай пока ты!

Робертъ. Хорошо! (Идетъ, затѣмъ возвращается). Послушай! Не могу иначе, долженъ сказать тебѣ, — все твоё поведеніе... съ отцомъ... и... вообще — это заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія... Я тоже такъ... обручился на тебя... со своей проклятой тупостью. А, чертъ бы побралъ! Понимашь ты, въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ почувствовалъ я снова какую-то такую непреодолимую потребность... плюнуть самому себѣ въ лицо! Удовлетворенъ ты, а?.. Да, того... сдѣлай мнѣ еще такое одолженіе... если я тебя... вотъ именно... все время причинялъ тебѣ боль, съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь... Ну, такъ вотъ, — я очень объ этомъ жалѣю! Слышишь!

Вильгельмъ. Братъ! (Они съ чувствомъ жмутъ другъ другу руки).

Робертъ (спокойно вынимаетъ свою руку изъ руки Вильгельма, вытаскиваетъ свою трубку, закуриваетъ, затлгивается и говоритъ въ пространство). Акробатскія... души! Пф... пф... Ну, и такъ дайте. (Поворачивается, чтобы идти. Прежде, чѣмъ открыть дверь въ сосѣднюю комнату, говоритъ черезъ плечо Вильгельму). Я сейчасъ... пошлю ее къ тебѣ!

Вильгельмъ. Итъ... оставь... впрочемъ... если ты...

Робертъ (киваетъ утвердительно головой и исчезаетъ за дверью).

Вильгельмъ (облегченно выдыхаетъ. Изъ омадѣваетъ громадная радость изъ-за того, что произошло).

Ида (входитъ изъ сосѣдней комнаты, бросается ему въ объятія). Види!

Вильгельмъ. Теперь... теперь... ты... вы обѣ... ваши золотыя души спасли меня. Теперь... иная, новая жизнь!.. Ты не повѣришь, какъ это поднимаетъ меня! Я кажусь себѣ такимъ большимъ!.. О, знаешь... Только теперь вижу я это... Это лежало на мнѣ такимъ гнетомъ... Зато теперь,

теперь и я чувствую въ себѣ силу! Понимаешь, чувствую силу! Уже повѣрь мнѣ, теперь я сумѣю! Я покажу ему, на что способенъ никуда негодный! Я докажу отцу. Увидитъ онъ, что есть во мнѣ что-то — есть сила, талантъ, передъ которыми они преклонятся... Самия упрямия головы склонятся, чувствую это!.. Только это пригибало меня книзу, повѣрь! А теперь концы пальцевъ такъ и горятъ отъ нетерпѣнія!.. Творить бы теперь, творить!..

Ида. Да, да, правда! Наконецъ-то нашелъ ты опять себя... Любимый мой, я готова кричать отъ восторга... кричать... ликовать... Видишь, какъ я была права: ничто не умерло въ тебѣ! Только дремало! И все проснется, — я всегда говорила тебѣ. Видишь, теперь проснулось...

(Они обнимаются, цѣлуются и идутъ по залу, обнявшись, въ лѣмонъ-блаженствѣ).

Вильгельмъ (остаиваясь, смотреть со счастливымъ изумленіемъ въ глаза невестѣ, затѣмъ скользить дальше взглядомъ по всей комнатѣ и говорить). Точно эти холодныя, какъ ледъ, стѣны наполнила своимъ очарованіемъ весна! (Нѣсколько поцѣлуетъ; прижавшись другъ къ другу, безмолвные отъ счастья, они идутъ дальше).

Ида (тихо поетъ, лукаво намекая на что-то въ прошломъ, какъ будто желая сказать приблизительно слѣдующее: «вотъ видишь, какъ я была права»).

Какъ только липа по веснѣ
Въ Гаагѣ зацвѣтетъ,
Рой грёзъ забытыхъ, какъ во снѣ,
Передо мной встанетъ.

Г-жа Шольцъ (входитъ, замѣчаетъ ихъ обонхъ, хочетъ поскорѣе уйти).

Ида (заинтересъ, обрываетъ пѣсенку и подбѣгаетъ къ г-жѣ Шольцъ). Куда вы, мамочка! Не убѣгайте!

Г-жа Шольцъ. Да нѣтъ, зачѣмъ! Я вамъ мѣшаю. (Вильгельмъ обнимаетъ мать, цѣлуетъ ее и помогаетъ Идѣ втѣнуть ее въ комнату).

Г-жа Шольцъ (весело). Какой ты неловкій... Право, вы... Вы разорвете мнѣ...

Вильгельмъ. Ахъ, ну, что тамъ, мама! Вѣдь теперь все это неважно. Мама, ты видишь передъ собою другого человека. (Онъ стоитъ между матерью и невестою, держитъ обѣихъ за руки). Иди сюда, мамочка моя старенькая!.. Поглядито другъ другу въ глаза!.. Вотъ такъ... Протяните другъ другу руку!..

Г-жа Шольцъ. Ахъ, ты, глупенькій!

Вильгельмъ. Поцѣлуйте!

Г-жа Шольцъ (вытирая фартукомъ губы). Ну, какой ты глупый!.. Точно ты долженъ насъ... точно мы и безъ тебя... Правда, Ида? (Онѣ смѣются и пѣлуются).

Вильгельмъ. Теперь—миръ!

(Фрибэ идетъ изъ кухни въ сосѣднюю комнату съ дымящеюся миской съ супомъ).

Вильгельмъ. Ого!.. Вотъ какъ!.. Что-жъ, Фрибэ, хорошъ супъ?

Фрибэ (на ходу). И! Да сколько бы вы меня ни угощали этимъ пойломъ, я бы не взялъ въ ротъ ни глоточка.

Вильгельмъ. Да не можетъ быть, Фрибэ!

Фрибэ. Прежде — пожалуй, а теперь... давно бросилъ... Теперь нью... только... главнымъ образомъ... г...горькую водочку... (Уходитъ).

Ида (поправляетъ Вильгельму галстукъ и сюртукъ). Ну, такъ... Вильгельмъ. Спасибо, милая!.. Отецъ веселъ?

Г-жа Шольцъ. Да, говорить, что... Иногда ничего нельзя у него понять.

Вильгельмъ. Опять такъ хорошо бьется у меня сердце.

Г-жа Шольцъ. Если бы только Робертъ не пилъ такъ много.

Вильгельмъ. Ахъ, мать, сегодня... сегодня ужъ все равно! Сегодня...

Ида. Теперь идемъ скорѣе, прежде чѣмъ тебѣ опять...

Вильгельмъ (г-жѣ Шольцъ). Ты идешь съ нами?

Г-жа Шольцъ. Ступайте, ступайте!

(Ида и Вильгельмъ уходятъ въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (стоитъ задумавшись, проводитъ рукою по лбу и, охваченная какою-то неожиданною мыслью, подходитъ къ дверямъ сосѣдней комнаты и прислушивается).

Фрибэ (входитъ черезъ ту же дверь. Онъ замѣтно подъ хмелькомъ). Г-жа докторша!

Г-жа Шольцъ. Что вамъ?

Фрибэ (таинственно-лукаво). Чудеса, г-жа Шо-ольценъ.

Г-жа Шольцъ (испуганно). Вы слишкомъ много выпили! Вы...

Фрибэ. Я... ужъ... того... подсматривалъ... на всяческіе лады, говорю я... и долженъ вамъ доложить...

Г-жа Шольцъ. Ну, хорошо, хорошо! Только говорите скорѣе, что тамъ такое...

Фрибэ. Я... того... думаю только, что...

Г-жа Шольцъ. Ахъ, Фрибэ, да говорите же!..

Фрибэ. Я только думаю, что... не годится это... Въ этой д...должности... много есть такого... о чемъ я долженъ мол-

чать... Я только думаю... Вашъ мужъ... нѣтъ, того, недолго ему жить...

Г-жа Шольцъ. О, Господи Иисусе! Развѣ онъ вамъ... О, Иисусе!.. Развѣ онъ на что-нибудь жаловался? Развѣ онъ боленъ?..

Фрибэ. Да, кое-на-что... Вѣдь я же понимаю!

Г-жа Шольцъ. На что же онъ жалуется?

Фрибэ. Но... я не долженъ бы... говорить...

Г-жа Шольцъ. Что же, это серьезно? (Фрибэ утвердительно киваетъ головой). Но неужели же онъ говорилъ о смерти?

Фрибэ. Онъ даже... еще больше... Онъ приготовилъ себѣ такія вещи... только...

Г-жа Шольцъ. Да говорите вы, наконецъ, ясніѣ!.. До чего напивается этотъ человѣкъ!..

Фрибэ (сердито). Все я... и садовникъ... и сапоги чищу... и все, что угодно... Нѣ...ѣтъ!.. Я не могу съесть на всякую должность... Что относится къ этой должности... Нѣ...ѣтъ!.. Ну, теперь вамъ... все... ясно... И конечно! (Поворачивается и уходитъ въ кухню).

Г-жа Шольцъ. Онъ съ ума сошелъ.

Ида: (входитъ изъ соседней комнаты черезъ дальнюю дверь и запираетъ ее за собой. Затѣмъ, немного спустя, опять открываетъ и кричитъ въ ту комнату). Подождите, господа! ждите спокойно, терпѣливо!

Вильгельмъ (вбѣгая). Я хочу тебѣ помочь!

Ида. Только больше никого! (Ида и Вильгельмъ зажигаютъ свѣчу).

Г-жа Шольцъ. Вильгельмъ!.. Послушай-ка...

Вильгельмъ (продолжаетъ зажигать свѣчи). Сейчасъ, мамочка!.. Мы сейчасъ кончимъ...

(Свѣчи на свѣѣ, люстры и жирандолы зажжены. Ида снимаетъ большую спатеръ, которой покрыты подарки на столѣ).

Вильгельмъ (подходитъ къ матери).

Ида (кричитъ черезъ дверь въ столовую). Теперь можно.

Г-жа Шольцъ (хочетъ что-то сообщить Вильгельму, но останавливается, видя, что вошелъ д-ръ Шольцъ. За нимъ входятъ Августъ, Робертъ и г-жа Бухнеръ).

Д-ръ Шольцъ (лицо его покраснѣло отъ вина. Восклицается съ аффектированнымъ изумленіемъ). Al al

Г-жа Бухнеръ. Сказочно!

Августа (начинаетъ смѣяться).

Робертъ (обходитъ комнату съ трубкой во рту. Сначала смущенъ, затѣмъ смѣется все съ большею ироніею).

Ида (подводит Вильгельма, который этимъ весьма смущенъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ подарки). Только не подымай меня на смѣхъ, Вилли! (Протягиваетъ ему кошелекъ).

Вильгельмъ. Ну, зачѣмъ это, Ида!.. Я же просилъ тебя...

Ида. Я какъ-то свизала для папы. Въ послѣдній годъ передъ смертью онъ часто носилъ его. Я и подумала...

Вильгельмъ (всѣ смотрятъ на него, и онъ приходитъ отъ нихъ взглядовъ все въ большее замѣшательство). Да, да, конечно... очень благодарю тебя, Ида!

Робертъ. Подарки должны бы быть попрактичнѣе.

Г-жа Шольцъ (которую г-жа Бухнеръ также подвела къ столу). Ну, къ чему ты это?.. Я же ничего не могу вамъ... у меня нѣтъ для васъ ничего... (Г-жа Бухнеръ подаетъ ей ввязанный платокъ). Нѣтъ... нѣтъ... неужели ты... пожалуйста! Ты это свизала для меня?.. Скажи... для меня, для старухи? Ахъ, какъ я тебѣ благодарна! (Цѣлуются).

Г-жа Бухнеръ. Ахъ, я... такъ рада, если тебѣ понравилось.

Г-жа Шольцъ. Великолѣпно! Очаровательно! Замѣчательно красиво! Сколько нужно было надъ этимъ работать!..

Ида. И памъ я хотѣла бы, г. Робертъ... Только не смѣйтесь надо мной!

Робертъ (краснѣя все сильнѣе). Э... къ чему это!

Ида. Я подумала... Ваша трубка... она скоро будетъ обжигать вамъ кончикъ носа... Ну, я и сжалилась надъ вами и вчера наскоро... (Она показываетъ трубку, которую держала за спиною, и передаетъ ему). Вотъ эта замѣчательная вещь.

(Всѣ очень веселы).

Робертъ (но беря у нея трубки). Вы шутите, фрейлейн!

Ида. Ну, вотъ! Дарю это вамъ совершенно серьезно.

Робертъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю!

Г-жа Шольцъ (говоритъ тихо, но раздраженно Вильгельму). Робертъ невыносимъ!

Ида. Ну, право же!

Робертъ. Видите ли... къ этой вотъ штукѣ... я такъ привыкъ... Да вѣдь и вы только шутите!

Ида (глаза у нея полны слезъ. Старается побѣдить свое огорченіе, говоритъ дрожащимъ голосомъ). Ну, конечно, разъ вы думаете... (Кладетъ трубку назадъ на столъ).

Г-жа Бухнеръ (во время этого разговора нѣсколько разъ громко подзывала къ себѣ Иду, теперь сама посѣшнно подходитъ къ ней). Идочка... развѣ ты забыла?

Ида. Что, мама?

Г-жа Бухнеръ. Да вѣдь ты же знаешь! (Обращаясь къ другимъ) Теперь вы должны еще выслушать...

Ида (обрадовавшись, что можетъ такимъ образомъ скрыть свое волненіе, слѣдуетъ за матерью, которая взяла ее за руку, въ соседнюю комнату).

Г-жа Шольцъ (Роберту). Почему ты испортилъ ей радость?

Вильгельмъ (ходитъ взволнованный по комнатѣ, нервно пожевывая концы усовъ, и бросаетъ угрожающіе взгляды на Роберта).

Робертъ. Т.-с. какъ, т.-с. чѣмъ? Я совершенно не понимаю, что ты хочешь сказать?

Августа. Ну, очень любезно это, во всякомъ случаѣ, не было!

Робертъ. Оставь меня въ покоѣ! И вообще какое мнѣ до всего этого дѣло?

(Этотъ разговоръ прерывается пѣніемъ и звуками рояля изъ соседней комнаты. Всѣ смотрятъ испуганно другъ на друга).

Голосъ Иды:

О, дѣти! Слѣпото
Вы къ яслямъ скорѣи
Среди внолѣемскихъ
Пустынныхъ полей!
Священною ночью
Съ небесныхъ высотъ
Великую радость
Создатель нашъ шлетъ... *)

Д-ръ Шольцъ (дѣлавшійся все мрачнѣе отъ поведенія Роберта. При началѣ пѣнія онъ боязливо озирается кругомъ, какъ человекъ, который боится, что на него нападутъ, и старается, по возможности незаметно, сдѣлать такъ, чтобы было извѣстное разстояніе между нимъ и каждымъ изъ присутствующихъ).

Г-жа Шольцъ (едва началось пѣніе). Ахъ, какъ красиво! (Одно мгновеніе внимательно вслушивается, затѣмъ раздражается рыданіями).

Робертъ (медленно двигается. Когда пѣніе началось, лицо его выражаетъ: «Ну, теперь довольно!». Идетъ дальше, проницая улыбается и нѣсколько разъ качаетъ головой. Проходя мимо, говорить что-то вполголоса Августѣ).

Августа (все болѣе растроганная, громко вскрикиваетъ).

Вильгельмъ (До слѣхъ поръ стоялъ, опершись о столъ, во власти противоположныхъ чувствъ, и нервно барабанилъ пальцами по крышкѣ стога; теперь лицо его задвигается краскою погодованія).

Робертъ (подъ конецъ пѣнія, повидимому, испытываетъ отъ звуковъ физическое страданіе. Невозможность высвободиться изъ-подъ ихъ впечатлѣній, повидимому, терзаетъ его и все болѣе наполняетъ

*) Стихотворный переводъ сдѣланъ для настоящаго изданія В. П. Николовымъ.

горечью. Сейчас же послѣ того какъ кончилась строфа, у него непроизвольно вырываются, точно обрывокъ какого-то внутренняго монолога, слова: «Дѣтская комедія». Онъ говорить ихъ зло, презрительнымъ тономъ).

(Всѣ, и докторъ въ томъ числѣ, разслышали эти слова и въ ужасѣ смотрятъ на Роберта).

Г-жа Шольцъ. } Робертъ!
Августа. }

Д-ръ Шольцъ (подавляя въ себѣ приступъ раздраженія).

Вильгельмъ (блѣдный отъ ярости, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Роберту).

Г-жа Шольцъ (бросается къ нему, обнимаетъ). Вильгельмъ! Если ты меня любишь!..

Вильгельмъ. Хорошо, мама. (Онъ ходитъ возбужденный по комнатѣ, стараясь пересилить себя. Въ этотъ моментъ начинается вторая строфа. Едва касаются его слуха первые звуки, складывается въ немъ какое-то рѣшеніе, и онъ идетъ, подъ его вліяніемъ, къ дверямъ въ сосѣднюю комнату).

На сѣнѣ лежитъ Оня,
Подъ кровомъ глухнѣтъ,
Іосифъ съ Маріей
Любуются Имъ...
Съ мольбой преклонился
Трудащійся людъ,
И ангелы въ небѣ,
Ликующъ, поютъ.

Г-жа Шольцъ (становится ему на дорогѣ). Вильгельмъ!.. Что ты дѣлаешь!

Вильгельмъ (вспыхивъ). Пусть онѣ перестанутъ пѣть!

Августа. Ты съ ума сошелъ!

Вильгельмъ. Оставьте меня! Говорю вамъ, пусть онѣ перестанутъ!

Г-жа Шольцъ. Ну, послушай... Ты въ самомъ дѣлѣ... Хорошо же, но, въ такомъ случаѣ, ты сегодня вечеромъ меня уже не увидишь.

Робертъ. Оставь, мать! Не мѣшай ему! Это его частное дѣло.

Вильгельмъ. Не заходи такъ далеко! Совѣтую тебѣ! Ты прежде разыгралъ передо мною трогательную сцену,—и оттого ты только отвратительнѣе.

Робертъ. Совершенно правильно: трогательную сцену... Самъ того же мнѣнія...

Вильгельмъ (спова хочетъ идти въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (удерживая его), О, Господи, Господи, Господи! Зачѣмъ ты хочешь, мальчикъ, ее...

(Кончается вторая строфа).

Вильгельмъ. Потому что все вы недостойны ея.

Робертъ (подступая вилотную къ Вильгельму, смотритъ ему въ глаза дерзкимъ, многоговорящимъ взглядомъ). Что-жъ, ты, можешь-быть, достоинъ?

Г-жа Шольцъ. О, Иисусе! Не надо! Опять вы Богъ знаете до чего дойдете...

И радостно дѣти
Спѣвать въ Божій домъ
И съ медомъ, и съ масломъ,
И съ теплымъ млекомъ.
И пурпурно-алыхъ
Приносить плодовъ,
И блага агава
Въ вѣнокъ изъ цвѣтовъ...

Вильгельмъ. Пусть онѣ перестанутъ!

Г-жа Шольцъ (опять удерживая его). Мальчики!

Вильгельмъ. Прямо... слишкомъ унижительно! Это—кошунство. Мы совершаемъ преступленіе относительно этихъ людей, если мы... я... Клянусь честью, я краснѣю отъ стыда за всѣхъ васъ!..

Августа (задѣтан). Ну, въ концѣ концовъ не такъ ужъ мы особенно скверны, не такъ презрѣмы...

Вильгельмъ. Августа!.. Миѣ такъ отвратительно!..

Августа. Ну что-жъ! Да, да, теперь вотъ вдругъ ска-тилась куда-то въ самый низъ. Теперь можно послать сестру ко всѣмъ чертямъ. И то гадко, и это скверно. Но фрейлейнъ Ида...

Вильгельмъ (внѣ себя, перебивая ее). Не смѣй произно-сить это имя!

Августа. Ахъ, вотъ какъ! Я объ Идѣ, конечно...

Вильгельмъ. Оставь ее, говорю тебѣ!

Августа. Ты, должно-быть, съ ума сошелъ? И все-таки я... Вѣдь и она тоже---не какой-то ангелъ небесный...

Вильгельмъ (кричитъ). Молчи, говорю я тебѣ!

Августа (поворачивается къ нему спиной). Ахъ, да что тамъ, просто—ты плюбленъ.

Вильгельмъ (грубо схвативъ Августу за плечо). Слушай, ты! Я...

Робертъ (схватываетъ Вильгельма за руку, говоритъ холодно, отчеканивая каждое слово). Вильгельмъ!.. Опять... ты... соби-раешься?..

Вильгельмъ. О, дьяволъ!

Августа. Это говоришь ты?.. Фу! Ты?! Ты, поднявшій руку на родного отца.

Д-ръ Шольцъ (гнѣвнымъ голосомъ, рѣзко-повелительнымъ тономъ). Августа! Уйди! Сию секунду!

Августа. Но... я хотѣла бы знать...

Д-ръ Шольцъ. Ты уйдешь сію же секунду!

Г-жа Шольцъ. О, Боже милосердый, почему не возьми ты меня къ Себѣ! (Со слезами) Августа, слышишь! Повинуйся отцу!

Робертъ. Э... мати.. Я бы очень осудилъ ее за это. Вѣдь она уже не дѣвочка. Теперь, ой-Богу, уже совсѣмъ не тѣ времена, чтобы...

Д-ръ Шольцъ. Но я-то—все тотъ же! Я хозяинъ въ домѣ. Я докажу вамъ это!

Робертъ. Смѣшно!

Д-ръ Шольцъ (кричитъ). Раз...бойники и... убій...цы!! Я лишаю васъ наслѣдства! Я вышвырну васъ на улицу!

Робертъ. Это просто смѣшно.

Д-ръ Шольцъ (побѣждаетъ въ себѣ вспышку страшнаго гнѣва и говоритъ съ наводнящимъ ужасомъ спокойствіемъ и твердостью). Ты или я, одинъ изъ насъ оставитъ этотъ домъ... сейчасъ же.

Робертъ. Конечно, я... съ великой радостью.

Г-жа Шольцъ (полуприсягая, полупрося). Робертъ, ты останешься!

Д-ръ Шольцъ. Онъ уйдетъ.

Г-жа Шольцъ. Фрицъ! Послушай, что я скажу! Онъ одинъ... за долгіе одинокіе годы не забывалъ онъ насъ... онъ...

Д-ръ Шольцъ. Онъ или я!..

Г-жа Шольцъ. Уступи, Фрицъ, сдѣлай это ради меня!

Д-ръ Шольцъ. Оставь меня! Онъ или я!

Г-жа Шольцъ. Ахъ... Вѣдь вы можете даже не встрѣчаться... можно все такъ устроить... Но...

Д-ръ Шольцъ. Хорошо. Я уступаю... Уступаю тебѣ и твоей шайкѣ... Ты и твоя шайка—вы всегда побѣждали!

Вильгельмъ. Останься, папа! А если ты уйдешь, позволь мнѣ на этотъ разъ уйти вмѣстѣ съ тобою.

Д-ръ Шольцъ (невольно отодвигаясь отъ него въ гнѣвѣ и ужасѣ). Оставь ты меня въ покоѣ... негодяй! (Ничего не сознавая, ищетъ свои вещи). Бандиты и тунеядцы!.. Негодяи!

Вильгельмъ (вспыхнувъ). Отецъ!.. Такъ называешь ты насъ... да вѣдь это ты же насъ... Ахъ, нѣтъ, папа, нѣтъ, вовсе не то хочу я сказать! Позволь мнѣ уйти съ тобою, я хочу быть подлѣ тебя, позволь мнѣ исправить все, что я... (Положилъ руку на плечо отца).

Д-ръ Шольцъ (отступая, точно разбитый испугомъ и отвра-

могущь). Оставь! Говорю тебѣ... Всѣ козни преслѣдователей, можетъ-быть, будутъ... навѣрное будутъ посрамлены! Неужели вотъ эти люди... эти сильныя... И неужели эти сильные люди... мужчины?.. Человѣкъ, на которомъ, какъ на мѣѣ, есть вина, но во всемъ остальномъ вполнѣ... и... насквозь... и, однимъ словомъ...

Вильгельмъ. Отецъ! Отецъ! Папа! Приди въ себя, приди же въ себя!

Д-ръ Шольцъ (качаясь п. таѣтъ словамъ, вполголоса) И, однимъ словомъ... и вполнѣ...

Вильгельмъ (обинная его, съ истиннѣйшимъ желаніемъ утишать его порывъ). Приди въ себя! Возьми себя въ руки!

Д-ръ Шольцъ (защищаясь, какъ дитя). Ахъ, не бей меня! Не показывай меня!..

Вильгельмъ. Но, ради Бога...

Д-ръ Шольцъ. Не бей!.. Не бей... опять... (Дѣлаетъ мучительное усиліе высвободиться изъ объятій Вильгельма).

Вильгельмъ. Пусть отсохнеть моя рука... Папочка, не думай... Папочка, повѣрь...

Д-ръ Шольцъ (высвободился и бѣжитъ, крича о помощи Вильгельму за нимъ).

Вильгельмъ. Ты ударь меня! Ударь ты!

Д-ръ Шольцъ Сюда, сюда, сюда!.. Помогите!..

(Ида въ двери къ сосѣдней комнатѣ, смертельно блѣдная).

Вильгельмъ (настигаетъ отца и снова обнимаетъ его). Ударь ты меня!

Д-ръ Шольцъ (падаетъ подъ объятіями Вильгельма на стулъ). Я... а... ахъ!.. А... ахъ!.. Я... кажется... я... конецъ мой... смерть...

Вильгельмъ. Отецъ!

(Г-жа Шольцъ и Августа въ отчаяніи бросаются другъ другу п. объятій Роберта, смертельно блѣдный, не тронулся съ мѣста. Лицо его выражаетъ непоколебимую твердость).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ залѣ—полумракъ. Свѣчи погасли, кромѣ немногихъ въ люстрѣ и одной на сѣнѣ. У стола, близо къ печкѣ, спящую къ сосѣдней комнатѣ, сидитъ Вильгельмъ, опершись на локти, ушедшій въ мрачныя, безпросвѣтныя думы. Изъ сосѣдней комнаты одновременно входитъ

РОБЕРТЪ и Г-жа Шольцъ.

Г-жа Шольцъ (взвздоющая, подавленнымъ голосомъ). Нѣтъ,

мальчишк!.. Не затѣвай исторіи! Теперь... ужъ не знаешь, куда и дѣваться... Если и тяжело, ну, что же дѣлать.

Робертъ. Но вѣдь ты не одна, мать!

Г-жа Шольцъ. Только скажи ты мнѣ!.. Не можетъ же это быть, чтобы ты серьезно! Вѣдь безуміе это! Ну, куда ты сейчасъ пойдешь, ночью?

Робертъ. Ну, это-то пустяки! Поѣздовъ сколько угодно,— а отсюда я долженъ ѣхать! На этотъ разъ я дѣйствительно ужъ не могу больше выдержать,— да вообще... для всѣхъ насъ это будетъ самое лучшее!

Г-жа Шольцъ (слезливо). Въ послѣдніе годы было все время такъ хорошо. Я же говорила,— надо было опить прѣхать эти!.. Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь Вухпоры, опять все перепуталось, все.

Робертъ. Будь рада, мать, что онъ подлѣ тебя!

Г-жа Шольцъ. Э, все это я отлично могла бы и сама сдѣлать.

Робертъ. Я думаю, онъ... отецъ... не потерпитъ никого изъ насъ около себя!

Г-жа Шольцъ (плача). Точно я ему сдѣлала что-нибудь дурное... А вѣдь я... навѣрное... всегда... была такая... Я всегда дѣлала, что только могла... Будь справедливъ, Робертъ!.. Я готовила ему его любимыя кушанья... и теплые чулки были у него...

Робертъ. Ахъ, оставь это, мать!.. Чему помогутъ эти безконечныя причитанія!

Г-жа Шольцъ. Да, это ты говоришь.. Хорошо тебѣ говорить!.. А когда всю жизнь бьешься... ломаешь голову, какъ бы это все сдѣлать получше... и вдругъ приходятъ какіе-то чужіе люди, и имъ оказывается предпочтеніе...

Робертъ. Ида все еще около него?

Г-жа Шольцъ. Совершенно чужой человѣкъ!.. Ахъ!.. лучше бы мнѣ умереть... И этотъ негодяй!.. Этотъ Фриб!.. Что только онъ раздѣлывастъ!.. Но Густа ему показала!.. Августа выложила ему всю правду!.. Этотъ мужикъ смѣетъ... Онъ прямо выгналъ ее изъ комнаты. Дѣвочка была внѣ себя... Вѣдь это же его дочь... Нѣтъ... знаете, дѣти... никому не пожелала бы я того, что перенесла я въ своей жизни.

Робертъ (невольно, съ легкимъ вздохомъ). И отецъ также.

Г-жа Шольцъ. Что?

Робертъ. Ничего. Я только сказалъ: и отецъ тоже.

Г-жа Шольцъ. Что—тоже?

Робертъ. Ну, и отецъ тоже немало перенесъ.

Г-жа Шольцъ. Только ужъ, навѣрное, не изъ-за меня. На меня онъ не очень-то обращалъ вниманіе, и я-то ужъ навѣрное ничего не требовала.

Робертъ (скептически). Ну-у...

Г-жа Шольцъ. Вотъ подожди, когда я буду лежать въ гробу, тогда вы поймете...

Робертъ. Ахъ, мать, перестань!.. Я слышалъ это ужъ сотню разъ.

Г-жа Шольцъ. Хорошо, пускай! Вы еще увидите... и замѣть... очень скоро.

Робертъ. Ахъ, мать, да я же вовсе и не спорю, что тебѣ пришлось много вытерпѣть... отъ отца... Вы оба страдали... Я, право, не понимаю, зачѣмъ ты мнѣ это...

Г-жа Шольцъ. Глупыя слова!.. Чего же такого ему не хватало, хотѣла бы я знать?

Робертъ (рѣшительно). Если ты непременно хочешь знать,—изволь: чтобы его понимали!

Г-жа Шольцъ. Что-жъ, какая есть, я не могу себя сдѣлать умнѣе.

Робертъ. Да никто этого и не требовалъ. Вообще... вообще глупо опить такъ много говорить объ этомъ.

Г-жа Шольцъ. Ну вотъ, ну вотъ... (Со слезами) Въ концѣ концовъ оказывается, что это я виновата, что онъ заболѣлъ, что...

Робертъ. Да-я вовсе и не говорилъ этого.

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, это именно ты и сказалъ.

Робертъ. Ахъ, мать!.. Лучше я уйду... я... право, мать, не въ силахъ я больше...

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ!.. Хотѣла бы я знать... въ чемъ я должна упрекать себя... Моя совѣсть чиста.

Робертъ. Ну, и оставайся съ нею! Пожалуйста! Прошу тебя,—довольно!

Г-жа Шольцъ. Ты, можетъ-быть, имѣешь въ виду исторію съ деньгами?

Робертъ. Да не имѣю я въ виду никакой исторіи!

Г-жа Шольцъ. Мои родители заработали ихъ тяжелымъ трудомъ... Какая женщина допустила бы это? Твой отецъ бросилъ ихъ за окно.

Робертъ. Но вѣдь это твой дядя обманулъ тебя.

Г-жа Шольцъ. Этого никто не могъ знать.

Робертъ. И именно отецъ опять вернуть эти деньги!

Г-жа Шольцъ. Но вѣдь опъ такъ жо легко могъ бы и потерять все.

(Робертъ горько смѣется).

Г-жа Шольцъ. Конечно, я—человѣкъ простой... отецъ былъ для меня слишкомъ важный... Въ его матерп тоже было что-то важное. А мой отецъ былъ раньше совсемъ бѣдный... И во мнѣ течетъ кровь бѣдности! Я не могу себя передѣлать. Ну что-жь,—на годъ - другой еще хватитъ, а потомъ милосердый Богъ въ-время избавитъ меня.

Робертъ. Лучше бы отъ Бога избавиться!

Г-жа Шольцъ. Фу! Только негодий можетъ говорить такъ. Ахъ!.. избавиться отъ Бога... тогда лучше возьму и иглу и воткну себѣ... сюда... въ сердце... подъ ребра. Какъ это отвратительно—избавиться отъ Бога! Чтѣ бы случилось со мною, если бы не было у меня моего Господа!.. Чтѣ жо, Робертъ, ты серьезно хочешь уйти?

Робертъ (уже на лѣстницѣ). Ахъ, молчи ужъ, матъ! Покой нуженъ мнѣ... покой! (Уходитъ).

Г-жа Шольцъ. Ну, конечно!.. Ну, конечно!.. Какъ тяжело отъ васъ жить! (Обращаясь къ Вильгельму, который по-прежнему сидитъ у стола, безучастный къ происшествію) Нѣтъ, ты представь себѣ только: Робертъ хочетъ уйти!

Вильгельмъ. Ну такъ что-жь!

Г-жа Шольцъ. Дѣ скажи ты мнѣ,—чего ты все сидишь такъ? Вѣдь ничему этимъ не поможешь! Будь жо благо-разумень!

Вильгельмъ (глубоко вздыхаетъ). Ахъ, да!

Г-жа Шольцъ. Чтѣ пользы отъ того, чтобы вздыхать! Погляди на меня!.. Я—старуха... Если бы я захотѣла засѣсть на одномъ мѣстѣ, потъ какъ ты... Чтѣ случилось—случилось... Ужъ не передѣлаешь этого. Послушай! Ну, почитай что-нибудь!.. Встань, возьми книгу, разсѣйся немного!

Вильгельмъ (со вздохомъ). Ахъ, матъ!.. Оставь ты меня! Я же никому не мѣшаю!.. Вернулся Фрибъ отъ врача?..

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ еще. Я же говорю, когда нуженъ врачъ, ужъ навѣрно ни одного не найдешь.

Вильгельмъ. Это опасно, а? Или можетъ стать опаснымъ?

Г-жа Шольцъ. Господи, кто жо можетъ это знать!

Вильгельмъ (смотреть на матъ, затѣмъ вдругъ всхлипываетъ, опустивъ голову на руки).

Г-жа Шольцъ. Да, да, мой мальчикъ... Кто бы могъ подумать?.. Я не хочу сказать, я никого не хочу винить...

но сегодня вамъ бы не надо было опять ссориться... Ну, будемъ надѣяться на лучшее... По крайней мѣрѣ, онъ пересталъ бредить... Только бы вотъ Ида чего-нибудь не спутала!.. Каждый изъ насъ во сто разъ опытивше... Почему же вотъ къ Идѣ онъ относится дружелюбно?.. Видѣ я тоже не кусаюсь!.. Конечно, Ида очень славная дѣвочка, это правда... Ну, чего ты!.. (Похлопывая его по головѣ) Ты можешь возблагодарить Господа... Нескоро найдешь ты такую, какъ Ида... (Осторожно, дружелюбно) Скажи-ка мнѣ... что Бухнеръ... хорошее у нихъ положеніе?..

Вильгельмъ (вспыхивъ). Ахъ, оставь ты меня въ покое!.. Почему я знаю!.. Что мнѣ за дѣло до этого?

Г-жа Шольцъ. Ну, чего ты оишь?! Неужели нельзя и спросить?.. Ахъ, ты, брюзга!

Вильгельмъ. Ахъ, мама... пощади ты меня!.. Если есть въ тебѣ хоть тѣнь состраданія ко мнѣ,—оставь меня!.. Не беспокойся обо мнѣ... оставь...

Г-жа Шольцъ. Ну, еще бы, конечно!.. Я всегда стою вамъ поперекъ дороги... Такая старуха,—она только на то и годится, чтобы вытолкать ее вонъ.

(Изъ сосѣдней комнаты быстро выходятъ Августа и г-жа Бухнеръ).

Августа. Мать!

Г-жа Шольцъ. О, Господи! Что такое?

Августа. Фрибэ сейчасъ вернулся.

Г-жа Бухнеръ. Фрибэ не привезъ съ собою врача.

Августа. Отецъ спросилъ его, и онъ сказалъ...

Г-жа Бухнеръ. Онъ не желаетъ никакого врача!

Августа. Онъ такъ ужасно ругается... хочетъ вышвырнуть его вонъ.

Г-жа Бухнеръ. Фрибэ не хочетъ идти еще разъ.

Августа. Поговори ты оишь съ Фрибэ!

Г-жа Бухнеръ. Да, поговори ты съ нимъ! Видѣ страшно необходимо, чтобы...

Августа. Врачъ долженъ придти... А то я сама побѣгу за нимъ. Я не боюсь, хотя бы пришлось бѣжать до Фридрихсгагена.

Г-жа Шольцъ. Ну да. Еще бы! Сейчасъ, ночью... Постои, постои... я сдѣлаю! (Г-жа Шольцъ, г-жа Бухнеръ и Августа быстро уходятъ назадъ въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Бухнеръ (сейчасъ же возвращается. Едва прежде, чѣмъ уйти, она утрапкою, съ тоскою нѣсколько разъ взглядывала на Вильгельма. Вильгельмъ все еще остается на своемъ мѣстѣ, безжизненный и мрачный. Оглядѣвъ комнату, г-жа Бухнеръ убѣдилась, что нѣтъ ни

кого, кроме нас и Вильгельма. Сначала быстро, затѣмъ все болѣе колеблясь, подходитъ она къ Вильгельму).

Вильгельмъ (замѣтивъ ея приближеніе, поднимаетъ голову). Чего вы хо... хотите? Я же... я вамъ... уже раньше все сказалъ.

Г-жа Бухнеръ. Но я не хотѣла вамъ вѣрить... Я не могла себѣ представить...

Вильгельмъ. А теперь... вѣрите?!

Г-жа Бухнеръ. Я... не... знаю...

Вильгельмъ. Зачѣмъ вы меня обманываете?.. Скажите же... спокойно—да. Вѣдь было же... было до смѣшного очевидно... что должно это случиться... Какъ я могъ позволить такъ остѣннить себя!..

Г-жа Бухнеръ (анхорадошно). Вильгельмъ! Сегодня, какъ и прежде, я считаю васъ хорошимъ, благороднымъ человекомъ. Увѣрю васъ, ни на мгновеніе не усомнилась я въ васъ. И теперь, когда стало мнѣ вдругъ такъ страшно, такъ жутко...

Вильгельмъ (встаётъ, глубоко вбираетъ въ себя воздухъ, точно сдавило ему грудь). Я только... вѣдь я уже давно зналъ, и все-таки...

Г-жа Бухнеръ. Я обращаюсь къ вамъ, Вильгельмъ! Я откровенно говорю вамъ... Вдругъ такъ охватило меня... Вдругъ такъ странно мнѣ стало за Иду.

Вильгельмъ. Долженъ согласиться... только именно теперь...

Г-жа Бухнеръ. Я знаю, вы любите это дитя. Никто не могъ бы любить ее сильнее!.. Я знаю, вы напряжете все свои силы, чтобы сдѣлать мою дочь счастливою. Недостатка въ желаніи у васъ не будетъ... но теперь... теперь я столько видѣла здѣсь и... узнала. И только теперь стало мнѣ понятно многое... многое изъ того, о чемъ вы мнѣ раньше говорили... Я не понимала васъ... Я считала васъ мнительнымъ, несиимствомъ. Многого не принимала въ серъезъ. Съ твердою, радостною вѣрою пріѣхала я сюда... Мнѣ просто стыдно... на что считала я себя способной!.. Я—слабый, простой человекъ—хотѣла направлять такіа натуралы!.. И вотъ все рухнуло! Сразу почувствовала я, какъа лежитъ на мнѣ страшная отвѣтственность,—и отвѣчаю за мое дитя, за мою Иду. Говорите же, Вильгельмъ! Скажите мнѣ, что все будетъ еще хорошо! Скажите мнѣ: мы еще будемъ счастливы!.. Вы и Ида! Докажите мнѣ, Вильгельмъ, что напрасно я тревожусь, напрасно я боюсь!..

Вильгельмъ. Зачѣмъ... вы допустили... чтобы это зашло такъ далеко?... Я столько разъ предостерегалъ васъ, предостерегалъ. Что я вамъ говорилъ? Я говорилъ: всѣ мы... братья, сестра... неизлѣчимо-больные... больше всего я... Что мы волочимъ за собою... Не связывайте своей дочери съ калѣкой... Я говорилъ вамъ... Почему вы не хотѣли мнѣ повѣрить?

Г-жа Бухнеръ. Не знаю, сама не знаю.

Вильгельмъ. И вотъ вы меня усыпили... заставили мою совѣсть задремать... и теперь... я точно обезумѣлъ отъ счастья... Я пережилъ эти минуты... и еще другія... вынесъ самую страшную борьбу въ моей жизни... и теперь вы хотите... Хорошо, посмотримъ... можетъ-быть, да, можетъ-быть...

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ, я такъ уважаю васъ!.. Я знаю, въ концѣ концовъ вы принесете всякую жертву... Но Ида... Если для нея уже слишкомъ это поздно... если это погубить ея!..

Вильгельмъ. Такъ зачѣмъ же вы не хотѣли повѣрить мнѣ? Вы не знаете... Чего мнѣ это теперь стоитъ... Ступенька за ступенькой поднимался я, о, съ такими усилями!.. Этотъ домъ остался далеко позади меня... Я былъ почти спасенъ... Теперь это опять захватило меня въ свои лапы... Почему вы допустили, чтобы зашло такъ далеко? Почему...

Г-жа Бухнеръ (сквозь слезы). Не знаю! Сама не знаю! Я воспитала свою дочь. Она была для меня всѣмъ, всѣмъ; единственнымъ моимъ призваніемъ въ жизни стало—работать для ея счастья. И вотъ... появились вы въ нашемъ домѣ... я... полюбила васъ... я думала и о вашемъ счастьѣ, я... можетъ-быть, не слѣдовало мнѣ это дѣлать... можетъ-быть, я такъ же сильно думала и о вашемъ счастьѣ... и... кто знаетъ?.. Въ сущности... больше всего... о... *вашемъ* счастьѣ. (Одно мгновеніе смотритъ другъ другу смущенно въ глаза).

Вильгельмъ. Г-жа Бухнеръ!!

Г-жа Бухнеръ (закрываетъ лицо руками, какъ человекъ, которому стыдно. Въ слезахъ уходитъ по хлѣбницѣ).

Вильгельмъ (дѣлаетъ механически нѣсколько шаговъ слѣдомъ за нею, останавливается; старается побѣдить свое волненіе, затѣмъ, зарывающъ, прислоняется къ стѣнѣ).

Ида (лицо ея блѣдно, серьезно и озабоченно. Тихо подходитъ къ Вильгельму, обнимаетъ его и прижимается лицомъ къ его лицу). Ахъ, Вилли! Посмотри... Приходятъ темные дни... и про-

ходятъ... вѣдь правда, Вилли?.. и снова приходитъ дни свѣтлыя. Такъ зачѣмъ же такъ... такъ терять всякую бодрость.

Вильгельмъ (страстно лепечетъ). Ида!.. Единственная! обожаемая!.. Нѣжная... какъ же я теперь... какъ же мнѣ теперь жить безъ тебя?.. Твой голосъ, твои слова, все твое нѣжное, дивное существо, твои руки... твои милыя вѣрныя руки!..

Ида. И ты думаешь, что я... Ты думаешь, что я могла бы жить безъ тебя? О, нѣтъ, нѣтъ!.. Мы обнимемся... и уже не отпустимъ другъ друга... будемъ крѣпко, крѣпко... И пока будемъ такъ...

Вильгельмъ. Да, да!.. Но... если бы случилось иначе?

Ида. Ахъ, не говори такъ!

Вильгельмъ. Я только думаю... (Никогда вѣдь ничего нельзя знать... одинъ изъ насъ можетъ умереть...

Ида. Ахъ, мы вѣдь молоды.

Вильгельмъ. Все-таки... когда-нибудь это же случится... До старости я все равно не доживу.

Ида (горячо). Тогда я обниму тебя... примусь къ тебѣ... и уйду... вѣстѣ съ тобою.

Вильгельмъ. Ида!.. Такъ только говорится... Этого ты не сдѣлаешь.

Ида. Сдѣлаю!

Вильгельмъ. Ты это теперь такъ думаешь... ты не знаешь, какъ скоро забываютъ.

Ида. Я бы не могла дышать безъ тебя!

Вильгельмъ. Это такъ только кажется...

Ида. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Такъ любить... было бы... даже безсмысленно. Нельзя же все ставить на одну карту.

Ида. Я не вполнѣ... понимаю тебя.

Вильгельмъ. Такъ только... и... видишь ли... (Угрюмо) Перестанемъ лучше!.. Невеселая это тема!.. Чтѣ отецъ?

Ида. Онъ теперь спитъ... но... чтѣ такое съ тобою?

Вильгельмъ (ходитъ по комнатѣ). Случается такъ... не знаешь, какъ. (Вдругъ заскрежеставъ) Бываютъ моменты, говорю я тебѣ... когда нападаетъ безумное отчаяніе... Въ такія мгновенія могу себя представить... въ такія мгновенія доходить люди до того, что бросаются... внизъ головой... на мостовую... съ пятого этажа... Отъ такого зрѣлища можно, право, придти въ восторгъ!

Ида. Избави Боже! Ты долженъ, Вилли, гнать отъ себя такія картины!

Вильгельмъ. Почему же, хотѣлъ бы я знать? Почему такіе молодцы, какъ я, должны болтаться между небомъ и землею?.. Никчемныя твари!.. Забраковать себя самого... это все-таки было бы хоть что-нибудь... все-таки сдѣлалъ бы хоть одинъ разъ что-то полезное.

Ида. Въ сущности, чему-жъ тутъ удивляться: ты истерзался, ты усталъ.

Вильгельмъ (рѣзкимъ пренебрежительнымъ тономъ). Оставь меня, этого ты не понимаешь! (Испугавшись собственныхъ словъ, иѣняетъ тонъ). Ты не должна на меня сердиться за это... Лучше уйди теперь! Я не хотѣлъ бы оскорбить тебя. А въ такомъ настроеніи, какъ сейчасъ... не могу я ручаться за себя.

Ида (молча цѣлуетъ Вильгельма въ губы и уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Вильгельмъ (смотритъ ей вслѣдъ, останавливается. Лицо его полно страха и изумленія. Прижимаетъ руку ко лбу, точно человекъ, который поймалъ себя въ чемъ-то дурномъ. Въ это время Робертъ спускается съ лѣстницы).

Робертъ (идя въ правой рукѣ, черезъ руку перекринуты пальто и пледъ, въ лѣвой рукѣ реини для пледа. Подходить къ столу и класть на него вещи).

Вильгельмъ (заячьастъ его и, поглядывая на него, говорить). Ты куда?

Робертъ. Ухожу.

Вильгельмъ. Теперь?

Робертъ. Почему же нѣтъ? (Расправляя пледъ). Довольно съ меня... слишкомъ довольно. Теперь матери придется рождественскіе дни... проводить безъ меня. (Взглянувъ на печку) Холодно здѣсь.

Вильгельмъ. На улицѣ морозъ.

Робертъ (свертывая пледъ). Такъ! А въ десять часовъ таяло.

Вильгельмъ. Погода переменилась.

Робертъ. Какъ теперь спускаться съ горъ? Такъ сколько.

Вильгельмъ. Луна свѣтитъ!

Робертъ. А все-таки...

Вильгельмъ. Онъ больше не бредитъ?

Робертъ. Да, да.

Вильгельмъ. Онъ не хочетъ врача.

Робертъ. Да, да.

Вильгельмъ. Все это случилось такъ внезапно.

Робертъ. Гм!.. Да, да.

Вильгельмъ. Должно-быть, болѣзнь уже таилась въ немъ.

Робертъ. Конечно... иначе онъ бы, навѣрное, не вернулся домой.

Вильгельмъ. Боюсь, чѣмъ все это кончится?

Робертъ. Что-жъ дѣлать.

Вильгельмъ. Честное слово... не знаю, какъ мнѣ быть, если онъ умретъ... У меня теперь такое чувство!.. После того, какъ я все это узналъ... Прежде я не зналъ... А теперь—раскаяніе, угрызенія совѣсти... Какъ же быть со всѣмъ этимъ?!

Робертъ. Станетъ немножко другой. Правда... не очень онъ соотвѣтствовалъ нашему представленію о немъ. Конечно! Но въ существѣ—это все-таки ничего не мѣняетъ.

Вильгельмъ. Говорю тебѣ... говорю со всею серьезностью... Съ радостью отказался бы я сейчасъ отъ всего жалкаго остатка моей жизни, если бы могъ этимъ помочь ему.

Робертъ (надвывая пальто). Безмысленно это... На мой взглядъ... Вотъ посмотри, пойду я теперь въ крохотную отопленную контору... сяду спиною къ нечѣкъ... скрещу ноги подъ столомъ... закурю эту... самую трубку и буду писать, вѣроятно—очень спокойно, такіа... ну, ты знаешь, такіа шутки... рекламныя шутки: путешественникъ по Азіи... изнемогаетъ отъ жажды... Ну, тутъ я обыкновенно выпускаю караванъ, который везетъ наши товары... Мой шефъ очень доволенъ... Шутка гуляетъ по отдѣлу объявленій во всевозможныхъ газетахъ. Но что самое главное: когда я тамъ такъ сижу и цѣлый день слышу, какъ пахтитъ подо мною газъ... я бросаю время отъ времени взглядъ во дворъ... такой... фабричный дворъ—это нѣчто поразительное!.. Что-то романтическое, уверяю тебя!.. Однимъ словомъ, тогда нѣтъ мнѣ ни до чего никакого дѣла.

Вильгельмъ. Нѣтъ, я предпочелъ бы умереть.

Робертъ. Вопросъ вкуса! А вотъ для меня это—прямо идеальный уголокъ. Такъ стоитъ ли то и дѣло выходить изъ равновѣсія, стоитъ ли сумаспествовать? И такъ вотъ понадобится для два-три, чтобы разобраться въ своей маленькой житейской мудрости.

Вильгельмъ. Говори, что тебѣ угодно: я называю это трусостью.

Робертъ. Ну, и такъ далѣе, зови хоть такъ. Рано или поздно ты все равно придешь къ моей точкѣ зрѣнія. Отецъ

тоже подь конецъ принялъ къ этой точкѣ зрѣнія. Ты и отецъ, вы такъ похожи другъ на друга, можно спутать васъ. Вы оба—такіе же идеалисты. Въ 48 году отецъ де-бютировалъ на баррикадахъ, а кончаетъ, какъ одинокій пихондрикъ... Нужно въ-время привыкнуть къ міру и къ себѣ самому, понимаешь ты,—прежде, чѣмъ обломають тебѣ рога.

Вильгельмъ. Или же надо поработать надъ собою, чтобы стать другимъ.

Робертъ. Ну иѣтъ! Я такой, какой есть. Я имѣю право быть такимъ, какой есть...

Вильгельмъ. Тогда открыто требуй своего права!

Робертъ. Иѣтъ, остерегусь, потому что хочу дойти до своего права. Въдь филистеры морали тенерь въ большинствѣ... А впрочемъ, мнѣ пора отправляться... Итакъ, если позволишь, вогъ тебѣ мой совѣтъ: берегись такъ-называемыхъ добрыхъ намѣреній!

Вильгельмъ (холодно). Чтѣ ты хочешь сказать?

Робертъ. Очень просто: не нужно желать дѣлать того, чего не можешь дѣлать по всему складу своей натуры.

Вильгельмъ. Папримѣрь?

Робертъ. Ну... Ко мнѣ приходятъ, папримѣрь, иногда такіе молодцы,—они Богъ знаетъ, какъ распалиють мнѣ голову, болтають объ идеалахъ. Нужно, видите ли, бороться за идеалы человѣчества и все такое! Я—и бороться за другихъ! Сказочныя требованія!.. За что это, для чего? Но, насколько я тебя знаю, тебя такія вещи тревожатъ. Ты бы сталъ метаться, точно человѣкъ, который украсть. Ты бы сейчасъ же сказалъ себѣ: «что я за жалкое ничтожество!» Развѣ я не правъ? Ну, вотъ тогда-то и является благое намѣреніе и начинается мучить, я это знаю. Я самъ прежде посылалъ съ сотнею такихъ намѣреній... цѣлые годы... а это совсѣмъ не доставляетъ удовольствія, повѣрь мнѣ!

Вильгельмъ. Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ ты хлопчешь?

Робертъ. Собственно, ничего опредѣленнаго у меня, конечно, нѣтъ въ виду... То безпокойство, которое теперь съѣдаетъ тебя... есть у него и другія причины... Я, во всякомъ случаѣ... если я раньше замѣчалъ... Въ прежнія времена и со мною бывало это... Но какъ только я замѣчалъ, что такое дѣло выше моихъ силъ,—я обыкновенно недолго раздумывалъ и рѣшительно поворачивался къ нему спиною.

Вильгельмъ. Это—намекъ

Робертъ. Памокъ?.. Я не знаю... Ну-съ, еще разъ— всего тебѣ хорошаго и...

Вильгельмъ. Скажи ты мнѣ... вполне объективно... это имѣетъ для меня известное значеніе... только потому, что...

Робертъ. Пожалуйста,—что ты хочешь услышать отъ меня?

Вильгельмъ. Ты самъ раньше сказалъ.

Робертъ. Когда—раньше?

Вильгельмъ. Когда мы говорили объ отцѣ.

Робертъ. А, вѣрно... такъ что же я сказалъ тогда?

Вильгельмъ. Ты сказалъ, что, можетъ-быть, у насъ съ Идой все устроится.

Робертъ. А, вотъ что... Ваши отношенія... Это я сказалъ?

Вильгельмъ. Да, сказалъ.

Робертъ. Ну, да, я же многое говорилъ.

Вильгельмъ. Значитъ, ты... Ты теперь отказываешься отъ многого изъ того, что говорилъ?

Робертъ. Совершенно вѣрно, отказываюсь.

Вильгельмъ. И отъ того... отъ того, что... отнеслось къ этому?..

Робертъ. Къ вашимъ отношеніямъ?

Вильгельмъ. Да.

Робертъ. Да развѣ для тебя это важно?

Вильгельмъ. Да, можетъ-быть.

Робертъ. Да.

Вильгельмъ. Значитъ, ты теперь уже не думаешь... что мы...

Робертъ. Нѣтъ.

Вильгельмъ. Хорошо... благодарю тебя... ты открываешь... благодарю... Но предположимъ... допустимъ, что я брошу все это... Посмотримъ сначала, совершенно не считаясь съ тѣмъ, какое это имѣло бы значеніе для меня... Итакъ, допустимъ, что я вотъ сейчасъ ушелъ бы съ тобою... Что было бы тогда съ Идой?

Робертъ. Гм... Ида?.. Ида?.. (Пожимая плечами). Гм, да, да... Это не такъ-то просто... то-есть очень ужъ это меня бы не беспокоило.

Вильгельмъ. Какъ! Это—твое старое вѣроломство! Я знаю его.

Робертъ. Вѣроломство? Почему это? Нѣтъ, ты ошибаешься! Чтобы быть вѣроломнымъ, для этого я еще недостаточно заинтересованъ... я хочу сказать — заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Я, право, не думаю...

Вильгельмъ. Это я лучше знаю. Ужъ не хочешь ли ты раскрывать мнѣ глаза, какал это дѣвушка?! Это ужъ такъ, положись въ этомъ на меня! У нея есть ко мнѣ чувство, я не могу этого передѣлать... Я не заблуждаюсь... Такъ что же будетъ съ нею, если я убѣгу отъ нея?

Робертъ. Гм... такъ ты серьезно думаешь объ этомъ?

Вильгельмъ. Да, безусловно.

Робертъ. Тогда отвѣть мнѣ, пожалуйста, сначала вотъ на что: а когда вы жѣнитесь, что будетъ съ Идой?

Вильгельмъ. Этого никто не можетъ знать.

Робертъ. О, нѣтъ, отчего же? Это можно знать: съ нею будетъ то, что стало съ нашей матерью.

Вильгельмъ. Нельзя сравнивать Иду съ матерью.

Робертъ. Но можно тебя—съ отцомъ.

Вильгельмъ. Каждый человекъ—интой человекъ.

Робертъ. Тебѣ хочется вѣрить, что это такъ. Остави! Ты слишкомъ многого требуешь отъ себя! Вѣдь ты самъ—олицетворенное противорѣчье.

Вильгельмъ. Не знаю, не думаю.

Робертъ. Э, отлично знаешь!

Вильгельмъ. Наконецъ, отъ этого можно освободиться, развиться.

Робертъ. Да, конечно; но можетъ только тотъ, кто подготовленъ для этого воспитаніемъ.

Вильгельмъ. Ахъ нѣтъ никакого смысла продолжать разговаривать.

Робертъ. И я совершенно того же мнѣнія.

Вильгельмъ. Ни къ чему это не поведетъ. (Всплывай, вай себя!) Вамъ хочется совсѣмъ погубить меня! Я — жертва заговора! Вы всѣ сговорились противъ меня, хотите докона́ть меня!.. Хотите доконать до конца!..

Робертъ. Вотъ совсѣмъ такъ говорилъ всегда и отецъ.

Вильгельмъ. Смѣшно! Твои замѣчанія просто смѣшны! Развѣ нѣтъ у меня основаній сказать это? Развѣ не хотите вы разлучить меня съ Идой? Это... говоря правду... не нахожу словъ... это — такая сказочная наглость... такая грубость... прямо превыше всякой мѣры! Я долженъ пожалѣть Иду!.. А кто же пожалѣлъ меня, скажи? Назови мнѣ хоть одного человѣка!.. Ну, кто?..

Робертъ. Само собою разумѣется... разъ ты такъ разсуждаешь... разумѣется!..

Вильгельмъ. Отъ меня требуютъ жертвы!.. Я почему-то

долженъ вдругъ принести безсмысленнѣйшую жертву! Я долженъ...

Робертъ. Ты можешь смѣло не тратить словъ. Само собою разумѣется, при такихъ условіяхъ... Это вполнѣ твое право — удержать у себя дѣвушку.

Вильгельмъ. При такихъ условіяхъ?.. При какихъ это условіяхъ? Скажи, скажи, прошу тебя!

Робертъ. Ты говорилъ раньше... насколько я понимаю... объ Идѣ?

Вильгельмъ. Да, конечно... Ну такъ что же?

Робертъ. А теперь говоришь о себѣ... Такъ вышло... Ну, однимъ словомъ: если тебѣ все равно, что будетъ съ этой дѣвушкой... если есть у тебя нужная доза... ну, скажемъ, безразличія, что ли... если ты берешь ее... ну, какъ новый скрутокъ, или шляпу, или вообще что-нибудь такое...

Вильгельмъ. Робертъ! Быть до того, до того безсердечнымъ... Но на этотъ разъ ты правъ... Я иду съ тобою... Я хочу сказать... уйду изъ этого дома... съ тобою... только далеко... потѣ теперь... теперь... покончилъ я съ вами со всѣми... Да, да, теперь я... Молчи... Теперь я покончилъ... совсѣмъ, совсѣмъ...

Робертъ (смотря на него съ изумленіемъ, пожимаетъ плечами).

Вильгельмъ (все возбужденнѣе). Оставь, оставь!.. Не утруждай себя... тебѣ не удастся... меня ты не обманешь своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ... Ты, во всякомъ случаѣ, правъ... Но тебя привела къ вѣрнымъ мыслямъ... я скажу тебѣ это прямо въ лицо—привела гадкая зависть... только свѣрная, жалкая зависть!.. Ты отлично знаешь, что я бы честно боролся, чтобы когда-нибудь все-таки сдѣлаться хоть немного достойнымъ ей... Ты отлично знаешь, какъ эта дѣвушка очистила меня своей чистотой. Но ты этого не хочешь! Ты не хочешь, чтобы я очистился... Почему ты этого не хочешь?.. Да потому... потому, что ты самъ обреченъ остаться всегда такимъ, какъ сейчасъ... потому, что меня она любитъ, а тебя—нѣтъ!.. И оттого-то ты сегодня весь вечеръ шпионилъ за мною глазами полицейскаго... все время старался дать мнѣ понять, что что-то ты-такое обо мнѣ знаешь... Да, да! Ты совершенно правъ! Я—порочный человѣкъ, весь пропитанъ порокомъ. Нѣтъ во мнѣ болѣе ничего чистаго. Весь въ грязи, не смѣю я стоять рядомъ съ этимъ непорочнымъ существомъ; и я рѣшился, я не совершу преступленія. Но ты, Робертъ, ты отъ этого не

станешь чище. Твое счастье, что ты уже больше не можешь знать стыда!

РОБЕРТЪ (во время последней трети словъ Вильгельма взявъ свои вещи и пошелъ къ выходу. Взявшись за дверную ручку, онъ останавливается, точно собирается говорить, но раздумываетъ, покорно пожимаетъ плечами и очень спокойно уходитъ).

Вильгельмъ (ему вслѣдъ). Робертъ!.. Робертъ!..

Ида (входя изъ сосѣдней комнаты). Кого это ты зовешь?

Вильгельмъ. Ахъ, ты здѣсь?

Ида. Докторъ пришелъ, Вильгельмъ... онъ говорить... это серьезно, это...

Причитающій голосъ г-жи Шольцъ. Любимый мой, хорошій мой мужъ... О... любимый, хорошій мой!

Вильгельмъ. Чтѣ я надѣлалъ! Чтѣ я опять надѣлалъ!

Ида. Щемитъ у меня сердце... я бы очень не хотѣла тебя спрашивать, но... навѣрное, что-то такое... Чтѣ-то случилось съ тобою, Вилли!

Вильгельмъ. Да ровно ничего... Надо бы мнѣ опять въ одиночество... тамъ—наше мѣсто, Ида.

Ида. Почему? Я не понимаю.

Вильгельмъ (сурово и возбужденно). Да, да, да! старая пѣсня: я не понимаю тебя, я не понимаю тебя!.. Отецъ и мать тоже всю жизнь говорили на разныхъ языкахъ. Ты не понимаешь меня! Ты не знаешь меня!.. У тебя—плоскія илюзіи подростка, и мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Остается только таяться отъ тебя, таяться, пока не сдѣлаюсь окончательнымъ лгуномъ и мошенникомъ.

Ида (смотря на Вильгельма вся растерянная, начинать плакать).

Вильгельмъ. Вотъ теперь ты видишь: вотъ это я — настоящій. И стоить мнѣ лишь на секунду забыть, какую я играю передъ тобою роль,—и опять это выступаетъ наружу. Меня настоящего ты не можешь выносить,—ты плачешь, и тебѣ пришлось бы плакать цѣлыя годы, если бы я не сжалился надъ тобою... Нѣтъ, Ида, между нами ничего не должно быть... Я пришелъ къ твердому рѣшенію.

Ида (бросаясь ему на шею). Неправда!.. Неправда!

Вильгельмъ. Подумай о томъ, чтѣ ты видѣла здѣсь! Неужели же должны и мы сызнова продѣлать все это? Неужели должны и мы сызнова строить такой самый домъ?

Ида. Будетъ по-другому! Станетъ лучше, Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Какъ можешь ты это сказать?

Ида. Я чувствую это.

Вильгельмъ. Нѣтъ, Ида, ты бросаешься съ закрытыми глазами въ гибель! Я тащу тебя къ гибели!

Ида. Я не боюсь... Этого я не боюсь, Вильгельмъ! Снова повѣрь ты мнѣ! Дай мнѣ снова твою руку! И я сумѣю быть для тебя чѣмъ-нибудь... только не отталкивай меня отъ себя... Я не буду больше плакать... общаю тебѣ...

Вильгельмъ. Отпусти меня!.. Ты любишь въ первый разъ! Ты любишь свою мечту: Я растратилъ всю свою жизнь... Я опозорилъ твой полъ въ другихъ... Я — ничтожество...

Ида (обнимаетъ его со стономъ и слезами). Ты мой! Ты мой! Вильгельмъ. Я недостойнъ тебя!

Ида. О, не говори такъ! Передъ тобою я — такая маленькая, ахъ, такая маленькая! Какъ крошечная мошка... Безъ тебя, Вильгельмъ, я — ничто! И все — благодаря тебѣ... Не отнимай у меня своей руки... у меня... у жалкой!..

Вильгельмъ. Ида! Я — у тебя? Ида, я?.. (Они обнимаются сквозь смѣхъ и слезы). Чтобы я не отнималъ у тебя своей руки... Да что... ты... говоришь... Нехорошая...

Ида. Такъ... общай же мнѣ... общай...

Вильгельмъ. Клянусь тебѣ теперь... (Его слова обрываетъ душу раздирающій крикъ изъ сосѣдней комнаты. Пораженные, полные отчаянія, смотрятъ Вильгельмъ и Ида другъ другу въ глаза).

Голосъ г-жи Шольцъ. Мой мужъ... онъ умираетъ!.. Мой хорошій, любимый супругъ... онъ умираетъ... мой мужъ... (Громкій плачь).

Вильгельмъ. Боже!.. Господи, что это?.. Отецъ! Отецъ! (Хочетъ броситься въ сосѣднюю комнату. Ида пересѣкаетъ ему дорогу).

Ида. Вильгельмъ!.. Приди въ себя! и... не иди безъ меня!.. (Изъ сосѣдней комнаты выходятъ Фрибъ, трясаясь отъ рыданий, и уходитъ въ кухню).

АВГУСТА (идетъ слѣдомъ за Фрибъ. Останавливается передъ Вильгельмомъ и съ усиленіемъ произноситъ). На комъ же теперь вина? На комъ?.. На комъ?.. (Падаетъ на столъ. Изъ ея груди вырывается глухой, сдавленный стонъ. Все слышите доносится громкій плачь г-жи Шольцъ).

Ида (у его груди, стараясь успокоить, дрожащимъ голосомъ). Вильгельмъ... кажется... твоего отца... не стало...

(Вильгельмъ готовъ снова выпихнуть гнѣвомъ. Ида успокаиваетъ его. Онъ побѣждаетъ свое горе, ищетъ руку Иды, беретъ ее, съ мукой сжимаетъ въ своей рукѣ и, рука съ рукою съ дѣвственною, идетъ твердыми шагами въ сосѣднюю комнату).

(Занавѣсъ падаетъ).

ОДИНОКІЕ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ В. М. Саблина.

Отдаю эту драму въ руки тѣхъ, которые ее пережили
Герартъ Гаутманъ.

Из писателя-социолога и теоретика учения о наследственности, какимъ Гауптманъ явился въ первыхъ двухъ драмахъ, онъ превращается въ третей—«Одинокіе» (*Einsame Menschen*)—въ психолога-индивидуалиста, ставящаго предъ собою вопросъ о человѣческомъ взаимопониманіи, одиночествѣ человѣка и истинной свободѣ. Изъ психіатрическихъ безднъ онъ восходитъ къ нормальной, здоровой жизни.

Время написанія этой драмы совпало съ временемъ похода сѣвернаго богатыря драматургіи—Ибсена противъ семьи и съ страстными возмущеніями Ницше ученія о сверхчеловѣкѣ, сильномъ и прекрасномъ, пока одинокомъ, но побѣдителемъ міра впереди. Въ «Одинокихъ» слышится тотъ мотивъ возвеличенія одиночества, который впоследствии властно и смѣло прозвучалъ въ «Потонувшемъ колоколѣ».

Затронутая Гауптманомъ тема была какъ нельзя болѣе въ духѣ времени. Нѣмецкій драматургъ поставилъ предъ обществомъ самые захватывающіе, самые назойливые вопросы о нравственныхъ устояхъ современной личности, объ ея свободѣ, о значеніи міровоззрѣнія, объ одиночествѣ,—той темѣ, которую человечество ставило передъ собою съ той минуты, какъ создался мифъ о Прометѣѣ. Пьеса не могла не всколыхнуть умы мыслящихъ людей. Гауптманъ сдѣлалъ ею для своей эпохи болѣе, чѣмъ какою-либо другою изъ своихъ пьесъ первой поры. Въ частности, въ Россіи она вызвала многочисленныя литературныя отзывы и обсужденія.

11-го января 1891 года она была поставлена въ театрѣ «Свободной сцены», затѣмъ прошла въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ», въ цѣломъ рядѣ другихъ сценъ и удержалась въ европейскомъ репертуарѣ. Въ мартѣ она вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Ею утвердилось имя Гауптмана, какъ писателя, достойнаго мірового вниманія.

«Одинокіе»—трагедія человѣческаго взаимонепониманія. Эта трагедія была мучительна въ «Праздникѣ шира», въ осложненіи мрачною наследственностью. Здѣсь Гауптманъ хочетъ показать, что она разрѣшается не легче и тогда, когда дѣло идетъ о совершенно здоровой и нормальной семьѣ, обвѣянной даже атмосферой любви и ласки, по лишенной единства міровоззрѣнія и потому не озаренной взаимнымъ пониманіемъ. На этотъ разъ это трагедія благородныхъ характеровъ, гибнущихъ подъ непосильной жертвой, какой отъ нихъ требуетъ жизнь.

Молодой ученый Иоганнесъ Фокератъ—холоное дѣтище своихъ родителей. По существу, это положительно хорошіе люди. У него любящая жена, которую и самъ онъ любитъ. Молодой чистъ только бы жить да радоваться. Но по релягиознымъ воззрѣніямъ, по умствен-

нимъ интересамъ всѣ окружающіе Іоганнеса—ему чужіе. Онъ ушелъ отъ религіозныхъ понятій родителей, ему чужда его жена Кэте, не питающая ни малѣйшаго интереса къ его книгѣ, которая для него—все. Случайная гостыя въ семьѣ, русская швейцарская студентка Анна Маръ оказывается несравнимо ближе къ нему, чѣмъ его жена. Между молодыми людьми происходитъ духовное сближеніе, дающее полноту ихъ жизни. Ихъ дружба чиста, какъ дружба ангеловъ. Но никто не хочетъ увидѣть ихъ отношеній въ надлежномъ свѣтѣ. Старый вѣкъ съ своею ревностью, съ моралью прихичій разрушаетъ возможность выхода для Іоганнеса изъ одиночества. И тогда Анна уѣзжаетъ изъ его дома, онъ кончаетъ самоубійствомъ.

Задумывались надъ тѣмъ, хотѣлъ ли Гауптманъ изобразить въ Іоганнесѣ гениальнаго человѣка, надъ которымъ тяготѣла драма одиночества, не подозреваемая никѣмъ до конца пятаго акта, или, наоборотъ, онъ хотѣлъ показать слабого и безвольнаго человѣка, поставившаго предъ собою задачи нищенскаго возвышенія надъ толпой и погибшаго безъ поддержки среды.

Можетъ-быть, первая задача предносилась Гауптману, но совершенно явно онъ скоро повернулъ отъ нея на второй путь. Человѣкъ, съ перваго появленія на сценѣ жаждущійся на непониманіе, плаксиво просящій капли вниманія къ своему любимому дѣлу, представляющій себя Пегасомъ въ холутѣ, на самомъ дѣлѣ—увѣ!—не Колумбъ, не гений, но титанъ, не сверхчеловѣкъ.

Онъ многообѣщающе говоритъ о своемъ трудѣ, но Гауптманъ ни разу и ничѣмъ не попышился объективно подтвердить его выдающуюся талантливость и яркость. Ниоткуда не явствуется, что книга, написанная имъ, дѣйствительно замѣчательна. Брандесъ справедливо подчеркиваетъ его педантизмъ, его нечувство, когда онъ постоянно твердитъ своей женѣ о достоинствахъ гостын. Только въ проповѣди правъ духовной дружбы онъ на минуту кажется величественнымъ.

Іоганнесъ Фокератъ—немногомъ выше средняго, слабый человѣкъ, болѣе ученый, чѣмъ умный, болѣе нервный, чѣмъ тонкій, «вопиющій о одинопіи мыслей, а на самомъ дѣлѣ жаждущій близости сердець». Это «женатый Вильгельмъ Шольдъ изъ «Праздника мора»,—какъ хорошо сказалъ Штейгеръ. Это типичный слабнякъ съ благими порывами и безъ силы свершеній.

Читая сужденія нѣмецкой критики о Іоганнесѣ, почти съ раздраженіемъ чувствуешь отсутствіе властно напрашивающагося сравненія Фокерата съ чеховскими героями. Іоганнесъ—типичный чеховскій образъ человѣка съ надтреснутой душой изъ семьи Ивановыхъ и Астровыхъ. Чеховъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ въ Германіи, когда нѣмецкой критикѣ приходилось высказываться объ «Одинокахъ».

Въ лицѣ Анны Маръ мы имѣемъ одну изъ художественныхъ попытокъ набросать образъ женщины-сверхчеловѣка, приближающейся къ ибсеновской «Норѣ» или героинѣ Бьернсоновской «Перчаткѣ».

Если ясно сознаются общественныя вліянія, подъ которыми Гауптманъ создалъ «Одинокахъ», то съ менѣею ясностью можно указать здѣсь и нѣкоторые литературныя вліянія. Вліяніе ибсеновскаго «Росмерсгольма» (1886) вѣтъ надъ драмой. Кабинетный ученый Росмеръ, подчиняющійся могучему вліянію пріѣзжей сильной женщины Ребекки и забывающій о своей женѣ, настолько же похожъ на Іоганнеса Фокерата, насколько радикалка Ребекка на социалистку Маръ и законная жена Росмера, Беата, на Кэте. Глубокая дуна Ибсена о

«тѣснотѣ семьи» для ищущаго себя человѣка захватила Гауптмана, и даже самыя формы выраженія ея, самая структура «клича освобожденія человѣка» увлекли его.

Отбывая это, конечно, нельзя забывать, сколько самобытнаго внесъ ученикъ Ибсена въ свой трудъ, съ какою психологическою глубиною и реалистическою красотою возсоздалъ онъ жизнь. Сюжеты огромнаго большинства пьесъ Шекспира заимствованы, однако это не умаляетъ величія Шекспира ни на одинъ дюймъ.

Другое литературное вліяніе—драма нѣмецкаго драматурга Германа Бара: «Новые люди» (*Die neuen Menschen*), появившаяся въ 1887 г. и, въ свою очередь, подказанная «Росмерсгольмомъ». Уже названіе сближаетъ эти пьесы. Георгъ Бара такъ же вводитъ въ свой домъ Гедвигу при живой женѣ. Георгъ такъ же мечтаетъ о новомъ свободномъ строѣ жизни и такъ же находитъ смерть въ озерѣ.

Сходство подтверждается даже частностями. У Гауптмана Анна Маръ—дѣтельница русскаго освобожденія, носящая кольцо жепщины, ушедшей за мужемъ въ Сибирь. У Бара Анна—фанатичка, замышляющая убійство одного высокаго лица и кончающая полнымъ анархизмомъ. Обѣ пьесы начинаются со сцены крещенія съ легкой попыткой разговоровъ о христіанствѣ (Бартольсъ).

Отличаетъ Бара отъ Гауптмана его попытка выставить идеалъ новыхъ людей сейчасъ, въ современности. Фокератъ только летѣтъ о нихъ далекую мечту. По художественному значенію, разумѣется, суховатая и разсудочная вещь Бара несравнима съ превосходной драмой Гауптмана.

Вѣчная близость гауптмановской темы человѣческой душѣ, глубина его психологическихъ пропикновений, всл вообще художественнаго чванства «Одинокихъ» ставятъ пьесу въ рядъ красивѣйшихъ созданій новой драматургіи. Какъ психологъ, Гауптманъ «обнажаетъ здѣсь тончайшіе нервы современныхъ душъ» (Шленгеръ). Жизненность пьесы поразительна. Конечно, Гауптманъ могъ сдѣлать своего Фокерата побѣдителемъ, но онъ устоялъ передъ соблазнами и предпочелъ утопическому герою—живого человѣка съ плотью и кровью и съ неизбежною слабостью плоти и крови. Анна Маръ, которая, конечно, любитъ своего друга не одною любовью дружбы, претесая въ своей мушѣ двухъ фанатичныхъ актовъ. Штейгеръ отмѣчаетъ минорную красоту окончаній актовъ, въ которыхъ медленно замираютъ громкіе тона дѣйствій. Хорошо даже побочное,—въ родѣ старухи Леманъ, представляющей съ своимъ мужемъ пародію-параллель Кэте и Іоганнесу.

«Одинокіе», какъ художественное произведеніе,—пишетъ Брандесъ:—поражаетъ своею серьезностью и правдивостью. Оно захватываетъ читателей, возбуждаетъ его состраданіе и заставляетъ мыслить. Если пьеса производитъ такое значительное и прочное впечатлѣніе, то это зависитъ отъ глубины, съ какою Гауптманъ почувствовалъ и поваялъ, что каждый моральный фактъ—единственный въ своемъ родѣ, *unicum*.

«Если бы,—пишетъ Штейгеръ:—я хотѣлъ перечислить всѣ красоты «Одинокихъ», все снова восходящія жenia при чтеніи и на сценѣ, мнѣ пришлось бы переписать приблизительно всю драму. Я знаю, что были указаны и большіе недостатки въ этомъ произведеніи. Но почти всѣ они были недостатками не автора, а самихъ критиковъ,—ихъ, если угодно, обманомъ зрѣнія».

Шленгеръ цѣнитъ «Одинокихъ» такъ же высоко, какъ и «Штотун-вильдъ коллоколь».

«Въ «Одинокѣхъ»,—говоритъ Бартельсъ:—Гауптманъ есть подлинный Ибсенъ. Нигдѣ онъ такъ близко не подходилъ къ этому господину и властелину «драмы-модернъ», какъ въ этой пьесѣ, написанной одновременно съ родственной съ нею «Геддой Габлеръ». Если не обращать вниманія на слабо мотивированное возвращеніе Анны въ домъ Фокератовъ, то драма развивается съ тою принудительною несбодимостью, какую умѣетъ придавать Ибсенъ своимъ образамъ. Всѣ переливы настроеній вышли очень удачно, даже если иногда сюда приводить нѣчто мелочное (какъ оса въ началѣ 2-го акта), и даже въ деталяхъ достигнуто истинное психологическое искусство. Ни въ какомъ другомъ своемъ произведеніи Гауптманъ не былъ такъ «тонокъ», какъ здѣсь... «Одинокіе»—это шагъ впередъ по сравненію съ двумя первыми драмами, и если не по направленію къ натуралистической драмѣ, то вообще къ драматической законченности и художественности». Поэтъ Гауптманъ выявляетъ себя здѣсь во весь ростъ».

Изъ біографическихъ чертъ, проскользнувшихъ въ «Одинокіихъ», небезынтересно отмѣтить то, что прототипомъ пастора, по сообщенію Шлентера, могъ послужить дядя Гауптмана, Густавъ Шубертъ, въ строгой и религіозной семьѣ котораго молодой Гергартъ провелъ нѣкоторое время жизни.

Лучшимъ сценическимъ воплощеніемъ роли Иог. Фокерата по справедливости считается знаменитый итальянскій трагикъ Эрметъ Цакконни.

ОДИНОКІЕ.

(драма въ 5-ти дѣйствіяхъ).

дѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Фокератъ.

Г-жа Фокератъ.

Іоганнесъ Фокератъ.

Кэте Фокератъ.

Браунъ.

Анна Маръ.

Пасторъ Кохлинъ.

Г-жа Леманъ.

Кормилица.

Служанка.

Торговка.

Сцѣпщикъ вагоновъ.

Событія этого произведенія происходятъ въ загородномъ домѣ въ Фридрихсгагенѣ, около Берлина; садъ примыкаетъ къ Мюггельскому озеру. Въ продолженіе всѣхъ пяти дѣйствій сцена остается безъ измѣненій. Комната, подобная залѣ—въ одно и то же время гостиной и столовой. Зажиточная буржуазная обстановка. Піанино, книжный шкафъ. Вокругъ него портреты-фотографіи и гравюры современныхъ ученыхъ (въ томъ числѣ и богослововъ), среди нихъ Дарвинъ и Геккель. Надъ піанино масляный портретъ пастора въ облаченіи. На стѣнѣ много картинъ библейскаго содержанія—Шнорра фонъ-Карольсфельда. Направо—одна дверь, направо—двѣ. Лѣвая дверь ведетъ въ рабочий кабинетъ Іоганнеса Фокерата, правыя двери—въ спальню и наружу. Комната не особенно глубока. Черезъ два сводчатыхъ окна и стеклянную дверь въ задней стѣнѣ видны веранда и садъ, а за ними озеро и по ту сторону его—Мюггельскія горы.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната пуста. Черезъ пріотворенную дверь кабинета доносится голосъ пастора, произносящаго проповѣдь. Спусти нѣсколько секундъ голосъ затихаетъ, и слышны звуки хора, исполняемаго на фисгармоніи. Во время первыхъ тактовъ дверь открывается, и входитъ—г-жа Фокератъ, Кэте Фокератъ и когми лица съ ребенкомъ въ конвертиѣ. Всѣ одѣты по-праздничному.

Г-жа ФОКЕРАТЪ (почтенная женщина лѣтъ 50, въ черномъ шелковомъ платьѣ, волнистая прическа. Беретъ Кэте за руку и гладитъ). Онъ очень хорошо говорилъ, правда, Кэтхенъ?

(Кэте 21 годъ, средняго роста, хрупкая, блѣдная, нѣжная брюнетка, еще не совсѣмъ оправившаяся отъ родовъ. Она принужденно улыбается, машинально нявуетъ и наклоняется къ ребенку).

КОРМИЛИЦА. Баи-баи. (Качаетъ его). Ну, вотъ и засыпаетъ... Шш... шш... шш... (Поправляетъ мѣшающій ребенку бантъ). Такъ... такъ... Шш... шш... шш... Спи, крошечка, спи. (Тихо напѣваетъ на мотивъ: «Спи, дѣтка, спи»). Какъ онъ на пастора-то уставился. (Передразниваетъ его) Вотъ такъ! Ха-ха-ха!.. А какъ до воды дошло — не вытерпѣлъ. (Напѣваетъ) «Батюшка, родименькій, не стегай ребеночка»... Ха-ха-ха!.. Какъ закатился! Ой-ой-ой! Шш... шш... шш... Спи, дѣтка, спи... (Отбиваетъ тактъ ногой. Кэте смѣется искренно, но пернио).

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Ты только взгляни, Кэтхенъ, какал прелесть! Какія у него длинныя рѣсницы!

КОРМИЛИЦА. Ого! Весь въ мамашу. Спи, дѣтка... Чисто кисточки висятъ!

Г-жа ФОКЕРАТЪ. А вѣдь правда, Кэтхенъ, весь къ мать. (Кэте, не соглашаясь, энергично качаетъ головой). Въ самомъ дѣлѣ.

Кэте (говоритъ съ трудомъ). Ахъ, мама, я бы этого не хотѣла! Нѣтъ! Нѣтъ! Онъ не долженъ на меня походить! Я... (Она не доканчиваетъ).

Г-жа ФОКЕРАТЪ (старается переменить разговоръ). Здоровый ребенокъ.

КОРМИЛИЦА. Богатырь.

Г-жа ФОКЕРАТЪ. А какіе кулачки! Ты взгляни, Кэте.

КОРМИЛИЦА. Кулаки! Кулаки точно у Голиаоа. (Кэте цѣлуетъ ребенка).

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Правда, и грудь хорошо развита?

КОРМИЛИЦА. Прямо генеральская! Шш... шш... шш... Вырастетъ, одинъ пятерыхъ свалить.

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Ну, ужъ знаетъ! (Она и Кэте смѣются).

КОРМИЛИЦА. У него кровь здоровая. Шш... шш... шш... У дѣтей все здоровье отъ крови. Шш... шш... шш...

(Полунапивая) Ну вотъ, ну вотъ, и пойдемъ, и пойдемъ... Мы въ постельку пойдемъ... Да, въ постельку пойдемъ... Шш... шш... шш... Спи, дѣтка. (Уходить въ спальню).

Г-жа ФОКЕРАТЪ (затворивъ за коридорной дверью, возвращается, пессло покачивая головой). Ну, и субъекты! Но все-таки старательная. Я рада, Кэте, что тебѣ посчастливилось.

Кэте. Генеральская... Господи! (Она смѣется. Смѣхъ становится судорожнымъ, и въ концѣ концовъ въ немъ больше слезъ, чѣмъ смѣха).

Г-жа ФОКЕРАТЪ (испуганно). Чтѣ съ тобою, чтѣ съ тобою? (Кэте себѣ сдерживаетъ. Г-жа Фокератъ ее обнимаетъ). Чтѣ ты, Кэте?

Кэте. Ничего. ничего. Въ самомъ дѣлѣ, ничего.

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Вотъ такъ ничего! Впрочемъ, неудивительно. Ты еще не оправилась. Поди, прилягъ на минутку.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ! Все ужъ прошло, мама.

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Ну, хоть на секунду.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не надо! Сейчасъ и обидать пора.

Г-жа ФОКЕРАТЪ (подходитъ къ столу, на которомъ стоятъ вино и печенье, и наливаетъ стаканъ вина). Ну, сдѣлай хоть глотокъ! Попробуй! Вкусное... (Кэте пьетъ). Вино подкрѣпляетъ, правда? И чтѣ это съ тобою, дѣтка? Бережись должна больше, и все пойдетъ хорошо. И не выдумывай никакихъ тревогъ. Все устроится... У васъ теперь ребенокъ... Все пойдетъ по-другому... Иоганнесъ станетъ спокойнѣе...

Кэте. Если бы въ самомъ дѣлѣ, мама.

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Да ты вспомни только, какъ онъ обрадовался, когда родился мальчикъ. Онъ вообще до безумія любить дѣтей. Ужъ повѣрь... Всегда такъ... Бракъ безъ дѣтей ничего не стоитъ,—ни то ни се. И только и молила Бога, чтобы Онъ благословилъ вашъ бракъ ребенкомъ. А у насъ какъ было?.. Первые четыре года послѣ свадьбы... развѣ это была жизнь? И только, когда Господь услышалъ наши молитвы и послалъ намъ Иоганнеса, только тогда и началась наша жизнь, Кэте. Имѣй только терпѣніе... дай пройти мѣсяца три, и увидишь, какой онъ уморительный станетъ... Пѣтъ, нѣтъ! Ты должна быть довольна. У тебя есть ребенокъ, есть мужъ, который тебя любитъ. Можете безъ заботъ жить. Чего еще тебѣ надо?

Кэте. Можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ глупо. Я понимаю, что иногда сама разстраиваю себя по пустякамъ.

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Ну, вотъ видишь... Только не сердись

на меня! Ты бы чувствовала себя гораздо покойнѣе, Кэте, гораздо покойнѣе, если бы... Знаешь, если меня что-нибудь беспокоитъ, я горячо помолюсь, выскажу все, что есть на сердцѣ, и мнѣ сразу становится такъ легко, такъ радостно... Нѣтъ, нѣтъ! Пусть ученые говорятъ, что имъ угодно, но Богъ существуетъ, Кэте. Мужчина невѣрующій—нехорошо, а ужъ женщина... Только не сердись, Кэте. Ну, хорошо, хорошо, больше не буду говорить. Я много молюсь, каждый день прошу Господа; я знаю,—Онъ услышитъ мою молитву. Вы оба хорошие люди. Господь вамъ и вѣру пошлетъ. (Целуетъ дочь. Хораль кончается). Болтаю я тутъ.

Кэте. Скорѣй бы мнѣ поправиться, мама. Мнѣ такъ неприятно смотрѣть, какъ ты хлопочешь.

Г-жа Фокератъ (около наружной двери). Ну, есть о чемъ говорить! У васъ мнѣ отдыхъ. Вотъ, когда ты выздоровѣешь совсѣмъ, тогда и заставлю тебя ухаживать за мною. (Уходитъ. Кэте направляется въ спальню, но еще не успѣваетъ выйти, какъ входитъ изъ комнаты, гдѣ происходило крещеніе, Браунъ. Ему 26 лѣтъ. Лицо блѣдное, съ усталымъ выраженіемъ. Подъ глазами круги. Небольшіе усы, голова острижена почти наголо. Костюмъ модный, изысканный, но потертый. Флегматиченъ, большей частью неудовлетворенъ и потому не въ духѣ).

Браунъ. Такъ! (Останавливается и вынимаетъ изъ портсигара папиросу). И эту муку претерпѣлъ.

Кэте. Вы отлично выдержали, г. Браунъ.

Браунъ (закурывая). Я бы съ большимъ удовольствіемъ теперь рисовалъ. Стыдъ и позоръ быть баклуши въ такую погоду.

Кэте. Еще нагоните.

Браунъ. Ахъ, всѣ мы бездѣльники. (Садится около стола). А все-таки есть что-то въ крещеніи.

Кэте. Вы обратили вниманіе на Іоаннеса?

Браунъ (быстро). Онъ ужасно нервничалъ. Я все время боялся, что произойдетъ какая-нибудь исторія, что онъ перебьется рѣчь пастора... Да и проповѣдь въ самомъ дѣлѣ была!

Кэте. Неправда, г. Браунъ!

Браунъ. Нѣтъ, это ужъ не подлежитъ сомнѣнію!.. Впрочемъ, я совершенно доволенъ. Еще, пожалуй, когда-нибудь картину напишу. Сюжетъ исключительный.

Кэте. Вы это серьезно, г. Браунъ?

Браунъ. Если я напишу эту картину, то отъ нея будетъ вѣять густымъ ароматомъ воспоминаній... Понимаете,—смѣсь благаго вина, пироговъ, нюхательнаго табаку и во-

сковыхъ свѣчей... Чтобъ дурманъ пріятный былъ, чтобъ такъ и пахло юностью.

(Изъ комнаты, гдѣ происходило крещеніе, входитъ Іоаннись Фокерать. Ему 28 лѣтъ, олъ средняго роста, блондинъ, одухотворенное лицо, живая миимка, движенія безпокойны, одѣтъ безупречно: фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки. Онъ вздыхаетъ и снимаетъ перчатки).

Браунъ. Разсиропился?

Іоаннись. Не могу этого сказать. А какъ насчетъ обѣда, Кэтхенъ?

Кэте (нерѣшительно). Я думаю, на верандѣ.

Іоаннись. Что, и тамъ накрыто?

Кэте (робко). Ты недоволенъ? Я думала...

Іоаннись. Только не такъ жалобно, Кэте! Не съѣмъ же я тебя! Это просто невыносимо!

Кэте (заставляетъ себя говорить твердо). Я велѣла накрытъ на верандѣ.

Іоаннись. Ну, понятно... И превосходно... Какъ будто я людоѣдъ какой!

Браунъ (ворчитъ). Да не брюзжи ты!

Іоаннись (обнимая Кэте, ласково). Въ самомъ дѣлѣ, Кэте, у тебя всегда такой видъ, точно я тиранъ какой, въ родѣ дяди Отто. Надо отъ этого отвыкнуть.

Кэте. Но вѣдь ты же бываешь иногда недоволенъ, Іоаннись.

Іоаннись (опять вспылпвъ). Если даже и такъ, что за бѣда! Давай мнѣ отпоръ, защищайся. Со своимъ характеромъ я ничего не могу подѣлать. А ты не покоряйся! Для меня нѣтъ ничего противнаго, какъ эта терпѣливость, эта мадоннистая...

Кэте. Ну, но волнуясь изъ-за пустяковъ, Ганнесь! Стоить объ этомъ говорить!

Іоаннись (гнѣвно). Ахъ, ты заблуждаешься въ самомъ корнѣ. Я и не думаю раздражаться... Ничего подобнаго! Странно въ самомъ дѣлѣ — подозрѣвать, что я вѣчно раздражаюсь! (Браунъ хочетъ что-то замѣтить). Ну, да хорошо! Вы вѣдь всегда лучше знаете! Довольно!.. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ... Да, да, да...

Браунъ. До чего скучны эти вѣчные вздохи!

Іоаннись (хватается за грудь; лицо вытягивается съ выраженіемъ страданія). А!

Браунъ. Ну, что еще?

Іоаннись. Ничего новаго. Старая исторія... колеть въ груди.

Браунъ. А ты совсѣмъ отколи, Гансъ!

Иоганнесь. Мнѣ-то, братъ, не до шутокъ!.. А-ахъ!

Кэте. Не волнуйся, Ганнесь! Серьезнаго нѣтъ ничего.

Иоганнесь. Если ужъ было два раза воспаление легких!..

Браунъ. А еще офицеръ запаса.

Иоганнесь. Какое это имѣетъ отношеніе?

Браунъ. Старый ипохондрикъ! Не кисни, съѣшь что-нибудь! Просто, это отъ проповѣди.

Иоганнесь. Знаешь, Брео... говорить такъ о крестинахъ... Какъ я лично отношусь къ этому, тебѣ извѣстно. Во всякомъ случаѣ, не съ точки зрѣнія христіанской религіи. Но все-таки для весьма и весьма многихъ это—священный обрядъ.

Браунъ. Во всякомъ случаѣ, не для меня.

Иоганнесь. Знаю. Лично для меня—тоже нѣтъ. Такъ же, какъ и для тебя. Но надо же имѣть хоть нѣкоторое благоговѣйное чувство къ торжеству, которое...

Браунъ. Ты со своимъ благоговѣйнымъ чувствомъ...

Иоганнесь. А слѣдовало бы и тебѣ имѣть его хоть немножко.

Браунъ. Знаешь, это чувство...

Иоганнесь. Не обижайся, пожалуйста... Въ другой разъ, быть-можетъ, я болѣе терпимо смогу выслушивать тебя, но сегодня... (Уходить на веранду. Видно, какъ онъ тамъ продолжаетъ гимнастическія упражненія).

Браунъ (смущенно встаетъ и безпричинно смѣется).

Кэте (стоя у рабочаго столика). Вы оскорбили его, г. Браунъ.

Браунъ (смущенно улыбается, затѣмъ грубовато). Виѣ моихъ силъ... До смерти ненавижу все половинчатое.

Кэте (послѣ нѣкоторой паузы). Вы несправедливы къ нему.

Браунъ. Чѣмъ?

Кэте. Не знаю... Не умѣю вамъ выразить этого... Во всякомъ случаѣ... Ганнесь борется честно...

Браунъ. Съ какихъ это поръ, хотѣлъ бы я знать, онъ стать опять такъ раздражителенъ?

Кэте. Съ тѣхъ поръ, какъ поднялся вопросъ о крещеніи. Я - было ужъ такъ обрадовалась... А это опять лишило его покоя. Вѣдь нельзя же было притѣнять изъ-за этого старикамъ-родителямъ такое страшное горе!.. Нѣтъ, и подумать невозможно. Вѣдь они такіе набожные, религіозные люди. Съ этимъ и вы согласитесь, г. Браунъ!

Иоганнесь (открываетъ стеклянную дверь и говоритъ громко).

И, господа, накапризничать... Ну, развеселитесь! Видите, я уже веселый! (Уходит в сад).

Браунъ. Агнецъ! (Пауза).

Кэте. Онъ меня иногда прямо трогаетъ. (Пауза).

(Изъ комнаты, гдѣ происходили крестины, выходятъ старшій Фокератъ и пасторъ Коллинъ. Оба очень веселы. Фокерату уже за пятьдесятъ. Сѣдая голова, борода рыжая, на лицѣ и на рукахъ веснушки. Силёнъ, широкъ, склонёнъ къ тучности. Немного горбится, ходитъ мелкими шажками. Весь дышитъ любовью и добродушіемъ. Веселая, наивная жизнерадостная натура. Пасторъ Коллинъ—старикъ 73 лѣтъ. Носитъ палочку, нюхаетъ табакъ).

Фокератъ (вводитъ пастора подъ руку, говорить ему мягкимъ, слегка подавленнымъ голосомъ). Очень, очень вамъ благодаренъ, г. пасторъ! Большое вамъ спасибо за это возвышающее наслажденіе, да... Я испыталъ истинный подъемъ духа... да... А, вотъ ты гдѣ, милая дочка. (Подходить къ Кэте, обнимаетъ и сердечно цѣлуетъ ее). Ну, славная моя, хорошая Кэте, желаю тебѣ счастья отъ всей души. (Цѣлуетъ ее). Милосердый Богъ... да... опять проявилъ Себя въ Своей великой благодати, да, да... въ Своей безпредѣльной благодати. (Подъѣмъ). Его милость и доброта неизмѣримы. И Онъ поддержитъ теперь, да... поддержитъ Своей отеческой рукой... Да... да... и молодой побѣгъ... да... (Брауну) Позвольте, г. Браунъ, и вамъ пожалъ руку. (Входитъ Іоганнесъ, Фокератъ идетъ ему навстрѣчу). А, вотъ и ты, Іоганнесъ! Родной мой! (Подъѣмъ, крѣпкія объятія. Растроганъ почти до слѣхъ). Радъ за тебя! (Подъѣмъ). Искренне радъ. Не знаю, какъ и благодарить Господа, да... да...

Пасторъ Коллинъ (слегка трясется, страдаетъ одышкой. Торжественно пожимаетъ Кэте руку). Еще разъ, да благословить васъ Господь! (Пожимаетъ руку Іоганнесу). Да благословить васъ Господь!

Фокератъ. Ну, дорогой пасторъ, чего позволите? Ничего? Пожалуйста!

Іоганнесъ. Ну, стаканъ вина, г. пасторъ! Я сейчасъ принесу новую бутылку.

Пасторъ Коллинъ. Только не беспокойтесь! Пожалуйста, не беспокойтесь!

Іоганнесъ. Бѣлаго или...

Пасторъ Коллинъ. Какого угодно... Какого вамъ угодно. Только, пожалуйста, не беспокойтесь, пожалуйста. (Іоганнесъ уходитъ). А пока я... (Ищетъ свои вещи. Его шляпа, пальто и шедъ висятъ на вѣшалкѣ около двери).

Фокератъ. Вы уже собираетесь уходить, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. А какъ же! А моя проповѣдь? Да кто же будетъ завтра говорить за меня проповѣдь?

БРАУНЪ (держитъ пастору пальто).

Пасторъ Коллинъ (надѣвая пальто). Благодарю васъ, молодой человѣкъ!

Кэте. Неужели же вы не окажете намъ честь, г. пасторъ, раздѣлить нашъ скромный обѣдъ...

Пасторъ Коллинъ (отбываясь). Очень вамъ благодаренъ, милѣйшая г-жа Фокератъ, но...

ФОКЕРАТЪ. Право же, г. пасторъ, вы бы могли доставить намъ это удовольствіе.

Пасторъ Коллинъ (колеблется). Но какъ же?.. Какъ же это?..

ФОКЕРАТЪ. Мы всё такъ васъ просимъ.

Пасторъ Коллинъ. А проповѣдь? Завтрашняя проповѣдь? Да, да... понимаете... проповѣдь... завтра...

(Иоганнесъ возвращается и наливаєъ вино).

ФОКЕРАТЪ (беретъ стаканъ). Ну, наконецъ, отъ этого-то ужъ вы не откажетесь.

Пасторъ Коллинъ (беретъ у него стаканъ). Отъ этого... нѣтъ, конечно. Итакъ, за здоровье... за здоровье новокрещеннаго. (Чокаются). За то, чтобы онъ всегда остался хорошимъ, вѣрнымъ сыномъ церкви.

ФОКЕРАТЪ (тихо). Дай Богъ!

ИОГАННЕСЪ (предлагаетъ пастору сигары). Вы курите, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. Благодарю васъ. (Беретъ сигару и обрѣзываетъ ее). Благодарю... (Беретъ у Иоганнеса спички). Пф... Пф... (Съ трудомъ закуриваетъ. Наконецъ сигара курится. Оглядывается комнату). А вы хорошо устроились! Пф... пф... Да, знаете, съ большимъ вкусомъ! (Продолжаетъ осматривать комнату, разглядываетъ картины, останавливается передъ картиною, изображающей борьбу Іакова съ ангеломъ): «Не оставляю тебя! — иф... пф... — пока не благословишь меня». (Довольный, мычитъ).

Кэте (съ отбѣскомъ страха). Папочка, я бы предложила... Въ саду теперь такъ хорошо... Гораздо теплѣе, чѣмъ въ комнатѣ... Быть-можетъ, ты пройдеши съ г. пасторомъ? А я велю перенести туда стаканы...

Пасторъ Коллинъ (подходить къ портретамъ ученыхъ надъ шкапомъ съ книгами). Пестрая компанія! Это, конечно, пф... пф... ваши учителя, г. докторъ?

ИОГАННЕСЪ (нѣсколько смущенъ). Да... т.-е., за исключеніемъ Дарвина, конечно!

Пасторъ Коллинъ. Дарвинъ? Такъ, такъ! Ахъ, да! Хм! (Читаетъ по складамъ) Эрнстъ... Геккель... Даже автографы! Пф... иф... (Но безъ ироніи) Значить, онъ былъ вашимъ учителемъ?

Иоганнесъ (быстро, вспыхнувъ). Да... горжусь этимъ.

Фокератъ. Моя дочь права, дорогой пасторъ. На воздухъ гораздо теплѣе. Если вы не имѣете ничего противъ... Я захвачу вино и стаканы...

Пасторъ Коллинъ. Съ удовольствіемъ! Пф... пф... Прекрасно! Пф... пф... Только, знаете, на нѣсколько минутъ... не больше. (Идетъ за Фокератомъ. Колкимъ тономъ) Человѣкъ, г. судья, человѣкъ, слышите, больше ужъ... пф... пф... не образъ и подобіе Божіе. Нѣтъ, просто—обезьяна... Изъ этому заключенію пришли, по крайней мѣрѣ, естественныя науки... (Уходятъ на веранду, оттуда, очевидно жестикулируя, спускаются въ садъ).

Браунъ (смѣется про себя).

Иоганнесъ. Чего ты смѣешься?

Браунъ. Чему смѣюсь? Радуюсь!

Иоганнесъ. Радуетесь?

Браунъ. Да. Развѣ нельзя?

Иоганнесъ. Пожалуйста, пожалуйста! (Ходитъ взадъ и впередъ, выдыхаетъ и вдругъ обращается къ Катѣ, которая собралась уходить). Можетъ-быть, я былъ рѣзокъ?

Катѣ. Немного, да.

Иоганнесъ (пожимая плечами). Ну, господа! Я просто не въ состояніи. Не выношу я этого. Всему есть границы. Если имъ угодно спровоцировать...

Катѣ. Да, но все было очень деликатно.

Иоганнесъ. Да!..

Катѣ. Онъ, можетъ-быть, и не замѣтилъ даже.

Иоганнесъ (ходитъ по комнатѣ, почесывая голову). Все-таки непріятно.

Браунъ. Новая причина для огорченій, Гансъ!

Иоганнесъ (вдругъ выходитъ изъ себя). Да оставьте вы меня въ покоѣ, чортъ возьми! Слишкомъ далеко заходите... Если у меня лопнетъ терпѣніе...

Браунъ. Было бы очень недурно!

Иоганнесъ (къ Брауну). Вы слѣпые фанатики, болѣе ничего! Какой смыслъ выкладывать старику правду? Знаешь, чтó я тебѣ скажу: когда ты такъ говоришь, мое раздраженіе исчезаетъ. Мнѣ дѣлается совершенно ясно, что это просто ребячество—раздражаться на такихъ людей. То же

самое, если бы я сталъ возмущаться тѣмъ, что у сосны иглы, а не листья. Надо быть объективнымъ, другъ мой.

Браунъ. Въ наукѣ, пожалуй, но не въ жизни.

Юганнесъ. Ахъ, господа! Какъ мнѣ надоѣлъ весь этотъ вздоръ... Такъ надоѣлъ... Вы представить себѣ не можете, до какой степени... (Носится взадъ и впередъ по комнатѣ).

Браунъ (отходить отъ печки, у которой онъ стоялъ, къ столу и кладетъ окурокъ въ пепельницу). А мнѣ пѣть? И очень даже! Но вѣчно изъ-за этого ныть и хныкать? Нѣтъ, чортъ возьми!

Юганнесъ (мѣняя тонъ, смѣется). Ну, ну, не горячись! О томъ, чтобы вѣчно ныть и хныкать, и рѣчи пѣть. А если иной разъ и вздохнешь... Что-жъ—просто не хватаетъ воздуха, вотъ и все! Нѣтъ, пѣть! Жизнь моя вовсе не такъ ужъ плоха, и, во всякомъ случаѣ, въ такого банкротъ, какъ ты, я еще не скоро превращусь.

Браунъ. Можетъ-быть.

Юганнесъ. Характеръ показываешь?

Браунъ. Ничуть.

Юганнесъ. Да, банкротъ, банкротъ! А чтò, собственно, значить банкротъ? Въ концѣ концовъ и ты не банкротъ, такъ же, какъ и я. Вотъ только если-бъ я не испортилъ настроенія своему старику и пастору!

Кэтъ (обнимая Юганнеса). О, Ганнесъ, Ганнесъ! Не падай духомъ!

Юганнесъ. Вотъ и работа моя меня мучить. Уже двѣ недѣли не могу работать.

Браунъ. Трусливъ! Самому себѣ не хочешь признаться, какъ это ничтожно...

Юганнесъ (не дослышавъ). Чтò?

Браунъ. Ничего... Знаешь поговорку? «Если дождикъ—станетъ сыро... Если снѣгъ—то будетъ бѣло... А замерзнетъ—станетъ ледъ...»

Юганнесъ. Глупо!

Кэтъ. Не грусти, Фрицъ! Подумай о нашемъ маленькомъ Филиппѣ. Зимой намъ будетъ здѣсь такъ уютно! Посмотри, какъ ты начнешь работать.

Юганнесъ. Знаешь, Брео, ужъ четвертая глава готова!

Браунъ (безучастно). Да?

Юганнесъ. Вотъ рукописи! Однихъ источниковъ двѣнадцать страницъ. Это—работа! А? И затрясется же старые парики.

Браунъ. Полагаю.

Иоганнесъ. Вотъ, посмотри, напрімѣръ... (Перелистываетъ рукопись). Здѣсь я нападаю на Дюбуа-Реймона.

Браунъ. Только не читай сейчасъ. Такая лѣнь напала... Въ другой разъ.

Иоганнесъ (покорно). Конечно, конечно! Я и не хотѣлъ. Я...

Кэте. Да сейчасъ и обѣдать будемъ.

Иоганнесъ. Конечно, конечно... Я вовсе и не хотѣлъ... Я хотѣлъ только... Эй! (Со вздохомъ кладетъ рукопись назадъ въ книжный шкафъ).

Кэте. Развеселись, Ганнесъ!

Иоганнесъ. Ахъ, Кэте, я и такъ веселъ!

Кэте. Нѣтъ, ты опять сталъ грустный...

Иоганнесъ. Хотъ бы одинъ человѣкъ во всемъ мірѣ поддержать меня! Не такъ ужъ много и требуется! Немножко сочувствія, немножко пониманія моей работы!

Кэте. Будь благоразуменъ, не мучь ты самъ себя! Подожди, еще придетъ время, и всѣ они поймутъ...

Иоганнесъ. А до тѣхъ поръ? Ты думаешь, легко быть совсѣмъ безъ поддержки?.. Развѣ можно долго выдержать это?

Кэте. Думаю, Ганнесъ... если тяготитъ какая-нибудь мысль, нужно освободиться отъ нея. Поди взгляни на Филиппа. Когда онъ спитъ, онъ такой славный! Лежить такъ... (Показываетъ, какъ онъ складываетъ ручки). Лапки — въ кулачки. Умереть можно со смѣху. Пойдемъ.

Иоганнесъ (Брауну). Пойдемъ съ нами?

Браунъ. Ну ужъ нѣтъ... Ни малѣйшей слабости не питаю къ маленькимъ дѣтямъ... Я похожу немного по саду. (Уходитъ на веранду).

Иоганнесъ. Станный малый!

Кэте (осторожно открываетъ дверь въ спальню). Чтò за прелесть! Тсс... тише, тише... (Оба, держась за руки, уходятъ на цыпочкахъ. Г-жа Фокератъ и горничная между тѣмъ накрываютъ на верандѣ на столъ. Вдругъ раздается сильный шумъ отъ упавшей на камни посуды и разбившейся груды фарфора. Короткій крикъ, и блѣдная горничная пробѣгаетъ черезъ комнату, отъ веранды къ входной двери. За горничной входитъ г-жа Фокератъ, бранясь ей вслѣдъ).

Г-жа Фокератъ. Это, наконецъ, невозможно, Минна! Каждый день бьетъ! И такой чудный майонезъ! (Горничная уходитъ въ парадную дверь). У меня бы не случилось ничего подобнаго... Ихъ надо учить!

Иоганнесъ (выходитъ изъ спальни). Чтò такое, мамочка? (Обнимаетъ ее и старается успокоить) Ну, успокойся, успокойся! Разстраиваться нечего!

Кэте (въ дверяхъ). Что случилось?

Юганнесь. Да ровно ничего!

Кэте (исчезаетъ).

Г-жа Фокератъ. Ничего... Благодарю покорно! На десять марокъ набила посуды — и ничего! Да и майонеза нѣтъ... Ахъ... (Отташкиваетъ Юганнеса).

Юганнесь. Ну, мама, мама! И безъ майонеза отлично обойдемся.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы слишкомъ легкомысленны! У васъ нѣтъ средствъ, чтобы швыряться такъ. Вы слишкомъ много спускаете прислугѣ. Вогъ съ ней и нѣтъ сладу...

Юганнесь. Но вѣдь ей же приходится всегда возиться съ посудой и...

Г-жа Фокератъ. Я тоже не тиранка... У меня горничныя по шести, по семи лѣтъ жили. Но если онѣ разобьютъ, онѣ должны купить. Конечно, у васъ имъ — и пирожное, и икра!.. Все новыи идеи! Ну, и оставьте меня въ покоѣ!

Юганнесь (весело). Ну, мамочка, будь подобрѣе!

Г-жа Фокератъ. Да я и такъ добра, родной мой! (Целуетъ его). Ахъ, ты, верченая голова! Не годишься ты для жизни! (Видно, какъ на верандѣ горничная вытираетъ и подбираетъ осколки).

Юганнесь (смущенно). Это правда, мама! (Весело) Но зачѣмъ у тебя всегда такой... такой взглядъ? Страхъ какой-то... Напряженность...

Г-жа Фокератъ. У меня? Право, не знаю... Какой у меня взглядъ?

Юганнесь. Ну-ка, взгляни на меня еще разъ.

Г-жа Фокератъ. Глупый ты! (Пристально смотритъ на него).

Юганнесь. Вотъ теперь хорошо.

Г-жа Фокератъ. Глупый ты! Какъ бы я хотѣла, чтобы ты былъ всегда доволенъ!.. Былъ бы удовлетвореннымъ человекомъ!

Юганнесь. Этого, мама, тебѣ не дожидаться. Удовлетворенные люди — это трутни въ ульѣ. Жалкія существа!

Г-жа Фокератъ. Но къ чему все это?

Юганнесь (серьезно и вѣстѣ съ тѣмъ болѣе взволнованно). И ребенокъ нашъ тоже долженъ быть настоящимъ «неудовлетвореннымъ человекомъ».

Г-жа Фокератъ. Избави Боже!

Юганнесь. Впрочемъ, онъ долженъ быть не такимъ, какъ я... Другимъ! Ужъ я позабочусь объ этомъ!

Г-жа Фокератъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Мы вѣдь тоже дѣлали все, что могли.

Иоганнесъ. Ну, мамочка, въ концѣ концовъ и я ужъ не такой неудачникъ.

Г-жа Фокератъ. Конечно, нѣтъ! Я и не говорю этого! И не думала говорить! Но вѣдь ты же самъ говоришь, что Филиппъ долженъ быть не такимъ... и... послушай: ты не вѣришь... не вѣришь въ Бога. У тебя нѣтъ никакой религіи... А это очень тяжело.

Иоганнесъ. Религія, религія! Да, конечно, я не вѣрю, что Богъ имѣетъ наружность человѣка и человѣческіе поступки, что у Него есть Сынъ и т. д.

Г-жа Фокератъ. Но вѣдь въ это надо же вѣрить, Иоганнесъ!

Иоганнесъ. Нѣтъ, мама, можно не вѣрить въ это и все-таки имѣть религію. Кто старается познать природу, тотъ стремится и къ познанію Бога. Богъ — въ природѣ. «Что это за Богъ, который дѣйствуетъ извнѣ и однимъ прикосновеніемъ пальца приводитъ все кругомъ въ движеніе. Ему подобаешь двигать мірами изнутри»...—говоритъ Гёте, мамочка, а онъ понималъ это лучше, чѣмъ пасторы и суперинтенденты всего міра.

Г-жа Фокератъ. Ахъ, милый мой! Когда я слушаю, какъ ты говоришь... какъ больно, что ты не остался теологомъ. Я помню, что сказалъ мнѣ твой наставникъ послѣ твоей пробной проповѣди...

Иоганнесъ (весело). Ну, мамочка, было и прошло! (Раздается звонокъ).

Г-жа Фокератъ. Вѣдь дверь, кажется, не заперта. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ входной двери. Стукъ въ дверь).

Прачка Леманъ (въ синемъ полинявшемъ ситцевомъ платьѣ. Входитъ робко). Здравствуйте.

Г-жа Фокератъ } (не совсѣмъ одновременно). Здравствуйте,
Иоганнесъ } г-жа Леманъ!

Г-жа Леманъ. Я только хотѣла спросить... ужъ вы простите, г-жа Фокератъ... я ищу своего жильца, давно ужъ ищу...

Иоганнесъ. Понятно, г-жа Леманъ... Г-нъ Браунъ здѣсь.

Г-жа Леманъ. Тс... тс... (Оглядываясь вокругъ) Да, кому такъ повезетъ!

Г-жа Фокератъ. Какъ поживаете, г-жа Леманъ?

Г-жа Леманъ. Ахъ, г-жа Фокератъ! Плохо, очень плохо! Старика своего пришлось выгнать. Невозможно было. Какъ быть теперь... съ пятью ребятами... Просто не знаю.

Г-жа Фокератъ. Да что вы! Но...

Г-жа Леманъ (дѣлаясь все разговорчивѣе). Да видите ли, г-жа Фокератъ, если бы я-то еще не такъ ослабла! А я совсѣмъ стала слабая. А злость-то, г-жа Фокератъ, такъ и грызетъ... И никто меня не можетъ осудить за это. Я и сказала своему старику: Адольфъ, говорю я, иди ты, говорю, ради Бога, къ своимъ братьямъ. Да! Иди къ своимъ собутыльникамъ. Ступай, говорю... А ужъ для своихъ пятерыхъ-то сама буду тянуться. Если ты и заработаешь что, все самъ, говорю я ему, сейчасъ и пропьешь. Ума въ тебѣ, говорю, нѣтъ! Если бы былъ у тебя умъ, говорю, такъ не довелъ бы ты жену и дѣтей до нищеты... говорю... Да, г-жа Фокератъ, такъ я ему все и сказала, а самой такъ и прокололо насквозь, точно жало какое впилось въ меня, да. Да развѣ поможешь! По правдѣ сказать, такъ-то лучше! Ну, думаю, Господь поддержитъ меня съ моими пятью ребятишками, да... (Сморкается и вытираетъ слезы).

Г-жа Фокератъ. Намъ всѣмъ приходится...

Г-жа Леманъ. Вотъ, вотъ, и я то же сказала. Ступай ты, говорю, хоть къ нидѣйцамъ. Уходи. Если бы ты былъ человѣкъ честный, говорю я, и могъ работать, говорю я, и хоть нѣсколько приносить пфенниговъ, говорю, тогда еще можно было бы жить. А я честная женщина, г-жа Фокератъ. Будь что угодно, не трону... пальцемъ не дотронусь...

Иоганнестъ. Вы хотѣли поговорить съ Брауномъ, г-жа Леманъ?

Г-жа Леманъ. Нѣтъ!.. Ахъ, я и забыла совсѣмъ... Барышня тутъ одна его спрашиваетъ. (Черезъ входную дверь показывается голова Фрейлейнъ Маръ и сейчасъ же исчезаетъ. Иоганнестъ замѣтилъ ее).

Иоганнестъ. Пожалуйста... Пожалуйста, войдите! (Спрашиваетъ мать и г-жу Леманъ, ничего не замѣтившихъ) Вотъ эта барышня? (Г-жѣ Леманъ) Да вы попросили бы ее войти. (Отворяя входную дверь) Прощу васъ, пожалуйста сюда. Вы хотѣли бы видѣть моего друга Брауна? Будьте любезны, входите!

(Анна Маръ—дѣвушка 24-хъ лѣтъ, средняго роста, съ небольшою головой и темными, гладко причесанными волосами. Тонкое нервное лицо. Въ ея непринужденныхъ движеніяхъ—грація и сила. Нѣкоторая увѣренность и рѣзкость на ряду со скромностью и тактомъ нѣсколько не нарушаютъ впечатлѣнія женственности. Анна одѣта въ черное).

Анна Маръ (входитъ). Извините, ради Бога. Мнѣ такъ непріятно, что я побезпокоила васъ.

Иоганнестъ. Да, пожалуйста, пожалуйста, прошу васъ!

Анна. Г-жа Леманъ пропала... И я только хотѣла ска-

зять ей... что я могу повидать г. Брауна какъ-нибудь въ другой разъ.

Иоганнесь. Да что вы! Я сейчас же позову Брауна. Садитесь, пожалуйста.

Анна. Очень вамъ благодарна. (Продолжаетъ стоять). Нѣтъ, право, мнѣ такъ непріятно...

Иоганнесь. Да пожалуйста... Я сейчас позову Брауна.

Анна. Я доставила вамъ безпокойство...

Иоганнесь. Нисколько. Простите на одну минуту. (Уходитъ на веранду).

(Небольшая пауза—въ силу легкаго замѣшательства).

Г-жа Леманъ. Ну, такъ я пойду. (Аннѣ) Назадъ вы и одна найдете дорогу.

Анна. Да, да, благодарю васъ, что проводили. Пожалуйста! (Дастъ ей денегъ).

Г-жа Леманъ. Очень вамъ благодарна, очень благодарна! (Г-жѣ Фокератъ) Вотъ и весь мой заработокъ сегодня, г-жа Фокератъ, ей-Богу! Да, не легко приходится. А все-таки, говорю я, лучше собственную шкуру продать, чѣмъ жить съ такимъ пьяницей. Да... надо только надежды на Бога не терять! Господь Богъ никогда еще не оставлялъ меня. (Берется за дверную ручку). Ну, теперь прямо въ лавочку купить чего-нибудь своей пятеркѣ. (Уходитъ).

Г-жа Фокератъ (ей вслѣдъ). Заидите-ка на кухню! Найдется что-нибудь... (Перенеситъ свой стулъ къ стулу, около котораго стоитъ Анна, и садится). Пожалуйста. Присядьте!

Анна (медленно опускаясь на стулъ). Я совсѣмъ не устала, я...

Г-жа Фокератъ. Вы знаете эти края?

Анна. Нѣтъ. Я изъ русскихъ остзейскихъ провинцій, я... (Пауза смущенія).

Г-жа Фокератъ. Здѣсь все пески. Не нравится мнѣ здѣсь. Я изъ-подъ Вреславля. А какъ здѣсь все дорого,—вы и представить себѣ не можете. Мой мужъ арендуетъ дворянское имѣніе. Ну, это еще ничего, мы даже кое-что можемъ посылать дѣтямъ. А озеро видѣли? Дѣйствительно, очень красиво! И у насъ очень хорошо... Мы на самомъ берегу. У насъ двѣ лодки. Но я не люблю, когда дѣти катаются на лодкѣ. Знаете, я боюсь... Позвольте спросить, вы живете теперь въ Берлинѣ?

Анна. Да... Я тамъ въ первый разъ. Мнѣ бы хотѣлось хорошенько осмотрѣть Берлинъ.

Г-жа Фокератъ. О, да! Берлинъ стоитъ посмотреть! Только ужъ очень шумно.

Анна. Да, шумно. Особенно, если привыкла къ маленькому городку.

Г-жа Фокератъ. Вы откуда сами?

Анна. Изъ Ревеля, возвращаюсь въ Цюрихъ. Послѣдніе четыре года я жила въ Цюрихѣ.

Г-жа Фокератъ. Вотъ какъ! Прелестная Швейцарія! У васъ, вѣроятно, родственники въ Цюрихѣ?

Анна. Нѣтъ... я учусь.

Г-жа Фокератъ. Вы... въ университетѣ?

Анна. Да, въ университетѣ.

Г-жа Фокератъ. Да не можетъ быть! Значитъ, вы—студентка? Что вы говорите? Это очень, очень интересно! Въ самомъ дѣлѣ студентка?

Анна. Въ самомъ дѣлѣ.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, подумайте только! И что-жь, вамъ нравится такъ много учиться?

Анна (весело). О, да, до извѣстной степени, конечно.

Г-жа Фокератъ. Просто невѣроятно.

(На верандѣ показываются Іоганнесь и Браунъ. Дамы видятъ, что они подходятъ, и встаютъ).

Анна. Миѣ, право, непріятно, что я побеспокоила васъ.

Г-жа Фокератъ. Да что вы! Я ужасно рада, что своими глазами и такъ близко видѣла настоящую студентку. У насъ такія дикія представленія о нихъ. Вы родственница г. Брауну?

Анна. Нѣтъ... Мы познакомились съ нимъ въ Парижѣ, на выставкѣ.

Г-жа Фокератъ (подавая ей руку). Всего хорошаго! Очень пріятно.

Анна. Еще разъ... извините...

(Г-жа Фокератъ уходитъ съ поклономъ во входную дверь. Іоганнесь и Браунъ нѣсколько секундъ совѣщаются на верандѣ. Іоганнесь остается на верандѣ, а Браунъ входитъ въ комнату).

Браунъ (удивленно). Фрейлейнъ Маръ! Вы?!

Анна. И! Надѣюсь, вы не считаете меня настолько безтактной... Въ томъ, что я попала сюда, виновата ваша хозяйка, эта оригинальная г-жа Леманъ...

Браунъ. Бимбамъ милостивый!

Анна. Все еще существуетъ... вашъ Бимбамъ?

Браунъ. И во снѣ не снилось! Упонтельно!

Анна. И «упонтельно» существуетъ? У васъ вѣдь все всегда упонтельно. Совсѣмъ, совсѣмъ не измѣнились!

Браунъ. Думаето? Ну, снимайте пальто.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ! Что вы! Миѣ только хотѣлось взгля-

путь, что съ вами. (Дукаво) А больше всего хотѣлось узнать о вашей большой картинѣ. Можно полюбоваться ею?

Браунъ. И намека нѣтъ, фрейлейнъ Маръ... полотно даже не куплено!

Анна. Нехорошо. Въ самомъ дѣлѣ,—очень нехорошо! А вы еще такъ твердо мнѣ обѣщали!

Браунъ. Человѣкъ предполагаетъ... а кучеръ располагаетъ... Снимайте же...

Анна. Нѣтъ! Я васъ повидала, г. Браунъ, и надѣюсь...

Браунъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы должны остаться.

Анна. Здѣсь?

Браунъ. Да. Вѣдь вы не знаете, гдѣ мы?.. У Иоганнеса Фокерата. По многимъ рассказамъ вы его отлично знаете. Кстати сегодня здѣсь крестины. Вы попали какъ разъ въ время.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ! Неудобно... И мнѣ надо еще побывать сегодня въ городѣ въ тысячѣ мѣстъ.

Браунъ. Магазины сегодня всѣ закрыты.

Анна. Ничего. Мнѣ надо къ знакомымъ. Но не воображайте, что вы отдѣлались отъ меня. Намъ нужно еще длинный разговоръ имѣть. Я должна еще прочитать вамъ хорошую нотацию. Вы... клятвопреступникъ! Вы попрежнему, кажетсѣ мнѣ, художникъ только въ нашемъ воображеніи!

Браунъ. Сперва надо идею выносить въ себѣ. А кисти не уйдутъ.

Анна. Ну, кто знаетъ!

Браунъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ отсюда не выпущу.

Анна. Нѣтъ, г. Браунъ, оставьте вы меня въ покоѣ!

Браунъ (зоветъ). Гансы! Гансы!

Анна. Ради Бога!

(Иоганнесъ входитъ, краснѣя).

Браунъ. Позвольте васъ познакомить. Мой другъ Иоганнесъ Фокератъ. Фрейлейнъ Анна Маръ.

Анна } (виѣстъ). Я такъ много слышала о васъ.
Иоганнесъ } Я такъ много слышала о васъ.

Браунъ. Представь, Гансъ, фрейлейнъ Маръ хочетъ уже уходить.

Иоганнесъ. Вы очень огорчите этимъ и мою жену и всѣхъ насъ... Подарите намъ сегодняшній день.

Анна. Право, не знаю... Впрочемъ, если, правда... я не стѣсню васъ... я съ удовольствіемъ останусь.

Иоганнесъ. Да нисколько, нисколько. (Помогаетъ ей снять кофточку и передаетъ ее Брауну). Повѣсь, пожалуйста. Я сей-

часть скажу жёнѣ... (Подходить къ двери въ спальню). Кэте! (Уходить въ спальню).

Анна (оправляется передъ зеркаломъ). Вашъ другъ очень любезенъ.

Браунъ. Пожалуй, даже слишкомъ!

Анна. Почему?

Браунъ. Шучу, конечно. Онъ, дѣйствительно, хорошій малый. Только, когда дѣло доходить до его работы, онъ становится невыносимъ. Вотъ увидите, если вы останетесь здѣсь вечеромъ, онъ не пропуститъ случая почитать вамъ что-нибудь изъ своей работы.

Анна. Что это за работа?

Браунъ. Для меня слишкомъ ученая—философско-критико-психо-физиологическая. Почему я знаю!

Анна. Это интересно. Вѣдь я тоже, какъ говорится, «прикосновенна къ философiи».

Браунъ. Ну, тогда вы нескоро уйдете отсюда. Если вы заинтересуетесь его работою, вы несказанно его обрадуете.

Иоганнесъ (выходя изъ спальни). Браунъ!

Браунъ. Ну?

Иоганнесъ. Поди-ка къ Кэте. Успокой ее немного. Оказывается, у мальчугана одно ребрышко слишкомъ выдвигается!

Браунъ. Еще что?

Иоганнесъ. Конечно, пустяки. Но все-таки зайди къ ней. Всегда сама себя разстраиваетъ.

Браунъ. Да ужъ хорошо, хорошо! Иду. (Уходитъ изъ спальни).

Иоганнесъ. Жена проситъ извинить ее. Она черезъ нѣсколько минутъ придетъ. Она поручила мнѣ пока показать вамъ нашъ садъ. Если вы не имѣете ничего противъ...

Анна. О, съ удовольствiемъ!

Иоганнесъ (улыбаясь). У насъ, правда, очень хорошенькое имѣнiе... то-есть мы арендуемъ его. Самая красота, конечно,—озеро. Вы знаете Мюггельское озеро? (Онъ передаетъ ей зонтикъ. Оба, разговаривая, идутъ изъ двери на веранду). Я ненавижу городъ. Мой идеалъ—уединенный паркъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокою стѣною. Никто не мѣшаетъ, можно жить для своихъ цѣлей.

Анна. Эпикурейство.

Иоганнесъ. Да, вы правы. Но, увѣряю васъ иначе я не могу... Вамъ не будетъ холодно?

Анна. О, нѣтъ! Я человѣкъ не изпѣженный. (Гоганнесь пропускаетъ Анну впередъ и идетъ вслѣдъ за нею на веранду. Здѣсь они остаются нѣсколько секундъ. Видно, какъ Гоганнесь показывается и объясняетъ ей открывающійся съ веранды видъ. Наконецъ оба они исчезаютъ въ саду).

(Браунъ и за нимъ Кэте выходятъ изъ спальни).

Браунъ (оглядываясь). Они ушли.

Кэте. Ну?

Браунъ. Нѣтъ, ничего... Совершенно естественное ребро.

Кэте. Знаете, у меня какое-то щемящее чувство.

Браунъ. Щемящее? Почему?

Кэте (улыбаясь). Сердцебіеніе...

Браунъ. Нервы еще не въ порядкѣ.

Кэте. Она очень гордая?

Браунъ. Кто?

Кэте. Эта барышня.

Браунъ. Маръ? Гордая? Нисколько.

Кэте. Почему же нѣтъ? Если бы я была на ея мѣстѣ, я бы...

Браунъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы, право, унижаете ее!

Кэте. Напротивъ! Я чувствую къ ней безграничное уваженіе.

Браунъ. Ну вотъ еще!.. Впрочемъ, иногда она бываетъ немного высокомерна... Ну, тутъ надо просто отучать ее. (Пауза).

Кэте. Ганнесь оставилъ здѣсь листъ изъ своей рукописи... Понимаетъ она что-нибудь въ этомъ?

Браунъ. Еще бы!

Кэте. Вотъ какъ! Рядомъ съ образованными людьми такія, какъ я, играютъ жалкую роль...

Браунъ. Э, что такъ! Я тоже не очень разбираюсь въ этомъ. Мало учился. Но мнѣ эта школьная мудрость не импонируетъ.

Кэте. Говоритъ, навѣрное, блестяще?

Браунъ. Блестяще? Нѣтъ. Говоритъ такъ... да какъ всѣ мы говоримъ... Она очень умна, — да, но изъ этого еще...

Кэте (улыбаясь). Когда я была дѣвочкой, я была страшной болтушкой... Цѣлые дни безъ умолку болтала о всякихъ пустякахъ. Отъ этого я отучилась. Но зато теперь боюсь вообще разговаривать, боюсь слово сказать. (Подходить къ двери на веранду). Мамочка, надо еще приборъ поставить!

Г-жа Фокератъ (съ веранды, гдѣ она опять накрываетъ на столъ). А кто же еще будетъ?

Кэте. Фрейлейнъ.

Г-жа Фокератъ. Кто? Ахъ, да! Хорошо, хорошо, Кэте.

Кэте (обращается опять къ Брауну, со вздохомъ). Да, теперь уже все пропало! Стараешься, да что толку? Время ушло! (Подходя къ букету) Посмотрите, какъ красиво. Еще розы. (Даетъ понюхать Брауну). И какъ сильно еще пахнутъ!

Браунъ. Превосходно.

Кэте (ставитъ букетъ на мѣсто). Она молода?

Браунъ. Кто?

Кэте. Фрейлейнъ Маръ.

Браунъ. Сколько ей лѣтъ,—не знаю.

Кэте. Мнѣ уже двадцать два года. Да... Дѣло ужъ къ старости!

Браунъ. И къ глубокой! (Смѣется).

Кэте. И какая маленькая, узкая!

(Г-жа Фокератъ просовываетъ въ дверь голову).

Г-жа Фокератъ. Господа, у меня все готово! (Исчезаетъ. Кричатъ съ веранды въ садъ) Папа! Папа!

(Г-нъ Фокератъ и пасторъ, оба въ очень хорошемъ настроеніи, поднимаются по лѣстницѣ на веранду).

Фокератъ (въ дверяхъ, держитъ пальто пастора). Ну, вотъ! Войдите и разоблачайтесь! Ха-ха-ха! (Отъ души хохочетъ).

Пасторъ Коллинъ (со шляпой, палкой и пледомъ въ рукахъ; то хохочетъ, то пускаетъ клубы дыма). Ха-ха-ха! Въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшно. Пф... пф... очень смѣшно. (Хохочетъ).

Фокератъ. И вѣдь это фактъ, г. пасторъ. (Несетъ его пальто).

Пасторъ Коллинъ. «Господинъ новопреставленный»... (Хохочетъ). Пф... пф... «Господинъ новопреставленный, можете, вамъ еще что угодно?» (Смѣется, выхватываетъ пледъ, шляпу, но шапочки не снимаетъ).

Фокератъ (смѣясь вмѣстѣ съ нимъ). Г. новопреставленный... (Брауну) Это у насъ въ деревнѣ были какъ-то похороны, г. Браунъ. Стоять всѣ провожающіе покойника вокругъ гроба, и вдругъ... (Изображая ужасъ, быстро) вдругъ что-то зашевелилось... Можетъ-быть, стуломъ кто двинулъ или чѣмъ еще... Словомъ, что-то зашевелилось... (Изображаетъ ужасъ) Всѣ вздрогнули. Только сторожъ церковный, ха-ха-ха, не потерялся, — отчаянный онъ... Подходить къ гробу, ха-ха-ха, и стучить. (Подражаетъ голосу церковнаго сторожа и стучитъ пальцемъ по столу) «Господинъ новопреставленный, господинъ новопреставленный, можете, вамъ еще что угодно?» (Успоенно смѣется).

Пасторъ Коллинъ (смѣется). Можете себѣ представить?

Иф... пф!.. Это вѣрно. Я знаю этихъ церковныхъ сторожей.

Г-жа Фокерать (входитъ). Ну, напочка, пожалуйста! А то сунь простынегъ.

Фокерать. Пожалуйста, г. пасторъ!

Пасторъ Коллинъ. Обошли вы меня все-таки! (Кладетъ спару въ пепельницу и подаетъ г-жѣ Фокерать руку) Г-жа Фокерать! Фокерать (собираясь подать руку невесткѣ). А гдѣ же Іоганнесъ?

Г-жа Фокерать. И фрейлейнъ? Право, это нехорошо со стороны Іоганнеса. Такой хорошій обѣдъ и весь...

Фокерать (весело). Да, знаете, г. пасторъ, «между ртомъ и межъ фдой»,—ха-ха-ха!

Пасторъ Коллинъ. «Силы темныя толпой»,—ха-ха-ха!

Фокерать. Должно-быть, это та самая дама. Мы видѣли на озерѣ какую-то парочку. Правда, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. Какъ же... какъ же... Они, навѣрно, на лодкѣ уѣхали.

Г-жа Фокерать. Ну, начнемъ безъ нихъ.

Фокерать. Кто опоздалъ...

Браунъ (наблюдавшій съ веранды, входитъ въ комнату). Идутъ, идутъ!

Фокерать. Какъ разъ въ-время!

(Съ веранды входятъ Іоганнесъ и Анна).

Іоганнесъ. Мы опоздали?

Фокерать. Нѣтъ, какъ разъ въ-время.

Іоганнесъ. Ради Бога, простите. Мы... На озерѣ такъ хорошо. Позвольте познакомиться. (Представляетъ) Г. пасторъ Коллинъ, мой отецъ, моя мать.

Г-жа Фокерать. Мы уже познакомились.

Іоганнесъ. Моя жена. Фрейлейнъ Маръ.

(Всѣ оправляютъ платье и идутъ на веранду: г-жа Фокерать под руку съ пасторомъ, Кэте под руку съ старинъ Фокератомъ, Анна—съ Іоганнесомъ. Одинъ, сзади всѣхъ, идетъ Браунъ).

(Комната пустѣетъ. Изъ спальни долетаетъ тихое пѣнье кормилицы: бай-бай-бай... Съ веранды донесется звонъ посуды. Вдругъ входитъ Кэте и достаетъ что-то изъ выдвижного ящика стола. За нею послѣдно входитъ Іоганнесъ).

Іоганнесъ. Послушай, Кэте... тебѣ же нельзя.. нельзя такъ бѣгать. Позволь, я...

Кэте. Чтѣ ты, я ужъ не такъ слаба.

Іоганнесъ (съ пламеннымъ воодушевленіемъ). Знаешь, это поразительный человѣкъ! Такой запасъ знаній, такая самостоятельность сужденій! И подумать только, что такой

человѣкъ еле-еле сводить концы съ концами. Помнишь, Браунъ много рассказывалъ о ней. Собственно говоря, нашъ долгъ... да, просто наша обязанность уговорить ее погостить у насъ здѣсь хоть нѣсколько недѣль.

Кэте. Если хочешь...

Юганнесъ. Вовсе я не хочу. Тебѣ это гораздо нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Ты должна этого хотѣть: отъ такой дѣвушки ты можешь многому научиться.

Кэте. Какой ты иногда бываешь злой, Ганнесъ.

Юганнесъ. Да развѣ я не правъ? Тебѣ слѣдуетъ лихорадочно хвататься за каждый случай хоть немного расширить свое развитіе... Ты должна стремиться къ этому. Ты должна удержатъ ее у насъ. Я не понимаю, какъ можно быть такой равнодушной.

Кэте. Да я всей душой за это, Ганнесъ.

Юганнесъ. Никакого огня нѣтъ въ васъ, никакой инициативы! Ужасно!

(Пасторъ на верандѣ стучитъ ножомъ по стакану).

Кэте. Ступай, Ганнесъ, ступай! Пасторъ произноситъ тосты. Я сейчасъ приду... А я... Я всей душой за то, чтобы она осталась. Ну, ступай,—надо же, чтобы хоть кто-нибудь изъ насъ тамъ былъ...

Юганнесъ. Ну, будь милой, Кэте... будь милой. (Слышится ее въ полные слезы глаза и поспѣшно идетъ на веранду. Слышится голосъ пастора. Все еще доносятся тихое пѣніе кормилицы. Съ Кэте что-то произошло. Послѣ ухода Юганнеса она сразу, какъ бы вянетъ, слабѣетъ и направляется къ верандѣ, нища руками, о что бы опереться. Мгновеніями у нея кружится голова. Наконецъ она не въ состояніи идти и опускается на стулъ. Остановившійся взглядъ ея устремленъ въ одну точку, губы беззвучно шевелятся, на рѣсницахъ капля слезы. Пасторъ понизилъ тостъ. Слышно, какъ чокаются. Кэте собираетъ съ силами, подымается со стула и идетъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Превосходное осеннее утро. Г-жа Фокератъ въ домашнемъ платьѣ, въ фартукъ со связкою ключей, накрываетъ на столъ къ завтраку. Слышится хоръ мужскихъ голосовъ, поющихъ пѣсню: «Кого Господь захочетъ наградить». Мимо дома проходитъ «общество пѣнія». Изъ сада подымается на веранду Анна Маръ съ корзиной винограда. Она останавливается, прислушивается къ пѣнію, затѣмъ смотритъ вдаль черезъ озеро, прикрывая отъ солнца глаза рукой. Пѣнію поемному стихаетъ. Анна входитъ. На ней черное утреннее платье съ короткими рукавами. На головѣ вѣнокъ шенъ черный кружевной шарфъ. На груди букетъ изъ пестрыхъ осеннихъ листьевъ.

Г-жа Фокератъ. А, доброе утро!

Анна (ставитъ корзину въ сторону, спѣшить къ г-жѣ Фокератъ и цѣлуетъ ей руку). Доброе утро, тетушка Фокератъ!

Г-жа Фокератъ. Такъ рано и ужъ встали?

Анна. Мы собираемъ съ г. Иоганнесомъ винограды.

Г-жа Фокератъ. Да, ужъ пора. (Пробуетъ ягоды изъ корзины) Слаще не будетъ... Неужели вамъ не холодно? (Трогаетъ пальцами обнаженную руку Анны). Вы такъ легко одѣты. Сегодня, по-моему, совсѣмъ свѣжо!

Анна (во время разговора тщательно вынимаетъ вѣтки винограда и раскладываетъ ихъ на деревянной досечкѣ). Довольно свѣжо. Но мнѣ ничего. Я привыкла къ холоду. Поразительный воздухъ! Сваи въ озерѣ — знаете, къ которымъ привязываютъ лодки — утромъ были совершенно бѣлыя отъ инея. Такъ оригинально. Вообще здѣсь замѣчательно красиво... Можетъ-быть, помочь вамъ, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Передайте мнѣ, пожалуйста, сахарницу.

Анна (ставитъ сахарницу на столъ. Наклонившись къ столу, смотритъ въ сторону). Вы не сердитесь на меня, что я зову васъ тетушкой Фокератъ?

Г-жа Фокератъ (смѣется). Почему же?

Анна. Я такъ рада, что вы позволяете. (Порывисто и горячо цѣлуетъ г-жу Фокератъ). Ахъ, я такъ благодарна, что вы позволяете мнѣ жить здѣсь.

Г-жа Фокератъ. Да что вы, фрейлейнъ Анна!

Анна. Я чувствую себя такъ хорошо въ вашей семьѣ. Вы всѣ такъ сердечны ко мнѣ. И вообще всѣ вы такіе хорошіе люди.

Г-жа Фокератъ. Ахъ, ты!.. Сколько паутины на васъ! (Снимаетъ паутины съ платья Анны).

Анна. Сколько счастья можетъ дать семья! До сихъ поръ все это было мнѣ такъ чуждо!

Г-жа Фокератъ (все еще снимая паутину). Ну, ну... Не спазьте!... Погодите... настоящія веревки!

Анна. А вы суевѣрны, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. О, нѣтъ, нѣтъ, милая! Это правда, Господь милостивъ къ намъ. И все-таки и у насъ... не совсѣмъ такъ, какъ могло бы быть.

Анна. Не знаю. Но вѣдь вы всѣ такъ... Ахъ, нѣтъ, вамъ не на что жаловаться...

Г-жа Фокератъ. Да, да, вы правы. Не слѣдуетъ роптать... (Уклончиво) Удивительно хорошо, что вы теперь у насъ! (Таинственно) И для Иоганнеса вы — добрый геній.

Анна (смущенная, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, потому говоритъ съ горячностью). Такъ вы, правда, ничего не имѣете противъ меня?

Г-жа Фокератъ. Я васъ очень люблю.

Анна. Все-таки не такъ, какъ я васъ. Я люблю васъ, какъ родную мать. (Беретъ пустую корзину, собираясь идти опять въ садъ). У г. Иоганнеса слишкомъ доброе, слишкомъ миглое сердце.

Г-жа Фокератъ. Почему?

Анна. Да такъ... вообще... Вотъ, напримѣръ, вчера мы встрѣтили на улицѣ пьянаго. Какъ разъ въ это время возвращались изъ школы ребятишки. Да и взрослые даже не оставляли его въ покоѣ. У Мюгтельскаго замка собралась цѣлая толпа...

Г-жа Фокератъ. Да, да! Этого онъ не выноситъ. Въ такихъ случаяхъ его не удержишь. У него уже было изъ-за этого столько неприятностей.

Анна. Развѣ это нехорошо, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Хорошо? Да, конечно, онъ очень добрый. Но если хорошенько подумать, какая отъ этого польза... Какая польза отъ всей этой доброты! А потомъ, хоть онъ и добръ, а отъ Бога онъ отвернулся... Повѣрьте, это очень тяжело, фрейлейнъ, для матери... для родителей... которые всю свою душу отдали за то, чтобы сдѣлать изъ сына добраго христіанина. (Сморкается, чтобы скрыть волненіе). Ахъ, этотъ глупый насморкъ! Уже сколько дней!.. (Стираетъ пыль. После паузы) Да, онъ добрый, да! И это очень хорошо, только отъ этого еще вдвое больнѣе... И это безъ возмездія не проходить... Это замѣтно, — ему ни въ чемъ нѣтъ успѣха, да... Вѣчное безпокойство, вѣчное стремленіе куда-то... Какая-то погоня... И хоть бы выходило изъ этого что-нибудь! А то вѣдь — нѣтъ... впередъ онъ не идетъ! А какой онъ былъ раньше... ребенкомъ... Поразительный ребенокъ былъ... Помню, пасторъ Шмидель... Всѣ удивлялись. Тринадцати лѣтъ — уже въ старшемъ отдѣленіи, въ семнадцать — кончилъ гимназію. А теперь? А теперь почти всѣ обогнали его... Теперь ужъ многіе, у которыхъ и въ половину не было его способностей, уже давно на службѣ!

Анна. Собственно говоря, это вполне естественно. Это только доказываетъ, что г. Иоганнесъ выше средняго уровня... Торные дороги — не для всѣхъ. Г. Иоганнесъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые ищутъ новыхъ путей.

Г-жа Фокератъ. Но кому же это нужно, фрейлейнъ

Анна? Что толку въ томъ, что онъ такъ себя изнуряетъ? Мнѣ во сто разъ было бы пріятнѣе, если бы онъ былъ простымъ земледѣльцемъ... или садовникомъ, хоть чиновникомъ или чѣмъ-нибудь еще... Только бы не было у него этихъ пустыхъ мечтаній. Но, простите, фрейлейнъ, я еще испорчу вамъ расположеніе духа. Иногда находитъ на меня... Иногда кажется, что не вынесешь этого!.. А потомъ поплачешь немного и подумаешь: Господь устроить какъ-нибудь... Да, да! Вотъ вы улыбаетесь... Я — старого вѣка и отъ него не отступлю... Отъ Того, Кто на небесахъ, вы меня никакими силами не заставите отвернуться.

Анна. Да я и не собираюсь. Я и не смѣлась, тетушка Фокератъ. Но видите, вы и сами сейчасъ развеселились. Пойдемте... Хотите? На верандѣ чудесно...

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, нѣтъ. Еще простужусь тамъ. Да и дѣло у меня есть. Идите да приведите Иоганнесса. Завтракъ готовъ. (Анна уходитъ).

(Г-жа Фокератъ стираетъ съ мебели пыль. Слышны барабаны и флейты. Г-жа Фокератъ спѣшитъ къ окну. Звукъ инструментовъ постепенно затихаетъ. Изъ спальни входитъ Кэте въ капотъ).

Кэте (утомленная). По воскресеньямъ здѣсь слишкомъ шумно.

Г-жа Фокератъ. Это, Кэтель, гимнастическій кружокъ изъ Берлина. Веселые люди! Съ добрымъ утромъ, дорогая! Ну, какъ выспалась? Хорошо? Видъ у тебя сегодня не особенный.

Кэте. Маленькій два раза просыпался... И я долго не могла заснуть... Все думала... думала о многомъ...

Г-жа Фокератъ. Ужъ пора передать его кормилицѣ... Можетъ теперь и одна съ нимъ спать...

Кэте (съ мягкимъ упрекомъ). Ахъ, мама, ты же знаешь...

Г-жа Фокератъ. Да почему же нѣтъ?

Кэте. Ты же знаешь, что я этого не сдѣлаю.

Г-жа Фокератъ. Въ концѣ концовъ придется же, Кэте, это сдѣлать.

Кэте (раздражаясь). Ни за что съ нимъ не разстанусь. Филиппъ—мой ребенокъ. Оставлять такую крошку безъ матери...

Г-жа Фокератъ. Да что ты, дѣточка! Сохрани Бога! Кто же говорить объ этомъ! Погоди, я принесу тебѣ... кофе... сдѣлать тебѣ бутербродъ или...

Кэте (сидя за столомъ, утомленно). Да, пожалуйста! (Пауза, во время которой г-жа Фокератъ намазываетъ масло на хлѣбъ). А гдѣ Иоганнессъ?

Г-жа Фокератъ. Онъ съ фрейлейнъ Анной собираетъ винограды.

Кэте (опускаетъ подбородокъ на руки, говорить, растагивая слова). Она очень симпатичная. Правда?

Г-жа Фокератъ. Да. По правдѣ сказать, она мнѣ тоже нравится.

Кэте. Ну, вотъ видишь, мамочка, а ты всегда была такого дурного мнѣнія объ эмансипированныхъ женщинахъ.

Г-жа Фокератъ. Да, правда. И сознаюсь...

Кэте (вяло). Такая простая, женственная. Ни малѣйшей навязчивости... А она вѣдь очень образованная и очень умная. По-моему, это очень хорошо... Правда, мамочка? Она совсѣмъ не старается блеснуть своими знаніями... И за Иоганнеса я очень рада. Ты не находишь, что онъ теперь всегда такой веселый?

Г-жа Фокератъ (съ удивленіемъ). Да, да, правда. Онъ теперь иногда прямо дурачится.

Кэте. Правда, мамочка?

Г-жа Фокератъ. Потому что теперь у него есть человекъ, передъ которымъ онъ можетъ выкладывать всю свою ученость.

Кэте. А для него это очень важно.

Г-жа Фокератъ. Да, можетъ-быть, можетъ-быть. (Пауза).

Кэте. Въ очень многомъ я согласна съ фрейлейнъ Анной. Недавно она сказала: «Мы, женщины, находились въ приниженномъ состояніи». И она совершенно права. Я сотни разъ чувствовала это.

Г-жа Фокератъ. Ну, это меня несколько не огорчаетъ. Знаешь, съ этими разговорами ко мнѣ, старой и опытной женщинѣ, она можетъ не являться. Впрочемъ, она это поняла. Я слишкомъ стара для этого и слишкомъ много переиспытала.

Кэте. Но она права, мама. Ясно, какъ день, что она права. Мы, въ самомъ дѣлѣ, какія-то презрѣнные созданья... Подумай только,—въ нашихъ законахъ есть одна статья,—она вчера рассказывала,—по которой мужъ еще и теперь имѣть право подвергнуть жену тѣлесному наказанію.

Г-жа Фокератъ. Не знаю, ничего не могу объ этомъ сказать. Во всякомъ случаѣ, это было бы совсѣмъ ужъ не такъ плохо. Только, если ты хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, — оставь ты эти новыя идеи. Онѣ только съ толку сбиваютъ и отнимаютъ покой и миръ. Погоди, дѣтка. Я

сейчас кофе принесу. Да, я держусь, по крайней мѣрѣ, такого мнѣнія. (Уходитъ).

(Кэте сидитъ за столомъ, облокотившись на столъ и положивъ подбородокъ на руки. Въ это время неожиданно мимо дома проходятъ Иоганнесъ и Анна, громко разговаривая и смѣясь. Кэте пугается, вздрагиваетъ и подымается, чтобы прослѣдить ихъ глазами. Во взглядѣ ея—страхъ, она тяжело дышитъ. Слышно, какъ г-жа Фокератъ шумитъ кофейникомъ. Сейчас же послѣ этого входитъ г-жа Фокератъ и застаётъ Кэте въ той же позѣ, въ какой ее оставила).

Г-жа ФОКЕРАТЪ (внося кофе). Ну, вотъ... Выпей-ка да подкрѣпись.

(ФРЕЙЛЕЙНЪ Анна и Иоганнесъ входятъ съ веранды).

Иоганнесъ (оставляя дверь открытой). Дверь мы откроемъ. Солнце ужъ начало припекать. Очень сильныя пораненія, фрейлейнъ Анна?

Анна (втаскивая нѣсколько длинныхъ виноградныхъ лозъ). Нѣтъ, пустяки! Шпалеры такія мокрыя... я и поскользнулась съ ножницами... (Поспѣшно подходитъ къ Кэте, беретъ ее за обѣ руки и цѣлуетъ въ лобъ). Доброе утро, г-жа Кэте! У-у, какія холодныя руки! Ужасно холодныя! (Старается согрѣть ей руки).

Иоганнесъ (подойдя сзади, цѣлуетъ Кэте въ щеку). Съ добрымъ утромъ, Кэте! (Съ коничнымъ изумленіемъ) Боже мой, какой у тебя опять видъ! Ужасно! Совсѣмъ больной цыпленокъ!

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Какой холодъ вы принесли съ собою! Да, скоро ужъ придется топить. Ну пожалуйста, господа! (Налавываетъ всѣмъ).

Анна (украшая столъ лозами). Украсить немного?

Кэте. Очень красиво.

Иоганнесъ (сидя). Ну, а теперь прошу констатировать, каковъ видъ теперь у фрейлейнъ Анны, и какъ выглядѣла она недѣлю назадъ, когда только-что пріѣхала.

Анна. Мнѣ здѣсь слишкомъ ужъ хорошо! Надо ужъ собираться!

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Деревенскій воздухъ сразу даетъ себя знать.

Иоганнесъ. А кто тогда такъ упрямился?

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Что-то нашъ папа теперь подѣлываетъ?

Иоганнесъ. Навѣрное, скучаетъ безъ тебя.

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Ну, у него дѣла много. Хотя и озимый сѣвъ теперь, но онъ пишетъ, чтобы я оставалась здѣсь, пока не пройдетъ надобность.

Іоганнесь. Онъ прїѣдетъ за тобою, мама?

Г-жа Фокератъ. Да, если я напишу ему, онъ прїѣдетъ. (Къ Аннѣ) Онъ съ удовольствіемъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы повидать дѣтей. А теперь еще и внукъ есть! Нѣтъ, знаетъ, когда пришла ваша телеграмма, что родился здоровый мальчикъ, — онъ былъ внѣ себя отъ радости.

Катѣ. Славный папочка! Тебѣ надо скорѣе домой, къ нему! Съ нашей стороны было бы слишкомъ эгоистично...

Г-жа Фокератъ. Я-то поѣду! Только пусть сначала твои щечки измѣняютъ свой видъ.

Анна. Да и я еще здѣсь. Вы что думаете? Я не умѣю хозяйничать? О! И какихъ бы кушаній я вамъ наготовила! Настоящій русскій борщъ или пилавъ. (Всѣ смѣются).

Г-жа Фокератъ (съ невольной поспѣшностью). Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что не уѣду.

Катѣ. Если тебѣ, правда, ничего, мамочка... (Пауза).

Іоганнесь. Передай-ка мнѣ медъ, Катѣ.

Катѣ. А, вотъ и Браунъ! (Браунъ въ пальто, шляпѣ, съ зонтомъ и дорожной сумкой. Подъ мышкой книга. На лицѣ выраженіе скуки. Походка утомленная, медленная).

Браунъ. Здравствуйте!

Іоганнесь. Куда это тебя несетъ такъ рано?

(Г-жа Фокератъ отмахивается салфеткой).

Іоганнесь. Это пчелка, мамочка! Но бой ее, не бой!

Браунъ. Собирался въ Берлинъ купить красокъ. Да, къ несчастью, на поѣздъ опоздалъ.

Іоганнесь. Съ тобою это часто случается.

Браунъ. Ну что-жъ—и завтра поспѣю.

Катѣ (поднимаетъ руки, пчела летаетъ надъ ея тарелкой). Медъ почуяла.

Анна. Развѣ нѣтъ больше поѣздовъ? (Смотритъ внизъ себя на грудь. Съ угрозой) Пчелка, пчелка!

Браунъ. Эти поѣзда слишкомъ дороги, я ѣзжу только въ рабочихъ.

Іоганнесь. А они отходятъ очень рано. Скажи, а писать ты еще можешь?

Браунъ. Безъ красокъ? Нѣтъ.

Іоганнесь. Ахъ, Брео, Брео! Опять ты въ лѣнь погрузился!

Браунъ. Придетъ ли слава днемъ раньше или днемъ позже... Да и вообще вся эта живопись...

Іоганнесь. Лучше играть въ шахматы?

Браунъ. Тебѣ не понятъ! Твое море, другъ мой, безъ гаваней. Ты живешь безъ паузъ.

Иоаннесь. Да это невозможно.

Г-жа Фокератъ (вскакиваетъ, вскрикивая). Оса! Оса! (Всѣ машутъ салфетками около г-жи Фокератъ).

Иоаннесь. Улетѣла.

Г-жа Фокератъ (снова садясь). Отвратительная тварь! (Всѣ садятся).

Иоаннесь (Брауну). Ну, присаживайся. Чтѣ это у тебя тамъ?

Браунъ. Хочется знать? Интересная вещь.

Иоаннесь. Ну, садись да завтракай!

Браунъ (садится и передаетъ Иоаннесу книгу. Иоаннесь перелистываетъ ее). Съ удовольствіемъ. Я еле успѣлъ проглотить... Отыщи-ка «Художниковъ» Гаршина.

Иоаннесь (перелистывая). Опять что-нибудь откопалъ?

Браунъ. Какъ разъ для тебя, Гансъ.

Анна. Да, это очень хорошій рассказъ. Вы его не знали?

Браунъ. Нѣтъ. Только сегодня утромъ еще въ постели началъ читать. Изъ-за него и на поѣздъ опоздалъ.

Анна. Вы за Рябинина или за Дѣдова?

Иоаннесь. Во всякомъ случаѣ, теперь ты больше за чтеніе, чѣмъ за живопись.

Браунъ. Въ данную минуту, вѣрнѣе, я ни за то ни за другое. А ты вотъ обрати вниманіе на рассказъ Гаршина. Въ настоящее время есть, пожалуй, вещи поважнѣе, чѣмъ всѣ живописи и литературы, взятая вмѣстѣ.

Анна. Значитъ, вы за Рябинина?

Браунъ. За Рябинина? Нѣтъ, такъ опредѣленно я не могу сказать.

Иоаннесь. Чтѣ это за рассказъ: «Художники»?

Анна. Два художника: одинъ—наивный, другой—такъ-называемый «идейный». Наивный былъ инженеромъ и дѣлается художникомъ. Идеиный бросаетъ живопись и дѣлается школьнымъ учителемъ.

Иоаннесь. По какимъ же мотивамъ?

Анна. Ему кажется, что въ данное время полезнѣе быть учителемъ.

Иоаннесь. Какъ же приходитъ онъ къ такому рѣшенію?

Анна (взяла книгу, перелистываетъ ее). Пойдите. Самое простое, я прочту вамъ это мѣсто... Вотъ. (Она держитъ на-

леці на отыснанномъ мѣстѣ и обращается ко всѣмъ, объясняя) Дѣдовъ, бывшій инженеромъ, повелѣлъ Рябинина на котельный заводъ. Рабочіе, которымъ приходится работать внутри котловъ, обыкновенно черезъ нѣкоторое время отъ ужаснаго шума бьющихся молотовъ теряютъ слухъ. Поэтому другіе рабочіе въ Россіи зовутъ ихъ «глухарями». Одного такого «глухаря» за работой и показываетъ Дѣдовъ Рябинину. (Читаетъ) «Вотъ онъ сидитъ предо мною въ темномъ углу котла, скорчившійся въ три погибели, одѣтый въ лохмотья, задыхающійся отъ усталости человѣкъ. На багрово-красномъ лицѣ, по которому струится потъ... На измученной широкой и впалой груди...»

Г-жа Фокерать. И зачѣмъ только вообще описывать такіе ужасы! Кого это можетъ радовать?

Іоаннесь (улыбаясь и нѣжно глади мать по головѣ). Ахъ, мамочка, мамочка! Развѣ всегда надо только смѣяться?

Г-жа Фокерать. Этого я не говорю. Но все-таки искусство должно же доставлять извѣстное наслажденіе...

Іоаннесь. Отъ искусства можно получать больше, чѣмъ наслажденіе.

Аня. Рябининъ тоже не радуется. Онъ потрясенъ до глубины души. Все въ немъ перевернуто.

Іоаннесь. Ты вспомни сельское хозяйство, мама. И тамъ, чтобы выросла новая жатва, необходимо перевернуть землю плугомъ каждый годъ.

Аня. Вотъ я въ Рябининѣ вырастаетъ что-то новое. Онъ говоритъ себѣ: пока существуютъ такіе ужасы,—преступленіе заниматься чѣмъ-нибудь, что не имѣетъ цѣлью уменьшить эти ужасы.

Г-жа Фокерать. Ужасы эти всегда существовали.

Іоаннесь. Но идея сдѣлаться учителемъ довольно неудачна.

Браунъ. Почему? Развѣ это—не болѣе полезное дѣло, чѣмъ писать картины или сочинять книги?

Іоаннесь. Какъ ты цѣнишь свою работу,—это знаешь, конечно, ты! Я, во всякомъ случаѣ, не низкаго мнѣнія о своей дѣятельности.

Браунъ. Ты просто себѣ не сознаешься, а я—сознаюсь...

Іоаннесь. Въ чемъ? Въ чемъ я не признаюсь?

Браунъ. Именно въ этомъ.

Іоаннесь. Въ чемъ?

Браунъ. Въ томъ, что всѣ эти писанія такъ же безцѣльны, какъ...

Іоганнесь. Какія писанія?

Браунъ. Ну, да вотъ твои психо-физиологическія...

Іоганнесь (сердато). Въ этомъ ты ровно ничего не понимаешь.

Браунъ. Да мнѣ дѣла до этого нѣтъ.

Іоганнесь. Ну, послушай! Въ такомъ случаѣ ты—жалкій неучъ и стоишь на той ступени развитія...

Браунъ. Ну, ну, выложи опять свою школьную мудрость!

Іоганнесь. На школьную мудрость я плюю, ты это отлично знаешь. Но несомѣнно одно...

Браунъ. Ты это сто разъ говорилъ, и все-таки спесь учености такъ и лѣзетъ у тебя изъ всѣхъ щелей. Перестанемъ лучше говорить объ этомъ. Все это—щекотливые вопросы, которые каждый рѣшаетъ про себя, по своему усмотрѣнію.

Іоганнесь. Почему—щекотливые?

Браунъ. И какая цѣль? Ты сейчасъ же раздражаешься, сердишься и...

Іоганнесь. Выражайся яснѣе, милый другъ! Выражайся яснѣе.

Браунъ. Глупости! Все это ни къ чему! Каждый живетъ, какъ хочетъ.

Іоганнесь. А я, по-твоему, живу не такъ, какъ слѣдуетъ?

Браунъ. Не хуже, чѣмъ другіе. Ты просто—человѣкъ компромисса.

Іоганнесь. Не оскорбись, если я тебѣ на это ничего не отвѣчу. Мнѣ это просто скучно. (Возбужденно) А собственно вся бѣда въ томъ, что вы, друзья мои, кричали радикальныя фразы, а я вамъ разъ навсегда сказалъ, что въ этомъ я вамъ не товарищъ. Потому я и сталъ человѣкомъ компромисса.

Браунъ. Это ты говоришь, а дѣло обстоитъ иначе: когда мы беззавѣтно отстаивали наши идеи, ты выступалъ противъ насъ и защищалъ все старое и отжившее. Этимъ ты и отпугнулъ всѣхъ своихъ друзей и остался одинъ.

Кѣте (успокаивая его). Іоганнесь!

Іоганнесь. Друзья, которыхъ я могъ отпугнуть отъ себя... на этихъ друзей, откровенно говоря, мнѣ плевать!

Браунъ (встаетъ). Плевать? (Смотритъ на Анну) Съ какихъ это поръ, Гансъ?

Кѣте (послѣ нѣкоторой паузы). Вы уходите, г. Браунъ?

Браунъ (оскорбленъ, но равнодушнымъ тономъ). Да, у меня есть еще дѣло.

Иоганнесъ (добродушно). Оставь свои глупости!

Браунъ. Нѣтъ, серьезно.

Иоганнесъ. Ну, въ такомъ случаѣ иди, занимайся своимъ неотложнымъ дѣломъ.

Браунъ. До свиданія. (Уходитъ. Пауза).

Г-жа Фокератъ (начинаетъ собирать посуду). Не понимаю, право... Такъ вы всегда бредите этимъ Брауномъ... А я, сознаюсь, но очень люблю его.

Иоганнесъ (задѣтъ). Нѣтъ ужъ, мама, ради Бога...

Кэтэ. Но Браунъ, въ самомъ дѣлѣ, не деликатенъ съ тобою, Ганнесъ!

Иоганнесъ. Нѣтъ, господа, ужъ, ради Бога, не мѣшайтесь въ мои личныя отношенія! (Новая пауза. Г-жа Фокератъ собираетъ со стола. Кэтэ встаетъ).

Иоганнесъ (къ Кэтэ). Куда ты?

Кэтэ. Маленькаго купать. (Съ дѣтской улыбкой киваетъ Аннѣ и уходитъ въ спальню. Г-жа Фокератъ, поставивъ часть посуды на подносъ, собирается уходить. Въ это время наружная дверь приотворяется, видна фигура торговки. Она выкрикиваетъ: «Зеленщица!»).

Г-жа Фокератъ (отвѣчаетъ ей). Иду... иду. (Уходитъ въ наружную дверь. Небольшая пауза).

Анна (встаетъ, заводитъ свои часы). Который теперь часъ можетъ быть? (Оборачивается къ Иоганнесу. Онъ разстроенъ). Доктора! (Она тихо напѣваетъ пѣсенку: «Братецъ ты мой», лукаво поглядывая на Иоганнеса. Оба, наконецъ, смѣются).

Иоганнесъ (опять серьезно, со вздохомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна! Къ сожалѣнью, это очень серьезно.

Анна (лукаво грозитъ пальцемъ). А вы не смѣйтесь!

Иоганнесъ (опять начинаетъ смѣяться, но потомъ говоритъ серьезно). Вѣдь вы не знаете, что за этимъ кроется... вотъ за такими словами Брауна.

Анна. Вы слыхали, какъ я играю на роялѣ?

Иоганнесъ. Нѣтъ. Я думалъ, вы совсѣмъ не играете.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ... Шучу... Что-жъ, пойдѣмъ кататься на лодкѣ?

Иоганнесъ. По правдѣ сказать, мнѣ ничего не хочется!

Анна (дружески грозитъ ему). Доктора!.. Доктора! Развѣ можно такъ падать духомъ?

Иоганнесъ. Не понимаю, какъ такой человекъ, какъ Браунъ...

Анна. Опять Браунъ! Неужели же его слова произвели на васъ такое сильное впечатлѣнiе?

Иоганнесь. Ахъ, фрейлейнъ, все это старыя исторіи; которыя опять сейчасъ выплыли...

Анна. Ну, и оставьте, докторъ, эти старыя исторіи въ покоѣ. Пока не перестанешь оглядываться назадъ, далеко не уйдешь.

Иоганнесь. Вы совершенно правы. Бросимъ это! Но все-таки интересно, какъ это люди, во всемъ остальномъ умны, на протяженіи столькихъ лѣтъ всегда впадаютъ въ одну и ту же ошибку. Вѣдь онъ говорилъ совершенно серьезно. Онъ считаетъ мою философскую работу—совершенно ненужной. Можете вы понять это?

Анна. Бываютъ такіе люди.

Иоганнесь. Необходимо быть общественнымъ дѣятелемъ, шумѣть, изображать радикала! Нельзя вѣнчаться въ церкви, хотя бы изъ уваженія къ своей невѣстѣ, воспитанной въ религіозномъ духѣ. Вообще нельзя считаться ни съ прошлымъ, ни съ чѣмъ. А если кто-нибудь, вотъ какъ я, напримѣръ, живетъ замкнуто въ четырехъ стѣнахъ, отдавшись наукѣ, тотъ въ глазахъ этихъ товарищей—человѣкъ, нѣмнившій своимъ идеаламъ! Развѣ все это не дико, фрейлейнъ?

Анна. Ахъ, докторъ, не придавайте вы столько значенія словамъ вашихъ друзей!.. Если ваши взгляды способны удовлетворить васъ самихъ, чего вамъ волноваться, что другихъ они не удовлетворяютъ! А эти конфликты только отнимаютъ у людей силы.

Иоганнесь. Да, да... и впредь я не стану больше огорчаться... Кому не нравится, какъ угодно! Конечно, раньше были и у меня другіе взгляды!.. Вѣдь выросъ вмѣстѣ съ этими друзьями... привыкъ къ тому, что они тебя цѣнятъ... А когда больше не чувствуешь этого уваженія, то кажется, что попалъ въ безвоздушное пространство и задохнешься тамъ.

Анна. Но вѣдь у васъ есть семья.

Иоганнесь. Да, конечно, т.-е... Нѣтъ, фрейлейнъ Анна! Вы не истолкуете вкривь моихъ словъ... Этого я никому еще не говорилъ. Вы знаете, какъ я привязанъ къ своей семьѣ. Но что касается моей работы,—то тутъ моя семья ничего мнѣ не можетъ дать. Кѣте... та хоть, по крайней мѣрѣ, сочувствуетъ ей. Это, конечно, очень трогательно! Она все всегда находитъ прекраснымъ. Но я же понимаю, что у нея не можетъ быть объ этомъ никакого мнѣнія. Пользы извлечь отсюда я не могу. Вотъ почему, съ тѣхъ

поръ какъ вы здѣсь, фрейлейнъ Анна, я чувствую себя буквально какъ на небѣ. Въ первый разъ въ жизни написалъ человѣкъ, серьезно заинтересовавшійся моей работой, тѣмъ, что я способенъ создать. И это меня бодритъ!.. Какъ будто дождь освѣжилъ степь... Какъ будто...

Анна. Вы почти поэтъ, докторъ!

Іоганнесъ. Да и есть отъ чего сдѣлаться поэтомъ... Но вы заблуждаетесь... Мать прямо ненавидитъ мою бѣдную рукопись. Съ величайшимъ удовольствіемъ она бросила бы ее въ печку. Моему доброму отцу она не менѣе непріятна. Итакъ, отсюда мнѣ ждать нечего. Семья можетъ быть только помѣхой въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, это меня и не удивляетъ. Но вотъ, когда у тебя есть друзья, и когда они не имѣютъ ни капли уваженія къ твоей работѣ; когда такой человѣкъ, какъ Браунъ...

Анна. Удивляюсь, почему именно Браунъ такъ огорчаетъ васъ.

Іоганнесъ. Да, Браунъ... Знаете... мы вѣдь знаемъ другъ друга съ дѣтства...

Анна. Т.-е. вы знали его съ дѣтства?

Іоганнесъ. Да, и онъ, конечно, меня...

Анна. Онъ—васъ? Неужели?

Іоганнесъ. Ну да... т.-е. до извѣстной степени.

Анна. Мнѣ кажется, вы такіе въ самой основѣ различные люди.

Іоганнесъ. Вы думаете?

Анна (послѣ паузы). Г. Браунъ во всѣхъ отношеніяхъ настолько еще не сложившійся человѣкъ... настолько... Не то, чтобы онъ завидовалъ вамъ... нѣтъ... Но ему непріятно... просто невыносимо ваше упорное отстаиванье вашей... вашей собственной своеобразности... Его это даже пугаетъ. Ему кое-что просто привиди,—разныя соціально-этическія идеи, или какъ ихъ тамъ еще зовутъ,—и онъ хватается, цѣпляется за нихъ, потому что самостоятельно онъ... онъ не можетъ существовать. Какъ человѣкъ, онъ не представляетъ собою сильной индивидуальности, какъ и большинство художниковъ. На свои личныя силы онъ положиться не смѣетъ... Онъ долженъ чувствовать, что за его спиной—массы.

Іоганнесъ. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я чуть не погибъ отъ осужденія друзей! О, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это тогда!.. Я былъ совершенно уничтоженъ. Я мучилъ себя

упреками за то, что живу въ хорошемъ домѣ, за то, что вкусно ѣмъ и пью... Я пугливо уступать дорогу каждому рабочему и съ замираемъ сердца проходилъ мимо зданій, гдѣ они работали. Я измучилъ тогда жену... Я хотѣлъ раздать все имущество и добровольно осудить себя на нищету... Да, если бы пришлось снова переживать такое время, лучше... лучше—Мюгельское озеро... Ну, а теперь (береть шляпу) надо все-таки образумить этого глупаго маляго... Брауна...

Анна (смотритъ на него съ своеобразной улыбкой).

Иоганнесъ. А по-вашему, не надо?

Анна. Нѣтъ, поступайте такъ, какъ находите нужнымъ. Охъ, вы, взрослый ребенокъ!

Иоганнесъ. Фрейлейнъ Анна!

Анна. Ваше сердце, докторъ,—вашъ врагъ!

Иоганнесъ. Какъ подумаю, что онъ бѣгаетъ теперь взадъ и впередъ и злится,—не могу сидѣть спокойно.

Анна. Ну, развѣ хорошо быть такимъ мягкимъ?

Иоганнесъ (рѣшавъ). Нѣтъ... нехорошо. Хотя онъ ни за что не придетъ. Онъ никогда не дѣлалъ перваго шага. Ну, да все равно! Вы правы. А поэтому и я тоже на этотъ разъ не пойду... къ Брауну. Что-жъ, отправимся на озеро?

Анна. А вы хотѣли прочитать мнѣ третью главу?

Иоганнесъ. Рукопись можно захватить съ собою.

Анна. Превосходно. Такъ я одѣнусь... въ одну минуту. (Уходить. Иоганнесъ подходитъ къ книжному шкапу, вынимаетъ рукопись и углубляется въ чтеніе ея. Г-жа Фокератъ входитъ изъ паружной двери, въ рукахъ у нея двѣ книжечки съ золотымъ обрѣзомъ).

Г-жа Фокератъ. Возьму одинъ изъ вашихъ удобныхъ стульевъ, падѣну очки и почитаю утреннія молитвы. На верандѣ тепло?

Иоганнесъ. Совсѣмъ тепло, мама. (Отрываясь взглядомъ отъ рукописи) Что это у тебя?

Г-жа Фокератъ. «Слова сердца». Знаешь,—мой любимый Лафатеръ. А это—Герокъ: «Пальмовые листья». Вотъ это былъ человекъ! И достается же иногда отъ него ученимъ! Ой-ой! (Обнимаетъ Иоганнеса и прижимаетъ его голову. Нѣжно) Ну, старый ребенокъ, опять ужъ задумался! (Не безъ юмора) Ахъ, ты, молодой отецъ!

Иоганнесъ (разсѣянно, отрываясь отъ рукописи). Что, мамочка?

Г-жа Фокератъ. Какъ ты себя чувствуешь въ твоемъ новомъ чинѣ отца?

Иоганнесъ. Никакъ особенно, мамочка! Какъ всегда...
Г-жа Фокератъ. Ну, не притворяйся! Сначала прыгала до потолка отъ радости, а теперь... Ты опять чѣмъ-нибудь недоволенъ?

Иоганнесъ (разсѣяно). О, нѣтъ, очень доволенъ, мамочка!

Г-жа Фокератъ. Послушай, теперь ты носишь всегда свой хорошій костюмъ. Фрейлейнъ Анна не обидится... Доносили бы здѣсь все старье.

Иоганнесъ. Вѣдь я, кажется, не ребенокъ, мама!

Г-жа Фокератъ. Сейчасъ ужъ и сердиться! (Крѣпко обвиняетъ его. Вкрадчиво и вѣжливо) И будь хоть чутьчку набожнымъ, мой старичокъ! Ну, сдѣлай это изъ любви къ своей старухѣ-матери. Твой старый Геккель и дурацкій Дарвинъ приносятъ тебѣ несчастье. Ну, пожалуйста! Для старой матери!

Иоганнесъ (смотреть на небо). Ахъ, вы, добрые люди! Дѣйствительно приходится сказать: прости имъ, Господи, ибо не вѣдаютъ... Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что это такъ просто—взять да и сдѣлаться набожнымъ?

Г-жа Фокератъ (уходя). Да, да... Надо только захотѣть, Ганнесъ! Ты только попробуй, Ганнесъ! (Уходитъ на веранду, садится и принимается за чтеніе. Иоганнесъ снова погружается въ рукопись. Входитъ съ письмами Кэте).

Кэте (читаетъ, затѣмъ поднимаетъ глаза). Ганнесъ, письмо отъ банкира.

Иоганнесъ. Пожалуйста, Кэте... Я сейчасъ совсѣмъ другимъ занятъ.

Кэте. Онъ спрашиваетъ, продавать ему...

Иоганнесъ. Ради Бога, не сейчасъ!

Кэте. Но дѣло спѣшное, Ганнесъ...

Иоганнесъ (вспыхнувъ). Вотъ это!.. да! (Судорожно стучитъ указательнымъ пальцемъ по рукописи) Для меня это еще болѣе спѣшное дѣло!

Кэте. Ну, пускай лежитъ! Только, въ такомъ случаѣ, завтра мы можемъ остаться безъ всякихъ средствъ.

Иоганнесъ (еще болѣе раздраженно). Нѣтъ, Кэте, мы, очевидно, въ самомъ дѣлѣ не подходимъ другъ къ другу! А вы еще всегда удивляетесь, почему у насъ о покоѣ не можетъ быть рѣчи. Если даже начнетъ устанавливаться душевное равновѣсіе, являешься ты... и съ какими-то извозничьими ухватками зализываешь...

Кэте. И не думаю. Сейчасъ былъ почтальонъ... Я только объ этомъ сказала...

Иоганнесь. Вотъ именно... Это-то и доказываетъ вашу полную неспособность понять... Какъ будто это то же самое, что пить башмаки! Пришелъ почтальонъ, а ты только говоришь мнѣ объ этомъ. Конечно! Почему же нѣтъ! А что ты этимъ нарушаешь дѣльность составленной съ трудомъ цѣны мыслей, тебѣ это и въ голову не приходитъ.

Катя. Да надо же думать и о практической сторонѣ жизни...

Иоганнесь. А по-моему — моя работа прежде всего. И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ-третьихъ—она, а ужъ потомъ—практическая сторона жизни. Пойми же хоть разъ меня, Катя! Поддержи же меня хоть немного! Или—просто, не говори мнѣ о практической сторонѣ жизни. Вѣдай ее самостоятельно! Не вваливай на меня...

Катя. Взять на себя отвѣтственность я не могу, Ганнесь!

Иоганнесь. Ну, вотъ видишь!.. Опять! Только бы никакой отвѣтственности! Никакого самостоятельнаго рѣшенія! Да почему вы во что бы то ни стало добиваетесь зависимости? Почему вы стремитесь быть непременно несовершеннѣйшими?

Катя (хочетъ передать ему письмо). Ну, Ганнесь, ну, распо-рядись же какъ-нибудь!

Иоганнесь. Да не могу я теперь, Катя!

Катя. Когда же можно мнѣ придти къ тебѣ за отвѣтомъ, Ганнесь? Не могу же я при фрейлейнъ Аннѣ...

Иоганнесь. Ахъ, какъ все это мелко, по-мѣщански! Почему-то изъ денежныхъ дѣлъ всегда надо дѣлать тайну... Какое-то стѣсненіе... Не понимаю... По-моему, только мелкія души такъ должны поступать.

Катя. Ну, а что бы было, если бы я заговорила объ этомъ при фрейлейнъ Аннѣ... Хотѣла бы я посмотреть.

Иоганнесь. Вѣчно фрейлейнъ Анна... фрейлейнъ Анна... Оставь ты фрейлейнъ Анну въ покоѣ! Она намъ не мѣшаетъ.

Катя. Да я и не говорю, что мѣшаетъ. Во всякомъ случаѣ, ей было бы интересно...

Иоганнесь. Ахъ, Катя, Катя! Вѣдь это же мука! Вѣчно эти денежные дѣла, вѣчно этотъ страхъ, какъ будто завтра ужъ намъ придется голодать. Ужасно! Можно подумать, что у тебя и голова и сердце полны исключительно заботами о деньгахъ. А когда-то считали женщину чуть не идеаломъ!.. Что же, въ концѣ концовъ, остается любить въ ней?

Кэте. О себѣ я не забочусь... Но что же будетъ съ нашимъ ребенкомъ, если... Ты же самъ говоришь, что на заработокъ ты не можешь разсчитывать. Надо же жить скромно!

Иоганнесъ. Ну, конечно. У тебя вѣчно одни только интересы твоей семьи, а у меня интересы общечеловѣческіе. Да вообще я не отецъ семейства. Для меня главное—выразить то, что есть въ моей душѣ. Я кажусь самому себѣ пегасомъ, на котораго надѣли ярмо. И я чувствую,—я окончательно погибну отъ этого...

Кэте. Иоганнесъ, мнѣ слышать это отъ тебя—ужасно!

Иоганнесъ. Фрейлейнъ Анна права. Кухня да дѣтская—вотъ ваши горизонты въ лучшемъ случаѣ. Дальше этого для нѣмецкой женщины ничего не существуетъ.

Кэте. Долженъ же кто-нибудь готовить обѣдъ и заботиться о дѣтяхъ. Ей легко говорить! Я бы сама съ большимъ удовольствіемъ сидѣла за книжками.

Иоганнесъ. Кэте! Зачѣмъ ты умышленно унижаешь себя? Говорить въ такомъ тонѣ о такомъ человѣкѣ, который стоитъ такъ высоко, какъ фрейлейнъ Анна...

Кэте. Но если она говоритъ такія вещи!

Иоганнесъ. Какія вещи?

Кэте. Ну, вотъ эти глупости насчетъ нѣмецкихъ женщинъ!

Иоганнесъ. Никакихъ глупостей она не говорила. Напротивъ. Сейчасъ мнѣ просто неприятно повторить тебѣ, какъ хорошо она отзывалась о тебѣ. Ты бы сгорѣла со стыда...

Кэте. Но она же сказала о ничтожности нашего горизонта.

Иоганнесъ. Докажи, что она ошибается.

Кэте (въ слезахъ). Нѣтъ, Ганнесъ... Ты такой добрый... но иногда... иногда ты бываешь такимъ холоднымъ, такимъ жестокимъ... безсердечнымъ.

Иоганнесъ (немного спокойнѣе). Ну, вотъ опять я же и безсердечный! Чѣмъ же, Кэте?

Кэте (всхлипывая). Потому что ты... мучишь меня... Ты это самъ понимаешь...

Иоганнесъ. Что я понимаю, Кэте?

Кэте. Ты знаешь, что во мнѣ и тѣни самодовольства нѣтъ... ты знаешь это... и... и тебѣ ни капли не жаль меня. Вѣчно одни упреки...

Иоганнесъ. Въ чемъ?.. Когда, Кэте?

Кэте. Вмѣсто того, чтобы быть деликатнымъ со мной,

хоть немного укрѣпить мою вѣру въ себя... ты только унижаешь, унижаешь меня... все ниже. Я вѣдь и не воображаю, что у меня Богъ знаетъ какой широкій горизонтъ. Но вѣдь не безчувственная же я!.. Да, конечно, я не свѣтило! Вообще я уже давно замѣтила, что я лишняя.

Иоганнесъ (хочетъ взять ее за руку, Кэте отдергиваетъ руку). Нѣтъ, ты не лишняя... Этого я тебѣ никогда не говорилъ.

Кэте. Ты это только-что сказала. Да если бы ты этого даже и не говорилъ, я же чувствую: для тебя я не могу имѣть значенія, потому что понять твоей работы я не въ состояніи... А ребенокъ... Ну да, я кормлю его молокомъ, держу въ чистотѣ... Но все это можетъ сдѣлать и прислуга... А потомъ... когда онъ подрастетъ, чѣмъ я могу ему быть полезной?.. (Плачетъ слышно). Фрейлейнъ Анна воспитала бы его гораздо лучше.

Иоганнесъ. Кэте... ты просто...

Кэте. Я говорю то, что есть. Это—правда. Она училась... У нея большія знанія... А мы... мы—жалкіе калѣки. Какъ же можно быть для кого-нибудь опорой, если сама...

Иоганнесъ (полный горючей любви, хочетъ обнять Кэте). Кэте, сердечко мое золотое! У тебя такое чудное, глубокое, сказочное сердце! Милая моя! (Она отталкиваетъ его отъ себя; онъ лепечетъ) Я былъ бы безчестный, если бы... Минутами я бываю грубъ, невыносимъ... Я недостойнъ тебя, Кэте!

Кэте. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Ганнесъ. Это ты только говоришь сейчасъ...

Иоганнесъ. Нѣтъ, серьезно, Кэте! Пусть я буду подлецомъ, если...

Кэте. Пусти меня, Ганнесъ. Я должна подумать. А письмо, письмо!

Иоганнесъ. Ахъ, Кэте, глупенькая! О чемъ же ты должна подумать?

Кэте. Столько мыслей... Какъ вихрь... Нѣтъ, оставь, оставь меня!

Иоганнесъ (горячо). Да оставь ты это письмо! Ты моя милая-милая жена!

Кэте. Нѣтъ, Ганнесъ, нѣтъ! (Отстраняетъ его отъ себя).

Иоганнесъ. Да что съ тобой?

Кэте. Подожди, Ганнесъ! Взгляни! (Показываетъ ему письмо) Онъ спрашиваетъ, продавать ему...

Иоганнесъ. Какія бумаги?

Кэте. Акціи прядильной мануфактуры.

Иоганнесъ. Развѣ процентовъ не хватаетъ?

Кэте. Чтò ты?! Мы за этотъ мѣсяцъ опять истратили больше тысячи марокъ.

Юганнесъ. Да чтò ты, Кэте! Это просто невозможно! Ахъ, господа, господа, вы ужъ очень небережливы.

Кэте. Все записано, Ганнесъ.

Юганнесъ. Ну, я все равно ничего не пойму.

Кэте. Ты слишкомъ много раздаешь, Ганнесъ. Капиталь и таетъ. Чтò-жъ, продавать?

Юганнесъ. Ну да, конечно. Подожди только! А, да пустяки! Куда ты?

Кэте. Послать отвѣтъ.

Юганнесъ. Кэте!

Кэте (оборачивается въ дверяхъ). Чтò, Ганнесъ?

Юганнесъ. И ты такъ уйдешь?

Кэте. А чтò?

Юганнесъ. Я и самъ не знаю,—чтò... Но...

Кэте. Чтò же?

Юганнесъ. Ахъ, Кэте, я не понимаю, чтò съ тобою?

Кэте. Ровно ничего, Ганнесъ, право,—ничего.

Юганнесъ. Ты разлюбила меня.

Кэте (опускаетъ голову и отрицательно ею качаетъ).

Юганнесъ (обнимаетъ одной рукой Кэте). Помнишь, Кэте, наше условіе: никакихъ тайнъ другъ отъ друга. Ни малѣйшей! (Обнимаетъ сильнѣе). Ну, скажи что-нибудь! Ты меня больше не любишь, Кэте?

Кэте. Ахъ, Ганнесъ, ты же отлично знаешь.

Юганнесъ. Чтò же тогда съ тобою?

Кэте. Ты самъ знаешь.

Юганнесъ. Да чтò такое? Ничего не знаю. Не имѣю ни малѣйшаго представленія!

Кэте. Я бы такъ хотѣла для тебя чѣмъ-нибудь быть.

Юганнесъ. Но ты для меня значишь очень много.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ!

Юганнесъ. Такъ скажи же мнѣ...

Кэте. Ты въ этомъ, конечно, не виноватъ, Ганнесъ... но... я тебя не удовлетворяю...

Юганнесъ. Удовлетворяешь... Вполнѣ...

Кэте. Да, это ты теперь говоришь.

Юганнесъ. Это мое самое святое убѣжденіе...

Кэте. Да, въ данную минуту.

Юганнесъ. Но изъ чего же ты можешь заключить, что...

Кэте. У меня глаза есть.

Иоганнесъ. Да развѣ, Кэте, я подамъ тебѣ какой-нибудь поводъ?

Кэте. Нѣтъ, никогда.

Иоганнесъ. Ну, вотъ видишь! (Обнимаетъ ее еще болѣе нѣжно). Это все воображеніе... Глупое воображеніе, Кэте, отъ котораго надо отдѣлаться!.. Ну, поди, поди! (Гораче ее цѣлуетъ).

Кэте. Ахъ, если бы это было только воображеніе!

Иоганнесъ. Да ужъ будь увѣрена!

Кэте. А я... я такъ страшно тебя люблю, Ганнесъ... Словъ такихъ нѣтъ! Кажется, мнѣ легче ребенка уступить...

Иоганнесъ. Что ты, Кэте!

Кэте. Ну, Господь проститъ мнѣ! Но какой онъ милый, славный, смѣшной! (Обнимаетъ шею Иоганнеса). Милый, добрый... (Пауза, нѣмая обаянія. Фрейлейнъ Анна, переодѣтая для катанья на лодкѣ, открываетъ дверь съ веранды).

Анна (зоветъ). Докторы! Ахъ, простите! (Прячетъ голову).

Иоганнесъ. Сейчасъ, сейчасъ, фрейлейнъ Анна! (Беретъ рукопись). Мы поѣдемъ кататься на лодкѣ, Кэте. Такъ никакихъ капризовъ? Общаешь? (Цѣлуетъ ее на прощаніе, беретъ шляпу и идетъ къ двери). Можетъ-быть, и ты съ нами поѣдешь, Кэте?

Кэте. Мнѣ нельзя уйти, Ганнесъ.

Иоганнесъ. Ну, такъ до свиданія! (Уходитъ. Кэте широко раскрытыми глазами смотритъ ему вслѣдъ, какъ будто чудное видѣніе вдругъ превращается въ ничто. Глаза ея наполняются слезами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Около десяти часовъ утра. На письменномъ столѣ горитъ еще лампа. Кэте сидитъ за столомъ, погруженная въ счета. Слышно, какъ на верандѣ кто-то обшариваетъ сапоги. Кэте выпрямляется и напряженно ждетъ. Входитъ Браунъ.

Кэте (ему навстрѣчу). Вотъ это мило съ вашей стороны.

Браунъ. Здравствуйте! Какой ужасный туманъ!

Кэте. И темно какъ. Идите сюда. Печка топится... Вамъ говорила г-жа Леманъ?

Браунъ. Да, она была у меня.

Кэте (вопреки своему обычному спокойствію, она дѣлается какъ-то особенно оживленной и нервной. Она волнуется. Глаза разгораются. На блѣдномъ изнуренномъ лицѣ выступаетъ нѣжный румянецъ). Погодите, я принесу вамъ сигары.

БРАУНЪ. Не безпокойтесь... (Слѣпнуть за Катю и подходить къ ней, когда она уже старается достать ящикъ съ сигарами изъ книжнаго шкапа).

КАТЯ. Надо, чтобы вы себя чувствовали поуютнѣе.

БРАУНЪ (взглядывая на Катю). Да мнѣ и курить не хочется.

КАТЯ. Ну, сдѣлайте мнѣ удовольствіе. Я очень люблю табачный дымъ.

БРАУНЪ. Если такъ, пожалуйста. (Закуриваетъ сигару).

КАТЯ. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя свободно... какъ прежде... Ну, а теперь скажите, злой человѣкъ, почему вы не были у насъ больше недѣли?

БРАУНЪ. Мнѣ казалось, что я больше не нуженъ Ганнесу.

КАТЯ. Но какъ вы можете...

БРАУНЪ. У него теперь есть фрейлейнъ Маръ.

КАТЯ. Какъ вамъ не стыдно говорить это?

БРАУНЪ. Онъ цѣлуетъ на своихъ друзей...

КАТЯ. Какъ будто вы не знаете его вспыльчивости! Вѣдь это же не серьезно...

БРАУНЪ. Вполнѣ серьезно. И я даже отлично знаю, что вліяетъ на него въ этомъ направленіи. Вообще эта Маръ... Можетъ-быть, она и умный человѣкъ, но несомнѣнно одно: разъ она чего-нибудь добивается, она дѣйствуетъ эгоистично и беспощадно. Меня она побивается. Она отлично знаетъ, что меня ей не провести.

КАТЯ. Но какая же можетъ быть у нея цѣль?

БРАУНЪ. Зачѣмъ-то онъ ей нуженъ. И мое вліяніе на него ей нежелательно.

КАТЯ. Но я никогда не замѣчала, чтобы...

БРАУНЪ (вставая). Я вѣдь не навязываюсь... Я переѣхалъ сюда по просьбѣ Ганса. Если я лишній, я уйду.

КАТЯ (быстро съ выраженіемъ). Анна сегодня уѣзжаетъ.

БРАУНЪ. Вотъ какъ! Такъ она уѣзжаетъ?

КАТЯ. Да, и поэтому я хотѣла просить васъ, г. Браунъ... Для Ганнеса будетъ прямо ужасно, если онъ вдругъ совершенно останется одинъ... Вы должны попрежнему бывать у насъ, г. Браунъ. Не сердитесь на него за то, что онъ былъ рѣзокъ. Вѣдь мы съ вами знаемъ, что, въ сущности, онъ добрый.

БРАУНЪ. Я вѣдь не изъ обидчивыхъ людей, но...

КАТЯ. Ну вотъ; такъ и оставайтесь у насъ; сегодня же и на цѣлый день.

БРАУНЪ. Въ такомъ случаѣ, я лучше опять приду.

Кэте. Но, пожалуйста, возвращайтесь къ тому времени, когда она будетъ уѣзжать. Вотъ увидите, какъ теперь у насъ все пойдетъ хорошо. Я теперь научилась многое понимать. Мы проведемъ здѣсь зиму такъ хорошо, покойно... Вотъ еще что хотѣла я у васъ спросить... (Какъ будто въ шутку) Надо мнѣ, наконецъ, самой зарабатывать деньги... Да, да! Серьезно! Развѣ мы, женщины, тоже не созданы для работы?

Браунъ. Съ чего это пришла вамъ въ голову такая идея?

Кэте. Право, г. Браунъ, для меня это было бы болѣе-шимъ развлеченіемъ.

Браунъ. Зарабатывать деньги—легко сказать.

Кэте. Ну, напримѣръ, я умѣю рисовать по фарфору. Вотъ нашъ сервизъ я разрисовала. А если это не годится—вышивать. Ну, знаете, напримѣръ, какія-нибудь изящныя мѣтки на бѣльѣ.

Браунъ. Вы вѣдь шутите?

Кэте. Ну, какъ знать!

Браунъ. Если вы не объясните все ясно... Я, право, ничего не пойму...

Кэте (увлекаясь). Вы умѣете молчать? Ахъ, да нѣтъ! Коротко и ясно: у людей есть потребности... Вѣдь всѣ мы совсѣмъ не умѣемъ расчитывать...

Браунъ. Да ужъ, во всякомъ случаѣ, не Гансъ.

Кэте. Ахъ, нѣтъ... Не нужно придавать этому значенія. Нужно только позаботиться, чтобы у насъ ни въ чемъ не было недостатка.

Браунъ. Ну, если вы надѣетесь такъ много зарабатывать... Заранѣе можно сказать, что изъ вашихъ плановъ ничего не выйдетъ.

Кэте. Но, напримѣръ, талеровъ четыреста въ годъ...

Браунъ. Четыреста талеровъ? Едва ли. Но почему именно четыреста?

Кэте. Мнѣ столько нужно.

Браунъ. Опять, вѣроятно, кто-нибудь воспользовался излишней добротой Ганса?

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго.

Браунъ. Или нужно помочь фрейлейнъ Аннѣ?

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что вы! Какъ могло это придти вамъ въ голову! Но я больше ничего не скажу, г. Браунъ, ни одного слова.

Браунъ (берется за пазуху). Ну, во всякомъ случаѣ, я въ

этомъ дѣлѣ помочь вамъ не могу. Дѣйствительно ужь... это было бы...

Кэте. Ну, хорошо, хорошо! Оставимъ это! Такъ вы вернетесь?

Браунъ (уходя). Конечно, непременно. Такъ неужели же вы это дѣйствительно серьезно?

Кэте (хочетъ засмѣяться, но вмѣсто этого навертываются слезы). Ахъ, что вы! Я пошутила! (Киваетъ оживленно, полуплутиво). Ну, идите, идите. (Но въ сплaxъ больше сдерживаться, убѣгаетъ въ спальню).

Браунъ (уходить въ раздумьѣ).

Г-жа Фокератъ (въ рукахъ у нея блюдо съ бобами, садится за столъ и чиститъ ихъ. Кэте возвращается и садится къ письменному столу. Г-жа Фокератъ встряхиваетъ бобы на блюдо). Ну, вотъ и хорошо, теперь опять будетъ у насъ тихо. Такъ вѣдь, дѣточка?

Кэте (наклонившись надъ счетами). Подожди, мнѣ надо сообразить, мамочка!

Г-жа Фокератъ. Ахъ, да! Ну, не буду тебѣ мѣшать... А куда она, собственно, ѣдетъ?

Кэте. Кажется, въ Цюрихъ.

Г-жа Фокератъ. И отлично, тамъ она, можетъ-быть, больше къ мѣсту придется.

Кэте. Какъ же такъ, мамочка, вѣдь она тебѣ, кажется, нравилась?

Г-жа Фокератъ. Э, нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не нравится! По-моему, она ужъ чересчуръ современная.

Кэте. Но, мамочка...

Г-жа Фокератъ. Да и вообще, что это такое! Молоденькая дѣвушка три дня ходитъ съ огромной дырой въ рукавѣ!

(Иоганнесъ въ плащѣ входитъ съ веранды. Быстро проходитъ въ свой рабочій кабинетъ).

Кэте. Ганнесъ!

Иоганнесъ. Что?

Кэте. Мнѣ тоже ѣхать на вокзалъ?

Иоганнесъ (пожимая плечами). Это ужъ какъ тебѣ самой угодно. (Уходитъ въ кабинетъ. Небольшая пауза).

Г-жа Фокератъ. Что это съ нимъ опять? (Кончила чистить бобы и встаетъ). Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, пора уже, чтобы все адѣсь пришло въ порядокъ. И такъ уже люди стали болтать.

Кэте. О чемъ?

Г-жа Фокератъ. Я ничего не знаю... Говорю только, что... И потомъ все это стоитъ денегъ.

Катя. Ну, положимъ, мамочка, это пустяки. На троихъ ли готовить обѣдъ или на четверыхъ—совершенно все равно...

Г-жа Фокератъ. О, изъ крошекъ составляется хлѣбъ. (Входитъ Іоаннесь, садится, кладетъ нога на ногу и перелистываетъ книгу).

Іоаннесь. Чтѣ за безобразіе! И это называется начальникъ станціи: пьетъ, пьетъ, цѣлый день пьетъ. И грубъ при этомъ какъ... Эхъ!

Катя. Когда отходитъ самый удобный поѣздъ? Не огорчайся, Ганнесь.

Іоаннесь. Вообще какое-то отвратительное захоluste! (Съ шумомъ захлопываетъ книгу и вскакиваетъ со стула). Я тоже не желаю оставаться здѣсь!

Г-жа Фокератъ. Ну, чтѣ ты, мальчикъ! Вѣдь ты нанялъ домъ на четыре года.

Іоаннесь. Такъ, по-твоему, я долженъ спокойно погибать здѣсь только оттого, что я имѣлъ несчастіе сдѣлать глупость и заключить контрактъ на четыре года?

Г-жа Фокератъ. Вѣдь ты же самъ хотѣлъ всегда жить въ деревнѣ, и не прошло еще и какихъ-нибудь полгода—и уже хочется куда-то уѣзжать...

Іоаннесь. Въ Швейцаріи тоже есть деревни...

Г-жа Фокератъ. А ребенокъ? Съ нимъ-то какъ же? Что-жъ, и его вы будете таскать съ собою по бѣду свѣту?

Іоаннесь. И для Филиппа гораздо здоровѣе жить въ Швейцаріи, чѣмъ здѣсь.

Г-жа Фокератъ. Ну, мальчикъ, ты, кажется, скоро на луну захочешь ѣхать. Впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. На меня, старуху, конечно, нечего обращать вниманіе. (Уходитъ въ выходную дверь. Небольшая пауза).

Іоаннесь (вздыхаетъ). Ахъ, друзья, будьте вы поосторожнѣе, говорю я вамъ.

Катя. Чтѣ это тебѣ вдругъ пришло въ голову ѣхать въ Швейцарію?

Іоаннесь. Да, да, дѣлай невинное личико! (Порехраживаетъ ее) «Чтѣ это тебѣ вдругъ пришло въ голову ѣхать въ Швейцарію?» Я прекрасно вижу всѣ эти твои экивоки; слишкомъ ужъ они ясны. Отлично понимаю, чтѣ ты воображаешь. Да, ты совершенно права. Я бы очень хотѣлъ быть тамъ, гдѣ фрейлейнъ Анна. И это совершенно естественно, и я могу это говорить совершенно откровенно.

Кэте. Ганнесь... Ты сегодня какой-то странный... я лучше уйду.

Юганнесь (быстро). Я самъ могу уйти. (Уходит на вравду).

Кэте (вздыхает; качая головой, шопотомъ). О, Господи, Господи...

(Входит Анна и кладетъ на стулъ шляпу, сумочку и пальто).

Анна. Ну, я готова. (Обращаясь къ Кэте) Впрочемъ, еще есть время... Сколько еще времени?..

Кэте. По крайней мѣрѣ, три четверти часа.

Анна. Ахъ! мнѣ такъ хорошо у васъ жилось!.. (Беретъ Кэте за руку).

Кэте. Да, время идетъ.

Анна. Теперь запрусь въ Цюрихъ, буду работать, работать и больше ни о чемъ не думать.

Кэте. Возьмешь съ собою бутерброды?

Анна. Нѣтъ, благодарю. Я не хочу ѣсть. (Короткая пауза). Скорѣ бы только прошли всѣ эти первыя встрѣчи. Просто не выношу ихъ. Всѣ эти друзья, разпросы! Бррр... (Дѣлаетъ движеніе, точно ей холодно). Ты будешь мнѣ иногда писать?

Кэте. О, да! Только у насъ вѣдь ничего не случается...

Анна. Подари мнѣ твою карточку.

Кэте. Съ удовольствіемъ. (Ищетъ въ ящикѣ письменнаго стола). Только очень старая.

Анна (нѣжно поглаживаетъ ея затылокъ. Почти съ состраданіемъ). Ахъ, ты, тоненькая шейка!

Кэте (продолжая искать, оборачивается съ грустной шутливостью). Ну, и поддерживать-то ей приходится не очень тяжелую ношу... А, вотъ! (Подаетъ Аннѣ фотографію).

Анна. Очень, очень хорошая карточка. Можетъ-быть, у тебя есть и карточка твоего мужа?.. Я такъ ко всѣмъ вамъ привязалась.

Кэте. Не знаю, есть ли.

Анна. Ахъ, дорогая, поищи, поищи! Навѣрно есть? Да?

Кэте. Да, вотъ, осталась еще одна.

Анна. Можно мнѣ ее взять?

Кэте. Возьми, Анна.

Анна (быстро-причетъ карточку). Ну, вотъ,—теперь вы скоро позабудете обо мнѣ... Ахъ, Кэте, Кэте! (Со слезами бросается къ ней на шею).

Кэте. Нѣтъ, Анна... я постоянно буду... конечно, постоянно буду вспоминать о тебѣ и...

Анна. И любить меня?

Кэте. Да, Анна, да!

Анна. Скажи мнѣ,—ты *только* любишь меня?

Кэте. Какъ *только*?

Анна. Ты не рада тоже немножко, что я уѣзжаю?

Кэте. Какъ это пришло тебѣ въ голову?

Анна (выпускаетъ Кэте изъ объятий). Да, да! Хорошо, что я уѣзжаю. Во всякомъ случаѣ, г-жѣ Фокератъ я тоже ужъ немножко надоела.

Кэте. Что за выдумки!..

Анна. Ужъ повѣрь мнѣ. (Присаживается къ столу). Къ чему все это! (Въ задумчивости вынимаетъ карточку Юганнеса и внимательно вглядывается въ нее). Какая у него глубокая складка около рта.

Кэте. У кого?

Анна. У Ганнеса.. Настоящая складка скорби. Это отъ одиночества. Кто одинокъ, тотъ долженъ много страдать отъ другихъ... Какъ вы съ нимъ познакомились?

Кэте. Ахъ, это было...

Анна. Онъ былъ еще студентомъ?

Кэте. Да, Анна.

Анна. Ты была еще совсѣмъ дѣвочкой, и ты сказала «да»?

Кэте (покраснѣвъ, въ смущеніи). То-есть я...

Анна (почти скорбно). Ахъ, Кэте, Кэте! (Прячетъ карточку и встаетъ). Еще не пора?

Кэте. Еще не скоро.

Анна. Не скоро? Господи, не скоро! (Садится къ роялю). Ты не играешь? (Кэте качаетъ отрицательно головой). И не поешь? (Кэте снова качаетъ головою). А Ганнесъ любитъ музыку? Нѣтъ? Я прежде и пѣла и играла, а теперь ужъ давно перестала. (Быстро поднимается со стула). Эхъ! Все равно! Все-таки, чтѣ хорошо, то хорошо. Надо довольствоваться и этимъ. Надъ всѣми вещами есть какой-то легкій покровъ, какая-то дымка: это-то и есть самое лучшее. Правда, Кэте?

Кэте. Не знаю.

Анна. Не все то, чтѣ кажется сладкимъ, дѣйствительно сладко.

Кэте. Да, можетъ-быть.

Анна. Нѣтъ, это такъ! Ахъ, свобода, свобода! Нужно быть свободной во всѣхъ отношеніяхъ. Не надо ни родины, ни семьи, ни друзей. Ну, теперь, должно-быть, пора.

Кэте. Нѣтъ еще, Анна. (Небольшая пауза).

Анна. Я пріѣду въ Цюрихъ слишкомъ рано. На цѣлую недѣлю раньше.

Кэте. Да?

Анна. Только бы скорѣе началась работа. (Вдругъ, рыдая, бросается Кэте на грудь). О, Господи! У меня сердце разрывается. Такъ тяжело, такая тоска.

Кэте. Ахъ, ты, бѣдная, бѣдная.

Анна (быстро освобождаясь изъ объятій). Но я должна уѣхать. Должна! (Небольшая пауза).

Кэте. Анна... ужь разъ ты уѣзжаешь... не дашь ли ты мнѣ одинъ совѣтъ?

Анна (печально улыбаясь, съ состраданіемъ). Милая Кэте...

Кэте. Ты умѣла... ты такъ благотворно вліяла на него.

Анна. Развѣ? Въ самомъ дѣлѣ?

Кэте. Да, Анна... и... на меня тоже... и на меня. Я должна быть тебѣ за многое благодарна. И я теперь твердо рѣшила... посоветуй мнѣ, Анна.

Анна. Я ничего не могу тебѣ посоветовать. Я боюсь давать совѣты...

Кэте. Ты боишься?

Анна. Я слишкомъ люблю тебя! Слишкомъ люблю, Кэте!

Кэте. Ахъ, если бы я могла что-нибудь для тебя сдѣлать, Анна!

Анна. Нѣтъ, ты не должна да и не можешь.

Кэте. А можетъ-быть... Можетъ-быть, я знаю, отчего ты страдаешь.

Анна. Отчего же я страдаю, глупенькая дѣвочка?

Кэте. Я бы сказала, но...

Анна. Все это пустяки! Ни отъ чего я не страдаю, оставь! Пріѣхала, теперь уѣзжаю. Ничего вѣдь не случилось. Ну, вотъ опять выглянуло солнышко. Пойдемъ прогуляемся въ послѣдній разъ. Какъ бы тамъ ни было, сотнямъ и тысячамъ еще хуже живется... Постой, я вспомнила, мнѣ нужно написать поскорѣе нѣсколько словъ.

Кэте. Можешь это здѣсь сдѣлать. (Очищаетъ мѣсто на письменномъ столѣ). Чернила и перо — тамъ, у Ганнеса въ комнатѣ. Его нѣтъ, можешь войти. (Она пропускаетъ Анну въ дверь и остается одна въ комнатѣ. Небольшая пауза).

Іоганнесъ (входитъ съ веранды. Еще тревожнѣе, чѣмъ раньше). Опять дождь. Надо было позвать извозчика.

Кэте. Теперь уже поздно.

Іоганнесъ. Да, къ сожалѣнію.

Кэте. Браунъ приходитъ.

Іоганнесъ. Это мнѣ довольно безразлично. Чтò же ему нужно было?

Кэте. Онъ опять будетъ бывать у насъ, и между вами все будетъ попрежнему.

Иоганнесъ (съ короткимъ смѣхомъ). Курьезно! Что же, я долженъ радоваться этому? Можетъ-быть, если поторопиться, можно еще успѣть послать? Ахъ, вообще...

Кэте. За извозчикомъ, Ганнесъ? Вѣдь до вокзала два шага.

Иоганнесъ. Но грязь ужасная. Пройти невозможно. Вообще худшей погоды для отъѣзда нельзя выдумать.

Кэте. Ну, только бы до вагона добраться.

Иоганнесъ. Да, въ третьемъ классѣ, и все биткомъ набито, да еще съ мокрыми ногами.

Кэте. Она вѣдь поѣдетъ въ дамскомъ отдѣленіи.

Иоганнесъ. Дай ей хоть большой пледъ.

Кэте. Да, да, правда. Я уже сама подумала объ этомъ.

Иоганнесъ. Ахъ, да вообще... Все это какъ-то рѣшили въ одну минуту.

Кэте (не отвѣчаетъ).

Иоганнесъ. Она, навѣрно, съ удовольствіемъ осталась бы здѣсь еще на нѣсколько дней.

Кэте (послѣ небольшой паузы). Ты вѣдь предлагалъ ей.

Иоганнесъ (болѣе рѣзко). Да, я, но не вы, — ни ты ни мать! Вы молчали, и она, конечно, замѣтила.

Кэте. Ахъ... нѣтъ... Я не думаю, Ганнесъ...

Иоганнесъ. А если при приглашеніи присутствуютъ еще двое... и молчатъ, точно рыбы... Конечно, пропадаетъ всякое желаніе. Тогда, конечно, скорѣе откажешься. И въ концѣ концовъ мнѣ очень больно, что мы гонимъ ее въ такую грязь.

Кэте (подходя къ нему съ робкою вѣжностью). Нѣтъ, Ганнесъ! Ты не смотришь вѣрно на дѣло! И не думай же обо мнѣ такъ плохо. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что ее кто-нибудь гонитъ.

Иоганнесъ. Вы недостаточно чутки. Вы точно слѣпны какія-то. На меня произвело все именно такое впечатлѣніе, точно вы ее гоните вонъ: «Ты довольно пожила здѣсь, пора и уходить! Ступай, куда хочешь, куда глаза глядятъ. Ска-тертью дорога». Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, Кэте. Какія-то холодныя сожалѣнія на прощаніе, и больше ничего!

Кэте. Нѣтъ, Ганнесъ, это неправда. Мы вѣдь подумали о томъ, чтобы помочь ей.

Иоганнесъ. А ты знаешь, что она приметъ отъ васъ помощь? И потомъ этого слишкомъ мало. Деньги не могутъ вознаградить ее за жестокость.

Кэте. Но, Ганнесь, должна же она когда-нибудь уѣхать.

Иоганнесь. Такъ разсуждаютъ филистеры, Кэте. Она жила здѣсь, сдѣлалась нашимъ другомъ; ну, а теперь, говорятъ филистеры, мы должны разстаться. Я этого не понимаю. Это какая-то проклятая безсмыслица, которая становится человѣку поперекъ дороги, портитъ ему жизнь.

Кэте. Ты хочешь, чтобы она осталась у насъ еще?

Иоганнесь. Я ничего не хочу. Я говорю только, что это... что у насъ такой же жалкій, такой же узкій и давящій все живое образъ мыслей, какъ у любого филистера. И если бы зависѣло отъ меня, если бы я не былъ весь опутанъ мелочными предразсудками, я убѣжденъ, что сумѣлъ бы поступить совсѣмъ по-иному, и на душѣ у меня было бы чище, и я бы иначе относился къ самому себѣ. Можете быть въ этомъ увѣрены.

Кэте. Знаешь чтѣ, Ганнесь! Кажется — очень скоро — я буду здѣсь совершенно лишняя.

Иоганнесь. О, Господи! Отецъ Небесный! Нѣтъ, знаешь, въ самомъ дѣлѣ, только этого еще недоставало. Вѣдь и у меня нервы не изъ корабельныхъ канатовъ. Не въ силахъ я выносить теперь еще и это. (Уходитъ въ садъ).

Г-жа Фокератъ (вноситъ чашку бульона и ставитъ на столъ). Вотъ для фрейлейнъ Анны.

Кэте (съ отчаяніемъ рыдая, бросается къ г-жѣ Фокератъ; падаетъ ей на грудь). Мапочка! Мапочка! Я должна бѣжать, бѣжать отсюда... Изъ этого дома... Отъ всѣхъ васъ. Это уже слишкомъ, слишкомъ, мапочка!

Г-жа Фокератъ. Ради Бога, дѣточка, чтѣ случилось? Какъ? Кто посмѣлъ тебя...

Кэте (мѣняясь, гнѣвно). Нѣтъ ужъ, не такъ я ничтожна, не такъ ничтожна, чтобы можно было вышвырнуть меня вонъ... Этого не будетъ, мапочка! Я ухожу сейчасъ, сію же минуту... На пароходѣ... въ Америку, куда угодно, только прочь, прочь отсюда... Въ Англію... гдѣ меня никто не знаетъ, гдѣ...

Г-жа Фокератъ. Да чтѣ ты, дѣточка! Въ какую Америку! О, Отецъ Небесный! Да чтѣ такое съ тобою случилось? Ты хочешь уѣхать отъ своего мужа? Отъ ребенка? Что-жъ, Филиппъ долженъ будетъ расти безъ матери?. Не можешь этого быть!

Кэте. Ахъ, ну чтѣ такое «мать»! Его мать глупая, ограниченная женщина! На что ему нужно такое глупое, ограниченное существо, какъ я! Я теперь знаю, какъ я

глупа и ограничена. Они мнѣ это твердили каждый день, и они дѣйствительно сдѣлали меня такой ничтожной, такой жалкой, что я теперь сама себя противна. Нѣтъ, нѣтъ! Прочь отсюда!

Г-жа Фокератъ. Но, Кэте, подумай... Отъ мужа... отъ сына. Молю тебя, ради Бога...

Кэте. Развѣ онъ моимъ когда-нибудь былъ? Раньше онъ принадлежалъ своимъ друзьямъ, теперь Аннѣ. Одной меня ему всегда было мало. Я проклинаю свою жизнь. Довольно съ меня этого проклятаго существованія!

Г-жа ФОКЕРАТЪ (тоже выходить изъ себя, въ экстазѣ, какъ бы подъ вліяніемъ внезапнаго просвѣтлѣнія. Глаза ея устремляются въ одну точку и сверкаютъ, лицо то блѣднѣетъ, то вспыхиваетъ). Вотъ видите, видите! (Показываетъ пальцемъ въ пространство передъ собою). Теперь видите, видите! Чтѣ я говорила? Вотъ видите! Домъ, отъ котораго отвернулся Господь, рушится въ одну ночь! Вотъ видите! Да, не заблуждайтесь! Чтѣ я говорила? Сначала богоотступникъ, потомъ прелюбодѣй, потомъ... Кэте!

Кэте (почти въ обморокѣ). Нѣтъ, мама! Нѣтъ! Нѣтъ! Я... я...

Г-жа Фокератъ. Дитя мое! Соберись съ силами! Кто-то идетъ сюда. Пойдемъ. (Уходить съ Кэте въ спальню).

Іоаннесъ (входитъ съ веранды).

Г-жа ФОКЕРАТЪ (открываетъ дверь изъ спальни). Ахъ, это ты, Ганнесъ! (Выходитъ, всѣми силами старается преодолѣть чрезвычайное волненіе. Дѣлаетъ видъ, что что-то ищетъ въ комъ-то, мальчикъ?)

Іоаннесъ. Чтѣ, мама?

Г-жа Фокератъ. Ничего. (Іоаннесъ вопросительно смотритъ на нее). Чтѣ ты такъ смотришь?

Іоаннесъ. Ничего, мнѣ только показалось, что ты... По правдѣ сказать, когда вы такъ слѣдите за мной...

Г-жа Фокератъ. Мальчикъ, мальчикъ! Твое счастье, что скоро зима. Ты въ такомъ состояніи... Прежде ты никогда не относился ко мнѣ такъ пехорошо... Тебѣ нужно прежде всего успокоиться.

Іоаннесъ. Да, да! Вы вѣдь всегда лучше меня знаете, чтѣ мнѣ нужно.

Г-жа Фокератъ. Да и Кэте тоже не совсѣмъ поправилась...

Іоаннесъ. Ну, Анна, кажется, не причиняла ей особыхъ хлопотъ.

Г-жа Фокератъ. Все-таки... Я старуха... и рада бы иной разъ сама все сдѣлать, да старыя кости иногда не позволяютъ.

Иоганнесь. И не къ чему вовсе, я говорилъ тебѣ сто разъ. У насъ достаточно всякой прислуги.

Г-жа Фокератъ. Но должна же вѣдь фрейлейнъ когда-нибудь опять приняться за свою работу.

Иоганнесь. Это ея дѣло.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, я, право, не понимаю. Вѣдь всему должна быть мѣра! Она погостила здѣсь достаточно. Ну, и будетъ, довольно!

Иоганнесь. Чего ты, собственно, хочешь? Все это такъ странно, такъ... Я ужъ и не знаю...

Г-жа Фокератъ. Ты хочешь уговорить эту Маръ остаться здѣсь еще и...

Иоганнесь. И сдѣлаю это. Непремѣнно сдѣлаю, непременно... А ты имѣешь что-нибудь противъ этого?

Г-жа Фокератъ (съ угрозою). Иоганнесь, Иоганнесь!

Иоганнесь. Нѣтъ, мама! Въ самомъ дѣлѣ, это... Богъ знаетъ! Словно мы сдѣлали преступленіе какое-нибудь! Это ужъ не только...

Г-жа Фокератъ (убѣдительно, но мягко). Ахъ, мальчикъ ты мой! Будь же ты благоразумнѣе! Ну, послушай меня спокойно. Вѣдь я же твоя мать. Вѣдь я же хочу тебѣ только добра. Нѣтъ человѣка, который бы тебѣ больше желалъ добра. Я вѣдь знаю, ты — благородный человѣкъ... Но вѣдь мы—слабые люди, Ганнесь... Кѣто думаетъ Богъ знаетъ чтѣ... и...

Иоганнесь (смѣется). Не сердись на меня, мамочка, но я не могу не смѣяться. Только и остается, что смѣяться. Вѣдь это же просто смѣшино...

Г-жа Фокератъ. Ахъ, мальчикъ, мальчикъ! И болѣе сильные люди попадались въ эту западню! И часто замѣчаешь это тогда, когда уже поздно.

Иоганнесь. Слушай, мама! Если вы не хотите, чтобы я сошелъ съ ума, то ради Бога оставьте меня съ этими разговорами. Не смущайте вы меня, не сбивайте съ толку. Не внушайте вы мнѣ того, чего... Не впутывайте вы меня въ отношенія, отъ которыхъ я далекъ... Убѣдительно прошу васъ, друзья мои!

Г-жа Фокератъ. Конечно, ты самъ долженъ знать, чтѣ ты дѣлаешь, Ганнесь! Я только говорю тебѣ: будь остороженъ. (Г-жа Фокератъ уходитъ въ спальню. Входитъ Анна).

Анна (замѣчая Иоганнеса). Докторы! (Идетъ къ стулу, на которомъ лежатъ ея вещи, и беретъ непромокаемое пальто, чтобы надѣть его). Ну, пора!

Іоганнесъ (подбѣгаетъ и помогаетъ ей надѣть пальто). Значитъ, все-таки ѣдете?

Анна (застегивая пальто). Такъ вы скоро пришлете то, о чемъ мы говорили?

Іоганнесъ. Не забуду. Но вотъ что, фрейлейнъ Анна. Я былъ бы хотъ немного спокойнѣе, если бы вы разрѣшили намъ воспользоваться правами дружбы...

Анна. Вы обижаете меня, докторъ!

Іоганнесъ. Ну, хорошо, хорошо, не стану больше говорить объ этомъ. Но общайте мнѣ... въ случаѣ малѣйшей пужды... вѣсто того, чтобы обращаться къ другимъ... позвольте намъ... (Идетъ къ двери въ спальню и зоветъ) Мама! Кѣте!

(Кѣте и г-жа Фокератъ входятъ).

Анна (цѣлуетъ руку у г-жи Фокератъ). Безконечно благодарю васъ. (Кѣте и Анна крѣпко цѣлуются). Хорошая, милая моя! Ну, пиши же!

Г-жа Фокератъ. Дай вамъ Богъ доѣхать благополучно.

Кѣте. И будь... (плачетъ). Будь счастлива, пусть... (рыдания мѣшаютъ ей говорить).

(Іоганнесъ несетъ дорожную сумку Анны. Кѣте и г-жа Фокератъ провожаютъ ее на веранду. Тамъ они встрѣчаются съ Брауномъ. Онъ прощается. Іоганнесъ и Анна уходятъ. Г-жа Фокератъ, Кѣте и Браунъ остаются на верандѣ. Кѣте машетъ платкомъ. Потомъ всѣ трое возвращаются въ комнату).

Г-жа Фокератъ (утѣшаетъ тихо плачущую Кѣте). Ну, дѣточка, дѣточка! Не огорчайся такъ! Она скоро оправится, она молода.

Кѣте. У нея были такіе грустные, трогательные глаза! Ахъ, она пережила столько горя!

Г-жа Фокератъ. На нашемъ пути тоже не однѣ розы, Кѣте.

Кѣте. Господи! Сколько на свѣтѣ горя и страданій! (Уходитъ въ спальню. Небольшая пауза).

Г-жа Фокератъ. А бульонъ здѣсь оставила. (Беретъ чашку и хочетъ нести, останавливается подлѣ Брауна). Да, г. Браунъ... Могу сказать... немало я пережила за эти послѣднія десять минутъ. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, но на нее вдругъ нападаетъ чрезвычайная слабость, и она принуждена сѣсть). Теперь вотъ... все тѣло болитъ... Совсѣмъ разбита.

Браунъ. А что же случилось, г-жа Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, не нужно роптать. Больше ни слова не скажу, лишь бы все этимъ кончилось. Господь направилъ на насъ грозный перстъ Свой, и я поняла Его...

Но вѣдь вы такой же безбожникъ. Да, да, но повѣрьте, г. Браунъ, старой опытной женщиной! Безъ Него недалеко уйдешь! Рано или поздно — споткнешься и упадешь. (Небольшая пауза). Ну, пойду. (Хочетъ встать, но не въ состояніи отъ волненія и слабости). Но кто знаетъ, совсѣмъ ли безслѣдно. (Прислушивается) Кто это тамъ? Кто-то идетъ по лѣстницѣ... Ахъ, да! У насъ стирка. Это прачки тамъ бѣлые стирають... Теперь у насъ опять покой настанетъ, можно будетъ опять за дѣло приниматься. (Небольшая пауза). Вотъ видите... Вѣдь у Иоганнеса такой золотой характеръ... Онъ такой честный, безупречный человѣкъ... Вотъ видите, къ чему это ведетъ, когда полагаются только на *свои* силы. Все это — только громкія фразы: моя вѣра — въ моихъ дѣлахъ. А Господь Богъ однимъ дуновеніемъ Своимъ разрушаетъ всѣ наши карточные домики.

Иоганнесъ (возбужденный и въ смущеніи, быстро входитъ въ наружную дверь). Друзья мои, она остается!

Г-жа Фокератъ (не понимая). Кто остается?

Иоганнесъ. Она, мама, еще на нѣсколько дней... Конечно, фрейлейнъ Анна!

Г-жа Фокератъ (точно разбитая параличомъ). Фрейлейнъ Анна ост... Гдѣ-жъ она?

Иоганнесъ. У себя въ комнатѣ, мама. Но я не понимаю...

Г-жа Фокератъ. Такъ вотъ какъ!

Иоганнесъ. Сдѣлайте вы мнѣ одолженіе и не придавайте вы какого-то невѣроятнаго значенія простымъ вещамъ. Это...

Г-жа Фокератъ (встаетъ; повелительно). Ганнесъ, послушай! (Съ выраженіемъ) Я говорю тебѣ: этой госпожѣ нечего здѣсь больше дѣлать! Она непремѣнно должна оставить нашъ домъ. Я этого требую... Во что бы то ни стало.

Иоганнесъ. Позволь, мама, чей же это домъ?

Г-жа Фокератъ. О, я знаю, прекрасно знаю, — это домъ человѣка, который... который забылъ свой долгъ, который... И разъ ужъ ты мнѣ напомнилъ объ этомъ... то — хорошо, хорошо — я могу освободить мѣсто для этой... особы...

Иоганнесъ. Мама, ты говоришь о фрейлейнъ Аннѣ въ такомъ тонѣ, котораго я не могу допустить.

Г-жа Фокератъ. А ты говоришь со своею матерью въ такомъ тонѣ, который запрещается четвертой заповѣдью.

Иоганнесъ. Мама, я постараюсь сдержатъ себя, но по-

думайте же и вы хоть, немного о моемъ душевномъ состояніи. Иначе можетъ случиться... Вы заставите меня сдѣлать то, чего нельзя будетъ исправить.

Г-жа Фокератъ. Кто налагаетъ на себя руку, тотъ обрекаетъ себя на вѣчное проклятіе.

Іоганнесъ. Это все равно... Но въ такомъ случаѣ... вы должны быть вдвойнѣ осторожны.

Г-жа Фокератъ. Я умываю руки, я уѣзжаю.

Іоганнесъ. Мама!

Г-жа Фокератъ. Или я, или эта особа.

Іоганнесъ. Ты требуешь невозможнаго, мама! Я едва-едва уговорилъ ее, а теперь ты хочешь, чтобы я пошелъ къ ней и... Да я скорѣе застрѣлюсь!

Г-жа Фокератъ (съ внезапнымъ рѣшеніемъ). Хорошо. Въ такомъ случаѣ я пойду и прямо скажу ей: она опытная кокетка!.. Она... она опутала тебя своими сѣтями...

Іоганнесъ (загородивъ ей дорогу). Мама, ты не пойдешь къ ней! Она въ моемъ домѣ; я—ея защитникъ, и я сумѣю защитить ее отъ грубыхъ оскорбленій... противъ кого бы то ни было.

Браунъ. Гансъ, Гансъ! Что ты...

Г-жа Фокератъ. Хорошо, хорошо! Я вижу теперь, до чего ты дошелъ. (Уходитъ въ наружную дверь).

Браунъ. Гансъ, да что съ тобой дѣлается?

Іоганнесъ. Оставьте меня въ покоѣ, вы душу мою погубили!

Браунъ. Образумься, Іоганнесъ! Вѣдь я не намѣренъ читать тебѣ проповѣди.

Іоганнесъ. Вы-растлѣваете мои мысли. Какое-то насилие надъ человѣческой душой. Я измученъ, истерзанъ. Больше я не скажу ни слова!

Браунъ. Итъ, Гансъ, теперь ты не можешь молчать. Теперь дѣло приняло такой оборотъ, что ты даже скорѣе обязанъ говорить. Постарайся только быть немного спокойнѣе.

Іоганнесъ. Ну, что вамъ нужно знать? Въ чемъ мы обвиняемся? Да, во всякомъ случаѣ, я не стану вамъ приводить доказательства, что мы ни въ чемъ не виноваты. Этого не позволяеть мнѣ моя гордость. Понимаешь ты... О, какая мерзость! При одной мысли...

Браунъ. Послушай, Гансъ, вѣдь ты знаешь,—я смотрю на вещи совершенно трезво...

Іоганнесъ. Да мнѣ совершенно безразлично. Смотри на

нихъ, какъ тебѣ угодно. Только оставь меня въ покоѣ съ твоими взглядами, потому что каждое слово бьетъ меня, точно удары хлыста по лицу!

Браунъ. Ты долженъ согласиться, Гансъ, что ты играешь съ огнемъ.

Иоганнесъ. Съ этимъ я ни въ какомъ случаѣ не долженъ согласиться. Не вамъ судить о моихъ отношеніяхъ къ Аннѣ.

Браунъ. Не станешь же ты отрицать, что у тебя есть обязанности относительно твоей семьи?

Иоганнесъ. Не станешь же ты отрицать, что у меня есть обязанности по отношенію къ самому себѣ. Вотъ видите, вы щеголяли вашими передовыми взглядами, а когда я дѣлаю первый свободный шагъ, вы уже трусите, начинаете говорить объ обязанностяхъ, вы уже...

Браунъ. Я вовсе не хотѣлъ сказать этого. Что такое обязанности! Но нужно ясно смотрѣть на вещи. Вѣдь дѣло обстоитъ такъ: или Анна, или твоя семья.

Иоганнесъ. Да послушай, ты просто съ ума сошелъ! Зачѣмъ вы изъ всѣхъ силъ стараетесь создать и раздуть конфликтъ, котораго нѣтъ? Вѣдь то, что вы говорите, — ложь. Мнѣ не зачѣмъ дѣлать какой-то выборъ. Съ Анной меня связываетъ совсѣмъ не то, что съ Катѣ. И одно другому нисколько не мѣшаетъ. Да вѣдь это же — дружба, чортъ возьми! Она создавалась благодаря тому, что мы близки по духу, что мы оба одинаково развивались. И поэтому мы понимаемъ другъ друга тамъ, гдѣ другіе перестаютъ понимать насъ; тамъ, гдѣ вы не можете понять. Съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь, я словно переродился. Ко мнѣ вернулись бодрость, уваженіе къ самому себѣ. Я чувствую въ себѣ творческія силы и чувствую, что все это — дѣло ея рукъ. Я чувствую, что для моего роста, развитія — нужна она. Нужна, какъ другъ, понимаешь ты? Да неужели же мужчина и женщина не могутъ быть друзьями?

Браунъ. Прости меня, Ганнесъ, но ты, очевидно, ни разу не взглянулъ на дѣло трезвыми глазами.

Иоганнесъ. Вы не знаете, что вы дѣлаете, говорю я вамъ. Вы судите обо всемъ по какому-то пошлому шаблону, который я далеко отшвырнулъ отъ себя. Если вы любите меня, не мѣшайте мнѣ. Вы понятія не имѣете, что по мнѣ сейчасъ происходитъ. Да, теперь, послѣ всѣхъ этихъ вашихъ нападений, я самъ готовъ вѣрить тому, что есть опасность. Но у меня есть сила воли, и я сумѣю, не пе-

реступая предѣла и никого не заставляя страдать, добыть себя то, безъ чего я не могу жить. У меня есть воля,— понимаешь!

Браунъ. Твоя старая ошибка, Ганнесь. Ты хочешь соединить несоединимое. По-моему, — возможно только одно: просто—пойти къ ней, объяснить истинное положеніе вещей и попросить ее уѣхать.

Иоганнесь. Ну, кончилъ ты? Кончилъ наконецъ? Такъ слушай же. Чтобы хоть тутъ тебѣ было все ясно, и ты не тратилъ бы словъ по-пустому. (Со сверкающими глазами, отчеканивая каждое слово) То, чего вы хотите, не случится! Нѣтъ, Браунъ! Я теперь уже не тотъ, какимъ былъ еще недавно! Я нашелъ ту силу, которая управляетъ мною. Вы съ вашими мнѣніями не имѣете больше власти надо мною. Я позналъ самого себя и буду самимъ собою. Самимъ собою, наперекоръ всѣмъ вамъ! (Быстро уходитъ въ кабинетъ).

БРАУНЪ (пожимаетъ плечами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Время между четырьмя и пятью часами вечера. Кэте и г-жа Фокератъ сидятъ за столомъ. Кэте шьетъ дѣтскую распашонку. Г-жа Фокератъ вяжетъ. Кэте очень похудѣла. Проходитъ нѣсколько секундъ. Иоганнесь входитъ изъ кабинета. Шляпа надѣта кое-какъ, пальто еще только накинута. Онъ собирается уходить.

Иоганнесь. Анна ушла?

Г-жа Фокератъ (громко вздохнувъ). Да, только-что.

Иоганнесь (подходить къ Кэте, цѣлуетъ ее въ лобъ). Ну, аккуратно ты принимаешь свое лѣкарство?

Г-жа Фокератъ. Охъ, ужъ эти глупыя лѣкарства! Нисколько они не помогутъ. Я знаю, что дѣйствительно помогло бы.

Иоганнесь. Ахъ, мама, мама!

Г-жа Фокератъ. Молчу, молчу.

Кэте. Да, да, принимаю. Да вообще я теперь совсѣмъ здорова.

Иоганнесь. У тебя и видъ сегодня гораздо лучше.

Кэте. Да, мнѣ лучше.

Иоганнесь. Ну, смотри же, береги себя. До свиданія. Мы скоро вернемся.

Кэте. Вы далеко идете?

Иоганнесъ. Идѣть, только прогуляемся немного по лѣсу. До свиданія. (Уходитъ на веранду).

(Небольшая пауза. Слышнѣть свистъ и грохотъ поѣзда. Звѣльмъ вдаль раздается станціонный звонокъ).

Г-жа Фокератъ. Звонкокъ слышнѣть.

Кэте. Вѣтромъ доноситъ, мамочка. (Роняетъ работу на коѣнн и задумывается).

Г-жа Фокератъ (взглянувъ на Кэте). О чемъ ты опять задумалась, дѣточка?

Кэте (снова принимаясь за работу). Такъ... вообще.

Г-жа Фокератъ. Ну, на примѣръ?

Кэте. На примѣръ... бываютъ ли на свѣтѣ такіе люди, которымъ не въ чемъ расканиваться?..

Г-жа Фокератъ. Конечно, идѣть, дѣточка!

Кэте (показывая свекрови свою работу). Не прострочить ли вотъ здѣсь кругомъ? (Беретъ рубашечку за верхній и нижній концы и растягиваетъ). Я думаю, длиннѣе не надо?

Г-жа Фокератъ. Пожалуй, а то лучше и подлиннѣе, дѣти такъ скоро растутъ. (Обѣ прилежно работаютъ. Небольшая пауза).

Кэте (шьетъ). Я иногда причиняла Ганнесу большіи страданія своимъ дурнымъ настроеніемъ. Очень часто мнѣ было его такъ жалъ. Но что подблаетъ со своимъ характеромъ! Въ этомъ все несчастье. (Съ короткой горькой усмѣшкой) Мы были слишкомъ увѣрены. Ни о чемъ не задумывались. (Вдохнувъ) Знаешь, эта распашоночка мнѣ напомнила: въ богадѣльнѣ была старая сидѣлка... У нея въ сундукѣ много лѣтъ лежалъ саванъ, который она сама себѣ шила. Какъ-то разъ она мнѣ его показала, и мнѣ стало такъ грустно.

Г-жа Фокератъ. Сумасбродная старуха! (Короткая пауза).

Кэте (шьетъ). Славный мальчуганъ этотъ маленькій Фидлеръ. Вчера я его привела сюда и стала показывать ему картинки. А онъ вдругъ спрашиваетъ меня: «Тети Кэте, правда, что мотылекъ—мука, а стрекоза—жена?»

Г-жа Фокератъ (добродушно улыбается).

Кэте. Такой глупенькій! А потомъ потрогалъ у меня вѣски и спрашиваетъ: «правда, въ нихъ глазки сняты?»

Г-жа Фокератъ. Ужасно забавны иногда бываютъ дѣтшки.

Кэте (съ тихой и грустной веселостью). И потомъ онъ говорить: «искры» вмѣсто «искры». Я всегда дразню его этимъ.

Г-жа Фокератъ. Смѣшно—«искры». (Смѣется).

Кэте (опускаетъ работу на колѣни). И какихъ только горестей ни выдумываешь въ дѣтствѣ! Помню, когда я была маленькая, я въ теченіе многихъ лѣтъ, бывало, какъ увижу картофельное поле, горячо молюсь, Богу: «Ахъ, Господи, сдѣлай такъ, чтобы я хоть разочекъ поймала большую «Мертвую голову»... Такъ ни разу и не поймала. (Утомленная, встаетъ со стула. Со вздохомъ) А позднѣе являются другіи горести...

Г-жа Фокератъ. Куда ты? Посиди еще чуточку.

Кэте. Надо посмотрѣть, не проснулся ли маленькій.

Г-жа Фокератъ. Не тревожься ты такъ. Безъ тебя все сдѣлаютъ.

Кэте (останавливается около стула и прикладываетъ руку ко лбу). Постой, мамочка, надо подумать.

Г-жа Фокератъ (нѣжно уговаривая ее). Да не о чемъ тебѣ думать! Лучше расскажи-ка мнѣ еще что-нибудь! (Она снова усаживаетъ Кэте на стулъ, безъ всякаго сопротивленія съ ея стороны). Садись. Когда Іоаннесь былъ маленькій, онъ тоже былъ ужасно забавный.

Кэте (сидитъ словно въ оцѣпѣннѣи, съ широко-раскрытыми глазами, которые устремлены на порезы, висящіе надъ піанино). Какой папа славный въ этомъ его облаченіи. Ему и въ голову не приходитъ, что его дочь... (Голова ея срывается отъ слезъ).

Г-жа Фокератъ (запѣтивъ это). Что ты, дѣточка?

Кэте (говоритъ съ трудомъ). Ахъ, пожалуйста, оставь меня! (Нѣсколько времени обѣ работаютъ).

Кэте (шесть). Ты радовалась, когда Іоаннесь родился?

Г-жа Фокератъ. Ну, я думаю! А ты развѣ не радовалась, когда родился Филиппъ?

Кэте. Право, не знаю... (Опять встаетъ). Я лучше пойду, немного прилягу.

Г-жа Фокератъ (тоже встаетъ и гладитъ Кэте руку). Да, да, если тебѣ нездоровится...

Кэте. Посмотри, мамочка, какія у меня руки.

Г-жа Фокератъ. Да, дѣточка, холодныя, словно ледь!

Кэте. Возьми иголку! (Протягиваетъ ей иголку).

Г-жа Фокератъ (не рѣшается взять иглу). Зачѣмъ? Что мнѣ съ ней дѣлать?

Кэте. Вотъ посмотри. (Быстро колетъ себѣ иголкой нѣсколько разъ ладонь).

Г-жа Фокератъ (хватаетъ ея руку). Что ты! Что ты дѣлаешь?

Кэте (улыбается). Совсѣмъ не больно. Ничуть. Я ничего не чувствую.

Г-жа Фокератъ. Ну, что это еще за выдумки! Пойдемъ, пойдемъ, прилягъ немножко, полежи! (Поддерживая Кэте, уводитъ ее въ спальню).

(Черезъ нѣкоторое время входитъ Браунъ. Онъ снимаетъ шляпу и палто и выходитъ ихъ на вѣшалку).

Г-жа Фокератъ (высовывая голову изъ спальни). Ахъ, это вы, г. Браунъ?

Браунъ. Здравствуйте, г-жа Фокератъ!

Г-жа Фокератъ. Я сейчасъ... (Исчезаетъ. Нѣсколько секундъ спустя торопливо входитъ, подходитъ къ Брауну и суетъ ему въ руки телеграмму). Ну, посоветуйте, какъ быть. (Пока онъ читаетъ, она съ боязливымъ напряженіемъ слѣдитъ за выраженіемъ его лица).

Браунъ (прочитавъ). Вы сообщили г. Фокерату, въ чемъ дѣло?

Г-жа Фокератъ. Ни словомъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! У меня не хватило бы на это духу. Я только написала ему, что слѣдовало бы ему пріѣхать сюда... Потому что мнѣ еще не скоро можно будетъ уѣхать, и Кэте еще не совсѣмъ поправилась. Больше я ничего не писала. Даже и о томъ, что Анна еще здѣсь.

Браунъ (подумавъ нѣкоторое время, пожимаетъ плечами). Да что же тутъ можно посоветовать?

Г-жа Фокератъ (еще болѣе испуганно). По-вашему, я неправильно поступила? Не нужно было писать ему? Но вѣдь Кэте таятъ у меня на глазахъ, и если она слажеть, тогда... Я ужъ и не знаю, что тогда будетъ. Да и теперь то и дѣло приходится ее укладывать въ постель. Вотъ и сейчасъ лежить. Я не могу больше, не могу я одна, г. Браунъ, брать на себя такую отвѣтственность. (Сморзается).

Браунъ (взглянувъ на телеграмму). Г. Фокератъ пріѣзжаетъ съ шестичасовымъ поѣздомъ. Который теперь часъ?

Г-жа Фокератъ. Скоро половина пятого.

Браунъ (подумавъ еще немного). Что же, вѣдь за эту недѣлю никакихъ перемѣнъ не произошло?

Г-жа Фокератъ (съ тоскою качаетъ головою). Никакихъ.

Браунъ. И она и виду не подавала, что собирается уѣзжать?

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, ни разу. А Иоганнеса совсѣмъ точно околдовала. Съ нимъ и прежде трудно было ладить, но въ концѣ концовъ онъ дѣлалъ, что было нужно. А теперь ничего не видитъ и не слышитъ. Только эта женщина,

только она одна для него и существует. Ни матери ни жены! О, Господи! Ну, что же теперь дѣлать! Вѣдь я по пѣлымъ ночамъ глазъ не могу сомкнуть. Я уже думала и такъ и этакъ. Что же намъ дѣлать? (Пауза).

Браунъ. Право, ужъ я и не знаю, хорошо ли, что приѣзжаетъ г. Фокератъ. Это только еще болѣе раадражить Ганнеса... И потомъ... Онъ только не хочетъ показать ей... Но мнѣ иногда кажется... что Ганнесъ и самъ хотѣлъ бы какъ-нибудь освободиться отъ этого.

Г-жа Фокератъ. Я тоже такъ думала. Поэтому я и позволила себя уговорить тогда, когда онъ привезъ ее назадъ. Поэтому я и осталась здѣсь. Ну, а теперь все идетъ хуже и хуже. Теперь мы и занкнуться ему не смѣемъ объ этомъ. И Кэте тоже слова нельзя сказать. Къ кому же мнѣ обратиться?

Браунъ. А г-жа Кэте ни разу не говорила съ нимъ объ этомъ?

Г-жа Фокератъ. Разъ говорила... Они не спали почти пѣлую ночь... Богъ ихъ знаетъ, о чемъ они тамъ говорили. Но Кэте слишкомъ терпѣлива. Она даже становится на его сторону, если я что-нибудь скажу. Да и эту самую... эту госпожу... такъ-называемую... она совсѣмъ не понимаетъ, то и дѣло за нее заступается. (Короткая пауза).

Браунъ. Знаете... я ужъ самъ себя спрашивалъ, не поговорить ли мнѣ съ фрейлейнъ Анной.

Г-жа Фокератъ (быстро). Да, можетъ-быть, и слѣдовало бы.

Браунъ. Я даже хотѣлъ-было написать ей... Только боюсь, чтобы не выѣшался въ это дѣло г. Фокератъ. Помоему — это только могло бы ухудшить положеніе, и очень сильно.

Г-жа Фокератъ. Да, да. Но что же мнѣ оставалось дѣлать? У меня вѣдь все сердце изболѣло. Ахъ, если бы вы... если бы вы въ самомъ дѣлѣ поговорили съ ней... (Слышны голоса Анны и Иоганнеса). Боже мой! Я не въ силахъ сейчасъ ее видѣть! (Уходитъ въ наружную дверь).

Браунъ (медлитъ нѣсколько секундъ, затѣмъ также уходитъ въ наружную дверь прежде, чѣмъ тѣ вошли).

(Анна входитъ съ веранды).

Анна (снимаетъ шляпу и говоритъ въ отворенную дверь Иоганнесу, который остался на верандѣ). Что-нибудь интересное, докторъ?

Иоганнесъ. Должно-быть, что-нибудь случилось, — полицейскій сбѣлъ въ лодку. (Входитъ). Вѣроятно, опять несчастье.

Анна. Опять меланхолическія предчувствія.

Іоаннись. Здѣсь часто случаются несчастія. Это — опасное озеро... Что это у васъ?

Анна. «Компачьи лапки», докторъ. Я возьму ихъ съ собою на память.

Іоаннись. Когда будете уѣзжать? Ну, а это еще не такъ скоро.

Анна. Вы думаете?

(Короткая пауза. Оба тихо ходятъ по комнатѣ, каждый отдѣльно).

Анна. Какъ рано стало темнѣть.

Іоаннись. И свѣжо, какъ только солнце сядетъ. Зажечь огонь?

Анна. Какъ хотите. А то посидимъ немножко такъ, въ сумеркахъ. (Садится).

Іоаннись (также садится вдали отъ Анны на первый попавшійся стулъ. Послѣ паузы). Сумерки... Въ сумерки приходятъ въ голову старыя воспоминанія...

Анна. И сказки—не правда ли?

Іоаннись. Да, и сказки. Ахъ, какія есть чудесныя сказки!

Анна. О, да! Но знаете, какъ обыкновенно кончаются самыя лучшія изъ нихъ? «Тогда я надѣла хрустальный башмачокъ—и ударила имъ о камень. И башмачокъ зазвенѣлъ и разбился въдребезги».

Іоаннись (послѣ короткой паузы). А это развѣ не тоже меланхолическія предчувствія?

Анна. Я думаю, что нѣтъ. (Встаетъ, тихо подходитъ къ стулу передъ піанино, садится на него и дышитъ себѣ на руки).

Іоаннись (тоже встаетъ, медленно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается сзади Анны). Сыграйте хоть нѣсколько тактовъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе. Нѣсколько самыхъ простыхъ аккордовъ—и довольно съ меня.

Анна. Я не умѣю играть.

Іоаннись (съ мягкимъ упрекомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна, зачѣмъ вы это говорите? Вы просто не хотите, я вѣдь знаю.

Анна. Право, я цѣлыхъ шесть лѣтъ не притрогивалась къ клавишамъ. Только этой весной опять стала немного упражняться. И потому... я такъ только брялчу печальныя безутѣшныя нѣсенки, которыя когда-то слышала отъ матери...

Іоаннись. А можетъ-быть, вы спосте одну изъ такихъ печальныхъ безутѣшныхъ нѣсенокъ?

Анна. Вотъ видите, вы ужъ и дразните меня.

Иоганнесъ. Итъ, я вижу, вы не хотите доставить мнѣ удовольствія. (Короткая пауза).

Анна. Да, докторъ! Я—гадкое, капризное создание.

Иоганнесъ. Я этого не говорю, фрейлейнъ Анна! (Небольшая пауза).

Анна (поднимаетъ крышку пианино, кладетъ пальцы на клавиши. Задумчиво). Если бы я знала что-нибудь веселое...

Иоганнесъ (садится въ дальнемъ углу, наклонивъ впередъ голову; положилъ ногу на ногу, оперся на нихъ локтями и приставилъ руку къ уху).

Анна (уронивъ руки на колѣни, говорить тихо, съ паузами). Собственно, мы живемъ въ великое время... Чудится мнѣ, точно что-то удушливое, давящее постепенно сползаетъ съ насъ все дальше и дальше... Вамъ не кажется это, докторъ?

Иоганнесъ (откашливаясь). Т.-е. въ какомъ смыслѣ?

Анна. Съ одной стороны, насъ поработалъ томительный страхъ, съ другой—мрачный фанатизмъ. Теперь эта през-мѣрно напряженная атмосфера какъ будто начала разряжаться, какъ будто откуда-то ворвался къ намъ потокъ свѣжаго воздуха, ну, положимъ, хоть изъ двадцатаго вѣка... Вы не согласны, докторъ? Ну, напริมѣръ, такіе люди, какъ Браунъ, производить на насъ уже впечатлѣніе какихъ-то совъ при дневномъ свѣтѣ.

Иоганнесъ. Не знаю, фрейлейнъ! Относительно Брауна это совершенно вѣрно. Но я не могу еще проникнуться жизнерадостностью. Не знаю...

Анна. Я не говорю о нашихъ—*личныхъ* судьбахъ. Нашу маленькую личную жизнь оставимъ, докторъ, въ сторонѣ. (Пауза).

(Анна беретъ аккордъ и держать его).

Иоганнесъ (когда звуки аккорда замерли). Ну?

Анна. Что вы, докторъ!

Иоганнесъ. Вы не хотите играть? Ну, пожалуйста!

Анна. Я хотѣла вамъ кое-что сказать, но вы не должны гордиться, слышите? Вы должны остаться спокойны и благодарны.

Иоганнесъ. Что такое?

Анна. Я думаю, мой срокъ кончился. Мнѣ пора уѣзжать.

Иоганнесъ (глубоко вздыхаетъ, потопъ встаетъ и начинается медленно играть по компатѣ).

Анна. Послушайте, Иоганнесъ! Мы начинаемъ впадать въ ошибку: слабыхъ натуръ. Намъ слѣдуетъ больше интересоваться общими вопросами; намъ нужно научиться легче переносить свои личные невзгоды. (Небольшая пауза).

Иоганнесъ. Вы серьезно хотите уѣхать?

Анна (мягко, но рѣшительно). Да, Иоганнесъ!

Иоганнесъ. Въ такомъ случаѣ, я буду теперь вдесятеро больше одинокимъ. (Пауза).

Иоганнесъ. Ахъ, по крайней мѣрѣ, хоть не будемъ говорить объ этомъ теперь.

Анна. Скажу вамъ только, что я извѣстила своихъ, что приѣду въ субботу или въ воскресенье.

Иоганнесъ. Уже извѣстили? Но, фрейлейнъ, почему же вы такъ торопитесь?

Анна. По многимъ причинамъ. (Пауза).

Иоганнесъ (все быстрее и возбужденнѣе шагалъ по комнатѣ). Да неужели же дѣйствительно нужно приносить въ жертву этимъ проклятымъ условностямъ все, все, что добыто съ такимъ трудомъ! Неужели же люди абсолютно не могутъ понять, что нѣтъ ничего преступнаго въ такихъ отношеніяхъ, при которыхъ обѣ стороны только выигрываютъ, становятся лучше, благороднѣе? Да развѣ теряютъ что-нибудь родители отъ того, что ихъ сынъ становится лучше, глубже? Развѣ теряетъ что-нибудь жена, если ея мужъ духовно растетъ и крѣпнѣетъ?

Анна (ласково грозя). Ахъ, докторъ, докторъ! Опять вы злитесь!

Иоганнесъ (успокаиваясь). Да развѣ я неправъ, фрейлейнъ?

Анна. И да и нѣтъ... Вы оцѣниваете вещи иначе, чѣмъ ваши родители. Они—иначе, чѣмъ г-жа Кэте. И, по-моему, здѣсь нельзя возражать.

Иоганнесъ. Но вѣдь это же ужасно,—ужасно для насъ.

Анна. Да и для нихъ... для другихъ не меньше ужасно... (Пауза).

Иоганнесъ. Да, но не вы ли сами всегда говорили, что нельзя допускать себя до подчиненія чужимъ предразсудкамъ, нельзя ставить себя въ зависимость отъ другихъ.

Анна. Но если эта зависимость уже существуетъ?

Иоганнесъ. Хорошо, пусть такъ... пусть я нахожусь въ зависимости. Ну, а вы-то? Зачѣмъ *самъ* считаться съ другими?

Анна. Я тоже полюбила ихъ. (Пауза).

Анна. Вы часто говорили мнѣ, что мечтаете о новой, высшей формѣ общенія между мужчиной и женщиной.

Иоганнесъ (тепло, съ увлеченіемъ). Да, мечтаю, и когда-нибудь это сбудется. Тогда не животная сторона, а человѣ-

ческая—займетъ первое мѣсто въ союзѣ между мужчиною и женщиною. Не животное будетъ вступать въ бракъ съ животнымъ, а человекъ съ человекомъ. Дружба — вотъ та основа, на которой возрастетъ и окрѣпнетъ такая любовь, на которой воздвигнется нерушимое, прекрасное, волшебное зданіе. И я предчувствую нѣчто еще болѣе возвышенное, прекрасное, свободное. (Прерываетъ самъ себя и обращается къ Аннѣ) Если бы я могъ сейчасъ видѣть ваше лицо, я навѣрно бы увидѣлъ, что вы смѣетесь. Правда?

Анна. Нѣтъ, докторъ, я не смѣюсь... Но, правда, такіа слова... отъ которыхъ легко хмелѣешь... Они, дѣйствительно, вызываютъ во мнѣ обыкновенно насмѣшку. Но допустимъ,— въ нашихъ отношеніяхъ было, дѣйствительно, что-то новое, высшее...

Іоганнесъ (огорченный). Вы сомнѣваетесь въ этомъ? Неужели нужно указывать вамъ разницу? Ну, чувствуете ли вы, напримѣръ, къ Катѣ что-нибудь, кромѣ самой сердечной любви? Развѣ мое чувство къ ней хоть сколько-нибудь стало слабѣе? Напротивъ, я сталъ любить ее еще глубже, полнѣе.

Анна. Но найдется ли кто-нибудь, кромѣ меня, кто повѣритъ вамъ? И развѣ сама Катѣ отъ этого меньше страдаетъ? Мнѣ не хочется говорить о насъ обоихъ. Ну, предположимъ,—такъ вообще: кто-нибудь прозрѣлъ возможность этихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ отношеній; но вѣдь пока они, эти отношенія—только въ отбѣнкѣ чувства, пока вѣдь это—чрезвычайно нѣжное молодое растеніице, которое надо холить и лелѣять. Вы согласны со мною, докторъ? Что это растеніице вырастетъ, пока мы еще живемъ, на это намъ нечего надѣяться. Мы никогда не увидимъ его расцвѣта, его плоды предназначены другимъ. Сбережъ для потомства его сѣмя—это, пожалуй, мы можемъ. И думается мнѣ, что кто-нибудь возьметъ на себя этотъ трудъ.

Іоганнесъ. И изъ всего этого вы дѣлаете выводъ, что мы должны разстаться?

Анна. Я не хотѣла говорить о насъ. Но разъ ужъ вы заговорили... Да! Мы должны разстаться! Идти той дорогой, которая иногда... моментами... рисовалась мнѣ... Нѣтъ, теперь я этого не хочу. Я тоже испытала что-то въ родѣ предчувствія. И съ той поры прежняя цѣль, откровенно скажу вамъ, кажется и мнѣ слишкомъ незначительной, слишкомъ обыкновенной для насъ. Словно спустились мы съ высокой горы, откуда открывался далекій-далекій видъ,

и очутились въ долины, гдѣ все такъ узко, такъ тѣсно.
(Пауза).

Иоганнесъ. А если ничье существованіе не пострадаетъ отъ этого?

Анна. Этого не можетъ быть.

Иоганнесъ. Но если бы Кэте была достаточно сильна для этого? Если бы ей удалось подняться на высоту этой идеи?

Анна. Если бы Кэте сумѣла жить рядомъ со мною... тогда... тогда я бы не смогла довѣрить самой себѣ. Во мнѣ... въ насъ есть что-то, что враждебно тѣмъ облагороженнымъ отношеніямъ, которыя грезятся намъ; что-то, что въ концѣ концовъ сильнѣе насъ, докторъ... Не зажечь ли огонь?

Г-жа Фокератъ (входитъ изъ передней со свѣчой. Говоритъ въ дверь). Тутъ еще темно. Я зажгу сначала лампу. Подождите еще немного здѣсь, г. Браунъ. Я такъ устрою, что... (Иоганнесъ кашляетъ).

Г-жа Фокератъ (въ испугѣ). Кто тутъ?

Иоганнесъ. Мы, мама.

Г-жа Фокератъ. Ты, Иоганнесъ?

Иоганнесъ. Да. Фрейлейнъ Анна и я. А тамъ кто?

Г-жа Фокератъ (съ нескрываемой досадой). Что это, Ганнесъ! Можно бы, кажется, хоть огонь зажечь. Это вѣдь несовсѣмъ... сидѣть въ темнотѣ... (Зажигаетъ лампу. Иоганнесъ и Анна сидятъ неподвижно).

Г-жа Фокератъ. Ганнесъ?

Иоганнесъ. Что, мама?

Г-жа Фокератъ. Поди-ка ко мнѣ. Мнѣ нужно съ тобою кое-о-чемъ поговорить.

Иоганнесъ. Развѣ нельзя здѣсь?

Г-жа Фокератъ. Если у тебя нѣтъ для меня свободной минуты, говори прямо.

Иоганнесъ. Ахъ, мама... Ну, сейчасъ иду. (Аннѣ) Извините, фрейлейнъ. (Уходитъ съ г-жою Фокератъ въ кабинетъ).

Анна (беретъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, потомъ напѣваетъ вполголоса).

Невольей замученъ, ты рано покинулъ нашъ свѣтъ,
Страданій и горя людского поэтъ.

За свой народъ вступишь ты смѣло въ бой
И палъ, неравной сложенный борьбой.

(Умолкаетъ. Входитъ Браунъ).

Анна (поворачивается на вертящемся стулѣ). Добрый вечеръ, г. Браунъ!

Браунъ. И не хотѣть мѣшать. Здравствуйте, фрейлейнъ!

Анна. Что это васъ теперь такъ рѣдко видно?

Браунъ. Какъ такъ?

Анна. Здѣсь часто о васъ вспоминають.

Браунъ. Кто же это? Ужъ, конечно, не Гансъ.

Анна. Иоганнесъ? Да, не онъ. Г-жа Кэте.

Браунъ. Вотъ видите! Откровенно говоря, я... впрочемъ, сейчасъ все это пустяки, дѣло не въ томъ. (Пауза).

Анна. Кажется, мы оба сегодня въ такомъ настроеніи, что слѣдовало бы намъ рассказать другъ другу что-нибудь веселенькое. Не знаете ли чего-нибудь? Иногда нужно заставлять себя смѣяться. Ну, какой-нибудь анекдотъ или что-нибудь...

Браунъ. Нѣтъ, ужъ увольте!

Анна. Я думаю, вамъ даже непонятно, что такое смѣхъ. (Пауза).

Браунъ. Собственно, я пришелъ, фрейлейнъ, чтобы поговорить съ вами серьезно.

Анна. Вы? Со мною?

Браунъ. Да, фрейлейнъ Анна!

Анна (встаетъ). Пожалуйста, я слушаю. (Подходить къ столу, развязываетъ букетъ изъ имбирцевъ и начинаетъ перебирать ихъ и снова связывать въ букетъ).

Браунъ. Я переживалъ тогда тяжелую внутреннюю борьбу, когда мы познакомились съ вами въ Парижѣ. Въ сущности, конечно, все это было вздоръ. И не все ли равно въ концѣ концовъ, писать ли картины съ идеей или безъ идеи. Искусство—роскошь, а служить въ наше время роскоши—позорно при всякихъ условіяхъ. Но, во всякомъ случаѣ, тогда знакомство съ вами помогло мнѣ разобраться во всемъ этомъ. И вотъ что главнымъ образомъ я хотѣлъ сказать вамъ,—что именно тогда-то я научился уважать и цѣнить васъ.

Анна (продолжая разбирать цвѣты, равнодушно). То, что вы говорите, не особенно любезно, но продолжайте.

Браунъ. Если подобныя слова могутъ оскорблять васъ, я очень сожалею... Но тогда я ничего не понимаю...

Анна. Очень жаль, г. Браунъ.

Браунъ. Мнѣ непріятно и больно; проще было бы, конечно, предоставить событіямъ идти своимъ путемъ. Но если эти событія могутъ имѣть такія ужасныя и тяжелыя послѣдствія! Вѣдь нельзя же...

Анна (напивал про себя: «Пряди, пряди, доченька»). Кошачьи лапки. Я слушаю, г. Браунъ.

Браунъ. Глядя на васъ, Фрейлейнъ, не могу подождительно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что... повидимому, вы совершенно не отдаете себѣ никакого отчета... совершенно не замѣчаете всего ужаса и серьезности положенія вещей...

Анна (напиваетъ): «Мальчикъ розу увидалъ».

Браунъ. Но есть же наконецъ въ людяхъ совѣсть. Мнѣ ничего больше не остается, Фрейлейнъ, я вынужденъ апеллировать къ вашей совѣсти.

Анна (послѣ короткой паузы, съ хозоднымъ спокойствіемъ). Знаете, что сказалъ папа Левъ X о совѣсти?

Браунъ. Не знаю, да, право, меня это въ данную минуту нисколько и не интересуетъ.

Анна. «Совѣсть—это злое животное,—сказалъ онъ:—которое вооружаетъ человѣка противъ себя самого». Впрочемъ, продолжайте, продолжайте. Я вся—вниманіе.

Браунъ. Не знаю, право, но мнѣ кажется, что это ясно до очевидности: вѣдь не можете вы не видѣть, что дѣло идетъ о жизни и смерти цѣлой семьи. Достаточно, мнѣ кажется, взглянуть на молодую г-жу Фокератъ, только взглянуть на нее, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія. По моему...

Анна (дѣлалась серьезною). Ахъ, вотъ что! Такъ вотъ что! Ну, дальше, дальше!

Браунъ. Да... такъ вотъ... И ваши отношенія къ Йоганнесу...

Анна (протестуя). Г. Браунъ, до этого момента я думала, что выслушать друга моего друга—мой долгъ. Но то, что вы говорите теперь, вы говорите на вѣтеръ...

Браунъ (смущенъ. Послѣ короткой паузы онъ встаетъ, беретъ шляпу и палку и уходитъ съ жестомъ человѣка, который сдѣлалъ все, что могъ).

Анна (какъ только Браунъ вышелъ, отбрасываетъ букетъ въ сторону и возбужденно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ нѣсколько успокаивается и пьетъ воду).

(Г-жа Фокератъ входитъ въ наружную дверь).

Г-жа ФОКЕРАТЪ (боязливо оглядывается по сторонамъ, затѣмъ, убѣдившись, что онъ одинъ, быстро подходитъ къ Аннѣ). Я въ такомъ страхѣ за Ганнесса, вы знаете, какой онъ вспыльчивый. А у меня столько въ душѣ накипѣло... Не могу я больше таить въ себѣ, Фрейлейнъ! Фрейлейнъ Анна! (Смотритъ на Анну съ умоляющимъ видомъ).

Анна. Я знаю, чего вы хотите.

Г-жа Фокератъ. Г. Браунъ говорилъ съ вами?

Анна (хочетъ отвѣтить утвердительно, но голосъ отказывается ей служить. Она съ трудомъ сдерживаетъ припадокъ слезъ и рыданій).

Г-жа Фокератъ (хлопочетъ около нея). Фрейлейнъ Анна, дорогая моя! Не надо падать духомъ. О, Господи! Только бы Іоганнесъ не вошелъ. Я не знаю, что и дѣлать. Ну, фрейлейнъ Анна!

Анна. Ничего, ничего... Вотъ ужъ и все прошло. Не беспокойтесь, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Мнѣ вѣдь и васъ жаль, развѣ я не человекъ! Много и вамъ пришлось перенести въ жизни дурного. У меня сердце за васъ болитъ. Но вѣдь Іоганнесъ мнѣ все же ближе. Я этого перемѣнить не могу! А вы, фрейлейнъ, еще такъ молоды, такъ молоды. Въ ваши годы все легко переносится.

Анна. Мнѣ ужасно тяжело, что все это такъ далеко зашло.

Г-жа Фокератъ. Никогда я не дѣлала ничего подобнаго. Никогда не отказывала я никому въ гостепріимствѣ. Но другого пути я не вижу. Это — послѣдній выходъ для всѣхъ насъ... Я не хочу сейчасъ никого судить. Я хочу говорить съ вами, какъ женщина съ женщиной, какъ мать... (Слезы думаютъ ее). Какъ мать Іоганнеса, обращаюсь я къ вамъ. (Хватаетъ ее за руку). Отдайте мнѣ моего сына! Верните измученной матери ея дитя! (Падаетъ на стулъ и плачетъ, припавъ къ рукѣ Анны).

Анна. Милая, милая г-жа Фокератъ! Все это... Всѣмъ этимъ я глубоко потрясена. Но что же я могу вернуть вамъ? Развѣ я отнимала у васъ что-нибудь?

Г-жа Фокератъ. Не будемъ лучше говорить объ этомъ. Я не хочу разбираться во всемъ этомъ, не хочу разбирать, кто здѣсь виноватъ. Знаю только одно: у моего сына никогда, во всю жизнь не было дурныхъ склонностей. Я такъ была въ немъ увѣрена, что даже и теперь вотъ не могу понять... (Плачетъ). Я была слишкомъ самонадѣянна, фрейлейнъ Анна...

Анна. Что бы вы ни говорили, г-жа Фокератъ, противъ васъ я не могу защищаться.

Г-жа Фокератъ. Я не хотѣла сдѣлать вамъ больно, не хотѣла огорчать васъ, клинусь вамъ. Вѣдь я въ вашихъ рукахъ. Я могу только умолять васъ, только умолять отъ всей глубины моего изстрадавшагося сердца: оставьте моего Ганнеса. Пока еще не все погибло, пока еще не разбилось сердце Кете. Сжальтесь!

Анна. Г-жа Фокератъ! Вы меня такъ унижаете... Я испытываю такое чувство, словно меня прибили, а я... Нѣтъ! Говорю вамъ: я уѣзжаю,—это рѣшено. И если дѣло только въ этомъ...

Г-жа Фокератъ. О, Господи! Ну, что вы еще выдумали, фрейлейнъ! У меня просто слова нейдутъ съ языка... Но обстоятельства таковы... Нужно, чтобы вы сейчасъ же... Если можно, то сейчасъ же...

Анна (собираетъ вещи, которые она сняла съ себя).

Г-жа Фокератъ. Я не могу найти иного исхода, фрейлейнъ! (Небольшая пауза).

Анна (съ вещами въ рукахъ, медленными шагами идетъ къ выходной двери, останавливается передъ г-жою Фокератъ). Неужели вы могли подумать, что я стала бы еще медлить?

Г-жа Фокератъ. Помогите вамъ Господь!

Анна. Прощайте, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Вы не скажете Гансесу, о чемъ мы здѣсь говорили?

Анна. Будьте покойны, г-жа Фокератъ.

Г-жа Фокератъ. Сохрани васъ Господь, фрейлейнъ Анна!

(Анна выходитъ въ выходную дверь. Г-жа Фокератъ съ облегченіемъ вздыхаетъ и быстро идетъ въ спальню.)

Веранда освѣщается фонаремъ. Входитъ старикъ Фокератъ въ шинели и плюшевой шапочкѣ, за нимъ станціонный сторожъ съ багажомъ).

Фокератъ (крайне довольный). А! Никого нѣтъ? Положите вещи вотъ сюда. Подождите! (Ищетъ въ портмоне) Вотъ вамъ за труды.

Сторожъ. Покорнѣйше васъ благодарю.

Фокератъ. Подождите-ка, милый человѣкъ. (Ищетъ въ карманахъ пальто). Кажется, у меня была тутъ пара экземпляровъ... «Пальмовыхъ вѣтвей»... А, вотъ! (Даетъ ему нѣсколько бросюрокъ). Это писалъ одинъ благочестивый человѣкъ—все, что онъ пережилъ. Да послужить это вамъ на благо. (Пожимаетъ смущенному носильщику руку. Тотъ не знаетъ, что сказать, и молча уходитъ. Фокератъ снимаетъ пальто и фуражку, оглядывается, съ довольнымъ видомъ потираетъ руки, потомъ подходитъ къ дверямъ спальни и прислушивается. За дверью слышится шумъ; Фокератъ стремительно отходитъ и прячется за печку).

Кэте (выходитъ изъ спальни, видитъ свертки, пальто и шапку). Ахъ, Господи, Боже мой, да вѣдь это... вѣдь это же вещи папочки!

Фокератъ (словно вихрь выбѣгаетъ изъ-за печки, и плачетъ и смѣется. Порывисто обнимаетъ Кэте и цѣлуетъ ее нѣсколько разъ). Дочурка! Сердечко мое! (Подѣлываетъ). Ну, какъ живете? Что

подълизываете? Всѣ живы-здоровы? (Подъѣзж.) Нѣтъ, вы себѣ представить не можете... (Выпускаетъ Кэте изъ объятій). Вы себѣ представить не можете, какъ я сегодня весь день былъ счастливъ! (Смѣется). Ну-съ, а что подѣлываетъ нашъ принцъ? Ха-ха-ха! Какъ изволить поживать его высочество? Ха-ха-ха! Его высочество, наследный принцъ! Ха-ха-ха! Слава Тебѣ, Господи, наконецъ-то я здѣсь. (Слегка утомленно) Знаешь ты... (Снимаетъ очки и протираетъ стекла). Долго быть одному—нѣтъ, это не годится... Ха-ха! Нехорошо человѣку быть одному, надо непременно вдвоемъ! Ха-ха-ха! Тѣкъ-съ... и потомъ, знаешь, много было работы. Ухъ! Особенно съ навозомъ. Навозъ, ха-ха-ха! Это — золото для хозяина. Да. Былъ у меня какъ-то на-дняхъ пасторъ Пфейферъ. Такъ онъ все возмущался, что у насъ навозная куча подъ самыми окнами. (Смѣется). А я ему говорю: милый пасторъ, говорю, да вѣдь это наши золотыя розсыпи. Ха-ха-ха! Ну, а гдѣ же пропадаетъ моя старуха? Моя почтенная хозяйшкa? И гдѣ мой Ганнесъ? (Внимательно всматривается въ Кэте) Не знаю, можетъ-быть, это отъ лампы? По-моему, ты все еще не... не такая, какъ прежде, а, Кэте?

КЭТЕ (съ трудомъ скрывая свое волненіе). Ахъ, паночка, да нѣтъ. Я чувствую себя совсѣмъ... (Обнимая его) Я такъ рада, что ты пріѣхалъ.

Фокератъ. Я, должно-быть, тебя... немножко напугалъ тебя... Напугалъ, а, Кэте? (Въ входныхъ дверяхъ показывается г-жа Фокератъ. Фокератъ опять виѣ себя отъ радости). Ха-ха-ха! Да вотъ и она!

(Бросаются другъ другу въ объятія, плачутъ и смѣются).

КЭТЕ (не въ силахъ сдерживать себя, уходитъ).

Фокератъ (послѣ объятій хлопаетъ жену по спинѣ). Такъ, такъ, моя вѣрная старушка! Никогда еще не разставались мы съ тобою такъ надолго... Ну, теперь недостаетъ только Іоганнеса.

Г-жа Фокератъ (послѣ небольшой паузы). У насъ еще гости здѣсь.

Фокератъ. Гости? Кто такая?

Г-жа Фокератъ. Да фрейлейнъ.

Фокератъ. Такъ. Какая фрейлейнъ?

Г-жа Фокератъ. Да ты вѣдь знаешь,—фрейлейнъ Маръ.

Фокератъ. А я думалъ, что она уѣхала. Ну-съ, вотъ здѣсь кое-какая провизія. (Разбирая свертки) Вотъ тебѣ масло. Лидъ на этотъ разъ не привезъ. До сихъ поръ еще съ ужасомъ вспоминаю о прошломъ разѣ. Вотъ это—для Іоган-

неса, сыръ собственного производства. Надо все это скорѣй на погребѣ. А вотъ ветчина. Замѣчательная, Марта, ну, прямо лососина. Да что ты все молчишь? Здорова?

Г-жа Фокератъ. Да, папочка, только ужъ не знаю, право... Есть у меня кое-что на сердцѣ... Не хотѣла я тебѣ, собственно, говорить, но... я... Вѣдь ты мой вѣрный спутникъ въ жизни... У меня одной ужъ больше нѣтъ силъ... Нашъ сынъ... нашъ Іоаннесь... чуть-было...

ФОКЕРАТЪ (изумленно, испуганно). Что такое съ Іоаннеськомъ? Что съ нимъ? Да что же, наконецъ?!

Г-жа Фокератъ. Ты только не волнуйся. Съ Божьей помощью, теперь все пойдетъ на ладъ. По крайней мѣрѣ, фрейлейнъ скоро уѣзжаетъ.

ФОКЕРАТЪ (глубоко потрясенный). Марта! Не можетъ этого быть! Это неправда!

Г-жа Фокератъ. Да я и не знаю, какъ далеко у нихъ зашло. Только... Ахъ! Это было для меня ужасное время!

ФОКЕРАТЪ. Я бы, не задумываясь, далъ отрубить себѣ руку... Чтобы мой сынъ, Марта! Мой сынъ забылъ долгъ и честь?

Г-жа Фокератъ. Ахъ, дорогой мой, ты раньше посмотри, раньше самъ разберись... Я вѣдь не знаю...

ФОКЕРАТЪ (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, блѣдный, бормоча). Да будетъ воля Твоя! Да будетъ воля Твоя! (Г-жа Фокератъ тихо плачетъ).

ФОКЕРАТЪ (останавливается передъ нею, глухо). Марта, гдѣ-нибудь да должна таиться вина. Давай сообразимъ.

Г-жа Фокератъ. Мы молча терпѣли, и наши дѣти все больше и больше удалялись отъ Бога и отъ истиннаго пути.

ФОКЕРАТЪ. Да, ты права. Это такъ. И за это мы теперь понесемъ кару. (Беретъ жену за обѣ руки). Но будемъ молить Господа съ глубокимъ смиреніемъ день и ночь. Будемъ молить Бога, Марта!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Событія этого дѣйствія почти непосредственно слѣдуютъ за событіями четвертаго дѣйствія.

Комната пуста. На столѣ еще стоитъ зажженная лампа.

Іоаннесь (быстро входитъ черезъ входную дверь. Въ сильномъ гнѣвѣ). Мама! (Открываетъ дверь въ спальню). Мама!

Г-жа Фокератъ (выходитъ изъ спальни). Ну, что случилось, мальчикъ? Чего ты такъ шумишь? Филиппа разбудишь.

Иоганнесъ. Мама, я хотѣлъ бы знать, кто далъ тебѣ право выгонять гостей изъ моего дома?

Г-жа Фокератъ. Но, Ганнесъ... Я и не думала никого гнать.

Иоганнесъ (ходитъ возбужденный по комнатѣ). Мама, ты лжешь!

Г-жа Фокератъ. И ты можешь говорить это матери прямо въ лицо, Ганнесъ?

Иоганнесъ. Я долженъ тебѣ это сказать, потому что это правда. Фрейлейнъ Анна собирается уѣхать и...

Г-жа Фокератъ. Что-жъ, она тебѣ сказала, что это я ее выгнала изъ дому?

Иоганнесъ. Ей не нужно было говорить этого, я и самъ знаю.

Г-жа Фокератъ. Что-жъ ты знаешь?

Иоганнесъ. Она уѣзжаетъ. Вы столько времени втолковывали ей это. Но я говорю тебѣ: я лягу здѣсь у дверей, возьму револьверъ (беретъ револьверъ изъ книжного шкапа), поставлю его себѣ къ головѣ и, если она уѣдетъ, спущу курокъ. Клянусь тебѣ жизнью!

Г-жа Фокератъ (въ ужасѣ, хочетъ схватить его за руку). Ганнесъ, ради Бога, перестань!

Иоганнесъ. Даю тебѣ честное слово...

Г-жа Фокератъ. Боже мой, Боже мой! (Зоветъ) Папочка! Папочка! Иди же скорѣе! Одна минута и... Папочка, да образумь ты сына!

(Старикъ Фокератъ входитъ изъ спальни).

Иоганнесъ. О... отецъ! (Сразу приходитъ въ себя и ромаетъ револьверъ).

Фокератъ. Да, я, это я... И вотъ какъ суждено намъ встрѣтиться.

Иоганнесъ. Что это значить, мама?

Фокератъ (подходя къ нему, серьезно и торжественно). Это значить... что ты долженъ опомниться, сынъ мой.

Иоганнесъ. Почему ты пріѣхалъ къ намъ теперь?

Фокератъ. Воля Всевышняго привела меня къ вамъ.

Иоганнесъ. Это мама позвала тебя?

Фокератъ. Да, Иоганнесъ.

Иоганнесъ. Зачѣмъ?

Фокератъ. Чтобы я пришелъ помочь тебѣ, какъ другъ.

Иоганнесъ. Да развѣ я нуждаюсь въ помощи?

Фокерать. Да, Ганнесь, ты слабъ; ты такой же слабый человекъ, какъ и всѣ мы. Да!

Іоганнесь. Ну, хорошо, пусть я слабъ. Но чѣмъ же ты хочешь помочь мнѣ?

Фокерать (подходить къ нему и беретъ его за руку). Я хочу сказать тебѣ, какъ всѣ мы тебя любимъ. Да. И еще я хотѣлъ сказать тебѣ, что Господь радуется, когда видитъ кающагося грѣшника, да...

Іоганнесь. Такъ, значитъ, я грѣшникъ?

Фокерать (попрежнему мягко). Великій грѣшникъ, да... передъ Господомъ Богомъ.

Іоганнесь. Да въ чемъ же я согрѣшилъ?

Фокерать. Кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ,—сказалъ Господь... Да... А ты сдѣлалъ больше... да... да...

Іоганнесь (дѣлаетъ движеніе, точно хочетъ зажать себѣ уши). Отецъ!

Фокерать. Открой мнѣ свое сердце, Ганнесь! Протяни мнѣ свою руку, какъ грѣшникъ грѣшнику, и возьми меня помощникомъ въ твоей борьбѣ...

Іоганнесь. Я долженъ сказать тебѣ, отецъ... Я стою на другой почвѣ, чѣмъ ты.

Фокерать. Ты стоишь на зыбкой почвѣ.

Іоганнесь. Какъ ты можешь говорить объ этомъ, отецъ! Ты не знаешь той почвы, на которой я стою, моего пути ты не знаешь.

Фокерать. О, да! Это широкій путь къ гибели. Я втайнѣ слѣдилъ за тобою, да. Но кромѣ меня слѣдилъ за тобою еще и всевышній Богъ! И я зналъ это и поэтому медлилъ исполнить свой долгъ, да... Но сегодня я прихожу къ тебѣ во имя Его и говорю тебѣ: вернись, ты стоишь передъ пропастью!

Іоганнесь. Я долженъ сказать тебѣ, отецъ... Ты говоришь, какъ честный, добрый человекъ, но... твои слова не находятъ отклика въ моей душѣ. Твои пропасти не пугаютъ меня. Есть другая пропасть,—и смотрите, не столкните меня въ нее!

Фокерать. Нѣтъ, Ганнесь, нѣтъ...

Іоганнесь. Неправда, что кто посмотритъ съ вождельніемъ на женщину, уже нарушилъ свой супружескій долгъ. Я боролся, долго боролся!

Фокерать. Нѣтъ, Ганнесь, нѣтъ. Я часто давалъ тебѣ совѣты, и всегда они шли тебѣ на пользу. Я говорю тебѣ теперь,—не обманывай себя, положи этому конецъ. Поду-

май о своей женѣ, о Филиппѣ, хоть немного подумай о своихъ старыхъ родителяхъ! Не увеличивай...

Іоганнесъ. А о себѣ самомъ я не долженъ-подумать?

Фокератъ. Тебѣ и самому будетъ легче и свободнѣе, когда ты придешь къ этому рѣшенію.

Іоганнесъ. А если это не такъ?

Фокератъ. Повѣрь мнѣ, что такъ.

Іоганнесъ. А если... А Анна?

Фокератъ. Такія, какъ она,—дѣти всего міра,—Ганнесъ, легко переносятъ.

Іоганнесъ. Ну, а если она не легко перенесетъ?

Фокератъ. Тогда, значить, не было на это воли Божіей.

Іоганнесъ. Ну, отецъ... я—много мнѣнія. Мы не понимаемъ другъ друга. Да и вообще никогда въ подобныхъ вопросахъ не поймемъ другъ друга.

Фокератъ (все еще стараясь быть мягкимъ). Здѣсь... здѣсь рѣчь вовсе не о пониманіи. Ты не хочешь видѣть истинное положеніе, да! Тутъ совсѣмъ другое. Раньше и ты отлично понималъ это. Но не въ томъ дѣло... не въ пониманіи другъ друга...

Іоганнесъ. Прости, отецъ, но въ чемъ же?

Фокератъ. Въ повиновеніи, да, вотъ въ чемъ!

Іоганнесъ. По-твоему, значить, я долженъ дѣлать все, что тебѣ угодно, хотя бы самъ я не считалъ это правильнымъ? Да?

Фокератъ. Я не посоветую тебѣ ничего неправильнаго. Мнѣ очень больно, что я долженъ тебѣ говорить это... Какъ будто ипрекаешь чѣмъ-то, да! Но пока мы вырастили тебя, сколько было у насъ заботъ, сколько бессонныхъ ночей. Мы не жалѣли для тебя никакихъ жертвъ, мы ухаживали за тобою, когда ты хворалъ! А ты много хворалъ, Ганнесъ, когда былъ маленькій. Да! Но мы все дѣлали охотно, съ радостью.

Іоганнесъ. Да, отецъ, и за это я глубоко благодаренъ вамъ.

Фокератъ. Да. Но это только слова! А я хочу видѣть поступки, поступки! Будь благочестивымъ, чистымъ, послушнымъ, вотъ это—настоящая благодарность.

Іоганнесъ. Ты, значить, считаешь, что я неблагодаренъ, что я не заслуживаю вашихъ заботъ?

Фокератъ. Помнишь, когда ты былъ еще ребенкомъ, о чемъ ты всегда молился въ своей кровати, да? утромъ и вечеромъ?

Иоганнесь. О чемъ, отецъ?

Фокерать. Господи, молю Тебя, сдѣлай такъ, чтобы я былъ хорошимъ мальчикомъ... А если я не буду хорошимъ...

Иоганнесь. Тогда лучше возьми меня съ земли. Значить, ты думаешь, что было бы лучше, если бы вы тогда схоронили меня?

Фокерать. Да, если ты будешь продолжать идти по этой опасной дорогѣ, если, да... Если сердце твое останется непреклоннымъ....

Иоганнесь. Да, я и самъ думаю, что это было бы лучше... (Небольшая пауза).

Фокерать. Приди въ себя, сынъ мой. Вспомни, Ганнесь, о тѣхъ, кто наставлялъ тебя, вспомни пастора Пфейфера, твоего благочестиваго учителя и духовника. Припомни...

Иоганнесь (внѣ себя). Ахъ, оставь ты меня, отецъ, въ покоѣ съ этими моими учителями! Иначе я расхожусь! Не напоминай ты мнѣ объ этомъ стадѣ барановъ, которые вытравили во мнѣ все живое.

Г-жа Фокерать. О, Отецъ Небесный!

Фокерать. Молчи, Марта, молчи! (Иоганнесу) Ни твои наставники ни мы съ нею не заслужили этого.

Иоганнесь (кричить). Изуродовали вы меня!

Фокерать. Ты клеветешь, Ганнесь!

Иоганнесь. Я правду говорю... вы изуродовали меня!

Фокерать. Такъ-то платишь за нашу любовь?

Иоганнесь. Ваша любовь изуродовала меня!

Фокерать. Я не узнаю тебя, Ганнесь, я перестаю принимать тебя.

Иоганнесь. Я то же самое думаю, отецъ. Вы никогда не понимали и никогда не поймете меня. (Небольшая пауза).

Фокерать. Ну, хорошо, Ганнесь. Я кончилъ. Я не подозрѣвалъ, что это зашло такъ далеко. Я надѣялся, но средства мои истощились. Здѣсь можетъ помочь только Господь. Пойдемъ, Марта, пойдемъ, моя старая! Здѣсь намъ нечего больше дѣлать. Да! Спрячемся куда-нибудь и будемъ ждать, пока милосердый Богъ призоветъ насъ къ Себѣ. (Обращается снова къ Иоганнесу) Но, Ганнесь! Одно еще долженъ я тебѣ сказать: не обagri рукъ своихъ кровью, слышишь! Не налагай на свою душу еще и этого грѣха! Подумалъ ли ты хоть разъ о Катѣ? Знаешь ли ты, что мы боимся за ея разсудокъ? Поглядѣлъ ли ты когда-нибудь повнимательнѣе на это бѣдное, милое созданье? Понимаешь ли ты, что вы съ ней сдѣлали? Вотъ пустъ

мать тебѣ разскажетъ, какъ она по ночамъ плачетъ надъ твоимъ портретомъ, бьется въ рыданіяхъ. Такъ послушай же ты меня еще разъ, Ганнесъ! Не обагри рукъ своихъ кровью. Ну, а теперь я все сказалъ, да! Пойдемъ, Марта, пойдемъ!

Іоганнесъ (послѣ короткой борьбы). Отецъ! Мама!

Г-жа Фокератъ } (оборачиваются. Іоганнесъ бросается въ ихъ
Фокератъ } объятія). Іоганнесъ! (Пауза).

Іоганнесъ (упавшимъ голосомъ). Ну, скажите же, что я долженъ сдѣлать?

Фокератъ. Но удерживай ее, пусть она уѣзжаетъ, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Общаю тебѣ это. (Въ полномъ изнеможеніи онъ опускается на стулъ).

Г-жа Фокератъ (въ радостномъ волненіи, поспѣшно уходитъ въ спальню).

Фокератъ (глядя на сидящаго сына по головѣ и цѣлуя въ лобъ). Дай тебѣ Господь силы! (Уходитъ въ спальню).

(Іоганнесъ сидитъ нѣсколько мгновеній спокойно, потомъ вздрагиваетъ, становится все безпокойнѣе. Встаетъ, подходитъ къ окну, всматривается въ темноту, прислушивается. Отворяетъ наружную дверь).

Іоганнесъ. Кто тамъ?

Анна. Это я, г. Іоганнесъ! (Входитъ).

Іоганнесъ. Вы хотѣли уѣхать, не простившись? (Ходитъ по комнатѣ).

Анна. Правда, одну минуту я колебалась. Но теперь такъ хорошо.

Іоганнесъ. Я въ ужасномъ состояніи. Отецъ здѣсь. Я его никогда не видалъ такимъ. Онъ всегда такой веселый, жизнерадостный... Я не могу отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. И въ то же время я долженъ видѣть, какъ вы уходите отъ насъ, фрейлейнъ...

Анна. Что же, вѣдь должна же была я когда-нибудь уѣхать!

Іоганнесъ. Но вы не должны уѣзжать, не можете уѣхать! По крайней мѣрѣ, хоть не сейчасъ, не въ эту минуту! (Садится, опустивъ на руку голову. Глубокій стонъ вырывается у него изъ груди).

Анна (взволнованнымъ, еле слышнымъ голосомъ). Докторъ! (Тихо кладетъ свою руку на его голову).

Іоганнесъ (выпрямляется со вздохомъ). Ахъ, фрейлейнъ Анна!

Анна. Вспомните, о чемъ мы говорили всего какой-нибудь часъ назадъ. Давайте, превратимъ необходимость въ подвигъ

Иоганнесъ (встаетъ, въ возбужденіи ходить по комнатѣ). Я не знаю, о чемъ мы говорили. Въ головѣ у меня пусто-пусто, я весь истерзался... Я не помню, о чемъ я говорилъ и съ отцомъ. Я ничего не знаю. Пусто въ головѣ... Я измучился...

Анна. Ахъ, Иоганнесъ, лучше, чтобы все было ясно въ эти послѣднія наши минуты.

Иоганнесъ (послѣ нѣкоторой борьбы). Помогите мнѣ, Анна! Во мнѣ не осталось ни капли гордости, ничего высокаго. Я сдѣлался другимъ человѣкомъ. Вотъ сейчасъ, въ эту минуту, я уже совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ прежде, чѣмъ пріѣхали вы къ намъ. Во мнѣ нѣтъ сейчасъ ничего, кромѣ нестерпимаго отвращенія къ жизни. Все для меня потеряло всякую цѣну, все загрязнено, осквернено, втоптанно въ грязь. А вѣдь я чувствую, что я все-таки былъ чѣмъ-то, благодаря вамъ, вашему присутствію, вашимъ словамъ; я если ужъ мнѣ не суждено опять сдѣлаться тѣмъ же, тогда... тогда къ чему мнѣ все остальное. Тогда надо подвести итогъ... и покончить... (Ходитъ по комнатѣ, потомъ останавливается передъ Анной). Поддержите меня... дайте мнѣ что-нибудь, на что бы я могъ опереться и подняться. Какую-нибудь опору! Вѣдь все во мнѣ разбито. Какую-нибудь опору! У меня не осталось ни капли силъ...

Анна. Докторъ! Мнѣ мучительно тяжело видѣть васъ такимъ. И я совершенно не знаю, какъ поддержать васъ. Но вы должны помнить объ одномъ: вѣдь мы же предвидѣли это. Днемъ раньше, днемъ позже, мы должны были быть готовыми ко всему, докторъ.

Иоганнесъ (стоитъ молча, въ раздумьѣ).

Анна. Ну? Вспомнили вы теперь? Давайте, сдѣлаемъ опытъ. Вы знаете, какой? Давайте, поставимъ сами себѣ законъ и будемъ по нему поступать. Только мы вдвоемъ и всю свою жизнь; и если мы даже никогда больше не встрѣтимся, будемъ жить только по одному этому собственному закону. Хотите? Кромѣ этого нѣтъ ничего, что бы соединяло насъ другъ съ другомъ. Не нужно обманывать себя. Все другое только разъединяетъ насъ. Такъ хотите? Согласны?

Иоганнесъ. Да, я чувствую, что это могло бы меня поддержать. Я бы могъ работать даже безъ надежды, что достигну цѣли. Но кто поручится мнѣ, гдѣ возьму я вѣру, кто убѣдитъ меня, что я буду мучить себя не изъ-за призрака?

Анна. Если мы такъ хотимъ, то къ чему намъ, Іоаннессъ, вѣра, какія-то гарантіи?

Іоаннессъ. А если у меня не хватитъ воли?

Анна (созвѣсь тихо). Когда я почувствую себя слабой, я вспомню о томъ, кто живетъ, подчиняясь тому же закону. И я знаю навѣрно, — это подкрѣпитъ меня. Я вспомню о васъ, Іоаннессъ...

Іоаннессъ. Анна! Ну, хорошо, я хочу, хочу! Будемъ беречь въ себѣ это предчувствіе новой свободной жизни, этотъ призракъ отдаленнаго блаженства, который живъ въ насъ. Мы не должны дать исчезнуть тому, что разъ почувствовали—ту возможность лучшей жизни, которая мелькнула передъ нами. Все равно, имѣютъ ли будущее эти мечты, или нѣтъ, онѣ должны сохраниться въ насъ. Пусть всегда горитъ во мнѣ ея пламя. А когда оно угаснетъ, угаснетъ и моя жизнь. (Оба молчатъ, потрясенные). Благодарю васъ, Анна!

Анна. Будьте счастливы, Іоаннессъ!

Іоаннессъ. Куда вы ѣдете?

Анна. Можетъ-быть, на сѣверъ, можетъ-быть, на югъ.

Іоаннессъ. Вы не хотите сказать мнѣ, куда?

Анна. Лучше не спрашивайте меня объ этомъ.

Іоаннессъ. Но неужели же намъ нельзя... хоть иногда, нрѣдка... ну, хоть нѣсколько словъ... или... или... хоть самыми коротенькими извѣстіями... какъ живемъ, гдѣ находимся...

Анна (качаетъ головой, съ грустной улыбкой). Къ чему? Развѣ не въ насъ самихъ—самая большая опасность? А если мы потерпимъ крушеніе, мы же и будемъ обмануты.

Іоаннессъ. Хорошо, я возьму на себя это бремя, я буду твердо нести его, хотя бы оно раздавило меня. (Беретъ Анну за руку). Прощайте!

Анна (съ усиленіемъ, то краснѣя, то блѣднѣя, смущенно, въ сильномъ волненіи). Іоаннессъ!.. Еще одно: это кольцо снято съ пальца умершей женщины, которая пошла за своимъ... мужемъ... за своимъ мужемъ пошла въ Сибирь. И она вынесла съ нимъ все до конца. (Полушута) У насъ — наоборотъ.

Іоаннессъ. Анна! (Прижимаетъ ея руку къ губамъ и крѣпко держитъ ее).

Анна. Я никогда не носила никакихъ другихъ украшеній. И когда я чувствовала, что у меня не хватало силъ, я вспоминала исторію этого кольца... И вы... когда будете

смотря на него... въ минуты слабости, тогда вспоминайте и о той, которая вдали отъ васъ — одинокая, какъ вы, и борется такъ же, какъ вы. Прощайте!

Іоаннесь (съ отчаяніемъ). И мы никогда, никогда не увидимся?

Анна. Если мы увидимся—мы погибнемъ.

Іоаннесь. Ахъ, хватитъ ли только у меня силъ это вынести!

Анна. Чтò не побуждаетъ насъ, то дѣлаетъ насъ сильнѣе. (Хочетъ идти).

Іоаннесь. Анна! Сестра!

Анна (плачетъ) Братъ! Іоаннесь!..

Іоаннесь. Неужели же братъ не смѣетъ поцѣловать сестру свою передъ тѣмъ, какъ они разстанутся навѣки?

Анна. Нѣтъ, Ганнесь.

Іоаннесь. Да, Анна! Да! Да! (Онъ обнимаетъ ее, и ихъ губы соединяются въ единственнòмъ, долгомъ, пламенномъ поцѣлуѣ. Потомъ Анна вырывается и исчезаетъ черезъ веранду. Іоаннесь стоитъ лѣтское время, словно ошеломленный. Затѣмъ начинаетъ ходить по комнатѣ, проводить рукою по волосамъ, вздыхаетъ все сильнѣе, останавливается и прислушивается. Вдругъ издали доносится грохотъ приближающагося поѣзда, быстро мчащагося черезъ дѣсь. Іоаннесь открываетъ дверь на веранду и прислушивается. Грохотъ усиливается, затѣмъ утихаетъ. Слышенъ первый звонокъ на вокзалѣ. Второй, третій. Свистокъ. Іоаннесь идетъ къ себѣ въ комнату, но на дорогѣ опускается на стулъ. Все его тѣло трясется отъ слезъ и рыданій. Блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ веранду. Изъ сосѣдней комнаты доносится шумъ. Тамъ громко разговариваютъ. Іоаннесь встаетъ, направляется къ своей комнатѣ, останавливается на мгновенье въ раздумьѣ, потомъ быстро убѣгаетъ черезъ веранду въ садъ. Старикъ Фокератъ выходитъ изъ спальни, за нимъ г-жа Фокератъ. Оба идутъ по направленію къ выходной двери).

Фокератъ (останавливаясь). Ганнесь! Мнѣ показалось... здѣсь кто-то былъ.

Г-жа Фокератъ (уже подойдя къ выходной двери). Кто-то поднялся по лѣстницѣ.

Фокератъ. Да, да, мальчику надо успокоиться. Не будемъ ему мѣшать. Можно, пожалуй, послать къ нему Брауна...

Г-жа Фокератъ. Да, да. Я сейчасъ пошлю за нимъ. А можетъ-быть, подняться мнѣ самой къ нему, напочка?

Фокератъ (идетъ къ двери на веранду). Нѣтъ, Марта, лучше не ходи. (Открываетъ дверь, прислушивается). Какая чудесная луна! Послушай-ка!

Г-жа Фокератъ (быстро отходить отъ выходной двери). Чтò такое?

Фокератъ. Дикіе гуси, вонъ видишь? Вонъ тамъ! Надъ озеромъ. Вонъ какъ точки мелькаютъ противъ луны.

Г-жа Фокератъ. Эхъ, глаза-то ужъ у меня не молодые. (Идетъ назадъ къ входной двери).

Фокератъ. Послушай-ка!

Г-жа Фокератъ. Да что? (Останавливается).

Фокератъ. Шш... Марта! (Запираетъ дверь и идетъ за женою). Ничего! Мнѣ только показалось, словно кто-то тамъ внизу шумѣлъ веслами, Марта!

Г-жа Фокератъ. Кто же это могъ бы тамъ шумѣть веслами? (Оба уходятъ во входную дверь).

(Съ веранды черезъ окно кто-то заглядываетъ въ комнату. Это Иоганнесъ. Онъ осторожно входитъ. Онъ совершенно измѣнился, блѣденъ, какъ мертвецъ, тяжело дышитъ открытымъ ртомъ. Вспоро и съ опасеніемъ, что его застанутъ, оглядывается кругомъ — нѣтъ ключокъ бумаги и пишетъ нѣсколько словъ. Потомъ вскакиваетъ, бросаетъ перо и, услышавъ шаги, стремительно убѣгаетъ черезъ веранду).

(Входятъ г-нъ и г-жа Фокератъ, съ ними Кэте).

Г-жа Фокератъ. Да что ты, дѣточка, сидишь тамъ впотьмахъ?

Кэте (держа руку передъ глазами). Мнѣ глаза слѣпнутъ отъ свѣта.

Г-жа Фокератъ. Ну, вотъ еще! У, какая нехорошая дѣвочка! Сидитъ Богъ знаетъ сколько времени впотьмахъ.

Кэте (съ какимъ-то недовѣріемъ). Почему... Почему вы такъ ласковы со мною?

Фокератъ. Потому что ты наша единственная любимая дочка. (Цѣлуетъ ее).

Кэте (слабо улыбаясь). Да, да! Вамъ жаль меня.

Г-жа Фокератъ. Тебѣ опять нездоровится, Кэте?

Фокератъ. Ну, ничего, погоди, теперь опять все войдетъ въ свою колею. Худшее, слава Тебѣ, Господи, уже прошло.

Кэте (сидя за столомъ, послѣ небольшой паузы). Знаешь, мамочка, я точно... Ахъ, у меня глаза болятъ отъ свѣта! Точно я сдѣлала что-то бессмысленное, и вдругъ у меня открылись глаза...

Г-жа Фокератъ. Что ты хочешь этимъ сказать?

Кэте. Анна уѣхала, мамочка?

Фокератъ. Да, Кэте! И теперь ты должна опять сдѣлаться веселой и счастливой.

(Кэте молчитъ).

Г-жа Фокератъ. Развѣ ты разлюбила Иоганнеса, Кэте?

Кэте (послѣ короткаго раздумья). Все-таки моя жизнь прошла

улы не так дурно. Вопъ Фанни Штенцель вышла за пастора. И знаешь, хоть она и счастлива и довольна,—ты думаешь, я бы помѣнялась съ нею? Нѣтъ, ни за что... Чтò, здѣсь не пахнетъ дымомъ?

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, дѣточка, здѣсь ничѣмъ не пахнетъ.

Кѣте (за столомъ, ломая руку). Господи, все кончилось, все!

Фокератъ. Кѣте, дѣточка моя! Ну, какъ можно быть такой малодушной! Я опять вѣрю, опять уповаю на Бога. У Него Свои неисповѣдимые пути, которыми Онъ возвращаетъ заблудшія души. Миѣ кажется, Кэтхель, я угадалъ предопредѣленіе Его.

Кѣте. Видишь, мамочка, то первое чувство, которое было у меня, когда Ганнесъ пришелъ просить моей руки, оно было вѣрное. Я помню — цѣлый день вертѣлось у меня въ головѣ: ну, на что ты ему, такому развитому, образованному человѣку. Чтò ему съ тобою дѣлать? Чтò можетъ онъ получить отъ тебя? Вотъ видишь, какъ я была права.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, Кѣте, не онъ вынесъ тебя, а ты слишкомъ высока для него. Онъ долженъ смотрѣть на тебя снизу вверхъ. Вотъ это—правда.

Фокератъ (дрожащимъ голосомъ). И поэтому... да, Марта говоритъ правду. Да, и поэтому, если ты можешь простить... если можешь простить его великій грѣхъ...

Кѣте. Ахъ, если бы нужно было только простить! Можно простить разъ, сто разъ, тысячу разъ! Но Ганнесъ... Ганнесъ знаетъ себѣ цѣну. И миѣ, несчастной, не за что прощать Ганнеса. Тутъ дѣло просто: ты — такая, а не яная. Я хорошо знаю, чтò во миѣ есть и чего во миѣ нѣтъ.

(Со двора слышны крики, зовъ).

Г-жа Фокератъ. Дорогая моя, чтò я хочу тебѣ предложить. Послушай, пойдемъ, я уложу тебя въ постель и прочитаю что-нибудь. Ну, хоть сказки Гримма — пока ты не заснешь. А завтра утромъ я сварю тебѣ неисиннаго бульонцу и яичко въ сметку; когда встанешь, пойдемъ съ тобою въ садъ. Солнышко тамъ такъ ласково свѣтитъ, и тогда все покажется тебѣ другимъ, не такимъ, какъ вечеромъ. Пойдемъ, пойдемъ!

Браунъ (входитъ черезъ веранду). Добрый вечеръ!

Фокератъ. Добрый вечеръ, г. Браунъ!

Браунъ. Добрый вечеръ, г. Фокератъ! (Подаетъ ему руку). Иоганнесъ дома?

Фокератъ. Да, кажется, наверху.

БРАУНЪ. А! Навѣрно?

ФОКЕРАТЪ. Кажется. Развѣ нѣтъ, Марта? А что такое?

БРАУНЪ. Я пойду, погляжу. (Быстро уходитъ черезъ входную дверь).

Г-жа ФОКЕРАТЪ (съ легкой тревогой). Что съ Брауномъ?

КЭТЕ (въ страхѣ). Гдѣ же Ганнесъ?

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Только не пугайся, Кэте, куда ему дѣваться?

КЭТЕ (съ быстро возрастающимъ страхомъ). Да гдѣ же онъ наконецъ?

ФОКЕРАТЪ. Да наверху... наверху. Ну, конечно, тамъ. (Браунъ возвращается. Моментъ сильнаго напряженія. Пауза).

ФОКЕРАТЪ. Ну, г. Браунъ?

БРАУНЪ. Нѣтъ, г. Фокератъ! Наверху его нѣтъ... и... и...

ФОКЕРАТЪ. Да ну?.. Ну, что такое съ вами?

БРАУНЪ. Ничего, ничего!

КЭТЕ (подбѣгая къ Брауну). Неправда, вы что-то знаете!

БРАУНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, право, ничего! Совершенно ничего беспокоиться. У меня такое чувство... Нельзя теперь ни подъ какимъ видомъ оставлять Ганнеса одного. И когда я вошелъ... Нѣтъ, право же, это совершеннѣйшій пустякъ...

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Ну, что же, когда вошли... Да говорите же!

ФОКЕРАТЪ. Да говорите, говорите скорѣе, не теряйте времени!

БРАУНЪ. Да ничего особеннаго. Когда я отворилъ калитку въ садъ, мнѣ показалось, что кто-то отвязываетъ лодку, и когда я подошелъ поближе къ озеру, кто-то въ самомъ дѣлѣ отчалилъ. Кто-то... — не замѣтилъ — кто. Какой-то человѣкъ. И тогда мнѣ пришло въ голову, я окликнулъ, отвѣта не было. А Ганнесъ, конечно, отвѣтилъ бы.

КЭТЕ (точно теряя рассудокъ). Иоганнесъ, это былъ Иоганнесъ! Бѣгите туда, бѣгите, ради Бога, скорѣе, скорѣе! Мама! отецъ! Это вы довели его до крайности! Зачѣмъ, зачѣмъ вы сдѣлали это!

Г-жа ФОКЕРАТЪ. Но, Кэте...

КЭТЕ. Да, да! Я чувствую, что это такъ! Онъ не можетъ больше жить. Я все сдѣлаю, все! Только не это! не это!

ФОКЕРАТЪ (бѣжитъ въ садъ, кричитъ, съ паузами). Ганнесъ! Иоганнесъ!

Г-жа ФОКЕРАТЪ (выбѣгая изъ дому, кричать). Ганнесъ! Ганнесъ!

КЭТЕ (Брауну). Какой-то человѣкъ? И вы окликнули

его? А онъ не отвѣтилъ? Бѣгите же туда! Бѣгите! (Браунъ уходитъ).

Кэте (ему вслѣдъ). И я съ вами! (Ломастъ руки). О, Боже мой, Боже! Только бы онъ былъ еще живъ! Только бы онъ могъ еще услышать меня!

(Съ озера слышится призывающій крикъ Брауна).

Кэте (кричитъ во входную дверь). Альма, Минна, скорѣе носите фонари въ садъ. Скорѣе, скорѣе, фонари! (Хочетъ бѣжать на веранду, замѣчаетъ письмо, вся выпрямляется, идетъ какъ застывшая, дрожа, подходитъ къ столу, беретъ письмо, нѣсколько мгновений стоитъ, какъ въ столбнякъ, потомъ падаетъ. Изъ сада попрежнему слышатся призывающіе крики).

(Занавѣсъ падаетъ).

— — — — —

КОЛЛЕГА КРАМПТОНЪ.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ А. Л. Соколовскаго.

Въ біографіи Гауптмана есть черты, которыя слѣдуетъ специально вспомнить, приступая къ чтенію «Коллеги Крамптона» и «Михаэля Крамера».

Въ семьѣ Гауптмановъ наблюдалась родовая склонность къ изобразительнымъ искусствамъ. Старшій братъ, Георгъ, былъ довольно искуснымъ рисовальщикомъ карикатуръ. Самъ Гергартъ долго боролся между призваніемъ скульптора и писателя. Въ 1880 году, при содѣйствіи брата Карла, онъ, какъ извѣстно, поступилъ въ художественную королевскую школу въ Бреславлѣ, гдѣ сдѣлалъ первые опыты работъ надъ глиной и воскомъ.

Въ началѣ 1881 года онъ былъ на нѣкоторое время исключенъ изъ школы и припять въ нее вновь только по ходатайству профессора по классу скульптуры, Роберта Гертеля. Профессоръ вѣрилъ въ талантъ ученика, ждалъ отъ него кое-чего въ будущемъ и прослушивалъ нѣкоторыя изъ раннихъ его стихотвореній.

Въ 1882 году Гауптманъ покинулъ школу. Позднѣе, уже послѣ студенчества въ Іенѣ, во время путешествій въ Испанію и Италію Гергартъ Гауптманъ изучалъ искусство. Въ Римѣ онъ даже завелъ себѣ мастерскую, специально занявшись скульптурой. Еще позднѣе онъ занимался ею въ Дрезденѣ.

Не будъ этихъ страницъ въ біографіи Гауптмана, можетъ-быть, мы не имѣли бы въ собраніи его сочиненій двухъ пьесъ, разыгрывавшихся на бытовомъ фонѣ жизни художниковъ и рисующихъ ихъ типы. Обѣ драмы, и «Коллега Краamptonъ» и «Михаэль Крамеръ», построены на трагизмѣ гибнущаго таланта, на драматизмѣ борьбы не простой личности съ средой, во борьбы художника и толпы. И та и другая до извѣстной степени—вариантъ мотива о «Геніи и безлутствіи».

«Коллега Краamptonъ» (College Crampton), во счету пятая пьеса Гауптмана,—первая изъ его комедій, написанныхъ въ легкомъ и веселомъ тонѣ. Осенью 1891 года, послѣ постановки «Ткачей» въ Берлинѣ, Гауптманъ увидѣлъ въ театрѣ Барнаа представленіе мольеровскаго «Скупого». Но слованъ его біографа Шлентера, это произвело на него настолько сильное впечатлѣніе, что въ его памяти воскресла фигура погнѣбающаго таланта, давно запавшая въ его воображеніе, и онъ почувствовалъ формы, въ какія должна вылиться его пьеса. Онъ стремительно скрылся въ свои родные снѣга и всего лишь въ нѣсколько недѣль создалъ «Краamptonа».

Пьеса появилась въ первый разъ въ «Нѣмецкомъ театрѣ» въ Берлинѣ 16 января 1892 г. съ геніальнымъ копикомъ Георгомъ Энгельсомъ въ заглавной роли, превосходно воплотившимъ образъ спившагося

профессора, и Ниссеномъ въ роли Штралера. Въ томъ же году пьеса вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

Ганштейнъ рассказываетъ, что сценическій успѣхъ «Крамптона», благодаря игрѣ двухъ названныхъ замѣчательныхъ актеровъ, былъ совершенно исключительный. Бурныя рукоплесканія заставляли выходить автора къ рамѣ. И случилась вещь не совсѣмъ обыкновенная: авторъ благодарилъ публику отъ имени актеровъ. Благодаря чудесной игрѣ, пьеса выдержала въ Берлинѣ болѣе сотни представленій.

Трагизмъ гибнущаго таланта, трагизмъ личности, столкнувшейся со средою и разбившейся, воплощенъ въ пьесѣ въ лицѣ художника Гарри Крамптона. Одаренный Божиимъ даромъ крупнаго таланта, въ молодости близкій къ герцогскому двору, достигшій профессуры, Крамptonъ къ вечеру своей жизни жалко опускается изъ-за своей страсти къ вину. Взрослый ребенокъ, наивный, непрактичный, слабодольный, онъ не въ состояніи противостоять соблазну, какой представляютъ въ особенности жизнь богемы.

Зритель слѣдить почти послѣдній актъ былого величія художника. На его глазахъ Крамptonъ теряетъ профессуру и заработокъ, вынуждается отдать дочь въ чужія руки, расходится съ женой. Крамptonъ опускается совсѣмъ на дно жизни, превращается чуть не въ малира, переживаетъ двойную драму падающаго таланта и несчастнаго отца. Опустившагося художника Гауптманъ спасаетъ черезъ посредство Крамptonова ученика Штралера. Тотъ женится на его дочери и возвращаетъ художнику его потерянный рай.

Этотъ счастливый исходъ заставилъ Гауптмана назвать комедіей произведеніе, которое по существу рѣзко-драматично и, можно сказать, остается такимъ даже и при радужномъ финалѣ со свадьбой и благословеніями. Горбатыхъ исправляетъ только могилы, и возможность спасенія безпутнаго таланта остается для вдумчиваго читателя вопросомъ. «Мы совсѣмъ»,—пишетъ Штейгеръ:—не испытываемъ къ концу пьесы примиряющаго чувства: все-до хорошо, что хорошо кончается. Мы знаемъ, что черезъ какой-нибудь мѣсяцъ можетъ повториться только-что видѣнное нами. Надо быть такимъ же увлекательнымъ чело-вѣкомъ, какъ Крамptonъ, чтобы повѣрить въ его исправленіе».

Даже педантическій немецкій критика, старающийся всегда и во что бы то ни стало найти въ произведеніи черты, навѣянные писателю старомъ литературой, — отказывается сдѣлать это въ отношеніи «Крамптона» и «Крамера». Гауптманъ здѣсь совершенно самобытенъ и въ вліяніи въ смыслѣ возбужденія фантазій. На этотъ разъ такимъ возбудителемъ была для него сама жизнь. Съ большою, чѣмъ когда-либо, положительностью можно сказать, что для «Крамптона» Гауптманъ имѣлъ примой прототипъ. Такимъ былъ бреславльскій художникъ Маршалъ, уроженецъ Веймара, приобрѣтшій извѣстность, какъ авторъ интересной картины: «Соната дьявола». Въ 1880 году онъ занималъ мѣсто профессора живописи въ Бреславлѣ, гдѣ въ числѣ учениковъ его былъ и Гауптманъ.

Биографы Гауптмана считаютъ это безспорнымъ и общезвѣстнымъ (Бартельсъ). Иностранное имя Гарри являлось лишь средствомъ спутать слѣды (Штернъ). Въ свое время это ставилось въ вину драматургу во многихъ литературныхъ кружкахъ.

Дѣтъ пять тому назадъ нѣмецкія газеты сообщили о смерти Маршала, прямо повторяя показаніе гауптмановскихъ биографовъ. Та-лантливый чело-вѣкъ опустился настолько, что потерялъ мѣсто и

лившись знакомых и друзей. От него отказались всё его родные, и он умер в нищете. Таков более правдоподобный финал и гауптмановского Крамптона.

Во подробностях комедія Гауптманъ, безъ всякаго сомнѣнія, использовала свои академическія впечатлѣнія. Разсказъ Макса Штралера о томъ, какъ онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, но не проявилъ здѣсь никакихъ талантовъ,—чисто-автобіографическая частности въ комедіи.

Родственностъ «Коллеги Крамптона» съ первыми пьесами Гауптмана совершенно очевидна. Здѣсь отчасти слышатся еще отзвуки интереса Гауптмана къ вопросу объ алкоголизмѣ, который занимала драматурга во время писанія его первой драмы: «Предъ восходомъ солнца». Здѣсь также рѣчь о несовершенствахъ семьи, хотя на этотъ разъ, изображая несчастье Крамптона, драматургъ не напираетъ такъ, какъ въ «Праздникъ жара», на неблагоприятныя брачныя условія. Показывая человека въ трагизмъ его борьбы съ вѣшними условіями жизни, столкновению личности и среды, Гауптманъ предлагаетъ зрителю посмотреть на тихое сіяніе прекраснаго человѣческаго духа даже въ пораженіи, даже въ пелѣномъ и карикатурномъ уродствѣ жизненной обстановки.

И въ съ глубокой и скорбною симпатіей схѣднто за центральнымъ образомъ гауптмановской драмы, за этимъ большимъ робкомъ, который и въ своемъ паденіи все же ярче, выше и лучше окружающей его толпы и чиновниковъ отъ педагогій. Образъ Крамптона выписанъ великолепно. Онъ царитъ въ этой драмѣ-комедіи. Въ немъ бездна наблюдательности, мѣткости и красокъ. Это—кладъ для актера.

Истинно-художнически Гауптманъ избѣжалъ опасности сгустить краски въ геніальномъ гуляніи. Его черты тонки, нѣжны и свободны отъ преувеличеній. Критика могла отиѣтить развѣ только то, что Гауптманъ ничѣмъ не показалъ объективно дѣйствительной геніальности Крамптона, и второе—что психологія его паденія, причины того, почему онъ опускается,—не совершенно ясны.

Если можно согласиться съ первымъ замѣчаніемъ, то едва ли велика психологическая цѣнность второго. Намъ, русскимъ, въ особенности выпадъ тяжелый жребій видѣть угасаніе отъ національнаго пѣдуга многихъ ярко-талантливыхъ людей въ силу какого-то органическаго порока души, виѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было вѣшнихъ обстоятельствъ.

Много уступаютъ этому образу въ художественности выполненія другія фигуры пьесы. Правда, Янецкій и Лѣхеръ, зарисованные всего нѣсколькими штрихами, удивительно живы и типичны. Но этого не приходится сказать ни о Штралерѣ ни о Гертрудѣ. Первый—типично-сентиментальный нѣмецкій юноша, вторая—типичная нѣмецкая вѣдѣне. Если мыли сценки въ пятомъ актѣ между молодыми влюбленными, то обыкновенный комедійный финалъ произведе- нія едва ли стоить на высотѣ всей пьесы.

«Крамптонъ,—замѣчаетъ Брандесъ:—поражаетъ своѣмъ легкимъ, юмористическимъ тономъ, тономъ комедіи. Та самая вѣрность при- родѣ какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ, которая замѣчалась читателями въ подернутыхъ эпохондрическимъ духомъ произведеніяхъ Гауптмана, примѣняется здѣсь къ изображенію грустно-веселыхъ положеній главнаго дѣйствующаго лица, которое, несмотря на слегка трогательный оттѣнокъ, несетъ истинно-комическій отпечатокъ... Гер- рои пьесы, расплывшійся художникъ-цыганъ, по своей не- обыкновенной правдивости и вѣрности природѣ—являетъ живое

цѣлое, въ которомъ все, даже отталкивающее, представляетъ извѣстную привлекательность».

«Посравненію съ «Ткачамъ»,—пишетъ Бартельсъ:—«Коллега Крампитонъ» имѣетъ только весьма ограниченное значеніе и стоитъ даже въ частности далеко не на ихъ художественной высотѣ. Но по сравненію съ первыми драмами пьеса ушла даьше, и вмѣсто колеблющихся, абстрактныхъ, начиненныхъ доктринами образовъ мы видимъ здѣсь настоящаго человѣка, къ которому можемъ чувствовать симпатію... Здѣсь болѣе выступаетъ психологическое искусство, и въ первый разъ Гауптманъ изображаетъ всесторонній характеръ, но преувеличивая его».

Очень образно и мѣтко Шленгеръ приравниваетъ образъ Крампитона къ рембрантовскимъ портретамъ, выступающимъ съ рембрантовскаго темнаго фона. На строеніи самой комедіи онъ видитъ непосредственныя вліянія мольеровскаго «Скупого». «Здѣсь, какъ и тамъ,—пишетъ онъ:—одно главное дѣйствующее лицо, около нравственной слабости котораго вертится все остальное. Здѣсь, какъ и тамъ, среди сложныхъ положеній открывается смѣлый ходъ къ трагизму человеческой души. Здѣсь, какъ и тамъ, на ряду съ глупостью и безразсудствомъ вырастаетъ грозный призракъ безумія. Тамъ—въ центрѣ всего человѣческій типъ, одержимый одною, сколько отвратительной, столько же и смѣшной чертою характера. Здѣсь—человѣческая натура, живущая во всемъ своемъ многообразіи. Тамъ моралистическая, здѣсь психологическая комедія».

Сдержанно отъинивая комедію въ цѣломъ, Штейгеръ восторженно говоритъ о самомъ образѣ Крампитона: «Крампитонъ—это юмористическій, психологическій этюдъ—и болѣе ничего, но профессоръ-алкоголикъ такъ дѣликомъ, со всеми малѣйшими своими проявленіями, перенесомъ къ поэзію, что мы не можемъ досыта насмотрѣться на эту мастерски нарисованную характерную фигуру и благодаримъ поэта за то, что онъ лишь немногими штрихами намѣтилъ все окружающее... Гауптманъ мастерски справился со своей задачей. Напрасный трудъ подробнѣе описывать его искусство. Здѣсь каждое слово произносящаго его человѣка—оторванный клочокъ человеческой души. И только тогда мы соединимъ всѣ эти клочки въ данномъ авторомъ порядкѣ, только тогда встанетъ передъ нами самъ человѣкъ. Натуралистическій портретъ не поддается дальнѣйшему расчлененію, — сто нужно созерцать и имъ наслаждаться».

КОЛЛЕГА КРАМПТОНЪ.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Крамptonъ, профессоръ, преподаватель въ академіи художествъ.

Гертруда Крамptonъ, его дочь.

Агнеса, урожденная Штрэлеръ, во вдовствѣ Виснеръ.

Адольфъ Штрэлеръ.

Максъ Штрэлеръ.

Курхейзенъ, профессоръ } преподаватели въ академіи.

Миллусъ, архитекторъ }

Янцкый, педагогъ въ академіи.

Попперъ, ученикъ академіи.

Фейстъ, содержатель ресторана.

Каснеръ, хозяинъ трактира низшаго разряда.

Кунце } матери.

Зейфертъ }

Зельма, кельнерша.

Вейсбахъ } старшіе ученики академіи.

Штенцель }

Лефлеръ,личный слуга, заведующій хозяйствомъ Крамптона.

Уличный посылный.

Ученики Крамптона.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Мастерская профессора Гарри Крамптона въ академіи художествъ одного изъ большихъ силезскихъ городовъ. Большая высокая комната. На правой стѣнѣ два большихъ окна, какія устраиваются въ мастерскихъ для свѣта. Въ задней и лѣвой стѣнахъ двери. Подъ окнами готическіе столы, на которыхъ разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ свертки картоновъ, кисти, акварельныя ящики, краски, палитры, муштабели и прочія принадлежности живописи. На лѣвомъ столѣ бронзовый статуетка пьянаго фавна изъ Геркуланума; на правомъ статуетка сидѣна изъ Помпеи. Въ простѣнкѣ между окнами скелетъ, на черепѣ котораго нахлобучена сдвинувшаяся на затылокъ круглая, широкополая шляпа. Задняя стѣна украшена гобеленами, спускающимися до низкаго персидскаго дивана. На полу передъ диваномъ тигровая шкура; на ней готическое кресло-кушетка, на креслѣ массивная библія въ старинномъ пергаментномъ переплетѣ. Прочія части стѣны заставлены готическими церковными стульями. На верхней части лѣвой стѣны повѣшенъ большой картонъ, нарисованный углемъ и изображающій пляску монахъ. Кроме того, висѣтъ на той же стѣнѣ нѣсколько масляныхъ картинъ и эскизовъ. Ниже ихъ готическій ларь, на которомъ разставлены статуи Аполлона Бельведерскаго и другіе предметы искусства. На мольбертахъ нѣсколько начатыхъ картинъ, изъ которыхъ одна изображаетъ сцену Мефистофеля съ ученикомъ. Полъ мастерской устланъ хорошими коврами. Много табуретовъ, стульевъ разныхъ формъ и прочихъ принадлежностей мастерской. Освѣщеніе газовое. Картонная подвижная перегородка отдѣляетъ уголь, гдѣ стоитъ диванъ, отъ остальной части мастерской.

Профессоръ Крамптонъ спитъ; приподнявъ къверху ноги на диванѣ. Съ виду это мужчина лѣтъ сорока, средняго роста, съ тонкими погами. На черныхъ, какъ крыло ворона, волосахъ надѣта феска. Усы и густыя бакенбарды также черныя. Глаза на выкатѣ; взглядъ безъ выраженія и неподвижный, обличающій пьянину. При разговорѣ почти всегда избѣгаетъ смотрѣть на того, съ кѣмъ говорить, скользя взглядомъ только по сторонамъ. Ходя, смотритъ больше внизъ. Одѣтъ слишкомъ неряшливо для званія профессора. Часто принужденъ бывать подтягивать къверху свои широкія, воронкообразныя панталоны. Бархатный пиджакъ сильно потертъ, а турецкія туфли поношены.

Въ лѣвую дверь стучать. За ней слышно движенію спокойно ходящихъ людей, говоръ, пріѣхтствія и иногда смѣхъ. Шумъ отъ передвигаемыхъ стульевъ.

Крамптонъ (спросонковъ борхочетъ охрипшимъ голосомъ). Вой...войдите!.. (Входитъ Лёфлеръ).

Лёфлеръ. Здравствуйте, господинъ профессоръ!

(Крамптонъ ворчитъ про себя, не двигаясь).

Лёфлеръ (подходя ближе, говоритъ громче). Съ вами здороваются, господинъ профессоръ!

Крамптонъ. Здравствуй!

Лёфлеръ (трясетъ его за плечи). Господинъ профессоръ! Господинъ профессоръ! Или не слышите? Ученики собрались.

Крамптонъ (быстро вскакивая, садится и осматривается безсмысленнымъ взглядомъ). Который часъ?.. А? Что ты сказалъ?

Дефлеръ (грубо). Зашло за восемь. Не слышите развѣ сами? Ученики ужъ собрались въ актовую залѣ.

Крамптонъ. За восемь?.. (Встаетъ и задумчиво выходитъ на средину помпаты; затѣмъ снимаетъ лѣвой рукой феску, а правой чешетъ въ затылкѣ). Хм!.. (Смотря на Дефлера) Развѣ сегодня вечерній актъ?

Дефлеръ (опускаетъ оконныя жалюзи и тушатъ газъ). Христосъ съ вами! Да вѣдь на дворѣ ясный день. Утро теперь, господинъ профессоръ, а не вечеръ.

Крамптонъ. Вотъ такъ глупая штука вышла! Развѣ ты не свелъ меня вчера домой?

Дефлеръ. А какъ мнѣ было это сдѣлать? Я и говорилъ съ вами и звалъ васъ, да ничѣмъ нельзя было васъ вразумить.

Крамптонъ (прохаживаясь съ досадой взадъ и впередъ, говоритъ плаксивымъ голосомъ). Дефлеръ, Дефлеръ! Подумай, какая глупая вышла исторія!.. Что скажетъ теперь жена? А? Какъ думаешь, Дефлеръ?..

Дефлеръ (небрежнымъ тономъ). Все это я вамъ говорилъ послѣ третьей корзины пива; твердилъ не разъ, что пора домой, что иначе супружница ваша, пожалуй, насъ не впуститъ. Все было сказано, а вы въ отвѣтъ меня только выругали и отправили домой одного.

Крамптонъ (всплескивая руками). Милѣйшій мой! Дражайшій!.. Вѣдь я совсѣмъ готовъ былъ уйти, да меня силой задержали эти безпутные мошенники!.. Въ городѣ Венеціи! Въ гор... Что я болтаю? (Въ правую дверь стучать). Хорошо! Хорошо! Сейчасъ иду! (Стучать снова). Ну, что тамъ случилось? Дайте мнѣ хоть вздохнуть! Вотъ она, собачья жизнь учителя! (Кричитъ въ дверь) Мажьте! Рисуйте кто что хочетъ.

Голоса учениковъ (за дверью). У насъ нѣтъ натурщика... нѣтъ натурщика.

(Входитъ Попперъ, молодой ученикъ изъ Вѣны. Курчавая борода, пиджико одѣтъ, говоритъ вѣнскимъ нарѣчіемъ).

Попперъ. Мое глубочайшее почтеніе господину профессору! Почтительнѣйше прошу меня извинить. Мы собрались всѣ, но недостаетъ натурщика. Беру смѣлость обратиться съ вопросомъ...

Крамптонъ. Прискорбный случай, господинъ Попперъ, прискорбный! Что станете дѣлать? Ни на кого нельзя положиться! Бѣгай за каждымъ самъ! Я велѣлъ придти натур-

щику сегодня утромъ. Велѣть, любезный Попперъ, точнѣйшимъ образомъ!

Лѣфлеръ. Ну вотъ и неправда, господинъ профессоръ! Вы натуращика и въ глаза-то не видали.

Крамптонъ. Неужели?.. Ну, значить, я спуталъ. Видите, любезный Попперъ, до чего можно дойти! Это ужасно!.. (Лѣфлеру) Гдѣ же натуращикъ? Отвѣчай, гдѣ?..

Лѣфлеръ. Я о немъ позабылся.

Попперъ. Если-бъ позаботились, то привели бы его съ собою.

Лѣфлеръ. Я и привелъ.

Крамптонъ (нетерпѣливо и съ горчностью). Чтѣ за болванъ! Чтѣ за болванъ! (Не смотря на Лѣфлера) Ну, чтѣ ты стоишь, вытаращивъ глаза! Ступай и приведи натуращика. (Лѣфлеръ уходитъ). Скажите, вы курите, любезный Попперъ?

Попперъ. Курить бы охотно, если-бъ это было позволено.

Крамптонъ. Правда, правда! Академія, все академія! Къ чорту бы ее! (Курить быстрыми затяжками). Не знаю, право, надолго ли меня хватитъ продолжать такую жизнь! А у меня есть планы. Выносить больше нѣтъ силъ. (Значительно) Да, у меня есть планы, любезный Попперъ. Знаете ли вы, что мнѣ оказываетъ протекцію нѣкая императрица? О! какая это понимающая искусство женщина! Знаете ли вы, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ я прозябаю въ этой ямѣ! Кажется, довольно! Есть отчего прокиснуть! Прокиснуть по меньшей мѣрѣ! Многое здѣсь не по моему вкусу! У учениковъ таланта мало, а у преподавателей такъ ужъ нѣтъ совсѣмъ. Эти коллеги!—ха-ха.. а директора!..—хо-хо! Впрочемъ, хорошій человѣкъ: сальныхъ свѣчъ не ѣстъ. Не правда ли? (Попперъ смѣется). Возвращается Лѣфлеръ съ какимъ-то испитымъ, худощавымъ парнемъ).

Крамптонъ (не глядя на пришедшаго). А ну, подойди, любезный, поближе. (Парень подходитъ. Крамптонъ всматривается сначала въ него, затѣмъ переноситъ взглядъ на Поппера, потомъ опять на парня и наконецъ на Лѣфлера. Взглянувъ вновь на Поппера, разражается смѣхомъ). Вотъ такъ умора! Пренотѣшное чучело! Не правда ли, Попперъ?—вѣдь умора! (Лѣфлеру) Такъ ты его-то хочешь поставить моделью?

Лѣфлеръ (задѣтый за живое). Ну, понятно! Чѣмъ же онъ не годится? Вы посмотрите на его мускулы. (Беретъ парня за руку). Тверды, какъ камни! У него, господинъ профессоръ, девять человѣкъ дѣтей. (Парню) Ты, Августъ, дѣйствительно

глупъ и выглядишь неказисто. Чего ты насовать себѣ за пазуху? (Говоритъ такъ, обшариваетъ парня и вынимаетъ у него изъ-за пазухи большой кусокъ хлѣба, клубокъ шнурковъ, кисетъ съ табакомъ, трубку, множество соломенныхъ коробочекъ и пару сапожныхъ щетокъ). Ты, кажется, намѣренъ завести здѣсь торговлю! Для этого нужно видѣ приличіи имѣть. Смотри! держи ухо востро. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ профессоръ,—вы только посмотрите на этого молодца, какъ онъ раздѣнется. (Крамptonъ въ это время достаетъ изъ-подъ дивана спрятанную тамъ бутылку и наполняетъ изъ нея металлическій бокалъ).

Крамptonъ. Да, да, раздѣвайся!.. (Шьетъ, прицѣпъ бутылку к бокалу снова въ дальнее мѣсто подъ даваномъ и продолжаетъ съ выпущеннымъ смѣхомъ, смотря въ лицо Поппера). Миѣ видѣ предписано хинное вино, мой дражайшій! Чтѣ станете дѣлать? (Тяжело вздыхаетъ). Докторовъ надо слушаться! (Вздыхаетъ снова). Желудокъ плохъ, желудокъ!—вотъ въ чемъ мое горе! (Приведенный парень, послѣ того какъ Лѣфлеръ толчками и говоря шепотомъ хочетъ заставить его раздѣться, говоритъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ).

Парень. Э, нѣтъ, Карлуша,—этого нельзя!

Лѣфлеръ. Ну, если ты, Августъ, станешь жеманиться, то не видать тебѣ твоего счастья. Скажите, господинъ Попперъ, въ залѣ видѣ хорошо натоплено?

Крамptonъ (зажигая вновь сигару, которая по его разсѣянности безпрестанно тухнетъ). Двигайтесь, двигайтесь, маршъ въ актовую залу. Ведите его, Попперъ! (Попперъ со смѣхомъ беретъ парня подъ руку и ведетъ его въ дверь направо).

Крамptonъ (кричитъ имъ вслѣдъ). Пусть они рисуютъ съ него этюды костей. Препотѣшный анекдотъ! (Послѣ того какъ Попперъ съ парнемъ уходитъ, за дверью залы раздается взрывъ общаго хохота. Крамptonъ гладитъ бороду, откашливается и, взявъ въ руки муштабельъ, начинаетъ разбираться въ наставленныхъ въ комватѣ вещахъ, разбрасывая ихъ направо и налево, какъ будто чего-то ищеть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядывая быстро на Лѣфлера, дѣлаетъ ему повелительные жесты, указывая на одинъ изъ угловъ мастерской. Лѣфлеръ однако не обращаетъ на это, повидимому, никакого вниманія. Крамptonъ это замѣчаетъ и затѣмъ вдругъ обращается къ нему рѣзкимъ голосомъ).

Крамptonъ. Лѣфлеръ! Ты оглохъ?

Лѣфлеръ. Никакъ нѣтъ, господинъ профессоръ.

Крамptonъ. Такъ что-жъ надъ тобой стряслось?

Лѣфлеръ. Ничего не стряслось... Только вотъ... (Вертитъ въ рукахъ шапку).

Крамptonъ. Ну, чтѣ «вотъ»?

Лѣфлеръ (помышавшій нѣсколько минутъ). Коньяку я вамъ какъ-нибудь добуду, ну, а насчетъ пива, господинъ про-

фессоръ... такъ это ужъ извините... Идти за нимъ надо съ деньгами, а иначе не получите ни шиша! Миѣ и носа туда нельзя показывать. Каждый разъ наскочишь на исторію! Съ самимъ хозяиномъ, пожалуй, поладить еще можно, ну а старая толстуха—чортъ сущій!

Крамptonъ. Ну, ну, полно: встряси марку и поставь на мой счетъ.

Лефлеръ. А какъ это, господинъ профессоръ, сдѣлать, если встряхнуть-то нечего?.. Вотъ эти люди такъ могли бы трясти кошелькомъ, сколько хотять. Чтѣ имъ тѣ шестьдесятъ марокъ, которые мы имъ должны!

Крамptonъ. Да вѣдь марка-то, я думаю, у тебя, Лефлеръ, все-таки найдется?

Лефлеръ. Ей-Богу, скоро не будетъ ни одной! Иное дѣло, если-бъ не моя супружница. Она вѣдь чувствуетъ, гдѣ лежить каждый пфеннигъ, какъ охотничья собака. Придется отказаться! Спрятать отъ нея что-нибудь трудно. Я ужъ и то издержалъ на васъ двадцать двѣ марки шестьдесятъ пфенниговъ.

Крамptonъ. А первое число, Лефлеръ...

Лефлеръ. Да! Если-бъ въ первое число не совалась ваша супруга! Она вѣдь слѣдитъ за вами цѣлый день. Чтѣ же тутъ станете дѣлать?

Крамptonъ (впадая въ плаксивый порчливый тонъ). Ахъ. Лефлеръ, Лефлеръ! какъ ты меня огорчаешь! какъ миѣ надоѣдаешь! Я долженъ работать, а ты вмѣсто того, чтобъ мыть мои кисти, меня огорчаешь! Я, право, не знаю... Но однако ступай,—ступай, куда слѣдуетъ. (Разбрасываетъ вещи). Никто обо миѣ не заботится! Безпорядокъ кругомъ! Пыль вездѣ такая, что можно въ ней завязить ноги! А!.. все бы къ чорту!.. Въ этой ямѣ наживешь чахотку! И это мастерская академіи художествъ! (Повелительнымъ голосомъ) Вонъ корзина! (Поднимаетъ съ пола пустую лавную корзину и подаетъ ее Лефлеру). Бери—и въ путь безъ разговоровъ!

Лефлеръ (пожимая плечами). Право, господинъ профессоръ, если бы я пожертвовалъ даже всѣмъ своимъ добромъ...

Крамptonъ. Тихе... (бѣгло осматривается). Вонъ тамъ коверъ: можно пустить его въ мытье! (Закладываетъ руки въ карманы и начинаетъ насвистывать мелодію изъ Боккачіо. Пройдясь немного, беретъ ручное зеркало, смотрится въ него, затѣмъ, гордо закинувъ голову, проходитъ въ актовую залу. Лефлеръ въ это время, нагнувшись, снимаетъ съ пола небольшой персидскій коверъ, свертываетъ его въ трубку, наваливаетъ себѣ на плечо, и когда Крамptonъ уходитъ, то намѣревается тоже идти, держа на лѣвомъ плечѣ коверъ

и захватив правой рукой пивную корзину. Въ эту минуту входитъ въ лѣвую дверь поделъ Янецкій).

Янецкій (здоровый малый съ типическимъ славянскимъ лицомъ. Одѣтъ явно въ чужомъ пиджакѣ безъ воротничка. Сапоги стоптаны, держать въ рукахъ пакетъ, говорить съ польскимъ акцентомъ, не совсемъ правильнымъ языкомъ). Гдѣ есть профессоръ?

Лефлеръ. А я почему знаю. (Хочетъ пройти мимо).

Янецкій. Эге-ге! Что то есть? Куда, пріятель, тащишь ты коверъ?

Лефлеръ. Не мѣшай, полякъ. Прочь съ дороги!

Янецкій. А! я полякъ? Хорошо! Такъ ты знай, что если полякъ одолажаетъ профессору деньги, такъ желаетъ получать ихъ обратно.

Лефлеръ. Да мнѣ-то что до твоихъ дѣлъ съ профессоромъ?

Янецкій. А то, что я не дамъ такъ растаскивать профессорское добро! Это есть мнѣ непріятно! Я давалъ профессору въ долгъ и полотно, и рамы, и бумагу, и мало ли что еще!

Лефлеръ. Говорю тебѣ, не задерживай меня. Коверъ несу я въ мытье.

Янецкій. Я такъ и думалъ. Этакъ вы будете продавать одну вещь за другой!

Лефлеръ. Ну такъ что же? Развѣ профессоръ не воленъ дѣлать со своимъ добромъ, что хочетъ?

Янецкій. Нѣтъ, не воленъ! Ни въ чемъ не воленъ! Здѣсь его добра нѣтъ ни куска полотна! Пусть сперва заплатитъ долгъ, а тамъ дѣлаетъ что хочетъ.

Лефлеръ. Прочь, прочь! Не то худо будетъ!

Янецкій. Нѣтъ, не прочь! Не уйду! Кликну полицію! Директору пожалуюсь!..

(Входятъ Крамптонъ и Максъ Штрэлеръ).

Крамптонъ (обращаясь къ Янецкому, притворно-любезнымъ тономъ). Вамъ нужно меня, любезный Янецкій?

(Янецкій злобно косится на Штрэлера, который отвѣчаетъ ему также взглядомъ, выражающимъ презрѣніе и ненависть).

Янецкій (Крамптону). Получите бумагу отъ директора.

Крамптонъ (кладетъ пакетъ на библию). А что еще, любезный Янецкій?

Янецкій. Я собралъ ваши счета. Завтра первое октября.

Крамптонъ. Положите ихъ на тотъ столъ. (Видя, что Янецкій не собирается уходить) Очень радъ, любезный Янецкій, очень радъ. (Лефлеръ уходитъ, Крамптонъ кричитъ ему вслѣдъ) Мою селѣдку, Лефлеръ! не забудь мою селѣдку къ завтрабу. (Штрэлеру) Это мнѣ полезно. Я ѣмъ селѣдки каждый день.

Янецкій. Если господинъ профессоръ пожелаетъ... Могу сказать, что жена моя также хорошо моетъ ковры...

Крамptonъ (видимо понявъ, въ чемъ дѣло, киваетъ головой). Вѣрно, Янецкій, вѣрно.

Янецкій (подбѣжавъ къ двери, кричитъ). Лёфлеръ! Лёфлеръ! Профессоръ приказалъ... Ковромъ займется моя жена! (Уходитъ).

Крамptonъ (взглянувъ ему вслѣдъ сверкнувшими глазами, трасеть съ подавленной яростью кулакомъ). Песъ этого Янецкій!.. проклятый польскій песъ! (Зажигаетъ снова сигару и продолжаетъ сидѣть съ бѣшенствомъ взадъ и впередъ по помнати). Курите, любезный Штрэлеръ! Курите, курите! (Сильно дымитъ сигарой). Однако къ дѣлу. Жаль мнѣ васъ, любезный Штрэлеръ, очень жаль! Рѣшеніе вышло. Конференція была вчера. Я старался сдѣлать все, что было въ моей власти. Но вѣдь вы знаете!.. (Останавливается въ задумчивости). Во-первыхъ, надо сознаться, что вы вели порядочно-таки безпутную жизнь.

Максъ (блѣдный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, безбородый, одѣтъ чисто и опрятно въ темное, сшитое по модѣ платье). Господинъ профессоръ...

Крамptonъ. Я знаю, что вы хотите сказать: что это нейдетъ къ дѣлу; что можно кутить и въ то же время имѣть талантъ? Да, конечно, такъ судимъ мы; но высокая коллегія!.. По ея мнѣнію, таланта ученику совсѣмъ не нужно. Что ему съ нимъ дѣлать? Поведеніе, любезный другъ, поведеніе,—вотъ главное! Почтительный страхъ предъ учителемъ! Страхъ, начиная съ директора и кончая педелемъ. Особенно предъ педелемъ. Мой дорогой! А вы что натворили? Вспомните только. Вздумалъ поколотить педеля!

Максъ. И поколотилъ бы непременно, если-бъ онъ не успѣлъ улизнуть.

Крамptonъ. Простительный было бы, если-бъ вы поколотили директорскую жену! Тогда никто не тронулъ бы волоса на вашей головѣ! Вѣрно, говорю вамъ! Но поколотить педеля! Подумайте только: педеля! (Горько усмѣхается).

Максъ. Вѣдь это плутъ, господинъ профессоръ! Я никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ и только осаживалъ его всякій разъ, когда онъ ко мнѣ съ чѣмъ-нибудь приставалъ. Матеріала для живописи не покупалъ у него никогда, такъ какъ онъ сталъ мнѣ противенъ со дня перваго же знакомства. Вотъ все мое преступленіе. Но онъ меня подстергъ и напалъ на директору всевозможныхъ про

меня гадостей. Какъ же вы хотите, чтобы я не обѣсился?

Крамптонъ. Не обращайтесь, Штралеръ, на это вниманія, да и вообще на всю академію. Подумайте, что такое истинный талантъ? — вѣковичный дубъ! А академія — это учрежденіе для дрессировки! испанскіе сапоги! тюрьма! обезличеніе! прямая противоположность искусству! (Плюетъ). Къ чорту ее! (Помолчавъ, продолжаетъ нѣсколько успокоившимся тономъ) Слушайте, что я вамъ скажу: вѣдь вы довольно подурачились на своемъ вѣку. Я слышалъ, что вы человѣкъ не безъ средствъ и бросаете деньги зря направо и налѣво. Около васъ постоянно торчитъ шайка блудолизовъ. Ну, понятно, вы молоды, и это вамъ нравится; но вамъ надо поучиться узнавать людей. Даю вамъ добрый сердечный совѣтъ избѣгать подобнаго общества. Не показывайте вездѣ и всѣмъ, что у васъ есть деньги. Поступайте такъ отнюдь не изъ страха, что у васъ попросятъ въ долгъ. Отъ такого взгляда оборони васъ Богъ! Но дѣло въ томъ, что богатство создаетъ вокругъ васъ атмосферу, въ которой порядочный человѣкъ дѣйствуетъ осторожно, а вульгарныя натуры и безмозглая толпа мечутся очертя голову. Потому-то, кто попадетъ въ когти подобной шайки... Видали вы, какъ обрабатываютъ лягушку ежи, разъ она попадется въ ихъ лапы? Потому, любезный Штралеръ, — дайте янѣ вашу руку... (Протягиваетъ ему руку).

Максъ (нерѣшительнымъ голосомъ). Благодарю васъ, господинъ профессоръ!

Крамптонъ (кладетъ ему руку на плечо). Что до прочаго, юноша, то грудь впередъ! голову вверхъ! А затѣмъ, если на твоей дорогѣ встанутъ самъ чортъ со своей бабушкой, или если даже лучшіе твои друзья будутъ тебѣ совѣтовать бросить искусство, — предоставь имъ болтать, что хотятъ! Помни, что если въ первое время ты создашь даже что-нибудь истинно-хорошее, — то пересуды будутъ все равно горячить твою голову. Работу твою оплюетъ всякій уличный подметальщикъ, крича тебѣ въ уши совѣты, чтобы ты сдѣлался такимъ же подметальщикомъ, какъ онъ!.. Главное молись и трудись. Скажу даже: трудись больше, чѣмъ молись. Замѣйте себѣ это хорошенько, любезный Штралеръ. Затѣмъ прощайте! Можете приходить ко мнѣ такъ часто, какъ вздумаете. Слышите? когда вздумаете. Посидите и теперь; я очень бываю радъ васъ видѣть. (Беретъ положенный на библію пакетъ).

Максъ. Позвольте вамъ сказать, господинъ профессоръ, что на этотъ счетъ вы можете быть вполне спокойны. Пусть это находятъ смѣшнымъ, но перемѣнить о себѣ мнѣніе трудно. А я увѣренъ въ себѣ въ достаточной степени.

Крамptonъ. Ну, понятно... въ ваши-то годы!

Максъ. Та крупница искусства, которая въ настоящее время еще существуетъ въ Германіи, меня не пугаетъ; конкурировать съ ней я могу.

Крамptonъ. Любезный другъ, любезный другъ! не увлекайтесь!

Максъ. Нѣтъ, право, могу! Я знаю это, знаю навѣрно.

Крамptonъ. Есть причина тому, мой дорогой, есть причина! Повторяю вамъ еще разъ, любезный Штралеръ: если вы можете вырваться изъ этого вертепа—вырывайтесь скорѣй! Побѣждайте въ Мюнхенѣ, въ Римѣ, въ Парижѣ. Здѣсь вы рискуете сдѣлаться маляромъ вывѣсокъ. Вотъ, полюбуйтесь! (Открываетъ одинъ изъ завѣшенныхъ холстовъ, на которомъ оказывается нарисованной трактирной вывѣска). Вотъ гдѣ полная гибель! (Мрачно смотритъ въ землю, но потомъ ободрится и открываетъ полученный пакетъ. Лицо его внезапно вспыхиваетъ радостью, которая, при концѣ чтенія, переходитъ въ полный восторгъ. Послѣдующій монологъ безпрестанно прерывается слезами). Чтѣ выку!.. Чтѣ вижу!.. Чтѣ вижу! Штралеръ! Знаете ли вы, Штралеръ? Приѣдетъ герцогъ! Нашъ герцогъ! Понимаете ли вы, чтѣ это значитъ! Приѣдетъ мой благодѣтель, мой меценатъ, мой спаситель!.. Вы понимаете, Штралеръ? Мой спаситель! Клянусь Богомъ, я боюсь задохнуться отъ восторга! Приѣдетъ спаситель. Все, значитъ, пойдетъ иначе! Пусть теперь маляется вывѣски Лефлеръ, или хоть самъ чортъ! Я къ нимъ не прикаснусь! (Схватываетъ Штралера за плечи). Если-бъ вы знали, Штралеръ, чтѣ это за человѣкъ, чтѣ за характеръ! Золото! Добръ какъ дитя! именно какъ дитя! Ко мнѣ относился всегда, какъ отецъ!.. Прочитайте, дорогой Штралеръ, прочитайте вслухъ!..

Максъ (читаетъ). «Увѣдомляю васъ, милостивый государь, что его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ приказалъ объявить здѣшней академіи о своемъ намѣреніи посѣтить ее завтра послѣ полудня. Въслѣдствіе этого господамъ преподавателямъ вынѣдается въ обязанность...»

Крамptonъ. Это мы ужъ знаемъ, знаемъ! Добрейшій нашъ директоръ глупъ! Само собой разумѣется, чтѣ для пріема герцога я рваныхъ штановъ не надѣну. Директоръ во всю свою жизнь придворнаго воздуха ни разу не ню-

халь, а я дышалъ имъ съ вашихъ лѣтъ! Да, дорогой мой, да! Вамъ надо еще поработать, а я въ девятнадцать лѣтъ былъ уже герцогскимъ придворнымъ живописцемъ. Сегодняшнимъ посѣщеніемъ герцога удостоиваетъ исключительно меня,—держу пари, что такъ! (Входитъ Лефлеръ, держа корзину пива въ одной рукѣ и тарелку съ селедкой въ другой). Лефлеръ! Лефлеръ! Ыдетъ нашъ герцогъ!.. Что скажешь? Ыдетъ съ тѣмъ, чтобъ посѣтить меня! Вотъ и письмо! Наливай, наливай пива! По такому случаю мы должны выпить всѣ!.. Вы, Штрэлеръ, герцога не знаете? Чудный человекъ! Какъ деликатенъ, какъ скромнъ! А какой знатокъ, какой просвѣщенный знатокъ во всемъ, что касается искусства! А какъ меня уважаетъ! Разъ даже сказалъ, что за Крамптона онъ отдастъ все свое герцогство! Ну, понятно, это было сказано въ шутку... Пейте, пейте! (Штрэлеръ прихлебываетъ, Крамптонъ осушаетъ кружку залпомъ. Пьютъ изъ старинныхъ глиняныхъ кружекъ). Однако я болтаю вздоръ вмѣсто того, чтобъ заняться дѣломъ. Надо посмотрѣть, что у меня есть готово! Вѣдь высокій гость навѣрно захочетъ что-нибудь купить. (Оглядываясь вокругъ, внезапно останавливаетъ взглядъ на головѣ Штрэлера и затѣмъ, громко свистнувъ, продолжаетъ) Пффа!.. что я вижу! (Хлопаетъ, какъ сумасшедшій, ладонями). Ученикъ! ученикъ! мой ученикъ!.. Ты только взгляни, Лефлеръ!—вѣдь это мой ученикъ, какъ есть!..

Лефлеръ. Ну да, господинъ профессоръ; вѣдь вы это ужъ давно знаете.

Крамптонъ. О, глупая, глупая голова! (Хватаетъ пазитру и муштабель, становится передъ начатою картиною, изображающей Мефистофеля съ ученикомъ, и затѣмъ указываетъ Штрэлеру повелительнымъ жестомъ на одно изъ креселъ). Вотъ онъ, ученикъ для моего Мефистофеля! На мѣсто, Штрэлеръ, на мѣсто! (Беретъ кисть и тычетъ въ картину). Вижу, что вы безцѣнный человекъ. Счастливый для меня сегодня, выдался день. (Смѣшиваетъ краски). Цѣлыхъ два года искать я такую голову. (Продолжаетъ смѣшивать краски). Упрямую! Именно упрямую! Много надѣлала мнѣ хлопотъ эта упрямая голова! Но теперь-то ужъ мы ее поймалъ! Да, любезный Мефистофель, долго мы другъ другу недоѣдали. Завтра достанется эта вещичка герцогу, или иначе поberi ее чортъ! (Напѣваетъ) «Завтра прочь уйду отсюда!» Прощайте! Доброго всѣмъ здоровья.

Лефлеръ. Значить, мнѣ можно убраться?

Крамптонъ (самымъ согласнымъ тономъ). Съ Богомъ!

Лефлеръ. А когда приходитъ назадъ?

Крамptonъ. Завтра къ обѣду.

Лефлеръ. Получите двѣ марки сдачи.

Крамptonъ. Возьми ихъ себѣ.

Лефлеръ. Премного благодаренъ. (Хочетъ уйти и останавливается). Да, вотъ еще: я встрѣтилъ вашу дѣтку; чрезъ полчаса она хотѣла быть здѣсь.

Крамptonъ (удивленнымъ голосомъ). Какую-такую дѣтку?

Лефлеръ. Ну, понятно, вашу младшую дочь.

Крамptonъ (подчеркивая каждое слово). Мою младшую дочь?.. Хорошо, Лефлеръ, хорошо! Спасибо, что сказалъ. (Лефлеръ уходитъ. Крамptonъ, не сдѣлавъ еще ни одного штриха кистью, вскакиваетъ и начинаетъ быстро убирать кружки и бутылки, которыя принесъ Лефлеръ). Знаете, любезный Штралеръ, если явится сюда моя дочь, то нужно намъ... Иначе, что вѣдь она можетъ подумать? (Уходитъ за перегородку, быстро наливаетъ изъ спрятанной бутылки стаканъ вина, выпиваетъ его и прячетъ бутылку снова; при этомъ тяжело вздыхаетъ). Да, да! Да, да! (За дверью стучатъ. Крамptonъ бросается къ молберту и принимаетъ видъ, какъ будто былъ давно уже занятъ усердной работой и работаетъ до сихъ поръ. Стучать снова. Дверь отворяется. Входитъ Гертруда Крамptonъ, прелестная, статная дѣвушка лѣтъ восемнадцати. На головѣ рейбрантовская шляпа. Одѣта хотя и по модѣ, но съ свободнымъ, художественнымъ вкусомъ. Въ лицѣ, несмотря на юношескую свѣжесть, выраженіе озабоченности и печали).

Гертруда. Папочка, здравствуй!

Крамptonъ (притворно-удивленнымъ голосомъ). А, это ты, дитя мое?

Гертруда. Я, папочка, я. (Медленно снимаетъ перчатки).

Крамptonъ. Извини, милая. Сейчасъ буду весь къ твоимъ услугамъ

Гертруда. Пожалуйста, не стѣсняйся. Время у меня есть.

Крамptonъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ я долженъ торопиться. Завтра пріѣзжаетъ герцогъ. Онъ намѣренъ купить у меня картину, и я заработалъ до того, что заболѣли глаза. Не правда ли, любезный Штралеръ? (Гертруда, указывая на Штралера) Вотъ преступникъ, котораго мы присудили къ изгнанію. Можно ли этому повѣрить? Не посмотреть ли онъ, какъ невинная дѣвушка?

(Гертруда, не обращавшая до того на Штралера вниманія, взгляды на него при словѣ «преступникъ» и слегка ему кланяется, покраснѣвъ).

Крамptonъ. Поди ко мнѣ, милое дитя! (Прилекается се, взявши за талию, и усаживается себѣ на колѣни, лаская и гладя по

головѣ, какъ вѣрный любовникъ возлюбленную. Затѣмъ говоритъ, указывая на картину). Скажи: нравится? Не правда ли, картинка не дурна? Понравится можетъ. (Штрэлеру строго) Сидите смирно, Штрэлеръ! Какая мнѣ отъ васъ польза, если вы будете такъ ерзать направо и налево? Вы трясете головой, какъ старикъ. Весь ученикъ трясется,—не правда ли, дитя мое? Можете, впрочемъ, отдохнуть. Такъ-то! (Кладетъ паплету). Вы еще не знакомы?.. Это мое сокровище!.. Моя жизнь, моя безцѣнность, моя будущность!

Гертруда. Ну, довольно объ этомъ, папочка, довольно.

Крамptonъ (восторженнымъ голосомъ, обращаясь къ Штрэлеру, который разсматриваетъ картину). Ну, что? Каково? Не правда ли, вещьца хоть куда? Вотъ какъ писали въ тѣ времена, когда Ванъ-Дикъ посѣщалъ школу Рубенса. Пусть-ка кто-нибудь явится да напишетъ такъ теперь! О, эти пачкуны, пачкуны! А взгляните сюда: это картонъ моей пляски менадь. Сама картина обѣхала весь свѣтъ. Знаете ли вы, Штрэлеръ, что сказалъ Генелли, когда увидѣлъ этотъ картонъ? Онъ вѣдь былъ моимъ другомъ при герцогскомъ дворѣ. Вотъ его слова: «есть въ мірѣ только два человѣка, способные создать такой рисунокъ: вы, Крамптонъ, да я!» (Вдругъ спохватясь) Ахъ, Боже мой! Ужъ десять часовъ. Надо спѣшить въ актовую залу. Надо спѣшить! Опять придется поправлять, указывать! Проклятое учительское ремесло! вѣрнѣе проклятое. Побесѣдуйте, дѣтки, вдвоемъ, пока я вернусь. (Надѣваетъ снова феску и идетъ къ дверямъ, но, прежде чѣмъ войти въ залу, присаживается и начинаетъ насвистывать, какъ прежде, мелодію).

(Гертруда и Штрэлеръ остаются одни. Она перелистываетъ книгу; онъ перебираетъ въ рукахъ красочныя трубочки. Гертруда печально толкаетъ столъ, при чемъ съ него сваливается какая-то вещь. Оба нагибаются ее поднять и при этомъ касаются другъ друга руками; затѣмъ встаютъ съ признаками смущенія на лицахъ).

Гертруда (послѣ довольно помолчавъ). Кажется, ваше имя, если я вѣрно слышала, Штрэлеръ?

Максъ. Такъ точно: я зовусь Штрэлеръ, сударыня.

Гертруда. Кажется, я знакома съ вашей сестрой.

Максъ. Совершенная правда. Сестра мнѣ это не разъ говорила.

Гертруда. Мы часто встрѣчались съ ней въ консерваторіи. (Краткое молчаніе).

Гертруда. Скажите, справедливо извѣстіе, будто придетъ герцогъ?

Максъ. Вполнѣ справедливо; вотъ здѣсь лежитъ увѣдомительное объ этомъ письмо.

Гертруда (помолчавъ). Вѣдь вы нѣсколько лѣтъ занимались сельскимъ хозяйствомъ? Или, можетъ-быть, я ошибаюсь. Не помню, отъ кого это слышала; кажется, отъ профессора Мюллера. Онъ, сколько помнится, недавно объ этомъ говорилъ.

Максъ. Совершенно вѣрно, сударыня.

Гертруда. Почему же вы оставили это занятіе? Хозяйничать въ деревнѣ такъ пріятно.

Максъ. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ на это таланта.

Гертруда. Какъ? Развѣ для этого дѣла тоже нуженъ талантъ?

Максъ. О, да! И очень большой.

Гертруда. Не знаю,—но карьеру художника я бы не выбрала.

Максъ. Почему же?

Гертруда. Занятіе сельскимъ хозяйствомъ кажется мнѣ гораздо привлекательнѣй. (Помолчавъ) Скажите, какъ находите вы сегодня папашу?

Максъ. Онъ, повидимому, совершенно здоровъ и веселъ.

Гертруда. Вы находите? А меня такъ состояніе его крайне тревожить.

Максъ. Неужели?

Гертруда. Знаете ли вы, что я часто должна его водить подъ руку, потому что, если онъ ходитъ одинъ, то у него дѣлаются головокруженія. Выносить не можетъ онъ почти ничего и вообще становится такъ слабъ, что долженъ быть остороженъ во всемъ. Истинно-добрымъ дѣломъ было бы постоянно напоминать ему, чтобъ онъ себя берегъ и избѣгалъ всякаго излишества. Вамъ, господинъ Штралеръ, все это, конечно, рѣдко бросается въ глаза; но я!—я знаю по опыту... Вы, впрочемъ, можете легко понять мое положеніе. Вамъ, наприимѣръ, вѣроятно, извѣстно, что въ эту ночь папаша совсѣмъ не возвращался домой. Очень можетъ быть, вы знаете, гдѣ онъ ее провелъ?.. Я не сомкнула во всю ночь отъ тревоги глазъ. Подумайте сами, что можетъ съ нимъ случиться! Вѣдь онъ совсѣмъ безпомощенъ и постоянно нуждается въ чѣмъ-нибудь присмотрѣ! (Тяжело вздохнувъ) Ахъ, я не могу болѣе, не могу!..

Максъ. Скажу вамъ...

Гертруда. Вы молоды, а вѣдь папаша старикъ!

Максъ. Могу васъ увѣрить, что никогда не вызывалъ я

господина профессора на что-либо для него вредное. Къ тому-жъ я очень рѣдко его сопровождалъ во время его отлучекъ.

Гертруда. Но кто же въ такомъ случаѣ во всемъ этомъ виновать? Что это за люди? Вѣдь должны же они видѣть, что папаша идетъ по дурной дорогѣ! Онъ себя погубить... И не одного себя! Это ужасно! Страшно подумать, что поставлено здѣсь на карту.

Максъ. Дорогая!.. Выслушайте!.. я хочу вамъ сказать... Вы были откровенны со мной... По чести и совѣсти... увѣрю васъ, что я не негодяй! (Подвигается къ ней).

Гертруда (быстро вставъ, отираетъ слезы и, отворачиваясь, говоритъ). Тш!.. вотъ папаша.

(Крамptonъ входитъ съ радостнымъ лицомъ, напѣвая и приплясывая).

Крамptonъ. Undici, dodici, tredici,
tra-la-la-la-lal..

(Останавливается въ горделивой позѣ среди мастерской, прищелкиваетъ пальцами и торжественно смотритъ съ выраженіемъ неизъяснимой радости на Штралера и Гертруду).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Мастерская Крамптона, какъ въ первомъ дѣйствіи. Послѣобѣденное время.

Въ лѣвую дверь входитъ Максъ Штралеръ, въ сопровожденіи своего брата Адольфа.

Адольфъ (мужчина лѣтъ тридцати двухъ, здороваго вида, склонный къ полнотѣ. Одѣтъ изыщно, но легко). Скажи однако, куда ты меня постоянно таскаешь?

Максъ. Я очень рѣдко затрудняю тебя просьбами; но на этотъ разъ скажу, что тотъ, къ кому привелъ тебя теперь, относился ко мнѣ всегда крайне доброжелательно, и потому твоя непремѣнная обязанность его двумя-тремя словами поблагодарить. Взгляни, Адольфъ: не правда ли, обстановка недурна? Сейчасъ видно, какого рода и характера человѣкъ здѣсь живетъ?

Адольфъ (оглядываясь вокругъ). По-моему, обстановка нелѣпая!

Максъ. Нелѣпая? Почему?

Адольфъ. Почему? Да вотъ, напримѣръ, для чего (указывалъ па

скелетъ) торчитъ тутъ этотъ Иванъ-дуракъ съ калабрійской шляпой на лысинѣ? Что за безвкусіе!

Максъ. Ну, что до вкуса, то извѣстно, что онъ у тебя такой же плоскій, какъ истертый грошъ.

Адольфъ. Можетъ-быть. Я себѣ не судья. Ну, а вотъ это для чего тутъ положено? (Указывая носкомъ сапога на тигровую кожу). Что это за символика?

Максъ. Какая символика?

Адольфъ. Ну,—королевскій тигръ...

Максъ. Какая, однакъ, у тебя грубая манера выражаться! Вѣдь это цинизмъ. Впрочемъ, вы, купцы, циники всѣ. Это вашъ сословный порокъ.

Адольфъ (сдерживая хохотъ). Хо-хо! Это прелестно! Молодца выгнали изъ академій, а онъ толкуетъ о сословныхъ порокахъ! Ахъ, ты, общипанный пѣтухъ!

(Изъ дверей актовой залы входитъ Крамптонъ).

Максъ. Ну, перестань, Адольфъ.

Адольфъ. Пѣтухъ, пѣтухъ!

Максъ. Тш... Тш!..

Адольфъ. Почтительно умолкаю!

Крамптонъ (входитъ во фракъ и лакированныхъ башмакахъ, съ орденомъ въ петлицѣ. По всему видно, что онъ очень озабоченъ. Войдя, бросаетъ рассеянный взглядъ на Адольфа и Макса). Мое почтеніе, милостивые государи! Прошу сказать, чему обязанъ я честью... (Внезапно удивясь) Что вижу? Здравствуйте, любезный Штралеръ! Представьте, я только теперь васъ узналъ.

Максъ. Вы позволите, господинъ профессоръ, представить вамъ моего брата?

Крамптонъ. А! Вы его братъ? Такъ, такъ! Очень пріятно, очень пріятно! Извините меня, любезный Штралеръ! Вы видите, въ какихъ я хлопотахъ. (Не безъ хвастливой гордости) Его высочество можетъ прибыть каждую минуту. (Притворно-небрежнымъ тономъ) Мени пожелалъ вѣдь посѣтить его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ.

Адольфъ. Я займу васъ, господинъ профессоръ, всего на одну минуту. Этотъ юноша не только мой братъ, но, кромѣ того, состоитъ подъ моею опекой.

Крамптонъ (безъ вниманія). Чѣмъ могу служить?

Адольфъ. Онъ лылся ко мнѣ съ объясненіемъ, что его исключили изъ академій; а потому я, въ качествѣ опекуна...

Крамптонъ (разгорячась, всплескиваетъ руками). Да!.. Но

чего же вы от меня хотите? Чего хотите? Я очень много прочелъ вашему брату по этому случаю поученій. Не ждете же вы, что я вамъ ихъ повторю? Въ такомъ случаѣ, извините! Ихъ больше нѣтъ въ моей головѣ! Клянусь честью, я перезабылъ ихъ все! Мнѣ надо твердо держать въ памяти тѣ нѣсколько словъ, которыя я приготовилъ для пріема герцога.

Адольфъ (тихотно стараясь сохранить серьезность). Повторю, господинъ профессоръ, что цѣль моего прихода буквально исчерпывается въ какихъ-нибудь двухъ словахъ.

Крамptonъ (хотя и замѣтилъ усмѣшку Адольфа, но говоритъ, не глядя на него). Мнѣ это не смѣшно! Вовсе не смѣшно! Папаши, мамы и опекуны скоро сведутъ меня съ ума! Являются люди и требуютъ, чтобъ я пророчествовалъ судьбу ихъ дѣтей. Я не Пифія! На треножникѣ не сижу. Я до сихъ поръ не знаю, есть ли талантъ у меня самого! Они скоро станутъ таскать ко мнѣ для разбора пеленки своихъ ребятъ! Я не могу, какъ римляне, гадать по внутренностямъ.

Адольфъ. Но, pardon, pardon!..

Крамptonъ. Прошу безъ великихъ pardon!

Адольфъ. Вы, господинъ профессоръ, меня не понимаете. Я хотѣлъ выразить вамъ только мою глубокую благодарность... Вы, конечно, знаете, что въ жизни бываютъ много разъ случаи... вотъ хоть бы какъ настоящій. Понятно, что я былъ въ очень встревоженномъ состояніи, когда братъ мой собрался вчера идти къ вамъ. Но ваша рѣчь вполне возстановила его угасшую бодрость. Меня, конечно, это очень обрадовало, и потому очень понятно, что я захотѣлъ васъ искренно поблагодарить.

Крамptonъ. А!.. Вотъ откуда дуетъ вѣтеръ. Такъ, такъ, любезный Штрэлеръ! (Прохаживался, треплетъ Мауса по плечу). Очень я радъ, юноша, что могъ тебѣ помочь. (Адольфъ) Дѣло въ томъ, любезнѣйшій, что вы начали съ разговора объ опекѣ, а меня можете довести до потери чувствъ одинъ звукъ этого слова.

Адольфъ (смѣясь). Общаю вамъ принять это на будущее время къ свѣдѣнію.

Крамptonъ (смѣясь также). Да, мой дорогой. Вы дѣйствительно невиннымъ образомъ смутили то торжественное настроеніе...

Адольфъ. Которое предназначалось для пріема герцога?

Крамptonъ. Именно, именно!

Адольтъ. Не буду болѣе стѣснять васъ своимъ присутствіемъ.

Крамptonъ. О, останьтесь, останьтесь! (Смотря на часы) Герцогъ не торопится.

Адольтъ. Да, но долженъ торопиться я. (Кланяется). Свидѣтельствую вамъ, господинъ профессоръ, мое глубочайшее почтеніе.

Крамptonъ (махая небрежно рукою). А, ну, въ такомъ случаѣ прощайте! Прощайте! Заходите какъ-нибудь при случаѣ. Очень буду радъ васъ видѣть. (Максу) Ну, а вы, любезный Штрэлеръ, остаетесь? Вы могли бы мнѣ кое-въ-чемъ помочь.

Адольтъ. Можешь остаться совершенно спокойно; я найду дорогу домой одинъ. (Уходить. Короткое молчаніе).

Крамptonъ. Прежде всего скажите, любезный Штрэлеръ, каково сидитъ на мнѣ фракъ?

Максъ. Очень хорошо, господинъ профессоръ.

Крамptonъ. Не правда ли, превосходно? А теперь прошу васъ попрідержать немного дверь. (Достаётъ бутылку и наливать). У меня всегда есть запасъ. Мнѣ необходимо имѣть въ домѣ что-нибудь подкрѣпительное для сердца... (Пьетъ). Особенно въ случаяхъ, подобныхъ настоящему. Сегодня, любезный Штрэлеръ, я долженъ собрать и держать крѣпко всѣ мои пять чувствъ. Вы, можетъ-быть, удивляетесь моему возбужденному состоянію? Но вѣдь сегодня для меня нѣкоторымъ образомъ рѣшительный день. Я вамъ позднее это при случаѣ объясню. Теперь же скажу вотъ что: если вы вздумаете когда-нибудь жениться... Но, впрочемъ, нѣтъ!—лучше не дѣлайте этого никогда. Это для васъ совершенно не нужно. Дѣло въ томъ, что если на подобный шагъ рѣшается художникъ, то онъ ставитъ на карту все и обыкновенно все терлетъ, начиная съ таланта; терлетъ прежде, чѣмъ успѣешь сосчитать до трехъ. Если, однако, вы захотите жениться во что бы то ни стало, то озаботьтесь сперва, мой дорогой, потуже набить вашъ кошелекъ. (Стучать. Крамptonъ кричать) Войдите, войдите!

(Входитъ профессоръ Кирхгейзенъ и архитекторъ Милгусъ—оба во фракахъ).

Крамptonъ. Servus, servus, милостивые государи! Его высочество еще не прибылъ? Покорно прошу садится.

Кирхгейзенъ (мужчина съ красивымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти. Волосы рѣдкіе, причёсанные на манеръ художниковъ. Борода à la Барбаросса. Кажется возбужденнымъ и говорить, нервно смѣясь).

Хи-хи! У меня сегодня по всему тѣлу ходять мурашки. Хи-хи! Видить Богъ, коллега Крамптонъ, я не могу даже спокойно сидѣть.

Миліусъ (толстый человѣкъ лѣтъ тридцати трехъ. Страдаетъ одышкой, вслѣдствіе чего говоритъ короткими фразами, со смѣхомъ). Кажется, почтенный нашъ директоръ отъ усерднаго служебнаго искусству совсѣмъ измочалился. Сейчасъ сбѣжать въ избытокъ рвенія съ лѣстницы и, растянувшись на бѣгу, расквасить себѣ носъ. Жена педеля занята подниманьемъ на полу пятенъ крови.

Кирхейзенъ (смѣясь). О, Господи, вотъ такъ несчастіе! Хи-хи! Ну чтѣ, если кровь закашлетъ у него изъ носу передъ герцогомъ! А она каплетъ, до сихъ поръ каплетъ, навѣрно! (Всѣ смѣются).

Крамптонъ (серьезнымъ тономъ). Исторію о Раухѣ вы, конечно, слышали. У него въ мастерской накапало чѣмъ-то на мраморный бюстъ. Чѣмъ? Вы поймете, если я скажу вамъ, что художникъ понюхалъ передъ тѣмъ табакъ. Знаете, какъ онъ затѣмъ поступилъ? Искусство, конечно, прежде всего; потому попортить бюстъ нельзя было ни въ какомъ случаѣ. Онъ взялъ да и слизалъ оставшіяся капли языкомъ. (Кирхейзенъ и Миліусъ прыскаютъ со смѣха). Что-жъ такое? Я нахожу это совершенно естественнымъ. (Предлагаетъ всѣмъ папирсы). Добудьте, любезный Штрэлеръ, огня. (Профессора съ удивленіемъ замѣчаютъ присутствіе Штрэлера). Это мой приватный ученикъ. Въ моей собственной мастерской вѣдь я полный хозяинъ. Я рѣшился наконецъ серьезнымъ образомъ показать директору зубы. Я не хочу выпускать изъ своихъ рукъ истинныхъ талантовъ. Намъ, господа, необходимо крѣпко сплотиться. Передовые элементы должны непременно дѣйствовать въ согласіи. Знаете ли, какая у меня въ головѣ идея? Мы должны образовать клубъ святаго Луки. Товарищъ Вейнгертнеръ, Миліусъ, ты, Кирхейзенъ, и я. Для начала будетъ довольно. Крѣпко соединясь, мы легко внушимъ къ себѣ уваженіе враждебной намъ партіи, всѣхъ этихъ Мюллеровъ, Шульце, Краузе, Нагелей, — словомъ, всѣхъ самозванныхъ знаменитостей, громко каркающихъ, какъ вороны, о своей славѣ. Этимъ средствомъ мы внесемъ наконецъ въ это гниздо хоть сколько-нибудь жизни и свѣжаго воздуха, и если настойчиво захотимъ, то превратимъ нашъ городъ, можетъ-быть, въ центръ искусствъ перваго разряда. Знаете ли вы, что мнѣ приходится мысль переговорить объ этомъ серьезно съ герцогомъ?

Милиусъ (кладя Крамптону на плечо руку). Послушайте, профессоръ: герцогъ, вѣроятно, прибудетъ еще не скоро, а между тѣмъ человекъ—вы знаете какой—мною приведенъ и дожидается на улицѣ. Ему бы очень хотѣлось взглянуть на вывѣску. Можетъ войти?

Крамптонъ (тихимъ голосомъ). Можетъ, любезный Милиусъ, можетъ: она стоитъ тамъ.

Милиусъ (кричитъ въ двери). Господинъ Фейстъ! Господинъ Фейстъ! Прошу, войдите.

(Входитъ Фейстъ. Съ виду богатый трактирщикъ. Ходитъ съ припрыжкой походкой кельнеровъ).

Фейстъ. Къ вашимъ услугамъ! Къ вашимъ услугамъ.

Милиусъ (представляя ихъ другъ другу). Профессоръ Крамптонъ! Господинъ Фейстъ!

(Крамптонъ, едва обращая на Фейста вниманіе, свертываетъ папиросу. Милиусъ перничасть и конфузится, Фейстъ еще болѣе. Милиусъ подводитъ его къ вывѣскѣ и отдергиваетъ покрывающую ее занавѣску. Крамптонъ въ это время тихо, съ веселымъ видомъ разговариваетъ съ Киркхейзеномъ).

Милиусъ (Фейсту). Ну, что-жъ? Нравится?

Фейстъ (съ видомъ знатока). Да... оно, конечно, хорошо, но я представляю себѣ нѣсколько иначе. Вотъ тутъ, я думаю, будетъ посаженъ толстый Гамбринусъ, а тутъ изображена большая кружка, изъ которой нѣна ползетъ черезъ край. А вотъ здѣсь слѣдовало бы подрисовать нѣсколько маленькихъ ангеловъ, которые, играя, перебрасываются бутылками.

Крамптонъ (профессорамъ). Вотъ такъ субъектень для комедіи!.. (Вдругъ вспыхивъ до ярости) Ну, если вы такъ хорошо знаете, какъ слѣдуетъ писать вывѣски, такъ малюйте ихъ впередъ сами! Сваливать эту обузу на другихъ людей незахѣмъ. Это безстыдство! Безстыдство неслыханное!..

Милиусъ. Коллега, коллега! Вѣдь онъ не сдѣлалъ ничего такого, что могло дать вамъ право...

Крамптонъ. Это мнѣ все равно! Рѣшительно все равно, я все-таки зову такой поступокъ безстыдствомъ! Я художникъ, а не красильщикъ!

Фейстъ (пятясь). О, прошу!.. прошу... Имѣю честь кланяться...

Милиусъ (слѣдуя за нимъ). Повѣрьте, господинъ Фейстъ... мнѣ очень жаль... (Оба уходятъ).

Крамптонъ. Скажите, господа, что этотъ архитекторъ о себѣ вообразилъ? Вздумалъ садить мнѣ на плечи своихъ подрядчиковъ! Вообразилъ...

(Янецкій въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ вязаныхъ порчаткахъ, въ высшей степени изволованный, выглядываетъ изъ дверей).

Янецкій. Господинъ профессоръ, господинъ профессоръ! Герцогъ въ скультурномъ классѣ.

Кирхейзенъ. Какъ?.. Что? Янецкій! (Быстро вскакиваетъ и убѣгаетъ).

Крамptonъ (прятать въ дверь актов. залы). Герцогъ пріѣхалъ!..

(Входятъ Гертруда, блѣдная и заплаканная).

Крамptonъ. Гертруда! Герцогъ можетъ явиться каждую минуту! Онъ уже внизу у Кирхейзена! Останься здѣсь. дитя мое, и успокойся. Я представлю тебя его высочеству. Васъ, Штралеръ, представлю также, если только подойдетъ случай. Почему же не сдѣлать этого? Наружность ваша благоприлична! Дайте мнѣ, дѣтки, руки. (Дрожитъ отъ волненія). До этой минуты я былъ крайне возбужденъ, а теперь спокоенъ. Со мной вѣдь всегда такъ бываетъ. Чѣмъ ближе какой-нибудь торжественный моментъ, тѣмъ спокойнѣе я себя чувствую. (Потираетъ руки). Очень, очень радъ я, дѣтки, вновь повидаться со старымъ знакомымъ! (Кричитъ въ двери залы) Войдите, господа! Мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ. (Въ комнату бурно врываются человѣкъ двадцать учениковъ въ возрастѣ отъ восемнадцати до тридцати лѣтъ). Объявляю вамъ, господа, что его высочество герцогъ Фрицъ-Августъ соблаговолилъ почтить меня своимъ посѣщеніемъ. Этотъ знакъ вниманія отношу я не къ одному себѣ, но ко всему моему классу. Позволяю себѣ надѣяться, что изъ васъ не найдется никого, кто не оцѣнитъ достойно эту честь. Очень можетъ быть, что при благопріятной минутѣ я попрошу васъ прокричать его высочеству «ура». Потому, если въ числѣ присутствующихъ найдутся лица, съ чьими убѣжденіями «ура» въ честь его высочества не согласуется, то прошу такихъ лучше теперь же молча поклонуть это помѣщеніе. Замѣйте себѣ это хорошенько.

Ученики (говорятъ наперерывъ). Конечно, господинъ профессоръ! Конечно! (Шумъ, смѣхъ и порекидываясь шутками, вся толпа возвращается въ актовую залу).

Крамptonъ (бѣжать за учениками вслѣдъ и кричать въ дверь). Господа! Господа! Пойдите! Еще одинъ важный пунктъ! Еще одинъ пунктъ! (Уходитъ въ актовую залу).

Гертруда (въ отчаяніи до судорогъ, едва говоритъ). Штралеръ! Штралеръ! Это ужасно!.. Отецъ ничего не предчувствовалъ!.. Ужасно! Онъ не переживетъ! Этому нѣтъ имени!..

Максъ. Что такое, дорогая? Что случилось?

ГЕРТРУДА. Штрелеръ! Я знаю, вы любите папашу. Умоляю васъ, возьмитесь осторожно за это дѣло вы! При немъ вѣдь нѣтъ никого! (Ломаетъ въ отчаяніи руки).

МАКСЪ. Даю вамъ честное слово!.. Но могу ли я прежде узнать, въ чемъ дѣло?

ГЕРТРУДА. Стыдъ! Позоръ! Вотъ что самое худшее! Сегодня утромъ мамаша получила письмо, — письмо отъ директора, въ которомъ онъ пишетъ, что, по всей вѣроятности, завтра папаша будетъ отрѣшенъ отъ должности, и потому онъ совѣтуетъ его къ этому извѣстію осторожно приготовить. Но мамаша уѣхала! Оставаться ей было негдѣ. У насъ сегодня все опечатано! На все наложено запрещеніе по иску домовладѣльца. Директоръ пишетъ, что сегодня или завтра сдѣлаютъ то же самое съ папаниными лещами и здѣсь! Паночка останется нищимъ! бѣднымъ, безпомощнымъ нищимъ!.. (Рыдаетъ).

МАКСЪ (глубоко потрясенный). Не видите ли вы все въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ?

(Входитъ Янецкій).

Янецкій. Гдѣ есть господинъ профессоръ?

КРАМПТОНЪ (возвращаясь). Здѣсь, Янецкій, здѣсь. Скажи, куда дѣвался герцогъ?

Янецкій (снимая зубы). Герцогъ, господинъ профессоръ? Герцогъ уѣхалъ.

КРАМПТОНЪ. Что вы мнѣ городите? Герцогъ только-что пріѣхалъ.

Янецкій. Ну да, пріѣхалъ, посѣтилъ профессора Кирхейзена и затѣмъ уѣхалъ.

ГЕРТРУДА (быстро подбѣжавъ, обнимаетъ пораженного какъ громомъ Крамптона). Паночка! Милый паночка! Умоляю, не принимай этого такъ близко къ сердцу!..

КРАМПТОНЪ. Оставь, дитя мое, оставь!.. Что-жъ послѣ этого принимать къ сердцу? (Вдругъ впадая въ ярость) Но, однако, что-жъ это?.. Какъ?.. Уѣхалъ, не посѣтивъ меня!.. Уѣхалъ! Да развѣ я собака? Паршивая собака? Какъ же это?.. (Хохочетъ дикимъ голосомъ).

ГЕРТРУДА (продолжая его обнимать, говоритъ тономъ, въ которомъ слышится предчувствіе бѣды). Паночка, милый паночка!

КРАМПТОНЪ. Ахъ, оставь меня въ покоѣ! Это заговоръ! Это дѣло моихъ враговъ и завистниковъ! Меня оклеветали, но я еще не такъ глупъ, не такъ глупъ!.. Я знаю, кто очертилъ меня въ глазахъ герцога. Знаю, знаю! Ну, пусть, ну, пусть! Отомстить врагу я сумѣю! Въ мои руки онъ попа-

дети! Будь спокойна—они обо мнѣ услышны! (Толпа учениковъ входитъ изъ актовъ залы). Что вамъ надо?.. Развѣ ваше мѣсто здѣсь? Кто хочетъ войти, долженъ постучать.

Одинъ изъ учениковъ. Мы стучали, да никто насъ не слышалъ.

Крампитонъ. Нѣтъ отвѣта на стукъ, такъ оставайтесь за дверью! Я здѣсь еще хозяинъ! Комната моя, мастерская моя! Поняли? Кого захочу, того вышвырну! Могъ бы сейчасъ вышвырнуть Янецкаго! Но пока этого еще не сдѣлаю!.. Чего вамъ отъ меня надо?..

Другой ученикъ. Мы хотѣли только узнать, пожалуетъ ли герцогъ?

Крампитонъ. Какое дѣло мнѣ до герцога?.. Какое дѣло вамъ?..

Тотъ же ученикъ. Пробило пять часовъ, и намъ хотѣлось бы отправиться домой.

Крампитонъ. Захотѣлось, такъ и убирайтесь. Чего вы ждете? (Ученики уходятъ).

Крампитонъ (не глядя на Янецкаго). Чего этотъ негодяй скалитъ зубы? Очень желалъ бы я, чтобъ онъ убрался прочь! (Попрежнему, не глядя на Янецкаго, хватается въ руки, по владея собою отъ бѣшенства, бронзовую статуэтку). А не уберется, такъ увижу, что будетъ! (Янецкій убѣгаетъ). Вонъ эту сволочь!.. Узнаете вы меня, подлая шайка! (Штрелеру и Гертрудѣ) Ну, полноте, полноте! Придите въ себя. Идемте! (Указывая на полученное письмо). А эта тряпка пусть валяется тутъ. Я знаю, что въ ней сказано! Отрекаюсь, отрекаюсь! Уйду добровольно, самъ! (Дѣлаетъ видъ, что хочетъ уйти, но вдругъ, точно поджогенный, падаетъ ничкомъ на диванъ, рыдая, какъ ребенокъ).

Гертруда (рыдая также, бросается предъ упавшимъ старикомъ на колѣни). Папочка, родной, милый папочка!.. Бѣдный мой папочка!..

Максъ. Несчастный, несчастный!.. Господинъ профессоръ! Фрейлейнъ Гертруда! Сберите силы! Боритесь съ обстоятельствами! Вспомните, профессоръ, ваши собственные слова; грудь впередъ, голову вверхъ! И если самъ чортъ съ своей бабушкой встанутъ поперекъ дороги, то... вы это все мнѣ говорили...

Крампитонъ (сидя на диванѣ, совершенно изнеможенный, говорить слабымъ голосомъ). Милыя дѣтки! Дорогой мой другъ, милый Штрелеръ! Я знаю, что вы мнѣ другъ, и сознаться въ этомъ не боюсь ни предъ кѣмъ. Но это не поможетъ.

Все слишкомъ скверно сложилось около меня! Сложилось отвратно! Тотъ, кто лишилъ меня теперь жизни, сдѣлаетъ мнѣ этимъ добро! Но вѣдь не похоже на то, чтобы на это рѣшились, добрый другъ, вы! Тебѣ-жъ, Гертруда, вотъ какое сдѣлаю я признаніе: если кто-нибудь скажетъ тебѣ — «чти отца твоего и мать», то знай, что отецъ твой этого не заслужилъ! Отецъ твой всѣхъ насъ привелъ вмѣстѣ съ собой на край пропасти!..

Гертруда. Ты не долженъ говорить этого, папочка! Не долженъ такъ отчаянно смотрѣть на будущее, ты долженъ собраться съ духомъ, долженъ...

Крамptonъ (совершенно подавленный). Все прошло! Все кончено безвозвратно! Какихъ-нибудь полчаса назадъ я еще надѣялся... Я хотѣлъ объяснить герцогу мое положеніе! Не нищенствовать собирался я предъ ними!.. Я надѣялся только, что онъ... Ну, хоть картину, или что-нибудь... О, дѣтки, дѣтки! Кончимте объ этомъ разговоръ! (Входитъ Лефлеръ). А! это ты, Лефлеръ! Здравствуй, любезный другъ. Мы уйдемъ вмѣстѣ, непременно вмѣстѣ!

Гертруда (обнимаетъ его съ выраженіемъ ужаса). Папочка, папочка! Куда же собираешься ты идти? Возьми меня съ собой! Я не отойду отъ тебя ни шагу.

Крамptonъ. Домой, домой! Ступай домой!

Гертруда. Да вѣдь мамаша уѣхала, и сестры также.

Крамptonъ. Ступай за ними и ты! Для чего тебѣ здѣсь оставаться? Подай мнѣ, Лефлеръ, плащъ, шляпу и галстукъ. (Продолжаетъ, пока Лефлеръ окутываетъ его плащомъ). Ха-ха! Такъ мамаша изъ этого дѣла выпуталась! Хорошо утѣшилась! О, женщины, женщины! Seriously говорю тебѣ, Гертруда, ты должна послѣдовать за мамашей. (Штрэлеру) А къ вамъ, Штрэлеръ, моя послѣдняя просьба — первая и послѣдняя. Родители моей жены люди богатые. Они изъ тюрингенскихъ дворянъ. Дочь моя должна отправиться къ нимъ, — если же ей на эту поѣздку не хватитъ денегъ... то... (Крѣпко схватываетъ за руку Штрэлера, въ чьихъ глазахъ выражается обязательная готовность все исполнить). Я вамъ долженъ!.. Ну, теперь прощай, дитя мое! Живи хорошо съ своей мамашей. Старайся подладиться къ высокоблагороднымъ милостямъ твоихъ дѣдушки и бабушки. У тебя будетъ по крайней мѣрѣ кусокъ хлѣба.

Гертруда (обнимаетъ его, рыдая). Папочка!.. Я не могу...

Крамptonъ (тихо освобождаясь изъ ея рукъ). Э, ничего! Все забудется, все перемелется!.. Прощайте! прощайте! (Сла-

быми шагами направляется изъ двери, слегка размахивая руками и взявъ Лёфлера подъ руку).

ГВЕРТУДА. Папочка! Я иду съ тобой...

КРАЙПТОНЪ (въ ярости топаетъ ногой). Ты хочешь пройти сквозь строй позора?.. (Уходитъ съ Лёфлеромъ).

(ЗАПАВЪСЯ ПАДАЕТЪ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Пріемная комната владѣльца фабрики Адольфа Штралера. Мягкая, уютная, оригинальная обстановка. Комната четырехугольная съ большими, широкими, полукруглыми сверху окномъ налѣво. На задней стѣнѣ дверь, на правой также. Стѣны до высоты человѣческаго роста обшиты деревомъ. По верхней части этой обшивки тянется кругомъ длинная узкая полка, на которой разставлено собраніе разныхъ рѣдкостей, череповъ, маленькихъ звѣринныхъ чучелъ, кристалловъ, рѣдкихъ камней, коралловъ, раковинъ, бездѣлушекъ, деревянныхъ и фарфоровыхъ шкатулокъ съ рѣзбой, интересныхъ чашекъ изъ красной глинны, старинныхъ пивныхъ кружекъ, сосудовъ изъ нильскаго пла. Большинство предметовъ обличаетъ, что все это приобрѣтено во время путешествій, какъ воспоминанія. Верхняя часть стѣны надъ деревянной обшивкой покрыта бѣлой штукатуркой. Потолокъ также бѣлый, но безъ всякой живописи и лѣпныхъ украшеній. Посрединѣ укрѣплено чучело аиста съ распущенными крыльями. Налѣво поставленъ по диагонали старинный, съ вытравленными орнаментами, шкафъ въ стилѣ рококо. На немъ самая обыкновенная фигура рождественскаго старика съ елкой, какихъ можно за бездѣлицу купить на каждой оконной выставкѣ. У стѣны направо обитая темной кожей софа. Надъ ней, настолько низко, что лежащій можетъ доставать рукой, подвѣшена полка съ глазами для питья или шести большихъ чубуковъ и съ множествомъ длинныхъ глиняныхъ трубокъ. Тутъ же кисты съ табакомъ и всевозможныя другія курительныя принадлежности. На правой сторонѣ, передъ угольной спамейкой темнаго жоренаго дерева, стоитъ такой же, украшенный прекрасной рѣзбой, большой столъ въ стилѣ деревенской мебели. Надъ спамейкой, на обшитой деревомъ части стѣны повѣшена дубовая этажерка съ изысканными рѣзными бездѣлушками. Огромное, обитое кожей, вольтеровское кресло стариннаго стиля придвинуто къ окну. Большой письменный столъ заваленъ книгами, разставленными въ полномъ порядкѣ. На немъ же разложены торговые, купеческія книги и прочія конторскія принадлежности. Вообще вся обстановка обнаруживаетъ хорошій вкусъ, оригинальность взглядовъ, а также особенную склонность хозяина собирать около себя вещи, хотя и въ большомъ числѣ, но выбранныя и приобрѣтенныя отдѣльно. Возлѣ двери на стѣнѣ телефонный аппаратъ. Полъ устланъ ковромъ.

Адольфъ входитъ чрезъ открытую среднюю дверь, за которой открывается анфилада комнатъ. Въ послѣдней видна Аггеса Виснеръ, урожденная Штралеръ, и горничная, занятая уборкой со стола.

Адольтъ (достасть съ полки чубукъ, привинчиваетъ къ нему головку и продуваетъ: Кончивъ это, кричитъ въ дверь). Агнеса, гдѣ же ты?

Агнеса (молодая вдова лѣтъ тридцати. На красивомъ лицѣ выраженіе той просвѣтленности, какая замѣчается у людей, много перенесшихъ въ жизни и смирившихся передъ судьбой. Впечатлѣніе всего ея существа пріятное и тихое. Входитъ быстрыми шагами). Иду, Адольтъ, иду.

Адольтъ. Куда-жъ ты дѣвала Тертруду?

Агнеса. Ей принесъ почтальонъ письмо. Я думаю, отъ тюрингенскихъ рождественниковъ. (Зажигаетъ фидибусъ и подаетъ Адольту).

Адольтъ (закуривъ, пыхаетъ дымомъ во всѣ стороны и потому говорить коротко и прерывисто). Хотѣлось бы... Хотѣлось бы мнѣ... узнать... для чего только эти люди огорчаютъ бѣдную дѣвушку? (Продолжая курить, прохаживается по комнатѣ). Ты, Агнеса, скажи ей, что о новомъ переселеніи ея не можетъ быть и рѣчи. Мы просто ее не пустимъ.

Агнеса. Я думаю, что вернуться въ Тюрингію у ней самой нѣтъ никакой охоты... Съ матерью, повидимому, она совсѣмъ не ладитъ. Съ сестрами тоже не въ хорошихъ отношеніяхъ, ну, а чтѣ до дѣдушки и бабушки, то предъ ними у нея даже какой-то благоговѣйный страхъ.

Адольтъ. Ну, въ такомъ случаѣ... А гдѣ, между прочимъ, скрывается Максъ? Юношу не видать совсѣмъ. Онъ не является даже къ обѣду.

Агнеса. Онъ приходитъ послѣ четырехъ часовъ, когда ты уже уходишь въ контору.

Адольтъ. И все занять своими поисками?

Агнеса. Вѣдь ты знаешь, что по этому дѣлу онъ хлопочетъ, не складывая рукъ.

Адольтъ. Онъ это дѣло глупо повелъ. Ужасно глупо повелъ. Посуди, Агнеса, сама: цѣлые пять дней ищетъ безъ успѣха въ городѣ съ трехсоттысячнымъ населеніемъ человека, настолько всѣмъ извѣстнаго, насколько былъ извѣстенъ профессоръ.

Агнеса. Онъ наводилъ справки вездѣ, у учениковъ и въ полиціи.

Адольтъ. Если онъ не умѣетъ помочь себѣ самъ, такъ къ чорту такіе труды! Но почему же не посоветуется онъ со мной?

Агнеса. Этому нечего удивляться. Онъ тебѣ не довѣряетъ. Ты постоянно надъ нимъ насмѣхаешься.

Адольтъ. Хо-хо! Ну, полно, полно.

Агнеса. Нѣтъ, право, такъ, Адольтъ.

Адольтъ. Ты говоришь вздоръ! Вѣдь мы съ нимъ другъ друга знаемъ. Сегодня посмѣюсь надъ нимъ я, а завтра надо мной онъ. Такъ что-жь сердиться за такія насмѣшки?

Агнеса. Я и не говорю, что онъ сердится, но знаю только, что въ теперешнемъ своемъ настроеніи онъ дѣйствительно ничего не можетъ переносить хладнокровно.

Адольтъ. Въ настроеніи? Хо-хо! Знаемъ мы эти настроенія!

Агнеса. Ну, вотъ ты начинаешь опять свои насмѣшки.

Адольтъ. Нѣтъ, скажи мнѣ, Агнеса, серьезно. Замѣчаешь ты что-нибудь? Я кое-что замѣчаю.

Агнеса. Ну, конечно, замѣчаю и я.

Адольтъ. А дальше?..

Агнеса. Дальше? Что дальше?

Адольтъ. Вѣдь нашему молодцу, кажется, едва девятнадцать лѣтъ.

Агнеса. Девятнадцать исполнилось ему три недѣли тому назадъ.

Адольтъ. Значить, цѣлыхъ три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ ему минуло девятнадцать. Что-жь ты на это скажешь? Находишь ты его затѣю благоразумной?

Агнеса. О, да, въ достаточной степени.

Адольтъ. «Въ достаточной степени»? Прелестно! Превосходно! «Въ достаточной степени»? А что, если-бъ были живы отецъ и мать? Какъ думаешь, что бы сказали про это дѣло они?

Агнеса. Они обсудили-бъ дѣло по-своему и поступили-бъ согласно съ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, было-бъ всего лучше для счастья Макса. Совершенно въ этомъ духѣ хочу дѣйствовать и я.

Адольтъ. Значить, по-твоему, бракъ девятнадцатилѣтняго мальчика—поступокъ благоразумный?

Агнеса. Почему же нѣтъ? Это зависитъ отъ обстоятельствъ. Вѣдь и я насладились лучшими минутами моей жизни именно въ этомъ возрастѣ. Смерть Людвига, унесшая съ собой все, что меня привязывало къ жизни, сразила меня на двадцать первомъ году.

Адольтъ. Ты совсѣмъ другое дѣло! Совсѣмъ другое!

Агнеса. Если ты иного мнѣнія, такъ дѣйствуй по-своему. Скажи властное слово. Ты онекуишь и сдѣлать это въ правѣ.

Адольтъ. Да! Властное слово, властное слово! А чего достигну я моимъ властнымъ словомъ? Не мастеръ я говорить властные слова! А сверхъ того вопросъ еще, принесло ли бы это какую-нибудь пользу. (Прикасается пальцами къ своей головѣ и затѣмъ къ головѣ Агнесы). Крѣпкій лобъ, крѣпкій лобъ! И вонъ тамъ тоже крѣпкій лобъ! (При послѣднемъ словѣ указываетъ пальцемъ въ сторону, намекая этимъ на Макса). Мы, Штрадлеры, крѣпколобы всѣ! (Продолжаетъ съ комическимъ пафосомъ). Но за это можемъ нашими крѣпкими лбами пробить каменную стѣну! Случается, конечно, при этомъ раскрасить лобъ всеми цвѣтами радуги. Но это ничего! Пускай! Бѣды въ томъ нѣтъ. Если Максъ даже на что-нибудь наткнется, то тревожить изъ-за этого мой покой я не намѣренъ. Заварилъ кашу, такъ пусть самъ и расхлебываетъ. Трудить для него мои мозги я не стану. (Агнеса смѣется). Да, да, трудить мозги ради того, что въ головѣ парня завелись блохи, и онъ несетъ несуразую дичь. Этакій юнецъ и лѣзетъ въ бракъ! Какъ бы не забраковалъ себя совсѣмъ! (Идетъ направо. Во второй комнатѣ показывается Гертруда).

Агнеса. Фрейлейнъ Гертруда! Я здѣсь.

Гертруда (входя). А, вотъ вы гдѣ.

Агнеса. Хорошія вѣсти?

Гертруда. Ахъ! Совсѣмъ... (Останавливается; на глазахъ ея выступаютъ слезы).

Агнеса (нѣжно, по-матерински ее обнимаетъ). Только не плакать, только не плакать! Все пройдетъ, все будетъ попрежнему хорошо.

Гертруда. Папаша съ мамашей разводятся! Она не будетъ въ правѣ носить даже его имя. А я должна вернуться къ ней. Такъ хочетъ дѣдушка.

Агнеса. Объ этомъ не стоить говорить. Принудить васъ къ этому силой не можетъ никто.

Гертруда. Я не хочу! Не хочу! Мнѣ претитъ ѣсть кусокъ хлѣба, который они бросаютъ мнѣ изъ милости! Я не могу слышать, какъ они обвиняютъ во всемъ моего дорогого папочку! Грѣхъ есть вѣдь и за мамашей! Она была всегда съ нимъ жестока и безсердечна! Если дѣдушка пріѣдетъ за мной даже самъ, я все равно не поѣду съ нимъ и въ этомъ случаѣ. Я не могу, не могу!.. Папочка одинокъ, возлѣ него нѣтъ ни души! О мамашѣ и сестрахъ заботятся всѣ. Я останусь съ папочкой. Я принадлежу ему!

Агнеса. Развѣ дѣдушка хочетъ пріѣхать за вами самъ?

Гертруда. Въ письмѣ сказано, что онъ отправился пу-

тешествовать и навѣрно проѣдетъ черезъ Силезію. Ахъ, милая, милая госпожа Агнеса! Умолю васъ, не отпускайте меня! Я вѣдь ужъ не дитя и знаю, что дѣлаю. Разъ они меня увезутъ, — возврата мнѣ ужъ не будетъ. Я прошу у васъ пріюта всего на какіе-нибудь два-три дня! До того, словомъ, дня, когда я найду моего несчастнаго папочку! Затѣмъ я останусь съ нимъ навсегда!.. Пріютите меня только до того дня! до того дня!..

АГНЕСА. Что это вы говорите, милая Гертрудочка! Вы у насъ и у насъ останетесь. Скажу болѣе: если вы захотите даже сами насъ покинуть, то еще вопросъ, отпустимъ ли васъ мы.

ГЕРТРУДА (горячо се обнимая). О! ты мой лучшій, вѣрный другъ!..

АГНЕСА. На ты?—вотъ это хорошо! (Крѣпко жметъ ей руку).

ГЕРТРУДА (покрывая руку Агнесы поцѣлуями). Милая, дорогая! (Небольшое молчаніе. Возвращается Адольфъ).

АДОЛЬФЪ. Скажи мнѣ, пожалуйста, Агнеса, какая причина, что, когда я застаю васъ вдвоемъ съ фрейлейнъ Гертрудой, она всегда дѣлаетъ печальное личико? (Агнеса) А ты тоже хороша! Выѣсто того, чтобъ стараться ее развлечь, ты что дѣлаешь? Усаживаешься за фортепіано и начинаешь пѣть. (Поетъ комическимъ тономъ)

Не знаю, право, я,
Что можетъ это зна-а-а-чить!

Полноте, милая фрейлейнъ Гертруда! Дѣло, право, не стоитъ такихъ безпокойствъ! Повѣрьте мнѣ, что родитель вашъ такъ же здоровъ и бодръ, какъ мы съ вами. Пойдемте-ка лучше да сыграйте партііку въ шахматы. Не желаете? Напрасно! Развлекаться необходимо. Хотите, я покажу и объясню вамъ мой музей?

АГНЕСА. Ахъ, перестань, Адольфъ! Ты фрейлейнъ Гертрудѣ надоѣдаешь.

АДОЛЬФЪ (видя, что Гертруда отрицательно качаетъ головой). Прости меня Господы! Вотъ-то сказала! Я надоѣдаю фрейлейнъ Гертрудѣ! Скажите, милая фрейлейнъ, какъ и чѣмъ я вамъ надоѣдаю?

АГНЕСА. Понятно, что она тебѣ этого не скажетъ.

АДОЛЬФЪ. О, глупая, глупая головушка! Не правда ли, фрейлейнъ, что у моей сестрицы очень глупая головушка? Чуть вздумаю я дать вамъ совѣтъ больше кушать, чтобъ пополнѣть—сейчасъ является: «ахъ, перестань!». Скажу ли, что вамъ надо быть болѣе на воздухѣ, чтобъ поддурманить

наши печки—«ахъ, перестаны!»—тутъ какъ тутъ. Выводить людей изъ печальнаго настроенія надо силой! Гнать кислые мысли слѣдуетъ во что бы то ни стало, потому что такіе мысли бесполезны. Пойдемте, фрейлейнъ! Прописываю вамъ часъ занятія карикатурами. Вотъ альбомъ Оберлендера. Смотрите: рынокъ звѣрей въ Тимбукту. Видите этихъ черномазыхъ продавцовъ скота? А вотъ жирафъ вытуживаетъ направо и налево свою шею. (Комически представляетъ жирафа).

Агнеса. Да полно-жъ, Адольфъ.

Адольфъ. Что полно? Что ты находишь дурного въ томъ, что я немножко передразню жирафа? Рѣшительно сестрица моя слишкомъ степенная женщина! Представьте, фрейлейнъ Гертруда, что отъ благоговѣйнаго страха передъ ея степенностью у меня дѣлается иной разъ сильнѣйшій припадокъ астмы! (У входа звонятъ). Кто тамъ? (Уходить направо, чтобы открыть наружную дверь, и тотчасъ возвращается). Агнеса, ты будешь такъ добра... Это мой товарищъ по дѣламъ. Очень скучная личность, фрейлейнъ Гертруда. (Агнеса и Гертруда уходятъ въ среднюю дверь, которую Адольфъ заботливо за ними запираетъ. Затѣмъ возвращается къ лѣвой двери и говоритъ въ нее) Прощу, войдите. (Входитъ Лефлеръ).

Лефлеръ. Добраго здоровья.

Адольфъ. Вы хотите говорить съ моимъ братомъ?

Лефлеръ (мнетъ въ рукахъ шапку). Наперво хотѣлось бы сказать словечко вамъ.

Адольфъ. Не зоветесь ли вы Лефлеромъ?

Лефлеръ. Такъ точно,—зовусь Лефлеромъ.

Адольфъ. Вы, кажется, служили раньше въ мастерской профессора Крамптона.

Лефлеръ. Вѣрно.

Адольфъ. Такъ скажите мнѣ, гдѣ скрывается профессоръ теперь?

Лефлеръ. Объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось поговорить съ господиномъ Штрахеромъ.

Адольфъ. А, вотъ что!.. Но моего брата нѣтъ теперь дома, и потому вамъ придется обождать. Зажгите пока эту сигарочку да покурите на свободѣ. Усаживайтесь вотъ сюда... Садитесь, садитесь! А теперь встрясайте ваши вѣсти. Скажите, гдѣ скрывается профессоръ?

Лефлеръ (чешетъ въ затылкѣ). Да... видите ли, я не знаю, имѣю ли право сказать...

Адольфъ. Надѣюсь, во всякомъ случаѣ, что онъ не прыгнулъ въ воду?

Лефлеръ (попрежнему перъинительно). Нѣтъ, нѣтъ! До того не дошло. Да и не таковъ человѣкъ, чтобъ на такое дѣло пойти. Онъ вѣдь очень ужъ ученъ и потому такой штуки не выкинетъ. А главное... и вода...

Адольтъ. Ну, конечно, вода!.. (Смѣется). Понимаю: воды онъ не любитъ.

Лефлеръ. Нѣтъ, я правду говорю. До того не дошло, потому человѣкъ! Нѣтъ, нѣтъ, очень онъ благовоспитанъ. Кабы съ его-то умомъ да захотѣлъ онъ заняться! Будь такая голова у меня...

Адольтъ. Значить, во всякомъ случаѣ онъ живъ и, можно надѣяться, здоровъ?

Лефлеръ. Ну, конечно, живъ.

Адольтъ. Натурально. А гдѣ же онъ живетъ?

Лефлеръ. Гдѣ живетъ? Ну, вотъ этого-то я и не могу вамъ сказать! На это у меня свои причины! Нѣтъ, нѣтъ, нельзя.

Адольтъ. Такъ чего же вамъ надо отъ моего брата?

Лефлеръ. Отъ брата-то? Ну, тотъ профессора знаетъ! Съ нимъ объ этомъ дѣлѣ можно поговорить по душѣ. Этотъ грѣхъ я на свою душу беру. Потому видите, если кто услышитъ то, чтѣ я скажу, такъ у того человѣка сердце поворотится.

Адольтъ. Значить, профессору живется не очень сладко?

Лефлеръ (трогнутый). Нѣтъ, нѣтъ!—очень несладко.

Адольтъ. Ну, такъ послушайте, чтѣ я вамъ скажу. Вы можете довѣриться мнѣ вполне. Я готовъ сдѣлать для профессора все, чтѣ только въ моихъ силахъ.

Лефлеръ. Да нѣтъ, я все-таки поговорилъ бы лучше съ вашимъ братцемъ. На дорогу-то отвозилъ маленькую вѣдь я.

Адольтъ. Какую маленькую?

Лефлеръ. Какую! понятно, младшую дочку профессора.

Адольтъ. А! фрейлейнъ Гертруду. Конечно, конечно.

Лефлеръ. Вотъ объ ней-то я и хотѣлъ его поразспросить. Она, господинъ Штрелеръ, здѣсь вѣдь въ городѣ! Я недавно встрѣтилъ ее на улицѣ.

Адольтъ. И вы съ ней говорили?

Лефлеръ. Нѣтъ, несподручно было.

Адольтъ. Несподручно? Почему?

Лефлеръ. Она стала бы меня разспрашивать о папашѣ.

Адольтъ. Очень понятно. Но что-жъ изъ этого?

Лефлеръ. Вотъ тутъ-то мнѣ и нельзя было прогово-

риться. Это пойметъ всякій, кто увидитъ пору, въ какую закопался старикъ. Въ такія мѣста молодой дѣвушка ходитъ не слѣдъ. А во-вторыхъ, если я даже ее къ нему приведу, такъ меня морозъ подираетъ по кожѣ, какъ подумаю, какую онъ можетъ выкинуть штуку. Вѣдь краше маленькой Гертруды для него нѣтъ ничего на свѣтѣ, и потому, если я скажу ему, что она здѣсь, такъ можетъ выйти бѣда, какую и не разведешь. Посылаются разспросы: «Гдѣ она? что она?» Старикъ сойдетъ съ ума. (Встаетъ). У него вѣдь здѣсь нѣтъ ни родныхъ ни друзей. Онъ своихъ тестя съ тещей хоть и ругаетъ, но все-таки спокоенъ тѣмъ, что Гертруда живетъ у нихъ. А чужіе!.. Чужіе люди для него то же, что для быка красный платокъ.

Адольфъ. Вотъ вамъ кое-что на дорогу.

Лефлеръ. Премного благодаренъ.

Адольфъ. А теперь слушайте внимательно: въ шесть часовъ придите на почту и ждите отъ главнаго входа направо. Туда пришло я для свиданья съ вами моего брата. Онъ, я думаю, о фрейлейнъ Гертрудѣ кое-что знаетъ. (Звонитъ у входной двери). Пойдите, пойдите на минутку. (Запираетъ лѣвую дверь на задвижку и прислушивается. Слышно, какъ отворяютъ и запираютъ входную дверь. Кто-то проходитъ за сценой въ заднюю комнату. Адольфъ, услышавъ шумъ отворенной двери въ задней комнатѣ, быстро отворяетъ свою дверь и дѣлаетъ знакъ Лефлеру уйти, говоря) Такъ сегодня въ шесть. (Провожаетъ Лефлера и выпускаетъ его черезъ входную дверь; затѣмъ, возвратясь, беретъ и раскуриваетъ снова трубку, которую, взволнованный разговоромъ, отложилъ въ сторону. Въ эту минуту входитъ Максъ съ двумя пакетами какихъ-то вещей въ рукахъ и останавливается на серединѣ комнаты).

Адольфъ (со скрытымъ удовольствіемъ въ голосѣ). Живъ, цѣлъ и невредимъ?

Максъ. Кто живъ? Кто невредимъ? Профессоръ?

Адольфъ (притворно-изумленнымъ тономъ, какъ бы его поппал). Какой-такой профессоръ? А, да! Твой профессоръ Крамптонъ? Ну, тотъ долженъ быть недалеко.

Максъ (положивъ пакеты на столъ, говоритъ со вздохомъ). Кто знаетъ, кто знаетъ!

Адольфъ (продолжая курить, растягивается на диванѣ и беретъ въ руки газету). Что это ты притащилъ?

Максъ (развертывая пакеты). Это? Такъ—бездѣлка. Пара бронзовыхъ статуэтокъ.

Адольфъ. Для чего же онѣ, милый юноша, предназначаются?

Максъ. Для чего? Для моего собственнаго удовольствія.

Адольтъ. Порядочно дорогое удовольствіе!

Максъ. Почему дорогое? (Короткое молчаніе).

Адольтъ. Послушай!.. Вѣдь дѣло тутъ ясно. Пару совершенно такихъ же статуэтокъ видѣлъ я въ мастерской профессора. Такъ или нѣтъ?

Максъ. Кажется.

Адольтъ. Кажется и мнѣ. (Короткое молчаніе).

Максъ. Объясни мнѣ однако, Адольтъ, что значать такіе допросы? Думаю, что я имѣю право приобрести пару бронзовыхъ бездѣлушекъ.

Адольтъ. Ну, это само собой. Но мнѣ только подумалось... Покупать ты можешь, конечно, все, что тебѣ угодно, противъ этого я не скажу ни слова. Но я вспомнилъ, что вчера я случайно взглянулъ въ конторѣ на твой текущій счетъ.

Максъ. Вѣдь я устраниваю себѣ мастерскую. Ты самъ твердилъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ не днями, а годами, и ничего не имѣлъ противъ.

Адольтъ. О, нѣтъ! Противъ того, что было говорено, я ни слова. Но мнѣ кажется немного страннымъ и довольно безтактинымъ, что ты... Ну, да что тутъ молчать! — скажу прямо, что ты скупаешь всѣ вещи, какія были въ мастерской профессора.

Максъ (краснѣя). Откуда ты это узналъ?

Адольтъ. Слухомъ земля полнится. (Короткое молчаніе). Кое-что узнать, милый мой юноша, нетрудно. Поговоримъ серьезно: скажи мнѣ, какую ты собственно роль намѣренъ играть во всей этой исторіи?

Максъ (недовѣрчиво на него смотря). Въ какой исторіи?

Адольтъ. Исторія здѣсь одна.

Максъ. Я не знаю никакой.

Адольтъ. Однако я надѣюсь, что дѣло поставлено тобой на практическую почву?

Максъ. Ахъ, эти исторіи, эти практическія дѣла! Не знаю я никакихъ практическихъ дѣлъ!

Адольтъ. Можетъ-быть, я долженъ выразиться прямѣй, назвавъ это дѣло—дѣломъ спасенія; или тебѣ, можетъ-быть, пріятнѣе будетъ, если я назову его дѣломъ любви?.. Выражаясь общими именами, скажу: дѣло Крамптона!

Максъ. Я давно замѣчалъ, что ты не можешь говорить объ этомъ вопросѣ иначе, какъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой.

Адольтъ. Почему же съ презрѣніемъ? Хотѣлось бы мнѣ

это узнать. Я просто желаю, чтобъ ты ясно сознавалъ, что затѣваешь. Ты нанялъ себѣ квартиру въ три тысячи марокъ.

Максъ. При двухъ мастерскихъ это недорого.

Адольфъ. Прекрасно. Пойдемъ дальше. Значитъ, ты намѣренъ жить вмѣстѣ съ благороднымъ страдальцемъ?

Максъ. Съ благороднымъ страдальцемъ? Это кто благородный страдалецъ?

Адольфъ. Оставимъ, милый юноша, подробности и поговоримъ о главномъ. Главное же заключается въ томъ, что ты намѣренъ его спасать. Ты выешь ему теплое гнѣздо. Воображаешь, что, хозяйничая вмѣстѣ и въ то же время оставаясь самостоятельными, вы будете жить въ нѣжномъ согласіи?

Максъ. Развѣ ты считаешь это слишкомъ глупымъ, Адольфъ?

Адольфъ. Дай мнѣ договорить. Самъ по себѣ проектъ прекрасенъ. Идея очень мила. Но если этотъ благородный страдалецъ... если онъ не можетъ нигдѣ и никакъ отстать... отъ своей привычки питаться только жидкостями...

Максъ. Тяжело, сознаюсь, мнѣ на это тебѣ отвѣтить. Человѣкъ этотъ презираемъ. Въ него бросаютъ камни. Оскорбляетъ его первый встрѣчный негодяй. Но скажу тебѣ, что я его знаю и готовъ за него поручиться! Смѣйся надо мною сколько хочешь, но я повторю еще, что готовъ за него поручиться душой и тѣломъ! Послушай, что говорятъ о немъ люди, знающіе хорошо его жизнь. Его эксплуатировали, высасывали изъ него все, что только было возможно. Высасывали, какъ пилвки! Совершенно неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, остается онъ добродушенъ, довѣрчивъ...

Адольфъ. Расчеты въ житейскихъ дѣлахъ у него дѣйствительно слабы.

Максъ. Расчеты въ житейскихъ дѣлахъ слабы; но зато въ немъ есть нѣжныя сильныя стороны. Чего онъ отъ жизни требуетъ? Единственно покоя да еще небольшого вниманія со стороны близкихъ людей, которые защищали бы его отъ мелкихъ ежедневныхъ заботъ. Разъ это у него будетъ, я за него поручусь во всемъ.

Адольфъ. Будемъ надѣяться, что ты не обманываешь себя мечтой.

Максъ. Я себя не обманываю и обмануться не могу. Ты послушай только, что рассказываетъ фрейлейнъ Гертруда. Больше всего натерѣлся онъ отъ жены. Личность

безсердечная, пустая, надменная, а сверхъ того глупая и зараженная дворянскимъ чванствомъ...

Адольфъ. Это все рассказывала фрейлейнъ Гертруда?

Максъ. Ну, хоть не прямо; но смыслъ выдѣлялся самъ собой.

Адольфъ. Положимъ, смыслъ выдѣлялся самъ собой. Но вотъ что спрошу я тебя, Максъ. Обдумалъ ли ты этотъ вопросъ основательно? Ясны ли для тебя причины твоего рѣшенія?

Максъ. Ахъ, я не терплю вымогательныхъ разспросовъ.

Адольфъ. Ну, послушайте, что онъ говоритъ!—«вымогательныхъ разспросовъ»! Я человѣкъ простой и интересуюсь изучить основныя причины поступковъ человѣка гениальнаго, а онъ называетъ это вымогательствомъ! Нѣтъ, мой милый, вымогательство совсѣмъ иная вещь. Вотъ если-бъ я вадумалъ выпытывать у тебя свѣдѣнія о почтенномъ тестѣ, или сталъ разспрашивать о днѣ свадьбы, или наконецъ даже о томъ, любить ли она тебя? Сознаться, что вѣдь даже и этотъ вопросъ окончательно не рѣшенъ. Кто знаетъ, не обручена ли она ужъ давно съ другимъ?.. Потому выслушай меня, — но только серьезно! Если хочешь достигъ счастливаго успѣха, будь сдержаннымъ! Сдержанность лучшее средство для привлеченія. Дѣлай видъ, что въ груди твоей заложена мірская скорбы! Понимаешь? Побѣждаютъ дѣвчонокъ этимъ лучше всего.

Максъ (все время слушавшій брата съ выраженіемъ несогласія, заткнувъ пальцами уши и ежеминутно порываясь его прервать, открываетъ вдругъ въ эту минуту уши и поклоняется яростно). Дѣвчонокъ! Какихъ дѣвчонокъ? Она не дѣвчонка!

Адольфъ. Хо-хо!.. Знаешь, мой милый, вѣдь это, наконецъ, становится глупо!.. (Оба, взглянувъ другъ на друга, разражаются искреннимъ смѣхомъ).

Максъ. Нѣтъ, Адольфъ. Для тебя рѣшительно нѣтъ ничего святаго.

Адольфъ (сильясь громкимъ и, повидимому, безпричиннымъ смѣхомъ). Нѣтъ, какъ только вспомню мое первое посѣщеніе уважаемаго тестя! (Передразниваетъ съ преувеличеннымъ комизмомъ манеру и рѣчь Крамптона) «Что вы думаете? Что? Вы говорите, что вы опекуны! Вы хотите меня погубить! Есть ли у мальчишекъ талантъ? Да его нѣтъ у меня самого! Что вы думаете? Я не пью! я не могу гадать по внутренностямъ». (Запылавшись и передохнувъ отъ своей рѣчи, продолжаетъ смѣяться). Благородный страдалецъ не можетъ гадать по внутренно-

стямъ! Удивительное это было свиданіе! (Немного помахавъ) Гдѣ же, однако, скрывается профессоръ теперь?

Максъ. О, если-бъ я это зналъ, то чувствовалъ бы себя гораздо лучше.

Адольфъ. Значить, ты не нашелъ никакихъ слѣдовъ?

Максъ. Ни малѣйшихъ. Въ академіи не узнаешь ничего. Фактотума его Лѣфлера не сыщешь нигдѣ. Словомъ, никакихъ вѣстей ни изъ дома ни съ улицы. Я готовлюсь къ самому худшему.

Адольфъ. Дѣйствительно надо скрѣпиться духомъ.

Максъ. Ну, вотъ видишь, вотъ видишь! Ты говоришь это самъ! прежде ты только смѣялся, а теперь страхъ разбираетъ тебя самого! Помнишь, что я тебѣ говорилъ на второй день? Надо готовиться къ худшему! Повторяю, что онъ въ состояніи застрѣлиться или броситься въ воду. Ты тогда только смѣялся мнѣ въ отвѣтъ и убаюкивалъ меня надеждами. Ты клялся...

Адольфъ. Нѣтъ, я ни въ чемъ не клялся.

Максъ. Клялся, клялся! Пусть снимутъ съ меня голову, если не такъ! И вотъ до чего мы дошли! Я, какъ дуракъ, рыщу вездѣ и строю Богъ знаетъ какіе воздушные замки.

Адольфъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ покупаешь дорогія вещи.

Максъ. Ты о парѣ статуэтокъ? Объ этомъ вздорѣ не стоить говорить. Вотъ если-бъ познергичнѣй взялся за это дѣло ты, такъ было бы лучше. Ты постоянно хвастаешь своей находчивостью и практичностью. Но скажу вамъ, дѣти мои, что если съ нимъ что-нибудь случится, такъ ищите меня! Все это длилось слишкомъ долго. Увидите сами, что будетъ со мной!

Адольфъ (покачываясь со смѣху, напрасно старался нѣсколько разъ его прервать). О, Господи, Господи! Что же дѣлать? Приди въ себя! Утѣшись! Скажу тебѣ, что вѣдь онъ нашелся! Я искалъ его давно. Вся исторія давно кончилась.

Максъ (остолбенѣвъ, останавливается, затѣмъ, бросившись къ Адольфу, съ силой трясетъ его за плечи). Говори, злодѣй, говори!..

Адольфъ. Да что-жъ мнѣ еще тебѣ говорить?

Максъ (въ восторгѣ начинаетъ плясать, таская съ собой и Адольфа). Молодецъ, молодецъ! (Выпустивъ изъ рукъ Адольфа, падаетъ на диванъ). А, въ какомъ я неописанномъ восторгѣ!

Адольфъ (изнеможенный). Молодъ ты еще, Максъ! очень молодъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маленькая комната въ такъ-называемыхъ меблированныхъ номерахъ. Меблировка состоитъ изъ дешевого дивана, расшатаннаго стола, желѣзнаго умывальника, пары дешевыхъ гипсовыхъ бюстовъ. Надъ диваномъ виситъ олеографическая картина. Въ углу изразцовая печь. На задней и на правой стѣнахъ двери. Профессоръ Крамптонъ лежитъ на диванѣ съ головой, обвязанной мокрымъ полотенцемъ въ видѣ чалмы, и играетъ въ карты съ двумя молодыми людьми. Онъ одѣтъ въ поношенный халатъ. За спиной его заложена пуховая подушка, а возлѣ стоитъ на табуретѣ чашка съ водой. На столѣ нѣсколько до половины выпитыхъ пивныхъ стакановъ. Оба его партнера, Штенцель и Вейсбахъ—молодые люди отъ двадцати восьми до тридцати двухъ лѣтъ. Выраженіе ихъ лицъ обнаруживаетъ среднюю полубразованность. Шляпы и верхнее платье обоихъ брошены на стулъ. Итальянскій широкій плащъ профессора, а также широкополая художническая шляпа и феска повѣшены на средней двери. Груды книгъ и старинныхъ рукописей на стульяхъ и даже на полу. На столѣ вѣстѣ съ пивными стаканами лежитъ мандолина. Времѣ около шести часовъ пополудни. На столѣ горитъ лампа. Игроки сильно курятъ.

КРАМПТОНЪ (папѣваетъ). *Sul mare luccical..* (Выпадаетъ партой). Вотъ вамъ! вотъ вамъ!.. Благодарю. Съ меня довольно... *Sul mare luccical..*

ВЕЙСБАХЪ. Сдавай, Штенцель.

ШТЕНЦЕЛЬ. Господинъ профессоръ, скоро шесть. Намъ пора уходить.

ВЕЙСБАХЪ. Вѣрно. Сегодня вечеромъ актъ.

КРАМПТОНЪ (тасуетъ карты, нескладно папѣваетъ). «Человѣкъ свободный я и пою на волѣ!»... Вы точно хотите уходить? Актъ продлится отъ шести до восьми. Не вернетесь ли въ восемь снова?

ВЕЙСБАХЪ (указывая на Штенцеля). Онъ живетъ, господинъ профессоръ, съ своей матерью. А она давать ему ключъ отъ входной двери больше не хочетъ.

КРАМПТОНЪ (небрежно). Разстаньтесь съ вашей матерью, Штенцель, разстаньтесь! Я тоже развожусь съ женой. (Бросаетъ карты). Значитъ, мы кончили... Вернитесь же въ восемь часовъ. Только не опаздывать! (Одушевляясь) У меня есть для васъ парочка забористыхъ вещей. Парочка драгоцѣнныхъ новеллъ Боккачіо. Истинно чудныя вещицы! Вы, конечно, знаете Боккачіо? Этого божественнаго гуляку? Какъ! Но знаете? Ну, тогда остается только зарыть васъ, провинціаловъ, въ могилу.

ШТЕНЦЕЛЬ. Боккачіо, господинъ профессоръ, кажется намъ слишкомъ безправственнымъ.

Крамптонъ (смысь). Отличнал отговорка, любезный Штенцель. Скажите лучше, что онъ для васъ слишкомъ изысканъ. Вашему желудку нужны горохъ и свиннина. У васъ, провинціальной молодежи, вкусы гориллы, именно гориллы... Ну, впрочемъ, идите. (Добродушно смысь) Не прогуляйте срока! Нельзя же вамъ опоздать лвкой въ ваше дрессировочное учрежденіе. (Смыется). Иначе придется отсидѣть. Потѣха да и только! (Штенцель и Вейсбахъ, смысь, надѣваютъ свои пальто. Входитъ козельерша Зельма. Черезъ отворившуюся дверь видны бильярдъ и гости, натирающіе мѣломъ кн).

Крамптонъ (взявъ мандолину, начинаетъ съ жаромъ и чувствомъ играть и напѣвать первую строфу Santa Lucia). Вотъ какъ воркуютъ, милѣйшая Зельма, въ Италіи! А здѣсь, у васъ, вѣдь орутъ какъ на базарѣ! (Повторяетъ послѣдній стихъ). Принесите-ка мнѣ что-нибудь выпить да покурить. (Молодымъ людямъ) Больше дѣлать вѣдь ничего не остается! Куришь да пьешь, куришь да куришь весь день съ утра.

Зельма (убирая стаканы и вытирая столъ). Вы слишкомъ много курите, господинъ профессоръ. Цѣлый день и цѣлую ночь.

Крамптонъ (разочарованно). А что же мнѣ больше дѣлать? Куришь, читаешь да полощешь себя пивомъ! Кстати, любезный Штенцель, прошу, принесите книгъ, книги! Вы сказали, что у васъ есть старыя «Гартенлаубе», иллюстраціи и т. д. Песите все, что найдется. Я буду благодаренъ за все. Мени хоть хлѣбомъ не корми, только дай что читать! (Снимаетъ съ головы повязку). Вы, молодые художники, мало читаете! Вы невѣжды самаго низшаго разбора. Въ вопросахъ о Богѣ и вселенной не смыслите ничего. Читали вы Свифта? Нѣтъ? Знаете Смоллета, Тэккерел, Диккенса? Знаете ли, что существовалъ человѣкъ, Байронъ по имени, написавшій «Кайна»? Читали Гофмана? Невѣжды вы, невѣжды послѣдняго сорта!

Зельма (убравъ пустые стаканы и возвратясь съ полнымъ, напѣваетъ).

Жила красотка Альма,
Всѣмъ голубкомъ казалась,
Когда-жъ я къ ней пернузся,
Такъ вѣдьмой оказалась.

Вейсбахъ. Прощайте, господинъ профессоръ. Общаеамъ вамъ исправиться.

Штенцель. Чуть не забылъ, господинъ профессоръ, вамъ сказать, что вчера кто-то справился, гдѣ вы живете.

Крампитонъ (прохаживается, напѣвая). «Не живу я нигдѣ, не живу я нигдѣ!», мой милѣйшій.

Штенцель. Я отвѣтилъ на вопросъ, что мѣсто вашего жительства мнѣ неизвѣстно.

Крампитонъ. Вѣрно, Штенцель, вѣрно. Я не живу нигдѣ... А кто обо мнѣ спрашивалъ?

Вейсбахъ. Вы его знаете. Это уволенный ученикъ Штралеръ. Онъ спрашивалъ о васъ и меня.

Крампитонъ (вспыливъ). И чтѣ только этимъ людямъ отъ меня нужно! Неужели они не могутъ оставить меня въ покоѣ? Всего хорошаго, Штенцель! Всего хорошаго, Вейсбахъ!

Штенцель и Вейсбахъ. Прощайте, господинъ профессоръ.

(Вейсбахъ, уходя, шипитъ Зельму за локоть).

Зельма. Ахъ, убирайся ты, обезьяна, домой!

(Штенцель и Вейсбахъ уходятъ, смѣясь. Слышно, какъ въ смежной ресторационной залѣ играютъ на бильярдѣ).

Крампитонъ. Надоѣдливый дуракъ! Страшно надоѣдливый!.. А тебя, дитя мое, мнѣ жалко. (Снимаетъ халатъ и надеваетъ бархатный пиджакъ).

Зельма. Меня? Почему?

Крампитонъ. Правится тебѣ такая жизнь?

Зельма. Чтѣ станешь дѣлать!

Крампитонъ. Въ этомъ-то и вопросъ.

Зельма (говоритъ медленно). А вотъ васъ, господинъ профессоръ, такъ мнѣ жалко.

Крампитонъ. Меня? Ха-ха! Того лучше! (Нетерпѣливо) Ступай, ступай! Убирайся во-свояси!

Зельма. Человѣку, какъ вы, слѣдовало бы оставить такую жизнь. И вы могли-бъ это сдѣлать, если-бъ захотѣли. Но вы вмѣсто того только губите свое здоровье.

Крампитонъ (съ трагикомическимъ отчаяніемъ). О, *dio mio!* (Грустно покачиваетъ головой). Уходи однако прочь — я хочу спать. (Ложится на диванъ. Зельма уходитъ. Въ сосѣдней комнатѣ раздается грубое кабацкое пѣніе. Въ дверь нѣсколько разъ стучать, и послѣ того, какъ Крампитонъ не отвѣчаетъ, средняя дверь до половины отворяется снаружи и чрезъ нее выглядываютъ нѣсколько красныхъ добродушныхъ рожекъ. Затѣмъ входитъ человѣкъ съ блѣднымъ вульгарнымъ лицомъ, въ вилзанныхъ туфляхъ, грязномъ бѣлѣи и платьѣ. Это содержатель ресторана Каснеръ).

Каснеръ. Прошу, господинъ профессоръ, меня извинить...

Крампитонъ (встрепаенувшись спросонокъ). Чтѣ? Въ чемъ долженъ я васъ извинить?

КАСПЕРЪ. Тамъ... нѣсколько господъ. Они желали бы удостоиться чести... Можетъ-быть, господинъ профессоръ будетъ любезенъ, что не откажется осушить съ ними стаканчикъ.

КРАМПТОНЪ (рѣзко). Что это за господа?

КАСПЕРЪ. Небольшая компанія, господинъ профессоръ! (Входятъ Кунце и Зейфертъ, два толстыхъ филлистера).

ЗЕЙФЕРТЪ. Вы извините насъ, господинъ профессоръ! Мы узнали о вашемъ здѣсь присутствіи. А мы сегодня въ такомъ хорошемъ расположеніи духа... въ такомъ хорошемъ... и притомъ собрались вмѣстѣ, а потому и осмѣлились учтиво васъ просить...

КРАМПТОНЪ. Развѣ вы меня знаете?

ЗЕЙФЕРТЪ. Конечно, вы, господинъ профессоръ, такой великій художникъ, такой мастеръ дѣла, а я простой маляръ, но... вѣдь мы всѣ люди! (Растроганнымъ голосомъ) Слажу, что у кого доброе, вѣрное сердце... А вѣдь доброе сердце главное дѣло! Потому, можетъ-быть, вы не сочтете наше общество для васъ слишкомъ низкимъ и согласитесь сегодня вечеромъ насъ посѣтить съ тѣмъ, чтобъ осушить стаканчикъ и съ нами чокнуться, несмотря на то, господинъ профессоръ, что мы простые маляры.

(Въ это время къ дверямъ подошли еще нѣсколько посѣтителей и кельнерша. Всѣ со смѣхомъ смотрятъ на происходившее).

КУНЦЕ. Вамъ нѣтъ причины, господинъ профессоръ, насъ стыдиться. Мы люди хоть и простые, но искусствовуважаемъ.

КРАМПТОНЪ (равнодушнымъ и небрежнымъ, пѣвидному, голосомъ). Что-жъ! Я не имѣю ничего противъ, ничего противъ!

(Раздается «браво». Зрители у дверей аплодируютъ тоже. Кунце съ Зейфертомъ подхватываютъ Крамптона подъ руки и съ триумфомъ водятъ его при повторяемыхъ крикахъ: «браво» въ сосѣднюю комнату).

КАСПЕРЪ (бѣжать вслѣдъ). Они васъ ублажаютъ, господинъ профессоръ, хорошо ублажаютъ! У этихъ ребятъ деньги водятся, хорошія деньги!

(Коротко повторяются многими голосами крики: «браво». Въ это время правая дверь открывается и вновь запирается снаружи. Входятъ Лёфлеръ и Максъ Штрэлеръ).

ЛЁФЛЕРЪ (пропуская Макса впередъ). Прошу, войдите, господинъ Штрэлеръ.

МАКСЪ (осматриваясь). Такъ вотъ здѣсь живетъ профессоръ?

ЛЁФЛЕРЪ. Слышите этотъ погромъ? Такой дымъ коромысломъ идетъ съ шести часовъ вечера до шести-семи утра. Срамъ да и только!

Максъ. Но скажите, любезный Лефлеръ, ради чего же онъ посадилъ себя въ такую пору?

Лефлеръ. Это я вамъ сейчасъ скажу. Бѣда въ томъ, что мы задолжали здѣшнему хозяину мало не шестьдесятъ марокъ. Такъ вотъ онъ и ухватился за профессора, чтобы не потерять своихъ денегъ. У него былъ расчетъ на профессорскую родню. Да, кажется, расчетъ-то оказался плохонать, и онъ начинаетъ замѣчать, что придется, пожалуй, на этой затѣѣ профершипиться. Профессоръ живетъ здѣсь ужъ дней восемь, а между тѣмъ ни одинъ пѣтухъ не прокурикалъ до сихъ поръ даже его имени. Кто знаетъ, когда и чѣмъ это кончится!

Максъ. А гдѣ же профессоръ теперь?

Лефлеръ. Гдѣ? тамъ, въ трактирной залѣ. Вы—только слушайте меня. Смекаете ли вы хозяйскій расчетъ? Не удалось въ одномъ, такъ онъ хочетъ навѣстать на другомъ. Онъ теперь дѣлаетъ изъ профессора приманку для своихъ гостей.

Максъ. Ну, такъ слушайте меня. Во-первыхъ, вотъ вамъ деньги. Покажѣте спрячьте ихъ. (Даетъ ему ассигнацію). А затѣмъ прежде всего заплатите профессорскіе долги. Онъ непременно долженъ выхвать изъ этой трущобы.

Лефлеръ. Да, но видите, въ чемъ дѣло: онъ вѣдь упрямъ. Вы не можете себѣ представить, что это за голова! Если онъ въ нее что-нибудь себѣ вобьетъ, то ужъ дѣлать тутъ нечего! Не выбьете ничѣмъ... Да! будь у него немножко иная голова—другое было бы дѣло. Вѣдь ужъ, кажется, всякій пойметъ, что здѣсь кабакъ. Пиво льется съ утра до вечера, а онъ здѣсь сидитъ! Если-жъ ему что-нибудь нужно, такъ онъ только кликнетъ дѣвчонку; а та отъ него безъ ума. Все, что бы онъ ни потребовать, она спроворитъ вмигъ. Если даже не дастъ пива хозяинъ, она молчкомъ вытрясетъ деньги изъ собственнаго кармана. Потому онъ и обрѣтается вѣчно въ подпитіи. Посудите сами, что изъ этого можетъ выйти? Я вамъ говорю, если мы даже попробуемъ доставить профессору какое-нибудь мѣсто, онъ и надъ этимъ только посмѣется! Очень ужъ гордъ человекъ. Если-бъ не былъ такъ гордъ... Вѣдь многіе сюда приходили, предлагая помочь. А что съ нимъ подѣлаешь! Кто ни придетъ,—онъ за дверь выпроводитъ. (Голоса за сценой приближаются къ двери). Вотъ и теперь навѣрно выругается за то, что я привелъ сюда васъ. Ну, да ничего! Пусть ругается. (Крамptonъ входитъ въ сопровожденіи Зейферта, который за нимъ ухаживаетъ). Здравствуйте, господинъ профессоръ!

Крамптонъ. Здравствуй, любезный! Ступай туда да вели пафнуть себя пивца. (Лейфьеръ уходитъ. Крамптонъ обращается къ Максу). Вы ученикъ?

Максъ (держась въ темномъ углу комнаты). Точно такъ—ученикъ.

Крамптонъ. Обождите немного.

Зейфертъ (горячо). Да, да, господинъ профессоръ! Если-бъ мы стали вести дѣло сообща, такъ скажу вамъ, что у меня дѣло первоклассное!—можете этому повѣрить. Лишь бы мы были другъ другомъ довольны! Денежекъ перепадетъ вамъ въ такомъ случаѣ больше, чѣмъ надо! Берусь за себя отвѣтить, что я поставленъ недурно.

Крамптонъ (нетерпѣливо). Вѣрю вамъ, вѣрю.

Зейфертъ. Да, да, господинъ профессоръ,—и поставленъ недурно! Можете справиться обо мнѣ, гдѣ хотите, гдѣ хотите! У меня лучшія рекомендаціи, господинъ профессоръ. Мы можемъ исполнять и художественные заказы; и если будемъ дѣйствовать единодушно—о!—много тогда можетъ выйти хорошаго! Предиримемъ хорошія дѣла! Вотъ хоть теперь въ Гёрлицѣ требуется расписать концертную залу.

Крамптонъ (съ возрастающимъ нетерпѣніемъ). Ну да, ну да, мой милый. Я обдумаю это дѣло за ночь. Если будетъ время, то почему не согласиться. Посмотришь, посмотримъ! До завтра, значить?

Зейфертъ. Прошу взглянуть на дѣло благосклонно. До завтра!

Крамптонъ. Да, да. Ждите хорошаго.

(Зейфертъ уходитъ съ поклономъ).

Максъ (выходя немного впередъ). Добрый вечеръ, господинъ профессоръ. Надѣюсь, вы позволите мнѣ освидомѣться о вашемъ здоровьѣ.

Крамптонъ (недовольнымъ тономъ, лежа на софу). Если желаете. Кто вы такой?

Максъ. Мое имя Штрэлеръ.

Крамптонъ. Ну да, да, Штрэлеръ. Вы, вѣроятно, живописецъ?

Максъ. Такъ точно, господинъ профессоръ. Было время, когда я работалъ у васъ.

Крамптонъ. А, да! Помню!.. Штрэлеръ? Штрэлеръ? Это, значить, было въ дрессировочномъ учрежденіи, когда я еще волочилъ тамъ свое время? Скажу вамъ, дражайшій, что память объ этомъ времени порядочно улетучилась изъ моей головы. Впрочемъ, вспомнилъ, вспомнилъ! Васъ вѣдь

оттуда исключили, у васъ былъ кой-какой талантъ? Не правда ли? Вотъ за это васъ и исключили.

Максъ. Признано было дѣйствительно за лучшее меня исключить.

Крамptonъ. Вы тогда часто бывали въ моей мастерской. Хорошая это была мастерская, уютная. Не правда ли, уютная? Я понеминому успѣлъ въ ней кое-что собрать. Помните мой готическій ларь? А мейсенскіе фарфоры?

Максъ. О, помню прекрасно.

Крамptonъ. А чудныя бронзы? У каждой вещи была своя исторія. Ну, да все равно! Пропало, такъ пропало! Они обобрали у меня все. Я покамѣстъ поселился здѣсь... Конечно, скверно, но все-таки сносно! Правда, немного темно, но все-таки сносно!.. Какъ, вы сказали, ваше имя?

Максъ. Меня зовутъ Штрэлеръ.

Крамptonъ. Штрэлеръ, Штрэлеръ. (Короткое молчаніе).

Максъ. Я, господинъ профессоръ, явился съ намѣреніемъ спросить, не могу ли быть чѣмъ-нибудь вамъ полезнымъ? Я...

Крамptonъ. Не могу, право, сказать вамъ сразу, но, впрочемъ, если вы, мой милый, хотите для меня что-нибудь сдѣлать, то принесите книгъ. Я читаю почти постоянно. У меня безсонница, и я буду вамъ крайне благодаренъ. Если желаете, могу дать вамъ рекомендаціи въ Веймаръ, въ Вѣну. У меня прекрасныя связи вездѣ.

Максъ. Позвольте узнать, имѣете ли вы какія-нибудь извѣстія о вашей дочери, господинъ профессоръ?

Крамptonъ (быстро вскочивъ съ софы. Коротко и отрывисто). Что вамъ за дѣло, молодой человѣкъ, до моей дочери?

Максъ. Вы, можетъ-быть, помните, господинъ профессоръ, что въ недавнее время вы мнѣ оказывали знаки очень большого довѣрія.

Крамptonъ (потеревъ лобъ). Ахъ, да, да! Помню! То-есть...

Максъ (скромно, но съ твердостью). Я полагалъ потому, господинъ профессоръ, что ваше ко мнѣ вниманіе давало мнѣ право говорить о вашей дочери.

Крамptonъ. Хорошо, хорошо, согласенъ! Но все-таки прошу, сдѣлайте мнѣ удовольствіе... Вы видите, какая здѣсь атмосфера... Потому не говорите о моей дочери, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ...

Максъ. Въ этомъ мѣстѣ?.. Исполню, господинъ профессоръ. Но въ такомъ случаѣ, позволяю себѣ спросить, въ какомъ же другомъ мѣстѣ могу я себѣ позволить этотъ разговоръ?

Крамptonъ. Да лучше всего нигдѣ! Лучше всего нигдѣ.

Максъ. Извольте,—если вы этого желаете. Но я хотѣлъ бы задать вамъ другой вопросъ. Почему?.. высказать это довольно трудно! Однимъ словомъ, мнѣ очень больно видѣть, что вы живете здѣсь въ какой-то тѣсной, темной норѣ, гдѣ нѣтъ достаточно свѣта даже для работы и гдѣ вы губите ваше здоровье... Не позволите ли вы, господинъ профессоръ... Увѣряю васъ, что вы меня ослѣпшили-бъ и заставили гордиться, если-бъ я что-нибудь успѣлъ сдѣлать для человѣка, котораго чту и уважаю, какъ васъ, господинъ профессоръ! Скажите-жъ, рѣшаетесь ли вы оказать мнѣ ваше довѣріе?

Крамptonъ (нѣсколько мягче, но все еще тономъ отказа). Да чтѣ же вы, любезный другъ, обо мнѣ думаете? Я живу здѣсь потому, что мнѣ такъ нравится! Обстановку нахожу я очень сносною. Бѣда лишь въ томъ, что у меня отобрали весь мой рабочій матеріалъ. Не будь этого, можно было-бъ здѣсь немного и поработать.

Максъ. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, доставить вамъ необходимый матеріалъ.

Крамptonъ. О, да, милый мой, да! Сдѣлайте это. Я хорошему не препятствую. Но видите: бѣда въ томъ, что я усталъ! Заказы сыплются на меня со всѣхъ сторонъ, а я усталъ! Вотъ, напримѣръ, предстоитъ расписать концертную залу. Заказчикъ пристаётъ! Я задумалъ для плафона круглое панно. Нѣчто изъ первобытной природы. Мнѣ воображается море, океанъ, возмущенный бурей! По срединѣ скала; на нее карабкаются и дерутся между собой гиганты, а изъ трещинъ вырывается клубами пламя! Какое? Чтѣ скажете? Скажете ли, что я сталъ старой клячей? Что у меня опилки въ головѣ? (Приходить въ экстазъ). Пусть-ка лягутъ да создадутъ что-нибудь подобное эти пачкуны, эти пирожники дрессировочной академіи! (Ходитъ въ волненіи).

Максъ. Поймите ли вы, господинъ профессоръ, моего брата?

Крамptonъ. Этого толстаго лавочника? Но такъ ли?

Максъ. Именно, господинъ профессоръ, толстаго лавочника. У меня есть еще сестра... Она живетъ съ братомъ вмѣстѣ.

Крамptonъ (разсѣянно). Вотъ какъ? Очень радъ, очень радъ! Ну, и что-жъ? уживаются дружно?

Максъ. Не жалуются, господинъ профессоръ.

Крамptonъ. Это хорошо; крайне меня радуетъ.

Максъ. Я завелъ рѣчь о моей сестрѣ, господинъ про-

фессоръ по той причинѣ, что... ей... хотѣлось бы обратиться чрезъ меня къ вамъ съ одной просьбой.

Крамptonъ (въ себя). Господи помилуй! Ужъ не написать ли ей портретъ? Нѣтъ, дражайшій! Учиво благодарю и отказываюсь! Трактирнаго хозяина я напишу за пятьдесятъ пфенниговъ, торговку зеленью намалюю за горшокъ соленыхъ огурцовъ; но настоящій портретъ, мой милѣйшій, стоитъ шестьсотъ талеровъ! Ни гроша больше, ни гроша меньше. Я не могу себя обезцѣнивать. Потому, если согласны, то я къ вашимъ услугамъ.

Максъ (вскочивъ, крѣпко сжимаетъ ему руку). Слово и дѣло, господинъ профессоръ.

Крамptonъ. Да вы говорите это въ здоровомъ умѣ?

Максъ. Совершенно. Дѣло идетъ о подаркѣ, господинъ профессоръ. Мой братъ Адольфъ...

Крамptonъ. Да вѣдь рѣчь шла о сестрѣ.

Максъ (съ замѣшательствомъ). Ну да! Съ сестры будетъ писаться портретъ.

Крамptonъ. И братъ его заказываетъ?

Максъ. Именно: братъ заказываетъ.

Крамptonъ. Ну, если дѣло стоитъ такъ, любезный Штрэеръ, и вы говорите серьезно... (съ дурно скрываемой радостью) то, конечно, сердиться мнѣ причины нѣтъ.

Максъ. А теперь, господинъ профессоръ... я все-таки долженъ... передать вамъ поклонъ отъ вашей дочери.

Крамptonъ (встрепенувшись и стараясь скрыть отъ Макса свое волненіе). Съ чего завели вы опять объ этомъ рѣчь?

Максъ (съ разстановкой). Вы такъ строго скрывали свой адресъ, что фрейлейнъ Гертрудѣ поневолѣ пришлось обратиться ко мнѣ.

Крамptonъ. Вы въ сношеніяхъ съ моей дочерью?

Максъ. Въ сношеніяхъ... то-есть это значить, господинъ профессоръ, что я единственный человѣкъ, чрезъ котораго фрейлейнъ Гертруда надѣялась что-нибудь узнать о васъ.

Крамptonъ. Тайно отъ меня? тайно отъ меня? Что-жъ это значить?

Максъ. Значить... собственно говоря... сколько я могъ замѣтить—мысль поѣздки къ дѣдушкѣ и бабушкѣ вовсе не была для фрейлейнъ Гертруды привлекательна, и потому...

Крамptonъ (горько усмѣхался). Охотно этому вѣрю, охотно вѣрю! Зачѣмъ дѣлать для бѣднаго ребенка адъ жарче самого ада. Воображаю, что стануть тамъ валить на голову

ся отца! Охотно вѣрю! Вѣчный вопль: «распни его, распни! А если несогласна—такъ погибель и тебѣ!» О, милые родственники! Добрыя души! Бабушка ангелъ! Жена моя тоже ангелъ! Небесный ангелъ! Впрочемъ, ну ес!..

Максъ (помолчавъ). Я знаю также, что фрейлейнъ Гертруда всѣмъ сердцемъ жаждетъ съ вами увидѣться и васъ посѣтить, господинъ профессоръ.

Крамptonъ. Не могу на это согласиться! Не могу! Вы поймете это сами. Вы видите, какую я веду жизнь!.. собачью! Для меня лично все равно, такъ это или иначе. Я схороненъ, зарытъ! Но принять здѣсь ее — не могу! Не могу, любезный Штрелеръ.

Максъ. Потому сестра моя и поручила мнѣ обратиться къ вамъ съ сердечной просьбой! позвольте ей взять фрейлейнъ Гертруду къ себѣ.

Крамptonъ (снова вспыхивъ). Ну вотъ еще, вотъ еще! Это что за вздоръ! Нѣтъ, нѣтъ, дражайшій, этого нельзя! Предпринять дальнее путешествіе, хоть бы даже зимой, все-таки лучше, все-таки лучше...

Максъ. Вы могли бы легко убѣдиться въ противномъ, если-бъ согласились посѣтить насъ хоть одинъ разъ. Фрейлейнъ Гертруда была бы принята моею сестрой съ распростертыми объятіями; онѣ знакомы другъ съ другомъ, какъ товарки по консерваторіи.

Крамptonъ. Ахъ, повѣрьте, любезный Штрелеръ, я нимало въ этомъ не сомнѣваюсь. (Растроганный, едва можетъ говорить). Конечно, легко понять, что я радъ былъ бы видѣть дитя мое возлѣ себя. Вѣдь вы еще не знаете, что это за существо! Какая у нея умная головка! Какъ эта дѣвочка — совершенная еще дѣвочка — основательно судить. Какая она смѣлая! Бывало, вѣдь она со мной даже ссорилась. Намилить, бывало, мнѣ голову, — увѣряю васъ! Но зато какъ сердечно она меня любила! Какъ меня защищала! Точно маленькій тигренокъ! (Вынимаетъ изъ кармана фотографическій портретъ Гертруды) Вотъ ея головка: прелестная головка! Да! Дѣвочка основательная.

Максъ. Скажите, господинъ профессоръ, одно слово, и она будетъ здѣсь.

Крамptonъ. Одно слово! О, милая юность! Слово это могло бы натворить много бѣдъ. Нѣтъ, не могу на это согласиться.

(Входятъ Зейфертъ и Кунце).

Зейфертъ (съ краснымъ лицомъ, довольный и навеселѣ). Намъ

хотѣлось бы, господинъ профессоръ, поговорить съ вами еще объ одномъ пунктѣ. Я привелъ съ собой и моего компаньона. Вѣдь Кунце мой компаньонъ. Фирма Зейфертъ и Кунце вамъ, безъ сомнѣнья, извѣстна. Намъ, видите, было-бъ желательно получить отъ васъ нѣкоторый опредѣленный отвѣтъ. А затѣмъ мы угостили-бъ васъ снова пивомъ. Выпить мы охотники всѣ. За этимъ у насъ дѣло не станетъ...

Крамptonъ (рѣзко и горячо). Кто вы такіе, и чтѣ вамъ отъ меня надо?

Зейфертъ. Какъ чтѣ? Мнѣ казалось, мы до половины ужъ сговорились.

Крамptonъ. Не знаю, чего вы хотите. Я называюсь Крамptonъ! Профессоръ Крамptonъ. А кто такіе вы?

Зейфертъ. Я Зейфертъ...

Кунце. Я Кунце...

Крамptonъ. Въ такомъ случаѣ, господа Гницъ и Кунце,—или какъ вы тамъ называетесь,—позвольте спросить, по какому праву вы врываетесь въ мою комнату? Развѣ вы не знаете правилъ приличія? Не слыхали о законахъ учтивости? Покорно прошу васъ немедленно меня оставить.

(Зейфертъ и Кунце сконфуженно пятятся).

Зейфертъ (отвѣщая поклоны). Прошу извинить, прошу извинить!

Кунце. Имѣю честь кланяться! Почтительнѣйше прошу простить! (Уходить).

Крамptonъ (пмъ велѣдъ). Прощено! прощено! (Входитъ Лефлеръ). Ну, скажи, пожалуйста, Лефлеръ, чтѣ это за народъ? Врываются въ мою комнату силой! Я не застрахованъ отъ нихъ нигдѣ. Нѣтъ!.. Переселяюсь рѣшительно! Переселяюсь сегодня же! Не останусь здѣсь ни минуты. Заплати, Лефлеръ, тотчасъ нашъ маленькій счетъ. Выложи мнѣ эти гроши. На порядочную квартиру, Лефлеръ, на порядочную квартиру! (Указывая на Макса) А чтѣ до этого юноши — то онъ можетъ посѣщать меня, когда захочеть. (Надѣваетъ шляпу и плащъ). Относительно портрета, любезный Штралеръ, скажу вамъ, что мнѣ хотѣлось бы начать его какъ можно скорѣй. Съ будущей недѣли я займусь такъ, что пойдетъ кругомъ голова. (Входитъ Каснеръ съ чашкой кофе. Крамptonъ говоритъ ему грубымъ тономъ) Съ чѣмъ вы явились? Съ вашей молочной водой? Благодарю! Употребить ее больше не буду. Я переѣзжаю.

Каснеръ. Переѣзжаете? Какъ угодно, только сперва прошу расплатиться. Ваше присутствіе здѣсь мнѣ давно непопутру, надѣюсь, вы можете это себѣ представить сами. Вамъ бы только ничего не дѣлать. Это все, что вы требуете. А какую прекрасную работу могли бы имѣть! Живописцы люди съ деньгами.

Крамptonъ. Этотъ зловредный шутъ, любезный Штрэлеръ, рѣшительно меня зарѣжетъ или сведетъ съ ума.

Максъ. Отправимтесь, господинъ профессоръ, впередъ.

Каснеръ. Денжки, сперва денжки! — тамъ скатертью дорога.

Крамptonъ (Штрэлеру). Идемте, мой милый. А ты, Лефлеръ, рассчитайся.

Лефлеръ. Сегодня хоть дѣло наладилось. (Каснеру) Ну, говорите, что мы вамъ должны. (Максъ съ Крамптономъ уходитъ подъ руку).

Каснеръ (изумленно). Что-жъ это все значить?

Лефлеръ. А то, что у такого человѣка, какъ господинъ профессоръ, деньги найтись должны.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Мастерская въ нанятой Максомъ новой квартирѣ. Большинство обстановки состоитъ изъ вещей, вѣтыхъ изъ старой мастерской Крамптона. Пока все еще въ безпорядкѣ, и многіе предметы не на своихъ мѣстахъ. Направо и нѣлѣво небольшія двери, лѣвалъ съ звономъ. Въ задней стѣнѣ большое свѣтовое окно для живописи. Максъ и Гертруда, одѣтые по-зимнему, вбѣгаютъ, запыхавшись. Лица ихъ сіяютъ счастьемъ и горятъ румянцемъ отъ быстрой ходьбы. Оба въ высшей степени весело возбуждены.

Максъ (сбрасывая шляпу и верхнее платье). Вотъ мы и здѣсь!..

Гертруда (развязывая шляпку). Вотъ мы и здѣсь!..

Максъ (глядя на нее). Ну!.. А теперь?

Гертруда (покраснѣвъ). Теперь?..

Максъ. Гертруда!.. (Схватываетъ ее въ объятія и покрываетъ лицо поцѣлуями).

Гертруда. Максъ!.. (Освобождаясь изъ его рукъ) Скорѣй, скорѣй! Надо начинать уборку.

Максъ. Да, да!.. Скорѣй. (Суетится безъ толку по комнатѣ).

Гертруда. Съ чего же начать?..

Максъ (останавливаясь). Я задохся...

ГЕРТРУДА. Я тоже. Мы такъ скоро бѣжали.

Максъ (бѣжать и запираетъ дверь). Постой! Запретъ сперва дверь. (Подходя къ ней) Ну, а теперь...

ГЕРТРУДА (съ нѣжными, но нѣсколько боязливымъ смущеніемъ). Что теперь?..

Максъ. А вотъ увидишь. (Возобновляется пошлун).

ГЕРТРУДА. Ай, ай! Перестань! Надо же начать уборку.

Максъ (выпустивъ ее изъ рукъ, оббѣгаетъ соседнія комнаты и затѣмъ возвращается въ мастерскую, крича во все горло). Ура!.. Ура!.. Я съ ума сойду!..

ГЕРТРУДА (удивленная при видѣ готическаго ларя). Это что такое?

Максъ. Папашинъ ларь.

ГЕРТРУДА (увидя Силена). А это?..

Максъ. Папашинъ Силень.

ГЕРТРУДА. Максенька, Максенька! Да что же это все значить?

Максъ. А то, что я въ старой мастерской пошарилъ, порылся и, собравъ все, перетащилъ сюда. Смотри—вотъ гобелены.

ГЕРТРУДА (изумленная). Ахъ!..

Максъ. Вотъ библія въ пергаментѣ, тигровая шкура. Столъ новый, но это ничего; онъ не замѣтитъ.

ГЕРТРУДА. Ахъ, ты, трогательный человѣчекъ! До чего ты добръ!

Максъ. Ну, довольно объ этомъ толковать. Времени мало. Примемся за уборку.

ГЕРТРУДА. Правда, примемся, примемся...

Максъ (ставя Силена на столъ). Это поставимъ сюда.

ГЕРТРУДА. Смотри,—вонъ картина, для которой ты былъ патурщикомъ.

Максъ. Ею поставимъ сюда.

ГЕРТРУДА (разсматривая картину, стоящую на мольбертѣ). Понимашь? (Коячески подражая голосу Крамптона) Сидите смирно, Штрэлеры! Вы трясете головой, какъ старикъ. (Оба хохочутъ).

Максъ (схватываетъ обѣими руками ея голову). Ахъ, Гертруда, Гертруда!

ГЕРТРУДА (стараясь освободиться). Убирать! Убирать! Время!

Максъ. Ты моя, ты моя! Не отдамъ тебя никому!..

ГЕРТРУДА. Берись за дѣло, берись!

Максъ. Но разстанемся никогда!

ГЕРТРУДА. Никогда, никогда!

Максъ. А придетъ смерть—умремъ вмѣстѣ!

Гертруда. Вмѣстѣ, вмѣстѣ! (Подъуп. Короткое молчаніе). Хорошій ты мнѣ помощникъ! Это, по-твоему, называется убирать?

Максъ. Да, да, — будемъ убирать. Вѣдь папаша аккуратень.

Гертруда (сдержавъ приливъ радости, говоритъ съ тихимъ благоговѣніемъ). Милый, добрый папочка! Скоро увижу я его опять! Какое счастье, какое счастье! (Глубоко тронутая, продолжаетъ, понизивъ голосъ, но убѣжденнымъ тономъ). Надѣюсь, что наконецъ будетъ счастливъ и онъ!

Максъ (въ восторгѣ). Всѣ, всѣ будемъ счастливы!.. Куда-жъ ты, куда?

Гертруда (убѣжавъ въ сосѣдную съ мастерской комнату, кричитъ оттуда). Искать сюрпризы!.. Ахъ, Максимъ, что за прелести! Что за дивная прелести!

Максъ (кричитъ, разставивъ вещи). Тамъ буду работать я, а здѣсь папаша. Да иди же, иди! Вѣдь мнѣ тебя надо.

Гертруда. Ищи меня, ищи!

Максъ (бросается въ сосѣдную комнату). Погоди-жъ ты, муха! (Изъ сосѣдней комнаты несутся смѣхъ, визгъ, крикъ, можно подумать, что тамъ дерутся. Гертруда наконецъ выбѣгаетъ изъ комнаты, Максъ бѣжитъ за ней).

Гертруда (измученная, едва можетъ крикнуть, смѣясь и бѣгая по комнатѣ). А вотъ улечу! А вотъ улечу!..

Максъ. А я тебя усмирю! (Хочетъ ее схватить, но она выскальзываетъ изъ его руки; онъ хочетъ схватить опять, она выскальзываетъ снова; наконецъ совершенно измученная останавливается посреди комнаты и отстраняетъ его руками).

Гертруда. Начинай же уборку, начинай!

Максъ. Меня разбираетъ смѣхъ.

Гертруда. Надъ чѣмъ?

Максъ. Вспомнилъ, какая у меня была тогда глупая фивѣномія! Какъ я заикался!..

Гертруда. Именно заикался.

Максъ. А ты предчувствовала, въ чемъ дѣло?

Гертруда. Такъ, въ туманѣ, въ туманѣ! Но, знаешь, когда на бульварѣ, послѣ твоей проповѣди, я все поняла, мнѣ стало немножко жутко.

Максъ. А мнѣ немножко страшно.

Гертруда. Бѣдный зайчикъ!

Максъ. А! Такъ погоди же! (Схватываетъ ее и цѣлуетъ).

Гертруда. Ахъ!.. Мое платье! Мои волосы!.. Да перестань же, Максъ, усмирился! Того гляди, сейчасъ лягнись

братъ съ сестрой. (Съ поддѣльнымъ вздохомъ) Что-то скажутъ они?

Максъ. Насъ поздравятъ.

Гертруда. Ты думаешь—больше ничего?

Максъ. Чего же ждать еще?

Гертруда. Очень ты еще молодъ, Максъ. (Короткое молчаніе, затѣмъ смѣхъ).

Гертруда (хлопая руками). Папочка! Милый папочка! Какъ онъ изумится! Какіе глаза сдѣластъ! Какъ я его обниму! (Вполголоса и лутливо) Этого благороднаго гуляку!

Максъ (удивленно). Что? Я не разслышалъ.

Гертруда. Вѣднѣй старичокъ, сталъ глухъ, не слышитъ!

Максъ. А! Насмѣшки! Сюда, для должнаго наказанія.

Гертруда (съ притворнымъ равнодушіемъ). Какъ же, какъ же! Такъ и приду!

Максъ. Не послунаешься, такъ приду я.

Гертруда. А я тебя царапну.

Максъ. Попробуй.

Гертруда. Ты еще не знаешь, какъ я бываю зла. Если чего-нибудь не хочу, такъ отрѣжу прямо. (Топаетъ ногой) Не хочу, не хочу, не хочу!

Максъ. Посмотримъ, чѣмъ это тебѣ поможетъ. (Порывается къ ней).

Гертруда (заставляясь стуломъ). Ну, полно, полно, Максъ. Что за глупости мы дѣлаемъ! Достанется намъ обоимъ: мнѣ отъ папочки, а тебѣ отъ сестры.

Максъ. Очень я этого боюсь!

Гертруда. Да, храбрись, храбрись!

Максъ. Развѣ я въ чемъ-нибудь виноватъ?

Гертруда. Ну, ну!—не прикидывайся святошей. Виновать во всемъ.

Максъ. Я виноватъ во всемъ?.. Нѣтъ, ужъ если кто-нибудь виноватъ...

Гертруда (перебивая). Такъ это ты!

Максъ. Нѣтъ, ты!

Гертруда. А я говорю—ты.

Максъ. Я буду тебя цѣловать, пока ты не попросишь прощенья.

Гертруда (подъ сегопонимая). Хорошо, хорошо! Сознаюсь,—виновата, сознаюсь!.. Ну, а теперь, Максенька, за работу. Скажи, папочка ничего не знаетъ?

Максъ. Я не смѣлъ ему сознаться.

Гертруда. Даже въ томъ, что я здѣсь?

Максъ. Ни въ чемъ, ни въ чемъ.

Гертруда. Ахъ, ты, трусливый зайчикъ! Не смѣлъ сказать правды! секретникъ!

Максъ (цѣлуя ея руки). О, если-бъ я зналъ прежде, какъ хороша жизнь!

Гертруда. А теперь извольте, милостивый государь, приблизиться.

Максъ. Что это? Что я услышу?

Гертруда (повязываетъ ему на кисть руки зеленую ленту). Видишь эту ленту? Я связываю тебя навсегда. И горе, горе тебѣ, если ты вздумаешь когда-нибудь стряхнуть эту повязку.

Максъ. Остерегусь.

Гертруда (испуганно). Слышишь! Они идутъ.

Максъ. Какъ жалъ!

Гертруда. Жаль и мнѣ.

Максъ. Очень некстати.

Гертруда. А если это папочка? Мы и про него тоже скажемъ?

Максъ. То же, то же—безъ разсужденій.

Гертруда. И про брата съ сестрой?

Максъ. То же, то же—безъ разсужденій. (Звонятъ). Войдите, кто тамъ. (Отмыкаетъ дверь. Входитъ съ лѣвой стороны Агнеса. Максъ, весь красный отъ волненія, кричитъ ей навстрѣчу) Агнеса, Агнеса! Поздравь! Мы женихъ и невѣста!..

Агнеса (съ притворнымъ изумленіемъ). О! Вотъ какъ!

Гертруда (бросаясь ей на шею). Агнесочка, Агнесочка! Если-бъ ты знала, какъ я счастлива!

Агнеса (цѣлуя ея при каждомъ словѣ). Ахъ, ты, моя куколка! Моя крошка, моя милая новая сестрица!

Адольфъ (входя въ лѣвую дверь). Слушай, Максъ,—профессоръ стоитъ съ Лёфлеромъ внизу и изучаетъ входную доску.

Максъ (съ сіяющими глазами). Адольфъ! Мы женихъ и невѣста!

Адольфъ (говоря вскользь). Знаю, все знаю! Но только фрейлейнъ Гертрудѣ необходимо теперь скрыться. Слышите? Вамъ надо скрыться, фрейлейнъ Гертруда. (Всѣ впопыхалъ ищутъ мѣста, куда спрятать Гертруду).

Адольфъ (показывая на правую дверь). Сюда, дѣти мои, сюда! Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь.

(Всѣ исчезаютъ за средней дверью. За лѣвой дверью, которая только притворена, слышно ворчанье, затѣмъ стукъ и снова ворчанье. Наконецъ звонитъ колокольчикъ, и вслѣдъ затѣмъ дверь отворяетъ Лёфлеръ).

ЛЕФЛЕРЪ (говорить въ дверь). Пожалуйте, отперто! Да только здѣсь никого нѣтъ.

КРАМПТОНЪ (разсерженнымъ голосомъ, еще за дверью). Что-жъ это значить? Чѣмъ эти люди со мною дѣлаютъ? Не могу же я стоять и ждать на лѣстницѣ. Того гляди, простудишься. Ну, входи, Лёфлеръ, входи. Пойдемъ дальше.

(Входятъ Лёфлеръ, за нимъ Крамptonъ, окутанный плащомъ).

ЛЕФЛЕРЪ (увидя Крамptonову обстановку, совсѣмъ обалдѣлъ). Да это что же такое?..

КРАМПТОНЪ. Смотри, Лёфлеръ: вотъ что значить точность. Мы пришли минуту въ минуту, а они заставляютъ насъ ждать. (Поражается, увидя окружающее). Постой, постой, Лёфлеръ... Это что же?

ЛЕФЛЕРЪ. Самъ гляжу, господинъ профессоръ, и дивлюсь. Ума не приложу.

КРАМПТОНЪ (стараясь собрать мысли). Устроился человекъ хорошо!

ЛЕФЛЕРЪ. Глядите — все устроено точь-въ-точь, какъ было у васъ въ мастерской.

КРАМПТОНЪ. Вижу, вижу самъ. (Дѣлаетъ шагъ два и останавливается передъ готическимъ хaremъ). Что-жъ это?.. Сатана, что ли, меня обошелъ?..

ЛЕФЛЕРЪ. Чѣмъ вы изволите говорить?

КРАМПТОНЪ. Смотри, Лёфлеръ: да вѣдь это мой ларь!

ЛЕФЛЕРЪ. Надо такъ думать, господинъ профессоръ.

КРАМПТОНЪ. Будь я директоромъ академіи, если это не мой ларь! Надо подумать! Надо сообразить! (Ходитъ взадъ и впередъ). Нѣтъ, что ни говори, а это мои вещи! Все, что я здѣсь вижу, мое съ начала до конца! Мнѣ ли не знать моихъ вещей?

ЛЕФЛЕРЪ. Знаете, я какъ пораскину умомъ, такъ невольно думаю, что богаты, должно-быть, этотъ господинъ Штрелеръ. Вѣдь это, навѣрно, онъ скупилъ всѣ ваши вещи.

КРАМПТОНЪ. Это еще что за новость? Чтobъ я позволилъ себя такъ одурачить! Это неслыханно! Мои вещи! Чтo станетъ съ ними дѣлать этотъ юнецъ? Такая безтактность возмутительна. Мальчишка, ученикъ, дилетантъ, чуть начинающій карьеру, вздумалъ меня ограбить! Хочетъ по-домашнему расположиться въ моей мастерской! И чтobъ я это допустилъ! Какъ же, какъ же! Пусть лучше поселится здѣсь чортъ! Пусть малюетъ старушечьи портреты дьяволъ!

АДОЛЬФЪ (неслышно подходить къ Крамptonу сзади, за нимъ также тихо подходитъ Агнеса). Здравствуйте, господинъ про-

фессоры! Извините за внезапный приходъ. Мы не знали, что вы ужъ здѣсь. Позвольте васъ познакомить: моя сестра Агнеса; господинъ профессоръ Крамптонъ.

Крамптонъ (взглянувъ на Агнесу съ враждебнымъ видомъ, едва ей кланяется). Извините, я попрошу отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ. Вы желаете, чтобы я писалъ въ этой комнатѣ?

Адольфъ. Я такъ думалъ. Развѣ вы, господинъ профессоръ, имѣете что-нибудь противъ?

Крамптонъ. О! Противъ я не имѣю ничего, но вамъ, можетъ-быть, неизвѣстно, что для живописи прежде всего нуженъ свѣтъ. А гдѣ здѣсь свѣтъ? Я его не вижу. Здѣсь тьма кромѣшная! Кто-жъ согласится писать при такихъ условіяхъ? Писать въ подвалѣ для картофеля не станетъ ни одинъ художникъ!

Адольфъ (съ трудомъ удерживая смѣхъ). Я въ этомъ дѣлѣ действительно очень мало понимаю; но думаю, что мой братъ..

Крамптонъ. Вашъ братъ, мой милѣйшій? Вашъ братъ? Вашъ братъ мнѣ не указъ! Вашъ братъ не болѣе какъ скромный ученикъ, а я на этомъ ремеслѣ состарился! Поэтому, если человекъ, какъ я, говоритъ вамъ, что мастерская эта не стоитъ ни гроша и что въ ней работать нельзя, то вы можете въ этомъ поручиться и поклястись двадцать разъ. Скажите, съ кого долженъ писаться портретъ?

Адольфъ. Я думаю, съ тебя, Агнеса.

Крамптонъ. Потрудитесь, милостивая государыня, подойти. (Приглашаетъ ее жестомъ встать на свѣтъ и пристально вглядывается въ ея лицо). Ну, благодарной моделью для живописи васъ назвать нельзя. Что вы изъ себя сдѣлали? Для чего подвели этотъ сѣрый тонъ? Или вы гримруетесь? Такимъ средствомъ привлекательными сеансовъ не сдѣлать. Художники любятъ натуру. (Адо尔夫у) Извините... но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ мой интересъ, то скажите, какую роль игралъ во всемъ этомъ вашъ братъ?

Адольфъ. Вотъ онъ идетъ самъ. Можетъ-быть, господинъ профессоръ...

Крамптонъ (гораздо болѣе ласковымъ тономъ, идя Макеу навстрѣчу). А, здравствуйте, любезнѣйшій! Какъ живете, какъ можете?

Максъ. Благодарю, господинъ профессоръ.

Крамптонъ. Объясните мнѣ, пожалуйста, что все это значитъ? Должно-быть, вы сдѣлались знаменитостью. Лучшей обстановки для мастерской не пожелалъ бы самъ Макартъ.

Максъ. О, нѣтъ, господинъ профессоръ—это просто недоразумѣніе.

Крамptonъ. Какъ недоразумѣніе? Какое недоразумѣніе? Вы мои вещи должны знать хорошо. Вѣдь вы у меня работали.

Лефлеръ. Вѣрно, господинъ профессоръ, эти вещи были прежде вашими.

Крамptonъ. Ну, конечно, конечно! Я это вижу. Известно; что если съ человѣкомъ случится бѣда, то его непременно вслѣдъ затѣмъ ограбятъ. Вотъ такъ ограбили и меня.

Максъ. Пока я не забылъ,—позвольте, господинъ профессоръ, обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ.

Крамptonъ. О, прошу, прошу.

Максъ. Это помѣщеніе наняли для меня мой братъ и сестра, чтобъ отпраздновать мое изгнаніе изъ академіи. Но вѣдь я, господинъ профессоръ, не больше какъ начинающій ученикъ. Такое великолѣпіе меня стѣсняетъ, и мнѣ подобная обстановка совсѣмъ не нужна. Къ счастью, возлѣ этой комнаты есть другая, тоже свѣтлая, но гораздо болѣе скромная. Для меня она будетъ болѣе чѣмъ достаточна; что-жъ касается собственно до этого помѣщенія, то понятно, что я не соглашусь уступить его первому встрѣчному. Но вотъ, если-бъ любезно согласились помѣститься здѣсь хотя бы на время только вы, господинъ профессоръ...

Крамptonъ. Какъ это помѣститься?

Адольфъ. Ну—скажемъ, нанять эту комнату.

Максъ. Именно нанять.

Крамptonъ. Да... видите... объ этомъ надо поговорить...

Максъ. Какъ находите вы, господинъ профессоръ, здѣшній свѣтъ?

Крамptonъ (съ жаромъ). О, свѣтъ превосходенъ! Противъ этого нельзя сказать ни слова. Мысль ваша сама по себѣ кажется мнѣ очень симпатичной. Что скажешь на это, Лефлеръ, ты? (Видя, что у Лефлера вытянулось лицо, Крамptonъ обращается къ Максусу). Что же это можетъ стоить?

Максъ. Стоить... стоить. Это дѣло моего брата.

Адольфъ. Объ этомъ, господинъ профессоръ, мы стоворимся. Повѣрьте, что своихъ выгодъ я не продешевлю.

Крамptonъ (смѣясь). Ну, конечно, нато вы и купецъ! Нато и купецъ. (Хлопнувъ Макса по плечу) Такъ, значить, намъ придется жить рядомъ, дверь съ дверью. Вы можете снова быть моимъ ученикомъ. (Внезапно схватываетъ себя за голову) Что это?.. Что это? Или мнѣ показалось... (Бѣжитъ къ окну и

высовывается из него, так что присутствующіе видятъ только его спину). Не знаю... не знаю...

(Агнеса, Адольфъ и Максъ быстро отходятъ къ двери направо, въ которую Адольфъ уходитъ, чтобъ позвать Гертруду, и болѣе не возвращается. Гертруда быстро пробѣгаетъ по сценѣ на цыпочкахъ и, подбѣжавъ сзади къ отцу, закрываетъ ему глаза руками).

ГЕРТРУДА (въ полномъ восторгѣ). Кто я? Кто я?

КРАМПТОНЪ (пораженный). Создатель!.. (Впадая въ полное блаженство) Дитя мое!.. Сердце мое!.. Котеночекъ мой! Моя наставница!.. Что же это все значить? Что случилось? Что вы затѣяли? О, я теряю голову!

ГЕРТРУДА. Папочка, милый папочка! Не разсердись на меня: я не вѣста!

КРАМПТОНЪ. О! какая шутница! Ну, пусть все будетъ, какъ ты хочешь!.. (Цѣлуетъ ея пальцы). Дюжина поцѣлуевъ на каждый пальчикъ! Клянусь честью! А затѣмъ выбирай въ женихи, кого хочешь—князя, графа!..

ГЕРТРУДА. Ну, нѣтъ, папочка,—отъ этого я отказываюсь! Графовъ мнѣ не нужно. Но я серьезно тебѣ говорю, что я точно не вѣста. Смотри, папочка. (Бросается на шею Агнесы) Вотъ моя новая сестричка!

КРАМПТОНЪ. Такъ ты не вѣста?.. Это твоя сестра? (Указывая на Макса) Твой женихъ, значить, онъ? (Смѣясь сквозь слезы, бѣгаетъ по комнатѣ). О, Господи! хочетъ жениться! Лейфлеръ! А, Лейфлеръ? Что ты на это скажешь?—Ничего! Забавно! Удивительно забавно! (Агнесѣ) Ну, а вы, сударыня, тоже не скажете ни словечка?

АГНЕСА. Скажу только, что радуюсь отъ всего сердца.

КРАМПТОНЪ. Радуетесь отъ всего сердца? Радъ и я, радъ и я! Плакать рѣшительно не о чемъ. Ну, а ты, Гертруда, моя крошечка, какъ ты додумалась до такой затѣи? (Максу) Объясни мнѣ это и ты, милый мальчикъ! Подите сюда, дѣтки, подите сюда! Мое благословеніе двухъ грошей все-таки стоитъ. (Обнимаетъ ихъ, а затѣмъ выпускаетъ изъ рукъ Гертруду, жметъ руку Максу). Скажи мнѣ теперь, какъ теби зовутъ?

ГЕРТРУДА. Максомъ, папочка.

КРАМПТОНЪ. Ну, Максомъ такъ Максомъ! (Максу) Скажу тебѣ словечко! Теперь у насъ съ тобой праздники пойдутъ къ чорту! Будемъ работать вмѣстѣ, какъ два китайскихъ кули. (Оставляетъ его руку и обращается къ Лейфлеру) Максомъ зовется. Глупая головушка! Слышишь, Лейфлеръ? Максомъ. (Бѣгаетъ по комнатѣ). Глупая головушка! Глупая!

(Занавѣсъ падаетъ).

МИХАЭЛЬ КРАМЕРЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Переводъ К. Бальмонта и Ен. Андреевой.

*Памяти моего дорогого друга
Гуго-Эрнста Шмидта.*

Рядомъ съ «Коллегою Крамптономъ» Гауптманъ въ полномъ со-
браніи своихъ сочиненій ставитъ «Михаэли Крамера» (Michael Kra-
mer)—одну изъ самыхъ позднѣйшихъ своихъ драмъ (1900). Логиче-
ское основаніе этого совершенно очевидно. Обши и родственны здѣсь
и идея пьесы—трагизмъ гибнущаго таланта и подавленія личности
средой, и самая среда—міръ художниковъ.

Приходится повторять, что, несомнѣнно, и здѣсь, какъ въ «Крам-
птонѣ», очень многое построено на личныхъ переживаніяхъ драматурга
(см. предисловіе къ «Коллегѣ Крамптону»). Въ нѣмецкой печати не
разъ высказывалась догадка, что въ лицѣ несчастнаго Арнольда Гаупт-
манъ изобразилъ своего старшаго брата Георга, довольно искуснаго
карикатуриста, по капризу судьбы ставшаго не художникомъ, а ком-
мерсантомъ.

Посвященіе «Крамера» памяти дорогаго друга Гуго Эрнста Шмидта»
позволяетъ Бартельсу высказать догадку, не пристрастно ли это не-
известное намъ лицо къ образамъ драмы. Вполнѣ правдоподобно, что
и для фигуры Крамера-отца у Гауптмана тоже былъ какой-либо
прямой прототипъ. Въ этомъ смыслѣ говорили о нынѣ умершемъ ху-
дожникѣ Брейерѣ, профессорѣ бреславльской школы, въ семьѣ кото-
раго наблюдались отклоненія, очень напоминающія исторію Арнольда.
Одинъ изъ друзей Гауптмана Heinrich Lee рассказалъ однажды эту
исторію отца-художника, всю жизнь съ суровымъ самоотреченіемъ
аскета работавшаго надъ картиною: «Оставьте дѣтей приходить
ко Мнѣ», и гуляки-сына, умершаго, правда, не насильственною,
но неожиданною и вызванною его причудами трагическою смертію
(юный Брейеръ выкупался въ ледяной водѣ и умеръ отъ остраго
ревматизма). При угадкахъ помпвали также имя и профессора Гер-
теля, который спасъ Гауптмана въ свое время отъ исключенія изъ
bresлавльской художественной школы. Въ деталяхъ пьесы безспорно
Гауптманъ широко использовалъ свои академическія воспоминанія.

Тринадцатая по счету пьеса Гауптмана—«Крамеръ» увидѣлъ свѣтъ
рампы 19 декабря 1900 года, въ одномъ году съ пьесой «Шлукъ и
Лу». Если это не былъ поуспѣхъ, то во всякомъ случаѣ это не былъ
и полный успѣхъ. Красоту и значеніе этой драмы почувствовали только
позднѣе.

Между прочимъ для Россіи, гдѣ почти нѣтъ театра, не ставившаго
«Крамера», образъ стараго художника запечатлѣлся въ превосход-
номъ воплощеніи такого мастера сцены, какъ Станиславскій.

Какъ и относительно «Крамптона», критика отказывается указать
чуждія литературныя вліянія на Гауптмана въ «Крамерѣ». Лишь въ

самой отдаленной степени справедлива ссылка на романъ Зола «Трудъ».

Изъ раннихъ пьесъ самого Гауптмана ближе всѣхъ по идеѣ сюда подходитъ «Праздникъ мира», по обстановкѣ — «Крамptonъ». Страшное взаимное непониманіе отца и сына, создавшее драму въ семьѣ Шольцевъ, есть вмѣстѣ и тема «Крамера». Старый Шольцъ и старый Крамеръ могли бы сказать другъ другу очень многое, какъ много оснований подружиться могли бы Вильгельмъ и Арнольдъ.

По своему содержанію «Крамеръ» есть совершенно такая же «семейная катастрофа», какъ и «Праздникъ мира», и если Гауптманъ на этотъ разъ не ставитъ подъ заглавіемъ этого термина, то, вѣроятно, только потому, что послѣдній актъ даетъ широкое философское обобщеніе его идеѣ, какого не могло быть въ «Праздникъ мира», гдѣ все носитъ характеръ довольно исключительнаго случая.

Какъ въ большинствѣ случаевъ у Гауптмана, внѣшняя фабула «Крамера» чрезвычайно несложна. Вся цѣнность пьесы въ ея психологической и философской сложности и глубинѣ. Старикъ Крамеръ — строгій художникъ, свято относящійся къ своему труду, идеальный учитель, дающій безконечно многое своимъ ученикамъ и снискавающій къ горячей любви. По существу добрый и гуманный, Крамеръ однако такъ рѣзко проникнутъ сознаніемъ долга своего и чужого, что его душевный складъ пріобрѣтаетъ какую-то тяжелую для другихъ узость, какую-то мертвящую семью сухость.

И это качество создаетъ тяжелую драму самого Крамера и его сына. Ярко-талантливый, богато одаренный душевно, хотя и уродъ по внѣшности, Арнольдъ задыхается въ этой атмосферѣ отцовской сдержанности, корректности и безавѣтнаго труда. Старый Крамеръ по-своему правъ во всѣхъ своихъ предъявленіяхъ къ сыну. Привыкшій къ тому, чтобы его имя всѣми въ городѣ произносилось съ глубокимъ уваженіемъ, Крамеръ требуетъ отъ Арнольда старческаго благодарнаго и сдержаннаго, отреченія отъ любовныхъ исторій, отъ кутежей и т. п. По-своему правъ и Арнольдъ, когда не можетъ ни запречь своего Пегаса въ хомутъ трудолюбія, ни отказаться отъ любимой дѣвушки, ни воздержаться отъ даней бурной молодости.

Тяжелая туча розни и враждебности виситъ надъ домою Крамеровъ, какъ надъ семьей Шольцевъ. И только тогда, когда Арнольдъ кончаетъ съ собою самоубійствомъ, у незакрытаго гроба безнадежно потеряннаго сына, ставшаго вдругъ безконечно-дорогимъ, предъ лицомъ всепримиряющей смерти, несчастный старый Крамеръ понимаетъ свою непростительную ошибку. Только здѣсь онъ постигаетъ, какъ трагически холодно его узкой теоріи убилъ цвѣтокъ жизни, который могъ расцвѣсть ослѣпительно-прекрасно. Старый Крамеръ произноситъ свой потрясающій монологъ-гимнъ смерти, все примиряющей и все облагораживающей высшею красотой, — монологъ, по красотѣ и силѣ имѣющій много соперниковъ въ мировой литературѣ.

Какъ видимъ, философія Крамера страшно родственна всѣмъ раннимъ пьесамъ Гауптмана, начиная «Предъ восходомъ солнца». Всюду катастрофа или смерть — въ итогъ борьбы личности со средою. И опять смертельнаго рана нанесена не рукою залятаго врага, а рукою почти друга, во всякомъ случаѣ човѣка, желавшаго добра, не искавшаго зла. На этотъ разъ Гауптманъ, у котораго мы привыкли видѣть слабыхъ людей и «по-горосень», впервые попытка изобразить въ лицѣ отца Крамера човѣка съ силой воли и стойкимъ мировоззрѣніемъ. И что же, — сильный оказался побѣжденнымъ и уступающимъ слабому.

Кто истинный герой пьесы Гауптмана,—старик Крамеръ или молодой Арнольдъ? Какая идея центральная—трагедія погнанія личности или гибели таланта?

Гауптманъ даетъ точный отвѣтъ на это и названіемъ пьесы, явно выдвигающимъ впередъ старика Крамера, и заключительнымъ монологомъ, являющимся ключомъ ко всей пьесѣ. И однако, когда вы смотрите пьесу, личность Арнольда настолько выпукло выдвигается впередъ, настолько овладѣваетъ вашимъ вниманіемъ, заслоняя стараго художника, что на протяженіи всей пьесы вы всецѣло захвачены драмою сына. Только послѣдній актъ возвращаетъ права вниманія Михаэлю Крамеру. Въ чемъ же дѣло? И не скрывается ли здѣсь какой-то органическій недостатокъ драмы?

Разгадка въ томъ, что въ Гауптманѣ здѣсь все время борется мыслитель съ драматургомъ. Для мыслителя всего важнѣе идея порабощенія личности, какую воплощаетъ старый Крамеръ. Но, какъ драматургъ, Гауптманъ весь захваченъ красочною драмою Арнольда. Какъ бы даже не согласованно дѣйствуютъ драматургъ и мыслитель. Мыслитель хотѣлъ бы сдѣлать показать, что истинный убійца Арнольда, какъ это ни жутко, есть вотъ этотъ самый—гуманный, честный, всѣмъ уважаемый, аскетически преданный искусству Михаэль Крамеръ, его устарѣлый строй негодящихся для сына взглядовъ, его узкій деспотизмъ, его неспособность понять, что есть драгоцѣнность выше таланта—жизнь человѣка. Это чудесное растеніе онъ задушилъ, закрывъ ему солнце.

Драматургъ Гауптманъ смягчилъ, понизилъ, ослабилъ эту идею. Онъ ввелъ въ пьесу элементъ личнаго оскорбленія Арнольда посторонними людьми, непосредственно толкающій юношу на самоубійство. И этотъ моментъ выступилъ настолько рѣшительно, что не слишкомъ вдумчивый зритель можетъ вовсе не унести изъ театра представленія объ истинномъ нравственномъ убійцѣ безуттнаго генія,—тѣмъ болѣе послѣ примирительныхъ рѣчей стараго Крамера.

По мысли Гауптмана, смерть попираетъ смерть. Умершій Арнольдъ уничтожаетъ мертвое въ душѣ Крамера. Крамеръ просвѣтлѣлъ. Онъ постигъ, что выше приказовъ головы—всѣхнія сердца, что выше всепоглощающаго Молоха искусства, котораго онъ былъ такимъ вѣрнымъ и самоотверженнымъ жрецомъ, есть свѣтлый богъ любви и свободы, который ласково позволяетъ всякому цвѣтку земли тянуться къ солнцу и улыбаться небу.

Критика дѣлала упрекъ Гауптману, что такіе побѣдные, торжествующіе, восторженные аккорды, какіе звучатъ въ гимнѣ Крамера смерти,—неправдивы въ душѣ отца, сознаващаго, что онъ убійца, и потрясеннаго отчаяніемъ неоправданности сдѣланнаго. Но падо не забывать, что здѣсь идетъ рѣчь о высшемъ, близкомъ къ чуду философскому просвѣтлѣнію, истинномъ экстазѣ человѣческаго духа, что старикъ Крамеръ послѣднихъ страницъ уже вовсе не Крамеръ второго акта, что наконецъ именно для такой фанатической души, беззавѣтно отдававшей раньше одному богу, особенно естественно восторженное и столь же пламенное обращеніе къ лучшей вѣрѣ.

И если это могло чувствоваться, какъ психологическое противорѣчіе у драматурга, то этого избѣжалъ Гауптманъ, облекшій думы и чувства Крамера въ слова потрясающей силы и неумирающей красоты. Нужно не имѣть вкуса, чтобы, подобно нѣкоторымъ вѣмечнымъ критикамъ, увидѣть здѣсь только реторику, или, оставшись холоднымъ предъ этимъ гимномъ, педантически отмѣчать техническія слабости

нѣкоторыхъ мѣстъ драмы, отсутствіе въ ней дѣйствія въ общепринятомъ смыслѣ, меньшую, чѣмъ свойственно Гауптману, чеканку второстепенныхъ лицъ и общую какъ бы усталость Гауптмана.

Мы склоняемся къ мнѣнію другихъ критиковъ, что «трудно выразить въ немногихъ словахъ, какой красоты исполнено это произведеніе, какое блаженное, небесное примиреніе съ действительностью скрывается въ послѣднемъ заключительномъ актѣ. Если въ этой драмѣ и найдутся значительныя погрѣшности противъ неизбежныхъ до сихъ поръ техническихъ условій драматургін, то во всякомъ случаѣ человекъ, создавшій такой образъ, какъ старый Крамеръ, есть поистинѣ поэтъ съ лучезарнымъ вѣнцомъ, къ голосу котораго долженъ прислушиваться весь міръ» *).

*) M. Kirschstein.

МИХАЭЛЬ КРАМЕРЪ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михаэль Крамеръ, преподаватель въ Королевской академіи художествъ, художникъ.

Г-жа Крамеръ, его жена.

Михалина Крамеръ, дочь, художница.

Арнольдъ Крамеръ, сынъ, художникъ.

Эристъ Лахманъ, художникъ.

Альвина Лахманъ, его жена.

Лиза Беншъ, дочь ресторатора Бенша.

Ассессоръ Шнавель

Архитекторъ Циннъ

Фонъ-Краутхеймъ

Квантмейеръ

Краузе, поделъ въ академіи.

Берта, служанка у Крамеровъ.

Фрицъ, кельнеръ въ ресторанѣ Беншъ.

Мѣсто событій драмы—главный городъ въ провинціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ квартирѣ Крамера, обставленная по-берлински. Зимнее утро, около девяти часовъ. На столѣ, въ углу, у большого окна, выходящаго во дворъ, стоятъ сидѣ горющая лампа и посуда отъ завтрака. Обстановка комнаты ничего особеннаго собою не представляетъ. Михалина, интересная дѣвушка, брюнетка, отодвинула нѣсколько свой стулъ отъ стола, курить папиросу, на колѣняхъ у нея книга. Г-жа Крамеръ входитъ изъ двери, что въ задней стѣнѣ, занятая хозяйственными соображеніями. Это сѣдая женщина лѣтъ пятидесяти шести, характера безпокойнаго и озабоченнаго.

Г-жа Крамеръ. Ты все еще здѣсь, Михалина? Развѣ тебѣ не надо уходить?

Михалина (отвѣчая по тѣмъ же). Нѣтъ, мать, еще не надо... Да и на дворѣ вѣдь еще совершенно темно.

Г-жа Крамеръ. Да, если тебѣ нечего дѣлать, Михалина.

Михалина. Да, нечего, мать.

Г-жа Крамеръ. Потому что дѣйствительно... тебѣ дѣйствительно надо бы замѣтить,—и безъ того довольно заботъ.

Михалина. Да, мать, конечно! (Курить и смотреть въ книгу).

Г-жа Крамеръ. Что это ты тамъ читаешь? И вѣчно куришь!

Михалина. Что же мнѣ не читать?

Г-жа Крамеръ. Мнѣ-то что, читай!.. Меня только удивляетъ, какъ ты можешь быть такой спокойной.

Михалина. О, Господи! Если бы ждать спокойствія. Когда же тогда вообще успѣешь что-нибудь сдѣлать?!

Г-жа Крамеръ. Что, папа, уходя, ничего больше не сказалъ?

Михалина. Нѣтъ!

Г-жа Крамеръ. Это хуже всего, когда онъ ничего не говорить.

Михалина. Ахъ, да! Я-было и забыла. Чтобы Арнольдъ пришелъ къ нему въ мастерскую ровно въ одиннадцать.

Г-жа Крамеръ (закрываетъ заслонку въ печкѣ, запылавшая се и, поднимаясь, вздыхаетъ). Ахъ, да! Господи, Боже мой!

Михалина. А ты, мать, дѣлай, какъ я, не думай!.. Новаго же ничего нѣтъ, мы же это знаемъ. Арнольдъ и въ этомъ не измѣнится...

Г-жа Крамеръ (сидитъ къ столу, подпираетъ голову рукой и вздыхаетъ). Ахъ, не понимаете вы мальчика! Не понимаете вы его! Не понимаете! А отецъ... онъ еще окончательно погубить его.

Михалина. Я думаю, ты ошибаешься, когда утвер-

жидешь это: Ты жестоко ошибаешься. Пана дѣлаетъ все, что можетъ, для Арнольда. Онъ перепробовалъ съ нимъ все. Если вы этого не умѣете цѣнить, мать, тѣмъ хуже.

Г-жа Крамеръ. Ты дочь своего отца, это и уже знаю.

Михалина. Да. И твой дочь и отца!

Г-жа Крамеръ. Да, отца гораздо больше, чѣмъ моя. Потому что, если бы ты была больше моей дочерью, ты бы не брала всегда его сторону.

Михалина. Мать, лучше намъ не волноваться... Пытаешься быть просто справедливой, и сейчасъ же: ты берешь сторону того или другого... Тяжело съ вами, это ужъ повѣрьте.

Г-жа Крамеръ. Я беру сторону моего мальчика, и basta! А тамъ можете дѣлать, что хотите!

Михалина. Какъ только можно говорить такія вещи!

Г-жа Крамеръ. Михалина, ты вѣдь совсѣмъ не женщина! Ты совсѣмъ не женщина, Михалина! Ты говоришь, какъ мужчина! Думаешь, какъ мужчина! Какой толкъ въ такой дочери?

Михалина (пожимая плечами). Да, мать, если это действительно такъ!.. Вѣдь этого же я намѣнить я не могу.

Г-жа Крамеръ. Можешь измѣнить, только не хочешь.

Михалина. Мама... Мнѣ, къ сожалѣнію, надо уходить, мама. Послушай, мать, пожалуйста, не волнуйся. Ты же и не думаешь того, что говоришь сейчасъ.

Г-жа Крамеръ. Такъ же вѣрно, какъ я здѣсь стою, слово въ слово!

Михалина. Тогда мнѣ очень жалко насъ всѣхъ, маты!

Г-жа Крамеръ. Да, мы всѣ страдаемъ отъ паны.

Михалина. Сдѣлай одолженіе, разъ навсегда. Я никогда не страдала отъ отца, не страдаю и теперь отъ него. Я уважаю отца, ты отлично это знаешь! Было бы распрощаніемъ ложью...

Г-жа Крамеръ. Фу, Михалина, что ты все ругаешься!

Михалина. Если бы я говорила, что я страдаю отъ него. Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, которому бы я такъ безмѣрно была благодарна.

Г-жа Крамеръ. Больше чѣмъ мнѣ?

Михалина. Да. Мнѣ очень жаль. Что такое отецъ, и что такое отецъ для меня,—это лучше понимаютъ чужіе, чѣмъ вы: я разумѣю тебя, мать, и Арнольда; это судьба! Самые близкіе отцу—самые ему далекіе. Онъ бы пропалъ одинъ среди васъ.

Г-жа Крамеръ. Будто я не знаю, какъ ты часто плакала, когда отецъ...

Михалина. Да, плакала. И часто плакала. Онъ иногда дѣлалъ мнѣ больно, но въ концѣ концовъ я всегда должна была сознаться себѣ: онъ дѣлалъ мнѣ больно, но никогда не былъ несправедливъ, и всегда мнѣ это что-нибудь давало.

Г-жа Крамеръ. Давало или нѣтъ, все же ты никогда не была счастлива благодаря отцу. Если бы у тебя былъ свой уютный уголокъ, мужъ, дѣти... и все это...

Михалина. Это же не отецъ у меня отнялъ!

Г-жа Крамеръ. Теперь ты мучишься, какъ мучится папа, и ничего изъ этого не выходитъ, кромѣ недовольства и заботъ.

Михалина. Ахъ, мать, когда я все это слышу, мнѣ дѣлается такъ тяжело! Такъ тѣсно! Такъ тѣсно и тоскливо, ты не повѣришь. (Съ горечью, печально) Если бы Арнольдъ не былъ Арнольдомъ, какъ бы онъ былъ благодаренъ отцу.

Г-жа Крамеръ. Онъ билъ его, когда ему было уже пятнадцать лѣтъ!

Михалина. Я не спору, что отецъ можетъ быть жестокъ и что онъ иногда давалъ себѣ волю,—я этого не приукрашиваю и не извиняю. Но, мать, вспомни тоже, не далъ ли Арнольдъ къ этому поводъ. Онъ тогда поддѣлалъ подпись отца.

Г-жа Крамеръ. Изъ страха! Изъ страха передъ напой.

Михалина. Нѣтъ, мать, этимъ всего не объяснишь.

Г-жа Крамеръ. Онъ мальчикъ несчастный, онъ нездоровъ, онъ отъ рожденія нездоровъ.

Михалина. Очень можетъ быть, онъ долженъ съ этимъ примириться. Примиряться съ собой намъ общій удѣлъ, мать. Держать себя въ рукахъ и добиться чего-нибудь вышшаго—это обязанъ каждый. И лучший ему примѣръ отецъ... Кстати, мать, вотъ двадцать марокъ, я въ этомъ мѣсяцѣ не могу дать больше. Я заплатила по счету за краски, это одно уже стоило двадцать три марки. Зимнюю шапку мнѣ тоже нужно было непременно. Двумъ ученикамъ пришлось отсрочить плату.

Г-жа Крамеръ. Ну да, мучишься ты съ этими женщинами, а потому онъ отбираютъ у тебя послѣднее.

Михалина. Нѣтъ, мать, онъ вовсе не отбираютъ меня. Эта бѣдная кривая Шефферъ совсѣмъ безъ средствъ, нуждается! (Звонокъ въ передней). Позвонили. Кто бы это могъ быть?

Г-жа Крамеръ. Не знаю. Я только лампу потушу. Въ могилу бы мнѣ!

Берта (проходить черезъ комнату).

Михалина. Берта, спросите раньше фамилію.

Г-жа Крамеръ. Чтò, молодой баринъ спитъ еще?

Берта. Да они, поди, вовсе и не ложились. (Уходитъ).

Михалина. Кто бы это могъ быть, мама?

Берта (возвращается). Художникъ Лахманъ съ женой. Они прежде того у господина профессора въ школы были.

Михалина. Папа не профессоръ. Вы же знаете, онъ хотеть, чтобы его называли просто господиномъ Крамеромъ. (Уходитъ въ переднюю).

Г-жа Крамеръ. Подожди-ка! Я тутъ приберу немного. Живо, Берта! Я потомъ вернусь. (Она и Берта уходятъ, унося съ собой кое-что изъ посуды).

(Изъ передней слышно, какъ тамъ здороваются. Затѣмъ появляется художникъ Эрнстъ Лахманъ, его жена Альвина, за ними Михалина. Лахманъ въ пальто и цилиндрѣ, съ палкой въ рукѣ; она въ темной шляпѣ изъ перьевъ, въ боа изъ перьевъ и пр. Платье у обоихъ поношенное).

Михалина. Откуда же ты? И чтò собственно ты дѣлаешь?

Лахманъ (представляя). Альвина,—а это Михалина Крамеръ.

Г-жа Лахманъ (очень удивленная). Неужели?.. Это вы?

Михалина. Васъ это въ самомъ дѣлѣ такъ удивляетъ?

Г-жа Лахманъ. Да! Откровенно говоря, немного. Я васъ себѣ представляла совсѣмъ другой.

Михалина. Еще старше? Еще морщинистѣе, чѣмъ я сейчасъ?

Г-жа Лахманъ (быстро). Нѣтъ, откровенно говоря, совсѣмъ наоборотъ.

Михалина и Лахманъ (весело смѣются).

Лахманъ. Можетъ недурно выйти. Ты хорошо начинаешь.

Г-жа Лахманъ. А чтò? Я опять что-нибудь не такъ сдѣлала?

Лахманъ. Какъ поживаетъ твой отецъ, Михалина?

Михалина. Хорошо. Такъ же приблизительно, какъ всегда. Ты врядъ ли найдешь въ немъ большую перемену... Но сядь же, прошу! Пожалуйста, г-жа Лахманъ. Вы насъ извините? У насъ тутъ еще не убрано. (Всѣ садятся вокругъ стола). Ты куришь? (Она предлагаетъ ему папиросу). Или отвыкъ? Простите, это я надымилась: я знаю, это не женственно, но,

къ несчастью... созиала я это слишкомъ поздно. А вы, вѣрно, не курите? Нѣтъ? И васъ не беспокоить?

Г-жа Лахманъ (качаетъ отрицательно головой). Да, Эрнстъ дома цѣлый день не выпускаетъ папирасы изъ рта

Лахманъ (беретъ изъ портсигара Михалины папиросу). Спасибо! Въ этомъ ты ничего не понимаешь.

Г-жа Лахманъ. Что же тутъ понимать, Эрнстъ?

Лахманъ. Очень много, моя милая.

Г-жа Лахманъ. Да что же? Какъ же?

Михалина. Говорить легче, когда куришь.

Г-жа Лахманъ. Значить, это хорошо, фрейлейнъ, что я не курю. Я и безъ того слишкомъ много бздтаю.

Лахманъ. Это зависитъ отъ того, что говорить.

Г-жа Лахманъ. Милый Эрнстъ, ты тоже иногда болтаешь вздоръ.

Лахманъ (рѣзко мѣняетъ разговоръ). Да! Что это я хотѣлъ сказать!.. Да, значить, твой отецъ живетъ хорошо,—я очень радъ.

Михалина. Да. Я уже сказала: живетъ, какъ всегда. Въ общемъ, во всякомъ случаѣ, хорошо. А ты пріѣхалъ сюда навѣстить свою мать?

Г-жа Лахманъ (болтливо). Да онъ, видите ли, хотѣлъ здѣсь осмотрѣться немного: не найдется ли ему здѣсь какое дѣло. Въ Берлинѣ рѣшительно ничего нѣтъ. А здѣсь, фрейлейнъ, развѣ тоже нечего дѣлать?

Михалина. Въ какомъ смыслѣ? Я не знаю... что вы хотите сказать.

Г-жа Лахманъ. Ну, да вотъ вы открыли школу. Даетъ она вамъ что-нибудь?

Лахманъ. Эй; ты! Скажи, когда кончишь. Да?

Михалина. Моя школа живописи? Немного! О, да, очень немного. Но все же даетъ. Ничего себѣ. (Къ Лахману) А ты что, конкурентомъ мнѣ собираешься быть?

Г-жа Лахманъ. Ахъ, что вы, сохрани Богъ! Какъ вы могли подумать! Мой мужъ вѣдь бредитъ вами, должна я вамъ сказать. Никогда мой мужъ такъ бы не поступилъ. Но что-нибудь ему надо же дѣлать. Вѣсть-нить надо же, не правда ли? Мой мужъ...

Лахманъ. Мой мужъ: а не твой мужъ. Мнѣ это выраженіе дѣйствуетъ на нервы.

Г-жа Лахманъ. Ну, какъ вамъ это нравится!

Лахманъ. Альбина, меня зовутъ Эрнстъ! Замѣть себѣ это. Мой совокъ, ты можешь сказать. Мой кофейникъ, мои фальшивая коса, а вообще: рабство упрямца.

Г-жа Лахманъ. Но, дружокъ...

Лахманъ. Это собачья кличка.

Г-жа Лахманъ. Вотъ извольте видѣть! Вотъ такого мужа имѣть. Сдѣлайте мнѣ только одолженіе: ни за что на свѣтѣ не выходите замужъ. Старымъ дѣвамъ живется гораздо лучше.

Михалина (отъ души смѣется).

Лахманъ. Ну, Альвина, теперь будетъ. Надѣвай свое боа и ступай куда-нибудь, подожди меня. Поняла?.. А то все равно нѣтъ никакого смысла въ этомъ... Надѣвай свое прелестное любимое боа и отправляйся. Поѣзжай къ матери, или посиди тутъ рядою въ кафе, а потомъ зайду туда, пожалуй, за тобой.

Г-жа Лахманъ. Нѣтъ! Посмотрите-ка... Полюбуйтесь на обращеніе съ женой. Пикнуть нельзя, рта открыть, все не такъ.

Лахманъ. Да и не нужно вовсе открывать. Всегда глупость выходить.

Г-жа Лахманъ. Конечно, я не такъ умна, какъ ты.

Лахманъ. Будетъ! Все остальное оставь при себѣ.

Михалина. Пожалуйста, г-жа Лахманъ, останьтесь.

Г-жа Лахманъ. Помилуй Бога! Чтѣ вы! Вамъ меня жалѣть не приходится. Прощайте. На углу здѣсь есть кондитерская. Итакъ, дружокъ, понялъ? Тамъ встрѣтимся. (Уходитъ въ сопровожденіи Михалины).

Лахманъ. Не съѣшь только опять тринадцать пирожковъ.

Михалина (возвращается). Старымъ дѣвамъ живется много лучше; она, правда, немного черезчуръ пряма.

Лахманъ. Городитъ все, чтѣ въ голову придетъ.

Михалина (садится опять). Но и ты съ ней безъ церемоній. Не всякая это стерпитъ, Лахманъ.

Лахманъ. И мнѣ съ нею не сладко. Она вѣдь непременно хотѣла познакомиться съ тобой. Иначе я бы ее сюда и не взялъ. Ну, какъ же ты живешь?

Михалина. Спасибо! Хорошо! А ты?

Лахманъ. Ничего себѣ.

Михалина. Да и я тоже... Но ты уже сѣдѣешь,—виски.

Лахманъ. Это глупость наружу лѣзеть. (Оба смѣются).

Михалина. И хочешь, значитъ, поселиться здѣсь?

Лахманъ. И во снѣ мнѣ этого не снилось. Она сочиняетъ разныя разности, а потомъ утверждаетъ съ непоколебимой твердостью, что я невѣсть чтѣ только имъ говорилъ. (Пауза). Какъ поживаетъ твой братъ?

Михалина. Благодарю, хорошо.

Лахманъ. Усердно пишетъ?

Михалина. Напротивъ.

Лахманъ. А что же онъ тогда дѣлаетъ?

Михалина. Болтается, конечно. Болтается, что же ему еще дѣлать.

Лахманъ. Почему же онъ не остался въ Мюнхенѣ? Все же онъ тамъ кое-что да дѣлалъ.

Михалина. А ты все еще думаешь, что онъ можетъ что-нибудь дѣлать?

Лахманъ. То-есть какъ это? Я этого не понимаю. Это до нѣкоторой степени вѣдѣ сомнѣнія.

Михалина. Ну, если у него и есть талантъ... то онъ недостойнъ его... Однако лучше поговоримъ о другомъ: отецъ часто о тебѣ спрашивалъ. Онъ радъ будетъ увидать тебя. И, не говоря, конечно, обо мнѣ, я очень рада за отца, что ты опять къ намъ пріѣхалъ. Видишь ли, ему надо освѣжиться.

Лахманъ. И мнѣ тоже. Мнѣ, вѣроятно, даже больше, чѣмъ ему. И,—я также не говорю о тебѣ;—что особенно меня тянуло—со всѣмъ другимъ можно было бы подождать—это особенное желаніе опять побить съ твоимъ отцомъ. И картину его, конечно, мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть.

Михалина. Кто тебѣ говорилъ объ его картинѣ?

Лахманъ. Да говорили, что ее купили въ галерею.

Михалина. Директоръ Мюрингъ былъ здѣсь, но о томъ, что онъ купилъ картину, я не знаю. Папа такой трудный. Врядъ ли. Я думаю, онъ прежде, вѣроятно, пожелаетъ ее кончить.

Лахманъ. Но ты знаешь картину? Да, конечно?

Михалина. Я видѣла ее два года тому назадъ. Я совсѣмъ о ней не могу судить. Папа ужъ очень давно работаетъ надъ ней. (Пауза).

Лахманъ. А мнѣ онъ ее покажетъ? Какъ ты думаешь? Не знаю, но у меня предчувствіе, что это что-то совсѣмъ необычайное. Ничего съ собой не подѣлаю, вѣрю въ это. Я вѣдѣ теперь съ многими познакомился. Но ни одного не встрѣчалъ, которому бы такъ хотѣлось заглянуть въ душу. Вообще, знаешь, если я не совсѣмъ погрязъ,—потому что все же я еще держусь,—я этимъ главнымъ образомъ обязанъ твоему отцу. Что онъ говорилъ и какъ онъ говорилъ,—этого забыть нельзя. Такого другого учителя, какъ онъ, не существуетъ. Я утверждаю, что тотъ, на кого твой отецъ имѣлъ вліяніе, не можетъ совершенно измѣлчать.

Михалина. Надо бы такъ думать, Лахманъ. Да, да.

Лахманъ. Онъ какъ-то тебя всего пересоздастъ. У многихъ можно научиться тому-другому, я встрѣчалъ очень славныхъ людей; но всегда за ними и видѣлъ твоего отца, и ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ съ нимъ сравненія. Такъ онъ всѣхъ насъ, учениковъ, умѣлъ встряхнуть, онъ передѣлывалъ въ насъ все заново, переплавлялъ насъ на свой образецъ. Выколачивалъ изъ насъ все мѣщанское. Есть чего держаться всю жизнь. Кто знаетъ, напримѣръ, его строгое, неумолимое отношеніе къ искусству, тому потомъ въ жизни все кажется пустымъ...

Михалина. Теперь ты видишь... это отношеніе отца... какъ ты сказалъ... Ты чувствуешь его еще въ крови, и для меня оно мое лучшее достояніе. Онъ производитъ впечатлѣніе на самыя глупыя головы, а Арнольдъ его не принимаетъ. (Она встала). Ну, мнѣ пора идти въ школу, Лахманъ. Тебѣ смѣшно, ты думаешь, сама ничего не знаетъ.

Лахманъ. Въ этомъ ты дочь своего отца. Никогда я этого не могъ понять. Мнѣ думается, что какъ-то особенно безнадежно биться вотъ такъ съ живописующими дамами.

Михалина. Да иногда съ ними можно кое-что и сдѣлать. Стараются онѣ изъ всѣхъ силъ. Ужъ это одно мирить. Чего же желать еще? Достигнуть ли онѣ чего дѣйствительно?.. Въ стремленіи уже достигаешь многого. И, кромѣ того, меня, какъ отца, забавляетъ вліять на людей. Молодѣешь съ учениками, Лахманъ: а это съ теченіемъ времени бываетъ нужно. (Она отворяетъ дверь и кричитъ въ заднюю комнату) Мама, прощай, мы уходимъ.

Голосъ Арнольда (передразниваетъ ее). Мама, прощай, мы уходимъ.

Лахманъ. Кто это такой?

Михалина. Арнольдъ. Онъ всегда такъ. Забавнаго мало. Пойдемъ.

Лахманъ и Михалина (уходятъ).

Арнольдъ (входитъ. Это некрасивый человекъ, съ черными огненными глазами, въ очкахъ, темные волосы и тощая борода, фигура кривая и нѣсколько спорбленная. Цвѣтъ лица грязно-блѣдный. Онъ, слепая туфлями, идетъ къ зеркалу. Онъ въ брюкахъ и сюртукѣ; снимаетъ очки, корча гримасы, разсматриваетъ нечистоту своей кожи. Всѣмъ своимъ видомъ производитъ впечатлѣніе неряшливости).

Михалина (возвращается. Слегка испуганно). Ахъ, Арнольдъ! Я забыла зонтикъ. Кстати, ты знаешь, Лахманъ здѣсь.

Арнольдъ (показываетъ, чтобы его оставили въ покоѣ). Мнѣ

въ высокой степени наизевать на этого добродѣтельнаго мужчину.

Михалина. Скажи, пожалуйста, что тебѣ Лахманъ сдѣлалъ?

Арнольдъ. Онъ какъ-то мнѣ кукнишъ показалъ.

Михалина (пожимая плечами, спокойно). Не забудь, въ одиннадцатъ часовъ тебѣ надо быть у отца.

Арнольдъ (обѣими руками закрываетъ себѣ уши).

Михалина. Скажи, Арнольдъ, это по-твоему лично?

Арнольдъ. Да... Дай-ка мнѣ лучше одну марку взаймы.

Михалина. Я могу тебѣ дать взаймы. Почему же нѣтъ. Только, въ концѣ концовъ, я могу упрекнуть себя въ томъ, что...

Арнольдъ. Ну, пошла! Проваливай. Намъ ваше скражничество известно.

Михалина (хочетъ что-то возразить, пожимаетъ плечами и уходитъ).

Арнольдъ (идетъ къ столу, изъ котораго остатки завтрака, беретъ кусочекъ сахара въ ротъ и слегка задвигаетъ мать, которая какъ-разъ входитъ. Потомъ онъ опять подходитъ къ зеркалу).

Г-жа Крамеръ (вытираетъ руки о передникъ и опускается на первый попавшійся стулъ. Тяжело и озабоченно вздыхаетъ). О! Господи! О-охъ!

Арнольдъ (оборачивается, спускаетъ очи на кончикъ носа, поднимаетъ высоко плечи и принимаетъ соответствующій послѣдующему комическій видъ). Мама, похожъ я на марабу?

Г-жа Крамеръ. Ахъ, Арнольдъ, мнѣ, право, не до того! Я не могу смѣяться надъ твоими глупостями. Кто же тебѣ отперъ сегодня ночью?

Арнольдъ (приближается къ ней, сохранивъ комическую важность марабу). Отецъ!

Г-жа Крамеръ. Онъ спустился внизъ всѣ три лѣстницы?

Арнольдъ (все еще коса комично черезъ очки). Да!

Г-жа Крамеръ. Оставь, Арнольдъ, мнѣ это противно! Брось свои глупости. Можешь ты быть хоть когда-нибудь серьезень? Будь благоразуменъ. Расскажи мнѣ, что тебѣ сказалъ папа.

Арнольдъ. Вамъ всегда все противно. Вы мнѣ тоже противны,—и какъ еще!

Г-жа Крамеръ. Очень отецъ сердился, когда отперъ тебѣ?

Арнольдъ (но слышитъ какъ будто).

Г-жа Крамеръ. Что же онъ тебѣ сказать?

Арнольдъ. Ничего!

Г-жа Крамеръ (подходить къ нему, вѣжно). Арнольдъ, исправься. Изъ любви ко мнѣ! Начни другую жизнь.

Арнольдъ. А какъ же я живу?

Г-жа Крамеръ. Безпутно живешь ты! Лѣнтяишчаешься! Ночи напролѣтъ дома не бываешь. Шатаешься... О, Господи, Господи! Ты ведешь ужасную жизнь, Арнольдъ.

Арнольдъ. Не приходи въ азартъ, мать. Я хотѣлъ бы только знать, что это такое у тебя за предчувствія.

Г-жа Крамеръ. Очень мило, могу сказать, какъ ты съ матерью обращаешься.

Арнольдъ. Ну, такъ одѣлай милость, оставь меня въ покоѣ! Ну, что вы ко мнѣ пристааете! Такъ вѣдь и впрямь съ ума сойдешь.

Г-жа Крамеръ. Ты называешь это приставать, Арнольдъ? Когда подходишь къ тебѣ, тебѣ добра желаешь? Что же, мать твоя не можетъ подойти къ тебѣ? Арнольдъ, Арнольдъ, не грѣши!

Арнольдъ. Мнѣ это ни къ чему, мать. Къ чему эта вѣчная болтовня? Впрочемъ, у меня страшно голова болитъ! Дайте-ка мнѣ немножко денегъ, тогда я посмотрю, какъ мнѣ дальше быть...

Г-жа Крамеръ. Вотъ какъ? Чтобы ты совѣтъ погибъ. (Пауза).

Арнольдъ (у стола. Бореть булку въ руку). Булка! Какъ камень твердая.

Г-жа Крамеръ. Вставай раньше, свѣжую получишь.

Арнольдъ (зѣвая). Противно, до чего день тянется долго.

Г-жа Крамеръ. Не удивительно, если такъ проводить его, какъ ты. Выспался бы хорошенько ночь и днемъ былъ бы веселѣе... Арнольдъ, но сегодня я тебя такъ не отпущу! Груби мнѣ, сколько хочешь. Не могу я больше этого видѣть. (Онъ садится къ столу, она наливаетъ ему кофе). Гримасничай, сколько хочешь, я вижу за этимъ другое. У тебя что-то есть! Я тебя хорошо знаю. Тебя что-то беспокоитъ и мучитъ. Ты думаешь, я не омыхаю, какъ ты дышаешь? Ты безпрестанно дышаешь и самъ не замѣчаешь, какъ дышаешь.

Арнольдъ. Ахъ, Господи, вотъ подсматриваютъ! Къ чорту! Сколько разъ чихнулъ и что еще... Сколько разъ цѣлонулъ, сколько вдохнулъ. Отъ васъ на стѣну подѣзаетъ!

Г-жа Крамеръ. Говори, что хочешь, мнѣ все равно. Я знаю, что знаю, и все тутъ. Что-то тебя тяготитъ, Арнольдъ. Ужъ это по одному твоему безпокойству замѣтно. Безпокойный ты всегда былъ, но не такой, какъ теперь. Это я хорошо вижу.

Арнольдъ (ударяетъ кулакомъ по столу). Оставь меня въ покоѣ, мать!... Поняла? А то вы меня совсѣмъ изъ дому выживете. Что вамъ за дѣло до того, что я дѣлаю, мать? Я не младенецъ и, чего не хочу сказать, не скажу. Достаточно вы меня мучили. За вашу помощь тоже благодарю. Помочь вы мнѣ не можете, я вамъ говорю. Самое большее можете вопить о спасеніи.

Г-жа Крамеръ (плачетъ безудержно). Арнольдъ, ты сдѣлалъ что-нибудь дурное. Боже милосердный, Арнольдъ, ради Бога, что ты сдѣлалъ?

Арнольдъ. Убилъ стараго жидка, мама.

Г-жа Крамеръ. Не насмѣхайся, не насмѣхайся надо мною. Скажи мнѣ, если ты сдѣлалъ что-нибудь. Я же знаю, что ты не злой человѣкъ, но иногда ты раздражителенъ и запальчивъ. И что ты можешь сдѣлать въ бѣшенствѣ и въ запальчивости... кто знаетъ, что ты можешь сдѣлать.

Арнольдъ. Мама, мама, успокойся! Я не убилъ жидка, не поддѣлалъ даже векселя, хотя мнѣ очень нужны деньги, хоть немного.

Г-жа Крамеръ. Я стою на своемъ, ты что-то отъ насъ скрываешь! Ты не можешь смотрѣть прямо въ глаза. Въ тебѣ и прежде было что-то угрюмое, а теперь, Арнольдъ, ты только этого не замѣчаешь, теперь на тебѣ какъ будто клеймо. Ты пьешь! Прежде ты терпѣть не могъ пива. Ты пьешь, чтобъ заглушить что-то въ себѣ, Арнольдъ.

Арнольдъ (стоялъ до сихъ поръ у окна и барабанилъ пальцами по стеклу). Клеймо! Клеймо! Ну, и еще что? Мнѣ-то что. Говорите, что хотите... Клеймо на мнѣ, это ты правду сказала, но въ этомъ, кажется, я не повиненъ.

Г-жа Крамеръ. Всегда у тебя всѣ виноваты... Всѣхъ задѣваешь и иногда очень больно попадаешь—въ самое сердце. Мы же сдѣлали все, что могли. Что ты такимъ сталъ, какъ ты есть... Это надо терпѣть, коли Богъ послалъ.

Арнольдъ. Ну, такъ и терпите, сдѣлайте одолженіе. (Пауза).

Г-жа Крамеръ. Арнольдъ, послушай, не запирайся! Скажи мнѣ, что съ тобой. Неужели намъ такъ и бояться

день и ночь. Ты вѣдь не знаешь, какъ папа мучится. Я тоже столько дней не сплю. Сними же съ насъ эту тяжесть; она давитъ насъ, мальчикъ. Ты это можешь сдѣлать, скажи одно откровенное слово. Ты слабый, я знаю...

Арнольдъ. Ахъ, мать, оставь эти исторіи. А то я буду спать въ мастерской, т.-е. на моемъ сѣновалѣ, хотѣлъ я сказать. И лучше замерзну тамъ. Ну, что-то есть! Отлично! Я не спорю. Чтò же мнѣ поэтому тревогу бить? Отъ этого только бы хуже стало.

Г-жа Крамеръ. Арнольдъ, ты... Это все та исторія?.. Нѣсколько недѣль тому назадъ ты проговорился! А потомъ старался затушевать... Это все исторія съ той дѣвушкой, Арнольдъ?

Арнольдъ. Мать, да чтò ты, совсѣмъ съ ума сошла?

Г-жа Крамеръ. Мальчикъ мой, не причиняй намъ еще этого! Не запутывайся ты хоть въ любовныя исторіи. Свяжешься съ какой-нибудь бабой, тогда не вытащить тебя изъ тризп. Я знаю, какъ великъ здѣсь соблазнъ. Западни на каждомъ шагу. Когда мимо идешь, слышишь, какъ онѣ пристають. Полиція-то это терпитъ!.. Не послушаешься ты матери своей, такъ и другая бѣда съ тобой приключиться можетъ. Преступленія совершаются ежедневно.

Арнольдъ. Пусть только кто-нибудь дотронется до меня, мать! (Кладетъ руку въ карманъ брюкъ). Этотъ случай я предусмотрѣлъ.

Г-жа Крамеръ. Чтò это значитъ?

Арнольдъ. Что я на все готовъ. На это, слава Богу, нынче есть средства.

Г-жа Крамеръ. Неужели тебѣ не противно уже сна-ружи все это: барабаны на фортепіано, красные фонари и весь этотъ мерзкій чадъ! Арнольдъ, какъ я подумаю, что ты тамъ... я хочу сказать, въ такихъ вертепахъ... въ такихъ грязныхъ дырахъ проводишь ночи, тогда лучше бы мнѣ умереть и быть мертвой.

Арнольдъ. Мать, я бы хотѣлъ, чтобы этотъ день уже прошелъ. Вы меня совсѣмъ дуракомъ сдѣлали, звонъ въ ушахъ стонъ. Мнѣ надо всегда держать себя въ рукахъ, иначе въ трубу выдетишь. Я куплю себѣ мѣшокъ, мама, и буду таскать васъ всюду съ собой.

Г-жа Крамеръ. Хорошо. Но одно говорю тебѣ, ты не выйдешь сегодня вечеромъ изъ дому.

Арнольдъ. Да? Тогда я сейчасъ уйду, мама.

Г-жа Крамеръ. Въ одиннадцать къ папѣ и затѣмъ вернешься.

Арнольдъ. И не подумаю! Въ голову не придетъ.

Г-жа Крамеръ. Такъ куда же ты пойдешь?

Арнольдъ. Не знаю еще.

Г-жа Крамеръ. Значить, ты не будешь обѣдать дома?

Арнольдъ. Чтобы смотрѣть на ваши физиономіи? Нѣтъ.

И все равно я ничего не ѣмъ, мама.

Г-жа Крамеръ. И вечеромъ тебя опять не будетъ?

Арнольдъ. Я сдѣлаю, что мнѣ захочется.

Г-жа Крамеръ. Хорошо, мальчикъ, тогда между нами все кончено! И, кромѣ того, я высѣжу тебя! До тѣхъ поръ не успокоюсь, повѣрь! И если я узнаю, что за этимъ кроется такая женщина, тогда, клянусь тебѣ и Богъ мнѣ свидѣтель, я отправлю ее въ полицію!

Арнольдъ. Ну, мать, этого лучше не дѣлай.

Г-жа Крамеръ. Я скажу отцу. Напротивъ. И отецъ, отецъ вразумитъ тебя. Если онъ что замѣтитъ, онъ будетъ вѣнъ себя.

Арнольдъ. А я тебѣ только могу сказать: лучше этого не дѣлай. Когда отецъ мораль проповѣдуетъ, ты знаешь, я просто затыкаю себѣ уши. Никакого другого эффекта это не достигаетъ. О, Господи, да! Такъ чужды вы мнѣ стали... Ну, скажи сама, гдѣ я тутъ... что я тутъ?

Г-жа Крамеръ. Вотъ какъ?!

Арнольдъ. Ну, гдѣ? Гдѣ я, мать? Михалина, отецъ, ты, что вы хотите отъ меня? Какое вамъ до меня дѣло? И что, въ сущности, мнѣ до всѣхъ васъ?

Г-жа Крамеръ. Что? Какъ?

Арнольдъ. Да, ну что? Что вамъ отъ меня нужно?

Г-жа Крамеръ. Какія возмутительныя вещи ты говоришь!

Арнольдъ. Да, да, возмутительныя: по-моему тоже. Но, правда, мать, на этотъ разъ истинная правда. Не соврать я. Вы мнѣ помочь не можете, говорю я вамъ. И если вы будете приставать ко мнѣ еще, тогда случится... нѣчто, мама, что васъ, можетъ-быть, очень озадачитъ!.. Тогда будетъ конецъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Мастерская старика Крамера въ академіи. Задернутый сѣрый занавѣсъ скрипаетъ самую мастерскую. Передъ занавѣсомъ направо дверь, изъ которой ведетъ лѣсенка. Также направо, ближе къ пореднему плану, старый кожаный диванъ и передъ нимъ маленькій по-

крытый столикъ. Надъ половиною большого окна мастерской, другая половина скрыта занавѣсомъ. Подъ нимъ маленький столикъ, на которомъ лежатъ принадлежности для гравированія и начатая доска. На столѣ передъ диваномъ письменныя принадлежности, бумага, старинный подсвѣчникъ со свѣчой и проч. На стѣнѣ голубовато-сѣраго цвѣта, надъ диваномъ висятъ типовыя снимки: рука, нога, женскій бюстъ и маска Бетховена. Поворхъ занавѣса, который по доходитъ на одну треть до потолка помещенія, вблизи верхнюю часть мольберта. Надъ диваннымъ столомъ газовый рожокъ. Два простыхъ гнутыхъ стула дополняютъ обстановку. Всюду царитъ чистота и тишина. Порядокъ. Михаилъ Крамеръ сидитъ на диванѣ и, охая, подписываетъ нѣсколько бумагъ, которыхъ ждетъ пядель Краузе съ шалкой въ рукѣ. Краузе — широкій и неуклюжій. Краморъ — бородаватый чоловікъ, за пятьдесятъ лѣтъ, бѣлымъ предъ въ черной бородѣ и въ волосахъ. Голова всажена между слишкомъ высокихъ плечъ. Фигура согнутая, какъ бы подъ какою тяжестью. Глубоко лежащіе глаза, темные, горящіе и притомъ безпокойные. У него длинныя руки и ноги, некрасивая походка, большой шагъ. Лицо его блѣдно и худощаво. Онъ часто охаетъ. Въ его малорѣчь говорить есть что-то попроизвольно-свирѣлое. Онъ ступаетъ въ своихъ безформенныхъ и прямо вычищенныхъ сапогахъ, выворачивая ступни. На немъ черныя сюртукъ, черныя жилеты, черныя панталоны, старомодный отложной воротничокъ, крахмаленная сорочка и черныя галстучекъ ленточкой — все безукоризненной чистоты и аккуратности. Манеры онъ поставилъ на подоконникъ. Въ общемъ онъ при первомъ взглядѣ производитъ странное впечатлѣніе фигуры значительной и скорѣе отталкивающей, чѣмъ привлекающей. Надъ, передъ окномъ, стоитъ Лахманъ спиной къ комнатѣ. Онъ ждетъ и смотритъ въ окно.

Крамеръ (къ Лахману). Видите, мы все тутъ дѣла дѣлаемъ. (Къ Краузе) Такъ. Кланяйтесь отъ меня директору. (Встаётъ, собираетъ бумаги и вручаетъ ихъ подолу, затѣмъ начинаетъ приводить въ прежній порядокъ свой столикъ). А вы любуетесь моими тополями?

Лахманъ (разматривавшій идущую доску, нѣсколько пугается и выпрямляется). Извините.

Краузе. Прощайте, г. Крамеръ, прощайте, г. Лахманъ.

Лахманъ. До свиданія, г. Краузе.

Крамеръ. Съ Богомъ.

(Краузе уходитъ).

Крамеръ. Пять лѣтъ тому назадъ меня посѣтилъ Бѣслинъ. Знаете, онъ стоялъ передъ этимъ окномъ... не могъ пасмотрѣться, знаете.

Лахманъ. И правда, тополя удивительно красивы. Они еще тогда произвели на меня впечатлѣніе. Много лѣтъ тому назадъ, когда я впервые здѣсь былъ. Они выстроились такъ величественно. Академія среди нихъ, какъ храмъ.

Крамеръ. Знаете, это обманчиво.

Лахманъ. Но только отчасти!.. А что Бѣслинъ здѣсь былъ, я не зналъ.

Крамеръ. Они тогда вдумали тамъ, въ провинціальномъ музеѣ, поручить ему расписать лѣстницу. А потомъ нашелся какой-то профессоръ. Ахъ, знаете, это преступленіе.

Лахманъ. Въ этомъ отношеніи непростительное.

Крамеръ. А, знаете ли, вѣдь никогда иначе и не было. Но тутъ это особенно жалко. Такія сокровища можно было собрать при такихъ громадныхъ затратахъ, которые теперь дѣлаются въ странѣ, знаете! А такъ самые достойные остаются не у дѣлъ. (Лахманъ взялъ въ руки гравировальный листъ, и Крамеръ продолжаетъ, говоря о гравюрахъ) Это такъ, этюдъ для моей картины. Но доска была недостаточно протерта. И вся исторія еще не клеится. Мнѣ нужно будетъ еще хорошенько поработать надъ ней.

Лахманъ. Я тоже вѣдь попробовалъ гравюру, но скоро бросилъ.

Крамеръ. А надъ чѣмъ вы теперь работали, Лахманъ?

Лахманъ. Портреты, пейзажи, всякую всячину. Ничего не вышло, къ сожалѣнію.

Крамеръ. Надо работать, работать, работать, Лахманъ. Знаете, вы должны работать, Лахманъ. А то заживо покроешься плѣсенью. Всмотритесь-ка въ такую жизнь, какъ работаетъ такой человѣкъ, какъ Беклинъ. Тогда и выходить толкъ. Не то, что онъ пишетъ, а весь человѣкъ. Знаете, работа—это жизнь, Лахманъ!

Лахманъ. Я тоже такъ думаю.

Крамеръ. Я безъ работы никуда негодный дѣлаюсь. А работаю, чувствую себя чѣмъ-то.

Лахманъ. А у меня какъ-то время уходитъ, и я до настоящаго никакъ не доберусь.

Крамеръ. Какъ же это такъ, знаете?

Лахманъ. Потому что у меня другое дѣло есть: работа, которая вовсе и не работа.

Крамеръ. Какъ же это понять, знаете?

Лахманъ. Я прежде былъ художникомъ и больше ничего. А теперь я принужденъ кропать строчки.

Крамеръ. Что это значитъ?

Лахманъ. Я пишу въ газетахъ.

Крамеръ. А!

Лахманъ. Это значитъ, другими словами, г. Крамеръ, я трачу самое драгоценное время на то, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба. На масло, по правдѣ сказать, не хватаетъ. А какъ женой и семьей обзаведешься...

Крамеръ. Семью надо имѣть, Лахманъ. Это очень хорошо, это такъ и должно быть. А что касается до вашего писанья, пишите только добросовѣстно. У васъ есть пониманіе настоящаго, знаете; а съ этимъ вы можете много сдѣлать.

Лахманъ. Но все это Сизифова работа. Публика цинскіи не мѣняется. Вотъ и волоочишь изо дня въ день Сизифовъ камень...

Крамеръ. А что-бъ мы были безъ этого, знаете?

Лахманъ. Въ концѣ концовъ все же приходится жертвовать собой. И если ужъ не пробьешься живописью, тогда...

Крамеръ. Знаете, это совершенно все равно. Если-бъ мой сынъ сталъ сапожникомъ и сапожникомъ исполнять свой долгъ, я бы такъ же уважалъ его, знаете. Есть у васъ дѣти?

Лахманъ. Одинъ. Сынъ.

Крамеръ. Ну, знаете, вотъ вы уже и сдѣлали кое-что, Лахманъ. Ничего лучшаго и нельзя сдѣлать. Значитъ, статьи ваши легко вамъ даются, знаете,—что?

Лахманъ. Ну, этого я не могу сказать, г. Крамеръ.

Крамеръ. Обязанности, обязанности—вотъ главное. Это прежде всего дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, знаете. Надо сознать всю серьезность жизни, и потомъ, знаете, можно подняться надъ ней.

Лахманъ. Но иногда это бываетъ, правда, очень нелегко.

Крамеръ. Оно и должно быть нелегко, знаете. Въ этомъ сказывается, кто что собой представляетъ? Человѣкъ выявляетъ человѣка. Нынѣшніе шалопаи думаютъ, что міръ—это постель публичной женщины. А настоящій человѣкъ долженъ признавать обязанности, знаете.

Лахманъ. Но и обязанности относительно себя.

Крамеръ. Да, знаете, въ этомъ вы правы. Кто признаётъ обязанности относительно себя самого, признаётъ обязанности и относительно другихъ. Сколько лѣтъ вашему сыну?

Лахманъ. Три года, г. Крамеръ.

Крамеръ. Знаете, когда мой мальчикъ появился на свѣтъ... застыло это у меня въ головѣ! Цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ я ждалъ. Когда жена родила Арнольда, знаете, я задрожалъ, знаете. Я его запеленалъ, знаете, и заперся съ нимъ въ своей кельѣ, и, знаете, это былъ какъ храмъ,

Лахманъ: я посвятилъ его Богу... Вы вотъ не знаете, что это такое сынъ! А я, ей-Богу, я это зналъ. Я думалъ: не я, а ты! Не я, думалъ я про себя, а ты, быть-можетъ!.. (Съ горечью) А мой сынъ негодяй, видите ли, Лахманъ. И все же я бы всегда такъ поступилъ.

Лахманъ. Онъ не негодяй, г. Крамеръ.

Крамеръ (съ большой горячностью и свирѣпостью). Знаете, оставьте меня въ покоѣ, шалопай онъ и больше ничего! Или, лучше, не будемъ говорить объ этомъ. Знаете, я вамъ скажу, Лахманъ. Это больное мѣсто мое. Это меня гложетъ. Но оставимъ это.

Лахманъ. Все это, конечно, еще перемѣнится.

Крамеръ (все еще съ горечью и свирѣпостью). Не перемѣнится! Не перемѣнится! Въ немъ нѣтъ ни одной хорошей черточки. Мальчикъ въ корнѣ испорченъ. Дурной человекъ! Низкій человекъ! Этого не измѣнишь! Это не можетъ измѣниться! Знаете, я все могу простить, но низости я не могу простить. Мнѣ противна низкая душа, знаете, а у него именно низкая душа, трусливая, подлая: это мнѣ противно. (Онъ идетъ къ простому шкапу въ стѣнѣ, выкрашенному въ сѣрый цвѣтъ). И, знаете, у этого негодяя такой талантъ, что я готовъ волосы рвать на головѣ. Гдѣ нашъ братъ трудиться долженъ, гдѣ мучишься день и ночь, этому все готовое съ неба валится. Вотъ посмотрите его этюды и наброски. Ну развѣ это не жалость, скажите? За что онъ ни возьмется, у него все выходитъ. Что бы ни началъ, все удается. Вы посмотрите, какъ это все сдѣлано,—можно заплакать съ досады. (Онъ нѣсколько разъ проходитъ взадъ и впередъ по передней части комнаты, пока Лахманъ просматриваетъ наброски и этюды. Стучать). Войдите!

Михалина (входя въ костюмъ для гулянья). Я только за Лахманомъ зашла, отецъ.

Крамеръ (поверъ очковъ). А школу бросила?

Михалина. Я какъ разъ оттуда... Лахманъ, я встрѣтила твою жену. Она не хотѣла ждать въ кафе. Пошла къ твоей матери. (Лахманъ и Михалина смѣются).

Крамеръ. Почему же вы ее сюда не привели?

Лахманъ. Она не очень подходитъ къ мастерской.

Крамеръ. Глупости! Что это значить? Не понимаю!

Михалина (стоитъ за Лахманомъ и вмѣстѣ съ нимъ разсматриваетъ этюды). Эту мельницу я тоже писала.

Крамеръ. М... м... но иначе.

Михалина. Но съ той точки.

КРАМЕРЪ. Да, я тоже этой точки зрѣнія.

ЛАХМАНЪ (смѣется).

МИХАЛИНА. Это меня нисколько не задѣваетъ, отецъ. Если кто дѣлаетъ, что можетъ, такъ съ него большаго и требовать нечего.

КРАМЕРЪ. Ты, дѣвочка, силы свои знаешь.

МИХАЛИНА. Конечно, знаю, и очень хорошо знаю. Ты отъ меня ничего не ждешь.

КРАМЕРЪ. Послушай, съ чего это ты взяла? Если бы Арнольдъ наполовину былъ такъ прилеженъ, какъ ты, и наполовину такъ одаренъ, мальчикъ былъ бы совсѣмъ другимъ, въ этомъ ему не сравняться съ тобой. Но въ немъ есть искра, которой у тебя нѣтъ. Человѣкъ долженъ знать себя цѣну. Ты себя знаешь цѣну, и въ этомъ твое преимущество. Потому съ тобой и говорить можно. Все, что можно взять упорствомъ, прилежаніемъ и волей, ты взяла, Михалина, и можешь быть этимъ довольна. (Смотритъ на свои карманные часы) Десять... Лахманъ, теперь у насъ ничего не выйдетъ. Я радъ, что вы пріѣхали. И я, пожалуй, охотно пойду съ вами выпить куда-нибудь стаканъ пива. А теперь мнѣ надо въ классъ зайти, а въ одиннадцать я жду сына.

МИХАЛИНА (серьезно). Отецъ, развѣ ты не покажешь Лахману свою картину?

КРАМЕРЪ (быстро оборачивается). Нѣтъ, Михалина. Что это тебѣ пришло въ голову?

МИХАЛИНА. Очень просто, онъ слышалъ о ней и сказалъ мнѣ, что хотѣлъ бы ее видѣть.

КРАМЕРЪ. Оставьте меня съ этимъ въ покоѣ. Всѣ являются и хотятъ видѣть мою картину. Да нишите себя сами картину, сколько угодно! Я не могу вамъ ее показать, Лахманъ.

ЛАХМАНЪ. Я, конечно, не настаиваю, г. Крамеръ.

КРАМЕРЪ. Видите, это выше моихъ силъ. Вотъ я живу теперь семь лѣтъ этой картиной. Вначалѣ какъ-то разъ Михалина видѣла—сынъ никогда даже не спрашивалъ о ней! Теперь пожаловалъ директоръ Мюрингъ. И вотъ это не вмѣщается у меня въ голову. Знаете, это нельзя, этого я не могу. Ну, если бы у васъ была любовница, и всѣ бы забирались къ ней въ постель... Это вѣдь свинство и ничего больше. Этакъ всякую радость потеряешь... Лахманъ, этого нельзя! Я этого не хочу!

МИХАЛИНА. Я не понимаю твоего сравненія, отецъ: Такая сдержанность кажется мнѣ слабостью.

КРАМЕРЪ. Можешь думать, что хочешь. Но замѣть себѣ, что я скажу. Все рождается въ одиночествѣ. Свое собственное, настоящее, глубокое и сильное зарождается только въ одиночествѣ. Художникъ всегда истинный отшельникъ. Такъ! А теперь я пойду, оставьте меня въ покоѣ.

МИХАЛИНА. Жаль, отецъ, мнѣ очень жаль. Если ты такъ будешь баррикадироваться даже отъ Лахмана... меня это удивляетъ. Вѣдь ты такимъ образомъ отстраняешь отъ себя всякое общеніе. Будь откровеннымъ: послѣ того, какъ тутъ намеренъ быть директоръ Мюрингъ, это тебя очень освѣжило, соизнайся. Ты потомъ былъ въ такомъ подъемѣ.

КРАМЕРЪ. Но въ ней пока вѣдь ничего нѣтъ. Ничего пока нѣтъ. Вы, знаете, не огорчайте меня! Если ужъ показывать, такъ нужно, чтобы что-нибудь было. Вы думаете, это шутка? Знаете, если у кого хватаетъ дерзости писать Человѣка въ терновомъ вѣнцѣ—ему, знаете, на это надо всю жизнь отдать. Знаете, и жизнь не шумную, не пустую, а одинокіе часы, одинокіе дни, одинокіе годы, видите ли. Ему нужно, знаете, быть тогда съ собой наединѣ, со своими страданіями, со своимъ Богомъ. Ему нужно, знаете, освящать себя каждый день! Ничего пошлаго не должно быть въ немъ или около него... И вотъ тогда, знаете, сходитъ Святой Духъ, когда борешься и мучишься въ такомъ одиночествѣ. Тогда можетъ что выпасть на мою долю. Тогда, знаете ли, небо видишь, ужъ что-то предчувствуешь. Погружаешься въ вѣчность, видите ли, и тогда оно тутъ, передъ вами, тихое и прекрасное. Это является помимо вашей воли. Тогда видишь Спасителя, чувствуешь его. Ну, а какъ двери начнутъ хлопать, Лахманъ, Его не увидишь, не почувствуешь. Тогда Онъ исчезаетъ, знаете, совсѣмъ безслѣдно.

ЛАХМАНЪ. Г. Крамеръ, теперь мнѣ, право, очень жаль...

КРАМЕРЪ. Ахъ, что тамъ жаль, всякій долженъ о себѣ думать. Мѣсто, на которомъ ты стоишь, когда работаешь, святая земля, вотъ что надо говорить себѣ. Вы, другіе, оставайтесь за дверями, поняли? Мѣста много для базарной суетоки... Искусство—религія. Когда молишься, удалился въ свою келью. Торговцевъ и мѣняль вонъ изъ храма. (Овъ поворачиваетъ ключъ въ замкъ во входной двери).

МИХАЛИНА. Но мы же не мѣнялы и не торговцы.

КРАМЕРЪ. Да, конечно. Боже сохрани, да, но все же! Это выше моихъ силъ... Я отлично понимаю Лахмана. Ему хочется посмотрѣть, что такое кроется за всѣмъ этимъ.

Пока слышать одни громкія слова, теперь хочется и вправду увидать что-нибудь. А ничего нѣтъ. Я ему такъ и сказалъ. Ничего у старика не вышло. Иногда онъ видитъ и чувствуетъ—а потомъ беретъ шпатель и спараниваетъ все сдѣланное. (Стучать). Стучать! Можетъ, когда въ другой разъ, Лахманъ! Войдите!.. А теперь ничего нѣтъ... Знаете, вѣдь стучали! Войдите!

Михалина. Ты же заперъ дверь, отецъ.

Крамеръ. Я? Когда же?

Михалина. Да вотъ сейчасъ. Сейчасъ, когда проходилъ по комнатѣ.

Крамеръ. Отопри и посмотри, что тамъ.

Михалина (пріотворяетъ дверь). Какая-то дама, папа.

Крамеръ. Натурщица, должно-быть. Мнѣ не нужно!

Лиза Беншъ (еще за дверью). Могу я видѣть г. профессора?

Михалина. Что вамъ угодно, позвольте узнать?

Лиза Беншъ. Я бы хотѣла видѣть самого г. профессора.

Михалина. Какого профессора?

Крамеръ. Скажи ей, что никакого профессора здѣсь нѣтъ.

Лиза Беншъ. Профессоръ Крамеръ не здѣсь живетъ?

Крамеръ. Меня зовутъ Крамеръ, войдите.

Лиза Беншъ (входитъ). Стройная, красивая особа, разряжена, такъ кокетка). Осмѣлюсь, если позволите.

Крамеръ. Идите-ка, дѣти, въ вашъ музей. Вы вѣдь въ музей собирались. Въ двѣнадцать я буду васъ ждать, Лахманъ. (Провожаетъ Лахмана и Михалину до двери. Лахманъ и Михалина уходятъ). Съ кѣмъ имѣю честь? Къ вашимъ услугамъ.

Лиза Беншъ (не безъ смущенія, но очень аффектированно). Г. профессоръ, я и есть Лиза Беншъ. Я по очень щекотливому дѣлу.

Крамеръ. Садитесь, прошу. Вы натурщица?

Лиза Беншъ. О, нѣтъ, г. профессоръ, вы ошибаетесь. Мнѣ, слава Богу, этого не нужно. Я, слава Богу, г. профессоръ, не натурщица.

Крамеръ. А я, фрейлейнъ, слава Богу, не профессоръ. Чѣмъ обязанъ удовольствію васъ видѣть?

Лиза Беншъ. А вамъ это надо сейчасъ же знать? Можно мнѣ передохнуть немножко? Я, видите ли, очень разгорячилась. Я внизу хотѣла даже назадъ повернуть, а потомъ все же рѣшилась.

КРАМЕРЪ. Сдѣлайте милость, отдохните.

ЛИЗА БЕНШЪ (садится, покашливаетъ и осторожно притрагивается подъ вуалью къ своему накрашенному лицу). Нѣтъ, какъ вы только про меня такое подумать могли! Хорошо, что Георгъ не слышитъ. Мой женихъ служить въ судѣ, онъ бы изъ себя вышелъ. А я, правда, такъ похожа на натурщицу?

КРАМЕРЪ (задерживается занавѣску наokit). Это смотря по тому, кто васъ будетъ писать. Смотри по обстоятельствамъ, мы всѣ можемъ быть натурщиками. Если вы думаете, что въ этомъ есть что-нибудь позорное, то это большая ошибка.

ЛИЗА БЕНШЪ. Нѣтъ, знаете ли, я просто боюсь васъ. Не сердитесь на меня, г. Крамеръ, но я просто васъ боялась.

КРАМЕРЪ. Нельзя ли покороче, въ чемъ дѣло?

ЛИЗА БЕНШЪ. Я о васъ поспросила, а они всѣ говорили о васъ, какъ будто... вы Богъ знаете какой, въ родѣ нечистаго, что ли.

КРАМЕРЪ. Очень благодаренъ. Чтѣ же вы желаете? Могу васъ увѣрить, что здѣсь васъ не тронутъ.

ЛИЗА БЕНШЪ. Вотъ Арнольдъ васъ тоже такъ боится.

КРАМЕРЪ (пораженный, смущенный). Арнольдъ? Чтѣ это значитъ? Какъ вы сказали?

ЛИЗА БЕНШЪ (боязливо привстаетъ). Ай, какъ вы смотрите, г. Крамеръ. Я ужъ лучше уйду. Арнольдъ вотъ тоже всегда такіе глаза дѣлаетъ и...

КРАМЕРЪ. Какой Арнольдъ? Я его знаю?

ЛИЗА БЕНШЪ (боязливо и успокаивающе). Г. Крамеръ, прошу васъ, не беспокойтесь, это ничего. Пусть ужъ само собой уладится. Родители не знаютъ, что я здѣсь... Это, какъ я говорю вамъ, дѣло щекотливое. Лучше ужъ и совсѣмъ не буду говорить объ этомъ.

КРАМЕРЪ (дѣлая надъ собой усиліе). Я вижу васъ сегодня въ первый разъ. Поэтому прошу извинить меня. У меня есть сынъ, его зовутъ Арнольдъ. Если вы говорите объ Арнольдѣ Крамерѣ...

ЛИЗА БЕНШЪ. Ну да, конечно, я говорю объ Арнольдѣ Крамерѣ.

КРАМЕРЪ. Отлично. Но это меня... не удивляетъ. Чтѣ же вы имѣете сказать о немъ?

ЛИЗА БЕНШЪ. Ахъ, что онъ такой глупый, такой сумасшедшій, что онъ не даетъ мнѣ покоя

КРАМЕРЪ. Гм... такъ. Въ какомъ же это смыслѣ? Чтѣ вы хотите сказать?

Лиза Беншъ. Потому что надо мной всё смѣются изъ-за него. Я его никакъ не могу образумить.

Крамеръ. Да, это трудно, этому я повѣрю.

Лиза Беншъ. Я ему сказала: иди домой, Арнольдъ. И никакихъ. Торчитъ всю ночь!

Крамеръ. Такъ онъ у васъ былъ эту ночь?

Лиза Беншъ. Его невозможно съ мѣста сдвинуть. Папа пробовать, мама пробовала, посѣтители наши пробовали, и я пробовала. И все напрасно. Сидитъ и пялитъ глаза, вотъ такъ, какъ вы. Пока послѣдній гость не уйдетъ, онъ не тронется съ мѣста.

Крамеръ. Вашъ отецъ трактирщикъ?

Лиза Беншъ. Рестораторъ.

Крамеръ. А ваши постоянные посѣтители, кто это?

Лиза Беншъ. Ассессоръ Шнабель, архитекторъ Циннъ, мой женихъ и еще нѣсколько господъ.

Крамеръ. И вотъ они всё старались выпроводить его, такъ сказать?

Лиза Беншъ. Они всегда его называютъ марабу. (Смѣется). Это, знаете, такая птица. Они говорятъ, что онъ точь-въ-точь такой. Потому, вѣрно, что онъ кривобокій...

Крамеръ. Да, да, совершенно вѣрно. А они очень веселые, эти ваши постоянные посѣтители?

Лиза Беншъ. Страшно веселые. Прямо умереть со смѣху можно. Такой стоитъ хохотъ, просто не расскажешь. Споспешительно, скажу я вамъ. Арнольдъ всегда ѣсть очень много хлѣба, вѣдь даровой на всѣхъ столахъ лежитъ; вотъ они намеренно и повѣсили корзинку какъ разъ надъ мѣстомъ, гдѣ онъ всегда сидитъ. Понимаете? Подъ потолкомъ повѣсили, но снизу не достать. Такъ все заведеніе просто ржало отъ смѣха.

Крамеръ. И мой сынъ сидитъ съ ними за однимъ столомъ?

Лиза Беншъ. О, нѣтъ, этого мой женихъ не потерпитъ. Онъ всегда сидитъ одинъ въ углу. А потому, что онъ вынимаетъ иногда листокъ и косится на ихъ столъ такъ злобно, это, конечно, господамъ не нравится. И разъ къ нему одинъ господинъ подошелъ и выговаривалъ ему.

Крамеръ. Они не хотѣли, чтобъ онъ рисовалъ, эти господа?

Лиза Беншъ. Да, потому что онъ все рожи рисуетъ. Этого же нельзя себѣ позволять, г. Крамеръ. Онъ мнѣ разъ показалъ одинъ рисунокъ. Этакая маленькая собачка и такъ много большихъ... Такая гадость, прямо ужасно!

КРАМЕРЪ. Платить Арнольдъ за то, что требуетъ?

ЛИЗА БЕНШЪ. Ахъ, что тамъ! Я не изъ-за того. Выпить два, самое большее три стакана пива. Если бы только это, г. Крамеръ.

КРАМЕРЪ. Вы, что называется, душа-человѣкъ!.. Если я васъ такъ понялъ, фрейлейнъ, то сынъ мой въ вашемъ домѣ, какъ бы это сказать, нѣчто въ родѣ шута, но отъ котораго все же пріятнѣе было бы избавиться. И далѣе я не ошибусь, если предположу, что ни постоянные ваши посѣтители,—вѣроятно, почтеннѣйшіе люди! — ни пиво, ни хлѣбъ вашего почтеннѣйшаго папеньки,—не это удерживаетъ Арнольда у васъ?

ЛИЗА БЕНШЪ (кокетливо). Но я-то тутъ не при чемъ.

КРАМЕРЪ. Да, да, конечно, что же вы можете сдѣлать. А мнѣ что прикажете дѣлать?

ЛИЗА БЕНШЪ. Г. Крамеръ, я такъ боюсь его. Онъ поджидаетъ меня на всѣхъ углахъ, и тогда я цѣлыми часами не могу отъ него отдѣлаться, и потому мнѣ все кажется, честное слово, что онъ со мной что-нибудь сдѣлаетъ.

КРАМЕРЪ. Гм... Что же, онъ вамъ прямо грозилъ когда-нибудь?

ЛИЗА БЕНШЪ. Нѣтъ, этого я не могу сказать. Но все же что-то есть такое въ немъ. Мнѣ иногда дѣлается страшно, когда я на него посмотрю. И вотъ тоже, когда онъ такъ сидитъ... и задумается... Цѣлыми часами сидитъ, до полуночи, ни слова не говоритъ, будто не въ себѣ... И вотъ тоже, когда свои исторіи рассказываетъ, онъ такія сочиняетъ небылицы... ухъ! Знаете, а потомъ смотреть на меня...

КРАМЕРЪ. А у васъ къ нему нѣтъ никакого чувства? (Раздается звонокъ).

ЛИЗА БЕНШЪ. Ахъ, Господи! Конечно, нѣтъ.

КРАМЕРЪ. Отлично. Хотите встрѣтиться здѣсь съ Арнольдомъ?

ЛИЗА БЕНШЪ. Боже меня сохрани! Ни за что.

КРАМЕРЪ. Ровно одиннадцать и звонокъ. Онъ долженъ быть здѣсь ровно въ одиннадцать. (Онъ раскрываетъ дверь въ сосѣднюю комнату). Войдите сюда, пожалуйста. Увѣряю васъ, если что-нибудь зависить отъ меня, все будетъ сдѣлано.

ЛИЗА БЕНШЪ (уходитъ въ сосѣднюю комнату).

КРАМЕРЪ (отворяетъ главную дверь и выпускаетъ Арнольда. Въ вилломъ лицѣ Арнольда борются упрямство, отвращеніе и страхъ). По-

дожди-ка здѣсь, я сейчасъ приду. (Онъ провожаетъ Арнольда за занавѣсъ, опускаетъ его и раскрываетъ дверь въ кабинетъ. Оттуда выходитъ Лиза. Онъ прикладываетъ руку къ губамъ и показываетъ на занавѣсъ. Лиза дѣлаетъ то же движеніе. Онъ ведетъ ее къ входной двери, въ которую она проскальзываетъ. Крамеръ останавливается, стонетъ, хватается за лобъ и затѣмъ принимается ходить взадъ и впередъ по передней части комнаты. Видно, что онъ употребляетъ всю волю, чтобы овладѣть своимъ глубочайшимъ волненіемъ и подавить стоны. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ онъ овладѣваетъ собою: Отдергиваетъ занавѣсъ и говоритъ, обращаясь къ Арнольду). Арнольдъ, я хотѣлъ поговорить съ тобой. (Арнольдъ медленно показывается изъ-за занавѣса. Цвѣтной галстукъ, претензіи на франтовство). Какъ ты расфрантился.

Арнольдъ. Какъ?

Крамеръ. Я о твоёмъ красномъ галстукѣ.

Арнольдъ. Такъ что же?

Крамеръ. Непривычно на тебѣ. И лучше бы ты это оставилъ, Арнольдъ. Ну что, сдѣлать ты наконецъ наброски?

Арнольдъ. Какіе, отецъ? Я не знаю.

Крамеръ. Гм... Ты о нихъ забылъ. Такъ, такъ. Ну, если тебѣ не очень трудно, не сдѣлаешь ли ты усилій и не вспомнишь ли?

Арнольдъ. Ахъ, да. Ты о тѣхъ, что для столяра.

Крамеръ. Да, хотя бы и для столяра. Это не относится къ дѣлу, кто онъ. Значить, они у тебя не подвинулись?.. Послушай, скажи прямо: «нѣтъ», не выискивай предлоговъ. Какъ же ты проводишь все время?

Арнольдъ (представляется удивленнымъ). Я работаю, отецъ.

Крамеръ. Надъ чѣмъ же ты работаешь?

Арнольдъ. Рисую, пишу, все такое.

Крамеръ. А я думалъ, что ты весь день ничего не дѣлаешь. Я радъ, что ошибся. Впрочемъ, мнѣ дѣла до тебя нѣтъ. Ты достаточно великовозрастенъ, и я не сыщикъ. Кстати, я хотѣлъ тебѣ сказать: если у тебя что есть на сердцѣ... я все же твой отецъ, такъ сказать. Понимаешь? Подумай объ этомъ, пожалуйста.

Арнольдъ. У меня ничего нѣтъ на сердцѣ, отецъ.

Крамеръ. Я и не говорю этого. И не настаиваю совсемъ. Я сказалъ: если у тебя есть что-нибудь. Я могъ бы тебѣ тогда, быть-можетъ, помочь. Я знаю жизнь нѣсколько больше тебя. На всякій случай, понимаешь ты. Ты сегодня опять не ночевалъ дома. Ты разстраиваешь свое здоровье. Подумай о своемъ здоровьи. Въ здоровьи

тѣлѣ здоровая душа. Здоровая жизнь—здоровое искусство. Гдѣ же ты такъ долго вчера пропадалъ? Оставь—мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я не хочу знать, чего ты не хочешь сказать. Скажи добровольно, или молчи.

Арнольдъ. Я былъ за городомъ съ Альфредомъ Френкелемъ.

Крамеръ. Вотъ какъ! Гдѣ же именно, въ Пиршамѣ, или гдѣ?

Арнольдъ. Нѣтъ. Тутъ, въ Шейтницѣ.

Крамеръ. И оба всю ночь тамъ были?

Арнольдъ. Нѣтъ, оттуда пошли къ Френкелю.

Крамеръ. И тамъ до четырехъ утра?

Арнольдъ. Да, почти до четырехъ. Потомъ бродили по улицамъ.

Крамеръ. Такъ! Съ Френкелемъ? Вдвоемъ? Очень, значитъ, вы подружились? Что же такое вы съ нимъ дѣлаете, когда сидите такъ, а другіе всѣ спятъ?

Арнольдъ. Мы куримъ и говоримъ объ искусствѣ.

Крамеръ. Да? Арнольдъ, ты пропащій человѣкъ.

Арнольдъ. Но почему же?

Крамеръ. Ты пропащій человѣкъ. Ты испорченъ до мозга костей.

Арнольдъ. Ты это уже сколько разъ мнѣ говорилъ.

Крамеръ. Да, я долженъ это былъ тебѣ говорить... Я долженъ былъ тебѣ это говорить тысячи разъ, и, что еще хуже, я это чувствовалъ. Арнольдъ, докажи мнѣ, что я лгу! Докажи мнѣ, что я неправъ, я буду ноги цѣловать тебѣ за это.

Арнольдъ. Что бы я ни говорилъ, я думаю...

Крамеръ. Что? Что ты испорченъ?

Арнольдъ (очень блѣденъ, пожимаетъ плечами).

Крамеръ. Что же дальше, если это такъ будетъ?

Арнольдъ (холодно и враждебно). Я этого самъ не знаю, отецъ.

Крамеръ. А я знаю, ты погибнешь окончательно! (Онъ яростно шагаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливается у окна, зажавъ руки за спину, нервно постукивая носкомъ).

Арнольдъ (съ непельно-блѣднымъ лицомъ, зло искаженнымъ, хватая свою шляпу и идетъ къ двери. Когда онъ берется за ручку двери, Крамеръ оборачивается).

Крамеръ. Тебѣ нечего больше сказать мнѣ?

Арнольдъ (выпускаетъ ручку двери, бросаетъ исподлобья взглядъ съ выраженіемъ упорства на лицѣ).

Крамеръ. Арнольдъ, и ничего въ тебѣ не шевельнется?

Ты не чувствуешь, какую пытку мы терпимъ? Скажи что-нибудь. Защищайся. Скажи же что-нибудь, какъ мужчина мужинѣ, или какъ другъ другу. Я былъ несправедливъ къ тебѣ? Объясни мнѣ! Говори! Ты можешь говорить, какъ мы. Зачѣмъ же ты всегда ползаешь предо мной? Я презираю трусость, ты же знаешь. Скажи: отецъ мой тиранъ. Отецъ мой мучитъ меня. Отецъ мой терзаетъ меня. Онъ, какъ чортъ, за мной всюду. Скажи, скажи ему это прямо. Скажи мнѣ, какъ мнѣ исправить свои ошибки. Я исправлюсь, даю тебѣ честное слово. Или ты думаешь, что я во всемъ правъ?

Арнольдъ (до странности неподвижно и равнодушно). Можетъ-быть, ты и правъ.

Крамеръ. Отлично. Если ты такъ думаешь. А ты не хочешь попробовать исправиться? Арнольдъ, вотъ я протягиваю тебѣ руку. Вотъ она, возьми ее, я хочу помочь тебѣ. Возьми меня въ товарищи. Сдѣлай меня своимъ другомъ въ часъ, когда ты будешь въ крайности. А теперь, Арнольдъ, этотъ часъ насталъ. Не обманывайся, онъ дѣйствительно насталъ. Соберись съ духомъ. Справься съ собой. Тебѣ стоить только захотѣть, и это будетъ. Сдѣлай только первый шагъ къ добру, второй и третій дадутся тебѣ легко. Да? Хочешь? Хочешь исправиться, Арнольдъ?

Арнольдъ (съ дѣланнѣмъ непониманіемъ). Но какъ же? Въ чемъ же?

Крамеръ. Во всемъ. Да?

Арнольдъ (съ горечью и уклончиво). Я ничего противъ этого не имѣю. Почему же и нѣтъ. Мнѣ тоже не очень сладко живется.

Крамеръ. Да, я вѣрю, что тебѣ не сладко. Ты не испыталъ, какое благословеніе работа. Арнольдъ, ты долженъ достичь этого. Ты намекалъ на свою внѣшность. (Онъ снимаетъ со стѣны маску Бетховена). Вотъ, посмотри на эту маску. Въ тебѣ тотъ же Богъ, раскрой только его въ себѣ. Можетъ-быть, ты думаешь, что этотъ былъ красивъ? Или все твое честолюбіе въ томъ, чтобы быть фатомъ? Или ты думаешь, что Богъ оставилъ тебя, потому что ты близорукъ и не совсѣмъ прямъ? Въ тебѣ можетъ быть столько красоты, что фаты будутъ, какъ нищіе около тебя. Арнольдъ, вотъ тебѣ моя рука. Слышишь, довѣрься мнѣ. Не скрывайся отъ меня, будь откровененъ. Ради тебя самого, Арнольдъ. Мнѣ не важно знать, гдѣ ты былъ вчера. Но скажи мнѣ, слышишь, ради тебя самого. Можетъ-быть, ты узнаешь,

какой я на самомъ дѣлѣ. Ну, скажи, гдѣ ты былъ вчера ночью?

Арнольдъ (послѣ паузы, очень блѣдный, послѣ видимой борьбы съ собой). Я же сказалъ тебѣ, отецъ.

Крамеръ. Я забылъ, что ты сказалъ. Гдѣ же ты былъ? Ты понимаешь? Я тебя спрашиваю не для того, чтобы наказать тебя за это. Только чтобы услышать правду. Скажи правду и больше ничего.

Арнольдъ (упорно). Я былъ у Альфреда Френкеля.

Крамеръ. Да!

Арнольдъ (снова, неуверенно). Гдѣ же я могъ еще быть?

Крамеръ. Ты не сынъ мнѣ!.. Ты не можешь быть моимъ сыномъ! Уходи! Уходи! Мнѣ противно! Ты мнѣ противенъ!!

Арнольдъ (тотчасъ же жмется къ выходу).

(ЗАНАВѢСЬ ПАДАЕТЪ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ресторанъ Бенша. Маленькая пивная въ старо-нѣмецкомъ стилѣ. Стѣны отдѣланы деревомъ. Столъ и стулья моренаго дерева. Налѣво опрятный буфетъ съ мраморной доской и ярко вычищенными пивными кранами. За буфетомъ горка для ликеровъ и пр. и пр. Въ ней четырехугольное опускающееся окошко въ кухню. Налѣво за буфетомъ дверь въ кухню. Большая витрина съ опрятными занавѣсками, рядомъ стеклянная дверь на улицу. Направо дверь въ смежную комнату. Вечернія сумерки.

Лиза Беншъ, тихо и чисто одѣтая, въ бѣломъ передникѣ, входитъ медленно черезъ низенькую дверь за буфетомъ. Она мелькомъ взглядываетъ изъ-за вязанья, замѣчаетъ Арнольда, который сидитъ за станкомъ пива у передняго стола направо. Покачивая головой, она продолжаетъ вязать.

Арнольдъ (очень блѣдный, тихо и нервно постукивая ногой, усаживается на нее неподвижно). Добрый вечеръ.

Лиза Беншъ (вздыхаетъ тенденціозно и отворачивается).

Арнольдъ (громче). Добрый вечеръ. (Лиза Беншъ не отвѣчаетъ). Ну, не хотите, какъ хотите. И не нужно. Добиваться не буду. (Продолжаетъ смотреть на нее молча, съ лихорадочнымъ полненіемъ). Почему же вы держите пивную, если вы такъ невѣжливы съ гостями?

Лиза Беншъ. Я не невѣжлива. Оставьте меня.

Арнольдъ. Я поздоровался съ вами.

Лиза Беншъ. Я вамъ отвѣтила.

Арнольдъ. Это неправда.

Лиза Беншъ. Вотъ какъ! Впрочемъ, мнѣ это все равно. (Пауза).

Арнольдъ (пускаетъ резинкой бумажную стрѣлу въ Лизу).

Лиза Беншъ (надменно-презрительно передергиваетъ плечами).

Арнольдъ. Вы думаете, на меня это дѣйствуетъ?

Лиза Беншъ. Я буду думать, что захочу.

Арнольдъ. Я плачу за свое ниво такъ же, какъ другіе. Понимаете вы? Потому прошу... Или здѣсь нужно носить монюль?.. Кто такіе посѣтители нашего знаменитаго заведенія? Вы воображаете, что я сбѣгу отъ нихъ? И не подумаю даже.

Лиза Беншъ (угрожающе). Ну, вы не очень, мусье.

Арнольдъ. Ага! Пусть попробуетъ кто-нибудь изъ нихъ. Увидитъ! Понимаете вы? Въ себя придти не успѣетъ.

Лиза Беншъ (считается).

Арнольдъ. Если кто-нибудь пальцемъ меня тронетъ... Поняли? Тотъ отъ меня получитъ.

Лиза Беншъ. Арнольдъ, я на васъ буду жаловаться, если вы будете постоянно грозить.

Арнольдъ. Что же? Я сказалъ, если кто-нибудь меня тронетъ!.. А бить вообще можно.

Лиза Беншъ. Не смѣйте оскорблять нашихъ гостей.

Арнольдъ (злобно смѣется про себя, пьетъ и затѣмъ говоритъ). Пули! Что мнѣ за дѣло до нулей!

Лиза Беншъ. А вы-то что такое, что такъ пось задираете? Вы-то что въ своей жизни такое сдѣлали, что?

Арнольдъ. Вы этого не можете понять, къ сожалѣнію.

Лиза Беншъ. Ну да! Это всякій можетъ сказать. Подите-ка лучше да сдѣлайте что-нибудь. И какъ докажете, что что-нибудь можете, тогда и набрасывайтесь на другихъ. (Пауза).

Арнольдъ. Лиза, послушайте. Я вамъ это объясню какъ слѣдуетъ.

Лиза Беншъ. Ну, что тамъ! По-вашему, всё выходятъ нехороши. Г. Квантмейеръ не настоящій юристъ, г. архитекторъ Циннъ не настоящій архитекторъ, и все-то это чистѣйшій вздоръ.

Арнольдъ. Напротивъ. Это чистѣйшая правда. Здѣсь всякій небыжда, который строитъ, важничаетъ, если онъ ничего и не понимаетъ въ искусствѣ. А попадетъ такой къ художникамъ, такъ это все равно будетъ, что подмастерье для сапожника.

Лиза Беншъ. А настоящій художникъ вы, что ли, будете? (Сострадательно) О, Господи!

Арнольдъ. Да, еще я художникъ. Если бы вы пришли въ мою мастерскую...

Лиза Беншъ. Ну, ужъ этого я поостерегусь.

Арнольдъ. Поѣзжайте-ка въ Мюнхенъ да поспросите тамъ профессоровъ, — это все знаменитости, — какого они чертовски-высокаго мнѣнія обо мнѣ.

Лиза Беншъ. Вы хвастаетесь, а не Циннъ.

Арнольдъ. Да, они уважаютъ меня и знаютъ, за что. Я больше могу, чѣмъ они всѣ вмѣстѣ взятые. У меня въ одномъ мизинцѣ въ десять тысячъ разъ больше... чѣмъ у нихъ всѣхъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ роднымъ.

Лиза Беншъ. Вы хвастаетесь, а не г. Циннъ. Если бы и правда вы были такой, вы бы совсѣмъ иначе выглядѣли.

Арнольдъ. Какъ это?

Лиза Беншъ. Какъ это? Кажется, очень просто. Знаменитые художники зарабатываютъ деньги, я думаю.

Арнольдъ (рѣзко). Деньги? А я-то чтѣ же, деньги не зарабатываю? Деньги для меня навозъ, спросите-ка. Можете спросить моего отца. Подите-ка, спросите его, честное слово.

Лиза Беншъ. Куда же вы дѣваете всѣ эти деньги?

Арнольдъ. Я? Подождите-ка только, когда я совершеннолѣтнимъ стану. У кого такой отецъ... Лиза, будьте же со мной помилѣй.

Лиза Беншъ. Фрицъ!

Фрицъ (просыпается и вскакиваетъ). Да!..

Лиза Беншъ. Фрицъ, подите въ кухню, тамъ привезли новые бокалы. Кажется, господа сегодня будутъ пить шампанское.

Фрицъ. Хорошо-съ, съ удовольствіемъ, фрейлейнъ Беншъ.

Лиза Беншъ (стоитъ за прилавкомъ спиной къ Арнольду, вынимаетъ шпильки изъ волосъ и перекаливаетъ ихъ).

Арнольдъ. Это вы ловко сдѣлали.

Лиза Беншъ. Пожалуйста, не воображайте. (Оборачивается внезапно и замѣчаетъ Арнольда, который вытаращилъ на нее глаза поверхъ очковъ). Господи Іисусе! Опять онъ на меня глаза вытаращилъ.

Арнольдъ. Лиза!

Лиза Беншъ. Я вамъ не Лиза.

Арнольдъ. Ахъ, Лизочка, если бы вы были умницей, малютка, кипятилочка вы. У меня такъ отвратительно на душѣ.

Лиза Беншъ (смѣется не то весело, не то насмѣшливо).

Арнольдъ (болѣе страстно). Да, смѣйтесь, если можете смѣяться! Смѣйтесь, смѣйтесь! И правда, можетъ-быть, я

смѣшной. Но только наружно, не внутренно. Потому что, если бы ты заглянула мнѣ въ душу, я бы всѣхъ этихъ молодцовъ съ лица земли стеръ.

Лиза Беншъ. Арнольдъ, не волнуйтесь. Я же вамъ вѣрю, я вѣрю вамъ. Но, во-первыхъ, вы слишкомъ молоды, во-вторыхъ, въ-третьихъ, въ-четвертыхъ, въ-пятыхъ... это чистое сумасшествіе, мой милый. Ну, послушай, будь же благоразуменъ, да? Мнѣ очень жаль тебя, но что же мнѣ дѣлать?

Арнольдъ (тяжело охая). Это какъ чума въ крови.

Лиза Беншъ. Глупости! Встаньте-ка на скамью и дайте мнѣ вотъ тотъ боченокъ. (Арнольдъ, охая, это дѣлаетъ). Такихъ дѣвушекъ, какъ я, много. Ну, го-пъ! го-пъ! (Она протягиваетъ ему руку, онъ хватается за нее и сирогиваетъ. Задерживаетъ ее руку въ своей, а когда наклоняется поцѣловать руку, Лиза выдергиваетъ ее). Нѣтъ, золотой мой! Такъ! За одну такую десять получите, драгоценный мой.

Арнольдъ. Лиза, что мнѣ для васъ сдѣлать? Ограбить? Украсть? Что мнѣ сдѣлать?

Лиза Беншъ. Оставить меня въ покоѣ, больше ничего. (Дверь въ сосѣдней комнатѣ раскрывается. Лиза Беншъ прислушивается, совершенно мѣняется, уходитъ за буфетъ и кричитъ черезъ окошко въ кухню). Фрицъ! Гости—живо! (Дверь раскрывается, слышно, какъ въ сосѣдную комнату входятъ шумная компанія).

Арнольдъ. Пожалуйста, я хочу еще стаканъ пива. Но только я сяду въ другой комнатѣ.

Лиза Беншъ (съ дѣланной отчужденностью). Г. Крамеръ, но вѣдь и здѣсь очень хорошо?

Арнольдъ. Да? Но тамъ мнѣ удобнѣе рисовать.

Лиза Беншъ. Арнольдъ, вы же знаете, опять выйдетъ ссора. Будьте благоразумны, останьтесь здѣсь.

Арнольдъ. Ни за что на свѣтѣ, фрейлейнъ Беншъ.

Архитекторъ Циннъ (входитъ, очень весело). Ура, фрейлейнъ Лисбетъ! Вся компанія здѣсь. Всѣ въ сборѣ. А вы что подѣлываете? Какъ поживаете? Вашъ «женихъ» уже томится безъ васъ. (Замѣчаетъ Арнольда) Ахъ, чортъ возьми, vinoвать.

Лиза Беншъ. Фрицъ! Фрицъ! Всѣ господа собрались!

Архитекторъ Циннъ (у машинки обрѣзаетъ сигару). Фрицъ, пива, пива сюда! Чортъ побери! Какъ папенька поживаетъ?

Лиза Беншъ. Не особенно. Мы сегодня два раза за докторомъ посылали.

Ассессоръ Шнабель (входитъ). Господинъ архитекторъ, сыграемъ партійку въ скать.

Архитекторъ Циниъ. Я думаю, мы поставимъ сегодня гуся и по сему случаю разопьемъ бутылочку шампанскаго.

Ассессоръ Шнабель (поднимаетъ руки, поетъ, пританцовываетъ). «У Лизочки есть птичка. Сидитъ у нея въ клѣткѣ». Что же вы вашего друга томите!

Архитекторъ Циниъ (тихо, взглядывая въ сторону Арнольда). Конечно, надо, чтобы и ему гусиная лапка досталась!

Ассессоръ Шнабель (замѣтилъ Арнольда и также украдкой). А! И каменный гость здѣсь. Рафаэль карманный. Фрейлейнъ Лизхенъ, какъ можно больше хлѣба. Къ моей порціи прошу какъ можно больше хлѣба.

Фрицъ (помель, суетится за буфетомъ).

Лиза Беншъ. А вы что заказали, г. ассессоръ?

Ассессоръ Шнабель. Ахъ, да! Паприка-шницель и хлѣба. Колоссально много хлѣба, милая Лизхенъ. Я, видите ли, ѣмъ немовѣрно много хлѣба.

Архитекторъ Циниъ. Вамъ бы лучше всю корзину съ хлѣбомъ подвѣсить.

Фонъ-Краутхеймъ (входитъ; студентъ-юрястъ, немолодой). Фрицъ, гдѣ же пиво, ради Бога!

Фрицъ. Только-что новую бочку поставили.

Ассессоръ Шнабель (въ бинокль смотритъ на кранъ пивной бочки). Пока оттуда идетъ одинъ воздухъ, воздухъ и воздухъ.

Арнольдъ (беретъ шляпу, встаетъ и отправляется въ сосѣднюю комнату).

Фонъ-Краутхеймъ. Теперь воздухъ сталъ чище, по крайней мѣрѣ. Это воздухъ, но чистый воздухъ.

Ассессоръ Шнабель (поетъ).

Ты съ ума сошелъ, мой милый,
Поѣзжай-ка ты въ Берлинъ.
Слава Богу, удалися изъ сихъ мѣстъ.

Фрицъ. Нѣтъ, онъ совѣтъ не за тѣмъ, ему хочется тамъ сидѣть, гдѣ господа.

Лиза Беншъ (аффектированно). Я нахожу это просто смѣшнымъ.

Архитекторъ Циниъ. А мы просто-напросто остаемся здѣсь.

Фонъ-Краутхеймъ. Нѣтъ, что же это, позвольте. Бѣжать передъ каждой обезьяной.

Квантмейеръ (входитъ. Нарядно и пестро одѣтъ. Монокль). Добрый вечеръ. Какъ поживаешь, милочка? (Беретъ Лизу за

руки, она отворачивается от него голову). И фатальный Крамеръ ужъ здѣсь.

Ассессоръ Шнабель. И гдѣ только этотъ шалопай не шляется! Вчера утромъ я его еще видѣлъ—зрѣлище божественное, могу сказать! Въ Рингѣ, въ публичномъ домѣ, и чортъ знаетъ въ какомъ видѣ. Когда онъ здѣсь готовъ, онъ идетъ въ другой мѣсто начинать сначала.

Квантмейеръ. А ты что сардишься на меня, милочка?

Лиза Беншъ (высвобождается, смѣется и кричитъ въ кухонное окно). Паприка-шнитцель для г. ассессора.

Ассессоръ Шнабель. И хлѣба, побольше хлѣба, не забудьте! Колоссально много хлѣба, неистово много. (Общій хохотъ).

Фрицъ (внося четыре полныхъ кружки пива). Вотъ и пиво. (Уходитъ въ сосѣднюю комнату. Архитекторъ Циннъ, ассессоръ Шнабель и фонъ-Краутхеймъ слѣдуютъ за коельнеромъ).

(Пауза).

Квантмейеръ. Чего это ты дуешься, кися?

Лиза Беншъ. Я? Дуюсь? Ахъ, чего ты ни выдумашь!

Квантмейеръ. Поди сюда, стервочка. Будь умницей. Дай мнѣ свою рожицу, ну, скорѣй, а послѣзавтра ты придешь опять ко мнѣ. Послѣзавтра воскресенье, ты знаешь. Моихъ хозяевъ нѣтъ, ни души не будетъ дома, честное слово.

Лиза Беншъ (все еще нѣсколько унылась). Что мы обручены съ тобой, или не обручены?

Квантмейеръ. Конечно, обручены. Какъ же иначе!.. Я же человѣкъ независимый. Могу жениться, на комъ хочу.

Лиза Беншъ (даетъ себя подѣлывать и, слегка ударивъ его по щекѣ, выскальзывается изъ его рукъ). Ахъ, поди ты, я не вѣрю тебѣ больше.

Квантмейеръ (хочетъ идти за ней). Что это ты, крошка, такъ напальничашь сегодня? (Стеклянная дверь раскрывается, входитъ Михаилъ).

Лиза Беншъ. Тс...

Квантмейеръ. Чортъ побери! Что этой здѣсь понадо- билось?

Михаилица (входитъ въ комнату, подвигаясь впередъ, оглядывается по сторонамъ).

Лиза Беншъ (зашла за прилавокъ, наблюдаетъ).

Квантмейеръ (съ дѣланымъ добродушіемъ, отщипнувъ копчикъ у своей сигары). Подожди, Лизхенъ, я тебѣ отомщу. (Уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Лиза Беншъ (послѣ короткой паузы). Вы кого-нибудь ищете, барышня?

Михалина. Вѣдь это ресторанъ Беншъ?

Лиза Беншъ. Э тотъ самый.

Михалина. Благодарю. Мнѣ это только хотѣлось знать. Значить, знакомые мои придутъ сюда позднѣе. (Хочетъ пройти въ сосѣдную комнату).

Лиза Беншъ. Тамъ только наши всегдашніе посѣтители.

Михалина. А?.. Я жду одного господина съ женой. Тогда я здѣсь сяду, все равно.

Лиза Беншъ. Пожалуйста сюда? Тутъ? Или тамъ?

Михалина (садится на скамью около стѣны, противъ буфета). Благодарю, я здѣсь сяду. Пожалуйста, небольшую кружку пива!

Лиза Беншъ (къ Фрицу, который какъ разъ входитъ). Фрицъ, небольшую кружку пива. (Она садится, откидывается назадъ, принимаетъ скромный, порядочный видъ, оправляетъ туалетъ и съ большимъ интересомъ наблюдаетъ за Михалиной; затѣмъ она опять съ ней заговариваетъ). Сегодня, вѣрно, очень плохая погода?

Михалина (спинаетъ калоши, затѣмъ пальто и наконецъ шляпу). Да, я еще калоши надѣла, слава Богу. Ужасная погода. (Садится, приглаживаетъ волосы, вытираетъ лицо).

Лиза Беншъ. Не хотите ли гребенку? Я могу вамъ одолжить. Пожалуйста. (Подходитъ и протягиваетъ Михалинѣ свою гребенку).

Михалина. Вы очень любезны. Благодарю васъ. (Беретъ гребенку и старается привести въ порядокъ прическу).

Лиза Беншъ (поправляетъ ей прядку волосъ). Позвольте, я вамъ помогу.

Михалина. Благодарю, я сама.

Лиза Беншъ (уходитъ за буфетъ и продолжаетъ съ интересомъ слѣдить за Михалиной).

Фрицъ (приноситъ пиво, ставитъ его передъ Михалиной, затѣмъ беретъ ящикъ съ сигарами и уноситъ его въ сосѣдную комнату. Оттуда доносится хохотъ).

Михалина. Тамъ, кажется, очень веселятся?

Лиза Беншъ (не безъ аффектаціи пожимаетъ плечами). Да, ничего не подѣлаешь. Они всегда такъ, господа. (Она нѣсколько подвигается впередъ). Я, собственно, очень не люблю шумъ и все такое; но, знаете, отецъ заболѣлъ, мать не выноситъ табачнаго дыма, и потомъ она, конечно, за папой ухаживаетъ. Чтѣ же дѣлать? Приходится помогать.

Михалина. Конечно, это ваша обязанность.

Лиза Беншъ. Да потомъ я молода, не правда ли? У насъ тутъ бывають и очень милые господа, очень образо-

ванные и милые. И потомъ можно научиться среди людей тому-другому.

Михалина. Конечно... разумѣется... конечно.

Лиза Беншъ. Но знаете, что противно... (Съ внезапной доверчивостью) что всегда выходятъ ссоры. Сначала они пьютъ, потомъ ссорятся. Господи, тутъ нужно быть такой осторожной. То съ однимъ слишкомъ ласково не здоровайся, то тому руки не подавай, третьяго плечомъ не задѣнь— а сама и не знаешь, когда кого задѣнешь,—на четвертаго не смотри, пятаго выпроводи. А все равно всѣмъ не угодишь. Такъ вѣдь? А они сейчасъ же... другъ другу въ волосы вцѣплятся.

Голоса (изъ сосѣдней комнаты). Лиза, Лиза, гдѣ вы пропадаете?

Лиза Беншъ (къ Михалинѣ). Я лучше посижу съ вами, не пойду къ нимъ. Мнѣ всегда теперь такъ неудобно тамъ. Тамъ съ другими господами женихъ мой—ну, скажите сами... вѣдь не годится это! Конечно, онъ хочетъ, чтобы я была ласкова съ нимъ. Ну, а это не годится же, это всѣ скажутъ.

Михалина. Но вантъ женихъ этого и требовать не можетъ.

Лиза Беншъ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ этого и не требуетъ, конечно, но все же... (Она встаетъ, такъ какъ Фрицъ входитъ съ пустыми кружками). Послушайтесь моего совѣта, не связывайтесь никогда съ поклонниками.

Лахманъ (входитъ черезъ стеклянную дверь, тотчасъ же замѣчаетъ Михалину и протягиваетъ ей руку. Выхаетъ пальто и шляпу). Михалина, а мы очень постарѣли.

Михалина (весело). Ты прямо съ этого начинаешь.

Лахманъ. Я, по крайней мѣрѣ. Я. Не ты, а я. По сравненію съ твоимъ отцомъ особенно. (Садится).

Михалина. Какъ это?

Лахманъ. На это есть причины. Есть причины, конечно... Когда я тогда поступилъ въ вашу академію... Чортъ побери! И теперь сравнить. Сильно впередъ попятился!

Михалина. Какъ это? Все хочется только спрашивать: какъ?

Лахманъ. Такъ: Бога съ чортомъ хотѣли примирить. И чего только ни хотѣли! Чего только ни могли! И чѣмъ только самому себѣ ни казался!.. А теперь? Въ нѣкоторомъ родѣ полное банкротство.

Михалина. Какъ это? По отношенію чего?

Лахманъ. По отношенію многого и многого. Къ иллюзіямъ, напрімѣръ.

Михалина. Гм!.. А я думала, живешь себѣ и безъ нихъ сносно. Развѣ ты такъ много придаешь цѣны этому?

Лахманъ. Да. Все другое сомнительно. Способность къ иллюзіямъ, Михалина—это лучшее въ мірѣ достояніе. Подумай объ этомъ, ты сама увидишь.

Михалина. Ты разумѣешь, собственно, фантазію. Безъ нея, конечно, нельзя быть артистомъ.

Лахманъ. Да, фантазія и вѣра въ нее. Бутылку красного, какъ вчера.

Лиза Беншъ (приготовила ужъ вино, откупорила бутылку). Я васъ сейчасъ же узнала. (Она ставитъ бутылку и стаканъ передъ Лахманомъ).

Лахманъ. Да? Очень радъ. Будь у меня деньги, мы бы сегодня шампанскаго выпили. (Пауза).

Михалина. Ты изъ одной крайности впадаешь въ другую. Какъ это согласовать, Лахманъ?

Лахманъ. Да никакъ. Въ этомъ вся суть... Конецъ мнѣ пришелъ, просто-напросто. И больше ничего. Теперь можно начать и веселую жизнь.

(Изъ сосѣдней комнаты снова слышенъ хохотъ и шумъ. Лиза Беншъ неодобрительно покачиваетъ головой и отправляется туда).

Михалина. Ты какъ-то странно возбужденъ.

Лахманъ. Да, ты находишь? Видишь ли, я обыкновенно сплю. Слава Богу, что я нѣсколько возбужденъ. Но, къ сожалѣнію... долго это не продлится. Старость!.. Старость!.. Заживо умираешь.

Михалина. Я вовсе не нахожу тебя такимъ старымъ, милый Лахманъ.

Лахманъ. Да, Михалина? Тогда выходи за меня замужъ.

Михалина (удивленная, весело). Ну ужъ нѣтъ! Я не объ этомъ говорю! Для этого мы съ тобой, пожалуй, и стары. Но видишь ли, пока ты въ такомъ шутливомъ настроеніи, тебѣ навѣрно ужъ не такъ плохо.

Лахманъ. Да. И все же... И все же!.. Но оставимъ это.

Михалина. Но скажи, почему ты такой подавленный?

Лахманъ. Ничего! Я вовсе и не подавленъ... Я только опять оглянулся на себя и замѣтилъ, что, въ сущности, не живешь вовсе.

Михалина. Какъ это? Я опять спрашиваю: какъ?

Лахманъ. Рыба приспособляется въ водѣ. Кто хочетъ

жить, долженъ жить въ своей атмосферѣ. То же самое въ духовномъ отношеніи. Я попалъ не въ свою атмосферу. Хочешь не хочешь, а дышишь ею. Задыхаешься и задохнешься въ ней. Себя больше не чувствуешь. Не знаешь себя. Вообще не узнаешь самого себя.

Михалина. Значитъ, мнѣ лучше, надо сказать, въ моемъ добровольномъ одиночествѣ.

Лахманъ. Вамъ вообще здѣсь лучше живется. Вы ничего не слышите и не знаете о всеобщемъ филистерскомъ канканѣ большого города. А какъ попадешь туда, такъ и закружишься... Вѣчно рвешься на свободу въ далекій міръ. Лучше бы я жилъ всегда дома. Свѣтъ вовсе не большой, Михалина! Всюду то же, что и здѣсь. И здѣсь онъ не тѣснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. А кому онъ тѣсенъ, пусть расширяетъ его для себя, какъ это сдѣлалъ твой отецъ, напримѣръ. Да. Такъ я говорилъ, когда я поступилъ здѣсь въ академію весной...

Михалина. Это было осенью.

Лахманъ. А я изъ того времени помню только весну. Тогда отрѣшился отъ всего мѣщанскаго, тогда дѣйствительно... Можно было сказать... передъ тобой міръ раскрылся, большой, просторный. А теперь погрязъ въ томъ же. Попалъ въ хозяйственный супружескій гробъ.

Михалина. Я такъ и вижу тебя, Лахманъ, съ твоими желтыми, шелковистыми волосами, какъ ты стоишь въ коридорѣ,—ты помнишь,—передъ дверью отца. Мастерская отца была тогда еще наверху, а не въ маленькомъ флигелѣ. Помнишь? Или ужъ забылъ?

Лахманъ. И? Нѣтъ. Это не забывается. Ничего я не забылъ, что было тогда. Я помню все до мельчайшей черточки. Это было лучшимъ временемъ. Этого никакими словами не выразишь. Это была мистерія, что происходило тогда: изъ школьника ты сразу посвящался въ рыцари.

Михалина. Не всѣ такъ воспринимали это, милый Лахманъ. На очень многихъ отецъ дѣйствовалъ подавляюще.

Лахманъ. Да. Тѣ того и стояли. У которыхъ что-нибудь было за душой, тѣхъ сразу онъ поднималъ высоко. И когда онъ открывалъ передъ нами міръ героевъ... ужъ то, что онъ считалъ насъ достойными соревнованія... и вообще онъ заставлялъ насъ чувствовать въ сферѣ искусства къ принципамъ крови близость, какъ будто мы были одной крови съ ними. Являлась божественная гордость,

Михалина... Итакъ, за твое здоровье... Это было когда-то. (Онъ замѣчаетъ, что у Михалины нѣтъ стакана, и обращается къ Фрицу, который направляется съ шампанскимъ въ сосѣднюю комнату) Дайте, пожалуйста, еще стаканъ.

(Фрицъ быстро подаетъ его, затѣмъ уходитъ съ шампанскимъ).

Михалина. Что это съ тобою такое особенное приключилось, Лахманъ?

Лахманъ (наливаетъ стаканъ). Я видѣлъ картину твоего отца.

Михалина. Да? Ты отъ отца?

Лахманъ. Да. Только-что. Прямо оттуда.

Михалина. И она произвела на тебя такое впечатлѣніе?

Лахманъ. Такое глубокое, какъ только возможно. Да.

Михалина. И это искренно?

Лахманъ. Искренно, конечно, искренно.

Михалина. И ты не разочарованъ?

Лахманъ. Нѣтъ. Нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ. Я знаю, куда ты мѣтишь, почему спрашиваешь. Всякое искусство отрывочно... То, что у него есть, прекрасно. Захватывающее и прекрасно. И то, что достигнуто, и то, что чувствуешь, Михалина. Последнее выраженіе, въ которомъ все... Только тутъ познаешь, что такое твой отецъ. Великая неудача можетъ имѣть больше значенія—она всегда выступаетъ въ самомъ крупномъ, можетъ больше захватить и увлечь, чѣмъ самая большая удача.

Михалина. А въ какомъ настроеніи вообще былъ отецъ?

Лахманъ. Онъ меня страхъ какъ пробиралъ, что, впрочемъ, было совершенно безцѣльно. Но знаешь ли, если закрыть глаза и представить себѣ, если есть къ тому охота, что переживаешь первый весенній ливень, и что ты будешь расти невѣсть какъ высоко...

(Архитекторъ Циннъ и ассессоръ Шнлвель входятъ. Оба навеселѣ, говорятъ громко, безъ стѣсненія. Затѣмъ вдругъ начинаютъ таинственно шептаться, но такъ однако, что всѣ ихъ могутъ слышать. Въ сосѣдней комнатѣ хохотъ).

Архитекторъ Циннъ. Фрицъ, живо, еще одну бутылку, Гельдерманъ. Восемь марокъ бутылка, что-жъ изъ этого? Меня это начинаетъ забавлять.

Ассессоръ Шнлвель. Онъ божествененъ, Квантмейеръ. Что? И что ему только въ голову приходитъ?

Архитекторъ Циннъ (смѣясь). Умереть со смѣху можно! (Шопотомъ) Только осторожиѣе, ассессоръ, при старыхъ дѣвахъ. (Дѣлаетъ гримасы и глазами показываетъ на Михалину).

Ассессоръ Шнабель. Фрицъ, развѣ циркъ Ренца опять здѣсь?

Фрицъ (занятый шампанскимъ). Какъ такъ, г. ассессоръ? Миѣ объ этомъ ничего неизвѣстно.

Ассессоръ Шнабель. Какъ такъ, какъ такъ! Развѣ не слышишь запаха? Манежемъ пахнетъ.

Архитекторъ Циннъ. Да здравствуютъ свободные нравы!

Фонъ-Краутхеймъ (входитъ, направляясь къ буфету, говорить Цинну и Шнабелю). Что это, мужчина или женщина?

Архитекторъ Циннъ. Подите-ка, изслѣдуйте. (Къ Шнабелю шопотомъ) Скажите, что такое Квантмейеръ? Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, юристъ? Ничего не разберешь въ этомъ человѣкѣ. На что онъ живетъ?

Ассессоръ Шнабель (пожимая плечами). На деньги, вѣроятно.

Архитекторъ Циннъ. Да, но кто же ему ихъ дастъ?

Ассессоръ Шнабель. Онъ, кажется, при деньгахъ, а это вѣдь главное.

Архитекторъ Циннъ. Ну, а въ жениховство его вы вѣрите?

Ассессоръ Шнабель. Циннъ, у васъ нѣхъ положительно.

Архитекторъ Циннъ. Ну, въ такомъ случаѣ дѣвчонка, значить, совершенно глуха! Немного глухой полагается быть каждой дѣвчонкѣ; но если она настолько не дорожить собой... (Онъ говоритъ ему что-то на ухо, затѣмъ оба дико хохочутъ и усиленно курятъ).

Архитекторъ Циннъ. Ассессоръ, осмотритесь-ка здѣсь. (Онъ беретъ подъ руку ассессора и подводитъ его безцеремонно къ столу, за которымъ сидятъ Михаилъ и Ляхманъ. Онъ касается ихъ, не извиняясь, широко вытягиваетъ правую руку, громко и хвастливо показываетъ ему на отдѣлку комнаты). Все это я сдѣлалъ. Всю эту исторію я сочинилъ. Всю отдѣлку, потолокъ, буфетъ и все, все самъ рисовалъ, все дѣло рукъ моихъ. Потому я здѣсь и люблю выпить. У насъ есть вкусъ, видите ли. Какъ вы полагаете? Чортъ, знаетъ, съ какимъ вкусомъ сдѣлано. (Выпускаетъ его руку, закуриваетъ сигару спичкой, которую онъ беретъ и, не торопясь, зажигаетъ на столѣ Ляхмана и Михаила. Изъ сосѣдней комнаты опять доносится хохотъ. Фрицъ несетъ туда шампанское. Циннъ оборачивается туда и говоритъ) Они совсѣмъ съ ума сведутъ юнца.

Ассессоръ Шнабель (пожимаетъ плечами).

Архитекторъ Циннъ. Пойдемте туда, тамъ опять па-

чалось. (Оба уходят въ сосѣднюю комнату. Михалина и Лахманъ значительно смотрятъ другъ на друга. Пауза).

ЛАХМАНЪ (вынимая изъ кармана портсигаръ. Сухо). Типы не изъ важныхъ. Я закурю; можно?

МИХАЛИНА (нѣсколько безпокойно). Конечно.

ЛАХМАНЪ. А ты?

МИХАЛИНА. Итъ, благодарю. Здѣсь не хочу.

ЛАХМАНЪ. Да, да. Мы далеко ушли: мы дѣти нашихъ дней... Или, скажи... ты сомнѣваешься въ этомъ?

МИХАЛИНА. Мнѣ здѣсь не очень пріятно.

ЛАХМАНЪ (курить). И даже на крыльяхъ утренней зари тебѣ не уйти отъ нихъ!.. Господи! А какъ вначалѣ было!.. А теперь стараешься для этого же общества. Ни одной точки соприкосновенія съ ними итъ. Чистота, ни во что не облеченная, унижается. Святыней почитаются дряннѣйшія тряпки, грязнѣйшая одежда, нищенское отребье. А мы должны молчать и работать на этотъ сбродъ. За твоё здоровье, Михалина! За здоровье твоего отца! И за искусство, весь міръ освѣщающее... Вопреки всему! И вопреки всему! (Они чокаются). Да, будь я на пять лѣтъ моложе... я обезпечилъ бы себя тѣмъ, что теперь для меня потеряно. И многое было бы иначе.

МИХАЛИНА. А знаешь, что иногда тяжелѣе всего?

ЛАХМАНЪ. Что?

МИХАЛИНА. Между друзьями!

ЛАХМАНЪ. Что же именно?

МИХАЛИНА. Не мѣшать другъ другу въ своихъ блужданіяхъ! Ну, еще разъ: это было когда-то. (Она чокается съ нимъ многозначительно).

ЛАХМАНЪ. Конечно, конечно. Такъ мнѣ и надо. То время миновало безвозвратно. Но однажды совсѣмъ было близко къ этому... И какъ бы ты теперь ни качала головой, мнѣ тогда только стоило кивнуть.

(Крики и хохотъ въ сосѣдней комнатѣ).

МИХАЛИНА (блѣднѣетъ, вздрагиваетъ). Лахманъ... что? Ты слышалъ?

ЛАХМАНЪ. Да. Неужели это на тебя дѣйствуетъ, Михалина?

МИХАЛИНА. Я сама не знаю почему. Это въ связи съ тѣмъ, должно-быть, что Арнольдъ и отецъ въ такомъ напряженіи сегодня, и на меня это нѣсколько дѣйствуетъ.

ЛАХМАНЪ. Да, да. Но какъ же? Почему теперь именно?

МИХАЛИНА. Не знаю. Не лучше ли намъ уйти. Ахъ,

да, твоя жена? Да, тогда подождемъ. Но, правда, здѣсь мнѣ очень не по себѣ.

Лахманъ. Не обращай вниманія на этотъ сбродъ.

Лиза Беншъ (выходитъ изъ сосѣдней комнаты). Ахъ, Боже мой, Боже мой, что же это такое! Тамъ напьются господа шампанскимъ, а потомъ сами не знаютъ, что дѣлаютъ. Правда, безобразіе. (Она безъ стѣсненія садится къ столу Лахмана и Михалычи. По ея сильному волненію видно, что съ нею было что-то для нея дѣйствительно непріятное).

Лахманъ. Господа эти, должно-быть, ведутъ себя не очень тактично.

Лиза Беншъ. Нѣтъ, ничего. Они очень даже приличные, но, видите ли, тамъ одинъ молодой человѣкъ. Они его совсѣмъ... (Она представляетъ: трясетъ головой какъ бы въ безсознательномъ состояніи и дѣлаетъ при этомъ растерянные движенія рукой). Совсѣмъ... Я не знаю, какъ сказать!

Лахманъ. Это, вѣрно, вашъ женихъ?

Лиза Беншъ (дѣлаетъ видъ, какъ будто она зябнетъ, смотритъ себѣ на грудь, опустивъ глаза, и поправляетъ кружева). Ахъ, нѣтъ. Это просто одинъ глупый человѣкъ, который забралъ себѣ въ голову всякій вздоръ. Что мнѣ за дѣло до него? Убился бы съ Богомъ. (Къ Михалынѣ) А вы бы позволили, чтобы сидѣлъ такой, какъ марабу? Я же могу дѣлать, что хочу. Вѣдь такъ? Что мнѣ за дѣло до такого досмотрщика. (Она взволнованно встаетъ). Впрочемъ, мой женихъ тоже выпивши... если онъ желаетъ напиться, можетъ идти въ другое мѣсто. (Она уходитъ въ отдаленнѣйшій уголъ буфета. Пауза).

Лахманъ. Ты не можешь себѣ представить, какое это впечатлѣніе: твой отецъ въ своей мастерской—и вотъ здѣсь это... благородное собраніе. А потомъ, когда вспомнишь его картину—спокойный, торжественный ликъ Христа, и представишь себѣ его здѣсь, въ этомъ чаду, во всемъ его величіи и чистотѣ, — впечатлѣніе совсѣмъ особенное. Такъ странно... Я радъ, что моей дражайшей половины нѣтъ. Я прямо боялся, что она придетъ сюда.

Михалыча. Если бы знать, что она придетъ сюда навѣрно. А то бы я предложила... а тебѣ здѣсь хорошо?

Лахманъ (кладя свой портсигаръ въ карманъ пальто). Да. Послѣ нашего тоста. Вопреки всему, вопреки всему! Если двое говоритъ: «это было когда-то», значитъ, еще что-то осталось, и за это, давай, выпьемъ еще разъ.

(Изъ сосѣдней комнаты послѣ взрыва хохота слышенъ слѣдующій все болѣе громкій обменъ словъ)

Квантмейеръ. Какъ васъ зовутъ?.. Кто вы такой?

Кто?.. Чтò вы все сидите здѣсь и глаза на насъ пялите?.. Чтò вы усталились на насъ?.. Чтò?.. Вамъ это не нравится? Вамъ не нравится, что я цѣлую свою невесту? Да? Вы думаете, я у васъ спрашивать буду?.. Вы!.. Вы!.. Вы!.. Полоумный! Вы! Полоумный!

Голоса другихъ (вперемежку среди взрывовъ смѣха). Душ! Душ! Холодный душъ ему!

Квантмейеръ. Я не могу здѣсь показать своей подвязки?.. Вы воображаете, что я не смѣю? (Хохотъ).

Лахманъ. Миленькая компанія!

Квантмейеръ. Вы думаете, я не смѣю?.. Я ношу дамскія подвязки и баста... А если это не мон, такъ и не мон. Тогда это, вѣрно, Лизочкины. (Смѣхъ).

Лиза Беншъ (къ Михаилу и Лахману). Онъ лжетъ. Это подло! Онъ лжетъ! И этотъ хочетъ быть моимъ женихомъ! И такъ лжетъ...

Квантмейеръ. Чтò?.. Чтò?.. Выходи-ка только впередъ. И если отъ васъ ничего не останется, мнѣ наплевать. Пачкуны! Малыры! Грифелы! Еще одно слово, и онъ вылетитъ отсюда, будьте благонадежны!

Лиза Беншъ (быстро сбиваясь въ рычи). Вотъ какъ вышло... Не думайте, пожалуйста, что это изъ-за меня, такой скандалъ. Дѣло было такъ... Такъ было... Мой женихъ былъ выпивши и сталъ меня щипать за руку... Тогда они вздумали заставить его ревновать...

Лахманъ. Кого они хотѣли заставить ревновать?

Лиза Беншъ. Да этого молодого человѣка, о которомъ я говорила. Я ужъ къ его отцу ходила. Чего я только ни дѣлала? Ничего не помогаетъ. Онъ приходитъ и сидитъ въ углу, и вотъ до чего довелъ.

Лахманъ. А чтò онъ собственно дѣлаетъ?

Лиза Беншъ. Ничего не дѣлаетъ. Сидитъ и все смотреть. Вѣдь это очень неприятно. Чтò же ему тогда удивляться, что они его нарочно злятъ, чтобы онъ ушелъ. (Квантмейеръ опять говоритъ). Ну, вотъ видите, вотъ опять начинается. Я, правда, пойду наверхъ къ отцу. Я не знаю, какъ мнѣ быть.

Квантмейеръ. Вы слышали, чтò я сейчасъ сказать? Нѣтъ?.. Вы забыли?.. Чтò?.. Ну, такъ слушайте: я могу цѣловать свою невесту, какъ хочу, гдѣ хочу, когда хочу. Самъ чортъ не помѣшаетъ мнѣ! Да-съ! Ну, скажите еще одно слово и, какъ скажетъ,—очутитесь на улицѣ.

Лиза Беншъ. Фу, ты, чорты! И онъ хочетъ быть моимъ женихомъ? Такъ ведетъ себя и такъ вретъ.

(Внезапный вскрикъ всѣхъ голосовъ заразъ. Можно разслышать слѣдующія слова:)

Архитекторъ Циннъ. Лстой, молодець, постой. Это ужъ жирно будетъ.

Шнабель. Что?.. Что? Полицію! Въ тюрьму этого мерзавца!

Фонъ-Краутхеймъ. Отнимите, Квантмейеръ! Что съ нимъ церемониться.

Квантмейеръ. Какъ вы смѣете?! Какъ вы смѣете?! Несчастный!

Архитекторъ Циннъ. Отнимите!

Шнабель. Отнимите! Разъ, два, три!

Квантмейеръ. Бросьте! Слышите? Бросьте! Бросьте!

Архитекторъ Циннъ. Отдадите вы его, или нѣтъ?

Шнабель. А, вы видите, онъ анархистъ!

(Въ сосѣдней комнатѣ происходитъ короткая глухая борьба).

Михалица (вскочила вдругъ въ неизъяснимомъ страхѣ и хватается за свои вещи). Лахманъ, пожалуйста, пойдемъ... пойдемъ отсюда.

Архитекторъ Циннъ. Ну, ребята, у меня онъ. А, поймали тебя!

Шнабель. Держите! Держите его, мерзавца!

(Въ комнату врывается смертельно-бѣдный Арнольдъ и убѣгаетъ черезъ входную дверь на улицу).

Циннъ, Шнабель и Фонъ-Краутхеймъ (бѣгутъ за нимъ). Держите! Держите его! (Они бѣгутъ за нимъ на улицу и исчезаютъ. Слышны ихъ крики и крики проходящихъ, которые постепенно слабѣютъ, пока не умолкаютъ совсемъ вдали).

Михалица (какъ ошеломленная). Арнольды!.. Это былъ Арнольдъ?

Лахманъ. Тише! (Квантмейеръ и кельнеръ входятъ).

Квантмейеръ (показывая маленькій револьверъ). Вотъ, Лизочка, видишь, какой мерзавецъ! Посмотри-ка, сдѣлай одолженіе, на эту штучку!.. Стоитъ, правда, пять-шесть марокъ самое большее, а могла бы надѣлать дѣловъ.

Лиза Беншъ. Оставьте вы меня, пожалуйста, въ покоѣ!

Фрицъ. Скажите на милость, гости, которые вытаскиваютъ револьверъ и около себя кладутъ... около своего пива... такимъ гостямъ я служить не желаю.

Лиза Беншъ. Не желаете, такъ не служите.

Лахманъ (къ Фрицу). Вамъ этотъ господинъ угрожалъ револьверомъ?

Квантмейеръ (смѣриваетъ Лахмана полицейскимъ взглядомъ). Да. Угрожалъ! Этотъ господинъ! А вы сомнѣваетесь? Это

лучше всего. Можетъ-быть, мы еще и отвѣтить за это должны.

Лахманъ. Я только позволилъ себѣ спросить кельнера, не васъ.

Квантмейеръ. Позволил! Позволил! Кто вы такой? Что вы позволяете себѣ вмѣшиваться? Или вы, можетъ-быть, родственникъ «этому господину»? «Господинъ!» (Со смѣхомъ) На сегодня ему будетъ, господину. Запомнить урокъ... А ты думаешь, этотъ трусъ защищался?..

Михалина (приходя въ себя, встаетъ и идетъ, какъ помѣшанный, къ Квантмейеру). Арнольдъ!!! Это былъ Арнольдъ?!

Лиза Беншъ (догадываясь о связи событій, съ быстротой молніи становится между Квантмейеромъ и Михалиной. Къ Квантмейеру): Прочь! Оставьте нашихъ гостей въ покоѣ... а то я сейчасъ позову папу.

Михалина (съ мучительнымъ, отчаяннымъ вскрикомъ, какъ бы желая вернуть Арнольда, въ смертельномъ страхѣ бѣжитъ къ двери). Арнольдъ!!! Это былъ Арнольдъ?!

Лахманъ (бѣжитъ за нею, удерживая ее). Нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ, Михалина. Успокойся!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мастерская старика Крамера, та же, что и во второмъ дѣйствіи. Около пяти часовъ вечера. Занавѣсъ, который отдѣляетъ собственно мастерскую, какъ всегда, задернутъ. Крамеръ работаетъ за своимъ гравировальнымъ столикомъ. Онъ одѣтъ, какъ во второмъ дѣйствіи. Школьный слуга Краузе вынимаетъ изъ ручной корзины, которую принесъ съ собою, свѣчій пакеты со стеариновыми свѣчами.

Крамеръ (не отрывая глазъ отъ работы). Положите туда свѣчи, туда, за подсвѣчники.

Краузе (положилъ пакеты на столъ, на которомъ стоятъ нѣсколько серебряныхъ канделябровъ. Затѣмъ достаетъ письмо и держитъ его въ рукѣ). Больше, значить, ничего, г. профессоръ?

Крамеръ. Профессоръ? Что это значить?

Краузе. Да, вѣрно, объ этомъ тутъ писано. Вотъ бумага изъ правленія. (Онъ кладетъ письмо на гравировальный столъ передъ Крамеромъ).

Крамеръ. Гм. Такъ. Это мнѣ? (Глубоко вздыхаетъ). Все достойное уваженіе. (Не распечатываетъ письма, продолжаетъ работать).

Краузе (беретъ свою корзину и хочетъ идти). Г. профессоръ,

не остаться ли мнѣ здѣсь на ночь? Вамъ, правда, надо было бы отдохнуть.

Крамеръ. Все останется, какъ было, Краузе. Чтѣ? И относительно ночи тоже, знаете. Да я и не одинъ буду. Я переговорилъ съ художникомъ Лахманомъ. Вы вѣдь знаете Лахмана издавна?

Краузе (беретъ шапку и вздыхаетъ). О, Господи, Господи! А сейчасъ, значить, больше ничего?

Крамеръ. Директоръ здѣсь?

Краузе. Такъ точно, г. Крамеръ.

Крамеръ. Благодарю. Отлично. Пойдите. Еще минуточку. Въ понедѣльникъ вечеромъ... гдѣ это было... гдѣ тогда ваша жена встрѣтила Арнольда?

Краузе. Пойдите... Это тамъ, гдѣ лодки... Внизу около укрѣпленій. Гдѣ лодки сдають.

Крамеръ. Это маленькій ходъ, чтѣ внизъ ведетъ? Совсѣмъ у воды?

Краузе. Такъ точно. Какъ разъ тамъ.

Крамеръ. Она съ нимъ заговорила, или онъ съ ней?

Краузе. Нѣтъ, онъ сидѣлъ на перилахъ, знаете ли, на стѣнѣ, тамъ, гдѣ стоятъ, смотрятъ, какъ поляки на плахахъ вечеромъ себѣ картофель варять. Женѣ это такъ странно показалось. Она это, значить, и поздоровалась съ нимъ.

Крамеръ. Чтѣ она еще говорила съ нимъ?

Краузе. Она сказала, что, молъ, простудитесь.

Крамеръ. Гм! А онъ чтѣ на это?

Краузе. Какъ жена это сказала, онъ смѣялся, и, жена говорила, видите ли, очень это онъ страшно смѣялся. Этакъ презрительно. Ничего больше я не знаю.

Крамеръ. Кто хочетъ презирать... все хочетъ презирать, знаете, у того найдутся и основанія къ этому. Мнѣ жаль только, что вы ко мнѣ не пришли!.. Я думаю, и тогда уже было поздно.

Краузе. Да, кабы впередъ знать! А кто же зналъ? И кому въ голову придетъ такое подумать? Какъ тогда Михалина пришла, — она тогда съ г. Лахманомъ ко мнѣ пришла, — тогда меня прямо страхъ взялъ. Тогда уже первый часъ ночи былъ.

Крамеръ. Знаете, ночь эту... я не забуду. Когда меня дочь разбудила, былъ часъ... А когда мы отыскиали моего бѣднаго мальчика, на соборныхъ часахъ пробило девять.

Краузе (вздыхаетъ, качаетъ головой, открываетъ дверь, чтобы

пдти. Въ ту же минуту появляются Михалина и Лахманъ. Она входитъ въ комнату. Краузе уходитъ. Михалина одѣта въ темное платье, серьезная, усталая и заплаканная).

КРАМЕРЪ (кричитъ имъ навстрѣчу). А, вотъ и вы, дѣти! Ну; входите же. Вы, Лахманъ, значитъ, останетесь здѣсь на ночь? Вы были и его другомъ отчасти! Я очень радъ, что вы здѣсь побудете, потому что чужой... мнѣ было бы непріятно!.. (Онъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливается, задумывается и говоритъ) Я на пять минутъ васъ оставляю однихъ. Схожу къ г. директору. Скажу ему то, что имѣю ему сказать: А вы до тѣхъ поръ не уйдете.

Михалина. Нѣтъ, отецъ, Лахманъ, во всякомъ случаѣ, останется здѣсь. А мнѣ надо еще распорядиться.

Крамеръ. Я очень радъ, Лахманъ, что вы остаетесь. Я только на минуту, сейчасъ вернусь. (Накидываетъ на себя шаль, киваетъ обонимъ и уходитъ).

Михалина (садится, откидываетъ вуаль и вытираетъ глаза носовымъ платкомъ. Лахманъ снимаетъ пальто, шляпу и кладетъ пазку). Измѣнился отецъ, по-твоему?

Лахманъ. Измѣнился? Нѣтъ!

Михалина. Ахъ, Господи, я опять забыла. Гертелей не извѣстили. Совѣтъ у меня памяти не стало. А тутъ вѣнокъ... (Встаетъ и разсматриваетъ довольно большой лавровый вѣнокъ съ лентой, лежащій на диванѣ. Поднимаетъ прикрепленную къ ней карточку и, удивленная, продолжаетъ). Это отъ Шефферъ... Да, она тоже теперь осиротѣла. У нея была только одна мысль: Арнольдъ. А Арнольдъ даже и не зналъ объ этомъ.

Лахманъ. Это та горбатенькая, которую я видѣлъ у тебя въ мастерской?

Михалина. Да, да. Она рисовала, потому что Арнольдъ рисовалъ. И во мнѣ она видѣла лишь сестру Арнольда... Да такъ: вѣнокъ она купила, за то три недѣли будетъ питаться однимъ чаемъ и хлѣбомъ.

Лахманъ. И при этомъ, быть-можетъ, будетъ очень счастлива... А знаешь, кого я встрѣтилъ? И кто тоже вѣнокъ пошлетъ?

Михалина. Кто?

Лахманъ. Лиза Беншъ.

Михалина. Этого она могла бы не дѣлать. (Пауза).

Лахманъ. Если бы я могъ говорить съ Арнольдомъ!.. Быть-можетъ, и о Лизѣ Беншъ. Можетъ-быть, что-нибудь изъ этого и вышло бы.

Михалина. Нѣтъ, Лахманъ, ты ошибаешься. Я этого не думаю.

Лахманъ. Кто знаетъ? Въ концѣ концовъ, онъ меня избѣгалъ. А я бы могъ ему объяснить одну вещь, что именно, не скажу... И по опыту, такъ сказать. Намъ часто приходится отказываться отъ самыхъ горячихъ желаній нашихъ. Потому что, исполнись они, Михалина,—у меня подобное желаніе исполнилось,—и мнѣ,—передъ тобой мнѣ не нужно скрываться,—мнѣ отъ этого стало только хуже.

Михалина. Свой опытъ не передашь, по крайней мѣрѣ, въ чемъ-либо глубокомъ.

Лахманъ. Возможно, но вообще — я знаю, что знаю. (Пауза).

Михалина. Да, да, всегда такъ, всегда такъ бываетъ! И она съ огнемъ играла. А что это такъ могло кончиться, ей, конечно, въ голову не приходило. (У гравировального стола) Посмотри, что здѣсь отецъ только-что выгравировалъ.

Лахманъ. Мертвый рыцарь въ доспѣхахъ.

Михалина. Мм!

Лахманъ (читаетъ на доскѣ).

Я закованъ въ броню,
Смерть—мой оруженосецъ.

Михалина (неуверенно, потопъ тихо плача). Я никогда не видала, чтобы отецъ плакалъ; посмотри, надъ этимъ отецъ плакалъ.

Лахманъ (невольно, сѣря ее за руку). Михалина, будемъ сильны, не правда ли?

Михалина. Листъ совѣтъ мокрый! Ахъ, Боже мой. (Она овладѣваетъ собой, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и въ болѣе повышенномъ тонѣ продолжаетъ). Онъ, конечно, сдерживается, Лахманъ. А что у него на душѣ—онъ на десять лѣтъ постарѣлъ, по крайней мѣрѣ.

Лахманъ. Кому жизнь въ ударахъ судьбы открываетъ всю глубину своего значенія — я тоже похоронилъ отца и брата,—тогъ, если онъ пережилъ самое тяжелое... корабль того пойдетъ спокойнѣе и ровнѣе,—съ мертвецами у себя, тамъ, глубоко въ трюмѣ.

Михалина. Но пережить, вотъ что самое трудное.

Лахманъ. Я никогда не могъ предположить.

Михалина. Да, да! Какъ молнія! Это было какъ молнія. Я чувствовала: найдемъ мы его, хорошо! А не найдемъ, это будетъ конецъ... Я знаю Арнольда. Я это чувствовала. Въ немъ все давно накапливалось, и когда я поняла въ чемъ дѣло, я знала, что ему грозитъ опасность.

Лахманъ. Мы вѣдь совѣмъ близко отъ него были.

Михалина. Было поздно. Когда я тогда опомпилась. Одно только слово! Одно слово бы сказать ему! Одно слово! И оно бы все повернуло, вѣроятно. Если бы они его поймали, тѣ люди, что гнались за нимъ, — если бы они привели его назадъ! Закричи я: Арнольдъ, вернись... (Отъ волненія не можетъ продолжать).

Лахманъ. Ничего бы дурного не вышло... Эти глупости съ револьверомъ...

Михалина. А эта дѣвушка. Позоръ. Отецъ, мать. И, вѣрно, тоже страхъ передъ послѣдствіями. Онъ представлялся невѣсть какимъ старикомъ, бывалымъ. А въ сущности онъ былъ, если его знать, какъ я, такой неопытный и наивный. Я знала вѣдь, что онъ носилъ при себѣ револьверъ.

Лахманъ. Онъ мнѣ тоже его показывалъ въ Мюнхенѣ.

Михалина. Да, потому что ему всегда казалось, что его преслѣдуютъ. Онъ видѣлъ въ окружающихъ однихъ враговъ, и его нельзя было переубѣдить. Это все наружно только, говорилъ онъ всегда. Они прячутъ свои когти. И если не остеречься, тебѣ конецъ.

Лахманъ. Да, это отчасти и такъ. Въ этомъ есть правда. Въ извѣстные моменты это чувствуешь. Онъ много, должно-быть, перенесъ всякой грубости. И, если себя поставить на его мѣсто, — онъ былъ правъ по-своему.

Михалина. Надо было больше заботиться о немъ. Арнольдъ былъ всегда такой рѣзкій. И какъ бы ты ему добра ни желала, онъ отталкивалъ тебя съ самыми твоими добрыми намѣреніями.

Лахманъ. Что такое онъ написалъ твоему отцу?

Михалина. Папа никому не показывалъ еще письма.

Лахманъ. Мнѣ онъ только намекнулъ на него... Только намекнулъ и ничего, въ сущности, не сказалъ. Впрочемъ, онъ говорилъ о немъ безъ всякой горечи. Я думаю, въ этомъ письмѣ было что-нибудь въ родѣ того, что не выношу жизни. Не приспособленъ къ жизни.

Михалина. Почему онъ не искалъ поддержки у отца? Конечно, отецъ суровъ. Но кто не понимаетъ доброты, человѣчности въ немъ, не чувствуетъ ея, у того самого чего-нибудь не хватаетъ. Я, какъ женщина, видишь ли, я это понимала. И насколько мнѣ это было трудно, чѣмъ Арнольду. Отецъ самъ жаждать откровенности Арнольда. А я должна была добиваться довѣрія отца. Отецъ правдивъ до

ужаса, вотъ и все. Меня отецъ больше задръвалъ, чѣмъ Арнольда, а Арнольдъ мужчина. Я же вынесла.

Лахманъ. Я бы могъ исповѣдываться твоему отцу.

Михалина. Онъ черезъ то же прошелъ.

Лахманъ. Это чувствуется.

Михалина. Да, и я знаю навѣрно. Онъ бы, конечно, понималъ Арнольда.

Лахманъ. Кто? Кто знаетъ спасающее слово?

Михалина. Вотъ видишь, Лахманъ, какъ это бываетъ. Наша мать внутренно очень далека отъ отца, а когда у нея что выходило съ Арнольдомъ, она сейчасъ же грозила отцомъ. Такимъ образомъ... чего она достигла... только ускорила, быть-можетъ...

Крамеръ (возвращается. Вѣшаетъ свою шаль). Вотъ и я! А что мама?

Михалина. Она просила, чтобы ты не переутомлялся. Ты сегодня дома ночуешь?

Крамеръ (просматривая письма съ выраженіемъ соболѣзнованія). Нѣтъ, Михалина. Если ты домой пойдешь, отнеси мамѣ эти письма. (Къ Лахману) Видите, у него тоже друзья были, только мы этого не знали.

Михалина. И днемъ на квартиру къ намъ многіе приходили.

Крамеръ. Лучше бы не приходили. Но если они думаютъ, что дѣлаютъ доброе дѣло, то имъ не надо мѣшать. Ты уходишь?

Михалина. Да, надо. Эти ужасныя формальности и затрудненія!

Крамеръ. Это теперь не должно насъ разстраивать. Нужно исполнить послѣдній долгъ.

Михалина. Прощай, папа.

Крамеръ (нѣсколько ее задерживая). До свиданія, милая. Тебя это и не разстраиваетъ. Ты самая разумная изъ всѣхъ насъ! Нѣтъ, нѣтъ, Михалина, я не такъ это сказалъ. Ты разумная, здоровая. И сердце у нея, Лахманъ, нѣжное, какъ ни у кого другого. (Михалина плачетъ слыише). Но, послушай, и покажи это, дѣвочка. Мы должны показать, что мы можемъ вынести.

Михалина (овладѣваетъ собой, жметъ ему руку, затѣмъ Лахману, и уходитъ).

Крамеръ. Лахманъ, а мы вставимъ свѣчи. Раскройте пакеты. (Самъ дѣлаетъ это). Горе, горе, горе! Чувствуете ли, что въ этомъ словѣ? Знаете, то же и со словами бываетъ:

они только временами дѣлаются живыми, въ повседневности они мертвы. (Передастъ Лахману подсвѣчникъ, въ который онъ воткнулъ свѣчу). Отнесите это туда, къ моему мальчику. (Лахманъ направляется съ подсвѣчникомъ за занавѣсъ въ комнату. Крамеръ одинъ передъ занавѣсомъ продолжаетъ громко) Когда въ жизни наступаетъ великое, знаете, тогда все мелкое какъ бы сметено. Мелочи разъединяютъ, великое соединяетъ, знаете ли. То-есть надо, чтобы такъ было. Въ смерти всегда есть нѣчто великое, знаете: въ смерти и въ любви. (Лахманъ выходитъ изъ-за занавѣса). Я былъ сейчасъ внизу у директора, сказалъ ему всю правду. И почему бы я сталъ лгать, знаете? Мнѣ теперь не до того. Какое мнѣ дѣло до кого бы то ни было на свѣтѣ, хотѣлъ бы я знать! Они тоже стали выше этого... А женщины, видите, безъ этого не могутъ. Въ такихъ случаяхъ пасторъ не сопровождаетъ гробъ, и все бываетъ не по-положенному. А мнѣ это, знаете, совсѣмъ не важно. Богъ для меня — все. Пасторъ ничто. Знаете ли, чтѣ я дѣлалъ сегодня утромъ? Хоронилъ свои любимыя мечты. Тихо, тихо, про себя. Совсѣмъ тихо, знаете. Длинное было шествіе: большія и маленькія, замѣтныя и незамѣтныя. Теперь передо мною, Лахманъ, все, какъ скошенное поле.

Лахманъ. Я тоже потерять друга. Умершаго добровольно, хочу я сказать.

Крамеръ. Добровольно, знаете?.. Кто знаетъ, такъ ли это? Посмотрите на эти наброски. (Ростя въ боковомъ карманѣ сюртука и вынимаетъ книжечку съ набросками, которую онъ раскрываетъ передъ Лахманомъ, подводя его къ окну, гдѣ ело видно, при вечернемъ свѣтѣ). Вотъ здѣсь собрацы всѣ его мучители. Посмотрите. Вотъ они, какъ онъ ихъ видѣлъ. И знаете, глазъ у него былъ. Воистину злой глазъ. Но настоящій взглядъ, думаю я... Можетъ-быть, я не такъ разстроенъ, какъ вы думаете, и не такъ безутѣшенъ, какъ думаютъ многіе. Смерть, знаете, поднимаетъ на высоту. И вмѣстѣ съ тѣмъ, видите ли, пригнетаетъ низко. И то, чтѣ насъ пригнетаетъ, одновременно прекрасно и чудовищно. Мы это чувствуемъ тогда, почти видимъ это, и безъ страданій дѣлаемся больше... Чтѣ только ни умерло въ моей жизни! Многіе изъ тѣхъ, Лахманъ, кто живъ еще понимаютъ. Почему сердца исходятъ кровью и бьются въ то же время?.. Потому что имъ надо любить, Лахманъ. Все стремится къ единенію, а надъ нами виситъ проклятiе разрозненности. Мы ничего не хотимъ упустить, и все уходитъ отъ насъ такъ же, какъ приходитъ.

Лахманъ. Я это тоже испыталъ.

Крамеръ. Когда Михалина разбудила меня ночью, я былъ, должно-быть, очень жалокъ. Но, видите, я тогда уже это зналъ. Самые тяжелые часы для меня были тѣ, когда ему пришлось лежать тамъ. Въ тѣ часы, клянусь Богомъ, Лахманъ, было ли это просвѣтлѣніе во мнѣ, или нѣтъ, но я самъ себя не узнавалъ. Знаете, я горько ропталъ, самъ отъ себя не ожидалъ этого. Я глумился, я бунтовалъ противъ Бога. Мы сами не знаемъ себя. Я смѣялся, какъ идолопоклонникъ, и обращался за отвѣтомъ къ своему идолу. Тогда для меня это была проклятая шутка, чертовская, ни къ чему не нужная продѣлка, знаете, Лахманъ, весьма дешевая, неостроумная и скверная. Видите, какой я былъ, какъ я бунтовалъ. Потомъ... Когда онъ очутился здѣсь, у меня, я только тогда опомнился. Сначала такое и въ голову не приходитъ. Теперь усвоилъ. Теперь уже этимъ живу. Теперь скоро два дня, что его нѣтъ. Я былъ оболочкой, тамъ лежитъ зерно. Лучше бы они оболочку взяли.

Михалина (входитъ тихо, не стучась). Папа, внизу Лиза Беншъ. Она принесла вѣнокъ.

Крамеръ. Кто?

Михалина. Лиза Беншъ. Она хотѣла бы тебя видѣть. Можно ей войти?

Крамеръ. Я не виню ее, я не мѣшаю ей. Во мнѣ нѣтъ ненависти. Все такъ мелко и ничтожно кажется мнѣ теперь. (Михалина уходитъ). Меня это, знаете, поразило неожиданностью. Да оно и не удивительно, послушайте-ка... Живешь себѣ изо дня въ день, какъ будто такъ все и должно быть. Вьешься изъ-за разныхъ мелочей, и, знаете, придаешь имъ невѣсть какое значеніе. Создаешь себѣ заботы, охаеешь, жалуешься, и вдругъ налетитъ это сразу, какъ орелъ на стаю воробьевъ. Тогда, знаете, держись. За это я, видите, и наказанъ, и все, что бы теперь со мной ни было,—меня ничто не можетъ больше радовать, ничто не можетъ испугать. Для меня больше нѣтъ угрозъ.

Лахманъ. Можетъ-быть, зажечь одну?

Крамеръ (раздвигаетъ занавѣсъ. Въ глубинѣ большой; почти уже темной мастерской на возвышеніи лежитъ въ гробу покойникъ, весь въ покровахъ). Посмотрите, вотъ лежитъ одинъ изъ сыновъ человѣческихъ! Какіе безчеловѣчныя животныя люди! (Сквозь высокія окна мастерской, слаба, слабый отблескъ вечерней зари. Въ головахъ гроба канделябры съ зажженными свѣчами. Крамеръ снова подходитъ впередъ къ столу и наливаетъ вино въ стаканы). Лах-

манъ, подите сюда, подкрѣпитесь. Здѣсь есть вино. Можно подкрѣпитесь. Выпьемъ, Лахманъ. Совершимъ жертвенное возліаніе. Чокнемся спокойно. Тотъ, кто лежитъ тамъ—это я! Это вы! Въ этомъ большое величіе. Чтѣ къ этому можетъ прибавить пасторъ. (Они пьютъ. Пауза).

Лахманъ. Я давеча упомянулъ о другѣ, мать котораго была дочь пастора и которая какъ-то особенно огорчалась, что никто изъ духовенства не соглашался его хоронить. А когда мы опустили тѣло въ могилу, на нее какъ будто сошелъ Духъ Святой. И какъ будто самъ Богъ молился ея устами... Я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь такъ молился.

Михаилина (вводитъ Лизу Беншъ, скромно одѣтую въ темнос. Обѣ останавливаются въ дверяхъ. Лиза прижимаетъ носовой платокъ къ губамъ).

Краммеръ (повидимому, не замѣчая Лизы, спичкой зажигаетъ свѣчи. Лахманъ дѣлаетъ то же, пока не зажжены все свѣчи въ двухъ канделябрахъ и въ шести подсвѣчникахъ). Чтѣ знали эти франты о немъ? Эти бревна и чурбаны въ образѣ человѣческомъ? О немъ и обо мнѣ и о нашей боли! Они затравили его на смерть. Убили его, Лахманъ, какъ собаку. Да, они убили его, это я нынѣ право сказать. Да и чтѣ, скажите, могли бы они ему сдѣлать! Ну, а теперь подойдите же, господа! Посмотрите на него и попробуйте оскорбить его. Подойдите поближе и попробуйте, осмѣнитесь ли вы. Теперь, Лахманъ, знаете, этого уже нельзя больше! (Онъ снимаетъ съ лица покойника темный платокъ). Ему хорошо такъ лежать! Хорошо! Хорошо! (При свѣтѣ свѣчей виденъ близъ гроба поставленный мольбертъ, на которомъ начата картина. За нее теперь садится Краммеръ. Онъ продолжаетъ говорить, ни на кого не глядя, какъ будто кромѣ него и Лахмана никого нѣтъ). Я сидѣлъ здѣсь весь день, рисовалъ, писалъ, снялъ съ него маску. Вотъ она лежитъ тамъ въ шелковомъ платкѣ. Теперь онъ ни въ чемъ не уступитъ величайшему изъ великихъ. (Показываетъ на маску Ветховена) Когда хочешь такія черты закрѣпить, чувствуешь все свое безсиліе. Все, чтѣ теперь видишь на лицѣ его, все это, Лахманъ, было въ немъ. Я это чувствовалъ, я это зналъ, я видѣлъ это въ немъ, по все же не могъ добыть этого сокровища, а смерть сумѣла это сдѣлать. И все теперь исполнено ясности въ немъ, она исходитъ изъ него, изъ его лица, и, знаете, Лахманъ, я ищу этого свѣта, стремлюсь къ нему, какъ черная оныяненная бабочка. И, знаете, вообще чувствуешь себя такимъ безпомощнымъ. Всю жизнь я былъ его школьнымъ

учителемъ. Я дурно обращался съ мальчикомъ, а онъ выросъ до какого величія. Я, можетъ-быть, задушилъ это растеніе. Можетъ-быть, я заслонилъ ему солнце, и онъ зачахъ въ моей тѣни. Но, видите, Лахманъ, онъ не хотѣлъ меня принять, и если ему не хватало друга... Я, Лахманъ, могъ быть его другомъ... Когда приходила тогда та дѣвушка, я попробовалъ... все, что могъ. Но тогда зло взяло верхъ въ немъ, и когда зло брало въ немъ верхъ, — ему доставляло радость мучить меня. Раскаяніе? Я не знаю раскаянія. Но меня это сломило. Я передъ нимъ совсѣмъ сталъ жалкимъ. Я смотрю на этого мальчика снизу вверхъ, какъ будто онъ мой старшій предокъ. (Михаилъ подводитъ Лизу Беншъ. Она кладетъ свой вѣнокъ въ ноги покойника. Крамеръ всматривается ей прямо въ лицо).

Лиза Беншъ. Г. Крамеръ, я... я... я... Я такъ несчастна. Люди пальцами на меня показываютъ... (Пауза).

Крамеръ (наполовину про себя). А гдѣ теперь то, что было столь смертоносно? И все же, кто разъ узналъ это и продолжаетъ жить, у того останется заноза въ ладони. До чего бы онъ ни дотронулся, онъ будетъ чувствовать боль отъ нея. А вы идите спокойно домой. Между нимъ и нами теперь миръ.

(Пауза. Михаилъ и Лиза Беншъ уходятъ).

Крамеръ (уйдя въ созерцаніе покойника и свѣчей). Свѣчи! Свѣчи! Какъ это странно! Я сжегъ не одну свѣчу! Я видѣлъ пламень многихъ свѣчей, Лахманъ. Но, знаете, этотъ свѣтъ другой. Я васъ не пугаю, Лахманъ?

Лахманъ. Нѣтъ. Чего же мнѣ пугаться?

Крамеръ (вставая). Есть люди, которые пугаются. Но я думаю, Лахманъ, что не нужно пугаться ничего на свѣтъ. Любовь, говорятъ, сильна, какъ смерть. Переверните эту фразу: смерть такъ же нѣжна, какъ любовь, Лахманъ. Знаете, смерть оклеветали. Это худшій обманъ, какой есть! Смерть есть самая кроткая форма жизни: высшее художественное созданіе вѣчной любви. (Онъ растворяетъ большое окно въ мастерской. Тихій звонъ вечернихъ колоколовъ. Вздрагиваетъ отъ холода). Шумная жизнь—это дрожь лихорадки. То холодно, то жарко. То жарко, то холодно!.. Вы сдѣлали то же самое съ Сыномъ Божиимъ! И теперь вы сдѣлали съ нимъ то же, что тогда. И теперь, какъ тогда, онъ не умретъ. Колокола поютъ. Вы слышите? Они рассказываютъ всѣмъ и повсюду исторію мою и моего сына. И о томъ, что ни одинъ изъ насъ не погибъ!.. Это явственно слышно отъ

слова до слова. Это произошло сегодня. Сегодня великий день. Колоколь—это больше, чѣмъ церковь, Лахманъ! Призывъ къ столу—это больше, чѣмъ хлѣбъ. (Ему бросается въ глаза маска Бетховена. Онъ снимаетъ ее со стѣны и продолжаетъ, разглядывая ее) Гдѣ мы причалимъ, куда мы несемся? О чемъ ликуемъ мы надъ краемъ пропасти? Мы, малые, въ неизмѣримости потерянные? Какъ будто мы знаемъ, куда нашъ путь лежитъ! Такъ ликовалъ и ты! А что ты зналъ? Ни пиршествъ земныхъ!.. Ни небъ поповъ! Ни то и ни другое, но что... (Съ поднятыми къ небу руками) Что будетъ тамъ, въ концѣ?

(Занавѣсъ падаетъ).

ГАННЕЛЕ.

Драма-снoвпдѣніе въ двухъ актахъ.

Переводъ О. Н. Чюиной.

Маріи Гауптманъ,
рожденной Тидеманъ.

Дѣти рвутъ алый клеверъ, осторожно обрываютъ вѣнчикъ и высасываютъ сокъ изъ тонкихъ блѣдныхъ стебельковъ. У нихъ во рту остается легкій сладковатый вкусъ. Если ты извлечешь изъ моего произведенія хотя бы столько же сладости, я не стану стыдиться моего дара.

Гергартъ.

Шрейберау, 1893.

«Ганнеле», или по первоначальному заглавию «Вознесение Ганнеле Маттерн» (Hannele Matterns Himmelfahrt), открывает ряд сказок-драм Гауптмана (Märchendramen), къ которому прежде всего относятся еще «Потонувшій колоколь» и «Бѣдный Генрихъ».

Какъ въ литературной сокровищницѣ Гауптмана эта пьеса въ правѣ претендовать на мѣсто, близкое къ центру, поскольку она намѣчаетъ совершенно новый и не менѣе великолѣпный поворотъ въ его творчествѣ, такъ въ жизни самого писателя она—переломная грань. Сіяніе возносящейся въ небеса Ганнеле озарило и Гауптмана міровою славою. «Ганнеле» открыло ему двери королевскаго театра. «Ганнеле» дало ему доселѣ еще невиданный подъемъ общаго восторга. «Ганнеле» принесло ему премию Гримальпарцера.

Даже внѣшняя сторона появленія этой пьесы представляетъ особенный интересъ. Вотъ какъ ее передають Шленгеръ, Бартельсъ, Ганштейнъ и Штейгеръ.

«Ганнеле»—свидѣтельство прожитіи Гауптмана въ 1891 г. въ родной Силезіи. Уже сложившійся и признанный поэтъ, здѣсь снѣ пережилъ всѣ освѣжающія и очищающія впечатлѣнія дѣтства. Позднимъ лѣтомъ 1893 г. поэтъ привезъ драму въ Берлинъ и прочелъ ее друзьямъ. Между первыми, слышавшими ее изъ его устъ, былъ директоръ королевской берлинской сцены, графъ фонъ-Гохбергъ, землякъ Гауптмана, силезецъ. Родная поэзія сразу охватила его. Онъ понялъ, что эта вещь создана для сцены.

14-го ноября 1893 г., въ канунъ 31-го дня рожденія Гауптмана, «Ганнеле» была поставлена въ королевскомъ театрѣ. Гохбергу впервые съ такою силой пришлось почувствовать, насколько различны человѣческіе взгляды.

Успѣхъ пьесы былъ колоссальный, впечатлѣнію потрясающее, но сейчасъ же за только-что закрывшимися дверями театра разразилась та буря разномыслія, какую исключительно суждено будить Гауптману. Разнаго рода теоретики тотчасъ же подняли пьесу на вилы своей партійной узкости.

Убѣжденные послѣдователи натурализма и социаль-демократы, молвившіе на Гауптмана, какъ творца «Ткачей», считали себя оскорбленными до глубины души «измѣною» вѣтъ писателя. Авторъ революціонныхъ «Ткачей», высмѣивавшій чиновничество въ «Бобровой шубѣ», дерзнулъ измѣнить натурализму ради мистики, ради какихъ-то фантастическихъ грёзъ о загробномъ блаженствѣ и воздашіи за страданія!

«Мнѣ неслыпачивна эта смѣсь церкви и театра, патологій и серафическаго восторга!» — восклицалъ Карлъ Френцель. Исключительно

рѣзко критикъ Ф. Мерингъ бичевалъ Гауптмана за то, что въ душу пролетарской дѣвочки онъ вложилъ религіозную мечту. Другіе, сѣясь надъ «ввезающимъ благочестіемъ» поэта, прямо называли его ханжой. Одинъ критикъ торжественно заявлялъ, что отнынѣ нѣмецкій народъ можетъ со сѣбѣ отказаться отъ надежды увидѣть въ Гауптманѣ своего Шекспира.

Въ то время, какъ одни призывали цензуру, другіе зывали къ полиціи, иная, — какъ было и съ «Ткачами», — на то, что такое пламенное сочувствіе голодной голытьбѣ можетъ вызвать на бунтъ всѣхъ недовольныхъ социальнымъ строемъ, трети указывали, что современные нервы не въ силахъ выдержать ужаса появленія нѣмого призрака смерти. Считали оскорбленіемъ религіознаго чувства появленіе Спасителя и ангеловъ на сценѣ, и это несмотря на то, что придворный театръ, самъ по себѣ повышенно осторожный и щепетильный, уже смягчилъ многое, имѣя въ виду именно благочестиваго зрителя. Часть публики протестовала противъ появленія на сценѣ Христа въ видѣ странника, и въ слѣдующія представленія странникъ явился въ видѣ юноши безъ бороды, потому превращаясь въ ангела. Протестовали и противъ ангела смерти, замосащаго мечъ надъ бѣдной Ганнеле. Режиссеръ королевской сцены снялъ и эту подробность.

Придворный проповѣдникъ Эмиль Фроммель былъ официально командированъ въ театръ для выисненія, насколько действительно въ пьесѣ содержится оскорбленіе религіи. Но выборъ филистеровъ оказался неудачнымъ. Въ роли цензора-инквизитора оказался чело-вѣкъ съ настоящей поэтической душой.

Фроммель ушелъ изъ театра глубоко потрясенный, поэтически захваченный и еще не разъ вернулся въ театръ, чтобы пережить съ мукою любви драму бѣдной дѣвочки. И придворная цензура не посмѣнула на дѣтище Гауптмана.

Въ довершеніе всего, голоса друзей старательно оправдывали дѣйствительность дѣтскаго бреда Ганнеле, ставя въ заслугу автору, что даже въ область сна онъ сумѣлъ провести послѣдовательный натурализмъ, и видя въ этомъ новую побѣду таланта.

Знаменитый Антуанъ, глава извѣстнаго французскаго театра, большой поклонникъ Гауптмана, специально пріѣхалъ изъ Парижа въ Берлинъ, чтобы быть на первомъ представленіи. Въ честь его были устроены фестивали, который обратился въ истинное чествованіе Гауптмана. Даже люди устарѣлыхъ понятій, не хотѣвшие признать гауптмановскихъ «Ткачей», преклонились предъ прелестью поэмой. Антуанъ былъ одинаково восхищенъ и реалистическимъ началомъ и мистическимъ концомъ поэмы. Онъ, конечно, немедленно пересадилъ пьесу на французскую почву.

Въ Парижѣ почитатели автора «Ткачей» были нѣсколько разочарованы. Гауптманъ казался имъ больше «у себя» въ домѣ приврѣтій, чѣмъ въ царствѣ идеаловъ.

Зато цѣлую бурю восторговъ пьеса вызвала въ Америкѣ. Постановка «Ганнеле» у насъ, въ Россіи, прогремѣла въ Петербургѣ и Москвѣ, точно такъ же вызвавъ обостренную полемику газетъ за и противъ пьесы и по вопросамъ объ ея касаніи религіи. Долго держались опасенія, что пьеса будетъ насильственно снята съ репертуара.

Послѣ «Крахера», «Ганнеле» — третій сценаческій успѣхъ Гауптмана и первый — мировой. Дружественная ему критика заявила, что эта пьеса была молниеносной побѣдой новаго направленія въ искусствѣ.

Но менте грандіозенъ былъ и литературный успѣхъ «Ганнеле». Въ

декабрь 1893 г. она появилась въ иллюстрированномъ изданіи. Хотя рисунки Юл. Экстера нельзя было назвать подходящими къ символическому стилю и павной темѣ драмы, книжка выдержала 4 изданія. Другое, неиллюстрированное изданіе, съ 1896 г. по 1905 г. было повторено 14 разъ.

Свою книгу о Гауптманѣ пзвѣстный Шлентеръ, такъ сказать, офиціозный биографъ драматурга, посвятилъ юной актрисѣ, создавшей своеобразный образъ Ганнеле.

Что пѣлило и пѣвилеть посейчасъ зрителя и читателя въ «Ганнеле»? Пѣлилетъ самый драматизмъ дѣтскаго страданія, та вѣчная тема о невинной «дѣтской слезкѣ», но искуасхой пичѣмъ ни въ этомъ пѣкѣ ни въ будущемъ, которую съ потрясающею силою установилъ для русской литературы Достоевскій въ «Карамазовыхъ». Вотъ въпростъ, вотъ картины, передъ которыми взрослый не можетъ не испытать волненія и содроганія! Пѣлилетъ и вся та красота выраженія авторскаго страданія за эти «дѣтскія слезки», какую Гауптманъ нашлеъ въ своей душѣ.

«Но будучи сентиментальною, — пишетъ Брандесъ:—«Ганнеле» — мечтательная поэма, созданная душою, которая при нѣжности и искренности своихъ чувствъ заслуживаетъ вполне названія прекрасной. Душевный міръ ребенка открывается передъ нами во всѣхъ его мелкихъ изгибахъ, и нельзя не поразиться при видѣ того, какое богатство содержанія, какія сокровища могутъ скрываться въ тайникахъ сердца бѣднаго, маленькаго, замученнаго до смерти ребенка. Въ пѣсѣ много поэтическихъ достоинствъ: глубина и тактъ, тонкость наблюденія, полускрытая символика, захватывающая душу лирика... Сама по себѣ мучительно-патетическая, драма приноситъ намъ утѣшеніе и примиреніе, потому что въ то самое время, какъ ребенокъ переживаетъ свою смерть и благодаря этому пріобрѣтаетъ защиту и избраннычество, чувствуя себя поднятымъ черезъ смерть въ царство небесъ, — его мученія прекращаются, и воцаряется поэтическая справедливость въ болѣе глубокомъ значеніи этого слова, чѣмъ обыкновенно».

Именно Гауптманъ, съ его исключительнымъ даромъ соединенія въ душѣ двухъ царствъ—реальнаго и мечтательнаго, могъ свлзать въ одной картинѣ страшную дѣйствительность жизни несчастной дѣвочки съ міромъ ея свѣтлыхъ дѣтскихъ грезъ. Здѣсь Гауптманъ могъ или откровенно уйти въ область фантастическаго, какъ умелъ Гёте въ «Фаустѣ», или подставить подъ всѣ грезы Ганнеле трезвую дѣйствительность. Поэздовательный натурализмъ сидѣлъ въ немъ прочно, и онъ избралъ второй путь. Тѣ, кто называютъ драму символическою, очень погрѣшаютъ противъ истины. Символовъ здѣсь нѣтъ. Здѣсь все надо понимать *наизусть*, какъ дано, но подставляя какаго-либо иного смысла подъ понятія и образы. Это не то, что «Потонувшій колоколь».

Въ самыхъ грезахъ Ганнеле Гауптманъ сумѣлъ остаться на почвѣ тѣхъ представлений, какія могли быть именно у такой дѣвочки-простушки. Ея представленія о раѣ и небесномъ блаженствѣ, о плодахъ и золотистомъ винѣ, ея видѣнія ангеловъ, точъ въ точъ такихъ, какихъ она видѣла на плохихъ картинахъ деревенской церкви, ея честолобный мечты о парадѣ невесты въ гробу и стеклянныхъ башмачкахъ— все это именно такъ должно было отразиться въ душѣ дѣвочки ея зѣтъ и нравственнаго уровня. Но диссонируетъ съ этимъ и такая подробность, какъ недѣтское уже представленіе о «бѣлой постели и темной комнатѣ» новорожденныхъ въ ея пѣсняхъ. Ганнеле—изъ той среды, гдѣ ребенокъ рано видитъ жизнь и въ 14 лѣтъ уже многое

знать. Въ бредовомъ отождествленіи любимаго учителя съ Христомъ также соблюдена логика болѣзни. Психіатръ, анализирующій эту частность, могъ бы найти ее хорошо мотивированной.

Упротъ Гауптману въ томъ, что грезы Ганнеле моментами облечены въ сланиномъ красивый для дѣвочки-оборвашки слова, хорошо отражасть Штейгеръ.

«Если,—говоритъ онъ:—поэтъ хотѣлъ воспроизвести въ драмѣ то, что Ганнеле видѣла во снѣ, то онъ долженъ былъ найти для этихъ дѣтскихъ мыслей самыя лучшіе стихи, самыя восхитительныя образы, чтобы слушатель могъ самъ прочувствовать все блаженство, испытываемое спящимъ ребенкомъ. Требовать здѣсь, во имя правды, вмѣсто этихъ ангельскихъ голосовъ и рѣчей Спасителя, ребяческихъ ризовъ и бездѣльных библейскихъ стиховъ—было бы совершенно нецѣпо».

Образъ Ганнеле остается изумительно цѣльнымъ и трогательнымъ. «Чтобы вовсе извратить его на сценѣ,—пишетъ Шлентеръ:—нужна выходившая изъ ряда бездарность. Чтобы показать все внутреннее содержаніе его, нужно имѣть врожденную, конгеніальную Гауптману силу, которая слита съ воединю дѣтское, глубокое, полное фантазіи настроеніе съ полной художественною зрѣлостью».

Для режиссера и антера «Ганнеле» представляетъ совершенно психическія трудности. Переживи действительности п грезы ничѣмъ не отгнени въ текств. Едва, наприимѣръ, бредившая Ганнеле заговорила съ Мартой,—уже снова вступаетъ во власть міръ сна. Единственное средство показанія этого, по мнѣнію Шлентера,—тонъ исполнителей. Въ сценахъ сновидѣній должно входить въ стиль представленія нечто туманное и расплывающееся. Сумеречныя, сказочныя тона должны отличать такія сцены отъ сценъ реальныхъ.

Критика съ крайнимъ усердіемъ старалась подыскать литературный п художественный произведенія, какія могли «навать» на Гауптмана сюжетъ «Ганнеле». Трагедія несчастнаго ребенка вѣчно занимала поэтовъ, и поэтому не было ничего легче, какъ подыскать здѣсь цѣлый рядъ прототиповъ. Такъ, указывали на гётевскую Миньону, отношенія которой къ Вилг. Мейстеру могли напоминать отношенія Ганнеле къ Готтвальду, ссылались на диккенсова Оливера Твиста, Гедвигу изъ «Дикой утки» Ибсена, съ большимъ основаніемъ на Анютку изъ «Власти тьмы» *) и на разсказъ Достоевскаго о «Мальчикѣ у Христа на елкѣ» (Суворинъ). Есть мнѣніе, что Гауптманъ имѣлъ въ памяти картину нѣмецкаго художника Фрица Уде (F. Uhde), изображающую Христа, входящаго съ благословеніемъ въ хижину бѣдняка. Сама по себѣ мысль о предсмертной грезѣ ребенка на ложѣ смерти и ницеты настолько проста, что едва ли нужны такія изысканія. Въ раннихъ стихотвореніяхъ Гауптмана можно найти пьесу (Die Mendbraut) гдѣ поэтъ уже тронулъ тему земнаго страданія, искупаемаго блаженствомъ, п образъ дѣвочки-мученицы. И все изысканія указаннаго рода ничего не умаляютъ въ заслугѣ Гауптмана. Вся суть въ томъ, какъ написать онъ свою драму. А здѣсь неотрицаема его высокая самобытность и яркій поэтический талантъ.

Несравнимо большее впадѣніе на Гауптмана оказало родное небо

*) Умѣстно замѣтить о сходствѣ Плеске съ коснопозичнымъ Акимомъ пзъ той же драмы. Въ «Ганнеле», между прочимъ, повторена п насмѣшка женщины надъ коснопозичіемъ Плеске, вызывающая въ на-мъ рѣплику Матрени: «потъ только п рѣчей отъ ораа моего,—таѣ, таѣ...». И самое «того» Плеске напоминаетъ присловіе Акима.

Силезіа, дѣтскія воспоминанія, преданія, всосанныя съ молокомъ матери, и тотъ красивый мистицизмъ, каковой лежитъ въ характерѣ силезца. Печать набожной Силезіа лежитъ на всей пьесѣ, сказываемъ не только въ діалектѣ, на которомъ говоритъ окружающіе Ганнеле.

Маститый нѣмецкій романистъ Густавъ Фрейтагъ за годъ до своей смерти далъ восторженный отзывъ о «Ганнеле», замѣтивъ, что создать такую вещь могъ только «истинный поэтъ и, можетъ-быть, только изъ того горнаго округа, который подвѣдомственъ горному духу, Рюбенацию». Онъ былъ пѣвецъ «внутреннихъ прозрѣній въ таинственнѣйшія движенія души и выдыхалъ ароматы родной почвы и тѣхъ образныхъ оборотовъ языка, каковыхъ не найти въ книгахъ, но какіе живутъ въ народѣ доселѣ». Глубоко вѣрно онъ указалъ «народность» драмы, обвѣянной духомъ старинныхъ нѣмецкихъ сказаній, восходящихъ къ Х-му вѣку, къ поэміи саксонской монахини Гроссвиги. Непосредственнымъ вліяніи жизни руководилъ Гауптманомъ боже властно, чѣмъ какіе бы то ни было литературные образцы. «Кто пѣшкомъ прошелъ бы,—вѣрно замѣчаетъ Шленгеръ—по очаровательному Аленстоу лугу, по склонамъ холма около престыльнаго домика братьевъ Карла и Гергарта Гауптмановъ, въ Шрейберзъ, — могъ бы встрѣтить на деревенской улицѣ обитателей дома призраваемыхъ, — отца Племме, ставшую набожной Тульце, уличную дѣвину Гету, еще не ставшую сидѣлкой. невѣжу Ганке и каменщика Маттернъ. Въ общеніи съ народомъ и природой окрѣпло искусство поэта, и если корип этой поэзіи—въ земной скорби, то вершины ихъ выносятся небесный свѣтъ».

«Какъ бы различно ни судили о «Ганнеле»,—пишетъ Бартельсъ:—оно есть неоспоримо прекрасное и истинно-трогательное произведеніе, и хочется сказать, что оно создано настоящимъ поэтомъ... Пьеса по существу «театральна», но повсюду въ это «театральное» вложено столько человѣческаго содержанія, и здѣсь часто такъ много поэтической прелести, что со сцены возбуждается величайшее состраданіе къ судьбѣ бѣднаго ребенка».

Дѣйствительно, создать изъ бреда умирающаго ребенка такую красоту, при такомъ простомъ замыслѣ такъ захватить сердца, такъ тронуть ихъ проповѣдью милосердія—могъ только Солиной художникъ. До появленія «Потопушнаго колокола», стихи, заключающіе «Ганнеле», справедливо считались вершиною гауптмановской поэзіи.

ГАННЕЛЕ.

ДРАМА-СПОВИДЬИЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГАННЕЛЕ.
ГОТТВАЛЬДЪ, учитель.
СЕСТРА МАРТА, дьяконисса.
ТУЛЬПЕ.
ГЕДВИГА.
ПЛЕШКЕ.
ГАНКЕ.
ЗЕЙДЕЛЬ, дровосѣкъ.
БЕРГЕРЪ, окружный начальникъ.
ШМИДТЪ, судейскій служитель.
ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ.

Въ броду передъ Ганнеле появляются: каменщикъ Маттернъ, ея отецъ. Женщина, ея покойная мать. Высокій черный ангелъ. Трою свѣтлыхъ ангеловъ. Дьяконисса. Готтвальдъ и его ученики. Обитатели пріюта: Плешке, Ганке и др. Зейдель. Четверо юношей въ бѣлыхъ одеждахъ. Странникъ. Множество маленькихъ и большихъ свѣтлыхъ ангеловъ. Несущіе гробъ. Женщины и др.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ пріютѣ для бѣдныхъ въ горной деревнѣ. Голыя стѣны, посредній дверь, паливо маленькое окно, похожее на потасенное. Передъ окномъ убогій столъ и скамья. Направо — кровать съ соломеннымъ тюфякомъ. У стѣны—въ глубинѣ—печь и другая кровать—тоже съ соломеннымъ матрацемъ, прикрытая кое-какими лохмотьями.

Бурная декабрьская ночь. У стола, при свѣтѣ сальной свѣчи сидитъ Тульпе, старая оборванная нищая, и постъ изъ молитвенника.

Тульпе (постъ):

Будь съ нами въ милости Твоей,
Господь нашъ Іисусъ Христосъ,
Дабы и впредь...

(Входитъ Гедвига, по прозванію Гета, женщина развратнаго поведенія, лѣтъ тридцати, съ кудряшками на збу. На головѣ у нея толстый платокъ, подъ мышкою узелокъ, одѣта она легко и бѣдно).

ГЕТА (дуп на пальцы, но не выпуская узла). Господи Іисусе, вотъ такъ погода! (Узелъ ея выскальзываетъ и падаетъ на столъ, она не перестаетъ дуть себѣ на голыя руки и переступаетъ съ ноги на ногу въ своихъ дырявыхъ башмакахъ). Такой страсти ужъ который годъ не бывало!

Тульпе. Ты что такое принесла?

ГЕТА (оскаливъ зубы, взвизгиваетъ отъ боли и, присѣвъ на скамью у печки, старается стащить башмаки). Ой-ой, батюшки!.. Пальцы мои!.. Какъ огнемъ жжешь!..

Тульпе (развязываетъ узелокъ; въ немъ—хлѣбъ, мѣшочекъ ципорія, свертокъ кофе, нѣсколько паръ чулокъ). И на мою долю, чай, малость перепадетъ?

ГЕТА (занятая стаскиваніемъ башмаковъ и не обращающая вниманія на Тульпе, нидается, какъ коршунъ, на вещи и собираетъ ихъ). Тульпе! (Забравъ вещи, посылаетъ къ кровати въ глубинѣ; одна нога у нея босая, другая въ башмакѣ). Я выбѣгаю цѣлую милю, всѣ косточки себѣ поотморожу для того, чтобы ты могла набить себѣ зобъ? Какъ бы не такъ!

Тульпе. Заткни свою глотку, старая карга! Стану я пачкаться изъ-за всякой дряни... (встаетъ, захлопываетъ молитвенникъ и тщательно обтираетъ его о свое платье) которую ты выглянула...

ГЕТА (прлча вещи подъ соломеннымъ тюфякомъ). Хотѣла бы я знать, кто это больше на своемъ вѣку кланчилъ: ты или я? Ты отродясь ничего другого не дѣлала. Всякій это знаетъ.

Тульпе. Ну, ты, конечно, совсѣмъ другими дѣлами занималась. Господинъ настоятель тебѣ въ глаза это сказалъ. Когда я была молода, какъ ты, то ужъ, разумѣется, вела себя по-другому...

Гета. Потому-то ты и сидѣла въ смиренительномъ домѣ.

Тульпе. И ты можешь попасть туда въ любое время. Стоитъ мнѣ только повстрѣчать жандарма. Уже я открою ему глаза. Попробуй только разинуть ротъ.

Гета. Пошли заодно твоего жандарма и ко мнѣ. Я тоже поразскажу ему кое-что.

Тульпе. Но мнѣ—разсказывай, что хочешь.

Гета. А кто укралъ пальто? А? У мальчика, у сына трактирщика Рихтера? (Тульпе дѣлаетъ видъ, что плачетъ на нее). Тульпе проклягали! Ну, теперь ничего не получишь.

Тульпе. Наплевать! Мнѣ твоего даренаго и не нужно.

Гета. Потому что ты ничего не получишь.

(Появляются Пляшке и Ганке, которыхъ буря, только-что налетѣвшая вихремъ на домъ, буквально вталкиваетъ въ сѣни. Пляшке, старикъ съ зобомъ, наполовину впавшій въ дѣтство, разражается громкимъ смѣхомъ. Ганке, молодой развратникъ и бездѣльникъ, произноситъ проклятіе. Оба они, видимые въ отворенную дверь, отряхиваютъ на каменный полъ сѣней снѣгъ со своихъ шапокъ и одежду. Каждый несетъ по узелку).

Пляшке. Ишь ты, градъ-то, градъ-то какой!.. Хлещетъ, какъ чортъ! Хибарку-то нашу — пріютъ, того гляди... да... того гляди... совсѣмъ... того, снесетъ... (Гета при видѣ ихъ приходитъ въ себя, прячетъ вещь подъ тюфичъ и бѣжитъ мимо мужчинъ въ сѣни, а затѣмъ вверхъ по лѣстницѣ).

Пляшке (всѣмъ Гетѣ). Ты чего бѣжишь?.. Чего бѣжишь прочь? Я тебя того... не обижу тебя... Ганке! Слышь?

Тульпе (возится у печки съ котелкомъ картофеля). У дѣвки въ головѣ неладно. Боятся, что мы ее оберемъ.

Пляшке (входя). Исусе Христе! Ну, вотъ, того, полегче стало... Добрый вечеръ... Добрый вечеръ... Ахъ, чортъ, ахъ, чортъ!.. Вотъ такъ погодка... Вотъ такъ погодка на дворѣ... Я... того... во всю данну... во всю данну, того, растянулся... Во весь, значить, ростъ... (Ковыллется съ согнутыми коленями къ столу. Онъ кладетъ свой узелокъ и оборачивается къ Тульпе свою присущую голову съ седыми волосами и слезящимися глазами. Онъ тяжело переводитъ духъ отъ усталости, кашляетъ и дѣлаетъ движенія для того, чтобы согрѣться. Тѣмъ временемъ Ганке тоже вошелъ. Онъ кладетъ свой мѣшокъ у дверей и, дрожа отъ холода, начинаетъ подбрасывать сухой хворостъ въ печь).

Тульпе. Ты откуда?

Пляшке. Я-то? Я-то откуда? Издалеча я, значить, издалеча. На горѣ всю деревню, того, обходилъ.

Тульпе. Принесъ что-нибудь?

Пляшке. Какъ же!.. Какъ же! Много добра... Много всякаго добра принесъ... У регента дали мнѣ... дали мнѣ

пятишвицу... У трактирщика... у трактирщика на горѣ, значить... дали мнѣ... полнехонькій горшокъ... полнехонькій, того, горшокъ... Съ супомъ горшокъ, значить...

Тульпе. Я сейчас поставлю разогрѣть. Давай.

Плешке. А вотъ еще... того, колбаса. Мясникъ, Зейпельтъ, мясникъ, значить, дамъ мнѣ колбасу-то... Колбасу дамъ...

Тульпе. А сколько денегъ ты принесъ?

Плешке. Трешницу, значить... Трешница тутъ у меня, кажись...

Тульпе. Давай сюда. Я припрячу деньги для тебя.

Гета (снова входитъ). Очень вы глупы, что все отдаете.

Ганке. Вѣдь онъ женихъ.

Гета. Господи Иисусо!

Ганке. Только полагается, чтобы и невѣста кой-что припасла. Такъ ужъ заведено.

Плешке. Можешь, того, пересмѣивать... Всякаго, значить, пересмѣивать можешь... А старика, значить, старика ты ужъ, того, не трогай...

Гета (передразнивая его манеру говорить). Старикъ Плешке... Старикъ Плешке, онъ ужъ скоро, того, совсѣмъ лопотать не будетъ... Онъ скоро, того, ни словечка, значить... Ни... ни... ни... единого словечка, словечка, значить, не выговорить...

Плешке (идеть на нее съ палкой). А теперь ты... того, проваливай... Проваливай, значить.

Гета. Передъ кѣмъ это, скажите, пожалуйста?..

Плешке. Проваливай, значить, говорятъ тебѣ!

Тульпе. Дай ей разѣ!

Плешке. Проваливай, значить, слышь?

Ганке. Оставьте эти глупости.

Тульпе. Да будетъ вамъ.

(Гета, помаявшись минутою, покуда Ганке поднимается возню съ Плешке, защищая се, съ быстротою молніи что-то вытаскиваетъ у него изъ мѣшка и убѣгаетъ. Тульпе вся трясется отъ смѣху).

Ганке. Нечего зубы скалить.

Тульпе. Вотъ такъ штука! Какъ же тутъ не смѣяться-то?

Плешке. О, Господи Иисусо! Да ты погляди...

Тульпе. Осмотри-ка твое добро. Можетъ статься, чего не досчитаешься?

Ганке (оборачивается и видитъ, что его обворовали). Тварь! (Бросается вслѣдъ за Гетою). Попадись ты мнѣ! (Слышенъ топотъ по лѣстницѣ, возня, заглушенный крикъ).

Плешке. Чортова дѣвка! Чортова дѣвка! (Смѣется на всѣ лады, Тульпе тоже помираетъ со смѣху. Вдругъ входная дверь съ шумомъ отворяется. Оба перестаютъ смѣяться). Ну, что тамъ такое?

(Порывы бури потрясаютъ домъ. Въ окна бьетъ сухой снѣгъ. Минута тишины. Затѣмъ входятъ учитель Готтвальдъ, человѣкъ тридцати двухъ лѣтъ, съ темною бородою. Онъ несетъ на рукахъ 14-ти-лѣтнюю Ганнеле Маттернъ. Дѣвушка, длинные рыжіе волосы которой ниспадаютъ черезъ плечо учителя, все время стонетъ. Она скрыла лицо на плечѣ учителя, руки ея безжизненно повисли. Она еле одѣта и завернута въ платки. Но обращая вниманія на присутствующихъ, Готтвальдъ бережно кладетъ свою ношу на кровать у стѣны. Съ нимъ вошелъ дровосѣкъ, по имени Зейдель, держащій фонарь. У него кромѣ топора и пилы—узелъ мокрыхъ лохмотьевъ, на головѣ его, сильно посѣдѣвшей, заломленная набекрень старая охотничья шляпа).

Плешке (съ тушимъ изумленіемъ). Э... э... э... это что такое? Что тутъ творится?

Готтвальдъ (укрывая дѣвушку одѣлками и своимъ собственнымъ плащомъ). Нагрѣйте кирпичи, Зейдель. Скорѣй!

Зейдель. Эй, вы, пару кирпичей! Да поворачивайтесь. Живо!

Тульпе. Что съ ней случилось?

Зейдель. Брось разспрашивать. (Уходитъ съ Тульпе).

Готтвальдъ (успокоительно къ Ганнеле). Ну, успокойся же, успокойся. Не дрожи. Ничего съ тобой не будетъ.

Ганнеле (стуча зубами). Мнѣ такъ страшно, такъ страшно!

Готтвальдъ. Но тебѣ рѣшительно нечего бояться. Никто ничего тебѣ не сдѣлаетъ.

Ганнеле. Отецъ... Отецъ...

Готтвальдъ. Его здѣсь нѣтъ...

Ганнеле. Мнѣ такъ страшно, что онъ придетъ.

Готтвальдъ. Но онъ не придетъ. Повѣрь же мнѣ наконецъ. (Кто-то быстро сбѣгаетъ по лѣстницѣ).

ГЕТА (высоко поднимая терку). Поглядите только: какую милостыню собираетъ Ганке.

(Ганке, догнавъ ее, хочетъ отнять у нея терку, но она увертывается и выбѣгаетъ на середину комнаты).

ГАННЕЛЕ (испуганно поднимаясь). Онъ идетъ! Идетъ!

(Полуподнявшись, вытянувъ голову, съ выраженіемъ величайшаго страха на блѣдномъ, болѣзненнымъ, искаженнымъ страданіемъ личикѣ, она смотритъ въ ту сторону, гдѣ происходитъ шумъ. Гета, вырвавшись отъ Ганке, убѣжала въ заднюю комнату. Онъ нагибается, чтобы поднять терку).

Ганке. Я тебѣ этого не забуду, тварь ты этакая!

Готтвальдъ (Ганнеле). Будь покойна, Ганнеле. (Къ Ганке) Вы чего хотите?

ГАНКЕ (изумленный). Я? Чего я хочу?

ГЕТА (высунувъ голову въ дверь, кричить). Мазурик! Жулики!

ГАНКЕ (съ угрозою). Будь покойна, ужъ я съ тобой расправлюсь.

ГОТТВАЛЬДЪ. Я прошу васъ не шумѣть. Тутъ есть больная.

ГАНКЕ (спрятавъ терку, отходить слегка смущенный). Чтò тутъ такое стряслось?

ЗЕЙДЕЛЬ (возвращается съ парюю кирпичей). Вотъ покуда.

ГОТТВАЛЬДЪ (беретъ кирпичя). Достаточно ли они теплы?

ЗЕЙДЕЛЬ. Чутьocky согрѣють. (Прикладываетъ одинъ изъ пяхъ къ ногамъ дѣвушки).

ГОТТВАЛЬДЪ (указываетъ, куда положить). Другой вотъ сюда..

ЗЕЙДЕЛЬ. Она еще совсѣмъ не согрѣлась.

ГОТТВАЛЬДЪ. Ее буквально колотить.

(Тульпе выглядываетъ изъ-за Зейделя, позади нея—Гета и Плешко у дверей показываются подозрительнаго вида еще нѣсколько нищихъ живущихъ въ пріютѣ. Всѣ они полны любопытства и перешептываются между собою. Мало-по-малу, осмѣлѣвъ, они начинаютъ говорить громче и подходятъ ближе къ постелямъ).

ТУЛЬПЕ (стоитъ у самой постели, подбоченясь). Хорошо бы ей дать горячеш воды съ водкою, ежели у кого найдется.

ЗЕЙДЕЛЬ (достаетъ фляжку, Ганке и Плешке тоже). У меня еще есть малость.

ТУЛЬПЕ (у печки). Давай сюда.

ЗЕЙДЕЛЬ. А кипятокъ есть?

ТУЛЬПЕ. Исусе Христе, да тутъ быка изжарить можно.

ГОТТВАЛЬДЪ. Прибавить бы туда сахару, если найдется.

ГЕТА. Откуда у насъ быть сахару?

ТУЛЬПЕ. У тебя есть. Не прикидывайся душой.

ГЕТА. У меня сахаръ? И не бывало его. (Принужденно смѣется).

ТУЛЬПЕ. Ты вѣдь принесла съ собою. Я сама видѣла: въ жестянкѣ у тебя. Нечего врать...

ЗЕЙДЕЛЬ. Ну давай. Принеси же.

ГАНКЕ. Сбѣгай за нимъ, Гета.

ЗЕЙДЕЛЬ. Видишь, чтò съ дѣвушкой дѣлается.

ГЕТА (жестко). А мнѣ чтò?

ПЛЕШКЕ. Стунай, принеси сахаръ.

ГЕТА. Въ лавкѣ его много! (Выскальзываетъ).

ЗЕЙДЕЛЬ. Ну, счастье твое, что улелетнула, не то далъ бы я тебѣ въ ухо разъ-другой. Можетъ статья, прибавки бы не попросила.

Плешке (вышедшій на минуту, возвращается). Вотъ какая она дѣвка-то... Вотъ какая дѣвка...

Зейдель. Выбилъ бы я изъ нея дурь. Будь я здѣшнимъ начальникомъ; взялъ бы я здоровую орясину, живо бы она у меня заработала... Этакая дѣвка—молодая, здоровая. Съ какой стати ей лежать на боку въ пріютѣ?

Плешке. Вотъ у меня, того, кусочекъ остался... кусочекъ маленькій... кусочекъ сахару, значить, нашелся у меня...

Ганке (вдыхая запахъ грога). Я, пожалуй, и самъ бы не прочь заболѣть. (Входитъ судейскій служитель Шиндль съ фонаремъ въ рукѣ. Убѣдительно и дружелюбно). Посторонитесь! Г. начальникъ идетъ.

(Входитъ окружный начальникъ Бергеръ, очевидно, капитанъ запаса. Борода, моложавое, добродушное лицо, уже сильно посѣдѣвшіе волосы, длинный сюртукъ, въ костюмѣ отъѣнокъ элегантности, въ рукахъ палка. Шляпа съ широкими полями нѣсколько сдвинута на затылокъ... Во всемъ его обликѣ есть что-то паноминирующее бурша).

Обитатели пріюта. Добрый вечеръ! Добрый вечеръ, г. капитанъ!

Бергеръ. Добрый вечеръ! (Снимаетъ шляпу, плащъ, кладетъ палку. Съ пояснительнымъ жестомъ) Ну-ка! Убирайтесь отсюда! (Шиндль вырывается изъ рукъ въ заднюю комнату?) Здравствуйте, г. Готтвальдъ. Ну, какъ дѣла?

Готтвальдъ. Да вотъ вытащили ее изъ воды.

Зейдель (выступает). Прошу прощенія, г. начальникъ. (По старой солдатской привычкѣ дѣлаетъ подъ козырекъ). Я позамѣшкался въ кузницѣ, надо было наложить обручъ на топоръ... Выхожу я, а тамъ внизу у кузницы Юхнера есть, знаете, прудъ... Съ позволенія сказать -- чуть не озеро. (Готтвальду) Право слово... Почитай что не меньше. И намъ, можетъ статься, извѣстно, г. судья, что тамъ есть мѣсто, которое не замерзаетъ. Споконъ вѣку оно не замерзало. И малышемъ еще былъ...

Бергеръ. Ну? И что же?

Зейдель (снова отдавая честь). Ну, ~~выхожу~~ я, стало-быть, изъ кузницы, — мѣсяцъ чуточку проглянулъ, — слышу: кто-то стонетъ... Сначала думаю, что это мнѣ такъ, мерещится... Только вижу вдругъ: кто-то бѣжитъ по льду. И прямо-хонько туда — къ полыньѣ. Крикнулъ я, а его и слѣдъ простылъ. Я назадъ въ кузницу, никому ни слова, беру доску да опять къ пруду. Доску на ледъ. Разъ, два, три — и выволокъ ее за шиворотъ.

БЕРГЕРЪ. Вотъ это мнѣ по сердцу, Зейдель. А то у насъ только и слышишь, что о разбитыхъ головахъ, перерѣзанныхъ горлахъ, сломанныхъ ногахъ... Хоть разъ въ жизни другое что-нибудь услышалъ. Такъ вы, значитъ, принесли ее сюда?

Зейдель. Г. учитель Готтвальдъ...

Готтвальдъ. Я случайно проходилъ мимо, возвращаясь съ учительской конференціи. Жена моя собрала наскоро кое-какія вещи, чтобы переодѣть ее во все сухое.

БЕРГЕРЪ. Какъ же это все произошло?

Зейдель (нерѣшительно). Да какъ сказать? Она падчерницей приходится каменщику Маттерну.

БЕРГЕРЪ (въ первый мигъ очень смущенный). Кому? Этому негодяю?

Зейдель. Мать ея умерла шесть недѣль тому назадъ. Прочее, значитъ, извѣстно. Она и отбивалась и царапалась: приняла меня за отца.

БЕРГЕРЪ (бормочетъ). Этакій мерзавецъ!

Зейдель. Со-вчерашняго дня онъ сидитъ въ кабакѣ и пьетъ безъ просыпу. Ему сколько ни налей, — все вылокасть.

БЕРГЕРЪ. Ну, здорово ему отъ насъ понадесть! (Намолется надъ кроватью, чтобы разспросить Ганнеле). Слушай, дѣвочка, скажи мнѣ... Да нечего тебѣ пѣшать. Не гляди на меня съ такимъ страхомъ. Я ничего тебѣ не сдѣлаю. Какъ тебя зовутъ? Чтѣ ты говоришь? Я не понимаю тебя. (Онъ выпрямляется). Кажется, дѣвочка немного упряма.

Готтвальдъ. Она просто запугана. Ганнеле!

Ганнеле (чуть слышно). Да.

Готтвальдъ. Ты должна отвѣчать г. начальнику на его вопросъ.

Ганнеле (дрожа). Господи, мнѣ холодно.

Зейдель (подходить къ ней съ горячимъ питьемъ). Вотъ тебѣ, выпей-ка.

Ганнеле (попрежнему). Господи, я голодна.

Готтвальдъ (судь). А когда ей дадутъ чего-нибудь, она не хочетъ ѣсть.

Ганнеле. Господи, какъ мнѣ больно!

Готтвальдъ. Гдѣ у тебя болитъ?

Ганнеле. Я такъ боюсь!

БЕРГЕРЪ. Кто же тебя обижаетъ? Кто? Ну, говори... Я ни словечка не понимаю, милое дитя. Это мнѣ не поможетъ. Слушай, дѣвочка. Твой отчимъ дурно съ тобой обра-

щался? Бить тебя, хочу я сказать? Запиралъ? Выгонялъ изъ дому, или что-нибудь въ этомъ родѣ? Ахъ, ты, Господи, да что же?..

Зейдель. Дѣвочка все молчитъ. Ужъ если она скажетъ словечко—плохо ей, значить, пришлось. Она безотвѣтная, съ позволенія сказать, какъ ягненокъ.

Бергеръ. Я хотѣлъ бы знать нѣчто опредѣленное. Можеть-быть, мнѣ удалось бы наконецъ засадить этого молодца.

Готтвальдъ. У нея безумный страхъ переть нимъ.

Зейдель. Ничего новаго не добьетесь. Это, съ позволенія сказать, всякому извѣстно. Спросите кого угодно. Я только дивлюсь тому, что дѣвочка до сихъ поръ жива. Прямо—чудеса да и только...

Бергеръ. Что же онъ съ нею продѣлывалъ?

Зейдель. Всего, съ позволенія сказать, бывало. Выгнать ее на улицу въ девять часовъ вечера, въ такую вотъ погоду. Принеси ему пятишницу, на выпивку, значить. Откуда дѣвочкѣ взять пятишницу? Она и дрогнетъ по почамъ на улицѣ. А придетъ домой безъ денегъ—тутъ люди, бывало, сбѣгутся, какъ начнутъ онъ ее, съ позволенія сказать, смертнымъ боемъ бить...

Готтвальдъ. При жизни матери у нея еще была защита.

Бергеръ. Во всякомъ случаѣ я сейчасъ же засажу сегодня. Онъ значится у меня въ списокъ пьяницъ. Ну, дѣвочка, погляди-ка на меня.

Ганнеле (съ нольбою). Ахъ, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Зейдель. Нескоро вы отъ нея чего-нибудь добьетесь.

Готтвальдъ (кратко). Ганнеле!

Ганнеле. Да.

Готтвальдъ. Ты знаешь меня?

Ганнеле. Да.

Готтвальдъ. Кто же я?

Ганнеле. Господишъ... учитель... Готтвальдъ.

Готтвальдъ. Хорошо. Вотъ видишь ли, я всегда былъ къ тебѣ расположенъ. Ты можешь мнѣ все рассказать. Ты была внизу у пруда возлѣ кузницы. Почему ты не осталась дома? Почему?

Ганнеле. Мнѣ такъ страшно!

Бергеръ. Мы оба отойдемъ въ сторону. Скажи все одному г. учителю.

ГАННЕЛЕ (робко и таинственно). Меня позвали.

ГОТТВАЛЬДЪ. Кто позвалъ?

ГАННЕЛЕ. Иисусъ Христосъ.

ГОТТВАЛЬДЪ. Куда звалъ тебя Иисусъ Христосъ?

ГАННЕЛЕ. Въ воду.

ГОТТВАЛЬДЪ. Куда?

ГАННЕЛЕ. Туда, на дно, въ воду.

БЕРГЕРЪ (очевидно, пзмѣливъ свое рѣшеніе, надѣваетъ плащъ). Тутъ всего нужны докторъ. Я думаю, онъ еще сидитъ въ гостиницѣ Меча.

ГОТТВАЛЬДЪ. Я послалъ также за сестрою милосердія. Ребенку необходимъ уходъ.

БЕРГЕРЪ. Я пойду и объясню доктору, въ чемъ дѣло. (Шиндту) Приведите ко мнѣ туда стражника. Я буду ждать въ гостиницѣ. Покойной ночи, г. Готтвальдъ. Мы сегодня же засадимъ этого негодяя. (Уходитъ вмѣстѣ съ Шиндтомъ. Ганнеле засыпаетъ).

ЗЕЙДЕЛЬ (послѣ нѣкотораго молчанія). А онъ все-таки осторожится: не запрячетъ того въ тюрьму.

ГОТТВАЛЬДЪ. Но почему же?

ЗЕЙДЕЛЬ. Извѣстно — почему. Кто приходится отцомъ ребенку?

ГОТТВАЛЬДЪ. Ахъ, Зейдель, все это одни пересуды.

ЗЕЙДЕЛЬ. Ну, съ позволенія сказать: онъ таки-пожилъ на своемъ вѣку.

ГОТТВАЛЬДЪ. Чего только люди ни наплегутъ! И половинѣ слуховъ нельзя вѣрить. Если бы только докторъ поскорѣе пришелъ!

ЗЕЙДЕЛЬ (тихо). Сдается мнѣ, что дѣвочки уже не встать.

(Входитъ докторъ Вахлеръ, человекъ лѣтъ 34, серьезнаго вида).

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ. Добрый вечеръ.

ГОТТВАЛЬДЪ. Добрый вечеръ.

ЗЕЙДЕЛЬ (услужливо помогая снять шубу). Добрый вечеръ, г. докторъ.

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ (гріетъ руки у печки). Мнѣ нужно было бы еще свѣчу. (Изъ задней комнаты доносятся звуки шарманки). Они тамъ, должно-быть, съ ума сошли?

ЗЕЙДЕЛЬ (уже у открытой двери). Слушайте, вы бы тамъ потише! (Шумъ утихаетъ, Зейдель исчезаетъ въ задней комнатѣ).

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ. Г. Готтвальдъ, не такъ ли?

ГОТТВАЛЬДЪ. Мени зовутъ Готтвальдъ.

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ. Она, какъ я слышалъ, хотѣла утонуться?

Готтвальдъ. Ей ничего другого не оставалось. (Краткое молчаніе).

Докторъ Вахлеръ. Говорить она во снѣ?

Ганнеле. Милліоны звѣздочекъ! (Д-ръ Вахлеръ и Готтвальдъ наблюдаютъ. Изъ окна падаетъ лунный свѣтъ и озаряетъ ихъ группу). За что ты ломаешь мнѣ кости? Ай! Ай! Душа разрывается.

Докторъ Вахлеръ (осторожно разстегивая воротъ у рубашки). Все тѣло у нея должно быть въ рубцахъ.

Зейдель. Такою лежала и мать ея въ гробу.

Докторъ Вахлеръ. Ужасно, ужасно!

Ганнеле (измѣнившимся упрямымъ тономъ). Не хочу. Не хочу. Не пойду домой. Мнѣ нужно... къ фрау Голле... въ колодець... Пусти меня, отецъ! Фу, какъ отъ тебя дурно пахнетъ! Ты опять нилъ водку? Слыишишь, какъ шумить лѣсъ? Сегодня поутру въ горахъ бушевала буря! Только бы не вспыхнулъ пожаръ!.. Если у портного не будетъ камня въ карманѣ и утюга въ рукѣ — буря унесетъ его черезъ горы. Слыишишь, какъ бушуетъ?

(Входитъ сестра Марта, дыкописса).

Готтвальдъ. Добрый вечеръ, сестра!

Сестра Марта (киваетъ головою. Готтвальдъ подходитъ къ дыкописсѣ, которая раскладываетъ лекарственные принадлежности, и разговариваетъ съ нею въ глубинѣ).

Ганнеле. Гдѣ моя мама? На небесахъ? Ахъ... ахъ, какъ далеко! (Открываетъ глаза, испуганно озирается, проводитъ рукой по глазамъ и говоритъ еле слышно). Гдѣ... же... я?

Докторъ Вахлеръ (наклонясь надъ нею). У добрыхъ людей.

Ганнеле. Пить хочу.

Докторъ Вахлеръ. Воды! (Зейдель, принесшій вторую свѣчу, идетъ за водою). Есть у тебя гдѣ-нибудь боли?

Ганнеле (качаетъ головою).

Докторъ Вахлеръ. Нѣтъ? Ну-ка взгляни на меня. Намъ совсѣмъ уже не такъ плохо.

Ганнеле. Вы—докторъ?

Докторъ Вахлеръ. Конечно.

Ганнеле. Значить... я больна?

Докторъ Вахлеръ. Немножко... Не очень.

Ганнеле. Вы хотите меня вылѣчить?

Докторъ Вахлеръ (быстро осматривая ее). Больно тебѣ здѣсь? А тутъ? Здѣсь больно? Здѣсь? Здѣсь? Печего глядѣть на меня съ такимъ страхомъ. Я не причиню тебѣ боли. А какъ здѣсь? Больно тебѣ?

ГОТТВАЛЬДЪ (снова подходит къ постели). Отвѣчай г. доктору, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ (искреннимъ, молящимъ, полнымъ слезъ голосомъ). Ахъ, милый, милый г. Готтвальдъ!

ГОТТВАЛЬДЪ. Слушай, что говоритъ докторъ, и отвѣчай, какъ слѣдуетъ.

ГАННЕЛЕ (качаетъ головою).

ГОТТВАЛЬДЪ. Почему ты не хочешь отвѣчать?

ГАННЕЛЕ. Потому что... потому что... мнѣ такъ хотѣлось бы къ мамѣ...

ГОТТВАЛЬДЪ (взволнованный, гладитъ ее по волосамъ). Ну, полно, полно... (Краткое молчаніе).

(Докторъ выпрямляется, переводитъ духъ и на мгнѣ задумывается. Сестра Марта взяла вторую свѣчу со стола и свѣтитъ ему).

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ (дѣлая знакъ сестрѣ Мартѣ). Пожалуй-ста, сестра! (Отходить съ нею къ столу и тихо отдастъ распоряженія. Готтвальдъ, взявъ шляпу, стоитъ въ ожиданіи, бросая взгляды то на Ганнеле, то на д-ра Вахлера и дьякониссу. Д-ръ Вахлеръ, заканчивая краткій разговоръ съ сестрою). По всей вѣроятности, я еще разъ зайду. Лѣкарства я пришлю. (Готтвальду) Его должны были арестовать сегодня въ гостиницѣ Меча.

СЕСТРА МАРТА. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сейчасъ сказали.

ДОКТОРЪ ВАХЛЕРЪ (надѣвалъ шубу, къ Зейделю). Вы дойдете со мною до аптеки?

(Докторъ, Готтвальдъ и Зейдель, уходя, кланяются сестрѣ Мартѣ).

ГОТТВАЛЬДЪ. Что вы думаете объ ея состояніи, г. докторъ? (Всѣ трое уходятъ. Дьяконисса одна остается съ Ганнеле. Она наливаетъ въ кружку молока. Ганнеле открываетъ глаза и слѣдитъ за нею).

ГАННЕЛЕ. Ты отъ Господа Иисуса?

СЕСТРА МАРТА. Что ты говоришь?

ГАННЕЛЕ. Ты пришла отъ Господа Иисуса?

СЕСТРА МАРТА. Развѣ ты не узнаешь меня, Ганнеле? Вѣдь я—сестра Марта, узнаешь? Ты бывала у насъ, неужели ты не помнишь? Мы молились вмѣстѣ и пѣли чудныя пѣсни. Помнишь?

ГАННЕЛЕ (радостно киваетъ). Ахъ, да! Чудныя пѣсни!

СЕСТРА МАРТА. Ну, вотъ я стану съ Божьей помощью ходить за тобою, куда ты не выздоровѣешь.

ГАННЕЛЕ. Я не хочу выздоравливать.

СЕСТРА МАРТА (подходя къ ней съ кружкой молока). Докторъ велѣлъ тебѣ выпить молока для того, чтобы ты подкрѣпилась.

ГАННЕЛЕ (отказываясь). Я не хочу быть здоровой.

СЕСТРА МАРТА. Ты не хочешь быть здоровой? Обдумай, что ты говоришь. Постой, я тебѣ подвяжу волосы. (Дѣлаетъ это).

ГАННЕЛЕ (тихо плачетъ). Я не хочу быть здоровою.

СЕСТРА МАРТА. Почему ты не хочешь?

ГАННЕЛЕ. Я такъ бы хотѣла... такъ бы хотѣла уйти на небо!

СЕСТРА МАРТА. Это не въ нашей власти, доброе дитя. Мы должны ждать, покуда Господь не призоветъ насъ. Но если ты раскаялась въ твоихъ грѣхахъ...

ГАННЕЛЕ (пылко). Ахъ, сестра, я такъ раскаиваюсь.

СЕСТРА МАРТА. И если вѣруешь въ Господа Иисуса Христа...

ГАННЕЛЕ. Я вѣрую въ моего Спасителя.

СЕСТРА МАРТА. Тогда ты можешь ожидать спокойно и безпечально. Теперь я поправлю твои подушки, и ты заснешь.

ГАННЕЛЕ. Я не могу спать.

СЕСТРА МАРТА. Попробуй.

ГАННЕЛЕ. Сестра Марта!

СЕСТРА МАРТА. Ну, что?

ГАННЕЛЕ. Сестра Марта! Бываютъ грѣхи... бываютъ грѣхи, которые не прощаются?

СЕСТРА МАРТА. Сии, Ганнеле. Не волнуйся.

ГАННЕЛЕ. Скажите мнѣ, я очень, очень васъ прошу.

СЕСТРА МАРТА. Конечно, такіе грѣхи бываютъ. Грѣхи противъ Духа Святого.

ГАННЕЛЕ. А вдругъ я совершила такой грѣхъ?

СЕСТРА МАРТА. Полно, что ты. Такіе грѣхи совершаютъ только самые дурные люди! Иуда, напримѣръ, предавшій Господа Иисуса.

ГАННЕЛЕ. А все же это... это могло случиться. Я такъ боюсь.

СЕСТРА МАРТА. Тебѣ совсѣмъ нечего бояться.

ГАННЕЛЕ. Что, если я совершила такой грѣхъ?

СЕСТРА МАРТА. Ты не совершила такого грѣха.

ГАННЕЛЕ (прижимаясь къ сестрѣ, глядя въ темноту). Ахъ сестра, сестра!

СЕСТРА МАРТА. Можешь быть совершенно спокойна.

ГАННЕЛЕ. Сестра!

СЕСТРА МАРТА. Ну, что?

ГАННЕЛЕ. Онъ сейчасъ войдетъ. Развѣ ты не слышишь?

СЕСТРА МАРТА. Я ничего не слышу.

ГАННЕЛЕ. Это его голосъ на дворѣ. Слышишь?

СЕСТРА МАРТА. О комъ ты говоришь?

ГАННЕЛЕ. Отецъ... Отецъ—онъ тамъ...

СЕСТРА МАРТА. Гдѣ?

ГАННЕЛЕ. Смотри. Видишь?

СЕСТРА МАРТА. Гдѣ?

ГАННЕЛЕ. Въ ногахъ у кровати.

СЕСТРА МАРТА. Тутъ виситъ плащъ, а тамъ шляпа. Сейчасъ мы уберемъ эти гадкія вещи и отнесемъ ихъ къ дядѣ Плешке. Я зачерпну воды и сдѣлаю тебѣ холодный компрессъ. Ты останешься на минуту одна? Только надо лежать совсѣмъ смирно, не шевелясь.

ГАННЕЛЕ. Ахъ, какая я глупая! Такъ это былъ плащъ, да? А сверху—шляпа?

СЕСТРА МАРТА. Но теперь лежи смирно-смирно, куда я не вернусь. (Она идетъ, но возвращается, потому что въ сѣняхъ совсѣмъ темно). Я поставлю свѣчку тутъ въ сѣняхъ. (Еще разъ ласково погрозивъ пальцемъ) Смотри же, лежи смирно-хорошенько. (Уходитъ).

(На сценѣ почти полный мракъ. Сейчасъ же въ ногахъ постели Ганнеле появляется фигура камонщика Маттерна. Пьяное дикое лицо, рыжіе вклочоченные волосы, на головѣ военная истрепанная фуражка безъ козырька. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ рабочий инструментъ камонщика. Въ правой рукѣ онъ сжимаетъ ремень и словно выжидаетъ минуты, чтобы ударить Ганнеле. Отъ его фигуры исходитъ блѣдный свѣтъ, образующій свѣтлый полукругъ у постели Ганнеле).

ГАННЕЛЕ (испуганно закрываетъ глаза руками, стонетъ, корчится и тихо всхлипываетъ).

ПРИЗРАКЪ (говоритъ хриплымъ, сдавленнымъ отъ долгаго безмолвства голосомъ). Ты гдѣ? Гдѣ это ты пропадала? Чтѣ дѣлала? Я тебя проучу! Я тебѣ задамъ, погоди ужъ у меня... Ты чего наговорила людямъ? Я бью тебя? Я дурно съ тобой обращаюсь? А? Такъ, что ли, по-твоему? Ты вѣдь—не моя дочь. Эй, поднимайся. Какое мнѣ до тебя дѣло? Я могъ бы вышвырнуть тебя на улицу. Вставай, растопляй печку... Долго мнѣ ждать? Я держу тебя въ домѣ изъ милости и состраданія. А ты еще дѣлатьничать задумала? Ну, скоро ты поднимешься? Я стану тебя хлестать, покуда ты...

ГАННЕЛЕ (съ трудомъ, не открывая глазъ, дотопавшись до печки, открываетъ заслонку и тутъ же падаетъ безъ чувствъ).

(Въ эту минуту входитъ сестра Марта съ кружкой воды и свѣчою въ рукахъ. Призракъ Маттерна исчезаетъ. Она останавливается, видитъ Ганнеле лежащую въ золѣ у печки и съ восклицаніемъ: «Господи Іисусе!» ставитъ свѣчу и кружку, подбѣгаетъ къ Ганнеле и поднимаетъ ее съ полу. На зовъ ея сбѣгаются обитатели пріюта).

СЕСТРА МАРТА. Я пошла за водою, а она тутъ безъ меня встала съ постели. Пожалуйста, Гедвига, помогите мнѣ.

ГАНКЕ. Ну, Гета, поостерегись, не то, чего добраго, переломаешь ей всѣ кости.

ПЛЕШКЕ. Мнѣ, того, думается, сестра, думается мнѣ, что дѣвочку, того, сглазили... Съ глазу оно, значить; съ дѣвочкой-то...

ТУЛЬНЕ. Можетъ, и вправду порчу на дѣвочку напустили.

ГАНКЕ. А я вамъ скажу, что тутъ дѣло къ концу идетъ.

СЕСТРА МАРТА (положившая, съ помощью Гедвиги, Ганнеле на постель). Возможно, любезнѣйшій, но теперь прошу васъ. Вы сами понимаете, не правда ли, что мы не должны тревожить больную?

ГАНКЕ. Да что же мы такого ей дѣлаемъ?

ПЛЕШКЕ (къ Ганке). Дуракъ ты... Дуракъ... Такъ и знай, что ты, того, дуракъ... и ничего... и ничего больше... Больному, того, больному нуженъ—малыи ребенокъ и тотъ понимасть: покой больному нуженъ...

ГЕТА (передразнивалъ его). Больному, того... больному...

СЕСТРА МАРТА. Я очень васъ прошу... убѣдительно прошу...

ТУЛЬНЕ. Сестра правду говоритъ, убирайтесь-ка отсюда.

ГАНКЕ. Уйдемъ сами, когда захотимъ.

ГЕТА. Что же намъ, въ курятникѣ, что ли, спать?

ПЛЕШКЕ. Тебѣ, того, найдется мѣсто... Найдется тебѣ, значить, мѣсто... сама знаешь, небось, гдѣ будешь... (Всѣ расходятся).

ГАННЕЛЕ (со страхомъ открывая глаза). Ушелъ? Онъ ушелъ?

СЕСТРА МАРТА. Эти люди ушли. Ты не испугалась, Ганнеле?

ГАННЕЛЕ (все еще испуганно). Отецъ ушелъ?

СЕСТРА МАРТА. Онъ и не былъ здѣсь.

ГАННЕЛЕ. Былъ, сестра, былъ.

СЕСТРА МАРТА. Тебѣ это приснилось.

ГАННЕЛЕ (съ глубокимъ вздохомъ молясь про себя). Господи Иисусе Христе! Милостивый Боже! Милосердный Сладчайшій Иисусе! Возьми меня къ Себѣ, молю Тебя, возьми меня! (Другимъ тономъ)

Ахъ, если бы пришелъ Онъ,

Меня къ Себѣ увелъ Онъ!

Ахъ, если-бъ отъ людей

Меня съ собой увелъ Онъ!

Я навѣрно знаю это, сестра.

СЕСТРА МАРТА. Что ты знаешь?

ГАННЕЛЕ. Онъ обѣщалъ мнѣ. Я уйду на небо. Онъ обѣщать мнѣ это.

СЕСТРА МАРТА. Гм!

ГАННЕЛЕ. Ты знаешь, кто?

СЕСТРА МАРТА. Ну?

ГАННЕЛЕ (таинственно ей на ухо). Милосердный Госпо... господинъ Готтвальдъ.

СЕСТРА МАРТА. Послушай меня, Ганнеле! Засни.

ГАННЕЛЕ. Сестра, а вѣдь г. учитель Готтвальдъ—очень красивъ. Его зовутъ Генрихъ. Слышишь? Генрихъ—красивое имя, не правда ли? (Искренно) О, милый, милый Генрихъ! Сестра, знаешь что? Мы съ нимъ повѣщаемся. Да, да! Обвѣщаемся! Господинъ учитель Готтвальдъ и я.

Когда же въ вѣрности навѣкъ
Они другъ другу клятву дали,
Они остались въ темной спальнѣ
На ложѣ бѣломъ, словно снѣгъ.

Какая у него красивая борода! (Восторженно) На головѣ его—цвѣтущій клеверъ. Слышишь? Онъ зоветъ меня. Развѣ ты не слышишь?

СЕСТРА МАРТА. Спи, Ганнеле, спи. Никто тебя не зоветъ.

ГАННЕЛЕ. Это звалъ Господь Иисусъ. Слышишь? Вотъ Онъ снова зоветъ меня:—«Ганнеле!» Громко зоветъ. Ясно, отчетливо:—«Пойдемъ со Мною».

СЕСТРА МАРТА. Когда Господь пожелаетъ призвать меня,—я буду готова.

ГАННЕЛЕ (освѣщенная луною, поворачиваетъ голову, словно вдыхая аромат цвѣтовъ). Ты ничего не замѣчаешь, сестра?

СЕСТРА МАРТА. Нѣтъ, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ. Сиренью запахло! (Съ возрастающимъ блаженнымъ экстазомъ) Да слушай же, слушай! Что это такое? (Издали доносится нѣжный голосъ) Это ангелы поютъ? Развѣ ты не слышишь?

СЕСТРА МАРТА. Слышу, конечно. Но знаешь ли что? Ты должна, дѣчь на бока и спокойно проспать до завтрашняго утра.

ГАННЕЛЕ. А ты умѣешь это пѣть?

СЕСТРА МАРТА. Что, дѣточка?

ГАННЕЛЕ. «Спи, дитя!»

СЕСТРА МАРТА. Ты хочешь, чтобы я спѣла эту пѣсенку?

ГАННЕЛЕ (опускается на подушки и гладитъ руку сестры). Мамочка, спой! Спой, мамочка!

СЕСТРА МАРТА (гаситъ свѣчу, наклоняется надъ постелью и говорить нараспѣвъ, между тѣмъ какъ издали доносится музыка).

Спи, дитя, спокойнымъ сномъ,
Ходятъ овцы подъ окномъ.

(Она поетъ, становится совсѣмъ темно).

Тамъ ягнята на лужку,
На зеленомъ берегу.
Спи, дитя, спокойнымъ сномъ.

(Комната наполняется сумеречнымъ свѣтомъ. На краю постели, наклонившись нѣсколько впередъ, опираясь обнаженными худыми руками, сидитъ блѣдная призрачная фигура женщины. Она—босая. Бѣлые волосы ниспадаютъ космами по обѣимъ сторонамъ лица до самого оушка. Лицо исхудалое, изможденное, глубоко впалые глаза, хотя и закрытые вѣками, устремлены на спящую Ганнеле. Голосъ ея звучитъ монотонно, точно голосъ дунатика. Прежде чѣмъ что-нибудь сказать, она шевелитъ губами, словно приготовляясь говорить. Она съ нѣкоторымъ успѣхомъ извлекаетъ звуки изъ глубины своей груди. Она кажется преждевременно состарившеюся, исхудавшею, со впалыми щеками. Одѣта очень бѣдно).

ФИГУРА ЖЕНЩИНЫ. Ганнеле!

ГАННЕЛЕ (тоже съ закрытыми глазами). Мамочка, милал мамочка, это ты?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Да, я омыла ноги нашего Спасителя моими слезами и отерла ихъ моими волосами.

ГАННЕЛЕ. Ты принесишь мнѣ добрую вѣсть?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Да!

ГАННЕЛЕ. Ты пришла издалека?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Я прошла среди ночи сотни тысячъ миль!

ГАННЕЛЕ. Мама, какая ты теперь?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Така, какъ все дѣти міра.

ГАННЕЛЕ. У тебя во рту майскіе колокольчики. Голосъ твой звученъ.

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Но звукъ его еще не чистъ.

ГАННЕЛЕ. Мамочка, мамочка, какъ сілеть ты въ своей красѣ!

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Ангелы небесные во сто тысячъ разъ прекраснѣе.

ГАННЕЛЕ. Почему же ты не такъ прекрасна?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Я страдала изъ-за тебя.

ГАННЕЛЕ. Мамочка, останься со мною!

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ (пожимаясь). Мнѣ пора уходить.

ГАННЕЛЕ. Хорошо ли тамъ у тебя?

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ. Тамъ широкіе-широкіе дуга,

укрытые отъ вѣтра, защищенные отъ града и бури на лопѣ Господнемъ.

Ганнеле. Отдыхаешь ли ты, когда устаешь?

Призракъ женщины. Да.

Ганнеле. Есть ли у тебя пища, когда ты голодна?

Призракъ женщины. Я утоляю свой голодъ плодами и мясомъ. Когда я жажду—я пью золотистое вино. (Отступаетъ назадъ).

Ганнеле. Ты уходишь, мама?

Призракъ женщины. Господь зоветъ меня.

Ганнеле. Громко ли зоветъ Господь?

Призракъ женщины. Господь громко зоветъ меня.

Ганнеле. Сердце мое въ огнѣ горитъ, мама.

Призракъ женщины. Господь охладитъ его лиліями и розами. Ты знаешь цвѣтокъ, который я держу въ рукѣ?

Ганнеле. Это буквица—ключъ отъ царствія небеснаго.

Призракъ женщины (вкладывая ее въ руку Ганнеле). Возьми ее, какъ залогъ, данный Господомъ. Прощай.

Ганнеле. Мапочка, останься со мною!

Призракъ женщины (отступая). Черезъ нѣкоторое время ты не будешь видѣть меня и еще черезъ нѣкоторое время ты снова меня увидишь.

Ганнеле. Мнѣ страшно.

Призракъ женщины (еще болѣе удаляясь). Какъ вѣтеръ сметаешь снѣжную пыль съ горъ, такъ Господь разсѣетъ твоихъ мучителей.

Ганнеле. Не уходи.

Призракъ женщины. Мы—дѣти небесъ—подобим голубымъ молніямъ ночи. Спи!

(Постепенно темнѣетъ. Слышны пѣжные голоса мальчишекъ, поющихъ вторую строфу).

Спи, дитя, глубокимъ сномъ,
Нынче гости будутъ въ домъ.

(Золотисто-зеленый свѣтъ мгновенно наполняетъ комнату. Появляются трое свѣтлыхъ ангеловъ—прекрасныхъ крылатыхъ юношей, увѣнчанныхъ розами. Они поютъ заключительную строфу пѣсни по нотнымъ листамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ въ воздухѣ. Не видно ни дьяконессы ни призрака женщины).

Прилетитъ ночью порой
Ангелочковъ Божьихъ рой.
Спи, дитя, спокойнымъ сномъ.

ГАННЕЛЕ (открываетъ глаза, пристально съ восхищеніемъ смотритъ на ангеловъ и говоритъ удивленно). Ангелы? (Съ возрастаю-

щимъ изумленіемъ, прорывающеюся, но еще не чуждою сомнѣнія радостью) Ангелы! (Съ восторженнымъ порывомъ) Ангелы!!!

(Краткое молчаніе, затѣмъ ангелы поочередно говорятъ подъ музыку).

Первый ангелъ.

Солице въ горахъ не дарило
Тебѣ золотыми лучами,
Травы, колеблемы вѣтромъ,—
Въ лугахъ предъ тобою не стались.

Второй ангелъ.

Хлѣбъ золотистый на нивахъ
Тебѣ не давалъ пропитанья,
Въ кружкѣ твоей не дымилось
Пасущихся стадъ молоко.

Третій ангелъ.

Злаки земные, цвѣты
Сладкимъ полнымъ ароматомъ,
Пурпуромъ, нѣжной лазурью—
Окаймлять не желали твой путь.

(Краткая пауза).

Первый ангелъ.

Первый привѣтъ мы приносимъ,
Во мракъ къ тебѣ прилетая,
Первое вѣянье счастья—
На крыльяхъ своихъ мы несемъ.

Второй ангелъ.

Первымъ дыханьемъ весны
Отъ края одеждъ нашихъ вѣетъ,
Первая алая зорька
На нашихъ устахъ расцвѣла.

Третій ангелъ.

Свѣтитъ съ отъ ногъ нашихъ отблескъ .
Нашей отчизны небесной,
Вѣчнаго града сіянье—
Въ нашихъ глубокихъ очахъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

На сценѣ все то же, что было до появленія ангеловъ. Сестра Марта сидитъ у постели, Ганнеле лежитъ. Она снова зажигаетъ свѣчу, и Ганнеле открываетъ глаза. Ея взоръ еще обращенъ внутрь себя. На лицѣ выраженіе небеснаго блаженства. Узнавъ сестру, она начинаетъ говорить въ радостномъ возбужденіи.

ГАННЕЛЕ. Сестра! Ангелы!.. Сестра Марта, ангелы... Знаешь ли ты, кто здѣсь былъ?

СЕСТРА МАРТА. А! Ты опять не спишь?

ГАННЕЛЕ. Угадайте, кто? Ну же! (Не удержавшись) Ангелы, ангелы! Настоящіе ангелы! Ангелы небесные, сестра Марта. Знаешь,—такіе съ длинными крыльями?

СЕСТРА МАРТА. Ну, если тебѣ снились такіе чудные сны...

ГАННЕЛЕ. Ахъ! Она говоритъ, что это мнѣ снилось! А здѣсь что такое? Погляди-ка. (Дѣлаетъ видъ, какъ будто держитъ въ рукѣ цвѣтокъ и показываетъ его).

СЕСТРА МАРТА. Что это у тебя въ рукѣ?

ГАННЕЛЕ. А вотъ посмотри.

СЕСТРА МАРТА. Это...

ГАННЕЛЕ. Ну, видишь?

СЕСТРА МАРТА. Ага!

ГАННЕЛЕ. Понюхай только.

СЕСТРА МАРТА (дѣлая видъ, что нюхаетъ цвѣтокъ). Чудесно.

ГАННЕЛЕ. Не такъ сильно. Ты его сомнешь.

СЕСТРА МАРТА. Мнѣ было бы жаль. Но что же это такое?

ГАННЕЛЕ. Какъ? Ты не узнаешь буквицу—ключикъ отъ царствія небеснаго?

СЕСТРА МАРТА. Ахъ, да!

ГАННЕЛЕ. Какая ты! Возьми же свѣчу. Скорѣе, скорѣе!

СЕСТРА МАРТА (свѣтитъ). Ну вотъ, теперь я вижу.

ГАННЕЛЕ. Видишь?

СЕСТРА МАРТА. Но ты, право, слишкомъ много говоришь! Мы должны вести себя смирно, не то докторъ разсердится на насъ. Онъ и лѣкарство прислалъ. Надо послушаться и принять его.

ГАННЕЛЕ. Ахъ, сестрица, вы такъ заботитесь обо мнѣ. Вы не знаете, что случилось? Нѣтъ? Если знаете, такъ скажите. Кто мнѣ это далъ? Ну? Золотой ключикъ? Кто далъ его? Ну! Отъ чего этотъ золотой ключикъ? Угадайте.

СЕСТРА МАРТА. Ты расскажешь мнѣ все это завтра поутру. До тѣхъ поръ ты хорошенько отдохнешь и встанешь свѣжею и здоровою...

ГАННЕЛЕ. Я здорова. (Она садится на постели и спускает ноги на пол). Ты видишь, сестра, я уже здорова.

СЕСТРА МАРТА. Что ты, Ганнеле? Ты не должна этого дѣлать. Тебѣ нельзя этого дѣлать. (Ганнеле поднимается, отстраняет сестру и дѣлает нѣсколько шаговъ).

ГАННЕЛЕ. Ты меня все-таки отпусти... Отпусти меня... Я должна... уйти! (Она пугается и смотритъ въ одну точку). О, Божественный Спаситель!

(Появляется ангелъ въ черномъ одѣяніи, съ крыльями. Онъ высокъ, могучъ, прекрасенъ, при немъ длинный изогнутый мечъ, рукоятъ котораго обвита чернымъ крепомъ. Молча и строго сидитъ онъ у печки и, не отрываясь, спокойно глядитъ на Ганнеле. Бѣлый призрачный свѣтъ наполняетъ комнату).

ГАННЕЛЕ. Кто ты? (Онъ не отвѣчаетъ). Ты ангелъ? (Онъ молчитъ). Ты пришелъ за мной? (Онъ молчитъ). Я — Ганнеле Маттернъ. Ты пришелъ за мной? (Снова нѣтъ отвѣта. Сестра Марта, стоявшая до сихъ поръ со сложенными руками набожно и смиренно, теперь медленно уходитъ изъ комнаты).

ГАННЕЛЕ. Или Господь отнялъ у тебя голосъ? (Отвѣта нѣтъ). Тебя послалъ Господь? (Отвѣта нѣтъ). Ты приходишь, какъ другъ? Или ты приходишь, какъ врагъ? (Отвѣта нѣтъ). Ты спрячешь мечъ въ складкахъ твоей одежды. (Отвѣта нѣтъ). Ахъ! Я дрогну... Рѣзущимъ холодомъ вѣетъ отъ твоихъ крыльевъ. Отъ тебя исходитъ ледяное дыханіе. (Отвѣта нѣтъ). Кто ты такой? (Отвѣта нѣтъ. Внезапный ужасъ охватываетъ ее. Она съ крикомъ оборачивается, словно позади нея кто-то стоитъ). Мамочка! Мамочка! (Входитъ женская фигура въ платьѣ сестры Марты, но моложе и красивѣе ея, съ длинными бѣлыми крыльями. Ганнеле прижимается къ ней, схвативъ ее за руку). Мамочка! Мамочка! Тутъ кто-то стоитъ.

СЕСТРА МАРТА. Гдѣ?

ГАННЕЛЕ. Тамъ, тамъ!

СЕСТРА МАРТА. Почему ты такъ дрожишь?

ГАННЕЛЕ. Я боюсь.

СЕСТРА МАРТА. Не бойся. Я съ тобою.

ГАННЕЛЕ. Зубы мои стучать отъ страха. Я не могу удержаться. Я боюсь его.

СЕСТРА МАРТА. Не бойся его. Онъ—твой другъ.

ГАННЕЛЕ. Кто онъ, мама?

СЕСТРА МАРТА. Развѣ ты его не знаешь?

ГАННЕЛЕ. Кто онъ?

СЕСТРА МАРТА. Смерть.

ГАННЕЛЕ. Смерть? (Молча и благоговѣнно смотритъ нѣкоторое время на чернаго ангела). Такъ должно быть?

СЕСТРА МАРТА. Таково преддверье, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ. Каждый долженъ пройти черезъ преддверье?

СЕСТРА МАРТА. Каждый.

ГАННЕЛЕ. Ты возьмешь меня жесткою рукою, Смерть? Онъ молчитъ. Онъ не отвѣчаетъ ни на одинъ мой вопросъ, мама.

СЕСТРА МАРТА. Слова Господа явственно звучать въ твоёмъ сердцѣ.

ГАННЕЛЕ. Я часто всѣмъ сердцемъ призывала тебя. А теперь мнѣ страшно.

СЕСТРА МАРТА. Приготовься.

ГАННЕЛЕ. Умереть?

СЕСТРА МАРТА. Да.

ГАННЕЛЕ (помолчавъ, робко). Неужели я буду лежать въ гробу въ рубищѣ и лохмотьяхъ?

СЕСТРА МАРТА. Господь одѣнетъ тебя. (Она достаетъ маленький серебряный колокольчикъ и звонитъ въ него. Сейчасъ же безшумно, подобно всѣмъ слѣдующимъ за нимъ фигурамъ, входитъ маленький горбатый деревенскій портной. Черезъ руку у него перекинуты: вѣнчалное платье, фата и вѣнокъ, въ рукахъ онъ держитъ хрустальные туфельки. У портного забавная подпрыгивающая походка. Онъ молча склоняется передъ ангеломъ, передъ сестрою Мартою, но всего ниже—передъ Ганнелемъ).

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОРТНОЙ (съ поклономъ). Дѣвица Іоанна-Катерина Маттернъ! (Откашливается). Вашъ отецъ, его сіятельство высокородный графъ, удостоили заказать мнѣ подвѣчный нарядъ.

СЕСТРА МАРТА (беретъ отъ него платье и одѣваетъ Ганнеле). Дай, я одѣну тебя, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ (въ радостномъ возбужденіи). Ахъ, какъ оно шумитъ!

СЕСТРА МАРТА. Это бѣлый шолкъ, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ (восхищенно осматривая себя). Вотъ удивятся люди, что я лежу въ гробу такая нарядная.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОРТНОЙ. Дѣвица Іоанна-Катерина Маттернъ. (Откашливается). Всѣ на деревнѣ только о томъ и говорятъ... (Откашливается). Какое счастье вамъ въ смерти привалило, дѣвица Ганна. (Откашливается). Вашъ отецъ... (Откашливается). Высокородный господинъ графъ (откашливается) изволили побывать у господина окружнаго начальника...

СЕСТРА МАРТА (надѣваетъ Ганнеле на голову вѣнокъ). Наклони голову, Христова невѣста!

ГАННЕЛЕ (дрожа отъ дѣтской радости). Знаешь что, сестра Марта? Я радуюсь смерти. (Внезапно съ сомнѣніемъ смотритъ на сестру). Вѣдь это—ты?

СЕСТРА МАРТА. Да.

ГАННЕЛЕ. Ты — сестра Марта? Ахъ, нѣтъ! Вѣдь ты — моя мать.

СЕСТРА МАРТА. Да.

ГАННЕЛЕ. Ты — и та и другая?

СЕСТРА МАРТА. Дѣти небесъ — воедино въ Богѣ.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОРТНОЙ. Если позволите, принцесса Ганнеле. (Становится съ туфлями въ рукахъ передъ нею на коѣнн). Это — самыя маленькія туфли во всемъ царствѣ. У Гедвиги, у Агнесы, у Лизы, у Марты, у Минны, у Коты, у Греты, у всѣхъ — слишкомъ большія ноги. (Надѣваетъ ей туфли). Впору! Невѣста нашлась. У дѣвицы Ганнеле — самыя маленькія ножки... Если еще что-нибудь понадобится — я къ вашимъ услугамъ. Вашъ слуга! (Уходитъ, раскланиваясь).

ГАННЕЛЕ. Я не могла ожидать этого, мамочка.

СЕСТРА МАРТА. Теперь тебѣ уже не нужно принимать лѣкарство.

ГАННЕЛЕ. Нѣтъ.

СЕСТРА МАРТА. Теперь ты скоро будешь здоровѣе, чѣмъ рыба въ водѣ, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ. Да.

СЕСТРА МАРТА. Ну, пойдѣмъ. Лягъ на свое смертное ложе. (Она беретъ Ганнеле за руку, тихо подводитъ ее къ постели, и Ганнеле ложится).

ГАННЕЛЕ. Теперь я узнаю наконецъ, что значитъ умереть.

СЕСТРА МАРТА. Ты узнаешь это, Ганнеле.

ГАННЕЛЕ (лежа на спинѣ и словно держа въ рукѣ цвѣтокъ). У меня есть залогъ.

СЕСТРА МАРТА. Прижми его крѣпко къ груди.

ГАННЕЛЕ (вновь начиная страшаться, робко смотреть на ангела). Развѣ надо, чтобы это совершилось?

СЕСТРА МАРТА. Надо.

(Издали доносятся звуки похороннаго марша).

ГАННЕЛЕ (прислушиваясь). Играютъ похоронный маршъ. Мейстеръ Зейфридъ и музыканты... (Ангель поднимается). Вотъ онъ встаетъ: (Буря на дворѣ усиливается. Ангель всталъ, строго и медленно шагая, онъ приближается къ Ганнеле). Вотъ идетъ ко мнѣ... Ахъ, сестра! Мама! Гдѣ же ты? (Къ ангелу съ мольбою) Только поскорѣе, черный, безмолвный духъ! (Со стономъ, какъ будто его давить кошмаръ) Меня душить... давить... словно камнемъ! (Ангель медленно заноситъ свой широкій мечъ). Онъ хочетъ меня... онъ хочетъ меня... погубить навѣкъ... (Въ смертной мукъ) Сестра, помоги!

СЕСТРА МАРТА (торжественно становится между Ганнеле и черным ангелом и, защищая ее, кладет ей обе свои руки на сердце. Она говорит съ выраженіемъ силы, святости и величія). Онъ не посмѣетъ этого сдѣлать. Я кладу тебѣ на сердце мои освященные руки!

(Черный ангелъ исчезаетъ. Тишина. Сестра Марта, сложивъ руки, съ кроткою улыбкой смотритъ на Ганнеле, затѣмъ уходитъ въ себя и шевелитъ губами, беззвучно молясь. Звукъ похороннаго марша между тѣмъ не смолкаютъ. Слышится топотъ осторожныхъ шаговъ многихъ людей. Немедленно вѣлѣдъ за атамъ въ средней двери появляется фигура учителя Готтвальда. Онъ одѣтъ во все черное, какъ на похоронахъ, и держитъ въ рукѣ красивый букетъ изъ колокольчиковъ. Онъ благоговѣнно снимаетъ высокую шляпу и, едва успѣвъ войти, оборачивается назадъ, движеніемъ руки приглашая къ молчанію. Позади него виднѣются его ученики — мальчики и дѣвочки въ лучшихъ своихъ платьяхъ. По знаку учителя они перестаютъ шептаться, и среди нихъ воцаряется полная тишина. Они не рѣшаются переступить порогъ. Готтвальдъ съ торжественнымъ выраженіемъ лица приближается къ сестрѣ Мартѣ, которая все еще продолжаетъ молиться).

Готтвальдъ (тихимъ голосомъ). Добрый день, сестра!

СЕСТРА МАРТА. Г. Готтвальдъ, да благословитъ васъ Богъ!

Готтвальдъ (глядя на Ганнеле, скорбно качаетъ головою). Бѣдная дѣвочка!

СЕСТРА МАРТА. Почему вы такъ печальны, г. Готтвальдъ?

Готтвальдъ. Потому что она умерла.

СЕСТРА МАРТА. Не будемъ объ этомъ печалиться. Она успокоилась, и я радуюсь, что она нашла успокоеніе.

Готтвальдъ (со вздохомъ). Да, ей хорошо. Она освободилась отъ скорби и страданія.

СЕСТРА МАРТА (погруженная въ созерцаніе Ганнеле). Какъ она теперь прекрасна!

Готтвальдъ. Да, прекрасна—теперь. Только теперь, въ смерти, ты впервые расцвѣла во всей своей красѣ.

СЕСТРА МАРТА. Потому, что она была такою кроткою душою, Господь и сдѣлалъ ее такою прекрасною.

Готтвальдъ. Да, она была кротка и добра. (Глубоко вздыхаетъ, открываешь свой молитвенникъ и сумрачно смотритъ въ него).

СЕСТРА МАРТА (тоже смотритъ въ молитвенникъ). Не надо жаловаться. Надо терпѣть и молчать.

Готтвальдъ. Ахъ, тяжело мнѣ!

СЕСТРА МАРТА. Оттого, что она спасена?

Готтвальдъ. Оттого, что у меня завяли два цвѣтка.

СЕСТРА МАРТА. Гдѣ?

Готтвальдъ. Двѣ фіалки, заложенные мною въ эту книгу. Это—мертвые глаза моей милой Ганнеле.

СЕСТРА МАРТА. Они еще краше расцвѣтутъ въ царствіи небесномъ.

Готтвальдъ. О, Боже мой, какъ долго еще придется странствовать намъ въ этой мрачной юдоли земныхъ скорбей. (Измѣнившимся сразу, дѣловитымъ и озабоченнымъ тономъ, доставал ноты) Какъ вы думаете? Я рѣшилъ, что мы споемъ здѣсь въ домѣ прежде всего хораль: «Христосъ — мое прибіжище».

СЕСТРА МАРТА. Да, это чудный хораль, и Ганнеле Маттернъ была вѣрующимъ ребенкомъ.

Готтвальдъ. А тамъ на кладбищѣ мы споемъ: «Отпусти меня въ обитель...» (Оборачивается, подходит къ учепикамъ и говорить) № 62: «Отпусти меня въ обитель». (Тихо павѣваетъ, считая тактъ) «От-пусти меня въ оби-тель, гдѣ пред-станетъ мнѣ Спа-си-тель». (Дѣти только подпѣваютъ). Тепло ли вы одѣлись, дѣтки? Тамъ на кладбищѣ будетъ очень холодно. Войдите же. Взгляните въ послѣдній разъ на бѣдную Ганнеле. (Школьникъ входитъ толпой и благоговѣнно становятся вокругъ постели). Посмотрите, какою прекрасною сдѣлала смерть эту бѣдную милую дѣвочку! Она ходила въ лохмотьяхъ, — теперь она въ шелковой одеждѣ. Она бѣгала босикомъ, а теперь у нея на ногахъ хрустальные башмачки. Скоро она будетъ жить въ золотомъ замкѣ и ѣсть каждый день жареное мясо. Здѣсь она питалась холоднымъ картофелемъ, да и того не всегда наѣдалась досыта. Здѣсь вы всегда звали ее принцессою въ лохмотьяхъ, теперь она скоро будетъ настоящею принцессою. Если кто-либо изъ васъ въ чемъ-нибудь провинился передъ нею, пусть онъ сейчасъ же попроситъ у нея прощенья, а то она все разкажетъ Господу Богу, и тогда вамъ плохо придется.

Маленькій мальчикъ (немного выступаетъ впередъ). Милая принцессочка Ганнеле, не сердись на меня и не говори Господу Богу, что я всегда называлъ тебя принцессою въ лохмотьяхъ!

Вся дѣти (наперебой). Мы отъ всего сердца жалѣемъ объ этомъ.

Готтвальдъ. Хорошо. Бѣдняжка Ганнеле навѣрно вамъ простила. Теперь ступайте и подождите меня на дворѣ.

СЕСТРА МАРТА. Пойдемте, я проведу васъ въ заднюю комнату. Тамъ я скажу вамъ, что нужно вамъ дѣлать для того, чтобы каждый изъ васъ могъ стать такимъ же прекраснымъ ангеломъ, какимъ скоро станетъ Ганнеле. (Она идетъ впередъ, дѣти слѣдуютъ за нею, дверь притворяютъ).

Готтвальдъ (оставшись наединъ съ Ганнеле). Милая моя Ганнеле, я принесъ тебѣ букетъ красивыхъ колокольчиковъ. (Преклонивъ колѣна, говорятъ дрожащимъ голосомъ.) Не забудь меня навѣки въ славѣ твоей! (Онъ рыдаетъ, скрывъ лицо въ складкахъ ся платья). Сердце мое разрывается отъ того, что я долженъ разстаться съ тобою.

(Слышны голоса. Готтвальдъ поднимается и прикрываетъ Ганнеле. Двѣ пожилыя женщины, одѣтыя какъ на похороны, съ платками и жемчужными молитвенниками въ рукахъ, пробираются въ комнату).

Первая женщина (оглядываясь). Мы первыя, кажись?

Вторая женщина. Нѣтъ, господинъ учитель уже здѣсь. Здравствуйте, г. учитель.

Готтвальдъ. Здравствуйте.

Первая женщина. Г. учитель, небось, принимаетъ это близко къ сердцу? Она вправду хорошая была дѣвочка. Ужъ такая старательная, такая старательная...

Вторая женщина. А что же люди говорятъ... Зря болтаютъ, вѣрно, будто она сама на себя руки наложила?

Третья женщина (подходитъ). Это—грѣхъ противъ Духа Святого.

Вторая женщина. Грѣхъ противъ Духа Святого?

Третья женщина. Господинъ пасторъ говоритъ, что такому грѣху вовѣки не будетъ прощенія.

Готтвальдъ. Развѣ вы не знаете, что сказалъ Спаситель: «Пусть дѣти придутъ ко Мнѣ»?

Четвертая женщина (подходитъ). Ахъ, батюшки, вотъ такъ погода! Прямо ноги себѣ поотморозилъ! Только бы пасторъ не опоздалъ. На кладбищѣ снѣгу намело на цѣлый аршинъ.

Пятая женщина (входитъ). Ахъ, батюшки! Пасторъ-то, говорятъ, отпѣвать ее не хочетъ. Отказывается хоронить ее въ освященной землѣ.

Шестая. Слыхали вы... слыхали... того? У пастора, того, хорошій баринъ былъ и говоритъ, значить, пастору-то, что Ганнеле Маттернъ, того, свя-та-я...

Ганке (вбѣгаетъ). Хрустальный гробъ несутъ.

Разные голоса. Хрустальный гробъ! Хрустальный гробъ!

Ганке. Господи Иисусе! Вскочилъ онъ, небось, въ копеечку!

Разные голоса. Хрустальный гробъ! Хрустальный гробъ!

Зейдель. Еще не то увидимъ. Ангелъ по деревнѣ про-

шелъ. Ростомъ, хоть вѣрьте, хоть нѣтъ—съ цѣлый тополь. У пруда около кузницы сидятъ еще двое. Только тѣ—маленькіе, какъ малые ребята. Видно, дѣвчурка не простая побирушка была.

Разные голоса. Дѣвочка не простая побирушка была!.. Несутъ хрустальный гробъ!.. Ангелъ прошелъ по деревнѣ!..

(Четверо юношей въ бѣломъ вносятъ гробъ, который они ставятъ около постели Ганнеле. Провожающіе съ любопытствомъ и удивленіемъ перешептываются).

Готтвальдъ (слегка приподнимаетъ съ Ганнеле покровъ). Поглядите на усопшую!

Первая женщина (испуга съ любопытствомъ заглядывая). Чтѣ за волосы! Они—какъ золотые!

Готтвальдъ (совершенно синиая покровъ съ озаренной блѣдностью зѣнницъ Ганнеле). И шелковое платье, и хрустальные башмачки.

Всѣ (отступаютъ, ослѣвленные, назадъ, съ восклицаніями крайняго изумленія). Какая красавица!.. Да кто же это? Маттернова Ганнеле? Въ жизнь не повѣрю!..

Плешке. Дѣвочка... дѣвочка, того, святая...

(Четверо юношей бережно кладутъ Ганнеле въ хрустальный гробъ).

Ганке. Ес, говорятъ, и хоронить не стануть.

Первая женщина. Ее поставятъ въ церкви.

Вторая женщина. Да умерла ли еще она? Съ виду она—живехонька!

Плешке. Дайте-ка, того, сюда... Дайте-ка перышко... Мы ей, того, приставимъ... ко рту перышко-то приставимъ... Да, да... И поглядимъ, того, есть ли въ ней духъ?.. (Ему даютъ перышко, онъ, внимательно глядя, держать его у рта Ганнеле). Не... не шелохнется. Умерла дѣвочка... На эстолько жизни въ ней нѣтъ.

Третья женщина. Я отдамъ ей свой букетикъ розмарина. (Кладетъ въ гробъ букетикъ).

Четвертая женщина. Пусть ей пойдетъ и моя лаванда!

Пятая женщина. Гдѣ же Маттернъ?

Первая женщина. Гдѣ Маттернъ?

Вторая женщина. Гдѣ ему быть? Въ кабацѣ сидитъ.

Первая женщина. Не знаетъ онъ, вѣрно, чтѣ случилось.

Вторая женщина. Ему только бы водка была, а тамъ ему и горюшка мало.

Плешке. А вы, того, не сказали ему, того... что у него въ дому покойница, значить?

Третья женщина. Самъ долженъ знать.

Четвертая женщина. Я бы ни-ни! Ни словечка не сказала. А только кто дѣвочку до смерти довелъ—про это намъ кое-что извѣстно.

Зейдель. Это, съ позволенія сказать, вся деревня знаетъ. У нея шишка—съ мой кулакъ.

Пятая женщина. Онъ гдѣ ступить, тамъ трава не растеть.

Зейдель. Мы вмѣстѣ ее переодѣвали. Своими глазами видѣлъ. У нея шишка — съ мой кулакъ. Оттого она и жизни рѣшилась.

Первая женщина. Маттернъ за нее Богу отвѣтитъ, не другой кто!

Всѣ (возбужденно, по шовотомъ, перебивая другъ друга). Не другой кто-нибудь!

Вторая женщина. Убійца онъ!

Всѣ (съ гнѣвомъ, но таинственно). Убійца! Убійца!

(Слышенъ ревъ пьянаго каменщика Маттерна).

Голосъ Маттерна. «Спо-кой-ная со-вѣсть—мяг-кая по-душ-ка». (Онъ появляется въ дверяхъ и кричитъ) Дѣвчонка! А дѣвчонка! Негодица! Куда ты запропастилась? (Стучается о косякъ двери). Жду, покуда... не сосчитаю до пяти... Не дольше того... Разъ... два... три... сколько будетъ? Дѣвчонка! Не выводи меня изъ терпѣнія. Слышишь? Ежели я искать стану да найду тебя—разражу!! (Останавливается и замѣчаетъ присутствующихъ, среди которыхъ царитъ мертвая тишина). Чего вамъ здѣсь надо? Самъ чортъ принесъ васъ сюда? А? Убирайтесь вонъ! Скоро вы уйдете? (Сидитъ про себя). Поймай-ка! Знаю я эти штуки. Мерещится мнѣ, вотъ и вся педолга! Хватилъ лишнее... Вотъ мнѣ и чудится... (Поетъ) «Спо-кой-ная со-вѣсть—мяг-кая по-душ-ка». (Пугается). Вы все еще здѣсь? (Съ внезапнымъ бѣшенствомъ ищетъ, чѣмъ бы ударить). Возьму-ка я чтѣ подъ руку попадется...

(Входитъ нѣкто въ темномъ поношенномъ одѣяніи. Ему лѣтъ тридцать, у него длинные черные волосы и блѣдное лицо съ чертами учителя Готтвальда. Въ лѣвой рукѣ у него шляпа съ широкими полями, на ногахъ—сандалии. Онъ запыханъ и утомленъ съ дороги. Прерывая слова каменщика, онъ кротко дотрагивается рукою до его плеча. Маттернъ рѣзко оборачивается).

Странникъ (очень спокойно и серьезно смотреть ему прямо въ лицо и говорить). Каменщикъ Маттернъ, да благословитъ тебя Богъ!

Маттернъ. Какъ ты сюда попалъ? Чего тебѣ нужно?

Странникъ (со смиренною мольбою). Я до крови изранилъ

иъ пути свои ноги; дай мнѣ воды, чтобы омыть ихъ. Палящее солнце сожгло меня; дай мнѣ испить вина, чтобы я могъ освѣжиться. Я не вкушалъ еще хлѣба, ибо я вышелъ на зарѣ. Я голоденъ.

Маттернъ. А мнѣ какое дѣло? Кто велитъ тебѣ шататься по дорогамъ? Работай. Вѣдь я работаю.

Странникъ. Я работникъ.

Маттернъ. Бродяга ты. Кто работаетъ, тому не зачѣмъ побираться.

Странникъ. Я—работникъ, не получающій платы.

Маттернъ. Бродяга ты.

Странникъ (робко, смиренно, но при этомъ настойчиво). Я—врачъ. Ты, можетъ-быть, будешь имѣть во мнѣ нужду.

Маттернъ. Я не боленъ. Никакого доктора мнѣ не надо.

Странникъ (голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія). Каменщикъ Маттернъ, опомнись! Ты можешь не давать мнѣ воды, и я все же исцѣлю тебя. Ты можешь не давать мнѣ хлѣба насущнаго, и я все же излѣчу тебя, какъ Богъ святы!

Маттернъ. Проваливай отсюда. Ступай своей дорогой! Здоровья мнѣ не занимать стать. Понялъ?

Странникъ. Каменщикъ Маттернъ, опомнись! Я омою тебѣ ноги. Я дамъ тебѣ испить вина. Ты вкусишь отъ сладкаго хлѣба. Поставь ногу мнѣ на шею, и все же я исцѣлю и спасу тебя, какъ Богъ святы!

Маттернъ. А я вотъ хочу поглядѣть, уберешься ты отсюда или нѣтъ? И ежели ты не уйдешь добромъ, я покажу тебѣ дорогу...

Странникъ (со строгимъ увѣщаніемъ). Каменщикъ Маттернъ, знаешь ли ты, что у тебя въ домѣ?

Маттернъ. То, чему полагается быть. То, чему полагается быть... А вотъ тебѣ здѣсь быть не полагается... Проваливай, значить!

Странникъ (просто). Дочь твоя больна.

Маттернъ. Для ея хвори доктора не нужно. Она лѣнью хвораетъ. Я самъ ужъ новыбью изъ нея эту хворь.

Странникъ (торжественно). Каменщикъ Маттернъ, я прихожу къ тебѣ, какъ вѣстникъ.

Маттернъ. Отъ кого это ты приходишь вѣстникомъ?

Странникъ. Я прихожу отъ Отца и ухожу къ Отцу. Гдѣ у тебя Его дитя?

Маттернъ. Почему я знаю, гдѣ она шатается? Что

миѣ за дѣло до его дѣтей? Чего онѣ раньше о нихъ не заботились?

Странникъ (съ силою). У тебя въ домѣ покойникъ.

Маттернъ (замѣтивъ лежащую Ганнеле, молча и тупо подходитъ къ гробу, бормоча про себя). Откуда у тебя взялось такое нарядное платье? Кто купилъ тебѣ хрустальный гробъ?

(Провожатые перешептываются взволнованно и таинственно. Порою у нихъ прорывается съ озлобленіемъ слово: «убійца!»).

Маттернъ (тихо, съ дрожью). Вѣдь я съ тобою никогда не обходился дурно... Я одѣвალъ тебя... Я тебя кормилъ... (Къ страннику, дерзко) Чего же тебѣ отъ меня надо? Какое мнѣ до всего до этого дѣло?

Странникъ. Каменщикъ Маттернъ, тебѣ нечего мнѣ сказать?

(Среди проложатыхъ шопотъ усиливается, все простиѣ и чаще повторяются слова: «Убійца! Убійца!»).

Странникъ. Тебѣ рѣшительно не въ чемъ себя упрекнуть? Ты не будилъ ее отъ сна по ночамъ? Она никогда не падала замертво подъ твоими ударами?

Маттернъ (въ ужасѣ, виѣ себя). Убей меня Богъ! Не сойди мнѣ съ мѣста! Разрази меня громъ небесный, скажи и въ этомъ виновать.

(Въѣдая голубоватая молнія и дальній раскатъ грома).

Вся (вмѣстѣ). Гроза собирается! Теперь, среди зимы! Онѣ далѣ ложную клятву! Дѣтоубійца далѣ ложную клятву!

Странникъ (настойчиво, съ добротою). Тебѣ нечего мнѣ больше сказать, каменщикъ Маттернъ?

Маттернъ (жалкій, испуганный). Кто любитъ свое дитя, тотъ наказуетъ его... Ничего кромѣ добра я не дѣлалъ дѣвчонкѣ. Я держалъ ее, какъ родную дочь. А ежели она не-ладное дѣлала, какъ же мнѣ было не наказывать ее?

Женщина (наступаая на него). Убійца! Убійца! Убійца! Убійца!

Маттернъ. Она лгала мнѣ, обманывала... Каждый день обкрадывала меня...

Странникъ. Ты правду говоришь?

Маттернъ. Накажи меня Богъ!

(Въ этотъ мигъ въ сложенныхъ рукахъ Ганнеле появляется вѣ-тѣтъ, похожій на небесный плечикъ, изливашій желтовато-зеленоо сіяніе. Каменщикъ Маттернъ, какъ безумный, дрожа всѣмъ тѣломъ, глздитъ, но отводя глзъ, на видѣніе).

Странникъ. Каменщикъ Маттернъ, ты лжешь!

Вся (въ сильѣйшемъ возбужденіи говорятъ разомъ). Чудо!.. Чудо!..

Плешкѣ. Дѣвочка... того... дѣвочка и вправду... святая. Проклятъ онъ себя... Душу и тѣло... загубилъ...

МАТТЕРНЪ (съ рычаніемъ). Я повѣшусь! (Хватается обѣими руками за голову и убѣгаетъ).

СТРАННИКЪ (подходить къ гробу Ганнеле и говорить, обращаясь къ присутствующимъ. Всѣ благоговѣнно отступаютъ передъ его фигурою, дышащею величіемъ). Не бойтесь! (Онъ наклоняется и какъ бы испытующе беретъ руку Ганнеле, затѣмъ съ кротостью говоритъ) Дѣвушка не умерла. Она спитъ. (Съ глубочайшею проникновенностью и могучею увѣренностью) Іоганна Маттернъ! Встань!

(Яркій золотисто-зеленый свѣтъ наполняетъ комнату. Ганнеле открываетъ глаза, поднимается, опираясь на руку странника, но не смѣя посмотрѣть ему въ лицо. Она выходитъ изъ гроба и опускается на колѣни передъ тѣмъ, кто пробудилъ ее. Присутствующихъ охватываетъ ужасъ. Они разбѣгаются. Ганнеле и странникъ остаются вдвоемъ. Съ его плечъ соскользнулъ сѣрый плащъ, онъ остается въ бѣло-золотистой одеждѣ).

СТРАННИКЪ (нѣжно, проникновенно). Ганнеле!

ГАННЕЛЕ (съ внутреннимъ восторгомъ преклоняетъ голову насколько возможно). Вотъ онъ!

СТРАННИКЪ. Кто я?

ГАННЕЛЕ. Ты.

СТРАННИКЪ. Назови мое имя.

ГАННЕЛЕ (трепеща отъ благоговѣнія, голосомъ, подобнымъ издоху). Святъ! Святъ!

СТРАННИКЪ. Мнѣ вѣдомы всѣ твои скорби и страданія.

ГАННЕЛЕ. О, возлюбленный, возлюбленный!

СТРАННИКЪ. Поднимишь.

ГАННЕЛЕ. Твоя одежда непорочна. На мнѣ тяготѣетъ стыдъ.

СТРАННИКЪ (кладетъ правую руку на голову Ганнеле). Вотъ этимъ я снимаю съ тебя гнѣтъ униженія. (Приподнявъ съ нѣжнымъ напѣломъ ея лицо, прикасается къ ея глазамъ) Вотъ этимъ я дарю очамъ твоимъ вѣчный свѣтъ. Примите въ себя солнца и новыя солнца. Примите въ себя сіяніе вѣчнаго дня отъ утренней зари до вечерней и отъ вечерней зари до утренней. Примите въ себя все, что сіяетъ:—синее море, синее небо и зеленые луга вѣчности. (Касается ея уха) Вотъ этимъ я дарю твоему слуху возможность слышать ликованіе всѣхъ милліоновъ ангеловъ, обитающихъ въ милліонахъ Божіихъ небесъ. (Касается ея устъ). Вотъ этимъ я разрѣшаю безсильный твой языкъ и влагаю въ него твою душу, и мою душу, и душу Вседержителя Творца.

ГАННЕЛЕ (дрожа всѣмъ тѣломъ, пытается приподняться, но не можетъ этого сдѣлать, словно прижатая подъ бременемъ блаженства. Потрясаемая рыданіями, она скрываетъ лицо на груди странника)

Странникъ. Этими слезами я омываю твою душу отъ
земного праха и скорби. Я вознесу твои стопы превышше
свѣтилъ Господнихъ.

(Глядя Ганнело по головѣ, странникъ подъ нѣжную музыку продол-
жаетъ говорить. Во время его рѣчи появляются въ дверяхъ призракъ
ангеловъ, большіе, малые, мальчики, дѣвочки; они робко останавли-
ваются, затѣмъ рѣшаются войти и убираютъ комнату коврами и
цвѣтами).

Блаженство—есть городъ чудесный Творца,
Гдѣ миру и счастью не будетъ конца.

(Арфы звучатъ сначала тихо, затѣмъ громче и наконецъ—полнымъ
голосомъ).

Тамъ—золото кровель и мраморъ палатъ,
Фонтаны—пурпурныя вина струять,
На улицахъ бѣлыхъ тамъ сыплютъ цвѣты,
И свадебный звонъ тамъ звучитъ съ высоты.
Тамъ розовой вязью обвита стѣна,
И бабочки вьются, и блещетъ весна.
Дѣвѣнадцать сребристыхъ, какъ снѣгъ, лебедей
Кружатся въ звенящей одеждѣ своей
И смѣло взлетаютъ въ лазурную высь,
Гдѣ въ воздухѣ звонъ съ ароматомъ слился:
Торжественно-вѣчный полетъ въ высоту.
Какъ арфы, ихъ крылья звенятъ на лету.
Глядятъ на Сіонъ, на лѣса, океанъ,—
И слѣдъ ихъ—какъ отблескъ созвѣздій въ туманъ.
Внизу же, ликуя въ отчизнѣ святой,
Блаженные обѣ руку ходятъ толпой.
Тамъ плещетъ пурпурное море вина,
Ихъ свѣтлое тѣло пріемлетъ волна,
И въ блескѣ и въ брызгахъ, омыты навѣкъ—
Выходятъ они съ ликованиемъ на брегъ...
Сіяютъ они красотою любви—
Омытые въ алой Христовой крови.

(Странникъ обращается къ ангеламъ; окончившимъ свою работу.
Съ робкою радостью и счастьемъ они подходятъ и образуютъ полу-
кругъ около Ганнело и странника).

Съ тончайшими покроями льняными
Приблизьтесь, дѣти неба, вы, любимцы,
Вы, кроткіе, какъ голуби, приблизьтесь
И слабое отъ истощенья тѣло,
Что зябло въ стужу и горѣло въ жаръ,—

Вы бережно окутайте, чтобъ боли
Не причинить ему прикосновеньемъ.
И, на крылахъ безшумныхъ тихо рѣя,
Ее несите нѣжно, на лету
Касаясь стебельковъ, налитыхъ сокомъ,
Въ сіяніи цѣлительномъ луны,
Съвозъ оиміамъ благоуханій райскихъ—
Въ храмъ, гдѣ ее прохладою объемлетъ.

(Краткая пауза).

Пока на ложѣ шелковомъ она
Поконится тамъ будетъ, въ бѣлой ваннѣ
Изъ мрамора перемѣняйте воду
Изъ горнаго ключа съ пурпурнымъ сокомъ.
И молокомъ газели, чтобъ струсю
Прозрачною слѣды болѣзни смыть.
Съ кустовъ сирени и жасмина вѣтви,
Росою отягченныя, сорвите;
Да брызнуть капли свѣтлыя душистой,
Живительной прохладой на нее.
Ей въ чашѣ золотой вина подайте,
Въ него подливъ плодовъ созрѣвшихъ сокъ;
Созрѣвшую на солнцѣ землянику
И ягоды малины, сладкой кровью
Налитыя, и желтый ананасъ,
И бархатистый персикъ, апельсины
Блестящіе, какъ золото, подайте
На блюдѣ ей изъ свѣтлаго металла.
Пусть блескъ и изобиліе новыхъ зорь
И вкусъ ея и сердце очаруютъ,
И взоръ ея плѣнитъ краса чертоговъ.
Пусть огненные бабочки, качаясь
На зелени изъ малахита, блещутъ.
Атласъ ей разстелите на пути,
Пускай идетъ она среди тюльпановъ
И гіацинтовъ,—а по сторонамъ
Трепещутъ пальмы, словно опахала,
Зеркальнымъ блескомъ стѣнъ отражены.
Ей покажите поле красныхъ маковъ,
Гдѣ золотымъ мячомъ играютъ дѣти
Небесныя—счастливыя въ лучахъ
Сіянья вновь рожденнаго, и нѣжно
Пусть музыка ой сердце усладитъ!

Ангелы (хоромъ).

Тихо на крыльяхъ уносимъ се,
Словно баюкая, въ царство Твое,
Словно баюкая, въ царство Твое!

(Во время ихъ пѣнія на сценѣ темнѣетъ. Изъ мрака ихъ пѣніе доносится все слабѣе и слабѣе, отдаляясь. Затѣмъ снова становится свѣтло, и взору является комната въ пріютѣ для нищихъ въ томъ же видѣ, въ какомъ она была до появленія перваго призрака. Ганнеле—блѣдная больная дѣвочка лежитъ на постели. Докторъ Вахлеръ наклоняется надъ нею, въ рукахъ у него трубка для выслушиванія. Дьяконисса держитъ свѣчу и боязливо слѣдитъ за нимъ).

Докторъ Вахлеръ (выпрямляясь). Вы правы.

Сестра Марта. Умерла?

Докторъ Вахлеръ (сумрачно кивая головою). Умерла.

(Занавѣсъ падаетъ).

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЪ.

Сказка - драма.

Переводъ В. П. Буренина.

«Потонувшій колоколъ» (*Die versunkene Glocke*)—шедевръ Гауптмана. Какъ раньше его называли «творцомъ Ткачей», такъ послѣ этого созданія для европейскаго читателя онъ сталъ авторомъ «Потонувшаго колокола».

«Потонувшій колоколъ» былъ поставленъ 2 декабря 1896 г. въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ» съ блистательнымъ успѣхомъ. Драматургу послѣ представленія были устроены бурныя оваціи.

Нѣкоторые изъ его біографовъ склонны отчасти видѣть въ этомъ горючемъ пріемѣ протестъ публики противъ назначенія обѣихъ грильпарцеровскихъ премій Вильденбруху, хотя по сужденію шиллеровской комиссіи однимъ изъ лауреатовъ долженъ былъ быть Гауптманъ. Это была демонстрація противъ *regis voluntatem*. Чистый и независимый отъ какихъ вліяній соображеній успѣхъ чудесной драмы-сказки, впрочемъ, нашелъ нехедонное подтвержденіе въ признаніи ея въ слѣдующій сезонъ во всей Германіи.

Успѣхъ новаго произведенія Гауптмана прокатился по родной поэту странѣ грохомъ. Признала его публика, признала и критика. Но проходило недѣли, чтобы не появлялось какой-нибудь новой попытки разобратись въ философскіе смыслъ поэмы. Литература о ней выросла вдругъ до чудовищныхъ размѣровъ. Повсюду Гауптмана сравнивали съ Шиллеромъ и Гёте. За исключеніемъ ростановскаго «Сирано де-Бержерака», ни одна изъ пьесъ современныхъ драматурговъ не вызывала такого шума.

Имя Гауптмана грѣлось въ лучахъ міровой славы. Въ сезонъ 1897 и 1898 гг. трудно было бы найти маскированный балъ, въ которомъ не участвовала бы хоть одна Раутенделейнъ. Уличныя мальчишки пользовали «брекенекскъ» Водяного. Дѣвочки въ школахъ заучивали наизусть стихи о человѣческой слезѣ. Изучающій Гауптмана въ первую минуту будетъ удивленъ тѣмъ, что почти все цѣнное о Гауптманѣ приурочено къ 1897 году. Въ этомъ году появилась книжка Верпера, за нею капитальное изслѣдованіе о Гауптманѣ Бартельса, слѣдомъ книга Шленгера и книга Ганштейна.

Литературный успѣхъ изданія «Колокола» былъ безпримѣренъ. Съ декабря 1896 по юль 1897 г. книжка выдержала не мене 23 изданій. Къ 1906 г. Бартельсъ подсчиталъ уже 62 изданія! «Колоколъ» сталъ настояною книгою нѣмецкой дѣвушки-подростка. Имя Гауптмана стало «опасно-популярнымъ», какъ выразился Шленгеръ.

Этотъ головокружительный успѣхъ палъ на душу нѣмецкаго поэта благодатнымъ дождемъ, необходимымъ для нея потому, что передъ этимъ Гауптманъ только-что пережилъ мучительную драму художника. Эта драма огромно повлияла и на самую идею, на самое созданіе

«Потонувшаго колокола». Не зная ея, немысл и понять «Колоколъ» въ полной мѣрѣ и слѣдѣ.

Эта душевная трагедія Гауптмана—неуспѣхъ его предшествующей исторической драмы «Флоріанъ Гейеръ», любимаго дѣтница поэта, надъ которымъ онъ работалъ съ исключительнымъ трудомъ, захвативъ и любовью еще раньше, чѣмъ началъ «Ганнеле». Берлинская публика совершенно не поняла «Флоріана», соскучилась надъ нимъ, не разобралась въ этой громадѣ словъ и картинъ. Пьеса была снята съ репертуара послѣ второго представленія.

Возлагавшій на эту вещь огромныя надежды, Гауптманъ вышелъ изъ театра, потрясенный до глубины души, разбитый, усомнившійся въ своей творческой силѣ. Онъ признавался, что неуспѣхъ «Флоріана» былъ горчайшимъ разочарованіемъ его жизни. Нѣкоторые слова литейщика Генриха въ самомъ дѣлѣ цѣлкомъ могъ бы сказать о себѣ разочарованный Гауптманъ.

Да, Магда... Повторяю: мнѣ
Не удалось послѣднее созданіе
Искусства моего. Я грустно шелъ
За лошадыи, когда онѣ тащили,
Подъ хлопанье бичей, на высоту
Мой колоколъ. И вотъ съ обрыва въ пропасть
Скатился онъ и въ озеро упалъ,
И тамъ лежитъ на глубинѣ, быть-можетъ,
Ста сажень. Въ безднѣ молчаливой воды,
Какъ будто въ темной и нѣмой могилѣ,
Похороненъ мой лучший трудъ...
Ни колоколъ ни жизнь ко мнѣ не могутъ
Опять вернуться, какъ бы я ни жаждалъ
Услышать снова потонувшій звонъ...
О, горе мнѣ! Все, чѣмъ я жилъ такъ страстно,—
Всѣ оказалось тьмою и безумьемъ,
Обманомъ, зломъ, отравой. Не могу
Я жить, какъ прежде. Жизнь должию кривой
Меня не обольщать, какъ бывало.
И обезсилѣлъ я, и если-бъ снова
Я усгребнулся вверхъ, то упаду я.
Да, упаду... Нѣтъ, лучше умереть.

Когда Гауптманъ находился въ этомъ отчаянномъ состояніи духа, неожиданно изъ Вѣны ему пришла окрыляющая его радость. За «Ганнеле» ему была присуждена премія Грильпарцера. Лучъ свѣта былъ брошенъ въ яракъ его души. Вѣнскіе судьи сдѣлали больно, чѣмъ ожидали. Они подвигли поэта на новое созданіе. Свои недавніе печали Гауптманъ пережилъ въ поэтическихъ образахъ.

Такъ родился «Потонувшій колоколъ», чудное сказаніе о художникѣ, потерявшемъ неуждучу въ созданіи, какое онъ считалъ лучшимъ, стремящемся на высоты творчества, но неотразимо влекомомъ узамъ земли къ ея долинамъ. Нѣмецкіе наследователи Гауптмана, даже чуждающіеся ходячихъ силетей, заглядывающихъ въ личную жизнь драматурга, намекають на значительную долю личныхъ гауптмановскихъ переживаній и въ нѣкоторыхъ иныхъ частностяхъ трагедіи литейщика Генриха.

«Потонувшій колоколъ»—явно символическая драма. «Ганнеле» только по недоразумѣнію относится нѣкоторыми къ этому роду. За личной драмой литейщика Генриха вырисовывается вообще драма

генія въ его отношеніяхъ къ міру и землѣ. Это «трагедія сверхчеловѣка, который для достиженія великаго готовъ пренебречь «малыми силами», но у котораго въ рѣшительный моментъ не хватило духа и силы настоять на великомъ, вопреки пѣннымъ чувствамъ и угрызѣніямъ совѣсти» (Н. Котляревскій). Гауптманъ не довѣлъ мечту своего сверхчеловѣка до конца, не сдѣлавъ изъ Генриха—Бранда. Генрихъ уступилъ, сдался. Въ его драмѣ—вѣчная драма гауптмановскихъ героевъ, «слабыхъ людей»: Лота, Иоганнеса Фокерата. Нетрудно установить извѣстную параллель между Магдой и Котѣ (изъ «Одноклѣвья») и между Раутенделейнъ и Анной Марь.

Отысканіе тѣхъ «крестныхъ отцовъ», какіе всегда есть у Гауптмана въ лицѣ Ибсена, Толстого, Зола и т. д., въ отношеніи «Колокола» не представляетъ значительныхъ трудностей. Можно не отрицать несомнѣннаго вліянія здѣсь ибсеновскаго образа «Бранда», такъ же рвущагося на высокія вершины и лелѣющаго мечту новой религіи, его же драмы «Песеръ Гинтъ» и гётевскаго «Фауста». Шенсспировскій «Сонъ въ лѣтнюю ночь», можетъ-быть, подсказалъ Гауптману поэзію лѣса ночью, черты изъ міра эльфовъ, звонъ стиха пѣсенокъ. Есть нѣчто «гамлетовское» въ нѣкоторыхъ настроеніяхъ мастера Генриха.

Германская народная мифологія вмѣстѣ съ нѣкоторыми литературными образами дала поэту очаровательный образъ Раутенделейнъ. Здѣсь неотрицаемо вліяніе сказки Вилларіа о потонувшемъ колоколѣ, «Ундины» Ламотъ-Фуке, знакомой и русскому читателю по переводу Жуковскаго, можетъ-быть, «Русалочки» Андерсена и стариннаго сказанія о «Тангейзерѣ».

Но все навѣянное поэтъ такъ самобытно претворялъ въ тайникахъ своего духа, такъ чутко прочувствовалъ душою всю прелесть нѣмецкаго сказанія, облекъ въ такую нѣжную красоту, что это стало его твореніемъ, а образъ Раутенделейнъ оказался истинно достойнымъ стать въ галлерею первоклассныхъ фантастическихъ образовъ женщинъ.

Кого поцѣловала въ уста мечта много міра, какъ Раутенделейнъ Генриха, тотъ уже не найдетъ сытости на землѣ. Но жалость къ міру, къ землѣ подсыкаетъ творческій духъ, рвущійся на высоты, и выхода изъ этой трагедіи Гауптманъ не видитъ... «Кто взлетѣлъ въ горнюю область свѣта и упалъ,—долженъ разбиться»,—какъ говоритъ Виттиха. Но и жить безъ мечты, безъ Раутенделейнъ, невозможно. Позднѣе тотъ же символъ Гауптмана воплотилъ въ образѣ Пилпы.

Самый символъ колокола давно присущъ тевтонской поэзіи въ такой же мѣрѣ, какъ и нѣмъ. Шиллеръ, вдохновленный народными сказаніями, сплелъ свою безсмертную «Пѣснь о колоколѣ». Ницше чувствуетъ чары мелодическаго колокольнаго звона въ старинномъ Наумбургѣ. Репанъ ссылается на бретонскую легенду о таинственномъ городѣ Исъ, звонъ колоколовъ котораго слышится въ тихіе дни. Вспомнимъ еще русское сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ. Символъ колокола пользовался и самъ Гауптманъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній: «Gestorbener Erz».

Философія «Потонувшій колоколъ» есть живая иллюстрація къ ученію Ницше о сверхчеловѣкѣ. Огромное идейное вліяніе философа на драматурга неотрицаемо. Д-ръ философіи А. Родѣ написалъ нѣкую книжку *), гдѣ выяснилъ всѣ параллельныя мѣста у Ницше и

*) «Гауптманъ и Ницше», къ объясненію «Потонувшаго колокола». М. 1902.

Гауптмана. Спорить против его заключеній о близости двухъ этихъ мировоззрѣній можно было бы только по недомыслию. Генрихъ Гауптмана — «высшій человѣкъ», предтеча «сверхчеловѣка», «творящій», какъ называлъ его Ницше. Онъ дерзнулъ, но его дерзавіе не хватило до конца. Онъ еще не «преодолѣлъ» въ себѣ человѣка, и человѣкъ побѣдилъ въ немъ. Въ послѣднихъ строкахъ своей книги Родо справедливо спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ждать отъ поэта второй части трагедіи, героемъ которой былъ бы совершенный сверхчеловѣкъ, выходящій побѣдителемъ.

Генрихъ напоминаетъ идеалъ Заратустры, потому что онъ творецъ по природѣ, потому что ради идеала онъ умѣетъ быть жестокимъ, потому что презираетъ толпу и ненавидимъ толпою, потому, наконецъ, что онъ отказался отъ всѣхъ боговъ, каимъ молился толпа *).

За «Потонувшимъ колоколомъ» упрочилась репутація темной и туманной пьесы, требующей толкованій. Если бы въ пьесѣ было только четыре акта, — никто не сказалъ бы этого. Тогда «Колоколъ» былъ бы ясною трагедіею художника, котораго жизнь съ ея жалостью и прозой, съ семейн. и слезами жены сорвала съ горныхъ высотъ творчества. Человѣкъ, семьдесятъ побѣдилъ художника. Генрихъ отказался отъ своей творческой мечты перерожденія міра изъ-за жалости къ земному страданію. Только намѣренно закрывалъ глаза, можно не понимать, что кувшинъ слезъ, приносимый дѣтми Генриху, образно выражаетъ позноту материнскаго страданія, что пасторъ — воплощеніе наземной церкви и морали долга, что учитель — спивохъ уакой науки, упразднившей всѣ тайны ради таблицы умноженія, что цирюльникъ — приказная обиходность, и т. д.

Но Гауптманъ послѣ четвертаго акта отдался своему вдохновенію, и оно увлекло его. Такъ всегда бывало и съ Ибсеномъ. Чистая символика драмы зашумѣлась, заслонилась частностями. И всѣ усилія толкователей «Колокола» сводятся къ анализу этого заключительнаго акта пьесы.

Почему Генрихъ опять явился въ горы? Чѣмъ вызвана ненависть къ нему жителей долины? Какой смыслъ каждаго изъ трехъ кубковъ, которые онъ долженъ пить?

Вопросы эти понятны, недоумѣніе законно. Но при этихъ розыскахъ надо помнить умный совѣтъ Штейгера, предостерегающаго «отъ хитроумныхъ толкованій этой глубокомысленной сказки. Настоящая, истинная сказка всегда многозначача: она одновременно много о природѣ, исторіи и морали. И съ тѣмъ, кто хочетъ логически ее расчлениить, приходится то же самое, что и съ ребенкомъ, схватывающимъ бабочку за крылья: цвѣточная пыль спадаетъ, и исчезаетъ вся прелесть красокъ».

И большинство критиковъ съ поэтическимъ вкусомъ — слагаютъ съ себя обязанность детальныхъ толкованій. «Зачѣмъ, — пишетъ Маршаль по поводу знаменитыхъ трехъ кубковъ въ финалѣ драмы: — зачѣмъ пытаться объяснить таинственную церемонію съ кубками и пекать въ «Колоколѣ» нѣчто кромѣ того, что онъ несомнѣнно есть: блестящее прозвѣданіе неподдѣльной чистоты? Въ этой чистотѣ — его непреодолимое очарованіе. Сцена, вмѣсто того, чтобы быть анатомическимъ театромъ души, какъ часто случалось съ Гауптманомъ, превращается въ гористую мѣстность, покрытую лѣсами, гдѣ зрителю открываются всѣ чары природы».

*) Объ этомъ подробнѣе у П. Когана: «Очерки по исторіи Зап.-Европ. литературы», т. 2-й.

И это, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, лучше тонкихъ мудрований, въ родѣ, напр., предлагаемаго Рода о тѣхъ же кубкахъ, при помощи сопоставленій Гауптмана съ Ницше. «Виттиха,—говоритъ онъ:—предлагается Генриху три кубка: съ бѣлымъ виномъ, съ краснымъ и съ желтымъ. Что означаютъ цвѣта вина? Отвѣтъ въ главѣ «о духѣ тяжести» въ «Заратустрѣ». Изъ этого мѣста, гдѣ Ницше говоритъ о красномъ цвѣтѣ крови, бѣломъ, выдающемъ безцвѣтную душу, и желтомъ,—Рода дѣлаетъ такой выводъ:

«Бѣлое вино есть вино тѣхъ, которые влюблены въ призраки, или, говоря безъ метафоръ, оно означаетъ *еще творящій въ Бога міръ*. Въ немъ дѣйствовалъ насторъ старой силой, поэтому она возвращается съ бѣлымъ виномъ. Красное вино—тѣло и кровь, красенъ сверхчеловѣкъ, поэтому красное вино вызываетъ Раутенделейнъ, это воплощеніе великаго здоровья земли. Желтое вино—вино нумій, оно — *носить смерти*. Его дастъ сама Раутенделейнъ».

Можетъ-быть, это и такъ. Можетъ-быть, это та мумидическаго типа толкованіе явилось полною неожиданностью и для самого Гауптмана. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Туманный конецъ драмы-сказки не умаляетъ ея прелести. Всѣ образы, начиная съ захватывающаго образа Генриха, глубоки и красивы. Какъ истинно-народный поэтъ, Гауптманъ живописалъ Водного, эту «философствующую лягушку», Виттиха, эльфа. Человѣческія фигуры вычеканены менѣе старательно, но извѣстная абстрактность ихъ могла быть у Гауптмана намѣренной: она въ духѣ этой сказки-драмы.

Въ критикѣ среди восторженныхъ поклонниковъ драмы первое мѣсто можетъ принадлежать извѣстному Эрнсту фонъ-Вольфгену. Онъ называетъ «Потонувшій колоколь» шедевромъ, какой только могъ создаться на фонѣ натурализма, сливавшегося съ новымъ искусствомъ, съ чаяніями новой красоты. Идеальное значеніе сказки онъ выноситъ далеко за предѣлы частной драмы артиста. «Это не трагедія борьбы художника,—пишетъ онъ:—но всеобъемлющее изображеніе чловѣка на порогѣ новой эпохи, изображеніе того новаго духа, который силится перейти въ полную свободу, достичь окончательнаго избавленія съ мощною поддержкою природы, но не можетъ высвободиться изъ цѣпей наслѣдственности и воспитанія. Теперь,—кончаетъ онъ:—у насъ есть шедевръ Гауптмана,—это «Колоколь». Я вполне отдаю себѣ отчетъ въ словахъ, и я *осмысливаю постановку* ею въ нѣмецкой литературѣ на мѣсто непосредственно за первую частью «Фауста». Гауптманъ снова отыскалъ ту дорогу, какую молодой Гёте открылъ новой поэзію».

«Потонувшій колоколь»,—говорятъ Брандесъ:—есть въ одно и то же время наиболѣе блестящее и наиболѣе слабое изъ произведеній Гауптмана послѣднихъ лѣтъ,—не менѣе блестящее и не менѣе оригинальное, чѣмъ романы Габріэля д'Аннунціо. Написанная подъ сильнымъ вліяніемъ двухъ произведеній Ибсена: «Брандъ» и «Зодичъ Сознатель», эта драма по своей неясной символикѣ представляетъ скорѣе лирическое, чѣмъ драматическое произведеніе... Автору удалось создать нѣчто цѣльное, удалось создать художественное произведеніе, особенно благодаря музыкальности его языка, — но по плану, замышленному у Говрика Ибсена».

«Пьеса Гауптмана совершенно нѣмецкая,—пишетъ французскій критикъ К. Мокзартъ:—и очарованіе ея отлаетъ съ перемѣною языка. И здѣсь дѣло не только въ поэтическомъ стилѣ, а въ самой душѣ

сказки Гауптмана, которая излучается от своей родной земли и от нее только. Здесь тысячи черточек, доставляющих нѣмцамъ безконечное наслаждение, какъ въ деталяхъ, такъ и въ атмосферѣ. Для насъ онѣ остаются закрытыми, какъ терали бы свою прелесть диалоги М. Донне для саксонцевъ... Гауптманъ хотѣлъ создать произведение очень и очень мѣстное. Это его право, но въ этомъ и естественное извѣщеніе французской публики, принявшей его слабо».

Извѣстный Германъ Баръ, не закрывалъ глазъ на слабыя стороны драмы, рѣшительно отмѣчаетъ ея прелесть. «Въ ней — вѣчно стремленіе угнетеннаго жизнью человѣка къ чистому, необъятому и свободному міру грезь. Это драма для «поздно пришедшихъ», которые чувствуютъ конецъ, зная, что новое время придетъ, когда ихъ уже не будетъ. Это мѣста для печальныхъ и неудовлетворенныхъ, погруженныхъ въ тѣнь. Будущее зоветъ ихъ, но прошлое ихъ не пускаетъ».

«Какъдый, у кого сѣть глаза и уши, — пишетъ Штейгеръ: — чувствуетъ глубокую пропасть между обычными шарманками нашихъ постановщиковъ историческихъ ябловыхъ драмъ и рѣчами Гауптмана. Тамъ утомительный монотонный трезвонъ, здѣсь истинная музыка, тамъ одни слова, здѣсь — образы, одни лишь образы. Это по намѣренной погоня за ними: истинный художникъ только образами и мыслить. У Гауптмана, какъ у всѣхъ великихъ поэтовъ, слово и образъ сливаются воедино. Мы не только слышимъ его стихи, мы видимъ ихъ».

Примыляющій въ большинствѣ случаевъ узко-реалистическую точку въ оцѣнкѣ литературныхъ явленій, Бартельсъ не можетъ и при оцѣнкѣ «Колокола» отказаться отъ этой узости. Сказочно-условный и «ненатуральный» складъ драмы заставляетъ его видѣть въ ней не прогрессъ Гауптмана, а ошибку уклоненія отъ натурализма. Но и онъ находитъ «истинныя сказочныя чары въ этомъ произведеніи, которое, по справедливому замѣчанію Штерна, заставляетъ вспомнить объ Арнольдѣ Беклинѣ. «Я нахожу здѣсь, — пишетъ онъ: — мѣстами захватывающую личную правду, короче, я нахожу самого поэта Гауптмана, прочно стоящаго на почвѣ родной природы и народа. И если даже и въ этомъ произведеніи онъ даетъ только настроеніе и никакихъ типовъ, я все же нахожу въ немъ людей. Тѣ тона, которые прозвучали въ первомъ произведеніи Гауптмана: «Участь прометидовъ» и потомъ откликнулись въ «Ганнеле», онъ довелъ здѣсь до возможной чистоты и красоты».

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЬ.

Сказка-драма.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Генрихъ, литейщикъ.
Магда, его жена.
Сыновья ихъ, 9 и 5 лѣтъ.
Пасторъ.
Школьный учитель.
Цырюльникъ.
Старая Виттиха.
Фей Раутенделейнъ.
Водяной.
Лѣшій.
Эльфы.
Лѣсные гномы.

Мѣсто дѣйствія: — горы и деревня у ихъ подножья.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Горная поляна, окаймленная соснами. Нахѣво, на заднемъ планѣ, хижина, полураскрытая подъ нависшей скалой. Направо, близъ лѣвой лѣсной опушки, старый колодезь.

На краю колодца сидитъ фея Раутенделейнъ, полуробенокъ, полудѣвушка. Она расчесываетъ свои густые красновато-золотистые волосы, отмахиваясь отъ пчелы, которая назойливо жужжитъ вокругъ нея.

Раутенделейнъ.

Прочь, золотая пчелка, прочь! Откуда
Ты прилетѣла? Собирай съ цвѣтовъ
Душистый медъ. Не приставай, мѣшаешь
Мнѣ бабушкинымъ гребнемъ волосы
Расчесывать. Домой—того гляди—

Вернется бабушка, браниться будетъ.
Оставь меня! Чего тебѣ далась я?
Вѣдь я не розанъ, на губахъ моихъ
Нѣтъ меда сладкаго. Лети-ка лучше
Черезъ ручей, туда, къ лѣсной опушкѣ:
Тамъ златоцвѣтъ растетъ, растутъ фіалки,
Вползи въ ихъ чашечки и пей въ нихъ медъ.
Ну, убирайся же скорѣе, право!
Ты знаешь, бабушка тебя не любитъ:
Она сердита на тебя за то,
Что въ церковь на рождественскія свѣчи
Ты доставляешь воскъ... Эй, эй, дымокъ!
Спустись ко мнѣ скорѣе изъ трубы
И прогони своей струею пчелку!..

(Пчела улетаетъ).

Что, улетѣла! Наконецъ-то!

(Расчесываетъ нѣсколько мгновений волосы, потомъ наклоняется въ колодезь и кричитъ)

Дѣдъ!

Дѣдъ! Водяной!.. Не слышишь... Дай спую
Я пѣсенку любимую мою.

Не знаю, откуда пришла я

И выросла гдѣ я,

Не знаю—я птичка лѣсная,

Иль фея.

Но развѣ кто знаетъ:

Откуда цвѣтокъ, что кругомъ

Во мракѣ лѣсномъ

Ароматъ разливаетъ?

(Снова кричитъ въ колодезь)

Водяной дѣдушка! Поднимись - ка наверхъ. Бабушка
ушла въ лѣсъ. Мнѣ скучно одной! Расскажи мнѣ что-ни-
будь. Потѣши меня. Я за это утащу для тебя ночью чер-
наго лѣтучка изъ курятника. Слышишь?

Вотъ залескалъ, забулькалъ. Побѣжали

Серебряные шарикъ. Сейчасъ

Онъ вынырнетъ и зеркало колодца,

Въ которое я весело люблюсь,

Онъ разобьетъ косматой головою...

(Смотритъ въ колодезь и говоритъ со своимъ отраженіемъ)

А, здравствуй, милочка! Какъ звать тебя?

Раутенделейнъ? Вѣдь ты себя считаешь

Красивѣе всѣхъ дѣвушекъ на свѣтѣ?
Что? что ты говоришь? Ты на себя
Указываешь? Да, ты хороша,
Какъ фея. Волосы твои соткали
Изъ солнечныхъ лучей, и тамъ, въ водѣ,
Они блестятъ, какъ золотая сѣтка,
Для золотыхъ раскинутая рыбокъ.
Ты хочешь быть прекраснѣе меня?
Ахъ, глупенькая дѣвочка! Я брошу
Въ колодець камень, и исчезнешь ты
Со всею своею чудесной красотою,
А я такой же, какъ была, останусь!..

Дѣдушка! Водяной дѣдушка! Да выходи же. Помоги мнѣ
скоротать время. А, вотъ и опъ!

(Водяной поднимается изъ колодца до груди).

Ха-ха-ха! Ну, и хорошъ же ты, дѣдушка! Вотъ всякій
разъ такъ: кличешь тебя, а какъ ты вытѣзешь, такъ му-
рашки отъ страху забѣгаютъ.

Водяной. Брекекекексъ!

Раутенделейнъ (передразнивая). Брекекекексъ. Только и
знаешь! Весной пахнетъ, а ты дивишься этому. Всѣ это
чуютъ—и послѣдняя ящерица, и комаръ, и земляной чер-
вякъ, и форель въ ручьѣ, и выдра, и водяная мышь, и
муха, и всякая былинка. А водяной дѣдушка ничего-ничего
не подозреваетъ.

Водяной (злится и надувается). Брекекекексъ!

Раутенделейнъ. Что ты заспался, что ли? Ничего не
видишь, не слышишь.

Водяной. Брекекекексъ, какъ ты дерзка! Ахъ, ты,
обезьяна, обезьяна! Выдра ты рѣчная, ниголица, скорлупка
отъ яйца кузнечика! Я бы тебѣ и еще сказалъ... квораксъ!
квораксъ!

Раутенделейнъ. Ну, что ты осерчалъ, дѣдушка. Я и
безъ тебя попляшу. У меня всегда найдутся товарищи: на
то я красива, мила и молода. (Поетъ)

Я мила, я молода!

Лѣвшій (за сценой) Го-го-го!

Раутенделейнъ.

А, Лѣвшенька! поди сюда, поди,
Со мною попляши.

(Лѣвшій съ козлиными ногами и козлиной бородой выскакиваетъ на
полянѣ, комически припрыгивая).

Лѣшій.

Я не умѣю

Плясать по-вашему, зато въ прыжкахъ
За мною и козлу не угоняться.

А если прыгать ты со мной не хочешь,—

Пойдемъ-ка, феечка, туда, въ кусты,

Тамъ не слышать ни пѣнья пѣтуха,

Ни бульканья ручья. Тамъ я потѣшу

Тебя игрой на дудочкѣ волшебной. (Обнимаетъ ее).

Ряутенделейнъ (вырываясь).

Къ себѣ зовешь меня ты?

Ахъ, ты, косматый!

Ахъ, козьи ноги!

Живи въ своей берлогѣ,

Подъ старою сосною,

Съ лѣшачихой-женою.

Пусть, коли ей не лѣнь,

Она родитъ тебѣ каждый день

Лѣшенятъ грязныхъ

И безобразныхъ;

А въ воскресенье заразь четверыхъ:

Вотъ въ недѣлю-то ихъ

И выйдетъ ровно десятокъ

Козленятокъ!

Ха-ха-ха!.. (Убѣгаетъ въ хижину).

Водяной. Брекекекексъ, экая проказница, чтобъ се
чорти взяли!

Лѣшій (бросившійся - было за феей,
возвращается).

Недурно бы прибрать се къ рукамъ.

(Вынимаетъ короткую трубку и закуриваетъ, черпнувъ
огнемъ объ копыто. Молчаніе).

Водяной.

Ну, какъ дѣла у васъ въ лѣсу?

Лѣшій.

Да такъ, понемножку,

Изъ кулька въ рогожку.

У васъ тутъ внизу тепло, благодать,

А у насъ наверху, въ горахъ,
Какъ начнетъ гроа бушевать,
Такъ просто а-ахъ!
Тучи несутся, несутся
Да потомъ дождемъ разольются:
Изволь въ сырости—мокроѣ жить.
Свинство одно—что и говорить!

Водяной. Новенькаго ничего нѣтъ?

Лѣвѣй. Вчера была новинка: поѣлъ перваго щавелю. А сегодня поутру вышелъ прогуляться въ нашъ большой лѣсъ, спускаюсь по скаламъ, глядь — люди землю роютъ, ломаютъ камни. Сунѣй грабежъ! Вѣрно, хотятъ строить часовни да церкви. Терпѣть не могу проклятаго колокольнаго звона.

Водяной. Да, не очень-то весело гудить.

Лѣвѣй. Вонъ, погляди, тамъ, на самомъ краю обрыва новая церковь. Расписныя стекла. Колокольня высокая, крестъ въ самое небо. Кабы не я, съ этой колокольни ревомъ ревѣлъ бы колоколъ и мучилъ насъ своимъ гудѣньемъ. А теперь онъ лежитъ на днѣ озера. Да, ловкая вышла штука! Стою я, прислонясь къ сосновому пню, пожевываю травку да смотрю на церковь. Вдругъ изъ травы ко мнѣ прыгъ русалочка. И начала болтать. «У насъ, говорить, теперь около озера кипитъ работа: лягушки икру мечуть», и пошла, и пошла. «А люди, говорить, изъ долины наверхъ что-то везутъ, кадушку, что ли, какую-то желѣзную. Хлопаютъ бичами, кричатъ. Даже смотрѣть страшно. Толкуютъ, что эту штуку люди жетятъ поднять высоко-высоко, на колокольню, да каждый день въ нее бить желѣзнымъ языкомъ, чтобы пугать и мучить всѣхъ добрыхъ духовъ». Ну, говорю я, это мы еще посмотримъ. Русалочка ушла, а я тотчасъ же къ стаду козъ. Велася насосался молока. Цѣлыхъ три ведра выдулъ: «го-го-го, думаю себѣ, пусть-ка теперь подонтъ козочекъ скотица,—ни капельки не выдоить». А потомъ сталъ я на краю скалы. Тутъ должны были проѣхать и лошади и люди. Хорошо. Поползъ я за ними слѣдомъ, прячась за камнями и кустарникомъ. Восемь здоровыхъ леновыхъ лошадей тащили чудовище. Храпятъ, натужимаются въ упряжки. Остановятся, запылавшіеся, ноги дрожатъ. А потомъ опять примутся тащить. Сметнулъ я, какъ лѣвѣй, что надо копытомъ избавить отъ лишняго труда, да и хватъ за колесо. Синца треснула. Колоколъ

покачнулся, а я еще подтолкнулъ повозку: онъ и рухнулъ въ озеро. Какъ онъ прыгаль по камнямъ, ухъ, ухъ, ухъ! Какъ гудѣлъ: только эхо отдавалось. Внизу съ плескомъ приняли его глубокія воды. Пусть онъ тамъ и останется: ему тамъ спокойно лежать.

(Во время разсказа Ляшяго начала смеркаться. Нѣсколько разъ въ лѣсу раздавались крики о помощи. Входитъ литейщикъ Генрихъ, измученный, съ блѣднымъ, грустнымъ лицомъ. Онъ съ трудомъ пробирается къ хижинѣ. Ляшій немедленно скрывается. Водяной причется въ колодезь).

ГЕНРИХЪ.

Я заблудился. Помогите! Въ пропасть
Свалился я. Послушайте! Откройте
Мнѣ дверь... Ахъ, я не въ силахъ больше...

(Падастъ безъ чувствъ на траву. Пурпуровыя облака плывутъ надъ горами. Солнце зашло. Легкій ночной вѣтерокъ. Старая Виттиха съ корзиной на спинѣ выходитъ изъ лѣсу. У нея сѣдал, непокрытая голова; лицо похоже на мужское; подбородокъ обросъ пухомъ).

Виттиха. Рутандя! Поди-ка сюда, помоги мнѣ стащить корзину. Больно ужъ я нагрузилась. Рутандя! Да иди же! Силушки моей не хватаетъ. Куда это дѣвка запропастилась? (Пролетаетъ летучая мышь). Эй, эй, мышка, постой-ка. Звякну крыломъ въ оконце: тутъ ли дѣвчонка-то моя? Кликни ее, пусть идетъ сюда. Охъ, быть сегодня ненастью. (Грозитъ небу, на которомъ блестятъ блѣдная зарница) Ну, ну, полегче, Торъ! Не очень-то сверкай своею красною бороною. Эй, Рутандя! (Обращаясь къ прыгнувшей мимо бѣлки) Бѣлочка, бѣлочка, у тебя проворныя ноги, я дамъ тебѣ орѣшковъ: сбѣгай-ка, покличь Рутандю. (Увидѣвъ лежащаго Генриха) Это чтѣ такое? Кто это тутъ валяется? Эй, ты, парень? Кажись, не слышишь. Ужъ не мертвый ли? Рутандя! Вотъ еще напасть! И безъ того мнѣ надоѣли пасторъ и бургомистръ. И такъ загнали, какъ собаку. А коли найдутъ у меня мертвое тѣло, такъ прощай моя избушка. Спать съ, какъ лучинку. Эй, парень! Вставай! Не слышишь... (Раутенделейнъ выходитъ изъ хижины и оглядывается вопросительно). Ну, наконецъ-то пожаловала. Глянь-ка сюда: у насъ гость, да еще какой! Тихій, смирный. Ташика охлану сѣнца да постели ему.

Раутенделейнъ. Въ избѣ?

Виттиха. Ну, вотъ еще — въ избѣ! Здѣсь постели. Но принцъ какой — въ горнищѣ валяться. (Уходитъ въ хижину).

(Раутенделейнъ выходитъ изъ хижины съ охапкой сѣна. Становится на колѣни около Генриха. Онъ открываетъ глаза).

ГЕНРИХЪ.

Гдѣ я? Скажи мнѣ, доброе дитя.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ горахъ.

ГЕНРИХЪ.

Въ горахъ? Но какъ сюда попалъ я?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю. Перестань объ этомъ думать,
Вотъ мохъ и сѣно. Лягъ и отдохни.
Тебѣ покой необходимъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты правду

Сказала. Успокойся мнѣ надо.

Но не могу я, не могу...

Хочу (тревожно)

Я знать: какъ это все со мной случилось?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я, какъ и ты, не знаю.

ГЕНРИХЪ.

Это сонъ...

Я сплю, и мнѣ во снѣ все это снится.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вотъ молоко. Ты обезсиленъ. Надо
Тебѣ напитокъ.

ГЕНРИХЪ.

Дай. (Пьетъ изъ кружки, которую она придерживаетъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сдается мнѣ,

Что не привыченъ ты къ горамъ. Должно-быть,
Ты изъ породы тѣхъ людей, что тамъ
Живуть, въ долиниѣ. Вотъ наединѣ тоже
Одинъ охотникъ, за козой гоняясь,
Сорвался и убитъ на-смерть здѣсь.
Мнѣ кажется однако, что онъ былъ
Совсѣмъ не то, что ты.

ГЕНРИХЪ (пристально и съ восторженнымъ удивленіемъ смотритъ на нее).

О, говори,
Еще, еще!.. Твое питье—улада,
Но рѣчь твоя еще мнѣ слаще.

(Снова ослабѣваетъ, одолевасмый своими мыслями).

Да,
Онъ былъ не то, что я, онъ былъ сильнѣе,
И все-жъ упалъ онъ... Говори, дитя,
Еще, еще...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что толку въ разговорахъ,
Пойду-ка лучше зачерпну воды
Въ колодезь свѣжей и тебѣ омое
И пыль и кровь съ лица.

ГЕНРИХЪ (умоляющимъ голосомъ).

Постой, стой,

Не уходи!

(Раутендейльнъ, которую онъ удерживаетъ за руку, останавливается въ нерѣшимости).

ГЕНРИХЪ.

Смотри въ мои глаза
Загадочными, чудными очами.
Ты знаешь ли, въ твоихъ очахъ сіяетъ
Весь Божій міръ прекрасный: горы, небо
И облачка летящія, какъ птицы,
И снова манитъ онъ меня привѣтно...
Не уходи, дитя, не уходи.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Если хочешь, я останусь.

ГЕНРИХЪ (въ лихорадочномъ жару, умоляя).

Да, останься,
Останься... Ты—дитя. Не знаешь ты,
Чѣмъ для меня ты можешь быть... Останься
И не буди меня... Я расскажу,
Какъ я упалъ... нѣтъ, нѣтъ, я буду

Твой слушать голосъ чистый и небесный..
Что-жъ ты замолкла? Отчего, дитя,
Не говоришь ты, не поешь?.. Упалъ я,—
Вѣдь я тебѣ сказать... Не знаю, какъ
Случилось это... Скалы подо мною
Обрушились, нарочно-ль я упалъ
Или печально—Богъ вѣсть... Сорвался
И покотился въ пропасть...

(Возбужденно)

Но успѣлъ
За вѣтку дикой вишни ухватиться,
Да, да, за вѣтку вишни... Изъ скалы
Она росла... Вдругъ вѣтка обломилась,
А я, держа ее въ рукѣ и весь
Осыпанный цвѣтами съ дерева,
Понесся въ бездну темную и умеръ..
Но вотъ теперь я живъ... Скажи, скажи,
Что умеръ я. Скажи, чтобъ не будили
Меня теперь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мнѣ кажется, ты живъ.

ГЕНРИХЪ.

Не знаю. Прежде этого не зналъ я:
Не зналъ, что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь.
(Съ тоскою)

Да, я упалъ. И колоколь упалъ.
Упали оба мы: и онъ и я.
Я прежде, онъ за мной. Иль это было
Наоборотъ? Кто знаетъ! Все равно:
То было въ жизни, а теперь я умеръ..
(Ласково)

Не отходи! Рука моя блѣдна,
Отяжелѣла, какъ свинецъ, мнѣ трудно
Ее поднять. Волна твоихъ волосъ
Ее цѣлить, какъ воды Силоама.
Какъ ты прекрасна... О, не уходи..
Моя рука честна, а ты—святая..
Тебя я видѣлъ раньше... Гдѣ-жъ я видѣлъ?..
Вѣдь для тебя я долго такъ боролся..
О, я хотѣлъ, чтобъ колокола мѣдъ

Звучала голосомъ твоимъ небеснымъ
И сочеталась съ золотомъ лучей
Въ воскресный день сіяющаго солнца!
Достичь такого совершенства я
Не могъ, не могъ... и плакать я слезами
Кровавыми...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты плакалъ? Какъ же такъ?
Я не могу понять. Что значить—слезы?

ГЕНРИХЪ (сился приподняться).

Приподними меня, приподними,
Прелестное видѣнье.

(Она приподнимаетъ Генриха).

Если сердцемъ
Ты мнѣ сочувствуешь,—освободи
Меня своею любящей рукою
Отъ этой жизни, отъ земли суровой,
Гдѣ пригвожденъ я будто на крестѣ.
Освободи меня! Ты это можешь.
Ты можешь также снять вѣнокъ терновый,
Что сжалъ мнѣ лобъ. Не нужно мнѣ вѣнка.
Я одного хочу: любви.

(Онъ принимаетъ полулежачее положеніе. Утомленно)

Благодарю,
Вотъ такъ.

(Растерянно)

Здѣсь хорошо. Шумятъ деревья,
И сосны темныя какъ будто руки
Привѣтливо протягиваютъ мнѣ,
Торжественно качая головами;
И вѣсть лѣсъ какой-то чудной сказкой...
Да, сказкой. Это сказка шепчетъ тамъ
И шелеститъ листочками, и пѣсни
Поетъ въ травѣ... Смотри, смотри—она
Идетъ сюда въ одеждѣ изъ тумана
И на меня показываетъ блѣднымъ,
Прозрачнымъ пальцемъ... ближе, ближе... вотъ
Коснулась слуха моего и взора
И вдругъ исчезла—ты одна осталась...
Ты—сказка. Сказка, поцѣлуй меня.

(Впадаетъ въ обморокъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (про себя).

Ты странно говоришь. Не понимаю
Тебя я.

ГЕНРИХЪ (въ бреду).

Сказка, поплѣлуй меня.

(Смерклось).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (пристально вглядывается въ него и вдругъ
вскрикиваетъ въ ужасѣ и тоскѣ). Бабушка!

ВИТТИХА (изъ хижны). Чтò, внучка?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Поди, поди сюда!

ВИТТИХА. Ступай сама сюда. Надо развести огонь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Бабушка, помоги ему! Онъ умираетъ,
бабушка!

(На порогѣ хижины появляется Виттиха. Въ одной рукѣ у ней
горшокъ молока, другою она манитъ кошку).

Кисъ, кисанька, ко мнѣ!

(Обращаясь къ лежащему Генриху)

Ну, чтò тамъ за напасть? Умеръ онъ, что ли? На то онъ
и человѣческое отродье, чтобы умереть. Кисъ, кисъ! Вотъ
твое молочко. Гдѣ же кисанька?

Сюда! Ко мнѣ!

Лѣсные гномы!

Вотъ молоко—

Вамъ полакать,

Вотъ мягкій хлѣбъ—

Вамъ пожевать.

(Десять маленькихъ уродливыхъ гномовъ торопливо выбѣ-
гаютъ изъ чащи и бросаются къ кричѣ съ молокомъ).

Потише, потише!

Распрыгались, словно мыши.

Чтò за возня?

Каждому кусочекъ

Каждому глоточекъ

Есть у меня.

Такъ торопиться

Совсѣмъ не годится:

Каждый бери свою долю.

Поѣли, попили въ волю

И убирайтесь:

Въ лѣсъ возвращайтесь!

(Гномы убѣгаютъ въ лѣсъ. Выходитъ луна. На скалѣ, надъ избушкой, показывается Лѣшій. Приложивъ руки ко рту въ видѣ трубы, онъ кричитъ, подражая эху).

Лѣшій. Помогите! Помогите!

Виттиха. Что тамъ еще стряслось?

(Издалека въ лѣсу слышны крики: «Генрихъ! Генрихъ!»).

Лѣшій. Помогите! Помогите!

Виттиха. Полно-ка тебѣ морочить людей своими глупыми проказами. Извѣстно, что тебѣ любо: украсть у крестьянина посуду, избѣсить собаку, завести путника на болотистыя кочки, чтобы онъ голову потерялъ да ноги поломать.

Лѣшій.

Смотри, бабка,

У самой-то подъ ногами не гладко.

Побереги свои старыя кости.

Къ тебѣ идутъ важные гости:

Цырюльникъ съ мыломъ и бритвой,

Школьный учитель съ линейкой

Да господинъ пасторъ съ молитвой.

Штолкують съ тобой, старой лиходѣйкой.

(Крики ближе: «Генрихъ!»).

Лѣшій.

Помогите!

Виттиха.

О, проклятый орало!

Чтобъ тебя разорвало!

Накликалъ гостей мнѣ на шею.

(Грозитъ Лѣшему кулакомъ).

Ну, да я отплатить тебѣ сумѣю,

Подожди уже вотъ:

Нападетъ на тебя комаръ да оводъ:

Такъ начнутъ кусаться,

Что не будешь знать, куда дѣваться!

Лѣшій (злорадно).

Ну, бабушка, эта бѣда

Пожалуетъ ко мнѣ еще когда!

А твои-то гости ужъ идутъ сюда.

(Скрывается).

Виттиха. Пускай ихъ идуть. Какое мнѣ до нихъ дѣло. (Обращаясь къ Раутенделейнъ, которая не можетъ оторвать глазъ отъ Генриха) Ступай въ избу. Гаси огонь. Пора спать. Проворнѣй, проворнѣй!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (мрачно и упрямо). Не хочу.

Виттиха. Не хочешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Не хочу, бабушка.

Виттиха. Что такъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Они возьмутъ его.

Виттиха. Ну такъ что-жъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ. Не надо, чтобы брали.

Виттиха. Полно, полно, дѣвка. Пойдемъ. Оставь его. Пусть себѣ лежитъ. Пусть они дѣлають съ нимъ, что хотять. Вѣдь долженъ же онъ помереть. Ну, и пусть помираетъ. Такъ-то лучше будетъ: перестанетъ мучиться тѣломъ и душою.

Генрихъ (въ бреду). Восходитъ солнце!

Виттиха. Вишь ты: не видывалъ онъ солнца. Пойдемъ. Пускай лежитъ. Я вѣдь добра тебѣ желаю.

(Уходитъ Раутенделейнъ, оставшись одна, прислушивается. Снова слышны крики: «Генрихъ! Генрихъ!». Она проворно ложатъ вѣтку въ цѣвту).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (чертитъ вѣткой кругъ, приговаривая).

Волшебной вѣткой кругъ черчу волшебный,
Какъ бабушка меня учила.
Останься здѣсь. Въ моей ты будешь власти.
Пусть не подступится никто къ тебѣ—
Ни дѣвушка, ни мальчикъ, ни мужчина.

(Скрывается въ темнотѣ).

(Пасторъ, цырюльникъ и школьный учитель выходятъ одинъ за другимъ изъ лѣсу).

Пасторъ. Я вижу свѣтъ.

Учитель. И я тоже.

Пасторъ. Гдѣ же мы?

Цырюльникъ. Богъ знаетъ. Вотъ опять кричатъ: «помогите, помогите!».

Пасторъ. Это голосъ мастера Генриха.

Учитель. Я ничего не слышу.

Цырюльникъ. Голосъ слышится оттуда—сверху.

Учитель. Сверху? Но какъ же это такъ? Вѣдь если бы можно было падать на небо, такъ это могло бы быть. Но

всегда падаютъ какъ разъ наоборотъ: съ горы въ долину, а не изъ долины въ гору. Я готовъ поклясться душой: мастеръ лежитъ тамъ, футовъ на пятьдесятъ ниже. А не здѣсь наверху.

Цырюльникъ. Фу, ты, пропасть! Да развѣ вы не слышали, какъ кричалъ тутъ? Если это не былъ голосъ мастера Генриха, такъ я готовъ обрить бороду самому Рубецаку! Это такъ же вѣрно, какъ то, что я знаю свое ремесло. Вотъ опять зовегъ,—слышите, слышите?

Учитель. Гдѣ?

Пасторъ. Прежде всего, господа, объясните мнѣ, гдѣ мы теперь? У меня все лицо исцарапано. Я едва волочу ноги. Подошвы ноютъ. Я дальше не пойду.

(Снова крикъ: «помогите!»).

Пасторъ. Опять кричать.

Цырюльникъ. И близехонько отъ насъ. Десяти шаговъ не будетъ.

Пасторъ (садится въ пзнеможеніи). Меня будто четвертовали. Право, четвертовали, любезные друзья. Я не въ силахъ идти дальше. Ради Бога, оставьте меня здѣсь. Бейте меня до синяковъ,—я не двинусь съ мѣста. Я больше не могу. Такой торжественный праздникъ и какъ окончился! Праведное небо, кто бы могъ это подумать. А этотъ колоколъ! Лучшее созданіе благочестиваго мастера—и вдругъ въ воду! Ахъ, ахъ, пути Провидѣнія неисповѣдими.

Цырюльникъ. Вы, господинъ пасторъ, спрашивали, гдѣ мы? Такъ позвольте вамъ дать добрый совѣтъ: уйдемте отсюда поскорѣй. Я лучше соглашусь голымъ переночевать въ осиноиъ гнѣздѣ, чѣмъ тутъ. Вѣдь это — да охранить насъ Богъ! — та самая поляна, гдѣ стоитъ лачуга старой Виттихи. Проклятая вѣдьма! Уйдемте, уйдемте скорѣй!

Пасторъ. Я не могу двинуться.

Учитель. Да, да, уйдемте, прошу васъ. Колдовство—ничего, колдовства я не боюсь. Но хуже этого мѣста не найти. Тутъ притонъ всякой сволочи, воровъ. Объ этомъ мѣстѣ въ народѣ худая молва. Тутъ разбойничаютъ, убиваютъ. Это похуже колдовства.

Цырюльникъ. Господинъ учитель, вы сильны въ таблицахъ умноженія. Не отрицаю. Но есть еще кое-что, кромѣ таблицъ умноженія. Не дай вамъ Богъ узнать, что такое колдовство. Тутъ въ своей норѣ прикурнула вѣдьма, безобразная, какъ жаба. Она вамъ пошлетъ всякое лихо: болѣзнь въ домъ, чуму на вашъ скотъ, коли онъ у васъ есть. Коровы

начнуть давать кровь вмѣсто молока, у овецъ разведется червь, на лошадей найдетъ сажъ. У дѣтей будетъ цынга, а то и еще хуже, коли вздумается вѣдьмъ: зобы, нарывы.

Учитель. Ну, вы фантазируете. Ночь затемнила вамъ разсудокъ. Толкуете о вѣдьмахъ. А я вамъ говорю—я своими глазами видѣлъ его.

Пасторъ. Кого?

Учитель. Да кого мы ищемъ: мастера Генриха.

Цырюльникъ. Э-э, господинъ учитель, это колдунья кричала его голосомъ.

Пасторъ. Да, тутъ замѣшалась нечистая сила.

Учитель. Какая тамъ нечистая сила! Дважды-два — всегда четыре, а не пять. Никакихъ вѣдьмъ не существуетъ. А вотъ тамъ дѣйствительно лежитъ нашъ мастеръ-литейщикъ. Въ это я такъ же вѣрю, какъ въ спасеніе моей души. Вотъ смотрите, смотрите, луна выходитъ изъ-за тучи. Теперь видно, господа. Ну, развѣ я не правъ?

Пасторъ. Въ самомъ дѣлѣ это нашъ мастеръ.

Цырюльникъ. Мастеръ-литейщикъ!

(Всѣ трое бросаются туда, гдѣ лежитъ Генрихъ, но не могутъ переступить волшебный кругъ и отшатываются въ разныя стороны).

Пасторъ. Ой!

Цырюльникъ. Ой!

Учитель. Ой!

(Съ вѣтвей сосны соскакиваетъ Раутенделейнъ и, мелькнувъ на мгновеніе, исчезаетъ съ демоническимъ насмѣшливымъ хохотомъ).

Раутенделейнъ. Ха-ха-ха! (Пауза).

Учитель (въ недоумѣніи). Чтѣ это такое было?

Цырюльникъ. То-то вотъ: чтѣ это такое было?

Пасторъ. Слышался смѣхъ.

Учитель. У меня искры посыпались изъ глазъ. Точно кто обухомъ по головѣ хватилъ.

Пасторъ. Вы слышали смѣхъ?

Цырюльникъ. Я слышалъ. Кто-то смѣялся и скрежеталъ зубами.

Пасторъ. Кто-то захохоталъ. Вонъ тамъ, на соснѣ, чтѣ качается теперь, освѣщенная блѣдной луною. Да, вонъ тамъ, гдѣ сейчасъ пролетѣла и прокричала сова.

Цырюльникъ. Ага, теперь вы вѣрите тому, чтѣ я говорилъ про вѣдьму? Ну-съ, чтѣ же, вы хорошо себя чувствуете? Или у васъ, какъ у меня, мурашки по спинѣ? Говорю вамъ: тутъ вѣдьма, исчадіе сатаны.

Пасторъ. Кто бы тутъ ни былъ, мы войдемъ туда. Лукавство сатаны выразилось уже въ томъ, что онъ сбросилъ съ обрыва и колоколь, и благочестиваго мастера, его соорудившаго. Но насъ поддерѣпитъ небо. Я постучусь въ эту лачугу.

Цырюльникъ. Не дѣлайте этого.

Пасторъ. Нѣтъ, постучусь. (Стучится въ дверь хляпны).

Виттиха (за дверью). Кто тамъ?

Пасторъ. Христіанинъ.

Виттиха. Христіанинъ или язычникъ,—что вамъ надо?

Пасторъ. Женщина, именемъ Бога, котораго ты не признаешь...

Виттиха. Вишь ты какъ благочестиво начинаешь...

Учитель. Заткни глотку, проклятая вѣдьма! Ни слова больше. Мѣра переполнена, и твой часъ пришелъ! За твою гнусную жизнь и твои гнусныя дѣла тебя ненавидятъ въ народѣ. Если ты не будешь дѣлать, что тебѣ велятъ, смотри: къ утру на твоей лачугѣ запоетъ красный пѣтухъ. Влезть твоё дьявольское гнѣздо дымомъ.

Цырюльникъ (тресъ). Я не боюсь твоего сглаза, кошка проклятая. Что ты глазѣешь на меня? Куда бы ты ни взглянула, я отчураюсь. Вотъ плюю и говорю: чуръ меня!.. Ну, выдавай его, тебѣ говорятъ.

Пасторъ. Женщина, оставь свои дьявольскія козни. Вотъ тутъ лежитъ мастеръ-литейщикъ, Божій слуга, которому данъ свыше даръ...

Виттиха (подвигаясь туда, гдѣ лежатъ Генрихъ). Ну, ну, довольно. Берите его, коли онъ вамъ нуженъ. Мнѣ-то что? Развѣ я ему что-нибудь сдѣлала? Пусть себѣ живетъ, коли можетъ. Только, кажется, долго-то не проскрипите. Вишь ты, мастеръ! Его мастерство для насъ не важно. Вѣдь это вамъ только любо слушать звонъ колокола, что откликъ этотъ парень: у васъ такія уши, которыя ничего не слышатъ... Что-жъ, берите носилки, тащите его домой, вашего великаго мастера! Вставай! Ты нуженъ пастору, чтобы помогать ему говорить проповѣди; учителю, чтобы помогать сѣчь ребятъ; цырюльнику, чтобы помогать взбивать мыло.

(Генриха кладутъ на носилки; цырюльникъ и учитель подпимаютъ ихъ).

Пасторъ (Виттихъ). Порочная, безстыдная баба! Замолчи. Иди своей дьявольской дорогой. Иди...

Виттиха. Будетъ, будетъ. Мнѣ не нужно проповѣди. Я знаю, по-вашему, все на землѣ — грѣхъ. Земля — большой гробъ. Голубое небо — крышка на гробъ. Охъ, проповѣдники! На себя бы сперва вы посмотрѣли. Вы-то больно хороши...

Пасторъ. Замолчишь ли ты, слуга дьявола!

Цырюльникъ. Ради Бога, не раздражайте проклятую
вѣдму. Не то намъ придется плохо.

(Пасторъ, учитель, цырюльникъ уходятъ, унося Генриха).

(Мѣсяцъ выходитъ изъ-за тучъ. Ночная тишина. Появляется изъ лѣсу
первая, вторая и третья эльфы и кружатся, слетаясь руками).

ПЕРВАЯ (шопотомъ).

Сестры!

ВТОРАЯ.

Сестры!

ПЕРВАЯ.

Надъ скалою
Блѣдный мѣсяцъ въ облакахъ,
И прохладной вѣтъ мглою
И въ ущельѣ и въ горахъ,
И на озерѣ волна
Спитъ недвижно-холодна.

ВТОРАЯ.

Ты откуда?

ПЕРВАЯ.

Тамъ, гдѣ съ кручъ
Льется бурный водопадъ,
Гдѣ, дробя серебристый лучъ,
И грохочутъ и шумятъ,
Брызжа пѣною, валы,—
Изъ расщелины скалы
Вышла я, чтобъ видѣть васъ.

ТРЕТЬЯ.

Въ часъ ночной, волшебный часъ,
Заводите хороводъ!

ВТОРАЯ.

Ты откуда?

ТРЕТЬЯ.

Тамъ, у скалъ,
Блещетъ озера кристалль,
Въ глубину бездонныхъ водъ
Смотрятъ звѣзды, золотясь.
При сіяніи луны,
Изъ серебряной волны

Я взвилась и понеслась
Въ чистомъ воздухѣ небесъ
Черезъ горы, черезъ лѣсъ.

ЧЕТВЕРТАЯ (появляется).

Сестры!

ПЕРВАЯ.

Къ намъ, сестра, сюда!

Всѣ.

Вейтесь въ сумракъ ночномъ!

ЧЕТВЕРТАЯ.

Изъ сосѣдняго пруда
Я всплыла тайкомъ, тайкомъ.

Всѣ.

Заводите хороводъ!

(Молнія блещетъ чаще и чаще. Вдали раскаты грома. Раутенделейнъ появляется на порогѣ хижины и останавливается, закинувъ руки за голову. Луна освѣщаетъ ее).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Эльфы!

ПЕРВАЯ.

Кто-то насъ зоветъ?

ВТОРАЯ.

Ахъ, проклятый, старый сукъ!
Разорвать онъ платье мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Эльфы, въ вашъ волшебный кругъ
Я хочу, чтобъ при лунѣ
Закружиться съ вами въ ладъ.
Поглядите, мой нарядъ
Сотканъ весь изъ серебра:
Это бабушка ткала.
Эльфа, смуглая сестра,
Посмотри, и я смугла,
Звѣздъ лучи въ моихъ глазахъ.
Эльфа свѣтлая, въ кудряхъ
Золотистыхъ, посмотри:
Краснымъ пламенемъ зари

Волоса мои блестять,
Льютъ волну вслѣдъ за волной
На плеча, вокругъ смуглыхъ щекъ:
Точно быстрый ручеекъ
Золотится подъ луной.

Эльфы (хоромъ).

Часъ полуночный насталъ,
Вейтесь, вейтесь и пляшите!

Раутенделейнъ.

Въ воду колоколь упалъ:
Гдѣ лежитъ онъ, гдѣ—скажите?

Эльфы.

Слышенъ громъ. Гроза идетъ.
Заводите хороводъ!
Легкой, рѣзвою ногою
Не касайтесь земли:
Тамъ, унижены росой,
Маргаритки расцвѣли,
Тамъ синѣютъ незабудки.

(Лѣшій выскакиваетъ козлиными прыжками. Гроза усиливается. Въ продолженіе слѣдующей сцены сильные удары грома и ливень).

Лѣшій.

А вотъ я вдругъ наскочу—
Ихъ копытомъ растопчу!
Лѣшій я, мнѣ любы шутки!
Если брызги—разъ и два!—
Вдругъ взлетаютъ изъ болота,
Иль шуршать въ лѣсу трава:
Это все моя работа!
Темной ночью, въ свѣтѣ дня,
Жизнь кипитъ вокругъ меня.
Жизнь всю тварь веселью учить
И къ любви всю тварь зоветь:
Отвѣчаетъ кошкѣ котъ,
Чуть кошурка замаячитъ;
Зареветъ на снѣ быкъ—
Отзовется телка вмигъ;
Мошки, малыя пичужки,
Лошадь, заяцъ и олень,
Жабы, бабочки, лягушки,—

Всѣ хлопчутъ о подружкѣ,
Никому любить не лѣны!

(Хватаетъ одну изъ эльфъ и убѣгаетъ съ нею въ лѣсъ. Остальныя эльфы разбѣгаются. Раутенделейнъ стоитъ одна, задумавшись. Гроза утихаетъ).

Водяной (поднимается изъ колодца).

Брекекекексъ! Эй, дѣвочка, что ты стоишь тутъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ахъ, милый дѣдушка, мнѣ грустно, грустно.

(Трогаетъ пальцемъ лѣвый глазъ).

Смотри-ка, что такое у меня?

Водяной.

А что?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да вотъ, въ глазу.

Водяной.

Въ твоёмъ глазу?

Ну, что-жъ такое! Покажи-ка?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Видишь,

Упала капелька мнѣ въ глазъ.

Водяной.

Не съ неба-ль?

Поди сюда, я погляжу.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (показываетъ ему слезу на пальцѣ).

Смотри:

Какая свѣтлая!

Водяной.

Ахъ, что за прелесть!

Не хочешь ли, обдѣлаю ее

Я въ розовую раковину?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ладно.

Я положу ее на край колодца.

Но что же это, дѣдушка, скажи?

Водяной.

Прекрасный бриллиантъ. Онъ отражаетъ
И радость міра и печаль. Слезой
Его зовутъ.

Раутенделейнъ.

Слезой? Да, мнѣ сдается,
Я плакала. Теперь я поняла,
Что значить плакать, что такое слезы!
Скажи, скажи еще мнѣ что-нибудь...

Водяной.

Поди ко мнѣ, дитя мое.

Раутенделейнъ.

Зачѣмъ же?

И такъ мы можемъ говорить съ тобой.
Колодець твой и старъ и мокръ. Въ немъ плѣсень
Да паутина. Мнѣ противенъ онъ.
И ты противенъ.

Водяной.

Брекекекексъ!

Какъ это жалко.

Раутенделейнъ.

Вотъ еще, еще

Такая-жъ капселя.

Водяной.

Весенній дождикъ!

Вдали грохочетъ Торъ. Сверкаетъ пламень
Отъ бороды его, и молній свѣтъ
Прорѣзываетъ тучи, а подъ ними
Въ испугѣ стая вороновъ взвилась.
Ты чувствуешь ли, дитя, какъ мать-земля,
Измученная жаждой, влагу пьетъ,
Какъ травки, и деревья, и букашки,
И черви радуются блеску молній?
Квораксъ!

(Молнія).

Небесный мастеръ зажигаетъ
Въ долину свой костеръ. Вотъ застучалъ

Желѣзный молотъ, и на сотню версть
Вдругъ искры разлетѣлись. Колокольная
Колеблется и рушится, и дымъ
Надъ нею клубомъ повалилъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Довольно!

Разсказывай о чемъ-нибудь веселомъ.

Водяной.

О чемъ-нибудь веселомъ? Что же знать
Ты хочешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего. Ты находишь мнѣ.

Водяной.

Ты разсердилась?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ.

Водяной.

Такъ что-жъ съ тобой?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Со мною вотъ что: я-бъ уйти хотѣла
Отъ всѣхъ отъ васъ.

(Смотритъ вдаль глазами, полными слезъ).

Водяной.

Что сдѣлалъ я тебѣ?

Куда уйти ты хочешь? Потеряла
Ты голову, ты хочешь убѣжать
Въ людское царство? Берегись! Вѣдь люди
Народъ мудреный. Искони вѣковъ
Они запутались. Живутъ какъ будто
То въ нашемъ свѣтломъ мѣрѣ, то въ своемъ,
Наполовину здѣсь, наполовину
Не знаютъ сами гдѣ. Не то намъ братья,
Не то—враги, чужіе намъ. Бѣда,
Бѣда тому изъ насъ, кто броситъ горы,—
Волшебный, недоступный людямъ край,—

И къ ихъ проклятому уйдеть отродью.
Отродье это хилое. Ихъ корень
Въ землѣ растеть, а между тѣмъ они
Его оттуда сами вырываютъ
И къ небу тинутся, а неба свѣтъ
Не могутъ вынести и увядаютъ.
Весенній вѣтерокъ большую вѣтвь
Легко ломаетъ, по былинку иѣжить
И оживляетъ. Брось, мое дитя,
Мечту пустую. Ты навяжешь жерновъ
Себѣ на шею, если къ нимъ уйдешь.
Они тебя смутятъ. Во мглѣ туманной
Ты будешь жить. Научишься ты плакать
И горевать. А здѣсь всегда смѣялась.
Ты будешь скована цѣнями ихъ
И раздѣлять ихъ вѣчное проклятье!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мнѣ говорила бабушка, что ты
Умень и мудръ. Такъ погляди же: въ мирѣ
Нѣтъ ручейка, нѣтъ самой тонкой струйки,
Что не катилась бы въ людское царство.

Водяной.

Брекекекексъ! Но только не тебѣ
Туда дорога. Слушай, что скажу я,
Тысячелѣтній, опытный старикъ:
Пусть рабскіе ручки стремятся къ людямъ,—
Что-жъ люди съ ними дѣлаютъ? Ручьи
Вертятъ колеса мельницы; полощутъ
Въ ручьяхъ бѣлье и въ огородахъ льютъ
Ихъ воду на капусту; заставляютъ
Такую гадость обмывать, что мнѣ
Противно вспомнить.

(Горячо и убѣдительно)

Слушай: ты—принцесса!

Да, ты принцесса Раутенделейнъ.
Твоя судьба—быть царскою женою.
Есть у меня кристальный голубой
Вѣнецъ. Его я на тебя надѣну.
Ты будешь жить въ чертогахъ золотыхъ,
Гдѣ полъ и потолокъ изъ самоцвѣтныхъ,

Сверкающихъ каменьевъ, а столы
И кубки изъ коралловъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Если-бъ даже
Вѣнецъ твой былъ изъ чистаго сапфира—
Его бы не надѣла дочь твоя.
Мнѣ золото моихъ волосъ милѣе:
Вотъ мой вѣнецъ, его легко носить;
И если бы твои столы и кубки
Не изъ коралловъ были—изъ алмазовъ,
Все-жъ не пошла бы я къ тебѣ и жить
Съ лягушками и рыбами въ водѣ,
Въ болотѣ или въ колодцѣ не могла бы!

(Удаляется).

Водяной.

Куда-жъ идешь ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что тебѣ за дѣло?

Водяной (горестно).

Большое дѣло! Брекекексъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Иду,

Куда хочу.

Водяной.

Да хочешь ты куда же?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Туда...

(Вскладывая руки).

Въ далекое людское царство!

(Исчезаетъ въ лѣсу).

Водяной (испуганно).

Квораксъ!

(Съ воплемъ)

Квораксъ!

(Потише)

Квораксъ. Брекекекексъ!

(Запавъсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Домъ литейщика Генриха. Половину задней стѣны занимаетъ глубокая ниша, въ которой устроенъ открытый очагъ; надъ потухшими углями виситъ мѣдный котелокъ. Въ другой, выступающей половинѣ стѣны окно; возлѣ него кровать. Въ боковыхъ стѣнахъ двѣ двери. Дверь слѣва ведетъ въ мастерскую; дверь справа—въ сѣни. На авансценѣ, съ правой стороны, столъ и стулья. На столѣ кувшинъ молока и коврига хлѣба. Стѣны украшены благочестивыми картинками. Раннее утро. Постепенно разсвѣтаетъ.

Фрау Магда (дѣтямъ). Смотрите, дѣти, я принесла цвѣты. За нашимъ садомъ есть мѣстечко, усыянное этими цвѣточками. Вотъ мы и разукрасимся ими въ такой торжественный для вашего отца день.

Первый мальчикъ. Дай мнѣ.

Второй. И мнѣ, и мнѣ букетикъ.

Фрау Магда. Каждому достанется по пяти цвѣтиковъ. Вы знаете, ихъ зовутъ «ключиками неба». Пейте скорѣе молоко. Скушайте по кусочку хлѣба. Далеко путь до церкви, далеко и круть.

Сосѣдка (у окна). А, вы ужъ встали, сосѣдка?

Фрау Магда. Какъ же не встать. Я почти всю ночь не смыкала глазъ, а все-таки выпалась, какъ сурокъ. День, кажется, будетъ ясный.

Сосѣдка. Навѣрное, навѣрное.

Фрау Магда. Вы, конечно, идете съ нами? Славная будетъ прогулка. Конечно, съ дѣтьми не очень-то скоро дойдешь. А я, сказать по совѣсти, сосѣдка, просто бы полетѣла. Такъ забираетъ меня радость и нетерпѣніе.

Сосѣдка. Развѣ мужъ вашъ не вернулся ночью?

Фрау Магда. Вишь, чего захотѣли! Я буду довольна, коли колоколь успѣютъ повѣсить къ тому времени, когда сегодня соберется весь приходъ. Времени мало: приходилось торопиться. И то надо благодарить Бога, если Генриху выпадетъ свободный часокъ поспать въ лѣсу на травѣ. Ну, да какъ быть: трудъ былъ тяжелъ, зато награда сладка. Вы не повѣрите, какъ чудно звучитъ новый колоколь. Вотъ прислушайтесь ужъ, какъ зазвонитъ онъ въ первый разъ. Ангельское пѣніе да и только! Утѣшенье, радость...

Сосѣдка. Да, да. Вотъ что только мнѣ удивительно. Вы знаете, сосѣдка, съ моего порога видно церковку въ горахъ. Толковали, что взовется бѣлый флагъ, когда укрѣпять на башнѣ колоколь. Но флага не видно.

Фрау Магда. Смотрите хорошенько. Вѣрно, онъ тамъ.

Сосѣдка. То-то вотъ, нѣтъ его до сихъ поръ.

Фрау Магда. Можетъ, вы и въ самомъ дѣлѣ правы. Если бы вы знали, какъ знаю я, сколько труда требуетъ такое дѣло! Мастеръ долженъ обдумывать, бороться, работать день и ночь. Ну, что-жъ удивительнаго, что въ назначенную минуту не успѣли вбить послѣдній гвоздь. А теперь флагъ, навѣрное, ужъ развѣвается.

Сосѣдка. Охъ, не думаю. По всей деревнѣ толкуютъ, будто тамъ въ горахъ что-то неблагополучно. Были, вишь, худыя примѣты. Каменщикъ тамъ видѣлъ голую бабу, скакавшую на помелѣ. Онъ поднялъ камень и бросилъ его въ вѣдьму. Рука-то у него сейчасъ и отнялась по самую кисть. Это что значитъ? Это значитъ, что злые горные духи разсердились за новый колоколь. Дивлюсь я, какъ это вы ничего до сихъ поръ не знаете. Бургомистръ уже ушелъ туда съ людьми. Говорятъ, будто...

Фрау Магда. Что же говорятъ? Туда пошелъ бургомистръ? Ради Бога...

Сосѣдка. Да вѣдь еще ничего неизвѣстно. Вѣрнѣе, что ничего нѣтъ. Пугаться нечего. Не волнуйтесь такъ, сосѣдка, прошу васъ. Ни о какомъ несчастіи не слышно. Толкуютъ вотъ только, что будто бы телѣга, на которой везли колоколь, поломалась. Ну, съ колоколомъ-то будто и приключилось что-то тамъ. А что такое—не знаю.

Фрау Магда. Ахъ, если бы только это! Колоколь—Богъ съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ бы лишь живъ остался Генрихъ. Но надо же узнать все навѣрное. Прошу васъ, возьмите моихъ дѣтей. (Подаетъ обомъ дѣтей ей въ окно).

Сосѣдка. Разумѣется, я возьму ихъ къ себѣ.

Фрау Магда. Да, да, къ себѣ въ домъ возьмите ихъ. Прошу васъ. А я побѣгу туда, туда, помочь. Я должна быть тамъ, гдѣ мой мужъ.

(Поспѣшно уходитъ. Сосѣдка отходить отъ окна. За сценой гулъ толпы. Затѣмъ раздражійшій вопль Магды. Пасторъ торопливо входитъ, вздыхая и вытирая себѣ глаза. Онъ озирается, быстро отбрасываетъ одѣяло на постели, возвращается къ двери и встрѣчаетъ носилки, на которыхъ учителя, цырюльникъ и другіе люди несутъ Генриха. Фрау Магда идетъ за носилками въ глубокомъ отчаяніи; ослабѣвшая отъ горя. Ее поддерживаютъ подъ руки. За нею въ комнату проталкивается народъ. Генриха кладутъ на кровать).

Пасторъ (Магдѣ). Успокойтесь! Уповайте на Господа. Мы сочли мастера мертвымъ, когда клали на носилки. Но дорогой онъ очнулся. И, какъ увѣряетъ врачъ, видѣвшій его, можно надѣяться, что мастеръ выздоровѣетъ.

ФРАУ МАГДА (едва переводя духъ). Можно надѣяться! Боже милосердый! Я была такъ счастлива. Что со мною? Что здѣсь случилось? Гдѣ дѣти?

Пасторъ. Уповайте на Господа. Вооружитесь терпѣніемъ. Терпѣніемъ и смиреніемъ. Вы сами знаете, гдѣ великое несчастье,—тамъ всего ближе и Божья помощь. Если Господь въ Своей премудрости не опредѣляетъ даровать временное исцѣленіе вашему мужу, вы можете утѣшиться тѣмъ, что онъ войдетъ въ обитель вѣчнаго блаженства.

ФРАУ МАГДА. Вы, господинъ пасторъ, говорите о моемъ утѣшеніи. Развѣ я нуждаюсь? Онъ выздоровѣетъ. Онъ долженъ выздоровѣть!

Пасторъ. Да, да, мы надѣемся. А если нѣтъ, — воля Божья. И такъ и этакъ мастеръ Генрихъ восторжествуетъ. Служа Всевышнему, онъ отлилъ колоколь. Служа Всевышнему, онъ взбирался на горы, гдѣ царство темныхъ силъ въ ущельяхъ и пропастьяхъ. Служа Всевышнему, онъ палъ въ борьбѣ съ коварными духами ада. Ибо это они, убоявшись благовѣста его колокола, сплотились въ адскій союзъ, чтобы погубить мастера. Господь ихъ накажетъ, будьте покойны.

Цырюльникъ. Здѣсь въ околоткѣ живетъ женщина-чудотворица. Она исцѣляетъ молитвой.

Пасторъ. Сходите за нею и приведите ее сюда.

ФРАУ МАГДА. Какъ это случилось? Какъ случилось? (Къ толпѣ) А вы что глазѣте? Уйдите. Одно пустое любопытство. Ступайте. Не беспокойте его вашимъ оглядываньемъ. Прикройте ему платкомъ лицо. Вы его мучите. Пожалуй, еще сглазите. Прикройте. Вотъ такъ. Уходите. Что съ нимъ сдѣлалось? Что-жъ, вы пѣмье, что ли?

Учитель. Трудно объяснить, какъ и что съ нимъ случилось. Можетъ-быть, онъ хотѣлъ удержатъ колоколь, когда колоколь падалъ. Одно вамъ скажу: если бы вы взглянули въ пропасть, куда скатился колоколь, такъ вы бы упали на колѣна и возблагодарили Бога, что вашъ мужъ живъ. Это, скажу вамъ,—чудо!

ГЕНРИХЪ (слабымъ голосомъ). Воды... пить...

ФРАУ МАГДА. Уйдите, уйдите, всѣ!

Пасторъ. Ступайте, милыя дѣти. Больному необходимъ покой. (Народъ уходитъ). Если я вамъ нуженъ, фрау Магда, то вѣдь вы знаете, гдѣ меня найти.

Цырюльникъ. И меня тоже.

Учитель. Я думаю здѣсь остаться.

Фрау Магда. Нѣтъ, никого, никого не надо.

(Пасторъ, учитель и цырюльникъ, послѣ короткаго совѣщанія, уходятъ, пожимая плечами и качая головами).

Генрихъ.

Дай мнѣ еще воды...

Магда (даетъ ему пить).

Ты боленъ, Генрихъ?

Генрихъ.

Меня томить мучительная жажда.

Дай мнѣ воды. Ты слышишь?

Магда.

Потерпи

Немножко, Генрихъ, потерпи...

Генрихъ.

Терпѣнью

Я скоро научусь въ сырой землѣ.

(Пьетъ).

Благодарю... Конецъ мой близокъ...

Магда.

Полно,

Твои слова мнѣ страшны.

Генрихъ.

Не должна

Пугаться ты. Тебѣ придется, Магда,

Жить безъ меня.

Магда.

Нѣтъ, не хочу я жить...

Я не могу жить безъ тебя.

Генрихъ.

Не мучь

Меня своей ребяческой печалью.

Ты перенеси ее должна: ты мать,

Пойми: ты мать — и будь тверда душою.

Магда.

Зачѣмъ такіа мысли... Ты жестокъ...

Генрихъ.

Тебѣ жестокимъ кажется, что въ дѣтяхъ
Я вижу счастье твое? Твой долгъ
Заботиться, трудиться для малютокъ:
Въ нихъ жизнь твоя.

Магда.

Пусть мнѣ Господь проститъ,
Но я тебя люблю, ты мнѣ дороже
Дѣтей и жизни собственной моей.

Генрихъ.

О, если такъ, то горе вамъ, сиротки!
И трижды горе мнѣ: отъ вашихъ устъ
Я отрываю хлѣбъ и молоко,
Малютки бѣдныя!.. Но грудь моя,
Я чувствую, горитъ... Прощай, навѣки!
Да сохранить васъ Тотъ, къ Кому мы всѣ
Должны придти. Подъ сѣнью темной смерти.
Находятъ многіе желанный свѣтъ:
Пусть и со мной такъ будетъ.

(Мягко)

Дай мнѣ руку.

Я много, много зла тебѣ припешъ
И дѣломъ и словомъ. Оскорблялъ я
Твою любовь не разъ: прости мнѣ, Магда!
Я оскорблялъ невольно и потомъ
Раскаивался, но не могъ сдержаться
И снова заставлялъ тебя страдать.
Прости мнѣ, Магда.

Магда.

Но за что же, Генрихъ?
Ахъ, если любяшь, любяшь ты меня,
Не говори мнѣ это: я заплачу.
Ужъ лучше побрани меня. Ты знаешь,
Что я тебѣ обязана.

Генрихъ (съ горечью).

Не знаю.

Магда.

Ты человека сдѣлалъ изъ меня.
Запуганною, бѣдною жила я,
Какъ подъ грозой трепещущая птичка.
Ты приманилъ меня, вознесъ изъ тьмы
На высоту сияющаго счастья.
Вѣдь я тебя за то и полюбила
Такъ глубоко, такъ крѣпко, что меня
Ты къ свѣту повернулъ рукою сильной.
За что же мнѣ прощать тебя? За то-ль,
Что возродилъ меня ты къ жизни?

Генрихъ.

Странно

Силетается порою ткань сердець.

Магда (глядя въ волосы, нѣжно).

Ахъ, если ты со мною былъ спокоенъ
И правилась тебѣ я иногда,
Я этихъ счастлива и не могу я
Ничѣмъ воздать тебѣ за все добро,
Что для меня ты сдѣлалъ.

Генрихъ (тревожно).

Слушай, Магда:

Нагнись ко мнѣ... я умираю... да,
Я умираю. Такъ судило небо,
И это хорошо—и для меня
И для тебя: Не говори, что мною,
Моей любовью вызванъ былъ расцвѣтъ
Твоей души прекрасной: это сдѣлалъ
Тотъ вѣчный Чудотворецъ, что весной
Живить въ поляхъ цвѣты, подъ зимней стужей
Умершіе. Вотъ видишь ли, я былъ
И старъ и утомленъ:—плохая форма,
И не печалюсь я, что сотворившій
Меня литейщикъ разобьетъ теперь
Свое созданье. Если я былъ сброшенъ
Своимъ твореньемъ въ пропасть, не жалѣю
Объ этомъ я: мой колоколъ былъ плохъ,
Онъ не годился для того, чтобъ эхо
На горныхъ высяхъ гулко пробуждать.

Магда.

Я не могу понять тебя. Помилуй,
Вѣдь колоколъ прекрасно былъ отлитъ,
Ни пузырька въ металлѣ. Звукъ чудесный!
Когда, повѣшенный межъ двухъ деревь,
Здѣсь на дворѣ онъ зазвонилъ впервые,—
Всѣ говорили въ голосъ: «Это хоръ
Небесныхъ серафимовъ. Просто чудо—
Не колоколъ—отлилъ нашъ мастеръ».

Генрихъ (съ лихорадочною тревогой).

Да,
Онъ хорошо звучалъ у насъ въ долини,—
На высотѣ, въ горахъ, не могъ звучать.

Магда.

Неправда. Слышала сама я, пасторъ
Промолвилъ кистеру: «Какъ будетъ онъ
Звучать въ горахъ».

Генрихъ.

Нѣтъ, онъ звучалъ въ долини,
А на горахъ не могъ. Про это я
Одинъ лишь знаю. Пасторъ знать не можетъ...
Да, я умру и умереть хочу.
Вотъ видишь ли: чтò будетъ въ этомъ толку,
Коль выздоровлю я,—какъ говорятъ,—
Немножко починившись. Ну, куда же
Я буду годенъ: развѣ въ богадѣльню?
Доселѣ жизни крѣпкое вино
Привыкъ я пить: ужели пить я стану
Какой-то жидкій, кисленькій напитокъ?
Пусть пьетъ его, кто хочетъ: для меня
Противно это. Подожди, дай кончить,
Чтò я хочу сказать тебѣ... Пускай
Найдется врачъ, который могъ бы снова
Возстановить мнѣ силы, снова сдѣлать
Меня способнымъ къ прежнему труду,
Все-жъ и тогда погибъ я, Магда...

Магда.

Боже,
Чтò сдѣлалось съ тобой! Отъ неба ты

Талантомъ награжденъ. Въ своемъ искусствѣ
Ты—первый мастеръ, любить всѣ тебѣ
И чтутъ. Трудясь неутомимо, отлилъ
Ты сто колоколовъ. Тебѣ хвалу
Они поютъ съ высокихъ колоколенъ
И, будто кубки—свѣтлое вино,
Надъ селами и нивами, въ часъ утра,
Льютъ звуки чудные. Ты людямъ далъ
Святое счастье: слышать Божій голосъ
Они въ твоихъ созданьяхъ. На землѣ,
Гдѣ столько мукъ и бѣдности, живешь ты
Въ довольствѣ радостномъ. Когда тебѣ
Постыла жизнь, то для чего же буду
Я жизнью дорожить, что въ ней найду?

ГЕНРИХЪ.

Пойми меня, какъ слѣдуетъ. Глубоко
И ясно прозвучала рѣчь твоя,
Какъ ни одинъ изъ тѣхъ колоколовъ,
Что мной отлиты. Отъ души тебя
Благодарю. Но, Магда, все-жъ должна ты
Понять меня. Я повторяю: мнѣ
Не удалось послѣднее созданье
Искусства моего. Я грустно шелъ
За лошадьми, когда онѣ тащили,
Подъ хлопанье бичей, на высоту
Мой колоколъ. И вотъ съ обрыва въ пропасть
Скатился онъ и въ озеро упалъ,
И тамъ лежитъ на глубинѣ, быть-можетъ,
Ста сажень. Въ безднѣ молчаливой водѣ,
Какъ будто въ темной и нѣмой могилѣ,
Похороненъ мой лучший трудъ, а я
Еще живу, во мнѣ остатокъ тлѣетъ
Послѣднихъ силъ... Но я умру, умру...
Ни колоколъ ни жизнь ко мнѣ не могутъ
Опять вернуться, какъ бы я ни жаждалъ
Услышать снова потонувшій звонъ...
О, горе мнѣ! Все, чѣмъ я жилъ такъ страстно,—
Все оказалось тьмою и безумьемъ,
Обманомъ, зломъ, отравой. Не могу
Я жить, какъ прежде. Жизнь долины мирной
Меня не обольщаетъ, какъ бывало.
Когда стоялъ я тамъ вверху,—душа

Еще стремилась выше и желала
Витать въ пространствѣ свѣтлыхъ облаковъ
И создавать великія творенья
При помощи небесныхъ, горнихъ силъ.
Но обезсилѣлъ я, и если-бъ снова
Я устремился вверхъ, то упаду я,
Да, упаду... Нѣтъ, лучше умереть.
Чтобъ жизнью жить, я долженъ возродиться
И вновь созрѣть, какъ зрѣетъ плодъ вторичный
Въ волшебной черной чашечкѣ цвѣтка;
Я долженъ вновь въ душѣ почуять силу,
И мощь въ рукахъ, и къ творчеству порывъ,
Неодолимый и безумный.

Магда.

Генрихъ,

Мой милый Генрихъ, если-бъ знала я,
Гдѣ тотъ источникъ, что даетъ намъ юность,—
Я отыскала-бъ съ радостью его,
Хотя-бъ пришлось мнѣ въ кровь изранить ноги.
И даже если-бъ надо умереть,
Я умерла бы съ радостью, чтобъ только
Достать тебѣ его воды живой
И юность возвратить.

Генрихъ (съ мукой, въ полубреду).

О, дорогая...

Нѣтъ, не хочу я, не хочу... Тамъ кровь,
Тамъ только кровь... Ступай, я умоляю...
Оставь меня... и дай мнѣ умереть...

(Теряетъ сознание).

Пасторъ (входитъ). Ну, какъ онъ, фрау Магда?

Магда. Ахъ, очень плохъ. Онъ мучится какою-то душевною мукой. Непонятная болѣзнь томитъ его. Не знаю, чего я должна бояться и на что надѣяться. (Послѣдно набрасываетъ на себя платокъ). Вы говорили о какой-то женщинѣ, которая исцѣляетъ?

Пасторъ. Да, да, вотъ за этимъ-то я и вернулся. Она живетъ... не дальше мили отсюда. Зовутъ ее... какъ, бишь, ее зовутъ... Тамъ вотъ, у опушки лѣса живетъ она. Ея имя...

Магда. Виттиха?

Пасторъ. Что вы, что вы, фрау Магда! Виттиха злая

баба, исчадьё сатаны. Она должна умереть. Противъ этой вѣдьмы ужъ возмущенъ народъ. Собираются къ ней съ камнями и дубинами. Хотятъ разорить ея проклятое гнѣздо. Вѣдь по ся-то кознямъ и приключилось все. Нѣтъ, ту, о комъ я говорилъ вамъ, зовутъ фрау Финдеклее. Она честная, благочестивая женщина, вдова пастуха. Покойный мужъ передалъ ей тайну дудодѣйственнаго лѣкарства. Такъ толкуютъ въ народѣ. Хотите вы пойти къ ней?

Магда. Да, да, господинъ пасторъ.

Пасторъ. Сейчасъ?

(Входитъ Раутенделейнъ, переодѣтая въ служанку. У ней корзина съ ягодами).

Магда. Чтѣ тебѣ, мое дитя? Кто ты такая?

Пасторъ. Это Анна, дочка Миханла. Не спрашивайте ее: она, къ несчастью, нѣмая. Но доброе созданье. Она принесла вамъ ягоды.

Магда. Поди сюда, дитя мое. Чтѣ я хотѣла сказать? Да, вотъ: смотри, мой мужъ боленъ. Если онъ проснется, будь подъ рукой. Понимаешь? Фрау Финдеклее—вѣдь такъ зовутъ эту женщину?—живетъ далеко, я не могу уйти надолго. Я отлучусь на одну минутку. Сосѣдка побудетъ здѣсь, сдѣлаетъ мнѣ одолженіе. Я сейчасъ вернусь. Господи, Боже мой, какъ мнѣ тяжело! (Уходитъ).

Пасторъ. Побудь здѣсь, милочка. Присяжь. Будь умницей, старайся услужить, пока ты здѣсь нужна. Ты сдѣлаешь доброе дѣло. Богъ наградитъ тебя. Ты очень перемѣнилась, милая дѣвочка, съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ тебя. Держи себя скромно, оставайся хорошей дѣвушкой. Богъ одарилъ тебя великой красотой. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ погляжу я на тебя, ты какъ будто не то, чтѣ прежде. Ты похожа на сказочную принцессу. Кто бы могъ подумать? Да, да. Такъ смочи ему лобъ. Понимаешь? Онъ весь въ жару. (Генриху) Да пошлетъ тебѣ Господь исцѣленіе. (Уходитъ).

(Раутенделейнъ, до тѣхъ поръ робкая и смиренная, вдругъ измѣняется и начинаетъ хлопотать около очага).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Искра вслѣдъ за искрой яркой
Разлетайтесь кругомъ,
Разгорайся, пламень жаркій,
Въ очагѣ подъ котелкомъ!

(Огонь въ очагѣ разгорается).

Будто легкій вѣтерокъ,
Я раздую огонекъ,
Пусть кипитъ цѣлебный сокъ...

(Приподнимаетъ крышку котла).

Майскихъ травъ, душистыхъ травъ,
Брошу въ воду, прошептавъ
Тайну словъ, волшебныхъ словъ.
Будетъ силенъ и здоровъ,
Кто отвѣдаетъ мое,
Жизнь дающее питье!

Ну, а покуда я почищу свеклу
Да принесу воды: пуста кадушка.
Итъ, надобно сперва открыть окно.

(Открываетъ окно).

Погода нонче славная, а завтра,
Навѣрно, будетъ вѣтрено: легла,
Какъ рыба, протянувшись, надъ горами
Большая гуча. Ночь придетъ,—она
Грозою разразится. Духи бури
Запрыгають черезъ сосновый лѣсъ
Въ долину тихую... Чу! здѣсь кукушка
Кукуетъ. Ласточки звенятъ, крыломъ
Мелькая въ яркомъ солнечномъ сіяньи.

(Генрихъ открываетъ глаза, и пристально смотритъ на Раутенделейнъ).

Сперва почищу свеклу, а потомъ
И за водой схожу. Пошла въ служанки,
Такъ не сиди безъ дѣла... Огонекъ,
Смотри же, не потухни...

ГЕНРИХЪ (съ изумленіемъ).

Кто ты? кто ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (быстро и смѣло).

Я—Раутенделейнъ.

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ?

Впервые слышу это имя. Гдѣ-то
Тебя я видѣлъ. Но не помню, гдѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ

Тамъ—на горахъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, правда. Въ лихорадѣхъ
Тогда лежалъ я, ты приснилась мнѣ.
Да и теперь во снѣ тебя я вижу.
Вѣдь часто страшные намъ снятся сны,
Не такъ ли? Вотъ мой домъ. Я на постели
Лежу и умираю. Вотъ окно,
За нимъ летаютъ ласточки. Изъ сада
Пѣснь соловья звучитъ. Сирень, жасминъ
Благоухаютъ. Я все слышу, вижу,
Все чувствую я. Питку одѣла
Мельчайшую и каждый узелокъ
Я примѣчаю. Да, и все же это
Лишь сонъ, не больше.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Почему же сонъ?

ГЕНРИХЪ.

Да потому, что это все мнѣ снится.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты въ этомъ такъ увѣренъ?

ГЕНРИХЪ.

Да. Нѣтъ. Да.

Что говорю я? Все равно: увѣренъ
Иль не увѣренъ я—пусть будетъ такъ.
Во снѣ ли, наяву ли, предъ собою
Тебя живую вижу я теперь...
О, милое дитя, пусть ты созданье
Моей фантазіи: тебя любить
Не меньше буду я. Со мной останься.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да, я останусь.

ГЕНРИХЪ.

И все это сонъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Смотри сюда: вотъ подняла я ногу.
Ты видишь красный каблукъ? А вотъ

Орѣхъ. И я беру его рукою
И подъ каблукъ его: онъ раскололся.
Что-жь, это сонъ?

Генрихъ.

То знаетъ только Богъ.

Раутенделейнъ.

Ну, посмотри еще. Вотъ подошла я,
Сажусь я на постелю близъ тебя
И весело грызу ядро орѣха.
Ты видишь ясно?

Генрихъ.

Кто же ты, скажи мнѣ?

Откуда ты, и кто тебя прислалъ?
Чего ты хочешь отъ меня, когда я,
Разбитый и страдающій, лежу
И смерти жду съ минуты на минуту?

Раутенделейнъ.

Ты правишься мнѣ. А откуда я—
Вотъ этого сказать я не умѣю,
Не знаю и того, что впереди
Со мною будетъ. Бабушка на кочкѣ
Во мху меня нашла, и молокомъ
Я лани вскормлена. Въ лѣсу, въ болотѣ
И на горахъ я дома. Въ часъ, когда
Крутить и свищетъ вѣтеръ и мяучить,
Какъ кошка дикая, охотно я
Кружусь, кричу и такъ смѣюсь, что эхо
Далеко раздастся, и со мной
Смѣются эльфы, Лѣшій, Водяной.
Я зла, царапаюсь, кусаюсь больно,
Когда меня разсердятъ. Берегись
Тотъ, кто меня раздражитъ. Я капризна:
То зла я, то добра, то такъ, то этакъ,—
Какъ вздумается, словомъ. Хочешь, я
Останусь здѣсь. А лучше бы со мною
Ушелъ ты въ горы. Ты увидишь, буду
Служить тебѣ и угождать во всемъ.
Умѣю я угадывать, гдѣ скрыты
Въ подземныхъ кояхъ яхонтъ и алмазъ,

Топазы, изумруды, аметисты.
Пускай упряма я, пускай лѣнива,
Коварна, непослушна—я исполню
Все, что прикажешь ты. Тебѣ въ глаза
Смотрѣть я буду и твои желанья
Предупреждать. Пусть бабушка моя..

Генрихъ.

Прелестное дитя, но объясни мнѣ,
Кто бабушка твоя?

Раутенделейнъ.

Какъ! Ты не знаешь,
Кто бабушка моя?

Генрихъ.

Я человекъ

И слѣпъ я.

Раутенделейнъ.

Ну, такъ скоро будешь зрячимъ.
Кому глаза я поцѣлую, тотъ
Откроетъ ихъ—и даль небесъ увидитъ.

Генрихъ.

Попробуй, сдѣлай это мнѣ.

Раутенделейнъ (цѣлуетъ ему глаза).

Глаза,

Откройтесь!

Генрихъ.

Дивная моя малютка!
Ты послана мнѣ въ грустный смерти часъ,
Ты вѣтъ цвѣтущая, десницей Божьей
Отломленная для меня въ рай.
О, свѣжій отпрыскъ, если бы такимъ же
Я былъ теперь, какъ въ давніе года,—
Прижалъ бы я тебя къ груди съ восторгомъ.
Да, я былъ слѣпъ. Теперь я вижу свѣтъ.
Чѣмъ больше я тобою упиваюсь,
Тѣмъ больше постигаю я твой міръ,
Загадочное, чудное созданье.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Такъ что-жъ, смотри, любуйся на меня.

ГЕНРИХЪ.

Какъ дивны эти кудри золотыя!
Какая роскошь! Свѣтлый призракъ грезъ,
Съ тобой и лодка мрачная Харона
Преобразится въ царскую галеру,
Что, распустивши пурпуръ парусовъ,
Плыветъ къ востоку, гдѣ выходитъ солнце!
Ты чувствуешь ли: тихій вѣтерокъ
Дыханіемъ чуть-слышнымъ гонять пѣну
На волнахъ моря, голубого моря,
И брызгами алмазными порой
Насъ обдастъ. А мы въ нарядѣ свѣтломъ,
Изъ золота и шелка, вдаль плывемъ
По глади водъ. Ты узнаешь за далью
Зеленый островъ, надъ лазурью волнъ
Склонившіяся вѣтви изумрудной
Листвы березъ, ты слышишь голоса
Пѣвцовъ весны, что радостнымъ привѣтомъ
Встрѣчаютъ насъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да, слышу...

ГЕНРИХЪ:

Хорошо.

Идемъ съ тобою. Я готовъ. Когда я
Проснусь, то кто-то скажетъ мнѣ: пора,
Иди. Потомъ огонь потухнетъ. Холодъ
И тьма могильная повѣстъ въ домъ;
И я умру прозрѣвшій, какъ слѣпой...
Но все-жъ тебя я видѣть и...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вздремни,

Усни!

Проснешься—будешь мой.

(Хлопочетъ около очага, приговаривая)

Тайной силъ исцѣленья

Покорись, освободись

Отъ недуга, отъ мученья
И душою обновись!

(Дѣлаетъ движенія, обращаясь къ Генриху)

Разъ, два, три!

Живи

Для живого счастья и любви!

Генрихъ.

Что сдѣлалось со мною? Пробудился
Я ото сна? Какое солнце льется
Ко мнѣ въ окно и золотитъ меня?
О, воздухъ утра! Если эта сила,
Что чувствую я въ тѣлѣ, этотъ пылъ
Моей души—ниспосланы отъ неба
И проявленье воли Божества,
Тогда я вновь возстать готовъ для жизни
И снова въ путь идти готовъ, желать,
Надѣяться, стремиться и опять
Творить, творить!

(Фрау Магда входитъ).

А, Магда...

Магда.

Ты проснулся?

Генрихъ.

Да, я проснулся.

Магда.

Лучше ли тебѣ?

Генрихъ.

Мнѣ хорошо. Ахъ, хорошо мнѣ. Буду
Я жить—я чувствую.

Магда (виѣ себя, бросается къ нему
и обнимаетъ его).

Ты будешь жить!

О, Генрихъ! Милый, дорогой мой Генрихъ!

(Раугендекейнъ стоитъ въ сторонѣ и смотритъ на нихъ горящими
глазами).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Заброшенная лачуга въ горахъ, вблизи ледниковъ. Направо изъ скалы, замѣняющей стѣну, бѣжитъ вода сквозъ глиняный желобъ въ естественный каменный бассейнъ. Налѣво, у другой стѣны, кузнечный очагъ съ трубой и мѣхами. Въ глубинѣ сцены въ открытый пролетъ виденъ горный пейзажъ: вершины горъ, дремучій лѣсъ, обрывъ.

Лѣшій, сначала вни лачугу, собираетъ хворостъ, потомъ входитъ и робко озирается. Водяной показывается изъ бассейна.

Водяной.

Брекекекексъ! Ну, что ушами хлопать,
Входи, входи.

Лѣшій.

Здорово, старина.

Водяной.

Вишь, задави ихъ сатана,
Какой дымище и какую копотъ
Повсюду въ домѣ развели.

Лѣшій.

А что, хозяйева ушли?

Водяной.

Само собой, не то бы изъ колодца
Не выглянулъ я.

Лѣшій.

Встрѣтился мнѣ гномъ
Сейчасъ у скалъ.

Водяной.

Охъ, этого народа
Я не терплю.

Лѣшій.

Съ киркой и топоромъ.

Водяной.

Что-жъ онъ сказалъ?

Лѣшій.

Сказалъ онъ, что кручина
Тебя изводитъ: квакаешь все.

Водяной.

Ну?

Лѣшій.

Вишь, надоѣлъ ему.

Водяной.

Ахъ, дурачина!

А я возьму вотъ, голову сверну
Ему... и кой-кому другому.

Лѣшій.

Да, съ тѣмъ покончить надо бы расчесть!

Проклятый человѣчій родъ:

Что отъ него стуку да грому.

Въ горы забрался къ намъ

Да и пошелъ хозяйничать тамъ.

Долбить киркою ребры скалъ:

Добываетъ мѣдь и всякій металлъ.

Куетъ да плавить,

Всѣмъ командуетъ—править.

Словно коней проворныхъ,

Водяныхъ духовъ и горныхъ

Запрягаетъ въ телѣгу

Да бичомъ поддаетъ имъ бѣгу.

Самую красивую фею

Забралъ и живетъ себѣ съ нею,

Она ему золото и янтарь воруетъ,

Отрываетъ дорогіе каменья,

Его цѣлуетъ-милуетъ,

А намъ ничего, кромѣ презрѣнья.

Рушить онъ все, ни надъ чѣмъ не сжаится,

Рубить старыя деревья—цѣлый лѣсъ валится...

По ущельямъ разбиваетъ камень.

Отъ его кузницы красный пламень

Долетаетъ въ лѣсъ, до моего угла.

Да, натворилъ онъ намъ тутъ дѣла!

Водяной.

Охъ, кабы онъ въ мои руки попался—

Давно бы трупомъ на днѣ озера валялся,

Тамъ, гдѣ лежитъ его колоколь-звѣрь.

Лѣшій.

Я тоже такъ думаю, повѣрь.

Водяной.

Да ему-то отъ нашихъ думъ горя мало:
Устроился здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало,
Молотомъ бьетъ съ утра до полночи,
Слушать стукъ этотъ просто нѣтъ мочи.

(Плаксиво)

Дѣлаетъ феѣ кольца и сережки,
Плечики ей цѣлуетъ да ручки и ножки...

Лѣшій.

Охъ, клянусь моею козлиной рожей!
Съ этою дѣвчонкою пригожей
Надобѣлъ ты: долбишь, точно дятелъ,
Все о ней. Старикъ, ты съ ума спятилъ:
Вѣдь она и знать тебя не хочетъ,
Надъ тобой глумится и хохочетъ.
Право, ты съ своей любовью жалокъ.
Развѣ мало въ озерѣ русалокъ:
Взялъ любую, веселился съ нею;
Вотъ тогда и позабудешь фею
И не охать станешь, а смѣяться,
Если даже будетъ цѣловаться
При тебѣ она съ своимъ желаннымъ.

Водяной.

Нѣтъ, я съ нимъ расправляюсь, окаиннымъ:
Я убью его.

Лѣшій.

Положимъ...

Водяной.

Глотку

Прокушу ему.

Лѣшій.

А все-жъ красотку
Этимъ не добудешь. Баба не позволить:
Вѣдь старуха явно имъ мирволить.

Злобою напрасно ты себя тревожишь,
Тутъ терпѣньемъ только и поможешь.
Знаешь ты людишекъ: любить и ласкаетъ,
А потомъ, глядишь, и заскучаетъ.

РАУТЕНДЕЙЛЕНЪ (за сценой, поетъ).

Жукъ усѣлся на кусточкѣ,
Зумъ-зумъ!
Въ черно-бѣленькой сорочкѣ,
Зумъ-зумъ!

(Входитъ).

А, добрый вечеръ, гости дорогие!
Что, Водяной,—ты золото намылъ?
А ты, пріятель козлоногий, хворостъ
Мнѣ патаскалъ? Смотрите, у меня
Диковинки какія! Я прилежно
Вездѣ ихъ собираю. Вотъ алмазъ,
Мѣшечекъ съ золотымъ пескомъ и горный
Сверкающій хрусталь... Медовый сотъ...
Охъ, нынче жаркій день, прежаркій.

Водяной.

Ночи

Такія-жъ жаркія теперь пойдутъ
За днями жаркими.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Быть-можетъ. Ты
Студеную вѣдь только любишь воду,
Такъ окупись въ нее и освѣжись.

(Лѣшій хохочетъ. Водяной безшумно погружается въ бассейнъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Видишь, пристаешь, покуда не осадитъ.

Лѣшій (все еще смѣясь).

Ахъ, чтобы васъ!..

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Подвязка у меня
Спустилась на колѣно, рѣжетъ ногу.

Лѣшій.

Дай я поправлю.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Убирайся прочь!..

Послушай, Лѣшенька, ты надоѣлъ мнѣ.
Нехорошо ты пахнешь и съ собой
Приводишь мухъ: гляди, вокругъ тебя
Онѣ летаютъ роемъ.

Лѣшій.

Ну такъ что же?

Онѣ пріятнѣй бабочекъ цвѣтныхъ,
Что за тобой порхаютъ и трепещутъ,
Увизнувъ въ волосахъ твоихъ, а ночью
По груди ползаютъ и по плечамъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (смѣется).

Ну,

Смотри, смотри, ты у меня не очень.

Лѣшій.

Послушай, подари мнѣ колесо
Вотъ это. Гдѣ его взяла ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Знаешь

Ты это лучше вѣдь, чѣмъ я.

Лѣшій.

Хе-хе!

Когда бы я не изломалъ повозки
Подъ колоколомъ, какъ своихъ ушей
Тебѣ-бъ соколика не видѣть. Такъ-то.
Ну, будь же благодарна, подари
Мнѣ эту штучку. Смоляной веревкой
Я обмотаю колесо, зажгу
Да и пущу высоко съ самой кручи.
Вотъ будетъ-то потѣха!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Въ деревняхъ

Пожаръ ты сдѣлалъ.

Лѣшій.

Да, разгорится
Превесело огонь багровый!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ

Нѣтъ,
Не будетъ этого. Уйди-ка лучше.

Лѣшій.

Зачѣмъ такъ скоро? Али надоѣлъ?
Скажи-ка, что подѣлываетъ мастеръ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Онъ надъ созданьемъ трудится своимъ.

Лѣшій.

Работа днемъ, а ночью поцѣлун.
Эхъ, знаемъ мы, какъ льютъ колокола!
Гора къ долинь тянетъ, а долина
Ползетъ къ горѣ, и создается вдругъ
Ни то ни се: какой-то полубогъ
И полувѣрь. Землѣ на прославление,
Въ насмѣшку небу. Феячка, пойдемъ
Ко мнѣ въ орѣшникъ. Право, я не хуже,
Чѣмъ мастеръ. Что за толкъ особый въ немъ?
Вѣдь не родишь же отъ него ты чудо.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ахъ, ты, животное; ахъ, озорникъ!
Ты у меня ослѣпишь, если будешь
Того, кто мною избранъ, поносить.
Онъ борется, стремится васъ избавить
Онъ отъ проклятья: вотъ зачѣмъ стучитъ
Во тѣмъ его могучій молотъ. Всѣ вы
И все, что въ этомъ мѣрѣ существуетъ,
Обречено проклятію. О томъ
Не знаете вы сами. Прочь отсюда!
Ты здѣсь безсиленъ. Здѣсь теперь царитъ
Духъ мастера.

Лѣшій.

А мнѣ какое дѣло.

Ну, поклонись супругу. Какъ-нибудь
Навѣдаюсь къ нему я въ мастерскую.

(Уходитъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю, что со мной. Мнѣ тяжело.
Пойду въ ближайшій ледникъ, въ гротъ прохладный,
Тамъ синяя, студеноя вода
Поосвѣжитъ меня. Сегодня въ полдень
Я наступила на змѣю, что тамъ,
На сѣрыхъ скалахъ, грѣлася подъ солнцемъ,
Она чуть не ужалила меня.
Ахъ, душно мнѣ... Шаги? Эй, кто тамъ, кто тамъ?

(У входа появляется пасторъ, одѣтый въ костюмъ
для ходьбы въ горахъ).

ПАСТОРЪ.

Должно-быть, тутъ... Охъ, было не легко
Взобраться мнѣ, но я на твердой почвѣ
Теперь стою. Во имя Божье я
Пошелъ на это дѣло и сторицей
Вознагражденъ я буду, если мнѣ
Спассти заблудшую овцу удастся,
Какъ подобаетъ пастырю. Впередъ,
Бодрые!

(Входить въ зачугу).

Есть здѣсь кто-нибудь, откликнись?

(Замѣчаетъ Раутенделейнъ).

А, это ты! Я такъ и думалъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (блѣдная, озлобленная).

Что

Тебѣ здѣсь нужно?

ПАСТОРЪ.

Вотъ сейчасъ узнаешь,
Богъ мнѣ свидѣтель, ты узнаешь. Дай
Мнѣ потъ съ лица стереть да отдышаться,
Покуда же скажи-ка мнѣ,
Ты здѣсь одна?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Тебѣ какое дѣло?

ПАСТОРЪ.

А погляди-ка на меня! Такъ, такъ.
Недурно. Ну, теперь ты показала

Мнѣ настоящее свое лицо.
Тѣмъ лучше. Къ дѣлу приступлю я прямо.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Смотри, поберегись!

ПАСТОРЪ.

Мнѣ ничего
Не можешь сдѣлать ты. Я твердъ душою
И сердцемъ чистъ. Я не боюсь тебя.
Тотъ, Кто мнѣ далъ и мужество и крѣпость,
Чтобъ я отважился придти въ вашъ адъ,
Тотъ мнѣ поможетъ,—чувствую я это.
Чертовка, повредить не думай мнѣ,
Не трать напрасно чаръ своихъ волшебныхъ...
Вѣдь онъ тобою завлеченъ сюда?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто завлеченъ?

ПАСТОРЪ.

Какъ кто! Да мастеръ Генрихъ!
Ты чарами волшебными его
И сладкимъ зельемъ ада обольстила,
Пока не сталъ онъ бѣгать за тобой,
Какъ собачонка. Человѣкъ почтенный,
Отецъ семейства, образецъ для всѣхъ,
До глубины души благочестивый—
И что-жъ! какая-то дѣвчонка съ горъ
Къ намъ приближала и его хватаетъ,
Какъ малаго ребенка, въ фартукъ свой
И тащитъ за собой, куда захочетъ,
Къ соблазну добрыхъ христіанъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Пускай

Разбойница я, у тебя не крада
Я ничего.

ПАСТОРЪ.

Не крада у меня!
Ахъ, наглое творенье! Отняла ты
Не только у меня, но у жены

И у дѣтей его. Ты человѣка
Похитила у насъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (прислушивается и, вдругъ
преобразившись, восклицаетъ съ торжествомъ).

Онъ, онъ идетъ!

Ты слышишь шагъ увѣренный и смѣлый?
Ужель укоровъ жалкія слова
Ты не замѣнишь радостнымъ восторгомъ?
Ужели ты не чувствуешь огонь
Его божественныхъ очей, и сердце
Онъ не проникъ тебѣ? Цвѣты—и тѣ
Склоняются у ногъ его съ весельемъ.
Король идетъ, короли! И, нищій, ты
Не радуешься, не ликуешь? Мастеръ,
Привѣтъ тебѣ!

(Вбѣжить навстрѣчу входящему Генриху и бросается ему на шею.
Генрихъ, въ живописномъ рабочемъ костюмѣ, съ молоткомъ, рука
объ руку съ Раутенделейномъ, приближается къ пастору).

Генрихъ.

Почтенный пасторъ! Вы?
Добро пожаловать.

Пасторъ.

Да будетъ, Генрихъ,
Благословеніе Господа съ тобой.
Возможно-ль это: онъ передо мною
Стоитъ здоровый, стройный, точно букъ,
А между тѣмъ лежалъ еще недавно
Измученный болѣзною на одрѣ,
Безъ силъ, разбитый, блѣдный, ожидая
Своей смертной части. Сдается, право, мнѣ,
Что милосердіе небесъ надъ вами
Свершилось явно. Вы, какъ царь Давидъ,
Возставши отъ недуга, восплясали
И заиграли Господу хвалу.

Генрихъ.

Да, это такъ и было.

Пасторъ.

Совершилось

Надъ вами чудо.

Генрихъ.

Вѣрно. Всей душой

Я это чувствую.

(Къ Раутенделейну)

Дитя мое,

Поди и принеси вина для гости
Почтеннаго.

Пасторъ.

Спасибо. Не теперь...

Генрихъ.

Поди и принеси вина. Но, впрочемъ,
Какъ вамъ угодно. Ну, прошу присѣсть.
Съ тѣхъ поръ, какъ отъ позорнаго недуга
Я излѣчился, съ вами въ первый разъ
Мы видимся. Я потерялъ надежду
Привѣтствовать васъ перваго теперь,
Когда на новый путь я смѣло вышелъ.
Но, вижу я, вы сильною рукой
Тяжелыя оковы долга рвете
И, вѣѣ условнаго служенья людямъ,
Вы Бога ищете.

Пасторъ.

Ну, слава небу!

Я чувствую, что вы не измѣнились,
Все тотъ же вы. У насъ, въ долинѣ, вдругъ,
Что стали вы не тѣмъ, чѣмъ были.

Генрихъ.

Да, тотъ же я и, вѣѣ съ тѣмъ, другой.
Я окна настѣжь растворилъ—пусть льется
Сіянье Божьей благодати въ нихъ.

Пасторъ.

Хорошая пословица.

Генрихъ.

Я лучшей

Не знаю.

Пасторъ.

Есть и лучшія. Но все-жъ
И эта хороша.

Генрихъ.

Когда бы только
Вы руку протянули мнѣ,—клянусь
Предъ вами головою лошадиной,
И пѣтухомъ, и лебедемъ!—готовъ
Я отъ души принять васъ и, какъ-другу,
Открыть вамъ эту душу, гдѣ царитъ
Теперь весна.

Пасторъ.

Откройте смѣло, мастеръ.
Вы это часто дѣлывали прежде
И знаете достаточно меня.

Генрихъ.

Да, я васъ знаю. Но пускай бы даже
Я въ васъ ошибся и подъ маской друга
Не разглядѣлъ я пошлости черты,
Все-жъ и тогда не могутъ затеряться
Всѣ золотыя искры, что блестятъ
И въ самыхъ темныхъ и постыдныхъ душахъ.

Пасторъ.

Скажите, мастеръ, почему такъ странно,
Такъ дико вы блантуетесь?

Генрихъ.

Пѣтухомъ

И лебедемъ?

Пасторъ.

И конской головою?

Генрихъ.

Не знаю самъ, какъ мнѣ на умъ взбрела
Такая клятва. Кажется, на это
Меня навелъ на вашей церкви флюгеръ,
Что въ видѣ пѣтуха блеститъ на солнцѣ:

Изображенье конской головы
Я у сосѣда Каргеса замѣтилъ
На крышѣ дома; ну, а лебедь тамъ
Въ небесной синевѣ передо мною
Мелькалъ не разъ. Но, впрочемъ, это—вздорь...
Вотъ и вино. Отъ искренняго сердца
Я пью здоровье вашей и моей
Подруги дорогой!

Пасторъ.

Благодарю васъ.
На это я могу однимъ отвѣтить:
За здравіе того, кто исцѣлился!

ГЕНРИХЪ (рассаживая вездѣ и впередь).

Я исцѣлился, обновился. Да,
Я это нижу по всему. Волненіемъ
Глубокимъ, сладостнымъ моя душа
Исполнена. Я чувствую порывы
Могучей свѣжести, какъ будто я
Дыханіемъ весны обвѣянъ. Сила
Желѣзная въ моей рукѣ: ее
То разжимаю я, то вновь сжимаю,
Какъ ястребъ когти. Я исполненъ весь
Желаніемъ творчества. Вонъ тамъ, глядите,
Въ моемъ саду стоитъ моя святыня.

Пасторъ.

Святыня? Я не понимаю васъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, да, моя святыня. Это чудо.
Всмотритесь.

Пасторъ.

Я не вижу ничего.

ГЕНРИХЪ.

Я говорю о деревѣ вотъ этомъ,
Что, будто облако въ вечерній часъ,
Раскинулось по синевѣ небесной.
Вы знаете-ль, богъ свѣта нисходилъ

Подъ сѣнь его. Волшебный, чудный шопоть
Въ его зеленыхъ слышится вѣтвяхъ,
Гдѣ стан пчель съ цвѣтовъ благоуханныхъ
Сбирають медъ. Я на него похожъ—
На это дерево. Богъ свѣта также
Мнѣ въ душу снизошелъ, и зацвѣла
Она благоуханными цвѣтами
Затѣмъ, чтобъ пчелы съ нихъ собрали медъ.

Пасторъ.

Вы говорите хорошо. Я васъ
Съ охотой слушаю. Хвалы достойны
И вы и ваше дерево. Но плодъ
На немъ созрѣетъ ли по волѣ Божьей?

Генрихъ.

О, да. Вы правы, мой почтенный другъ,
Все въ Божьей волѣ. Богъ меня нязринулъ
Съ утеса въ бездну, и опять вознестъ,
И возвратилъ мнѣ силу. Все отъ Бога—
И цвѣтъ и плодъ. Все отъ него. Молите,
Чтобъ лѣто Онъ мое благословилъ.
То, что во мнѣ цвѣтетъ и созрѣваетъ,
Достойно завершенья, вѣрите мнѣ.
Задумалъ я великое творенье,
Какого я не создавалъ донинѣ!
Подборъ колоколовъ задумалъ я
Изъ благороднаго металла. Сами
Они звонить и дwigаться должны.
Когда рѣкой, какъ раковиной, ухо
Я ограждаю,—ихъ чудесный звонъ
Немолчно раздается. Стоить только
Закрѣть глаза мнѣ,—вижу предъ собой
Я чудныя ихъ формы, вижу ясно
Въ моей фантазїи. Почтенный другъ,
Подумайте: что прежде я искалъ
Съ такимъ трудомъ, съ такою горькой мукой,—
Теперь досталось, какъ подарокъ, мнѣ!
Вы звали мастеромъ меня, считали
Меня счастливымъ избраннымъ. Ну, вотъ,
Я этого добился: да, я мастеръ
И счастливъ я!

Пасторъ.

Да, это хорошо,
Когда васъ мастерами зовутъ. Однако
Отъ васъ самихъ такія рѣчи слышать
Немного странно. Для какой же церкви
Свое творенье создасте вы?

Генрихъ.

Ни для какой!

Пасторъ.

Но кто-жъ заказъ вамъ сдѣлалъ?

Генрихъ.

Тотъ, кто вотъ этой повелѣлъ соснѣ
На край утеса стать и красоваться!
Ту церковку, что вы на высотѣ
Построили, пожаръ совсѣмъ разрушилъ,
И я задумать новый храмъ на новомъ
Фундаментѣ поднять, тамъ, на вершинѣ,
Подъ самымъ небосводомъ!

Пасторъ.

Мастеръ, мастеръ,

Вы увлекаетесь. Но не хочу
Я съ вами спорить. Кажется, другъ друга
Не такъ мы понимаемъ. Я скажу
Вамъ коротко: въ мечтахъ вы создаете
Прекрасное творенье...

Генрихъ.

Да, оно

Прекрасно.

Пасторъ.

Тотъ подборъ колоколовъ...

Генрихъ.

Подборъ, нѣ—какъ хотите, такъ его
И называйте.

Пасторъ.

Вѣдь сейчасъ вы сами
Его такъ называли.

ГЕНРИХЪ.

Да, назвалъ

Я такъ то диво, что создать я долженъ.

ПАСТОРЪ.

Прекрасно. Но скажите же мнѣ, кто
Заплатитъ вамъ за трудъ?

ГЕНРИХЪ.

Кто мнѣ заплатитъ?

О, пасторъ, пасторъ! Иль хотите вы,
Чтобъ счастье осчастливили? Награду
Вознаградили?.. Да, зовите такъ
Мое твореніе, какъ самъ назвалъ я:
Подборъ колоколовъ. Повѣрьте мнѣ,
То будетъ дивный колоколъ, какого
Досель еще не отливалъ никто.
Онъ обладаетъ мощной силой звона,
Гудящаго, какъ громъ небесъ весной,
Когда онъ яростно гремитъ, и нивы
И села потрясая. Будто гулъ
Трубы архангела, заставитъ смолкнуть
Онъ всѣхъ церковей колокола, и вѣсть
Онъ принесетъ ликующую міру
О новой, свѣтлой жизни на землѣ!
О, солнце, нашъ небесный прародитель!
Тобою вскормлены равно и мы
И дѣти наши. Пусть они въ грядущемъ
Восторженные ликованья шлють
Въ обитель чистую небесъ. Какъ въ этой
Разрушенной, зазеленѣвшей нивѣ,
Что стелется далеко предо мной,
Такъ и во мнѣ загло ты, солнце, жажду,
Святую жажду жертвоприношенья;
Все существо мое я приношу
Тебѣ на жертву! Онъ настанетъ, день,
Когда изъ мраморныхъ чертоговъ храма,
Мной созданнаго, благовѣсть святой
Раздастся съ высоты, и разорвется
Завѣса тучъ, висѣвшая надъ нами
Всю зиму долгую, и упадутъ
Дождемъ на землю перлы и алмазы!

И тысячи людей въ восторгѣ свѣтломъ
Къ нимъ устремятся, жадно собирая
Сокровища, и въ хижины свои
Ихъ понесутъ. Потомъ, схвативъ знамена,
Давно ихъ ждавшія, пойдутъ на праздникъ
Паломниками солнца! Вижу я,
Толпы ихъ къ храму моему стремятся,
Колышется надъ ними шелкъ знаменъ,
Мой колоколъ звучитъ, и дивный звонъ
Находитъ отзывъ въ ихъ сердцахъ, и сладко
Сливается онъ съ криками восторга,
Съ рыданьемъ умиленного народа!
Онъ запоетъ забытый, дивный гимнъ,
Пѣснь родины, пѣснь золотого дѣтства,
Пѣснь сладкую любви, что всѣмъ звучитъ
Таинственно изъ сказочнаго царства,
Знакомую и ласковую пѣснь,
И все-жъ еще неслышанную въ мірѣ!
И вотъ, когда раздастся эта пѣснь,
Какъ рокотъ соловья, какъ воркованье
Веселыхъ горлинокъ, у всѣхъ въ груди
Растаетъ ледъ и ярости, и горя,
И ненависти, и безумныхъ мукъ,
И жаркими слезами онъ прольется.
И всѣ тогда съ слезами ликованья
Преклонятся передъ крестомъ. И Онъ,
Христосъ распятый, вознесенный вновь
Освобождающею силой солнца,
Въ его лучахъ небесныхъ засіяетъ,
Улыбкой Божьей озаря землю!

(Проговоривъ это все съ бѣлымъ и большимъ одушевленіемъ, Генрихъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ. Раутенделейнъ, опьяненная восторгомъ и любовью, со слезами на глазахъ, опускается передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ его руки. Пасторъ слушаетъ Генриха съ возрастающимъ ужасомъ. После короткой паузы, онъ начинаетъ говорить съ притворнымъ спокойствіемъ, которое однако скоро пропадаетъ).

Пасторъ.

Я выслушалъ, любезный мастеръ, васъ
И нахожу, что говорили правду
Мнѣ члены нашей общины почтенной.
Признаюсь вамъ: мнѣ причиняетъ скорбь
О нашемъ дивномъ колоколѣ сказка.

Но я пришелъ сюда не для того,
Чтобъ видѣть ваши чудеса, а съ цѣлью
Помочь въ бѣдѣ вамъ.

Генрихъ.

Мнѣ помочь въ бѣдѣ?

Въ какой бѣдѣ?

Пасторъ.

Безумецъ ослѣпленный,
Проснитесь наконецъ, вѣдь вы въ бреду...
Вы въ страшномъ снѣ, и, если Божье слово
Васъ не разбудитъ, мастеръ Генрихъ, вы
Погибли навсегда, и муки ада
Вамъ суждены.

Генрихъ.

Не думаю.

Пасторъ.

Пророкъ

Сказалъ слова: «Кого сгубить захочетъ
Господь, царящій въ небѣ, поразитъ
Онъ слѣпотою того».

Генрихъ.

Коль Богъ назначилъ
Погибель мнѣ,—Его свершится воля.
Но почему-жъ считаете меня
Вы ослѣпленнымъ? Я съ благоговѣньемъ
Молюся въ свѣтлый утра часъ
И вижу я отверстыми очами
Сіянье Божьяго величья.

Пасторъ.

Генрихъ,

Полетъ вашъ черезчуръ высокъ, поймите.
Я человѣкъ простой, я на землѣ
Жить обреченъ и мало разумѣю
Я въ выспреннихъ вещахъ. Но все же мнѣ
Одно вполне понятно: вы забыли—
Что правда, что неправда, что есть зло
И что добро.

ГЕНРИХЪ.

Адамъ въ раю объ этомъ
Не больше зналъ, чѣмъ я.

ПАСТОРЪ.

Слова, слова!

Вы имъ не прикроете нечестья!
Мнѣ жаль васъ, я васъ пощадить хотѣлъ...
У васъ вѣдь есть жена и дѣти, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Такъ что же?

ПАСТОРЪ.

Покидаете вы ихъ,
Бѣжите въ горы, по недѣлямъ цѣлымъ
Не возвращаетесь домой; а тамъ.
Томятся ваши близкіе: тамъ дѣти
Пьютъ слезы бѣдной матери своей...

ГЕНРИХЪ.

О, пасторъ, если бы я эти слезы
Могъ осушить,—я осушилъ бы ихъ!
Но я не въ силахъ это сдѣлать. Горю
Сочувствую вполнѣ я, но смягчить
Его не въ состоянны. Да, теперь я
Живу любовью, самъ я весь любовь
И ею обновленъ. Но все-жъ не смѣю
Я отъ избытка своего богатства
Наполнить кубокъ для моей семьи:
Мое вино для нихъ отравой будетъ
Могу ли я вотъ этою рукой,
Съ орлиными когтями вмѣсто пальцевъ,
Ребенка щечку нѣжную ласкать?
Нѣтъ, только Богъ одинъ помочь имъ можетъ.

ПАСТОРЪ.

Но это вѣдь безумье. Я сказалъ.
Да, нечестивое безумье. Мастеръ,
Я пораженъ жестокосердьемъ вашимъ.
О, злому духу удалась вполнѣ
Его продѣлка, долженъ я сознаться.

Вѣдь это дивное созданье ваше,
Которымъ вы такъ бредите—ужель
Не чувствуете вы?—оно есть мерзость,
Языческая мерзость. Нѣтъ, пускай
Всѣ казни злыя, что рука Господня
Ниспосылала древле на Египеть,
Обрушатся на христіанскій міръ,—
Все-жъ это будетъ легче, чѣмъ увидѣть
Оконченнымъ вашъ нечестивый храмъ
Ваалу, Вельзевулу и Молоху!
Останьтесь христіаниномъ. Еще
Для васъ не поздно это. Прогоните
Разлучницу, негодную дѣвчонку,
Колдунью, вѣдму. Сбросьте разомъ иракъ
Лукавыхъ чаръ,—и вы спасетесь!

Генрихъ.

Когда въ горячкѣ смертной я лежалъ,
Она пришла ко мнѣ и исцѣлила
Недугъ мой.

Пасторъ.

Лучше-бъ было умереть,
Чѣмъ исцѣлиться съ помощью ада.

Генрихъ.

Объ этомъ, пасторъ, можете судить,
Какъ вамъ угодно. Отъ нея я принялъ
Жизнь новую и съ нею буду связанъ,
Пока меня съ ней смерть не разлучитъ.

Пасторъ.

Я вижу, вамъ возврата нѣтъ. Глубоко,
По горло вы погрязли въ бездну зла
И адъ свой преукрасили красотою
Небесною. Зло крѣпко держитъ васъ.
Я дальше не пойду. Но вамъ извѣстно:
Въ былые дни, какъ и теперь, костеръ
Колдуньямъ и еретикамъ назначенъ.
Vox populi—vox Dei. Ваши всѣ
Дѣянія языческія въ ужасъ
Людей приводятъ, возбуждаютъ въ нихъ
Къ вамъ ненависть. Случиться очень можетъ,

Что мы не въ силахъ будемъ обуздать
Порывъ возстанья. Оскорбленный вами
Въ его святынѣ, бросится народъ
На вашу мастерскую безъ пощады,
Чтобъ истребить очагъ грѣха и зла.

Георихъ (послѣ краткаго молчанія,
спокойно).

Послушайте, не запугать меня вамъ!
Когда томимый жаждой человѣкъ,
Къ которому я приближаюсь съ кубкомъ
Прохладнаго напитка, вырветъ вдругъ
Тотъ кубокъ, разольетъ его и послѣ
Умретъ отъ жажды,—я-ль виновенъ буду
Въ его безумной смерти? Самъ хотѣлъ
Онъ участи такой и пусть заслужитъ
Свою судьбу. Я жаждущей толпѣ
Несу живую воду возрожденья.
Пусть въ ярости бросается толпа
И разбиваетъ драгоценный кубокъ,
Пусть затмеваетъ дивный свѣтъ небесъ
Безумья тьма,—я не дрогну душою.
Я знаю, что хочу, на что способенъ!
Да, мнѣ не разъ случалось разбивать
Колоколовъ уже готовыхъ формы;
И вотъ опять могу поднять я молотъ
И раздробить однимъ ударомъ въ прахъ
Тотъ жалкій колоколъ, что грубой чернью
Отлить изъ злобы, желчи и тщеславья,
Отлить затѣмъ, что благовѣстили онъ
Невѣжество и глупость!

Пасторъ.

Ну, прощайте.

Я все сказалъ вамъ, Георихъ,—все, что могъ.
Никто не вырветъ сорную траву
Грѣховныхъ помысловъ, что въ вашемъ сердцѣ.
Да смируется надъ тобою Богъ!
Но дай еще одно сказать. Есть слово—
Раскаянье; о, человѣкъ, придетъ,
Придетъ тотъ день, когда тебя стрѣлою
Оно пронзитъ, и ты не будешь жить,
И не умрешь, и проклянешь въ смятении

И самого себя, и міръ, и Бога,
Свое твореніе, и все на свѣтѣ!
Тогда... тогда ты вспомни обо мнѣ.

ГЕНРИХЪ.

Всѣ эти ужасы себѣ представить
Я могъ бы лучше васъ, почтенный другъ.
Но то, что вы сулите, не случится.
Меня стрѣла раскаянья не можетъ
Поранить, какъ не можетъ зазвонить
Тотъ старый колоколъ, что рухнулъ въ пропасть
И въ озерѣ теперь лежитъ на днѣ.

ПАСТОРЪ.

Онъ зазвонитъ—я говорю тебѣ!
Онъ зазвонитъ—и ты его услышишь!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность лачуги, какъ въ третьемъ дѣйствіи. Въ скалистой стѣнѣ направо—ходъ, ведущій въ горную пещеру. Надѣво открытый кузнечный очагъ съ мѣхами и дымовой трубой. На очагѣ пылаетъ огонь.
Невдалекѣ отъ очага наковальня.

Генрихъ держитъ на наковальнѣ кусокъ раскаленнаго желѣза. Около Генриха шестеро карликовъ въ одеждѣ рудокоповъ. Первый карликъ, вѣстѣ съ Генрихомъ, придерживаетъ клещи. Второй взмахиваетъ большимъ молотомъ и опускаетъ его на раскаленное желѣзо. Третій раздуваетъ огонь мѣхомъ. Четвертый внимательно наблюдаетъ за работой. Пятый стоитъ въ выжидательной позѣ; въ рукахъ у него кирка; онъ, очевидно, готовится ею орудовать. Шестой карликъ сидитъ на небольшомъ возвышеніи, на головѣ у него блестящая корона. Кругомъ видны: отлитыя формы, архитектурныя украшенія, фигуры.

ГЕНРИХЪ.

Бей, колоти, покуда хватитъ силы!
Твое нытье не трогаетъ меня:
Не сдѣлаешь того, что я назначилъ—
Я бороду тебѣ спалю.

(Второй карликъ бросаетъ молотъ).

А, плутъ,

Я такъ и зналъ! Ну, погоди-жь, увидишь

Ты у меня сейчасъ, что говорилъ
Не въ шутку я.

(Хватаетъ карлика и держитъ надъ огнемъ. Карликъ барахтается и вьзжитъ. Карликъ, раздувающій мѣхъ, начинаетъ работать еще усерднѣе).

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ.

Силъ больше нѣтъ, хозяинъ!

Рука нѣмѣетъ!

ГЕНРИХЪ.

Я приду сейчасъ.

(Второму карлику)

Что, отдохнулъ?

(Второй карликъ весело киваетъ головой, снова схватываетъ молотъ и колотитъ имъ).

Клянусь я пѣтухомъ

И лебедемъ! Держать васъ надо въ страхѣ.

Берется опять за клещи).

Подковы бы не могъ сковать кузнецъ,

Когда-бъ онъ церемонился съ такими

Лѣтящими. Ударивъ первый разъ,

Вы думаете, силы ужъ не хватитъ

Вамъ на второй ударъ. Охоты нѣтъ,

Старанія. Ну, колоти живѣе!

Ты что тамъ дѣлаешь?

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ (въ своемъ усердіи пробуетъ придать форму раскаленному желѣзу рукой).

Моей рукою

Сформирую я желѣзо.

ГЕНРИХЪ.

Ты безумецъ!

Иль хочешь руку ты испепелить?

Что буду дѣлать я, коль перестанешь

Ты мнѣ служить? Какъ къ солнцу вознесу

То зданіе, которое замыслилъ?

ПЕРВЫЙ КАРЛИКЪ.

Готова форма. А рука немного

Устала, онѣмѣла—вотъ и все.

ГЕНРИХЪ.

Скорѣй къ бассейну. Пусть зеленой тиной
Тебѣ обложить пальцы Водяной.

(Ко второму карлику)

Ну, будетъ, отдохни теперь, лѣнивѣцъ.

(Беретъ только-что выкованный кусокъ желѣза, садится
и разглядываетъ его).

Прекрасно! Превосходно! Я достигъ
Желаннаго успѣха. Я доволенъ
Въ послѣдній этотъ часъ моимъ трудомъ:
Безформенная масса обратилась
Въ осмысленную форму, чудный перлъ
Изъ хаоса образовался. Надо
Теперь одно: сработанную часть
Включить въ недовершенное созданье.

(Четвертый карликъ взлѣзаетъ на табуретъ и что-то шеп-
четъ на ухо Генриху).

Что ты такое шепчешь?.. Прочь! Оставь
Меня въ покоѣ, а не то свяжу
Тебѣ я руки, ноги и заткну
Твой глупый ротъ.

(Карликъ убѣгаетъ).

Ну, что же въ этой части
Не нравится тебѣ? Что не подходитъ
Въ ней къ цѣлому? Да говори-жь, тебя
Я спрашиваю? Никогда такъ вѣрно
Я не работалъ, какъ теперь: рука
Вполнѣ согласна съ мыслию. И смѣешь
Ты порицать меня? Иль я не мастеръ?
Иль ты меня искуснѣй? Подойди
И объясни мнѣ внятно и тольково,
Что хочешь ты сказать?

(Карликъ подходит и шепчетъ. Генрихъ блѣднѣетъ, вздыхаетъ, подни-
мается и кладетъ приготовленную часть снова на наковальню).

Пусть сатана

Работу эту адскую копчаетъ,
А я примусь копаться въ огородѣ,
Начну сажать картофель и морковь.
Я буду пить и ѣсть и спать спокойно,
Ну, а потомъ умру.

(Пятый карликъ подходит къ наковальнѣ).

Не смѣй, не смѣй
Къ моей работѣ прикасаться! Слышишь?
Ты весь дрожишь отъ злости, волоса
Щетиной поднялись, глаза сверкаютъ,
Какъ молніи. Убійца! Знаю я,—
Кто твердою рукой тебя не сдержитъ,
Тому одно останется: нагнуть
Передъ тобою голову покорно
Подъ роковой ударъ твоей кирки!

(Пятый карликъ разбиваетъ выдѣланиую форму на нако-
вальный. Генрихъ въ гнѣвъ скрежещетъ зубами).

Довольно! Вечеромъ сегодня—праздникъ.
Работа кончена. Идите. Вновь
На утро соберусь я съ свѣжей силой
И васъ тогда я призову опять.
Ты что стоишь съ мѣхами?—Убирайся!

(Все карлики, кромѣ того, что съ короной, уходятъ).

А ты, увѣнчанный короной,—ты,
Что говоришь однажды только въ жизни,
Чего стоишь и ждешь здѣсь? Уходи.
Ты не сегодня и не завтра слово
Завѣтное свое произнесешь.
Богъ вѣсть, услышу-ль я когда: «свершилось,
Свершилось все!» Ахъ, я усталъ, усталъ...
Я не люблю печальный часъ вечерній.
Межъ днемъ и ночью проползаетъ онъ,
И дню и ночи чуждый; вырываетъ
Онъ молотъ изъ руки моей, но сна
Мнѣ не даетъ; а только сонъ намъ силы
Вновь возвращаетъ. Утра свѣтъ бодритъ;
Но, пурпуромъ окутанное, солнце
Нисходитъ въ глубину, и на землѣ
Грустимъ мы въ одиночествѣ суровомъ
И въ тьмѣ ночной безпомощно дрожимъ.
Мы утромъ—короли. Настанетъ вечеръ,
Мы—нищіе.

(Ложится на камень и грезитъ съ открытыми глазами. Въ отверстіе
стѣны проникаетъ блесоватый туманъ. Когда онъ разсѣялся, по-
является изъ бассейна Водяной).

Водяной.

Квораксъ! Брекекекексъ!
Залегъ на отдыхъ мастеръ нашъ. Ложитъ

И ничего не видить и не слышать,
А тамъ, на скалы, призраки ползуть,
Карабкаются, кулаками злобно
Грозятъ они иль бѣшено кричатъ...
Лежить нашъ мастеръ утомленный. Холодъ
И боль въ его костяхъ, но трудъ дневной
И въ грезахъ сна онъ все же продолжаетъ.
Оставь! Твой трудъ—напрасная борьба.
Ты съ Богомъ борешься. Ты Бога вызвалъ,
И Богъ отвергъ тебя, и ты ослабъ!

(Генрихъ со стономъ ворочается).

Твои всѣ жертвы тщетны. Ты виновенъ.
И не искупишь ты вину трудомъ.
Благословенья не взялъ ты у неба,
Чтобы въ заслугу превратить свой грѣхъ,
Въ награду—кару. Гордости порокомъ
Ты омраченъ. Возмездья близокъ часъ.
Въ ущельяхъ горныхъ демоны толпою
Собираются на дику охоту.
Ты слышишь, слышишь черной своры лай?
Свою добычу сыщеть злая свора!
Ты видишь: великаны въ облакахъ
Громады замковъ темныя воздвигли:
Они обрушатъ ихъ на выси горъ,
Чтобъ раздавить тебя, червякъ ничтожный,
И жалкое мечты твоей созданье!

ГЕНРИХЪ.

Я задыхаюсь. Раутенделейнъ,
Ко мнѣ, ко мнѣ! На помощь!

ВОДЯНОЙ.

Пусть услышитъ

Она тебя и пусть къ тебѣ придетъ,
Но все-жъ помочь она тебѣ не можетъ.
И если бы она была, какъ Фрея,
Прекрасна и могуча, если-бъ ты
Былъ Бальдеромъ и солнечныя стрѣлы
Ты изъ колчана своего металъ—
Все-жъ и тогда близка твоя гибель.
Да, слушай, слушай, что тебѣ скажу:
Тамъ, въ озерѣ, на каменистомъ ложѣ

Лежить упавшій колоколь и вверхъ
Стремится всплыть, гдѣ въ темно-синихъ волнахъ
Отражены небесныхъ звѣздъ огни,
И такъ гудитъ онъ жалобно, какъ будто
Сбирается звонить надъ мертвецомъ.

Бимъ-бомъ!

О, вздрогнешь ты отъ горькихъ мукъ,
Когда его раздастся звукъ—

Бимъ-бомъ!

Навѣки ты утратишь сонъ,
Услышавъ твой могильный звонъ—

Бимъ-бомъ!

Генрихъ.

Спасите! Помогите!

(Просыпается).

Что со мною?

Я живъ или умеръ?

(Онъ протираетъ глаза и озирается).

Есть тутъ-ктонибудь?

Раутенделейнъ (появляется у входа).

Я здѣсь, съ тобой. Меня ты кликалъ, Генрихъ?

Генрихъ.

Да, да, приди ко мнѣ! Приди ко мнѣ!
Дай руку. Положи на лобъ горячій.
Вотъ такъ. Хочу я чувствовать тебя,
И шелкъ твоихъ волосъ, и трепеть сердца...
Склонись на грудь мою. Цѣлуй меня!
Весны дыханіе, и свѣжесть лѣса,
И аромать цвѣтовъ твой поцѣлуй
Приносить мнѣ.

Раутенделейнъ.

Мой дорогой, ты боленъ?

Генрихъ.

Нѣтъ... ничего. Я здѣсь лежалъ, озябъ...
Дай одѣяло мнѣ... Лишился чувствъ я,
И сердце замерло, и мнѣ казалось,
Что силы темныя вокругъ меня
Сошлись и мучаютъ меня, какъ жертву...

Но это все прошло. Теперь онѣ
Не властны надъ мною.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто не властенъ?

ГЕНРИХЪ.

Враги.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какіе же враги?

ГЕНРИХЪ.

Всѣ, всѣ!

Какъ ихъ зовутъ—не знаю я. Подкрался..
Они во тьмѣ коварно, какъ гіена,
Меня сгубить. Но я имъ не поддамся.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты въ лихорадкѣ, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Да, знобитъ

Меня немножко. Не тревожься этимъ
И обними меня покрѣпче... Такъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мой милый! Дорогой!

ГЕНРИХЪ.

Дитя, скажи мнѣ:

Въ меня ты вѣришь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Генрихъ, ты мой богъ!

Ты—Бальдеръ! Ты—могучій рыцарь солнца!
Ты блѣднолицый. Я твой бѣлый лобъ
Цѣлую сладко, синевою ясною
Твоихъ очей не налюбуюсь я!

(Пауза).

ГЕНРИХЪ.

Да, я таковъ. Я Бальдеру подобенъ,
Ты говоришь? Прекрасное дитя,

Дай въ этомъ убѣдиться мнѣ, вабившись
Въ твоихъ объятіяхъ. Забвенья хмель
Для творчества необходимъ. Порой,
Когда рука трудиться устаетъ,
Роняя молотъ и клещи,—и душу
Тревожить мелкихъ неудачъ тоска,
Когда одушевленіе и вѣра
Настъ покидаютъ, свѣтлый идеалъ
Невольно меркнетъ, пламень вдохновенья —
Небесный даръ—утрачиваемъ мы.
Тогда стоишь, обманутый, и жаждешь
Избавиться, какъ отъ мечты пустой,
Отъ муки творчества... Но я не буду
Объ этомъ больше говорить теперь.
Дымъ жертвенника моего покуда
Летитъ струей прямою къ небесамъ,
И если Божія рука направитъ
Его къ землѣ,—не властенъ въ этомъ я.
Тогда одежду жреческую сброшу
Я съ плечъ моихъ и покорюсь судьбѣ.
Теперь же—свѣта! факеловъ! Искусство
Свое волшебное мнѣ покажи:
Дай мнѣ вина, и будемъ веселиться
Мы, какъ простые люди, и ловить
Минуту счастья.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я легала, милый,
Носясь по вѣтру точно паутинка,
Порхая по цвѣтамъ, какъ мотылекъ,
И съ cadaго цвѣтка и съ каждой травки,
Съ гвоздики, съ колокольчиковъ,—со всѣхъ
Взяла я клятву, что они не станутъ
Вредить тебѣ ничѣмъ. И каждый эльфъ,
Какъ ни былъ бы враждебенъ, не отточитъ
Стрѣлы онъ смертоносной для тебя!

ГЕНРИХЪ.

Что говоришь ты про стрѣлу? О томъ
Слыхалъ я рѣчь отъ призрака, въ одеждѣ
Священника: онъ руку простиралъ
И мнѣ грозилъ пронзить стрѣлою сердце.
Но кто же, кто метнетъ въ меня стрѣлу?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Никто, никто, мой милый, успокойся.
Ты безопасенъ здѣсь со мной. Кивни
Мнѣ только головою—и полюбятъ
Волшебныхъ пѣсень свѣтлые лучи,
Замкнутъ тебя звучащею оградой,
И сквозь нее къ тебѣ не долетятъ
Ни голоса людей, ни звонъ печальный
Колоколовъ. Подай рукою знакъ—
И высоко чертоговъ пышныхъ своды
Надъ нами скалы вознесутъ, и рой
Веселыхъ гномовъ приближитъ; цвѣтами
Они украсятъ пышные столы,
Картины, стѣны, и заблещутъ ярко
Вкругъ насъ огни волшебные...

ГЕНРИХЪ.

Дитя,
Оставь, оставь все это! Пиръ волшебный
Не можетъ веселить меня, пока
Стоитъ, подобное руинѣ жалкой,
Мое твореніе. Настанетъ часъ
Завѣтный торжества, и возликуетъ
Тогда душа моя весельемъ чуднымъ.
Теперь я рвусь туда, наверхъ: хочу
Я видѣть зданіе, съ которымъ скованъ
Я узами желѣзными. Возьми
Скорѣ факель и свѣги мнѣ. Чую
Я сердцемъ: безыменные враги
Подкапываютъ тайно основанье
Заложенного храма. Долженъ я
Не пировать, а дѣйствовать. Окончу
Я трудъ великій, и передъ людьми
Воздвигнется то чудо, что скрывалось,
Воздвигнется изъ чугуна и камня,
Сіяя золотомъ, слоновой костью,
Воздвигнется—и будетъ изумлять
Вѣка грядущіе.

(Хочетъ идти, но останавливается у выхода).

Что-жъ ты печально
Стоишь, дитя? Иль я тебя обидѣлъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ...

ГЕНРИХЪ.

Но что-жъ съ тобою?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего.

ГЕНРИХЪ.

Бѣдняжка! знаю, что тебя печалитъ:
Ребенокъ ловить мотылька, смѣясь,
И убиваетъ самъ, что любить нѣжно.
Ужели я не лучше мотылька?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

А я не лучше-ль этого ребенка?

ГЕНРИХЪ.

Да, лучше, лучше! Если бы объ этомъ
Я позабылъ, то жизни смыслъ и блескъ
Утратился бы для меня. Приди же,
Приди ко мнѣ! Твоихъ очей слеза
Мнѣ выдаетъ то горе, что принесъ я
Тебѣ, малютка. Вѣрь мнѣ, я люблю,
Люблю тебя. Не плачь. Ты обновила
Мнѣ душу для борьбы, ты мнѣ дала
То золото, что бросилъ я на ставку
Въ игрѣ съ богами. И теперь еще
Я чувствую: наградой несказанной
Твоя краса волшебная была
Для моего измученнаго сердца:
Съ тобою я извѣдалъ ласку счастья
Непостижимаго. Впередъ! Свѣти!
Свѣти мнѣ ярче на моемъ пути!

Лѣвшій (у входа). Сюда! сюда! Возбирайтесь проворнѣе!
Что вы тамъ мышкаете, сатана васъ побери! Впередъ, го-
сподинъ пасторъ! Впередъ, цырюльники! Здѣсь есть и со-
лома, и смола, и хворостъ. А мастеръ Генрихъ цѣлуется
со своею феечкой. Лежить въ постели и въ усь себѣ не
дуетъ!

Генрихъ. Кажется, дуракъ объѣлся бѣлены. Чего ты разорался ночью? Смотри, берегись!

Лѣшій. Кого бояться? Тебя, что ли?

Генрихъ. А вотъ я тебя отгреблю за бороду, козлоногій негодяй! Съ такими, какъ ты, я умѣю справляться. Я тебѣ покажу, что я мастеръ! Я остригу тебя. Вотъ тогда ты и присмирѣешь: будешь ты у меня, козелъ, служить подмастерьемъ. Видишь наковальню и молотъ? Онъ достаточно тяжелъ, чтобы расплющить тебя въ лепешку.

Лѣшій (подставляя спину). Попробуй, поколоти! Меня не то что молотъ, и мечъ не беретъ, а только щекотить.

Генрихъ. Погоди ты у меня, проклятый зобатый бѣсъ. Будь ты старъ, какъ дремучій боръ, и силенъ, какъ медвѣдь, я все-таки посажу тебя на цѣпь, заставлю таскать воду, мести хижину, таскать камни. А залѣнишься—розги!

Раутенделейнъ. Генрихъ, вѣдь онъ тебя предостерегаетъ.

Лѣшій. Веселѣй! Спѣшите сюда, ребята! Славная будетъ потѣха. И я вамъ помогу. Вотъ, мастеръ, они тебя рубятъ на жаркое, какъ теленка. А я имъ притащу сѣры, масла и смолы. Такой запалимъ огонекъ, что отъ дыму свѣтъ потемнѣетъ!

(Уходить. За сценой крики толпы).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты слышишь, Генрихъ, голоса людей!

Они грозятъ тебѣ! Они все ближе!

На помощь! Бабушка!

(Летятъ камни. Одинъ попадаетъ въ Раутенделейнъ).

ГЕНРИХЪ.

Приснилось мнѣ,

Что свора гонится за мною. Слышу
Я этой своры вой. Ну, что-жь, я радъ,
Идите! Если-бъ даже ангелъ съ неба
Ко мнѣ сошелъ и началъ убѣждать,
Что трудъ мой важенъ, я бы убѣдился
Его словами меньше, чѣмъ теперь,
Когда услышалъ этотъ вой противный.
Идите! Я васъ буду защищать.
Отъ васъ самихъ: вотъ лозунгъ мой!

(Уходить).

Раутенделейнъ (въ тревогѣ).

Спасите!

Спасите! Помогите! Водяной,
Прощу тебя: спусти по скаламъ воду
Потокомъ бурнымъ. Прогони людей!
Я умоляю, сдѣлай это, сдѣлай!

Водяной (появляется въ бассейнѣ).

Брекекекексъ! Что сдѣлать долженъ я?

Раутенделейнъ.

Смой въ пропасть ихъ волнами водопада:

Водяной.

Я не могу.

Раутенделейнъ.

Ну, полно, Водяной,
Ты можешь это сдѣлать.

Водяной.

Да, помилуй,
Что будетъ въ этомъ толку? Вѣдь для насъ
Помѣха мастеръ Генрихъ. Онъ надъ богомъ
Желаетъ властвовать и надъ людьми.
Пускай они убьютъ его теперь:
Мнѣ это на руку.

Раутенделейнъ.

Ступай скорѣе
И помоги ему.

Водяной.

А что ты дашь
За это мнѣ?

Раутенделейнъ

Скажи, чего ты хочешь?

Водяной.

Хочу тебя. Брекекекексъ! Хочу,
Чтобъ плечи смуглыя ты мнѣ открыла,

Чтобъ съ ножки красный башмачокъ снята.
Раздѣнься, сдѣлайся такой, какъ прежде,
Спустися ко мнѣ сюда, и унесу
Тебя далеко я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вишь, какъ разумно
Ты разсудилъ. Такъ знай же, никогда
Не буду я твоей, хотя бы вдвое
Иль втрое старше бабушки ты былъ,
Хотя бы заключилъ меня, какъ жемчугъ,
Ты въ раковину—слышишь: никогда!

Водяной.

Ну, коли такъ—пускай погибнетъ мастеръ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты лжешь! Я чувствую, старикъ, ты лжешь:
Ты слышишь, онъ зоветъ меня! Ага,
Ты испугался, ты узналъ тотъ голосъ!

(Водяной скрывается. Генрихъ входитъ. Онъ возбужденъ борьбой, смѣется дикимъ, торжествующимъ смѣхомъ).

ГЕНРИХЪ.

Какъ псы, они напали на меня,
Какъ псовъ, я разогналъ ихъ головнями
Горящими. Я отрывалъ гранитъ
И глыбами бросалъ его съ утеса:
Кто не погибъ на мѣстѣ—тотъ бѣжалъ.
Дай мнѣ напиться. Освѣжаетъ душу
Горячая борьба: клокочетъ кровь,
И сердце бьется весело тревогой
Побѣдною и чувствуетъ сильный
Любовь и ненависть.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Вотъ, Генрихъ, выпей.

ГЕНРИХЪ.

Давай, давай. Дитя мое, я вновь
Хочу твоей любви, я жажду свѣта!

(Пьетъ).

Нюю тѣ честь тебя, небесный счастья духъ!
Съ тобой опять любовью сочетаюсь.

Художникъ—если онъ съ тобой въ разладѣ—
Во тьмѣ погибнетъ; тяготы земли
Не одолѣетъ онъ. О, будь со мною:
Ты окрыляешь душу мнѣ, дитя!
Не покидай меня, я умоляю!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Лишь ты меня бы не покинулъ, Генрихъ...

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Да сохранить меня Господь!
Ну, музыку!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сюда, мои малютки,
Изъ норъ, изъ щелей, изъ разсѣлинъ скалъ,
Собирайтесь все сюда! На звонкихъ лютняхъ,
На флейточкахъ играйте. Пусть звучитъ
Весельемъ пиръ побѣдный!

(Музыка).

Въ рѣзвой пляскѣ

Подъ вашу музыку я закружусь!
На золотыя кудри я надѣну
Уборъ сверкающій изъ сѣтляковъ:
Пусть онъ живымъ мерцаетъ ореоломъ
Надъ головою фен!

ГЕНРИХЪ.

Тише, тсс!

Мнѣ чудится...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Что, милый?

ГЕНРИХЪ.

Ты не слышишь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Чего не слышу я?

ГЕНРИХЪ.

Такъ, ничего...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но что съ тобою, дорогой?

ГЕНРИХЪ

Не знаю...

Мнѣ показалось, съ музыкой слился
Какой-то странный звукъ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какой же, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Звукъ жалобный... умолкнувшій давно...
Но это ничего... Оставимъ это.
Приди ко мнѣ, дай пурпурный цвѣтокъ
Твоихъ прекрасныхъ устъ—волшебный кубокъ,
Который пьешь и жаждешь, жаждешь пить
Безъ усталы. Пусть, сладко опьяненный,
Забудусь я.

(Они цѣлуются. Продолжительная пауза. Затѣмъ, обнявшись, идутъ къ выходу и любятъ величественнымъ горнымъ краемъ).

Смотри: отъ темныхъ скалъ,
Спускаясь внизъ, долина протянулась.
Живутъ тамъ люди. Человѣкъ и я.
Но я имъ чуждъ теперь; пойми: я дома
Всѣмъ чуждъ. И здѣсь, на горныхъ высотахъ,
Я также чуждъ... Меня понять ты можешь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (тихо).

Да, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты сказала это «да»
Такъ странно.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я боюсь

ГЕНРИХЪ.

Чего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Не знаю.

ГЕНРИХЪ.

Пойдемъ. Пора на отдыхъ.

(Отводитъ ее, но вдругъ останавливается у входа и оглядывается).

Одного

И не хотѣлъ бы: этотъ блѣдный мѣсяцъ,
Что взоромъ пристальнымъ глядитъ и льетъ
Лучи кристальныя,—пусть онъ долину,
Откуда я пришелъ, не озаряетъ!
Что скрылъ завѣсой сѣрою туманъ,
Того не долженъ видѣть я... Что это?..
Ты ничего, дитя, не слышишь?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ.

И что сказать ты—я не понимаю.

ГЕНРИХЪ.

Какъ? И теперь не слышишь ничего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но что же слышать мнѣ? Я слышу: вѣтеръ
Шуршитъ въ травѣ. Я слышу крикъ совы,
И странныя слова твои я слышу,
Что ты съ испугомъ шепчешь.

ГЕНРИХЪ

Тамъ, внизу,

Луны кровавый отблескъ. Видишь, видишь,
Въ водѣ онъ отразился?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ничего

Не вижу я.

ГЕНРИХЪ.

Какъ, взоръ твой соколиный
Не видитъ ничего? Ослѣпла ты?
Что тамъ ползетъ такъ медленно, такъ тихо?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Ты обманулся.

Генрихъ.

Нѣтъ, молчи, молчи!
Нѣтъ, я не обманулся. Это вѣрно,
Какъ то, что на прощеніе небесъ
Надѣюсь я. Смотри, теперь на камняхъ,
Что около тропинки, чья-то тѣнь...

Раутенделейнъ.

Довольно. Не смотри туда. Я двери
Запру. Насильно я спасу тебя.

Генрихъ.

Оставь! Оставь! Я долженъ, долженъ видѣть!
Хочу я видѣть.

Раутенделейнъ.

Отойди. Ты слабъ.
Тамъ, въ котловинѣ, облака по вѣтру
Крутятся, будто волны водопада.

Генрихъ.

Не слабъ я. Это ничего. Прошло.

Раутенделейнъ.

Ну, есть и хорошо. Отинсь, мой Генрихъ,
И снова будь властителемъ тѣхъ чаръ,
Что на тебя нагнало навожденье.
Возьми свой молотъ! Размахнись сильнѣй...

Генрихъ.

Но развѣ и теперь тебѣ не видно:
Тамъ по горѣ карабкаются?..

Раутенделейнъ.

Гдѣ?

Генрихъ.

Тамъ, наверху, тамъ, по тропинкѣ горной,
Они въ однихъ лишь рубашонкахъ...

Раутенделейнъ.

Кто?

ГЕНРИХЪ.

Босые мальчуганы. Ташутъ оба
Они кувшины. Онъ такъ тяжелъ для нихъ:
Вонъ то одинъ колышкой подпираетъ,
То вслѣдъ за нимъ другой...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

О, что съ тобою,
Скажи мнѣ, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

Точно у святыхъ,
Вкругъ ихъ головокъ свѣтлое сіянье.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Обмануть ты блудящимъ огонькомъ.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ. Сложи-ка руки. Ну, ты видишь?
Вотъ, вотъ они. Ты видишь?

(Онъ становится на колѣни. Появляются двое дѣтей; они въ однихъ рубашонкахъ, робко пробираются, придерживая кувшины).

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Папа!

ГЕНРИХЪ.

Что,
Мое дитя?

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Намъ мамочка велѣла
Снести поклонъ тебѣ.

ГЕНРИХЪ.

Благодарю,
Мой милый мальчикъ. Что же, хорошо ей
Теперь живетъся?

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ (медленно ударяя на
каждое слово).

Да, ей хорошо.
(Едва слышимый звукъ колокола раздается изъ глубины).

ГЕНРИХЪ.

Что вы такое принесли?

Второй ребенокъ.

Кувшинчикъ.

ГЕНРИХЪ.

Не для меня-ль?

Второй ребенокъ.

Да, папа, для тебя.

ГЕНРИХЪ.

Но что-жъ у васъ въ кувшинѣ томъ?

Второй ребенокъ.

Питье

Соленое.

Первый ребенокъ.

И горькое.

Второй ребенокъ.

То—слезы мамы.

ГЕНРИХЪ.

О, Боже милосердный!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

На кого ты

Такъ пристально глядишь?

ГЕНРИХЪ.

На нихъ, на нихъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да на кого же?

ГЕНРИХЪ.

Или ты ослѣпла?

На нихъ. Гдѣ-жъ ваша мама, гдѣ она?

Первый ребенокъ.

Гдѣ наша мама?

ГЕНРИХЪ.

Да.

Второй ребенокъ.

Тамъ, подъ водою,

Гдѣ розы.

ГЕНРИХЪ.

Колоколь!.. Вотъ... вотъ опять...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Какой еще тамъ колоколь?

ГЕНРИХЪ.

Тотъ... старый,

Что въ озерѣ лежитъ... онъ зазвонилъ!..

Кто это сдѣлалъ?.. Не хочу я слушать...

Нѣтъ, не хочу!.. О, помоги же мнѣ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Опомнись, Генрихъ!

ГЕНРИХЪ.

Боже, дай мнѣ силы!

Онъ вновь звонитъ! Ты слышишь этотъ гулъ,

Какъ будто изъ могилы?.. Выше... выше

Онъ поднимается..

(Отталкивая Раутенделейнъ)

Прочь отъ меня!

Тебя я ненавижу!.. Я ударю

Тебя, проклятая колдунья!.. Прочь!

Проклятье надо мной и надъ тобою,

И надъ моимъ твореньемъ, и надъ всѣмъ,

Надъ всѣмъ на свѣтѣ!.. Здѣсь я... здѣсь я... Магда...

Иду... О, небо, сжался надо мной...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Опомнись, Генрихъ... Онъ ушелъ!.. ушелъ!..

(Зававясь падаетъ)..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорация первого дѣйствія: горная поляна съ хижинкой Виттихп. За полночь. Три эльфы сидятъ около колодца.

Первая.

Огни пылають.

Вторая.

Вѣтеръ вѣтеръ бурный
Съ высокихъ горъ въ долину.

Третья.

Черный дымъ

Клубится и, задѣвъ вершины сосенъ,
Спускается съ утесовъ.

Первая.

А внизу

Туманъ бѣлѣтъ...

Вторая.

Въ роцѣ задремавшей
Въ часъ поздній расцвѣваетъ соловей
И такъ рыдаетъ жалобно, что слушать
Нельзя безъ слезъ.

Третья.

Какъ странно! Я уснула
На тонкой паутинкѣ межъ цвѣтовъ.
На пурпурной, сплетенной дивно ткани,
Какъ будто бы на царскомъ ложѣ, мнѣ
Лежать такъ было хорошо. При блескѣ
Зари вечерней, свѣтлая роса
Сверкала брилліантами. Былъ сладокъ
Мой сонъ. Когда же пробудилась я,—
Заря померкла, сѣрый сумракъ ночи
Кругомъ ложился до тѣхъ поръ, пока,
Какъ глыба раскаленного металла,
Луна не выплыла надъ гребнемъ скалъ,
И подъ ея кровавыми лучами
Лужайка вся какъ будто ожила:
Послышался повсюду шопотъ, вздохи,

И жалобные голоса и плачь...
Мнѣ стало страшно, кликнула въ тревогѣ
Я свѣтлаго жучка, что промелькнулъ
Съ фонарикомъ своимъ зеленымъ мимо,
Но полетѣлъ онъ дальше. Я лежала
Въ томлени грустномъ... Вдругъ прелестный эльфъ
На крылышкахъ блестящихъ стрекозы
Ко мнѣ спустился, и ласкать другъ друга
И цѣловать мы стали... и, къ груди
Меня прижавъ, возлюбленный съ тоскою
Заплакалъ и сказалъ мнѣ: «Бальдеръ умеръ»...

Первая (встаетъ).

Огни пылаютъ!

Вторая (тоже встаетъ).

Бальдера костеръ!

(Исчезаетъ).

Третья.

Да, Бальдеръ умеръ, Бальдера хоронить!

(Исчезаетъ).

Первая.

Проклятіе ложится надъ землею,
Какъ дымъ отъ погребальнаго костра:

(Туманъ стелется надъ поляной; когда онъ разсѣивается — эльфы исчезли. Лѣшій выходитъ изъ лѣсу).

Лѣшій (кричитъ въ колодезь).

Эй! царь лягушечій, всплывай навверхъ!
Плескунъ проклятый! Али ты не слышишь?
Заснулъ ты, что ли? Говорю тебѣ:
Иди сюда скорѣе! Если-бъ даже
Прекраснѣйшая изъ паядь заскала
Твою сѣдую бороду,—оставь
Свою постель изъ тины. Расскажу я
Тебѣ такія новости, что ты
Запрыгаешь, старикъ.

Водяной (изъ глубины колодеда).

Брекекекексъ!

Лѣшій.

Да вылѣзай навверхъ! Чтò ты ворчишь?

Водяной.

Мнѣ некогда. Оставь меня въ покоѣ.

Лѣшій.

Вишь, некогда ему! Ахъ, ты, брюханъ!
Ты слышишь ли: я кое-что развѣдалъ.
Что предсказалъ я, старшій, то сбылось:
Дѣвчонку мастеръ бросилъ. Коль не будешь
Звать теперь, такъ слышишь прямо въ сѣть
Ты рѣдкостную рыбку, хотъ немного
Подержаную; ну, да намъ съ тобой
До этого нѣтъ дѣла. Говорю я
Тебѣ, старикъ: найти ты можешь больше,
Чѣмъ думать.

Водяной (поднимается изъ колодца; глаза у него лукаво сверкаютъ).

Такъ бросилъ онъ ее!
И ты воображаешь,—за дѣвчонкой
И побѣгу теперь?

Лѣшій.

Коль не нужна
Она тебѣ, такъ мнѣ-бъ узнать хотѣлось,
Гдѣ дѣвочка.

Водяной.

Что-жъ, лѣшенька, ищи,
Авось, найдешь.

Лѣшій.

Да я искалъ повсюду.
Всю ночь въ густомъ туманѣ я бродилъ,
Взбирался я на кручи, гдѣ и козы
Ходить боится, спрашивалъ сурка;
Но ни сурокъ ни даже соколъ горный
Не знали, гдѣ она. Увидѣвъ я
Костеръ горящій, вырвалъ головешку,
И снова я пошелъ искать въ лѣсу,
Покуда наконецъ не очутился
Предъ кузницей, покинутой въ горахъ;
Она горитъ теперь во мракѣ ночи,
Огонь свиститъ, трещатъ столбы и балки.

Конецъ величью мастера: оно
Навѣки рушилось!

Водяной.

Про это знаю.

Не для того-ль тревожилъ ты меня?
Да то-ль еще я знаю! Мнѣ извѣстно,
Что колоколъ звонилъ, я знаю даже,
Кто двигалъ мертвымъ языкомъ его.
Когда бы видѣлъ ты, что здѣсь творилось,
На днѣ глубокомъ въ озерѣ! Рука
Застывшая утопленницы мертвой
Заколебала колоколъ, и онъ
Вдругъ сталъ звонить, и гулъ его громовый
Раздался, будто львицы грозный ревъ,
И, оглашая горы и ущелья,
Взывалъ онъ къ мастеру. Я видѣлъ ликъ
Утопленницы, страшный, съ волосами,
Прилипшими на черепѣ. Когда
Костлявые ея касались пальцы
Къ дрожащему металлу,—онъ гудѣлъ
Съ двойною силою! Я старъ годами,
Видалъ я много на своемъ вѣку,
Но волосы мои сѣдые дыбомъ
Отъ страха поднялись. Когда бы ты
Увидѣлъ это, то ко мнѣ не сталъ бы
Ты приставать съ какою-то дѣвчонкой.
Ничтожное созданье! Пусть она
Съ цвѣтка порхаетъ на цвѣтокъ. Довольно!
Мнѣ надоѣло быть влюбленнымъ.

Лѣтшій.

Ну?

А мнѣ такъ вотъ не надоѣло. Каждый
То дѣлаетъ, что правится ему;
И если въ руки захвачу я тѣло,
Живое и прелестное, такъ что мнѣ
До мертвой той, что въ озерѣ лежитъ?

Водяной.

Квораксъ! Брекекекексъ! Ищи, гдѣ хочешь,
Хоть десять лѣтъ,—се ты не найдешь.
Она въ меня влюбилась, образны

Козлиныя противны ей. Прощай!
Мнѣ надо внизъ, на дно. Ты понимаешь?
Когда тебѣ твое удастся дѣло,
То я, я—Водяной, начну плясать
Подъ дудку самой молодой русалки.

(Опускается въ колодезь).

ЛѢШІЙ (кричитъ ему вслѣдъ).

Такъ вотъ какъ: скоро будешь ты катать
Людского выродка! Да, это вѣрно,
Какъ то, что звѣзды на небѣ блестятъ,
Какъ то, что рыбы плаваютъ, а птицы
Летаютъ. Ну, спокойной ночи, дѣды!
А я... впередъ по зарослямъ и чащамъ!..

(Убѣгаетъ, пригая козломъ. Виттиха выходитъ изъ хижинны и отворяетъ ставни).

Виттиха. Пора вставать. Чую разсвѣтъ. Нынче ночью что-то сильно громыхало. (Пѣніе пѣтуха). Ну да, кукуреку! Буди другихъ. Для меня тебѣ нечего трудиться. Я и безъ твоихъ кукуреку знаю все, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Курица снесла золотое яйцо. Скоро на небѣ засвѣтитъ заря. Запой свою пѣсенку, маленькій зябликъ. Новый день настанетъ—это навѣрное. Нѣтъ ли чего въ родѣ блудящаго огонька? Вотъ-на, я и забыла о моемъ аломъ камнѣ. Гдѣ онъ у меня? А, вотъ онъ. (Вытаскивается изъ кармана блестящій рубль).

Генрихъ (за сценой). Раутенделейны!

Виттиха. Такъ она сейчасъ и придетъ. Кричи побольше!

Генрихъ. Раутенделейны! Я здѣсь. Иль ты не слышишь?

Виттиха. Думается мнѣ, что не слышитъ.

(Появляется Генрихъ, на скалѣ надъ хижинной, спасаясь отъ преслѣдованія. Онъ блѣденъ и растерянъ. Въ правой рукѣ раскачиваетъ камень, готовясь бросить его внизъ съ обрыва).

Генрихъ.

Попробуйте! Осмѣйтесь! Будь то пасторъ,
Учитель, лавочникъ, цырюльникъ—кто
Шагнетъ наверхъ,—покатится отсюда
Внизъ головой! Не я, не я, а вы
Мою жену, бродяги, утопили!
Свищи пустые, сволочи! Бормотать
Готовы вы свои молитвы тридцать

Почей подь рядъ, чтобъ воротить себѣ
Пропавшій грошъ, а Бога не стыдитесь
Обманывать на цѣлые червонцы!
Ажецы вы! Лицеѣры! Адъ сухой
Своей долины вы загородили
Плотиной каменной отъ волнъ живыхъ.
И благодатныхъ райскаго потока!
Когда-жъ, когда къ намъ каменщикъ придетъ,
Чтобъ разорить ту крѣпкую плотину;
Не я имъ буду... нѣтъ, клянусь, не я!

(Онъ отбрасываетъ камень и взбирается выше).

Виттихъ. Остановись. Не ходи дальше. Туда нельзя.

Генрихъ. Старуха, что горитъ тамъ, навѣрху?

Виттихъ. Охъ, почему мнѣ знать. Тамъ былъ человѣкъ,
который построилъ—не то церковь, не то царскій замокъ.
Потомъ онъ его бросилъ. Вотъ теперь и горитъ это зданіе.
(Генрихъ въ отчаяніи пытается взобраться еще выше). Говорить
тебѣ: тамъ за стѣною обрывъ въ бездну. Чтобъ взобраться
туда, надо имѣть крылья. А твои крылья, человѣкъ, по-
ломаны.

Генрихъ.

Поломаны иль нѣтъ, но я взойду
Туда, навѣрхъ. То зданье, что пылаетъ—
Мое творенье. Понимаешь ты?
Я тотъ, кѣмъ созданъ этотъ храмъ горящій,
И все, чѣмъ былъ я, душу всю мою
Туда я ввергнулъ... Не могу я... силы
Мои слабѣютъ... не могу...

(Молчаніе).

Виттихъ. Отдохни маленько. Теперь темно идти. Вотъ
скамья, присядь.

Генрихъ.

Мнѣ отдыхать? Теперь? Когда бы ложе
Пуховое ты предложила мнѣ,
Оно бы привлекло меня не больше,
Чѣмъ груда черепковъ. И если-бъ мать,—
Ея—увы!—давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ,—
Меня теперь поцѣловала въ лобъ,
Холодный отъ озноба,—не могла бы
Она мою тревогу успокоить.

Виттиха. Что-жь, можетъ-быть, и такъ. Но, постой-ка, у меня на погребѣ найдется для тебя вино.

Генрихъ. Ждать не могу я, не могу. Воды!

(Бросается къ колодцу).

Виттиха. Зачерпни и напейся.

(Генрихъ черпаетъ и пьетъ, присѣвъ на край колодца; отсюда раздается тихій и сладостный голосъ).

Голосъ.

Генрихъ, Генрихъ, милый мой,

Надо мной легла волна.

Подъ студеною волной

Я страдаю, я больна...

Прощай, прощай!

(Молчаніе).

Генрихъ.

Что это было? Отвѣчай, старуха!

Кто звалъ меня такъ жалобно и тихо

Промолвилъ мнѣ изъ глубины: «Прощай»?

Кто ты, старуха, и гдѣ я теперь?

Мнѣ показалось, словно я проснулся:

Скала, и хижина, и ты сама—

Все это мнѣ знакомо такъ и вѣстѣ

Все это чуждо для меня. Иль то,

Что пережилъ я, было только звукомъ,

Мелькнувшимъ на мгновеніе? Кто ты?

Виттиха. Кто я? Да самъ-то ты—кто?

Генрихъ.

Кто я, кто я? Ты хочешь знать, старуха?

Я самъ объ этомъ небо вопрошалъ

Не разъ: кто я? И не было отвѣта!

Одно лишь несомнѣнно для меня:

Кто-бъ ни былъ я--герой или ничтожный

И слабый человекъ я, полубогъ

Или животное, но только къ солнцу—

Моей отчизнѣ—я стремлюсь душой.

О солнцѣ я безпомощно тоскую

И свѣтъ и ласку золотыхъ лучей

Ловлю я жадно сердцемъ и очами,

Но никогда ихъ не могу привлечь...

Что дѣлаешь ты тамъ?

Виттиха.

А вотъ увидишь.

ГЕНРИХЪ (встаетъ).

Вотъ это ладно: фонаремъ своимъ—
Онъ блещетъ ярко огонькомъ кровавымъ—
Мнѣ освѣти дорогу, что ведетъ
Туда наверхъ. Я властвовалъ когда-то
На этихъ скалахъ. Тамъ я кончу жизнь
Отшельникомъ, который одиноко
Живетъ, чуждаясь власти надъ людьми
И презирая всѣ заботы міра.

Виттиха. Не думаю. То, чего ты ищешь паверху, совсемъ въ другомъ мѣстѣ.

ГЕНРИХЪ. А ты почему знаешь?

Виттиха. Мало ли что я знаю. Вѣдь вотъ люди гнались за тобою по нѣтамъ. Да, да. А когда люди преслѣдуютъ кого-нибудь, они что волки. Когда же дѣло коснется того, чтобы встрѣтить смерть, они — стадо барановъ, въ которое ворвался волкъ. Всегда такъ бываетъ. Пастухи, что при стадѣ — вотъ молодцы-то! Они кричатъ: бѣгите, спасайтесь! И травятъ собаками не волка — нѣтъ!—а своихъ же овецъ, и загоняютъ ихъ прямо волку въ пасть. Ты самъ-то много ли лучше другихъ? Вѣдь ты преслѣдовалъ свѣтлую жизнь и не встрѣтилъ мужественно смерти.

ГЕНРИХЪ.

Ахъ, видишь ли, старуха, я не знаю,
Какъ вышло то, что вдругъ я оттолкнулъ
Жизнь свѣтлую. Да, да. Вѣдь былъ я мастеръ
И отъ своей работы убѣжалъ,
Какъ ученикъ. Тотъ колоколь, который
Я создалъ самъ, печальнымъ, скорбнымъ звукомъ
Смутилъ мнѣ сердце, покори́лъ меня;
Но все же я остался властелиномъ
Руки, что отлила его... Разбить
Я долженъ былъ въ куски свое созданье!

Виттиха. Что было, то прошло. Не воротись. На свою вершину тебѣ ужъ не взобраться. Ты былъ могучимъ росткомъ, но твой ростъ остановился. Ты былъ призванъ къ дѣлу, но не былъ избранникомъ. Иди сюда, присядь.

ГЕНРИХЪ. Прощай, старуха!

ВИТТИХА. Иди сюда, говорю тебѣ. То, къ чему ты стремишься, теперь—груда пепла. А, говорятъ, кто живъ, тотъ ищетъ жизни; тамъ ты не найдешь ея вѣкъ.

ГЕНРИХЪ. Такъ пусть умру я здѣсь, на этомъ мѣстѣ.

ВИТТИХА. Такъ и будетъ. Кто, какъ ты, взлетѣлъ въ горнюю область свѣта и упалъ, тотъ долженъ разбиться.

ГЕНРИХЪ.

Я это чувствую: мой конченъ путь.

ВИТТИХА.

Да, конченъ.

ГЕНРИХЪ.

О, если такъ, скажи мнѣ ты, кому
Открыто столько тайнаго: предъ смертию
Найду ли то, чтѣ долго такъ искалъ?
Отвѣтъ мнѣ: неужель изъ тьмы глубокой
Сойду я въ тьму еще страшнѣй, и отблескъ
Утраченного свѣта никогда
Не суждено увидѣть мнѣ?

ВИТТИХА.

Кого же

Увидѣть хочешь ты?

ГЕНРИХЪ.

Ее, ее!

Кого-жъ, какъ не ее!

ВИТТИХА.

Задумаи только

Свое желанье—сбудется оно.

ГЕНРИХЪ (быстро).

Ну, я задумалъ!

ВИТТИХА.

Ты ее увидишь.

ГЕНРИХЪ.

Возможно-ль это? Неужель настолько
Могушественна ты? Въ тогъ часъ, когда

Я умирать, и каждый вздохъ послѣднимъ
Казался для меня,—она пришла,
И, какъ весенній вѣтерокъ, проникла
Мнѣ бодрость въ грудь, и выздоровѣлъ я.
Вотъ и теперь легко, легко мнѣ стало,
Какъ будто я готовъ подняться вновь
На высоту...

Виттихъ. Нѣтъ, этому уже не быть. То, что тебя тя-
нетъ къ землѣ, слишкомъ тяжело. Да и твои собратья-люди
слабы: ты не справишься съ ними. Смотри: вотъ я ставлю
на столъ три кубка. Въ одинъ я надила бѣлаго вина, въ
другой — краснаго, въ третій — золотого. Выпьешь первый
кубокъ, — къ тебѣ сразу вернется прежняя сила. Выпьешь
второй, — къ тебѣ возвратится въ послѣдній разъ тотъ
небесный духъ, что тебя покинулъ. Но тотъ, кто выпилъ
изъ двухъ первыхъ кубковъ, тотъ долженъ выпить и по-
слѣдній. (Собирается уйти въ хижину, но останавливается и гово-
рять медленно и торжественно) Ты слышалъ: долженъ выпить.
Кончено. (Уходитъ).

(Генрихъ порывисто встаетъ. При словѣ Виттиха: «кончено», онъ
отшатывается, блѣдный. Потомъ опускается въ безсиліи на скамью).

ГЕНРИХЪ.

Да, кончено... все кончено, сказала
Сивилла вѣщая... О, сердце, сердце!
Ты чувствуешь, что этимъ словомъ
Разрѣзана нить жизни, какъ мечомъ.
Свершилось. Безполезенъ мигъ отсрочки.
Повѣялъ предразсвѣтнѣй вѣтерокъ
Изъ горнаго ущелья. День, что блѣдной
Полосою прорѣзываетъ тучу,
Уже не мой. Я столько прожилъ дней,
Но этотъ день блеснетъ не для меня.

(Беретъ первый кубокъ).

Тебя я, первый кубокъ, выпиваю,
Покуда вѣчности нѣмая тьма
Не обняла еще меня. Я вижу,
На днѣ осталась канля лишь одна:
Ужели больше не нашла старуха
Волшебнаго питья?

(Пьетъ).

Теперь—второй.
(Беретъ второй кубокъ).

Изъ-за тебя я выпилъ первый кубокъ,
И если бы не могъ отвѣдать я
Твой ароматный, пѣнистый напитокъ,
За ниръ, который Богомъ уготованъ
Намъ, жалкимъ несчастливцамъ, не могли-бъ
Хозяину воздать мы благодарность;
Теперь же я благодарю его.

(Пьетъ).

Напитокъ этотъ сладокъ и отраденъ...

(Въ то время, какъ онъ пьетъ, раздаются звуки золотой арфы. Раутенделейнъ, утомленная, блѣдная и печальная, поднимается изъ колодца, садится на край его и расчесываетъ длинныя распущенныя волосы. Лунный свѣтъ).

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (тихо поетъ).

Красавица Раутенделейнъ,
Въ глубокую ночь, одинокая,
Я кудри чешу золотыя.
Уснули всѣ птички лѣсныя,
Туманъ разстилается съ горъ,
Покинутый гаснетъ костеръ...

Водяной (изъ глубины колодца).

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Иду!

Водяной.

Иди скорѣй.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Платье мнѣ узко...

Тѣло болить...

Я бѣдная,

Проклятая русалка...

Водяной.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Сейчасъ иду.

Водяной.

Живѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

При блѣдномъ мѣсяца сіяніи
Расчесываю кудри я...
И все о немъ я думаю, о немъ,
Кто былъ когда-то
Моимъ сердечнымъ, миленькимъ дружкоймъ...
Вотъ колокольчики-цветочки
Звенять, звенять;
Про счастье, иль про горе злое?
Сдается мнѣ—
Про то и про другое...
Жить тяжело въ озерѣ, на днѣ:
Тамъ тина и вода;
Но Водяной меня тамъ ждетъ—
Иду туда.
(Хочетъ опуститься въ колодезь).
Кто тихо такъ меня зоветъ?

ГЕНРИХЪ.

Я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто-жъ ты?

ГЕНРИХЪ.

Подойди ко мнѣ поближе:
Ужели ты не узнаешь меня?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Нѣтъ, я тебя не знаю,
Уйди! Я всехъ гублю, кто говоритъ
Со мной.

ГЕНРИХЪ.

Ты мучаешь меня. Дай руку—
И ты меня признаешь.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Никогда

Тебя не знала я...

ГЕНРИХЪ.

Какъ! Не видались

Съ тобою мы?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но помню.

ГЕНРИХЪ.

Пусть меня
Накажетъ Богъ—тебя не цѣловалъ я
До крови въ губы?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Никогда.

ГЕНРИХЪ.

Меня ты

Не цѣловала?

Водяной (изъ козодца).

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Иду.

Водяной.

Домой пора.

ГЕНРИХЪ.

Кто говоритъ тамъ?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мой мужъ.

ГЕНРИХЪ.

Смотри, смотри: передъ тобой
Въ страданьяхъ я предсмертныхъ угасаю,
Не мучь меня, освободи меня!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Но что-жь ты хочешь?

ГЕНРИХЪ.

Подойди ко мнѣ.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Я не могу.

ГЕНРИХЪ.

Не можешь? Отчего?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Тамъ, подъ водой, мы водимъ хороводы,
Въ веселой пляскѣ рѣзвимся. Нога
Моя отяжелѣла, но когда я
Начну плясать,—она перестаетъ
Горѣть. Прощай, прощай...

ГЕНРИХЪ.

Не уходи...

Не уходи... Куда ты?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (опускаясь ниже края колодца).

Въ вѣчный сумракъ.

ГЕНРИХЪ.

Тамъ... кубокъ тамъ... О. Магда... Магда...
Какъ ты блѣдна... Подай мнѣ этотъ кубокъ...
Кто мнѣ подастъ, того въ послѣдній часъ
Благословлю я.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (приблизившись къ нему).

Я подамъ!

ГЕНРИХЪ.

Ты хочешь,

Ты хочешь это сдѣлать?

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Мертвецовъ

Оставь въ покоѣ.

ГЕНРИХЪ.

Чувствую тебя я,
Небесное созданіе...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прощай!

Теперь я больше не твоя, Когда-то

Была твоею милой: расцвѣтала
Въ то время май... но все теперь, навѣки
Все миновало...

ГЕНРИХЪ.

Миновало...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Да...

Ты помнишь: кто тебя баюкала пѣсней
И кто волшебнымъ голосомъ будилъ?

ГЕНРИХЪ.

Ты, дорогая, ты...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто?

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кто отдавалъ тебѣ всю прелесть тѣла?
Кого ты оттолкнулъ?

ГЕНРИХЪ.

Тебя.

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Кого?

ГЕНРИХЪ.

Раутенделейнъ!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ.

Прощай! прощай! прощай!

ГЕНРИХЪ.

Возьми меня, возьми меня съ собою...
Ночь наступаетъ... страшная для всѣхъ...

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (бросается къ нему, об-
нимаетъ его колѣни и
восклицаетъ съ востор-
гомъ).

Восходитъ солнце!

ГЕНРИХЪ.

Солнце!

РАУТЕНДЕЛЕЙНЪ (съ рыданіемъ и восторгомъ).

Генрихъ! Генрихъ!

ГЕНРИХЪ.

Благодарю...

(Раутенделейнъ обнимаетъ Генриха, прижимаетъ его губы къ своимъ губамъ, потомъ тихо опускаетъ умирающаго на скамью).

Тамъ... въ вышинѣ... звонятъ...

Звонятъ колокола... сіяетъ небо...

И солнце... солнце всходитъ! Ночь долга.

(Заря).

(Занавѣсъ падаетъ)

БѢДНЫЙ ГЕНРИХЪ.

Германское сказаніе въ пяти дѣйствіяхъ.

Переводъ В. П. Буренина.

*Посвящается памяти брата моего
Георга Гауптмана.*

Гауптманъ признался какъ-то одному вѣнскому журналисту, что, по написаніи пьесъ изъ современной жизни, онъ чувствуетъ потребность перейти затѣмъ въ совершенно противоположную, фантастическую область творчества. Такъ, «Ганнеле» было написано вслѣдъ за «Бобровый шубой», «Потонувшій колоколъ» за «Флоріаномъ Гейсеромъ». Такъ, «Бѣдный Генрихъ» появился послѣ реалистическаго «Краснаго пѣтуха».

«Бѣдный Генрихъ» написанъ въ 1902 году. 29-го ноября того же года пьеса появилась въ вѣнскомъ «Бургъ-театрѣ». Біографы Гауптмана отмѣчаютъ извѣстную преднамѣренность такой постановки сѣ не въ тѣхъ театрахъ, въ которыхъ привычно впервые выступалъ талантливый нѣмецкій драматургъ и которые въ послѣднее время дали ему не одно разочарованіе. Въ Вѣнѣ успѣхъ пьесы былъ безспорный. Впрочемъ, драма имѣла успѣхъ и въ Берлинѣ. Въ Вѣнѣ въ роли «Бѣднаго Генриха» былъ великолѣпнѣ знаменитый актеръ Кайницъ.

Сюжетъ «Бѣднаго Генриха» взятъ Гауптманомъ изъ старинной легенды, разработанной въ 12-мъ вѣкѣ швабскимъ поэтомъ Гартманомъ фонъ-Ауэ въ эпическую поэму, носящую то же названіе, какое Гауптманъ далъ своей драмѣ. Къ своей пьесѣ Гауптманъ съ полнымъ основаніемъ ставитъ поэтому подзаголовокъ: «германское сказаніе».

Содержаніе сказанія Гартмана совершенно сходно съ содержаніемъ драмы. Графъ Генрихъ заболѣлъ проказой и былъ спасенъ бѣдной дѣвушкой, дочерью своего слуги. Въ Германіи живо старинное повлѣрье, что проказа могла быть излѣчиваема кровью невинной дѣвушки. Такая кровь должна была спасти Генриха. Дѣвушка пошла на это самопожертвованіе. Но въ ту минуту, когда она уже лежала на столѣ врача изъ Салерно, Генрихъ остановилъ поднятую съ потолка руку. Небо исцѣлило его безъ страшной жертвы.

Какъ видимъ, Гауптманъ цѣлкомъ использовалъ фабулу старой саги. Самого Гартмана фонъ-Ауэ онъ ввелъ въ свою драму въ качествѣ вассала Генриха. Только въ психологическомъ отношеніи онъ сильно модернизировать тому. Легенду, исполненную чисто-внѣшней занимательности, онъ одухотворилъ высокой философскою мыслью и перенесъ центръ тяжести на психологію двухъ главныхъ героевъ драмы. Самымъ интереснымъ въ его трудѣ стала не внѣшняя канва жуткой сказки, а драматическая борьба двухъ душъ: Генриха и спасающей его дочери его фермера, Оттегебе.

Обыкновенный легендарный рыцарь подъ перомъ Гауптмана явился какъ бы новымъ Фаустомъ, человекомъ, мучительно задумавшимся подъ гнетомъ потрясшаго его несчастія надъ всѣми философскими

загадками бытія. Генрихъ усомнился въ самыхъ основахъ правды, и страшныя сомнѣнія мучатъ его, можетъ-быть, ничуть не менѣе, чѣмъ ужасъ поразившей его проказы. Все это—глубокіе міровые вопросы. Жизнь и смерть, правда и несправедливость, капризы судьбы, тщета жизни, могущей прямо отъ ступеней царскаго трона бросить человѣка въ бездну отчаянія и сдѣлать презрѣннымъ и страшнымъ для всѣхъ—вотъ что занимаетъ умъ Генриха. О подобной психологической подкладкѣ и не думалъ Гартманъ фонъ-Ауэ.

Такому же углубленію, осложненію, превращенію подверглась у Гауптмана и фигура спасительницы Генриха. Гартманъ фонъ-Ауэ разработалъ легенду въ стильныхъ средневѣковыхъ тонахъ. Колоритъ церковной святости, присущій легендѣ, у него вполне выдержанъ. Его дѣвушка проникнута идеалами аскетизма. Гауптманъ, этотъ страстный цѣлвецъ земли и плоти, органически не могъ оставить образъ въ такой окраскѣ. Святости и религіозности, враждебной красотѣ и радости, для Гауптмана никогда не существовало. У него есть своя религія земного служенія. И на мѣсто духовной аскетической любви въ образѣ Оттегебе у него выступила обычная для земли любовь женщины къ мужчине, жизнерадостная, признающая счастье тутъ же, сейчасъ, на землѣ. «Земная ли, небесная ли—любовь все та же любовь». Въ этихъ словахъ Генриха заключена философія всей романтики Гауптмана. Подъ старыя ризы легенды поэтъ подставилъ новый остоу, новый смыслъ, благодаря чему старая сказка возвысилась до глубоко-интересной философской проблемы.

Высшій смыслъ этой философіи стоитъ въ совершенной гармоніи съ основнымъ мировоззрѣніемъ поэта. Какъ въ «Потонувшемъ колоколѣ», какъ въ «Ганнелелѣ», онъ и здѣсь даетъ высшій апофеозъ любви къ человечеству, жалости къ человѣческому страданію и выражаетъ страстную мечту о томъ, чтобы цвѣты счастья росли на землѣ подъ всякимъ солнцемъ любви.

Можетъ-быть, въ этомъ высшая красота поэтической личности Гауптмана, и, можетъ-быть, нигдѣ это не сказалось такъ выразительно, какъ здѣсь, въ этой частности, въ оправданіи земной любви въ образѣ Оттегебе, изъ котораго онъ художнически-властно вычеркнулъ ея типично-средневѣковое презрѣніе къ міру.

Борьба двухъ душъ, Генриха и Оттегебе — драматическій центръ пьесы. Сомнѣвающейся и проклинающей, любящей и мзбавующей, усомнившейся въ міровой правдѣ, Генрихъ несчастенъ духовно и физически до той поры, пока не падаютъ твердины его безумной гордости. Самоотверженной, ищущая подвига, алчущая смерти ради спасенія Генриха, Оттегебе не находитъ себѣ успокоенія ни въ молитвѣ ни въ самобичеваніи до той поры, пока ея не возрождаетъ земная любовь.

Изъ этого сопоставленія совершенно ясна основная мысль Гауптмана. Только живая, дѣйственная любовь, не оторванная отъ земли, но къ ней трогательно приникшая—залогъ счастья человечества. Безъ нея бесплоденъ человѣческій умъ (Генрихъ). Безъ нея нѣтъ радости и красоты даже въ человѣческомъ самоотреченіи и безумствѣ самопожертвованія (Оттегебе). Чудо спускается съ небесъ не тамъ, гдѣ бунтуетъ гордый умъ или сердце полно мечтой низменнаго служенія, но тамъ, гдѣ расцвѣтаетъ во всей красотѣ свѣтлое земное чувство любви.

Въ «Потонувшемъ колоколѣ» эта вѣра Гауптмана не позволила ему оставить дитящину Генриха на высотахъ, и онъ сошелъ въ долины,

тройный земными слезами. В «Видном Генрихе» — еще новая мотивировка такого взгляда, явный протест против «подвига в одиночку». Выяснить, насколько личным переживанием Гауптмана нашли отражение в этой философии, — дело будущего его биографа. Но не чувствовать здесь известной близости этих идей сердцу самого поэта — невозможно.

Драма Гауптмана написана в трезво-реальных тонах. В авторе сказана былой натуралист. В сущности, это было большою трудностью — примешать основания реализма к фону благочестивой легенды, прямо построенной на чистой фантазии.

Критика не раз указывала на то, что Гауптман не везде победил эту трудность. Весь захватывает реальная обстановка представления. Вы видите цыциком дворъ Генриха. Для вас во всей реалистической красочности и бытовой характерности встают фигуры фермера Готфрида, Бригиты, типичного, точно из бронзы отлитого старого слуги Отакера. Все это годится цыциком в заправскую реалистическую драму. Ничуть не был бы в ней диссонансом и все думы и чувства Генриха. Но вот вам предоставляется поверить в то, что проказа может быть излечена жертвоприношением дѣвушки. Этого мало, вы должны поверить, что Генрих — мудрый, во всем усомнившийся, прямо-таки стоицизм на высоте современного положительного знания — этот Генрих поверить в чудесное свойство поща врача из Салерно, пощадеть за дѣвушкой и не дать совершиться преступлению только за мгновение до конца.

Реалистической критикѣ, подходящей с таким запросом к драмѣ-сказкѣ, было бы нечѣмъ возражать, если бы по существу не было самой бесспорной ошибкой подходить с реалистическими запросами к светлому миру сказочных грез. Разумеется, тогда нѣтъ выдержанности ни в «Фаустѣ», ни в «Макбетѣ», ни в «Снѣ в Иванову ночь», потому что сатана не сходил на землю, вѣдьмы не существуют, и никто не был в мирѣ эльфов. Всякая сказка неизбежно в своей основѣ условна.

Еще меньшую цѣну надо придать и упрекам тѣх критиков из крайних реалистов, которые осуждают «истеричность» Оттегебе. Они скорбят, зачѣм Гауптман взял здесь «не здоровую» натуру. С психиатрическим учебником в руках, они выискивают черты истерии в чудесном образѣ Оттегебе. Они готовы назвать латинским термином форму ея «психоза».

Это звучит совершенной папавностью. Какая нужна партійная, школьная узость, чтобы сказочный образ самоотверженной мечтательницы класть на мраморный столъ клиники под ланцеты современной медицинской науки! Это именно то профанированное поэзии, отъ которого предостерегал Штейгеръ в отношеніи Гауптмана, — то стирание прелестной красочной пылы с крыльев бабочки, которое неизбежно для любопытнаго мальчугана, задумавшаго «исследовать» бабочку.

Критик и читатель здравого поэтического вкуса могут даже не подумать объ этомъ безъ подсказа критиков-доктринеровъ. В Генрихѣ они справедливо увидят живой символъ души, исцѣленной любовью отъ гордыни ума и ненависти сердца. В Оттегебе они найдутъ подобный Ганнеле и Раутенделейн символъ женственного начала, находящаго себя въ просторѣ живой любви и освѣщающаго земной путь другого. Разница между Оттегебе и Раутенделейнъ лишь в томъ, что Оттегебе — чисто-земное существо, только неземной чистоты и порыва

Въ драмѣ Гауптмана много поэтическаго, много философскаго. Она написана чудеснымъ стихомъ, такъ что даже такіе критики Гауптмана, какъ Баргельсъ, не желающій видѣть иныхъ красотъ, кромѣ реальныхъ, считаютъ «Вѣднаго Генриха» лучшимъ изъ стихотворныхъ произведеній Гауптмана. Отъ нея вѣетъ прелестью старо-германской саги, и Гауптманъ здѣсь націоналенъ немногимъ менѣе, чѣмъ въ «Потонувшемъ колоколѣ». Въ пьесѣ есть символы, но они ясны, доступны и свободны отъ тумана, какой, напримѣръ, сгущается въ послѣднемъ актѣ «Потонушаго колокола». Самого по себѣ содержація легенды мало для пяти актовъ. Отсюда въ пьесѣ нѣкоторое изобиліе пространныхъ рѣчей и относительная скудость движенія. Самъ Гауптманъ намѣренно вынесъ за кулисы нѣкоторыя ярко-драматическія сцены, хотя бы, напримѣръ, сцену у сазернскаго врача, о которой мы узнаёмъ уже только изъ разсказа самого Генриха. Нѣкоторые акты точнѣе слѣдовало бы назвать картинами настроенія, правда, превосходными въ своей лирической красотѣ и дающими истинно-художественное проникновеніе въ душу прокаженного страдальца.

Послѣ бурныхъ восторговъ, сопровождавшихъ постановку «Потонушаго колокола», послѣ неудачъ съ «Флоріаномъ Гейеромъ» и «Краснымъ пѣтухомъ», послѣ сравненій съ Гёте и Шиллеромъ и неистовыхъ криковъ: «долой Гауптмана» *), — «Вѣдныиъ Генрихъ» принесть поэту то спокойствіе увѣреннаго успѣха, которое, можетъ-быть, всего дороже писателю.

*) Подъ такимъ названіемъ существуетъ даже спеціальная книжка Ландоберга, между прочимъ переведенная и на русскій языкъ.

БѢДНЫЙ ГЕНРИХЪ.

Германское сказаніе въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГЕНРИХЪ ФОНЪ-ЛУЭ.
ГАРТМАНЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ЛУЭ.
ГОТФРИДЪ.
БРИГИТА.
ОТТЕГЕБЕ.
ПАТЕРЪ БЕНЕДИКТЪ.
ОТАКЕРЪ.
Рыцари и слуги въ замкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садикъ при домѣ Готфрида. Налѣво крыльцо съ входной дверью. Неподалеку отъ дома старыя вѣсы; подъ нимъ каменный столъ и скамья. Изъ-за дерева виднѣются вдали зеленые холмы, ближе—сжатые нивы. На горизонтѣ лѣсъ. Мѣстами группы сосенъ.

(Готфридъ поднимаетъ землю у стола. Отакеръ, слуга лѣтъ подъ сорокъ, въ одеждѣ съ гербами, въ сапогахъ со шпорами, входитъ осторожно, стараясь не сдѣлать шума, быть незамѣченнымъ, но при первомъ шагѣ спотыкается, увидѣвъ Готфрида; блѣдное его лицо, окаймленное черной бородой, блѣднѣетъ еще больше).

Готфридъ. Слава Христу!

Отакеръ. Во вѣки вѣковъ.

Готфридъ. Куда это вы поднялись такъ рано?

Отакеръ. Проѣхаться на конѣ, поскакать... Самъ не знаю, куда.

Готфридъ. А если васъ спроситъ господинъ?

Отакеръ, (переминается въ смущеніи). Спроситъ господинъ?... Можетъ-быть... То-есть я такъ хочу сказать... Коли Господь

повелить, все измѣнится... А худое что выйдетъ... Я тогда вернусь...

Готфридъ. Я не понимаю васъ. Но случилось ли у васъ съ кѣмъ-нибудь несчастье дома?

Отакеръ. Тсі! Тинел! Да, да, случилось. Я долженъ уйти. Видите что: мать, да и сестра тоже... Непріятная штука... Понимаєте?.. Иначе придется воевать съ самимъ сатаною... Если бы были живы тѣ, кого я оставилъ тамъ, въ пустынѣ, они бы подтвердили это.

Готфридъ. Что съ вами? Вы нездоровы?

Отакеръ. Нѣтъ. Спаси насъ Богъ отъ всякихъ дурныхъ болѣзней, отъ злыхъ напастей, отъ грѣховныхъ навожденій и чумы. Я еще стою на ногахъ, кровь моя здорова и чиста. Надѣюсь, такъ и впередъ будетъ. Въ мірѣ зло, его положилъ дьяволъ. Но Христосъ защититъ меня. Я купилъ себѣ отпущеніе грѣховъ кровью многихъ турокъ, добычу отдалъ попомъ, и на груди у меня частица креста изъ Святой земли. Но все-таки я боюсь. Я долженъ уйти отсюда. Мнѣ привидѣлся худой сонъ... Всякій, кто можетъ умереть, долженъ беречь свою шкуру. (Уходитъ).

Готфридъ (смотря ему вслѣдъ). А вѣдь, ей-Богу, онъ вывелъ коня, вскочилъ на сѣдло, далъ шпоры и усакалъ!

(Изъ дома выходитъ Бригита, за ней Оттегебе. Бригита, почтенная матрона, не походитъ на крестьянку. Оттегебе — блѣдный ребенокъ, только-что разившійся въ молодую дѣвушку. Большіе, голубые, глубокіе глаза, волосы пепельные съ красно-золотыми отливами. Мать и дочь приносятъ скатерть и столовую посуду).

Бригита. Гдѣ накрыть столъ для нашего милостиваго господина? Готфридъ, эй, Готфридъ!

Готфридъ (очнувшись изъ задумчивости). Что такое? Ты звала меня?

Бригита. Да, звала. Супъ уже готовъ, рыба сварена, сливки сбиты. Гдѣ мнѣ накрыть столъ для господина?

Готфридъ (указывая на каменный столъ). Вотъ здѣсь. Этотъ столъ всегда служилъ для обѣда. Помнишь, Оттегебе, господинъ еще мальчикомъ сидивалъ тутъ.

Оттегебе (взволнованно киваетъ головой). Да, отецъ, помню... Надо еще свѣжаго меда, отецъ. Ты говорилъ, что вырѣжьешь соты.

Готфридъ (недовольнымъ тономъ). Кто это вилелъ тебѣ ленту въ волосы?

Оттегебе. Ленту?

Готфридъ. Ну, да, дѣвочка, красную ленту. (Оттегебе молчитъ).

Бригита. Я говорила тебѣ: отецъ увидить, будетъ бранить. (Оттегебе снова блѣднѣетъ, стараясь удерживать слезы, срываетъ ленту, бросаетъ на землю и уходитъ).

Бригита. Она надѣла ленту ради нашего господина. Теперь ей стало стыдно.

Готфридъ. Бѣда съ дѣвочкой. Я боюсь, какъ бы она своею живостью не разсердила господина. Онъ уже не мальчикъ, какимъ былъ тогда. Много лѣтъ прошло съ той поры, какъ она ходила на помочахъ, а онъ возился съ ней, какъ всѣ мальчики.

Бригита. Мнѣ кажется, онъ что-то невеселъ.

Готфридъ. Не знаю. Тотъ, кто видѣлъ вчера, какъ онъ среди другихъ охотниковъ указывалъ, смѣясь, рукояткою меча на нашъ дворъ, тотъ не подумалъ бы, что тѣнь горя коснулась его лба. А сегодня я вижу въ немъ совсѣмъ другого человѣка.

Бригита. Меня удивляетъ, что это онъ пріѣхалъ къ намъ теперь? Видь всѣ говорили, онъ долженъ жениться. И вдругъ остался у насъ въ глуши.

Готфридъ. У знатныхъ господъ бываютъ странности.

Бригита. Конечно. Конюхъ его вчера вечеромъ толковалъ что-то о Моисеевомъ законѣ, по которому слѣдуетъ, вишь, мить стѣны прокаженныхъ домовъ, чтобъ уничтожить ядъ заразы...

Готфридъ. Кто тебѣ объ этомъ сказалъ?

Бригита. Оттегебе, наша дѣвочка.

Готфридъ. Вотъ что, Бригита: заткни уши отъ всякихъ дурныхъ слуховъ. Нашъ господинъ въ такой чести и въ такой милости у императора. Ну, стало-быть, его и недолюбливаетъ намѣстникъ св. Петра. Вотъ нищіе монахи и распространяютъ въ народѣ ложь. А нѣтъ такой глупой лжи, которой бы не повѣрили.

Бригита. Кажется, онъ идетъ сюда по дорогѣ изъ лѣса.

Готфридъ. Да, это онъ.

Бригита. Смотри, какъ онъ согнулся, не можетъ держаться прямо.

Готфридъ. Если ты такъ будешь говорить, то огорчишь господина.

Бригита. Вонъ, какъ онъ глядитъ на утреннюю зарю.

Готфридъ. Да, да. Ну, Бригита, я уйду теперь. А ты проси его къ столу почтительно и кротко. Потомъ, если онъ позволитъ, уйди и ты.

Бригита. Хорошо, хорошо, старикъ. Не безпокойся.
(Готфридъ уходитъ).

(Генрихъ фонъ-Аузъ входитъ медленно и задумчиво. Это стройный рыцарь съ длинными кудрами, выхоленной рыжеватой бородкой; блѣдное лицо; большіе голубые безпокойные глаза).

Бригита.

Богъ въ помощь, господинъ.

ГЕНРИХЪ (поднявъ глаза и только теперь увидавъ ее, торопливо).

Бригита, здравствуй.

Бригита.

Вамъ столъ готовъ. Вотъ все тутъ, что нашлось
На нашей мызѣ отдаленной.

ГЕНРИХЪ.

Слышать

Я съ вечера, какъ будто на дворѣ
Мулы и кони двигались, не правда-ль?

Бригита.

Нѣтъ, господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Такъ около полночи?

(Бригита отрицательно качаетъ головой).

ГЕНРИХЪ.

Какъ рано. Скучно мнѣ безъ книгъ моихъ.

Бригита.

Но пожелаете-ль еще чего?

ГЕНРИХЪ.

Желаю

Я многого.

Бригита.

Я говорю о томъ,
Что я могу исполнить.

ГЕНРИХЪ.

Что ты можешь
Исполнить? Нѣтъ. Но можетъ-быть... Посмотримъ...

Теперь пока не нужно ничего.
Благодарю.

Бригита.

На доброе здоровье.

(Уходит).

ГЕНРИХЪ (опираясь о стволъ вяза,
глядитъ вверхъ и говоритъ
съ сдержаннымъ волненіемъ
про себя).

Еще въ листь зеленой вязъ стоитъ
И поднимаетъ вѣтви онъ спокойно
Въ холодный воздухъ яснаго утра.
Серебряное, острое дыханье
Мороза скорого его нарядъ
Сорветъ и оголитъ, но онъ объ этомъ
Ничего не тревожится. Кругомъ,
Куда ни взглянешь, все полно блаженствомъ
Спокойствія... И только человѣкъ, —
И только я спокойствія не знаю!
Миръ, возвратись ко мнѣ! Ты близокъ здѣсь:
Ты спишь на тѣхъ лугахъ, тобою вѣсть
Отъ этихъ сосенъ, мнѣ знакомыхъ съ дѣтства,
Шварцвальдскихъ старыхъ сосенъ! Среди горъ
Моей привѣтной родины ты дома:
Такъ будь же другомъ, будь же братомъ мнѣ!

Готфридъ (выходитъ изъ дома).

Поклонъ мой господину.

Генрихъ.

Съ добрымъ утромъ,

Старикъ.

Готфридъ.

Да, это утро для меня
Ужъ точно доброе, я не zapomню
Такого въ жизни: дорогой мой гость
И благородный господинъ встрѣчаетъ
Меня въ дому. Вы пристыдили насъ,
Особенно меня: я старой соней
Предъ вами оказался и плохимъ
Хозяиномъ.

ГЕНРИХЪ (принимается за завтракъ).

Другъ добрый, обо мнѣ
Не хлопочи. Я прежде спать отлично
И въ шумномъ лагерѣ и въ замкахъ, гдѣ
Съ утра до ночи слышенъ скрипъ воротъ,
И крики конюховъ, и конскій топотъ.
Здѣсь, у тебя, такая тишина,
Но все внутри меня тревогой полно.
И въ часъ ночной, какъ надъ болотомъ мѣсяцъ
Льется мертвый свѣтъ и въ полѣ гдѣ-нибудь
Трещить кузнечикъ, въ головѣ моей,
Въ моей душѣ я слышу шумъ турнировъ
И хороводовъ, и сраженій гулъ,
И звуки чуждыхъ языковъ, и шопотъ
Какихъ-то голосовъ—и не могу я
Никакъ заснуть.

ГОТФРИДЪ.

Вы худо спали ночь
Подъ этимъ кровомъ?

ГЕНРИХЪ.

Сонъ и кровъ!.. Несчастенъ
Тотъ, у кого нѣтъ крова. Правда?

ГОТФРИДЪ.

Да,
Мой добрый господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Послушай, вотъ что:
Ужъ много лѣтъ привыкъ я предъ зарей
Иль въ полночь даже покидать. И если
Объ этомъ вы узнаете, прошу,
Не удивляйтесь и меня оставьте...

ГОТФРИДЪ.

Домъ, гдѣ живемъ мы, господинъ,—онъ вашъ,
И ваша здѣсь земля. И развѣ можемъ
Мы васъ оставить? Разбудите насъ,
Когда вамъ будетъ бодрствовать угодно.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, спите, мирно спите! Отдыхъ свой
Трудомъ дневнымъ тяжелымъ заслужили
Вполнѣ вы. Для чего тревожить васъ?
Благодарю. Въ тебѣ я вижу снова,
Что зналъ давно, еще въ дни дѣтства: сердце!
Но я пришелъ сюда не для того,
Чтобы тебя заботой потревожить
Въ твоемъ убѣжищѣ. Я объ одномъ
Прошу, старикъ, чтобы ты не помѣшалъ мнѣ
У твоего родного очага
Наединѣ съ собою оставаться.

ГОТФРИДЪ (помолчавъ).

Позволите уйти мнѣ?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, присядь.
Певѣрно понялъ ты меня. Отрадно
Мнѣ видѣть голову твою сѣдую
И снова слышать послѣ многихъ лѣтъ
Твой милый, добрый голосъ. Не печалься,
Коль я теперь кажусь тебѣ чужимъ
И непривѣтливимъ. На этой скудной
Землѣ, тобою воздѣланной, себя
Я чувствую чужимъ, я будто связанъ,
Но все-жъ, когда ты руку мнѣ подашь,
Моя роднымъ пожатіемъ отвѣтить.

ГОТФРИДЪ (становится передъ нимъ на
колѣно и хочетъ поцѣловать
его руку; Генрихъ ее резко
отдергиваетъ).

Вы здѣсь чужой?! Господь помилуй насъ!
Да если вы не доблестнѣйшій рыцарь
Отчизны нашей, гдѣ-жъ найти другого
Въ германскихъ странахъ? Тѣломъ и душой
Германецъ вы и сынъ земли родимой,
Какъ эти сосны. Вашихъ предковъ кровь
Была чиста и чистой сохранилась
Въ потомкѣ благородномъ.

Генрихъ (мрачно).

Можетъ-быть.

Алмазь всегда алмазомъ остается,
Хотя-бъ его на рубищѣ носилъ
Несчастный Лазарь.

(Внезапно мѣняетъ тонъ).

Но объ этомъ больше
Не будемъ говорить. Сядь. Расскажи
О чемъ-нибудь иномъ. Повѣрь, отрадиль
Мнѣ всѣхъ рѣчей придворныхъ мудрецовъ
Та болтовня, которую кудахчетъ
Насѣдка на дворѣ... Скажи, твой трудъ—
Приносить выгоду тебѣ онъ? Сколько
Коровъ и лошадей имѣешь ты?
Хорошъ ли урожай зерна, плодовъ
И винограда? Вотъ о чемъ теперь
Хочу я знать. А разговоръ о туркахъ,
О войнахъ Креста, о гибеллинахъ
И гвельфахъ мы оставимъ.

Готфридъ.

Господинъ,

Я неумѣло говорю, и если
Васъ огорчилъ, меня простите вы.
Живя въ глуши, обычаямъ придворнымъ
Не могъ я обучиться.

Генрихъ.

На горѣ,

Тамъ, гдѣ засѣянное поле съ лѣсомъ
Граничить,—что такое тамъ—ячмень?

Готфридъ.

Да, милостивый господинъ.

Генрихъ.

Когда я

Вчера подъ вечеръ ѣхалъ тамъ, меня
Привлекъ хоръ дѣтскихъ голосовъ, что пѣли
Ave Maria, и примѣтилъ я
Костеръ неподалеку межъ камнями.
Я слѣзъ съ коня, приблизился къ костру

И вижу: у огня толнятся дѣти —
И дѣвочки и мальчики. Казались
Мнѣ привидѣньями они. Шутя,
Я ихъ окликнулъ: «Эй, вы, чертенятки
И вѣдьмочки—здорово! У костра
Что варите и жарите вы ночью?»
Услышавши мой голосъ, всѣ они
Вспорхнули, точно спугнутыя птички,
И лишь одна осталась и въ смущеньи
Стояла предо мной и на меня
Смотрѣла молча. Я спросилъ: «Нѣмая
Ты, можетъ-быть?» Она ни слова мнѣ
На это не отвѣтила.

Готфридъ.

Простите,
Мой господинъ, ребенку: это дочка
Моя родная, Оттегебе. Въ ней
Есть что-то странное. Заботъ немало
Приноситъ мнѣ и матери она.

Генрихъ.

Въ ней что-то странное есть... Это правда...

Готфридъ.

Ее вы знали въ дѣтствѣ, господинъ,
И часто брали на коня, бывало.
И въ тѣ поры, ребеночкомъ, она
Была пуглива, точно перепелка,
Что прячется во ржи. Но вы ее
Привлечь умѣли, и она ручною
Казалась съ вами.

Генрихъ.

Да, я помню, помню!
Когда, бывало, возвращался я
Съ охоты чрезъ ущелья и овраги,
Меня встрѣчала дѣвочка, и съ нею
Здоровался я, бодрый и веселый.
И звать ее я маленькой женой.
Хорошіе то были годы: сердце
Перепожнялось жизнью, въ головѣ
Кружились мысли, точно въ часъ заката

Рой комаровъ. Какъ я теперь далека,
Какъ я отсталъ отъ этихъ дней волшебныхъ
Моей весны! Я не узналъ ее,
Ты Оттегебе, что была въ то время
Моей подругой. Точно никогда
Моя собака, вѣрная Діана,
Ей не лизала руки и лицо,
А я не гладилъ волосы малытокъ
И не игралъ охотничьихъ сигналовъ
Въ мой рогъ. А между тѣмъ вѣдь это все
Я дѣлалъ часто..
(Входитъ Оттегебе. Она несетъ медъ на блюдечкѣ).

Готфридъ.

Вотъ и Оттегебе
Пришла сама, мой добрый господинъ.

Генрихъ.

Что принесла ты?

Оттегебе (слы дыша).

Свѣжій медъ.

Генрихъ.

Однако

Ты говоришь? Я думаю, ты нѣмая.
Пріятно мнѣ твою услышать рѣчь.
Сядь на скамью, вотъ здѣсь, и потолкуемъ.
Ну, ободрись, не бойся, я, вѣдь добръ,
Повѣрь мнѣ, добръ и кротокъ... Хорошо ли
Тебѣ живется?

Оттегебе (дрожа отъ робости).
Хорошо.

Генрихъ.

Всегда?

Оттегебе (почти теряя сознание отъ
страха).

Да, господинъ

Генрихъ.

Вотъ видишь, хорошо ты
Живешь всегда, а императоръ Фридрихъ,

Въ коронѣ золотой, живеть въ борьбѣ,
Въ лишенныхъ вѣчныхъ и пуждѣ. Богаче
Ты, стало-быть, его, мое дитя,
Не говоря ужъ обо мнѣ. Не скучно
Тебѣ въ горахъ здѣсь?

(Оттегебе отрицательно качаетъ головой).

Нѣтъ? Но что же

Ты дѣлаешь, чтобъ не скучать?

ОТТЕГЕБЕ (не отвѣчаетъ отъ сильнаго
смущенія, наконецъ гово-
рить).

Молюсь.

ГЕНРИХЪ.

Молиться хорошо. Скажи, какой же
Святой ты чаще молишься?

ОТТЕГЕБЕ (попрешему смущаясь).

Меня

Ужъ вылѣчила Матерь Божья.

ГЕНРИХЪ.

Вотъ какъ!

Ужъ вылѣчила. А меня Она
Покрыла ранами. Она вѣдь можетъ
И раны наносить.

ОТТЕГЕБЕ.

Нѣтъ, господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты думаешь, что нѣтъ? Учить ты хочешь
Меня? Ну, что же, научи.

(Оттегебе съ силою отрицаетъ движеніемъ головы).

ГОТФРИДЪ.

Прошу

Къ ней снисхожденія: она недавно
Съ одра болѣзни встала.

ГЕНРИХЪ.

Отчего

Ты прячешь руку правую?..

Готфридъ.

И то вѣдь...

Дай руку, покажи.

Оттегеве.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ.

Готфридъ.

Ахъ, ты, упрямая дѣвчонка. Ну же,
дай руку правую свою...

Бригита (за сценой).

Готфридъ!

Оттегеве.

Тамъ мать зоветъ...

(Хочетъ уйти).

Бригита (за сценой).

Готфридъ!

Готфридъ.

Прошу прощенья...

Генрихъ.

Иди, иди.

(Готфридъ уходитъ).

Генрихъ.

Ну, повтори скорѣй:

Меня ты знаешь?

(Оттегеве съ возмущеніемъ киваетъ утвердительно головой).

Кто же я, скажи мнѣ?

Оттегеве.

Нашъ господинъ

Генрихъ.

Есть у змѣи пора,
у птицы есть гнѣздо, и есть берлога
у звѣря каждаго. Но тотъ, кого
своимъ ты господиномъ называешь,

Убѣжища онъ не имѣеть. Да,
Гдѣ-бъ онъ ни проходилъ, земля повсюду
Подъ нимъ горитъ, какъ пламень ада. Ты
Смѣешься? Отчего же?

ОТТЕГЕБЕ (спачала разсмѣявшаяся короткими, болѣзненно-радостными смѣхами, сдерживается, блѣднѣетъ и робко смотритъ на него испуганнымъ взоромъ).

Я?..

ГЕНРИХЪ.

Ты знаешь,

Какъ я зовусь?

ОТТЕГЕБЕ (дрожа).

Да, Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Хорошо.

А какъ еще?

ОТТЕГЕБЕ (дрожа).

Тебя зовутъ графъ Генрихъ

Фонъ-Ауэ.

ГЕНРИХЪ.

Да, такъ зовутъ меня.

Но правда-ль то—Богъ вѣсть. Скажи, давно ли
Меня ты знаешь?

ОТТЕГЕБЕ (дрожа).

Знаю я давно-ль?

ГЕНРИХЪ.

Ну, да, дитя мое.

ОТТЕГЕБЕ (дрожа).

Два года будетъ.

ГЕНРИХЪ.

Два года? Два? Миѣ кажется, что ты
Ошиблась. Здѣсь я былъ въ послѣдній разъ,
Дамъ слово рыцаря, тому лѣтъ девять.
Съ тѣхъ поръ я въ вашъ не возвращался домъ.

ОТТЕГЕВЕ (въ сильномъ смущеніи).

Тогда я маленькой была.

Генрихъ.

Да, правда,

Ты маленькой была. Вотъ почему
Неточно время ты воображаешь.
Дитя, назадъ тому два года гость
Твой бѣдный, что сухую корку хлѣба
Былъ предъ тобой, средь мраморныхъ палатъ
Лежалъ, внимая шуму водометовъ,
Журчавшихъ въ свѣтлыя бассейны, гдѣ,
Рѣзаясь, мелькали рыбки золотыя;
Онъ пологъ былъ блаженствомъ, о которомъ
Не грезилось тебѣ, мое дитя,—
Блаженствомъ рая... Да, тамъ рай волшебный:
Тамъ у безмолвныхъ береговъ тростникъ
Колышется, и кинарисовъ тѣни
Ложатся на цвѣтной коверъ азалій,
Тамъ дремлютъ моря ласковыя волны,
Какъ будто кровью голубыхъ цвѣтовъ
Обливши мраморъ ступеней, гондолы
Плывутъ, сверкая золотой рѣзбой
И драгоценными камнями... Слышишь
Ты звуки пѣсни грустной? То идетъ
Рабыня смуглая туда, гдѣ кедры
Склоняютъ вѣтви къ водамъ родника;
Серебряный кувшинъ свой наполняя
Прохладною струей, поетъ она
На языкѣ чужомъ и непонятномъ,
И льется въ душу пѣснь, какъ ароматъ
Ея любви, томленьемъ обивая...
Но это было все... и все прошло..
Теперь я здѣсь съ тобой, а не въ Палермо
И не въ Гренадѣ... Расскажи еще,
Что знаешь обо мнѣ ты?

ОТТЕГЕВЕ (робко).

Ничего я

Не знаю больше, господинъ.

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ,

Не вѣрю. Это было-бъ слишкомъ мало

Для умныхъ глазъ твоихъ. Теперь скажи
Мнѣ искренно, малютка Оттегебе,
Святая Оттегебе, съ ореоломъ
Изъ льна и шелка, какъ я называлъ
Тебя въ тѣ дни, когда ты довѣряла
Мнѣ болѣе, чѣмъ матери? Ну, какъ?
Припомни.

(Оттегебе стоитъ въ сильномъ смущеніи, отвернувшись и потупившись, перебираетъ то передникъ, то платокъ и нѣсколько разъ разражается смѣхомъ, который испуганно подавляетъ. Отъ страха у ней подкашиваются ноги, и только послѣ нѣсколькихъ поощреній со стороны Генриха она говорить тихо и замкансь).

ОТТЕГЕБЕ.

Маленькой своей женою.

ГЕНРИХЪ.

Да, да. А скоро ли тебя, признайся,
Такъ назоветь, какъ называлъ тогда
Шутя я,—назоветь теперь взаправду
Какой-нибудь здоровый парень, а?
(Оттегебе бѣднѣетъ и убѣгаетъ въ испугъ).
Куда уходишь ты?

ОТТЕГЕБЕ (остановившись, дрожаща).

Мнѣ показалось,
Зоветъ отецъ...

ГЕНРИХЪ.

Останься и присядь.
Быть-можетъ, не желая, я затронулъ,
Что дорого тебѣ. Мнѣ было-бъ жаль,
Если это сдѣлалъ я...

(Оттегебе уходитъ).

ГОТФРИДЪ (входитъ, вздыхая).

Никакъ не можемъ
Мы сладить съ дѣвочкою, господишь.
Сейчасъ бѣду такую натворила:
Соты изъ улья стала вынимать,
И пчелы укусили ей и руки
И плечи. Видите ли, какова:
Я медъ забылъ подать вамъ, такъ проворно
Распорядилась дѣвочка сама.

ГЕНРИХЪ (удивленный и повеселѣвшій).

Какъ, неужель изъ-за того, чтобъ меду
Немного для меня достать, она
Не побоялась пчелъ?

(Смѣется).

Готфридъ, поди-ка
И Отакера позови: пусть онъ
Сейчасъ достанетъ изъ сѣдла цѣпочку
Серебряную. Подарю ее
Я маленькой моей женѣ. Ну, что же
Ты не идешь?

ГОТФРИДЪ (перомыкался).

Вѣдь онъ уѣхалъ.

ГЕНРИХЪ.

Кто?

ГОТФРИДЪ.

Да Отакеръ-то, вашъ оруженосецъ.

ГЕНРИХЪ.

Куда уѣхалъ? Кто послалъ его?

ГОТФРИДЪ.

Я думалъ, господинъ, что вы объ этомъ
Ужъ знаете.

ГЕНРИХЪ (сдерживая глубокий вздохъ).

Да, я бы долженъ знать,
Но я не зналъ.

(Всканиваясь и начиная ходить, блѣдный и стараясь побороть свое волненіе).

Имѣй, Готфридъ, терпѣнье,
Прошу тебя... И ты когда-нибудь
Узнаешь, для чего я возвратился
Въ зеленую могилу вашу, гдѣ
Все вѣетъ запахомъ сосны. Но только
Теперь о томъ оставимъ разговоръ.
Прими меня, прошу я ради Бога,
Какъ будто-бъ я не графъ фонъ-Аузъ,
Но бѣдный странникъ, что пришелъ искать
Убѣжища и мира.

Готфридъ.

Господинъ мой...

Генрихъ.

Когда бы былъ я господиномъ, ты
Меня бы здѣсь не встрѣтилъ. Ты слышалъ ли,
Чтобъ господина покидалъ слуга,
Который вѣренъ былъ всегда? И что же—
Я не могу, не смѣю наказать
И избранить его. Итъ, итъ, что ты мнѣ
Даришь теперь,—все это я приму
Какъ даръ, какъ милость. Я не за оброкомъ
Пришелъ къ тебѣ, не десятину взять:
Пришелъ за добровольнымъ подаяньемъ,
За милосердьемъ я пришелъ, Готфридъ!

Готфридъ.

Я, господинъ, ушамъ своимъ не вѣрю:
Богатый Генрихъ фонъ-деръ-Ауэ
Крестьянина простого и слугу
Бѣднѣйшаго о милостинѣ просить...

Генрихъ.

Да, Генрихъ фонъ-деръ-Ауэ теперь
Сталъ бѣднымъ Генрихомъ. Тебѣ куда
Я больше не могу сказать. Настанетъ
И день и часъ... и даже дни... часы,
Когда ты будешь слышать постоянно
Мучительныя жалобы мои
На все, о чемъ меня ты спросишь взглядомъ
Иль словомъ. Я останусь здѣсь у васъ
Недѣли, мѣсяцы, года! А если
Уйду когда-нибудь,—молчи объ этомъ...
Все скрытое откроется потомъ...
Довольствуйся покуда этимъ. Слышишь?..
То сердце, что утратило покой,
Безъ отдыха должно искать покоя.
Дай, добрый человекъ, мнѣ то, что вижу
Я у тебя во взорѣ—кроткій миръ.
Да, озари мнѣ душу тихимъ свѣтомъ:
Спокойствіе и миръ дороже ей
Сокровищъ драгоценныхъ Саадины.
(Медленно уходитъ).

(Готфридъ, глубоко потрясенный его рѣчью, смотритъ ему вслѣдъ. Входить Бригита).

Бригита.

Нашъ господинъ ушелъ сейчасъ?

Готфридъ.

Ушелъ.

Что стало съ нимъ? Ты понимаешь это?

Бригита.

Нѣтъ, я не понимаю ни его
Ни нашу дочь. Она лежитъ и плачетъ,
Клянется, что должна его спасти.

Готфридъ.

Спасти? Но отъ чего-жъ спасти?

Бригита.

Не знаю.

Она не признается. Говоритъ:
У патера спросите Бенедикта.

(Запавъсь падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кухня въ домѣ Готфрида. Большой очагъ съ крышей и трубой по срединѣ. Металлическая и глиняная посуда на полкахъ. На стѣнахъ оружіе. Въ одномъ углу распятіе. Направо недалеко отъ очага поставленный стулъ; передъ нимъ на полу оленья шкура. Надъ очагомъ и на лѣвой стѣнѣ оленьи головы, голова зубра и нѣсколько арбалетовъ. —
Зима.

Бригита съ засученными рукавами наполняетъ мѣшокъ патеру Бенедикту хлѣбомъ, сыромъ и проч. Бенедикту подлѣ пятьдесятъ лѣтъ. Энергическое затормозенное лицо съ выраженіемъ достоинства; сѣдые волосы. На немъ бѣдная ряса.

Бенедиктъ. Не знаю. Не спрашивайте меня. Его отецъ былъ настоящимъ храмовымъ рыцаремъ. Мой отецъ, хотя онъ былъ изъ крестьянъ, но богатъ и всѣмъ уважаемъ, передъ своей кончиной завѣщалъ мнѣ: будь вѣрноподданниномъ. Онъ хотѣлъ сказать не только о Господинѣ на небесахъ, но о нашемъ добромъ земномъ господинѣ, который

помогать ему въ голодные годы, пилъ съ нимъ вино и шелъ за его гробомъ съ обнаженной головою, какъ пилигримъ.

Бригита. Скажите мнѣ одно: онъ въ ссмылкѣ?

Бенедиктъ. Нѣтъ, ничего, ничего не скажу я вамъ. Скажу только, что вѣдь и вы обязаны господину благодарностью. Вы ничего не должны знать. Видите, мы здѣсь живемъ не въ міру, а въ горахъ. Никто о насъ не спрашиваетъ. Будемъ же и мы глухи въ нашей преданности.

Бригита. Когда прислать къ вамъ опять мою дочь?

Бенедиктъ. Ради Бога, присылайте такъ часто, какъ вы хотите. Когда она приходитъ, моя темная келья дѣлается свѣтлой и просторной. Спаситель дышитъ, и Марія улыбается, а я, обыкновенно удрученный бременемъ моихъ грѣховъ, могу подняться съ земли и глядѣть съ утѣшеніемъ на кроткій ликъ Христа.

Бригита. Ахъ, патерь, какъ охотно я слушаю это. Но я не знаю... я не могу себѣ объяснить вашихъ словъ. Дѣвочка измѣнилась: ею овладѣлъ какой-то странный духъ, онъ не оставляетъ ее, когда она здѣсь дома, въ послѣднее время. Но это не тотъ добрый духъ, о какомъ вы говорите.

Бенедиктъ. Можетъ-быть, и такъ. Голосъ небесъ разбудилъ насъ отъ нашего грѣховнаго сна. Но царь тьмы не остается празднымъ, повѣрьте мнѣ: онъ угнетаетъ и ребенка. Но она бодрствуетъ, и сонъ не овладѣетъ ею. Не заграждайте ей дорогу къ святости, путь къ спасенію и милосердію, слышите ли! Оставьте его спободнымъ для нея. Эту дѣвочку влекутъ и поддерживаютъ руки ангеловъ. И когда она лежитъ, точно умершая въ обморокъ, въ глубокіе тайники ея души проникаетъ Богъ. Я это чувствую. Я позналъ это. Тутъ происходитъ небесное чудо, ведущее въ истинную жизнь.

Бригита. Дай Богъ! Дай Богъ! Аминь. Хорошо, кабы такъ было. Хорошо, кабы она здѣсь, у насъ, стала святѣй. А то вѣдь она иногда просто мнѣ кажется разстроенной умомъ. Я часто думаю: ужъ не хочетъ ли меня наказать Богъ этой дѣвочкой! Ахъ, патерь, я не могу ни въ чемъ раскаиваться, потому что ее люблю. А вѣдь ожесточеніе грѣхъ. Пусть Богъ накажетъ меня, пусть накажетъ, но не дѣвочку.

Бенедиктъ (слегка взволнованный). Да, мы грѣшники. Мы грѣшны и испорчены еще въ утробѣ матери. Но Го-

сподь все ведетъ по Своей святой волѣ къ славѣ и добру, какъ бы ни одолѣвали грѣхи и слабости міръ. И чистый разумъ и уста этого ребенка передъ престоломъ милосердаго Бога не будутъ насъ обвинять и запитать насъ. (Уходятъ. Бригита провожаетъ его).

(Входитъ Оттегеве, блѣдная и задумчивая. Она приноситъ нѣсколько словыхъ вѣтвей, кладетъ ихъ на столъ и, отдѣливъ одну, идетъ въ уголокъ, гдѣ деревянное распятіе, цѣлуетъ ноги изваянія и украшаетъ его вѣткой. Бригита возвращается, смотреть на Оттегебо и прислушивается къ шуму голосовъ за сценой).

Бригита.

О чемъ кричать служанки на крыльцѣ?

Оттегеве.

Пришелъ больной, какой-то нищій. Просить
Онъ милостыню на дворѣ.

Бригита.

Больной?

Что за больной? Да говори же толкомъ?

Оттегеве.

Да, мама, бѣдный Божій человѣкъ.

(Слышно щелканье трещотки).

Бригита.

Такъ это щелкаетъ его трещотка?
Вели его прогнать. Нашъ господинъ
Его не долженъ видѣть.

Оттегеве.

Почему же

Его не долженъ видѣть господинъ?

Бригита.

Не долженъ, говорю я, и довольно,
И больше не спрашивай.

Оттегеве.

Онъ пишетъ

Тамъ въ комнатѣ...

(Молчаніе).

Мнѣ батеръ говорилъ,

Что, если-бъ люди не гнѣвали Бога
Своимъ непослушаньемъ и грѣхомъ
И не отвергли Божье милосердье
И доброту, то міръ бы не видалъ
Тѣхъ бѣдъ, которыя теперь онъ видитъ.

БРИГИТА (громко позится съ посудой
и горшками и при этомъ
незамѣтно бросаетъ пытли-
вые взгляды на Оттегебе).

Да, времена худыя пыиче. Вѣры
И вѣрности ни въ комъ нѣтъ. Патеръ правъ.

ОТТЕГЕБЕ.

Все христіанство,—говоритъ онъ, мама,—
Разъѣдено бѣсовскимъ ядомъ. Богъ
Намъ это хочетъ показать воочью,
И тѣло прокаженного есть образъ
Теперешняго міра.

БРИГИТА.

Можетъ-быть.

ОТТЕГЕБЕ.

Онъ плачетъ иногда...

БРИГИТА.

Кто плачетъ?

ОТТЕГЕБЕ.

Патеръ.

Себя бичуетъ и крушится онъ
О томъ, что Богъ навѣки отвернулся
Отъ міра грѣшнаго.

БРИГИТА (крестится).

Спаси Господи!

(Молчанію).

ОТТЕГЕБЕ (позвонованно).

Онъ говорить: великій день ужъ близокъ,
Наступитъ скоро страшный часъ суда.
Ты не боишься, мама?

Бригита.

Страхъ Господень—

Удѣлъ насъ всѣхъ, живущихъ на землѣ.

Оттегеве.

Онъ говоритъ: разверзлись пѣдра ада,
Выбрасывая сѣрный огнь и дымъ,
Война, убійства, моръ у всѣхъ народовъ,
И ходять смерти ангелы вездѣ
По городамъ, и ни единый грѣшникъ
Не избѣжитъ ихъ мстительныхъ мочей.

Бригита.

Когда наступитъ за грѣхи расплата,
Тогда и будетъ время ей. Теперь
Бояться нечего.

(Молчаніе).

Оттегеве.

Отъ черной смерти
Избавиться не могутъ ни князья
Ни знатные?

Бригита.

Не могутъ.

Оттегеве.

Никакая
Стѣна и башня замка не спасетъ
Ихъ отъ заразы?

Бригита.

Нѣтъ.

Оттегеве.

Жилъ, видишь, мама,
Когда-то графъ. Разъ танцовала съ нимъ
Дочь императора. Ее невѣстой
Считалъ онъ тайно. И придворный врачъ
Ему шепнулъ тихонько, чтобъ изъ замка
Онъ шелъ за нимъ. Они пришли вдвоемъ
Въ другую комнату. У господина
Врачъ руку осмотрѣлъ и, увидавъ
Пятно на ней глубокое, сказалъ онъ:

Будь твердъ душою, рыцарь, наступаетъ
Часть для тебя тяжелый! Ты не чистъ.

Бригита.

Къ чему ты эту сказку рассказала?
Ты гредишь?

Оттегебе.

Нѣтъ. Онъ больше съ этихъ поръ
Ни флейтъ ни пѣсенъ не слыхалъ...

Бригита (быстро и съ горячностью).

Ну, полно!

Болтать довольно пустяки.

(Нечаянно стаскиваетъ со стола большой кухонный ножъ. Оттегебе въ сильномъ испугѣ вскрикиваетъ и начинаетъ дрожать).

Чего

Ты испугалась? Чтò съ тобой?

Оттегебе.

Я, мама...

Я ничего.

Бригита.

Да подними-жь, подай

Мнѣ пожъ.

(Оттегебе, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, поднимаетъ пожъ и кладетъ его на столъ съ глубокимъ вздохомъ).

Дитя, ты, право, нездорова.

Оттегебе (какъ будто безсознательно качаетъ головой).

Скажи мнѣ, мама: развѣ Исаакъ,
Когда отецъ его хотѣлъ зарѣзать,
Зналъ, чтò въ душѣ задумалъ Авраамъ?

Бригита.

Нѣтъ. Но къ чему ты это говоришь?
Зачѣмъ тебя тревожатъ эти мысли?
Господь теперь не требуетъ отъ насъ
Такихъ кровавыхъ жертвъ.

Оттегебе

Господь? Но развѣ
Для искушенія людскихъ грѣховъ

Онъ Сына Своего на крестъ не отдалъ?
И не заставилъ Онъ Его идти
Съ открытыми глазами на Голгоѳу?
Кому Господь далъ силу до конца
Страданья горькія терпѣть, тотъ избранъ
Изъ тысячей и осчастливленъ тотъ,—
Такъ патерь говоритъ,—и сила крови
Невинной, добровольно пролитой
Всегда источникомъ спасенья будетъ;
Здѣсь, на землѣ, цѣлительнъ онъ такъ,
Что кожа прокаженныхъ, если въ немъ
Ее омоютъ, дѣлается чистой,
И язвы заживаютъ.

Бригита.

Можетъ-быть.

Оттегеве.

Ты, мама, слышала, что наши слуги
Толкуютъ?

Бригита.

Нѣтъ.

Оттегеве.

Когда-бъ теперь была
На свѣтѣ справедливость, то давно бы
Ему ходить съ трещоткой и сумой,
Какъ нищему.

Бригита.

Кому?

Оттегеве.

Онъ прокаженный
И хижину построишь долженъ тамъ,
Гдѣ поле для отверженныхъ.

Бригита.

Пустое

Все это сумасбродство, болтовня...
Поди-ка позаботься объ обѣдѣ.
Нашъ боленъ господинъ, но только духомъ.
А если бы его томилъ нодугъ

Проказы страшный, не спасли-бъ тогда
Его ни врачъ, ни патеровъ молитвы,
Ни жертвенная кровь.

ОТТЕГЕВЕ (взволнованно, почти плача).

Нѣтъ, мама, нѣтъ:

Слыкала я—въ Италиі, въ Салерно
Есть врачъ, что лѣчитъ кровью...

БРИГИТА.

Кто тебѣ

Сказалъ объ этомъ?

ОТТЕГЕВЕ.

Отакеръ. Онъ клялся,
Что это правда. Патеръ Бенедиктъ
Мнѣ тоже говорилъ.

БРИГИТА.

Пусть такъ. Быть-можетъ,
Все это правда, но болтать о томъ
Не слѣдуетъ. Мнѣ надоѣло слушать.
Никто не боленъ. Жертвъ не нужно. Мало-ль
Какого вздора наплететъ слуга,
Котораго прогнали съ мѣста. Скоро
Поправится нашъ господинъ совсѣмъ
И въ замокъ свой уѣдетъ.

ОТТЕГЕВЕ (внезапно заливаясь отчаянными слезами).

Мама, мама,

Онъ навсегда покинетъ насъ...

БРИГИТА.

Такъ что-жь?

И слава Богу! Ну, чего ты плачешь?
Не думаешь ли ты, что долженъ жить
Онъ въ бѣдной хижинѣ, бродить по саду,
Гдѣ утки въ лужѣ плещутся. Вѣдь онъ
Жить во дворцѣ привыкъ.

ОТТЕГЕВЕ (рыдаетъ).

Уйду... уйду тогда я...

Уйду я въ монастырь. Я не могу

По вашему желанью выйти замужъ
За мужика...

Бригита.

Дитя, придетъ пора—
Увидимъ, разберемъ. Господь захочетъ,—
Все выйдетъ хорошо. Твое тщеславіе
Съ годами уничтожится, Богъ дастъ.
А я теперь скажу: коль добрый паренъ
Посватается за тебя,—должна
Ты Господа благодарить сердечно.

(Готфридъ вводитъ Гартмана фонъ-деръ-Ауэ. Гартманъ простой дворянинъ, на нѣсколько лѣтъ старше Генриха, съ посѣдѣнною бородою. Онъ въ легкихъ латахъ, въ шлемѣ, со шпорами и мечомъ; въ рукѣ чѣховой длинный плащъ).

Готфридъ. Войдите, господинъ рыцарь. Погрѣйтесь. Тутъ горитъ веселый огонь, и вамъ нужно погрѣться. Бригитъ) Гдѣ нашъ господинъ? Нѣтъ, это господинъ Гартманъ фонъ-деръ-Ауэ, слуга господина Генриха и его вѣрный другъ... Вы сдѣлали смѣлую побѣдку изъ замка Ауэ въ эту зимнюю пору. Присядьте.

Гартманъ.

Благодарю. Все время сильный вѣтеръ
Мнѣ дулъ въ лицо отъ сѣвера, но конь
Мой добрый несъ меня въ горахъ отлично,
И хоть порой мы застревали съ нимъ
Въ туманѣ облаковъ и вихремъ снѣжными
Дорогу запосило, все-жъ впередъ
Мы двигались. Люблю порою зимней
Скакать въ горахъ черезъ сосновый боръ
И думу думать. Все кругомъ въ молчаньи,
Ни звука, иногда лишь хрустнеть вѣтка
Оледенѣлая сосны, и вновь
Безмолвіе...

(Привѣтливо къ Оттебее)

Замолкли даже птички...

Я вслушиваюсь въ тишину лѣсную
И въ ней теряюсь мыслью, точно Пестръ,
Когда ему залѣла птичка рая,
И для него, какъ минометный чашъ,
Тысячелѣтіе цѣлое медькнуло...

БРИГИТА.

Присядьте, господинъ.

ГАРТМАНЪ.

Вѣдь это дочь,

Конечно, ваша?

БРИГИТА.

Да.

Г'АРТМАНЪ.

Не ошибусь я,
Когда скажу вамъ, что ее прозвалъ
Своей женою маленькою Генрихъ?

БРИГИТА.

Да, въ годы прежніе, когда она
Была еще ребеночкомъ, въ забаву
Ее, бывало, такъ онъ называлъ.

ГОТФРИДЪ.

Ахъ, мать, онъ и сейчасъ такъ называется.
Еще вчера, вотъ тутъ у очага,
Когда ему скамейку, Оттегебе,
Придвинула ты подъ ноги, вѣдь онъ
Сказалъ тебѣ, не правда-ль: «Благодарить
Я маленькой моей женѣ»?

ОТТЕГЕБЕ.

Сказалъ.

ГАРТМАНЪ.

Конечно, правы вы. А ты, малютка,
Почетное такое имя крѣпко
Удерживай: оно тебѣ къ лицу...

(Брягить)

Не въ шутку, нѣтъ,—какъ, добрый хозяинка,
Повидимому, думаете вы,—
Нашъ господинъ прозвалъ такъ вашу дочку.
Изъ писемъ Генриха я знаю: онъ
Ее высоко цѣнитъ, хвалить очень
За добрую заботливость о немъ.

(Оттегебе въ чрезвычайномъ смущеніи хватаетъ мать за руку
и сжимаетъ такъ сильно, что та почти вскрикиваетъ).

Бригита.

Что, что, дитя, съ тобою!? Посмотрите,
Она до боли сжала руку мнѣ...

(Оттегебе, смѣясь, закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ).

Готфридъ.

Да, да, и я скажу, что Оттегебе
Достойно заслужила похвалу.

Бригита.

Ну, ну, Готфридъ, разбавь водой немножко
Вино похвалъ: бьетъ въ голову оно
Ужъ слишкомъ дѣвочки!

(Уходитъ).

Гартманъ.

Теперь скажите,

Какъ онъ?

Готфридъ (вздыхал).

Какъ онъ? На это отвѣчать
Довольно трудно. Я и самъ не знаю.
Бываетъ, что онъ кажется такимъ,
Какъ прежде, въ дни здоровья; а бываетъ
И такъ, что съ виду, право, хуже онъ,
Чѣмъ думаемъ мы съ вами. Я смекаю,
Что гложетъ горе тайное его,
Которое, быть-можетъ, вамъ извѣстно.
Когда порой бросаетъ на меня
Онъ, взглядъ пылающій,—какъ будто камень
Мнѣ давить сердце, и въ душѣ моей
Какой-то голосъ шепчетъ, что наказанъ.
Отъ Господа ужасной карой тотъ,
Кто такъ страдаетъ.

Гартманъ.

Вамъ извѣстно: вызвалъ
Меня сюда онъ самъ.

Готфридъ.

Нѣтъ, господинъ.

ГАРТМАНЪ.

Да. Онъ меня призывалъ сюда. А больше
Онъ ничего не открывалъ вамъ?

ГОТФРИДЪ.

Нѣтъ.

Вы сами посудите: онъ монахомъ
Въ уединеннѣ здѣсь у насъ живетъ
И соблюдаетъ строгій постъ. Два слова
Промолвить Оттегебе онъ, когда
Она ему обѣдъ приноситъ. Книжки
Читаетъ. Но почамъ не спитъ! Со мной
Онъ избѣгаетъ встрѣчи. Такъ-то дѣло
Идетъ уже вотъ нѣсколько недѣль.
Ни я не говорилъ съ нимъ, ни Бригита,
Одна лишь Оттегебе, да и ту
Нерѣдко онъ пугаетъ рѣзкимъ словомъ.

ГАРТМАНЪ.

Скажу вамъ,—это между нами,—онъ
Писалъ мнѣ, что теперь намѣренъ скоро
Отъ васъ уѣхать.

ГОТФРИДЪ.

И я самъ смекалъ,
Что выйдетъ такъ-то. Вечеромъ онъ въ креслѣ,
Вотъ здѣсь, сидѣлъ вчера и говорилъ
Такъ странно, такъ печально,—прослезились
Мы даже всѣ,—какъ будто навсегда
Прощался съ нами. Стало-быть, на дѣлѣ
То выйдетъ, что предполагали мы.
Въ какомъ же замкѣ проживать онъ будетъ?

ГАРТМАНЪ.

Куда поѣдетъ онъ, не знаю я,
Но поскорѣ долженъ онъ вернуться
И показаться въ замкѣ родовомъ
Своимъ вассаламъ. Вѣдь его считаютъ
Пропавшимъ безъ вѣсти. Толкуютъ. Шепчутъ.
А братъ его двоюродный Конрадъ
Высоко вздернулъ голову и въ замкѣ
Съ такою наглостью ведетъ себя,

Какъ будто имя Генриха давно ужъ
Въ монастырѣ записано подъ-рядъ
Съ покойнымъ графомъ.

Готфридъ.

Если онъ уѣдетъ,

Конечно, много потеряемъ мы,
Но все-таки уѣдетъ онъ, повѣрьте.
Подумайте, какое здѣсь житье:
Сегодня, завтра—все одно и то же.
Отъ міра цѣлаго въ лѣсной глуши
Схоронены, мы ни о чемъ не знаемъ...
И если порываемся душой
Порой услышать отзывъ человѣка,
Намъ изъ зеленой дебри прозвучитъ
Одно лишь эхо. Можетъ-быть, и странно,
Что я скажу, но истинно: человѣкъ
Недужный, мрачный—онъ въ жилище наше
Какъ будто праздника сіянье внесъ.
Но вотъ отъ насъ онъ удалится. Будни
Наступятъ снова сѣрыя. Труды,
Заботы, огорченія этихъ дней
Намъ радостью въ долині нашей были:
Теперь все это кончится.

Гартманъ.

Кому

Вы это говорите! Я вѣдь другомъ,
Товарищемъ его въ походахъ былъ.
Я годы долгіе провелъ съ нимъ вмѣстѣ,
Съ нимъ плавалъ за моря. Его я зналъ
Еще тогда, какъ императоръ Фридрихъ
Его высокой милостью почтилъ:
Какъ онъ въ тѣ дни своей гордился славой!
Заглядываясь блескомъ голубыхъ
Его очей, съ ума сходили дамы,
Сгорали отъ любви. Изъ-за его
Платка, перчатки, шарфа—герцогини,
Бывало, ссорились и уступить
Его вещей другъ другу не хотѣли.
Да, онъ сіялъ, какъ яркая звѣзда
Въ коронѣ Фридриха, и наслаждались
Дарами славы Генриха мы всѣ.

При императорскомъ дворѣ лишь только
И было разговору, что о пѣснѣ:
О пѣснѣ, объ охотѣ, о собакѣ
И лошади его. Позабывали
И о его величествѣ самомъ.
А императоръ Фридрихъ не садился
Безъ Генриха фонъ-Ауэ за столъ.

Готфридъ (тревожно прислушива-
вшійся все время).

Я слышу, онъ идетъ.

(Входитъ Генрихъ быстро и внезапно. Наружность его запущена, онъ разстроенъ и блѣденъ. Гартманъ торопливо встаетъ. Онъ пораженъ видомъ Генриха. Генрихъ дѣлаетъ недовольное движеніе и отворачивается, какъ будто здоровый видъ Гартмана причинилъ ему физическое страданіе. Онъ встрѣчаетъ его небрежно и съ дѣланной холодностью).

Генрихъ.

А, ты пріѣхалъ?

Гартманъ.

Да, господинъ.

Генрихъ.

Я этого не зналъ.

Гартманъ (плохо скрывая свое впечатлѣніе).

Мой милостивый господинъ, какъ ваше
Здоровіе?

Генрихъ (отрывисто).

Благодарю, Готфридъ.

Гдѣ Оттегебе?

Готфридъ.

Я схожу за нею.

Генрихъ.

Да, да, сходи.

(Готфридъ уходитъ).

(Генрихъ садится въ кресло, глядитъ нѣсколько въ сторону; затѣмъ печальнымъ движеніемъ слегка задѣваетъ стоящаго около Гартмана и послѣ долгаго молчанія говоритъ охрипшимъ голосомъ, принужденно и тихо).

ГЕНРИХЪ.

Зачѣмъ стоишь ты? Сядь.
Какъ поживаешь, другъ?.. Да что съ тобою?

ГАРТМАНЪ.

Ахъ, милый, добрый господинъ...

ГЕНРИХЪ (глубокимъ, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, который иногда отъ волненія вдругъ сильно повышается).

Ну, да.

Я милый, добрый господинъ, да что мнѣ
До этого? Иль думаешь, что я
Позвалъ тебя зачѣмъ сюда, чтобъ руки
Сложишь ты и твердишь: ахъ, господинъ
Мой милый, добрый... Что? Поди поближе,
И если ты имѣешь лишній часъ,
Подвинь свой стулъ къ огню и, какъ мужчины,
Поговоримъ теперь другъ съ другомъ мы.

(Гартманъ придвигаетъ скамейку, но, прежде чѣмъ сѣсть, хочеть склониться на колѣни и поцѣловать руку Генриха).

ГЕНРИХЪ (торопливо отдергиваетъ руку).

Оставь всѣ эти глупости. Садись же.
Ты все-таки пріѣхалъ, добрый другъ:
Другіе отъ меня вотъ уже мѣсяцъ
Какъ убѣжали. Чай, подумалъ ты,
Когда писалъ тебѣ я, храбрый Гартманъ,
Что новую свою тебѣ я пѣсю,
Что будешь ты посломъ моей любви
Къ какой-нибудь красавицѣ? Нѣтъ, другъ мой,
Я прежде часто отъ любви страдалъ —
Теперь отъ этого я не страдаю,
Страданья прошлыя мои другимъ
Поглощены страданьемъ, предъ которымъ
Все то, что прежде мнѣ казалось горемъ,
Теперь отрадой кажется, и я
О горѣ промелькнувшемъ воспоминаю,
Какъ о потерянномъ богатствѣ. Да.
Но это—въ сторону. На самомъ дѣлѣ
Я чувствую себя довольно сносно.

Пу, что болтають въ свѣтѣ обо мнѣ
Знакомые, родные? Какъ толкуютъ
Они отъѣздъ неожиданный въ глушь Шварцвальда,
Гдѣ ото всѣхъ я скрылся, какъ барсукъ
Въ своей берлогѣ? Что и какъ объ этомъ
И думаютъ и говорятъ они?

Гартманъ.

Мой господинъ, нельзя ли вамъ изъяснить
Меня да и себя отъ пересказа
Всѣхъ слуховъ, и хорошихъ и дурныхъ,
Что разнеслись съ тѣхъ поръ, какъ удалились
Отъ свѣта вы. Всѣ слухи таковы,
Что этотъ свѣтъ въ нихъ ярко отразился.

Генрихъ.

Навѣрно говорятъ, что если я,
Другъ императора, теперь въ изгнаньи,
Такъ, значитъ, Божья кара надо мною.

Гартманъ.

Я умоляю васъ меня объ этомъ
Не спрашивать.

Генрихъ.

Нѣтъ, прямо все скажи.
Повѣрь, что лжи отравленные стрѣлы
Не будутъ истины болыпей, и я
Надъ ложью посмѣюсь.

(Входитъ Оттегбее).

И если скажутъ:

«Вѣдь Генрихъ, государь, повелѣ себя
Какъ турокъ. Шелковый тюбанъ онъ носитъ,
Подъ нимъ арабской крови бѣлый конь
Украшенъ подумсыцемъ блестящимъ,
Пророка зная у него въ рукахъ.
За все за это Богъ нашъ христіанскій
Его Алеппо знакомъ заклеивалъ»...
Ты видишь, кто такъ говорилъ, не очень
Нагаль бы на меня.

Гартманъ.

Мой господинъ,
Алеппо знакъ—что это?

ГЕНРИХЪ.

Ничего.

Объ этомъ въ книгахъ прочитать ты можешь.
Довольно. Оттегебе, подойди
Ко мнѣ поближе. Вотъ что: поскорѣе
Поди, дитя, ты въ комнату мою;
Тамъ на столѣ пергаменты увидишь,
Исписанные мною и съ моими
Печатами. Сюда ихъ принеси.
Ты поняла?

ОТТЕГЕБЕ.

Да, господинъ.

(Оттегебе уходитъ).

ГЕНРИХЪ.

Смотри:

Вотъ эта дѣвушка моей рабыней
По доброй волѣ стала. Никогда
И евнухи и челяди наемной
Толпы, которыхъ содержалъ я, мнѣ
Такъ не служили. Если-бъ сто желаній
Имѣлъ я, даже тысячу, она
Считала бы игрой ихъ исполненъс.
Въ заботахъ обо мнѣ не устаетъ
Ея собачья преданность...

Да, что, бишь,

Я говорилъ? Что борода моя
Всклокочена, похожа на капусту,—
Какъ въ шутку говорить,—что не душусь
Я мускусомъ и амброй, какъ бывало
При императорскомъ дворѣ? Такъ что-жь?
Но сердцемъ чище сталъ я передъ Богомъ,
Который—думать надобно—не любитъ
Арабскихъ благовоній. Если я
Животное теперь напоминаю—
Пусть такъ: когда-нибудь настанетъ часъ—
Я сброшу шкуру звѣря, и подъ нею
Окажется святой. Вѣдь такъ бывало.

ГАРТМАНЪ.

Мой господинъ и другъ, прошу я васъ:
Скажите все мнѣ искренно. Быть-можетъ,

Вамъ сердце горе тайное грызеть?
Оставьте вашу скрытность, чтобы могъ я
Избавить васъ отъ вашего врага—
Отъ тайны. Чтò надъ вами разразилось,
Откройте другу.

ГЕНРИХЪ (говоритъ съ трудомъ,
уклончиво).

Ничего. Слыхалъ
Ты о Гезин, чтò былъ слугою
Пророка Елисея?

ГАРТМАНЪ.

Господинъ...

ГЕНРИХЪ.

Ты понимаешь, отчего тебя
Спросилъ объ этомъ я?

ГАРТМАНЪ.

Не понимаю.

Я слишкомъ мало обученъ...

ГЕНРИХЪ.

Коль такъ,
Ты все увидеши къ празднику Успенья.
Теперь же потерпи. Терпѣнье нужно
Для исповѣдника. Пока одно скажу:
Я скоро въ путь сберусь на богомолье,
Подобно пилигримамъ, чтò идутъ
Молиться въ Мекку. Для чего?—объ этомъ
Не спрашивай.

ГАРТМАНЪ.

Мой господинъ, со мною
Не такъ вы говорите, какъ бы съ другомъ
Вы говорить должны. Но я хочу
Проникнуть въ васъ, и я не успокоюсь,
Покуда знать не буду я всего.
Чтò васъ терзаетъ? Чтò же, чтò случилось?
Чтò такъ внезапно сбило васъ съ пути?
Вѣдь въ праздничномъ веселіи вы жили,
Легко ступали по землѣ. Въ бояхъ,

Во всѣхъ дѣяньяхъ вашихъ будто ангелъ
Васъ охранять щитомъ. Изъ дальнихъ странъ
Подъ кровъ родной вы воротились въ славѣ,
И слава провожала васъ туда,
Гдѣ странствовали вы. И что же вышло?
Взаимнѣ того, чтобъ жатву собирать,
Посѣянную набожною силой,
Вы оставляете посѣвъ вашъ гнить.
Надъ вами руку милости высокой
Самъ императоръ распростеръ и далъ
Невѣсту вамъ изъ княжескаго рода.
Скажито же во имя Бога мнѣ,
Зачѣмъ бѣжали вы въ пустыню эту
Отъ счастья вашего? И почему
Не можете къ нему вы возвратиться?

ГЕНРИХЪ (долго глядитъ на него раскры-
тыми глазами и болѣзненно,
задыхаясь, говоритъ подавленнымъ голосомъ).

Жизнь, другъ, сосудъ есть хрупкій: такъ
Въ коранѣ сказано, и это правда.
Я понялъ это. Не хочу я жить
Въ пустой яичной скорлупѣ. Желаетъ
Ты возвеличить человѣка, въ немъ,
Быть-можетъ, образъ Божества ты видишь?
Однако, если ты ему проткнешь
Сапожнымъ шиломъ пульсъ,—вотъ здѣсь, положимъ,
Или вотъ тамъ,—польется изъ него
Кровь, какъ вода изъ жолоба, и съ нею
Все утечетъ: и счастье, и любовь,
И гордость благородная, и доблесть,
И божескіе свѣтлые порывы,
И сила, и стремленіе къ добру,
Къ дѣяніямъ великимъ, и награда
За тѣ дѣянья, и богатство—все,
Что въ глупомъ заблужденіи считаемъ
Мы достойнымъ человѣка. Будь
Ты императоромъ, султаномъ, папой,
Но въ похоронный саванъ обернуть
Твое нагое тѣло нынче, завтра,
И въ этомъ саванѣ оно остынетъ.

ГАРТМАНЪ.

Такъ говоритъ упавшій духъ...

ГЕНРИХЪ.

Онъ былъ

Когда-то веселъ. Въ постоянной пляскѣ
Ходить я разучился, говорить
Я пересталъ отъ постоянныхъ пѣсень.
Я шелъ съ поднятой гордо головою,
И жизнь была и счастьемъ, и молитвой,
И радостью. Но вотъ, когда домой
Я возвращался въ суетномъ мечтаньи,
Что близко я душою къ Божеству,
И, мнѣ казалось, серафимы пѣли
Монимъ дѣланнымъ набожнымъ хвалу,
Когда я гордо несъ свой мечъ священный,—
Собаки грозныя моеи судьбы
За мною слѣдомъ шли, рыча и вой
Отъ жажды крови... Гдѣ-жъ охотникъ тотъ,
Который ихъ натравливалъ? Увидѣть
Его хотѣлъ бы я!

(Встаетъ и ходитъ по комнатѣ. Оттегеевъ приноситъ пергаменты и подаетъ ихъ молча Генриху).
Послушай, вотъ...

ГАРТМАНЪ.

Мой господинъ, вы знаете: я не былъ
Попомъ или прислужникомъ поповъ...
Но то, что говорите вы, ужасно
И чуждо для меня. Что-бъ ни послалъ
Вамъ Вѣчный Судія, предъ нимъ склонитесь,
Склонитесь подъ крестомъ Его.

ГЕНРИХЪ.

Вассалъ

Я императора. Съ нимъ вмѣстѣ принялъ
Отъ кардинала Остіа мой крестъ
И этому кресту донынѣ вѣренъ.
Тотъ крестъ по платью у меня былъ вышитъ,
Теперь онъ вросъ и въ плоть мою и въ кровь,
И только смерть—чего-жъ ты хочешь больше?—
Меня съ нимъ разлучить... Мой другъ, оставь
Молебны и молитвы. Потеряешь
Ты только время даромъ.

(Къ Оттегееву)

Благодаренъ

Я маленькой женѣ моей. Иди.

Да—вотъ что: если мнѣ связать захочешь

Перчатки шерстяныя—поспѣши:

Пожалуй, можешь опоздать. Иди же.

Что говорю я другу моему,

Тебѣ не надо слышать.

(Оттесгсебо уходитъ).

Вотъ пергаментъ,

Я написалъ здѣсь все, что пожелать

Еще на этомъ свѣтѣ можетъ Генрихъ

Фонъ-Ауэ... Не прерывай меня,

Мой добрый другъ, и слушай со вниманьемъ,

Что я скажу. Моимъ посломъ ты будешь:

Бернгарду, дядѣ моему, письмо

Вручишь. Тутъ я высказываю волю

Мою послѣднюю... Молчи, стой...

Въ коранѣ говорится: опрометчивъ

Бываетъ человекъ. Чѣмъ пораженъ

Я отъ руки судьбы, вы не старайтесь

Развѣдывать. Считайте, что я сталъ

Предусмотрителемъ и мудръ. Но какъ

Прозрѣлъ и что увидѣлъ, не желайте

Загадку эту разгадать. Твой умъ

Не такъ глубокъ, чтобъ уяснить все это.

Что нужно знать вамъ, здѣсь я написалъ.

Довольно этого. А я... пойду я снова,

Какъ странникъ добровольный, по пути

Мнѣ назначенному,—прямо и безъ страха.

Плестись, какъ Лазарь бѣдный, по дорогамъ,

Въ грязи валяться, язвами своими

Предъ всѣми хвастать и молить, чтобъ ихъ

Зализывали псы—объ этомъ въ книгѣ

Моей судьбы не значител. А если-бъ

Тамъ было такъ написано,—клянусь,

Я стеръ бы надпись... Ну, прощай... Минуетъ

Годъ на землѣ,—страданіе мое

Настолько-жъ мертво будетъ. Надъ могилой

Моихъ скорбей прольется много разъ

Дождь освѣжающій... Прощай, прощай.

(Послѣ короткой, мрачной паузы, онъ говоритъ вѣ себя)

Но слушай: выскреби свою одежду

И отъ меня бѣги, мой другъ, бѣги,
Я говорю тебѣ!.. И прахъ скорѣе
Отъ ногъ своихъ ты отряхни, и если
Тебя ухватитъ кто-нибудь за плащъ,
Оставь въ его рукахъ одежду эту,
А самъ бѣги, бѣги!

ГАРТМАНЪ (пораженный).

Мой господинъ,
Что говорите вы мнѣ...

ГЕНРИХЪ.

Говорю я,
Бѣги и не оглядывайся вспять!
И не дотрогивайся до меня: я небомъ
Такъ осчастливленъ, что вокругъ себя
Распространяю гибель... Да, героемъ
Я сталъ такимъ, что отъ моей руки
Въ которой нѣтъ оружія, герои
Должны бѣжать: ея прикосновение
Страшнѣ смерти. Если взглядомъ я
Задѣну дѣвушку, отъ отвращенья
Умереть она, замѣтивъ этотъ взглядъ!

(Оттегеве входитъ. Безъ кровинки въ лицѣ, какъ восковая фигура, она останавливается, съ дрожащими губами и неподвижнымъ взглядомъ, устремленнымъ на Генриха).

ГАРТМАНЪ.

Очнитесь, господинъ, въ себя придите,
Вы въ бѣшенствѣ и ярости...

ГЕНРИХЪ.

Коль такъ,
Ударь меня полѣномъ, рукояткой
Меча, чѣмъ хочешь,—и убей, убей!
Освободи меня отъ этой жизни
И отъ меня себя освободи.
Что дѣлаете вы, когда собака
Къ вамъ бѣшеная забѣжитъ во дворъ?
Чего боишься ты? Убей скорѣе!
Будь смѣлъ!

(Вбѣгаютъ Готфридъ и Бригита).

Вы всё—сюда! сюда!
Идите и смотрите всё: вотъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ, который прежде мылъ
Три раза на день тѣло и пылинку
Малѣйшую сдувалъ съ одежды, вотъ
Вашъ князь и господинъ: теперь отъ пятокъ
До головы онъ язвами покрытъ,
Какъ древній Іовъ, что еще при жизни
Былъ мертвой падалью, лежалъ въ грязи
На кучѣ пепла и рукой изсохшей
Бралъ черенокъ, чтобъ струпия соскоблить.

(На лицѣ Оттегебо появляется постепенно радостное, почти божественное выраженіе. Когда Генрихъ окончилъ свои рѣчи, изъ ей груди вырывается крикъ, и она бросается къ его ногамъ и покрываетъ его руки неистовыми поцѣлуями).

ОТТЕГЕБЕ.

Мой дорогой, мой милый господинъ!
О жертвенномъ подумай агнецъ... Вспомни...
Я знаю... Я хочу... могу взять грѣхъ...
Обѣтъ дала я... и спасенъ ты будешь!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Скалистая лѣсная мѣстность. Могучія хвойныя и пожелтѣвшія лиственные деревья. Въ глубинѣ ущелья пещера. У входа въ пещеру бревенчатый навѣсъ на подобіе шалаша; внутри шалаша кой-какія кухонная утварь, арбалеты и проч. Осенній вечеръ.

Генрихъ, оборванный и одичавшій, съ отросшими волосами и бородой, копаешь киркою и лопатой глубокую яму. Его лѣвая рука перевязана. Отакеръ въ латахъ, только что сошедшій съ коня, показывается на скалистомъ возвышеніи, стараясь держаться въ отдаленіи отъ Генриха.

ОТАКЕРЪ.

Эй, ты! Послушай! Эй! Эй, ты!

ГЕНРИХЪ (прислушивается и повторяетъ про себя).

Эй, ты! Эй, ты! Оставь меня въ покоѣ.

ОТАКЕРЪ.

Эй, муравьѣхъ! Что дѣлаешь ты тамъ?

ГЕНРИХЪ (про себя).

Для вѣчнаго покоя стойло.

ОТАКЕРЪ.

Роешь

Колодець, что ли? Или ищешь кладъ?

ГЕНРИХЪ (про себя).

Да, большой кладъ и не искалъ донинѣ.

ОТАКЕРЪ (неръшительно).

Не изъ людей ли Божьихъ ты? Ну, что-жъ,
Отвѣты! Пошевелись, кабанъ!

ГЕНРИХЪ (встасть, схвативъ арбалетъ и цѣлить въ Отакера).

Отвѣчу

Тебѣ я такъ что помнить будешь вѣкъ.

ОТАКЕРЪ (закрываетъ лицо рукою въ латахъ).

Паршивый рабъ!

ГЕНРИХЪ.

Бродяга!

ОТАКЕРЪ.

Ядовитый

Паукъ! Оса проклятая, меня
Ты хочешь укусить! Стрѣлай. коль съ жизнью
Разстаться ты желаешь.

ГЕНРИХЪ.

Съ жизнью—да,
И съ смертию также, рабъ. Ну,—я стрѣляю.

ОТАКЕРЪ.

Постой. Дай слово молвить. Подожди,
Косматый, къ чорту на рога поспѣешь.
Смерла скажи: живетъ здѣсь бѣдный Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

А что это за дичь такая?

ОТАКЕРЪ.

Дичь

Съ паршивой шерстью. А когда-то былъ онъ
Въ родствѣ съ орломъ и львомъ.

ГЕНРИХЪ.

Ты кто такой?

ОТАКЕРЪ.

Кто я—тебѣ нѣтъ дѣла. Конный воинъ,
Привыкшій къ бурямъ и боямъ.

ГЕНРИХЪ.

И все-жъ

Изъ трусовъ самый подлый ты на свѣтѣ.

ОТАКЕРЪ (дѣлаетъ движеніе, будто жа-
лая броситься на Генриха).

Что?

ГЕНРИХЪ.

А вотъ то!

ОТАКЕРЪ.

Ты смѣлъ сказать мнѣ такъ!

Читай же «Отче нашъ».

ГЕНРИХЪ.

Прочелъ два раза.

Ну, что-жъ ты не подходишь?

ОТАКЕРЪ.

Убивать

Не стѣитъ жалкую собаку. Можешь
Ты уходить. Скажи мнѣ лишь одно:
Не здѣсь ли гдѣ-нибудь гнѣздится бывшій
Графъ Ауэ, который убѣжалъ
Недавно съ мызы?

ГЕНРИХЪ.

Графъ, бѣжавшій съ мызы?

Какъ такъ? Тебя тарантуль укусилъ?

ОТАКЕРЪ (дико и громко смѣется. Замѣтно, что онъ выпилъ).

Да, да, я бѣшеный. Иначе развѣ
Побрелъ бы я за нимъ.

ГЕНРИХЪ.

Поди сюда.

ОТАКЕРЪ.

Ну, нѣтъ, братъ.

ГЕНРИХЪ.

Подойди. Оставимъ ссору.

Я честно говорю. Ты рассказать
Мнѣ долженъ о паршивомъ графѣ.

ОТАКЕРЪ (садится на камень въ иѣ-
которомъ отдаленіи).

Ладно.

Коль миръ, такъ миръ. А все же сто шаговъ
Пусть будетъ разстоянья между нами.
Ну, слушай же. Въ семи часахъ пути
Есть мыза среди лѣса. Тамъ скрывался
Больной мой господинъ. Ему всегда
Я вѣренъ былъ, клянусь... Чего таращишь
Свои глаза? Я бился рядомъ съ нимъ
Не разъ у мавровъ. Не одинъ язычникъ
Упалъ съ коня отъ моего меча,
Не одному я сбилъ чалму, и часто
Оружіе враговъ я отводилъ
Отъ шеи господина. Да, такъ было.
Но вышло подъ конецъ, что заболѣлъ
Проказой онъ. А отчего? Вотъ видишь,
Не вѣрилъ тайнымъ амулетамъ онъ,
Надъ заговоромъ онъ смѣялся. То-то.
Ну, да объ этомъ помолчу. А все-жъ
Ему я вѣрнымъ оставался. Вмѣстѣ
Съ нимъ во дворѣ крестьянскомъ жилъ, пока
Не убѣжалъ онъ въ горы.

ГЕНРИХЪ.

Такъ чего же

Ты хочешь отъ него?

ОТАКЕРЪ.

Иисусъ, Марія,
Святой Іосифъ!.. Глупая башка,
Мнѣ ничего не нужно. Да избавить
Меня Господь отъ всѣхъ его отравъ.
Пусть сохранитъ онъ все, что онъ имѣетъ,
Къ нему я посланъ съ вѣстью. Вотъ возьми
Монету.

(Бросаетъ деньги).

Передай, что ты услышишь
Здѣсь отъ меня, какъ свидишься ты съ нимъ:
Вѣдь вы, бродяги, знаете другъ друга.

ГЕНРИХЪ (оттолкнувъ деньги).

Себѣ оставить можешь эту дрянъ.
Ты трусишь, баба. Ты боишься встрѣтить
Того, къ кому ты шелъ, и хочешь ты,
Чтобъ былъ твоимъ посломъ я за три гроша.

ОТАКЕРЪ (отпивъ изъ фляжки).

Что? Я боюсь? Я—Отакеръ? Такъ знай!
Три дня тому сказалъ намъ рыцарь Гартманъ,
Намѣстникъ господина моего:
«Эй, кто изъ васъ поднять рѣшится прямо
Медвѣдя изъ берлоги?» Я тогда
Сталъ впереди толпы и засмѣялся:
«Я, господинъ, могу». Вотъ я каковъ!
И такъ и сдѣлалъ я.

ГЕНРИХЪ (тихо, съ мрачной провісью).

Слуга мой вѣрный!

Приди въ мои объятія.

ОТАКЕРЪ (увидѣвъ, что Генрихъ сдѣ-
лалъ къ нему нѣсколько ша-
говъ, вскакиваетъ и отбѣ-
гаетъ).

Чортовъ адъ!

Кто ты?

ГЕНРИХЪ.

Не бойся: это я, паршивый
Твой господинъ, фонъ-Агъ.

ОТАКЕРЪ (пристально поглядѣвъ, узнать
Генриха и падаетъ на ко-
лѣни, сложивъ руки съ молю-
щей и страхомъ).

Господинъ!

Помилуйте меня! Простите! Вѣренъ
Я былъ всегда вамъ и во всякій часъ,
И лишь тогда предъ вами провинился,
Когда бѣжалъ... Вашъ замокъ мы хранимъ...
Вы знаете, предъ вашею палаткой
Лежалъ я по ночамъ съ мечомъ въ рукѣ,
Чтобъ вы спокойно спали—и не трусилъ...
Простите, каюсь я въ грѣхъ своемъ...
Пусть вы отлучены, но рыцарь Гартманъ
Намъ говорилъ: священникъ отвести
Не можетъ руку помощи. Больны вы.
Но рыцарь говорилъ: коль Богъ захочетъ,
Вы будете здоровы. Вы безъ вѣсти
Пропали. Мертвымъ объявляетъ васъ.
Вашъ братъ двоюродный Конрадъ. Но всѣ мы,—
Насъ больше тысячи,—всѣ поклялись
Предъ ликомъ Богоматери вашъ замокъ
Какъ прежде и блюсти и охранять.

ГЕНРИХЪ (съ дѣланымъ добродушіемъ).

Ну, хорошо. Все прощено, забыто.
Ни слова болѣе объ этомъ. Да,
Все прощено. Ты вѣренъ былъ и вѣрнымъ
Остался ты. Я мужество твое
И храбрость знаю. Я видалъ, какъ въ битвѣ
Ты въ ключья раздиралъ врага, какъ волкъ.
Не трусишь ты. Такъ подойди поближе:
У моего ты сядешь очага,
Огнемъ я зажгу дрова и буду
Не господиномъ, а твоимъ слугой.

ОТАКЕРЪ (послѣ сильной, почти смѣшной
борьбы съ самимъ собою).

Нѣтъ, чортъ возьми... я не могу.

ГЕНРИХЪ (будто опъ ничего не замѣ-
чаетъ).

Ну, что же?

ОТАКЕРЪ.

Уйти я должёнъ, господинъ.

ГЕНРИХЪ (поврежнему).

Зачѣмъ?

ОТАКЕРЪ.

Мнѣ рыцарь Гартманъ...

ГЕНРИХЪ.

Ты мой рабъ! И если

Тебѣ я говорю: останься здѣсь—

Ты долженъ оставаться!

ОТАКЕРЪ (послѣ новой борьбы съ самимъ собой).

Не могу я...

Богъ видитъ,—не могу. Изъ арбалета
Пустите лучше мнѣ стрѣлу въ високъ.

ГЕНРИХЪ.

Стрѣлу? Ты баба! Негодай, мошенникъ.

Ремень, веревка, лошадиный кнутъ—

Вотъ чѣмъ тебя, а не стрѣлой!.. Постои же!

(Онъ вытливаетъ впередъ руки).

Разъ, два! Ну, убирайся! Три, четыре!—
Пошелъ!

ОТАКЕРЪ (отойдя).

Опомнитесь, мой господинъ

Лѣчитесь, какъ другіе: окуните

Въ крови ребенка руки. Надо вамъ

Взять смѣлость для того...

ГЕНРИХЪ.

Пять! Шесть! Довольно:

Поберегись, герой, поберегись!

(Бросается къ Отакеру съ поднятыми руками. Тотъ убѣгаетъ въ безумномъ страхѣ. Возвратившись, Генрихъ разражается дикимъ смѣхомъ, болѣзненнымъ, почти переходящимъ въ рыданія. Затѣмъ онъ овладѣваетъ собою).

Генрихъ (одипъ).

Такъ. Хорошо. Вновь тишина царить,
И въ этомъ царствѣ я живу, закованъ
Въ мой крѣпкій панцырь. Пусть я одинокъ —
Уединенье мнѣ не давить сердца.
Шумъ суеты не слышу я. Кругомъ
Въ холодномъ блескѣ, въ ледяномъ просторѣ,
Таинственное міровое море
Раскинулось, и я свободенъ въ немъ.
Чего же не хватаетъ мнѣ? За дѣло!

(Продолжаетъ копать могилу).

Изъ праха вышелъ ты и снова въ прахъ
Ты обратишься. Жизни сонъ минуетъ:
За нимъ наступитъ вѣчной смерти сонъ.
Жизнь наша — нищій. Смерть — властитель міра.
Нѣмая, въ тьму одѣтая, она
Какъ глыба катится, все погребая.
Что зарождаетъ жизнь? Слѣпой порывъ
Безумной похоти: подъ кровомъ ночи
Безчисленныхъ глупцовъ она влечетъ,
Грѣхомъ ихъ соблазняя и развратомъ.
И вотъ тюрьма, гдѣ тѣсно нѣтъ и такъ,
Становится для нихъ еще тѣснѣе.
Но смерть, тюремщикъ добрый, выпускаетъ
На волю всѣхъ. Мечтаетъ человѣкъ,
Что онъ откликнется душою можетъ
На все, чѣмъ міръ богатъ. Но вѣдь ему
Ничто не откликается. Все нѣмо,
Какъ эти камни. А когда-бъ они
Заговорили, человѣкъ услышитъ
Отъ нихъ одно лишь: жизнь твоя — страданье,
А счастье въ смерти.

(Патеръ Бенедиктъ появляется въ глубинѣ ущелья).

Бенедиктъ (нерѣшительно, издали).

Богъ благословитъ

Васъ, бѣдный Генрихъ.

Генрихъ (прислушиваясь, про себя).

Вотъ опять трещотка —

Людская рѣчь.

БЕНЕДИКТЪ (медленно приближается къ Генриху и кладетъ ему руку на плечо. Генрихъ спокойно продолжаетъ копать могилу).

Мой добрый другъ...

ГЕНРИХЪ.

Кто ты?

БЕНЕДИКТЪ.

Что дѣлаете вы?

ГЕНРИХЪ.

Себѣ могилу
Копаю. Для чего пришелъ ко мнѣ?

БЕНЕДИКТЪ.

Принесъ вина я вамъ, плодовъ и хлѣба.

ГЕНРИХЪ.

Уйди, монахъ! Уйди! Не то тебя
Я пригвождю, какъ филина, надъ дверью
Моей пещеры. Въ монастырь ступай,
Въ подземную нору, гдѣ ты таишься
Какъ темная ехидна.

БЕНЕДИКТЪ.

Господинъ

Мой добрый...

ГЕНРИХЪ.

Ладно. Говорю тебѣ я,
Исчезни съ лица моихъ. Или заставь
Меня исчезнуть, чтобы ты не видѣлъ,
Какимъ я сталъ. Я для тебя теперь
Не господинъ и не слуга. Ни боленъ
И ни здоровъ я; ни одѣтъ ни голъ,
И не постриженъ я, какъ ты, въ монахи,
Хоть и постриженъ. Понялъ—я ничто.
Ты слышишь ли—ничто.

БЕНЕДИКТЪ.

Чѣмъ ни считалъ бы
Себя заблудный человѣкъ, но все-жъ
Дитя онъ Божье.

ГЕНРИХЪ (внезапно выскочивъ изъ могилы и отложивъ въ сторону лопату).

Что ты? Неужели?

Вѣдь ты монахъ, избранникъ Бога. Ну,
Поди-жь сюда, присядь ко мнѣ, коль любяшь
Коросту и нарывы. Тотъ мой другъ,
Кто размѣшитъ меня. Такъ ты сказалъ мнѣ
Что Божье я дитя. Да, я дитя.
А вотъ и колыбель моя—могила.
И это на пергаментъ запишу.

БЕНЕДИКТЪ.

Вы въ тяжкомъ горѣ, бѣдный господинъ мой,
И это знаю...

ГЕНРИХЪ.

Бѣднымъ ты меня
Зовешь, монахъ? Я бѣденъ? Подойди же
Сюда къ кусту терновника, къ кустамъ
Красивы, и раскрой глаза пошире:
Все, что ты видишь, нищій—все мое!
И этотъ лѣсъ, и скалы, и долина,
И озеро, и скаты дальнихъ нивъ,
И рыбы въ озерѣ, и вѣтви сосенъ,
И тѣхъ деревьевъ каждый, каждый листъ—
Все здѣсь мое. Вотъ у тебя на рясѣ
Я вижу паутинку: вѣдь ее
Соткалъ паукъ—слуга мой. Даже жало
У комара, которымъ жалить онъ,
И то мое и взято изъ запаса
Монихъ сокровищъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Хорошо, но все-жь...

ГЕНРИХЪ.

Вотъ въ этомъ суть, вотъ въ этомъ-то и дѣло:
Усталъ играть я господина роль,
Усталъ томиться въ шелковыхъ одеждахъ
И узкихъ башмакахъ. Усталъ я быть
Рабомъ монихъ рабовъ и блюдолизовъ,
Друзей монихъ. Усталъ питаться я

Той пищей, что готовили другіе.
Усталъ стоять высоко, на горѣ,
И нагибаться къ тѣмъ, кого чуть видѣлъ
Я тамъ, внизу. Стремиться можетъ вверхъ
Къ свободѣ, къ свѣту тотъ, кто въ бѣдной долѣ
Влачится по землѣ. Но властелинъ,
Когда захочетъ сдѣлаться свободнымъ
И быть причастнымъ міру,—долженъ онъ
Глубоко въ землю погрузиться, такъ,
Какъ вотъ теперь я дѣлаю—гляди.

(Прыгаетъ въ могилу).

Бenedиктъ.

Прошу васъ, встаньте, господинъ. А если
Не можете подняться, то со мной
Колѣни преклоните, и мы оба
Мольбы и души вознесемъ къ Тому,
Кто былъ всегда, и есть, и вѣчно будетъ.

Генрихъ (выскакиваетъ изъ могилы).

Да, Онъ подниметъ. Но не ты, не я!
Онъ дѣлаетъ, монахъ, по произволу,
А не изъ жалости, какъ вѣришь ты.
О, если-бъ дѣлалъ Онъ, соображаясь
Съ желаніями людей! О, если-бъ Онъ
Могъ тронуться молениемъ этихъ рукъ
Израненныхъ и этихъ устъ съ губами,
Изъѣденными язвой, что едва
Лепечутъ жалобы свои, и этихъ
Очей потухшихъ, что слезятся кровью
Въ глубокихъ впадинахъ,—тогда, монахъ,
Земля была бы раемъ и богами
Мы были бы на ней, или Господь
Не разъ одинъ бы умеръ отъ страданій,
А десять, сто разъ и лежалъ теперь
Онъ мертвецомъ въ забытомъ гробѣ міра!
Ты это понимаешь?

Бenedиктъ.

Живъ Господь!

Имѣйте вѣру. Если бы искали
Его вы съ вѣрой...

Генрихъ.

Ты пришелъ сказать,
Что живъ Онъ? Хорошо. Благодарю.
Иди. Ты видишь, самъ я докопался
До этого, здѣсь, въ долгой тишинѣ.
Я знаю, знаю, что Онъ живъ, и правду
Я говорю тебѣ: Онъ былъ со мною,
Но, ты, монахъ, Его отсюда гонишь.
Да, это такъ. Напрасно съ недовѣрьемъ
Ты головой киваешь; у меня
Есть Богъ. Но этотъ Богъ не ослѣпляетъ
Тѣхъ глазъ, которые Его не видятъ,
Не разрываетъ сердца тѣмъ, кто жадаетъ
Его любить, не отстраняетъ рукъ
Дѣтей, Его молящихъ, и надъ ними
Не слышится Его холодный смѣхъ.

(Съ дикимъ хохотомъ)

Да, Богъ смѣется! Богъ смѣется!

(Сразу мѣняетъ тонъ, преодолевъ себя. Рѣзко)

Ищешь

Чего ты здѣсь?

Бенедиктъ.

Тебя ищу, твоё
Когда-то столь незлобивое сердце,
И въ немъ покорности Творцу ищу.

Генрихъ.

Ну, если такъ, поторопись: пора мнѣ
Кормить теперь сына и паука,
Который такъ прилежно паутину
Плететъ въ моей пещерѣ. Начинай
Свою работу.

Бенедиктъ.

Господинъ, пришелъ я
Сюда по просьбѣ честнаго Готфрида.

ГЕНРИХЪ (прислушавшись къ движе-
нію въ кустахъ, вскакиваетъ
и бросаетъ туда камень).

Прочь убирайся! Для чего пришелъ?
Живетъ здѣсь бѣдный Генрихъ. Убирайся!

Но то... Эй, сторожъ! Эй! Спустить собакъ!
Они тебя научатъ послушанью.

(Изъ кустовъ выходитъ Готфридъ).

Готфридъ.

Вѣдь это я, мой добрый господинъ,
Готфридъ, слуга вашъ.

Бенедиктъ.

Это онъ взаправду.

Но любопытство привело его
Къ вамъ, господинъ, а горькая забота

ГЕНРИХЪ (долго и пристально всматривается въ Готфрида, потомъ говорить спокойно).

Встань. Чтò съ тобою? Встань. Поди сюда,
Кто умеръ у тебя? Какое горѣ
Въ твоѣ гнѣздо проникло?

Готфридъ (почти съ плачемъ).

Господинъ,

Вѣдь дочь моя...

Генрихъ.

Глаза мнѣ вѣсть отъ дыма...

Въ нихъ слезы... Чтò же: умерла она?

Готфридъ.

Нѣтъ, добрый господинъ...

Бенедиктъ.

Готфридъ, постой-ка,

Я расскажу все кратко. Я вѣдь былъ
Духовникомъ ребенка въ это время
И знаю все я. Да, она живетъ.
Она живетъ одна съ тѣхъ поръ, какъ мызу
Покинули вы, и живетъ она
Какой-то странной жизнью. Измѣнилась
Она теперь, ее нельзя узнать.
Она какъ бы вѣкъ міра пребываетъ
И дышитъ только внутреннимъ огнемъ,
Чтò тѣло разжигаетъ.

Готфридъ.

Господинъ мой,

Она не ѣстъ, не пьётъ, лежитъ она
И смотритъ на небо стекляннымъ взглядомъ...
Она...

Бенедиктъ (перебивая).

Постой, Готфридъ. Да, это такъ.
И вотъ теперь, когда мы здѣсь предъ вами
О ней толкуемъ, съ ложа своего
Подстилку сбросивши, она на голыхъ
Лежитъ доскахъ,—соломы даже нѣтъ,—
Закоченѣвъ, какъ дерево кровати,
Безъ пищи, безъ питья и безъ движенія
Ужъ двое сутокъ.

Генрихъ (садится у могилы и чиститъ
морковь).

Ясно говоря:

У ней болѣзнь. Врача къ ней позовите.
Когда бы я врачомъ былъ, то себя,
Конечно, вылѣчилъ бы. Но къ чему же,
Плѣшивый братъ, идете вы ко мнѣ?
Ну, сѣмени цытварнаго ей дайте,
Иль отъ глистовъ траву. Вѣдь у дѣтей
Бываетъ: кажется болѣзнь серьезной,
Но происходитъ отъ смѣшныхъ причинъ.
А если не дитя больная ваша,
Такъ дайте вы ей то, что превращаетъ
Болѣзненныхъ дѣвицъ въ здоровыхъ женщинъ.

Бенедиктъ.

Я Оттегебе знаю, господинъ,
Я воспиталъ ее...

Готфридъ.

А я-то, патеръ,
Еще получше знаю...

Бенедиктъ.

Вѣдь ко мнѣ

Она приходитъ и свои печали
Передастъ всегда мнѣ.

Готфридъ.

А со мной

Она жила съ тѣхъ поръ, когда впервые
Я крикъ ея слышалъ.

Бенедиктъ.

Ну, такъ вы

И говорите.

Готфридъ.

Да. И вотъ скажу я,
Что господинъ нашъ правъ. Все это въ ней
Отъ возраста. Когда-бъ найти ей мужа—
Въ порядокъ все пришло бы. Только-бъ вы
Съ Бригитой не мѣшали...

Бенедиктъ.

Вѣдь недавно,
Готфридъ, вы попытались—пу, и что-жь?
Чѣмъ кончилось?

Готфридъ.

А что тому виною?
Вѣдь если-бъ дочь воспитана была
Какъ деревенской дѣвушкѣ прилично,
Она бы не лишилась чувствъ, когда
Я жениха привелъ ей. Господинъ мой,
Зачѣмъ ушли отъ насъ вы? Поутру
Она, какъ прежде, поспела къ постели
Вамъ кружку молока, а вась и нѣтъ!
Вотъ тутъ ее болѣзнь и захватила,
И если не воротитесь вы къ намъ,
Она изсохнетъ и помретъ.

Бенедиктъ.

Зимою

Не можете вы жить въ лѣсу. Вотъ я
Привыкъ къ нуждѣ, и все-таки въ часовнѣ
Есть келья у меня. Но иногда
Я выпущенъ бываю къ добрымъ людямъ
Идти подъ кровъ, чтобы себя согрѣть.

ГЕНРИХЪ.

Прочь отъ меня, глупецъ! Прочь, лысый сводникъ!
И ты, сѣдая, глупая башка!
Прочь! Ну, чего вы здѣсь найѣти хотите?
Вино изъ терна? Финиковъ съ крапивы?
Кто я? Чтѣ я теперь? Или у меня
Излишекъ есть, что нищія приходятъ
Его со мною раздѣлять? Старикъ,
Къ себѣ подъ кровъ меня зовешь ты снова?
Смѣшно! Не ты-ль вокругъ меня бродилъ
Исполненъ ужаса, когда я въ домѣ
Жилъ у тебя? Не ты ли безпрестанно
Дрожалъ предъ слугами своими? Чтѣ?
Ты думаешь, не выдавали взгляды
Твои, жены твоей, вашъ тайный страхъ
И ваше затаенное желанье?
Вѣдь вы меня глазами умоляли:
«Уйди и дай вздохнуть свободно намъ».

ГОТФРИДЪ.

Вы ошибаетесь, клянусь я Богомъ,
Мой милостивый господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ,

Не ошибаюсь я. Дешевой ложью
И болтовней кормили вы меня,
Чтобъ скрыть свой страхъ. Сперва я ѣлъ охотно,
Потомъ мнѣ опротивѣлъ этотъ кормъ,
И я ушелъ и скрылся. Я съ собою
Взялъ все, чтѣ отъ меня еще осталось.
Да, я бѣжалъ отъ самого себя,
А отъ меня, отъ князя, въ дикомъ страхѣ
Бѣжалъ мой рабъ, крича, что исцѣлѣтъ
Себя я долженъ жизнью ребенка!..
Чего-жъ еще вы отъ меня хотите?
Прочь убирайтесь! Чтѣ стоитъ вы?
Я говорю вамъ ясно. Вы явились
Сюда затѣмъ, чтобъ я помогъ спасти
Тебѣ, чтѣ сама спасти меня желаетъ?
Такъ слушайте же: здѣсь была она
Три дня назадъ. Она меня сыскала,—

У ней чутье ищейки,—и сюда
Она пришла, и я ее увидѣлъ.
Клянусь предъ вами Богомъ, что послалъ
Страданья мнѣ и глухъ къ моимъ молениямъ,—
То было искушенье духа зла.
Но козни дьявола не удалися:
Я ведъ себя, какъ будто ничего
Не слышу я, надъ нею я смѣялся,
Не подпускалъ ее къ себѣ, бросалъ
Каменьями въ нее.

Бенедиктъ.

Она вѣдь хочетъ
Спасти васъ, господинъ, и вотъ зачѣмъ
Она къ вамъ приходила. Ей внушили,
Что вашъ недугъ излѣчиваютъ кровью.
Слуга вашъ Отакеръ такъ говорилъ:
Есть врачъ въ Салерно. Излѣчить беретъ
Онъ отъ болѣзни васъ, коль перельютъ
Вамъ въ жилы кровь отъ дѣвушки невинной,
Что добровольно подъ ножомъ умретъ,

Генрихъ.

И вѣрите вы этому?

Готфридъ.

Нѣтъ, Боже
Оборони, чтобы повѣрилъ я!
Но дочь моя стоитъ на томъ упорно
Въ своемъ безумьѣ. Помогите намъ
Отнять ее у сатаны.

Бенедиктъ.

Вы слишкомъ
Поспѣшно судите. Кто можетъ знать,
Что Богомъ внушено и что исходить
Отъ козней дьявола. Въ ея душѣ
Борьба святая. Изъ глубокой тьмы
Грѣховной нашей жизни этой жертвой
Она къ небесному плечется свѣту!
И, можетъ-быть, она спасетъ себя
И васъ...

Готфридъ.

Не будетъ тутъ спасенья,
А только гибель для нея.

Бенедиктъ.

Господь

Не оставляетъ тѣхъ, кто съ вѣрой ищеть
Его путей! И грѣшницы душа,
Взыскающая о спасеньи, узритъ
Небесный взоръ Его, хотя-бъ она
Въ когтяхъ у дьявола томила. Вѣрите!
Не отдавайтесь живому сомнѣнью!
Она стремится къ Господу и жаждетъ
Вѣнецъ страданія принять. Кто можетъ
Отринуть то, что открываютъ ей
Видѣнія? Вѣдь сказано же въ книгѣ
Священной: «кровь есть искупленье жизни».
И это тайный голосъ ей открытъ!

Генрихъ.

Такъ, такъ. Вотъ мнѣнiе твоё. Видѣнья
Внушаютъ бредъ ей. Думаетъ она,
Кровопрлитiе угодно Богу?
Нѣтъ, кровью искупить нельзя долговъ
Грѣха и зла, доставшихся въ наслѣдье.
Все это заблужденъ и обманъ.
Вы слышите—обманъ! Идите. Вотъ что
Скажу я вамъ: еще въ тѣ дни, когда
Я книги изучалъ, и не владѣла
Моей душой та мудрость, что теперь
Открылась мнѣ въ нѣмомъ уединеннiи,—
Еще тогда я зналъ: лѣченъе это
Есть просто глупость. Передайте ей
Мои слова. Вы видите: спокойно.
Надъ бездною безумья я стою,
Я мыслю трезво, и мои сужденья
Такъ холодны, какъ въ озерѣ вода,
Хоть изъ горячаго исходятъ сердца.
Скажите ей, что никакого нѣтъ
На мнѣ грѣха. Я чистъ и непороченъ.
И тотъ недугъ, что въ тѣлѣ у меня,
Не заразилъ моей души. Скажите,

Что кровью омывать не надо ткань,
Которая чиста; и кто рѣшится
На это, тотъ послужитъ змѣю жи,—
Но Богу!

Бенедиктъ (стригательно качаетъ головой).

Господицъ, коль такъ мы скажемъ—
Она начнетъ желать еще сильнѣй
Того, къ чему стремится съ страстной жаждой.
Ей, какъ и мнѣ, покажется, что вы
Словами гордыми свою виновность
Усугубляете, что вы должны спастись
Смиреньемъ и покорностью.

Генрихъ.

Не вѣрите
Въ свою покорность: въ ней высокомерье.
Когда ты, передъ Богомъ преклоняясь,
Во прахъ ползаешь, на твой затылокъ
Тщеславіе становится пятой,
Какъ женщина безстыдная. Скажи мнѣ,
Что ты такое для Творца, мой другъ,
Чтобъ о тебѣ и о твоємъ спасеніи
И о раскаяніи твоємъ ничтожномъ
Заболѣлся Оиъ? Иль мечтаешь ты
Чего-нибудь своей достигнуть волей?
Послушай: здѣсь, на этой вотъ скалѣ
Стою я часто, и клянусь я небо
И богохульствую, и эхо горъ
Мои проклятія и богохульства
Кругомъ разноситъ громко, и вдвоємъ
Мы заглушаемъ шумъ листвы зеленой
И плескъ волны и птичекъ голоса.
И что же? Все, все это передъ Богомъ
Ничтожный грѣхъ!

Готфридъ.

Мой добрый господицъ,
Поговорите сами съ Оттегебе,
Поговорите съ дочерью моею,
Ужъ голосъ вашъ одинъ ее насытитъ,
Какъ хлѣбъ. Не знаю, кто вамъ даровалъ

Такое волшебство, такую силу,
Что приязнали сердце вы ея.
Довольно вамъ сказать, что по дорогѣ,
Гдѣ вы гуляли,—вашихъ ногъ слѣды
Она цѣлуетъ. Въ горницѣ, гдѣ жили
Вы, господинъ, она ложится спать,
При вашемъ имени у ней проходитъ
Ея околѣбность. Если вы,
Какъ я, проклятаго врача лѣчепье
Считаете обманомъ, то, прошу:
Подите къ ней и ей скажите сами,
Что врачъ нагалъ, что никакой наукой
Недугъ вашъ...

Генрихъ (перебивая, съ сипомъ).

Вывѣчить нельзя, что нѣтъ
Такого средства, чтобъ меня очистить,
Что врачъ салернскій негодяй и плутъ,
Желающій взять золото обманомъ,
Что боленъ я, но все-жъ еще глупцомъ
Не сдѣлался такимъ, чтобъ я повѣрилъ
Безумію и пользоваться сталъ
Кровавой жертвой бѣднаго ребенка.
Да, да, я знаю, знаю это все,
И даже больше этого я знаю
И больше ей сказалъ. Чтѣ на меня
Вы пилите глаза? Да, это правда:
Она была здѣсь у меня вторично,
И я не зналъ, какъ защититься мнѣ
Отъ искушенія ада. Я жестоко
Съ ней поступилъ, я на нее плевалъ,
Бросалъ въ нее камнями, и къ ней
Я простиралъ изъязвленные руки
Съ угрозою и бѣшенствомъ; и страхъ
Мнѣ въ душу тайный проникалъ, что долго
Не выдержу я этого, къ ней брошусь
И обвиню ей плечи, шею, гдѣ
Такъ бился пульсъ... Уйдите же, уйдите
Вы отъ меня,—уйдите, говорю!
Теперь прошло, все кончено, но было
Ужасно это... О, когда она
Мнѣ закричала голосомъ, который
Заставилъ задрожать меня: «Хочу

Спасти тебя я, бѣдный, бѣдный Генрихъ:»—
Я зарыдалъ: «Не подходи ко мнѣ:
Я прокаженный!» И упалъ на землю
Ничкомъ и, сколько времени лежалъ—
Не знаю. Но, очнувшись, я увидѣлъ—
Она была вблизи меня, она
Сидѣла тутъ, склонившись надо мною,
И говорила: «Есть въ Салерно врачъ,
Есть врачъ... о, Господи... о, Иисусе»...
Шептала, что угодна жертва небу,
Что жизнь ей не нужна, что умереть
Она готова, и что я не смѣю
Ей путь святой къ спасенію закрывать,
Что я уѣхать долженъ съ ней въ Салерно...
И долго, долго, съ пламенной мольбой
Упорно толковала о лѣченіи
Безумномъ. Я, внимая ей, не зналъ,
Что дѣлать мнѣ, на что, на что рѣшиться.
Потомъ вскочилъ и побѣжалъ туда,
Черезъ лѣсъ, за озеро. Бѣжалъ, покуда
Не задохнулся я и не упалъ
За много верстъ отсюда. Богъ что сдѣлалъ
Я для нея. Поймите же меня.
Я пораженъ проклятіемъ ужаснымъ,
Слабѣй я слабого, извергнуть я
Изъ міра вашего, освободился
Отъ всѣхъ обычаевъ я и законовъ,
Что связываютъ жизнь. Я властелинъ,
Я болѣе чѣмъ властелинъ. И что-жъ?
Она вѣдь здѣсь была одна, одна,
И беззащитна... если бы не билось
Въ моей груди то сердце, что падаетъ
Любовь и божескую чистоту. Чего же
Хотите вы еще? Прочь! Убирайтесь!
Я къ своему концу пришелъ. Молитвы
Всѣ прочиталъ. Я голоденъ. Свой трупъ
Кормить я долженъ. Для чего? Не знаю.
И душу долженъ я свою влечь—
Куда? Богъ вѣсть! Довольно. Уходите.

БЕНЕДИКТЪ (вотрясенный, послѣ долгого молчанія).

Прощайте, господинъ. Ищите крова.

(Тихо и съ волненіемъ)

Зима жестокой обѣщаетъ быть.
Ищите крова для себя. Пойдемте,
Готфридъ.

Готфридъ.
Ищите крова, господини!
(Уходятъ оба).

ГЕНРИХЪ (одинъ).

Они ушли... Какая смута въ жизни...
Ничто!—Дитя!—Вселенная!—Уйти
Въ могилу?—Но передо мною
Стоитъ ребенокъ... И зоветъ... Куда,
Куда зовешь ты?... Нѣтъ, передъ соблазномъ
Я устою. Въ могилахъ вѣчный сонъ...
И Богъ? И мѣръ? И что еще? Не знаю...
(Начинаетъ копать могилу).
Ищите крова... Да, ищите крова.
(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность часовни въ лѣсу. Надъзо алтарь съ зажженной лампадой. Направо входная дверь. Задняя декорация представляетъ боковую стѣну часовни. Въ этой стѣнѣ, неподалеку отъ алтаря, дверь, ведущая въ пристройку — кухню патера. Алтарь убранъ осенними цвѣтами.

Бригита и патеръ Бенедиктъ стоятъ около входной двери и говорятъ вполголоса. Бригита собирается уходить; на головѣ у нея платокъ, въ рукахъ корзина...

Бенедиктъ. Они лгутъ, они часто лгутъ, Бригита. Кто знаетъ, что въ ихъ разсказахъ ложь, что правда.

Бригита. Приходится вѣрить, патеръ. Старый слуга никогда не лгалъ. Онъ не любитъ разговаривать. Однако и онъ говоритъ, что видѣлъ его собственными глазами, готовъ побожиться.

Бенедиктъ. Странно, очень странно... Лежалъ во рву?

Бригита. Нѣтъ, старикъ видѣлъ его лежащимъ въ травѣ за садомъ. Онъ какъ будто подсматривалъ. Во рву его видѣлъ пастухъ Кунцъ.

Бенедиктъ. Старикъ говоритъ, что онъ убѣждалъ?

Бригита. Да, когда онъ его окликнулъ, тотъ вскочилъ и побѣжалъ въ поле...

Бенедиктъ. Не могу этому повѣрить. Не могу сообра-

зять, что ему надо. Вѣдь вы никогда не запирали для него вашего дома. Зачѣмъ же онъ бродить около дома точно волкъ?

Бригита. Не знаю. И никто этого не можетъ знать. Говорять, онъ одичалъ, обратился почти въ звѣря. Они говорятъ, что онъ въ отчаяньи. Дошелъ до крайности.

Бенедиктъ. Не можетъ быть. Подумай: можетъ ли онъ такъ растеряться... Другъ императора, его соратникъ... Я еще недавно видѣлъ его, правда, растерзаннымъ, но твердымъ, какъ прежде. А теперь они говорятъ, что видѣли бродягу... Ну, да какъ бы ни было, дѣвочка подъ Божьей охраной, у меня въ кельѣ. Стало-быть, бояться нечего. А все-таки не очень-то вѣрю, хотя въ мірѣ ходятъ плохіе слухи о бѣдномъ Генрихѣ.

Бригита. Говорять даже, что будто бы въ Констанцѣ его похоронили въ склепѣ его предковъ съ большимъ торжествомъ...

Бенедиктъ. Какъ бы ни были дурны слухи о немъ, если даже его ибѣ. уже на свѣтѣ, душа его не погибнетъ. У его души, какъ у демона, черныя и бѣлыя крылья. Если онъ не можетъ подняться на бѣлыхъ, то его поддержать черныя. Я видѣлъ его безстрашнымъ на краю такой бездны, передъ которою потемнѣло бы въ глазахъ у самаго мужественнаго человѣка. Онъ рылъ себѣ могилу. И скорѣе онъ ляжетъ въ эту могилу, чѣмъ будетъ воровски бродить около дома. Бояться слѣдуетъ только одного: если бы дѣвочка была у васъ, до нея дошли бы эти слухи. Она свѣдала бы о томъ, что онъ тутъ, близко, и попала бы въ когти ловцу.

Бригита. Ну, я пойду. Ужъ темнѣетъ. Путь не близкій. Готфридъ ждетъ. И то ужъ я тутъ позамѣшкалась. Стало-быть, отцу такъ сказать, что дѣвочка чувствуетъ себя тутъ бодрѣе?

Бенедиктъ. Тсс... тише. Какъ бы она не услышала... Ты видѣла сама: ей лучше. Но она все еще думаетъ, что онъ долженъ придти, и, подобно мудрой евангельской дѣвѣ, она бережетъ свою лампаду, держитъ ее наготовѣ, точно ждетъ пришествія нашего Спасителя. Безуміе все еще владѣетъ ею, и я вынужденъ поддерживать ея мечты, ея бредъ благочестивымъ обманомъ. Придетъ пора,—придетъ и разумъ. Надо время, чтобы понемногу прошла ея тревога. Можетъ-быть, какъ Божья невеста, она приметъ постриженіе.

Бригита. На все Господня воля. Ахъ, если бы умеръ нашъ господинъ. (Плачетъ и цѣлуетъ у патера руку).

Бенедиктъ (тронутый). Иди. Утѣшься, утѣшься... (Слышно шелканье бича за дверями кельи).

Бригита (испуганно). Что это?

Бенедиктъ (выпроставивъ се). Ничего, ничего. Иди. Поторопись. (Бригита уходитъ).

(Патеръ Бенедиктъ подумавъ, пока затихли шаги уходящей Бригиты. Затѣмъ онъ прислушивается къ страннымъ звукамъ, что долетаютъ изъ кельи, качаетъ съ неудовольствіемъ головой и стучать въ дверь).

Бенедиктъ.

Ты, Оттегебе, тутъ?

Оттегебе (изъ кельи).

Да, патеръ. Я

Сейчасъ приду.

(Входитъ. Въ рукахъ у нея горящая лампада. Въ часовнѣ становится почти темно).

Бенедиктъ (беретъ у нея лампаду).

Опять ты бичевалась?

Вѣдь запретилъ я.

Оттегебе (съ мистическимъ выраженіемъ на блѣдномъ восковой лицѣ).

Иисусъ, Марія,

Иосифъ! Приношу я сердце вамъ
И душу. Помогите мнѣ въ послѣдней
Моей борьбѣ, Марія, Иисусъ,
Иосифъ...

Бенедиктъ.

Дѣвочка, послушай: будь
Покорной и довѣрься мнѣ. Предъ Богомъ.
Я отвѣчаю за тебя. Твои
Родители тебя мнѣ поручили...
Зачѣмъ себя такъ часто ты бичуешь?

Оттегебе (дрожа, цѣлуетъ край его
рясы).

Мнѣ это нужно, патеръ.

БЕНЕДИКТЪ.

Для чего?

ОТТЕГВЕ.

Я подъ бичомъ могу дышать.

БЕНЕДИКТЪ.

Но развѣ

Но можешь ты безъ этого дышать?

ОТТЕГВЕ (вздыхая).

Мнѣ трудно, патеръ.

БЕНЕДИКТЪ.

Ну, зажжемъ тѣ свѣчи,

Что матерью твоей принесены,
И вознесемъ мы Господу молитву
Благодаренья.

ОТТЕГВЕ (стоятъ неподвижно, влажно
глаза устремлены на
распятіе).

Патеръ...

БЕНЕДИКТЪ.

Что?

ОТТЕГВЕ.

Теперь

Совсѣмъ готова я.

БЕНЕДИКТЪ.

Къ чему?

ОТТЕГВЕ.

Къ страданью

И смерти.

БЕНЕДИКТЪ.

Полно. Душу обрати
Къ земнымъ дѣламъ. Вѣдь если хочешь Богу
Ты посвятить себя, все-якъ надо жить,
Чтобъ жизнью жертвовать.

ОТТЕГЕВЕ.

Да, патерьъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Ну,

Пойдемъ поужинать.

ОТТЕГЕВЕ (садится на ступени алтаря).

А онъ вернется?

Какъ думаешь ты, патерьъ? Онъ придетъ?

БЕНЕДИКТЪ.

Но не теперь. Теперь въ другомъ онъ мѣстѣ.

ОТТЕГЕВЕ.

Не тамъ, гдѣ видѣли его вы?

БЕНЕДИКТЪ.

Нѣтъ,—

Не тамъ. Рассказываютъ люди, будто
Онъ странствовать ушелъ, чтобы увидѣть
Передъ кончиной тѣ мѣста, гдѣ прежде
Грѣшилъ онъ.

ОТТЕГЕВЕ.

Но вѣдь онъ вамъ обѣщаетъ,
Что онъ вернется?

БЕНЕДИКТЪ.

Да, какъ обѣщаютъ
Всѣ знатные. Но, бѣдное дитя,
Покини объ этомъ тягостную думу.
Будь терпѣлива. Бдѣніемъ, постомъ,
Молитвами себя ты истомила,
И плоть ты умертвила-до того,
Что свѣтитъ твое лицо. Терпѣнья
И мира у Творца небесъ проси
И ожидай въ смиреніи...

ОТТЕГЕВЕ.

Сегодня

Придетъ онъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Думаешь ты?

ОТТЕГЕВЕ.

Да.

БЕНЕДИКТЪ.

По почему-жъ такъ думаешь ты?

ОТТЕГЕВЕ.

Ночью

И днемъ два раза слышала я будто
Трепетку прокаженного... Да вотъ,
Вотъ и теперь она... Ты слышишь? Слышишь?

БЕНЕДИКТЪ.

Я ничего не слышу. На дворѣ
Гудитъ лишь вѣтеръ... Дѣвочка, не нужно
Объ этомъ думать.

ОТТЕГЕВЕ.

Онъ придетъ, придетъ

Сегодня. Я навѣрно знаю это.

Послушай: въ полночь пробудилась я,
Какъ будто кто позвалъ меня, и голосъ
Услышала: «Вставай! Твой господинъ
Приходитъ. Близко онъ». Свою лампаду
Перекрестивъ, я масла налила,
Зажгла и вышла я и передъ дверью
Я сѣла на крыльцѣ. И долго такъ
Сидѣла, въ думы углубясь, не слыша,
Какъ буря бушевала вкругъ меня.
И вдругъ мнѣ душу охватилъ невольный
Безумный страхъ, какого никогда
Не вѣдала я. «Это—искушенье»,—
Подумала я въ ужасѣ и тутъ.
Какъ будто обмерла... Во тьмѣ полночной
Внезапно крики раздались и ревъ:
Казалось, будто съ каждымъ взрывомъ вѣтра
Доносится волковъ голодныхъ вой...
Хотѣла я бѣжать, спастись, укрыться
Въ алтарь—и не могла.... Тогда глаза

Закрыла я обѣими руками—
Вотъ такъ—и все же ясно предъ собой
Я видѣла,—я видѣла, какъ вижу
Теперь тебя,—мой обнаженный трупъ
Тащили демоны... и вопли бури
Сливались съ наглымъ хохотомъ бѣсовскимъ...
И трупъ въ грудь они вонзили ножъ...
Дай руку мнѣ... дай руку мнѣ: отъ страха
Я и теперь дрожу... Казалось, въ адъ
Я падаю... Грѣха безстыдный позывъ,
Казалось, мною овладѣлъ... Но вдругъ
Свершилось!.. Во мнѣ воскресла воля
Могучая и твердая, мнѣ Богъ
Послалъ Свою защиту и развѣялъ
Своимъ дыханьемъ ужасъ тьмы ночной,
И въ небѣ отъ восхода до заката
Разлился несказанный свѣтъ... и въ немъ
Два солнца загорѣлись и все выше,
Все выше поднимались, и потомъ
Растаяли въ лучахъ... и въ золотистомъ
Сіяньи тѣхъ лучей явился Онъ,
Христосъ, Спаситель... И тогда на небѣ
И на землѣ, во мнѣ, вокругъ меня
Все чистотой исполнилось... И хоры
Незримыхъ силъ торжественно заплѣли:
«Хвалите Господа!» И отвѣчалъ
Имъ сильный голосъ: «Amen! Все свершится,
О чемъ ты просишь. Грѣхъ его прощень!»

БЕНЕДИКТЪ.

Да, да... Все это дивно... Я несвѣдущъ,
Земными чувствами я связанъ... да.
Свѣта неба изъ моей темницы-кельи
Не вижу я... Блуждаю я во тьмѣ...
Свою святую славу открываетъ
Господь младенцамъ...

ОТТЕГЕБЕ (смѣясь отъ внутренняго восторга).

Помнишь ли, когда

Меня звалъ маленькой святою Генрихъ—
Онъ это зналъ, онъ зналъ!..

Бенедиктъ.

Дитя мое

Не будемъ больше говорить объ этомъ.
Не должно гордо мыслить о себѣ.
Не должно тотъ вѣнецъ, что предназначенъ,
Быть-можетъ, намъ отъ неба, возлагать
Рукою дерзкой на себя. И если
Ты искренно убѣждена, что Богъ
Тебя ведетъ на путь спасенья,—помни,
Что отъ Адама рождены мы всѣ
Съ послѣдіемъ грѣха. Смирись душою,
Иначе не пошлетъ тебѣ Господь
Того, что ты такъ пламенно желаешь.

Оттегебе.

Нѣтъ, патеръ, нѣтъ! Я знаю: Онъ пошлетъ.

Бенедиктъ.

Кто можетъ знать и кто дерзнетъ постичь
Предначертанья Господа? Кто скажетъ—
Достойнъ милости Его, иль нѣтъ,
Тотъ человѣкъ, котораго Онъ съ трона
Низвергнулъ? Вотъ облавою его,
Какъ зубра иль медвѣдя, окружаютъ
Теперь Конрада слуги—и Господь
Все это попустилъ... А врачъ въ Салерно—
Какъ знать?—не служить ли онъ сатанѣ,
Чтобъ души уловлять для адской бездны?
Кровавое лѣчение, можетъ-быть,
Есть навожденъ дьявола. Быть-можетъ,
И господинъ теперь въ чужихъ земляхъ,
Отъ насъ далеко, и его ты больше
Ужъ не увидишь...

(Оттегебе почти безъ чувствъ).

Что съ тобой, дитя?

Ты вся дрожишь. Себя ты истерзала
Ударами бича... Пойдемъ, пойдемъ...
О, ты святая... И когда на небо
Господь тебя возьметъ, не позабудь
Ты, грѣшника, меня въ своихъ молитвахъ.

(Поддерживая Оттегебе, уводить ее въ келью).

(Часовня пуста. Лампада и нѣсколько свѣчей горятъ. Слышится трещотка, и затѣмъ входитъ, крадучись, точно преступникъ, Генрихъ. Онъ въ одеждѣ палgrimа съ поднятымъ на голову капюшономъ, въ рукахъ длинный посохъ; привѣшены черезъ плечо трещотка и мѣшокъ. Дотащившись до ступеней алтаря, онъ падаетъ передъ нимъ, точно лица защиты. Изъ груди вырываются стоны, отрывистыя слова отчаянія).

Генрихъ.

Молиться!.. Нѣтъ, я не могу молиться!
 Дай мнѣ, Господь, Твоихъ молитвъ слова.
 Они забыты мной. Изсякли слезы
 Въ моей груди, и нечѣмъ погасить
 Мнѣ пламень, сожигающій обломки
 Моихъ страданій. Умертви меня!
 О смерти я молю! Своей рукою
 Зачѣмъ Ты удержалъ меня, когда
 Готовъ я былъ низвергнуться въ ту пропасть,
 Гдѣ въ тмѣ глубокой меркнетъ жизни свѣтъ.
 О, потуши его! Пусть ночь обниметъ
 Меня навѣкъ. Вѣдь яркіе лучи
 Свѣтила дня врываются мнѣ въ душу,
 Какъ стрѣлы ядовитыя. Пошли
 Мнѣ смерти сонъ: я на могильномъ ложѣ
 Не буду слышать, какъ шипѣнья змѣй,
 Мученій вопль. Зачѣмъ я здѣсь страдаю?
 Зачѣмъ живу? Господь, забудь меня!
 Забудь совсѣмъ. Вѣдь въ этомъ храмѣ жизни,
 Воздвигнутомъ тобою, я—песчинка.
 Ужели для созданія его
 Необходима кровь моя и мука?
 Освободи меня, освободи
 Отъ тягостей труда и отъ награды!

(Входитъ Бенедиктъ съ фонаремъ. Увидѣвъ лежащаго у алтаря Генриха, онъ пугается).

Бенедиктъ.

Кто ты? И для чего пришелъ сюда?

Генрихъ.

Не спрашивай.

Бенедиктъ.

Чего же здѣсь ты ищешь?

Генрихъ.

Того, о чемъ я думалъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Что сказать

Ты этимъ хочешь?

ГЕНРИХЪ.

Человѣкъ походить

На рѣшето: что принялъ—удержать
Не можетъ онъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Но кто-жъ ты?

ГЕНРИХЪ.

Догадайся.

БЕНЕДИКТЪ.

Ты здѣсь во храмѣ Божьемъ, на святомъ
Ты мѣстѣ. Если ищешь милосердя—
Привѣтъ тебѣ. Но объясни, кто ты?

ГЕНРИХЪ.

Монахъ, я этого и самъ не знаю.

БЕНЕДИКТЪ.

Ты Божій человѣкъ?

ГЕНРИХЪ.

Передъ тобою

Не человѣкъ—мертвецъ.

БЕНЕДИКТЪ (крестясь).

Пошли Господь

Твоей душѣ покой. Но человѣкомъ
Являешься ты во плоти.

ГЕНРИХЪ.

Монахъ,

Спаси меня! Спаси! Ты служишь Богу
Такъ умоли ты Бога своего,
Чтобъ укротилъ Онъ бѣшеную злобу
Людей, что растерзать меня хотятъ,
Какъ волчья стая. — «Отравлялъ колодцы

Нечистой кровью ты!»—кричатъ они.
Когда я это дѣлалъ?.. Помогни мнѣ,
Укрой меня. Они бѣгутъ за мной,
Дымятся ихъ костры... Замкни же двери...
Они придутъ, они сожгутъ меня!..
Спаси! Спаси! Ихъ ненависть ужасна:
Они меня хлестали по лицу
Безжалостно бичами... Исцѣлиться
Вѣдь я могу... Дай мнѣ здоровье вновь,
Педутъ проклятый извлекни изъ крови—
И золотомъ осыплю я тебя!
Вѣдь я богатъ... Заставь умолкнуть голосъ,
Что слышу днемъ и ночью: ты нечистъ,
Ты зараженъ! Къ твоимъ ногамъ я брошу
Мои богатства, замки, города,
Какъ горсть песку! Монахъ, я умоляю,
Скажи ты Богу, что довольно я
Наказанъ Имъ, измученъ и униженъ,
Что уничтоженъ я, что ничего
Во мнѣ живого нѣтъ, что я растерзанъ,
И весь я такъ прогинулъ, что даже псамъ
На лицу не гожусь... Господь всемогущъ,
Ему хвалу я возношу. Онъ все,
А я—ничто! Но жить, но жить хочу я!

БЕНЕДИКТЪ.

Вы Генрихъ фонъ-дербъ-Ауэ?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ,—

Не онъ. Его давно похоронили.

Вотъ посмотри: живъ Генрихъ или умеръ!

(Открываетъ кашошовъ. Лицо блѣдное, изнуренное голодомъ и измученное).

БЕНЕДИКТЪ (въ ужасѣ отступаетъ отъ него).

О, господинъ мой, это вы.

ГЕНРИХЪ.

Скажи,

Скажи мнѣ это! Подойди поближе

И разгляди меня. Хоть я теперь

Ничтожество, что терпѣть лишь гоненья

И злая мука, но во тьмѣ безумья
Все-жъ у меня мелькаетъ мысль, что былъ
Когда-то я могучимъ властелиномъ,
Однимъ изъ сильныхъ міра. Кто же я,
Скажи мнѣ? Я похороненъ недавно
Въ Констанцѣ, въ склепѣ пращѣдовъ монахъ—
И я живу... Или я лежу въ могилѣ,
И это все мнѣ снится? Живъ я? Живъ,
Какъ думаешь ты? Спомъ все это было:
Мой гробъ несли подъ звонъ колоколовъ
И съ почестями княжескаго сана
Въ могилу опустили... И я самъ
Стоялъ при этомъ? Сонъ то былъ, что факель
Горящій уронилъ одинъ слуга
И опалилъ мнѣ ногу? И во снѣ ли
Я слышалъ, какъ двоюродный мой братъ
Съ насмѣшкой вымолвилъ, оскаливъ зубы:
«Посмотримъ, эта жирная свинья
Разроетъ ли теперь свою могилу»...
Скажи мнѣ: тотъ ли это былъ Конрадъ,
Котораго я выкупилъ въ Марокко
За груды золота? И точно-ль я
Могучій князь, который это сдѣлалъ?
Или я нищій, я голодный пещь,
Что, въ полѣ увидавъ кочанъ капусты,
Дрожить отъ страха и, принявъ его
За человѣка, мчится чрезъ канавы
И чрезъ кусты затѣмъ, чтобы спасти
Себя отъ сторожа?

БЕНЕДИКТЪ.

Вы, господинъ мой,
Когда-то говорили мнѣ, что въра
Имѣетъ смыслъ глубокій, что она
Насъ учить предаваться волѣ Бога
И равнодушно зло переносить.

ГЕНРИХЪ (вдругъ измѣнивъ тонъ)

Нѣтъ, этого я не хочу! Довольно
Терпѣнія... Скажи мнѣ: гдѣ дитя?

БЕНЕДИКТЪ.

Дитя?

ГЕНРИХЪ:

Да. Дѣвушка. Дядя. Ну, дочь Готфрида
Безумная.

БЕНЕДИКТЪ.

Зачѣмъ же вамъ она?
Чего вы отъ нея хотите?

ГЕНРИХЪ.

Страненъ
Мнѣ твой вопросъ. А ты что хочешь мнѣ
Сказать такимъ вопросомъ?

БЕНЕДИКТЪ.

Я желаю
Узнать, какую мысль таите вы?

ГЕНРИХЪ (дико).

Богъ милосердѣ?

БЕНЕДИКТЪ.

Да, милосердѣ.

ГЕНРИХЪ.

Онъ можетъ
Меня спасти?

БЕНЕДИКТЪ.

Да.

ГЕНРИХЪ.

Жизнию ребенка?
Ну, словомъ, гдѣ она?

БЕНЕДИКТЪ.

Мой господинъ,
Вѣдь вы... вы—рыцарь?

ГЕНРИХЪ.

Да. А ты обманщикъ.

Бенедиктъ.

Ужели вы пришли сюда затѣмъ,
Чтобъ въ бездну сбросить бѣдное созданье,
Искавшее себѣ на небо путь?

Генрихъ.

Зачѣмъ пришелъ я—все равно. Я знаю,
Что у тебя она.

Бенедиктъ.

Ея здѣсь нѣтъ.

Генрихъ.

Монахъ, послушай: пристально взгляни
Въ мое лицо и, прежде чѣмъ отвѣтишь,
Ты хорошенько взвѣсь свои слова.
Въ моихъ глазахъ кровавое рѣшенье:
Пойми его. А если не поймешь—
Твоей часъ послѣдній наступилъ!

Бенедиктъ.

Угрозы

Я вашей не боюсь. Вашъ взглядъ ужасенъ,
Я вижу адской молнии сверканье
Здѣсь, на священномъ мѣстѣ. Но Господь
Защитой будетъ мнѣ.

Генрихъ.

Нѣтъ, не надѣйся

Ты ни на чью защиту. Гдѣ она?
Я знаю: ты укрылъ ее. Двѣ ночи
Блуждалъ я около двора Готфрида
И тамъ ея не могъ найти, хоть я
Подсматривалъ вездѣ, у каждой щели.
Но все-таки я слышалъ, какъ слуга,
Въ конюшнѣ лошадь чистившій, по шеѣ
Ее погладивъ, вымолвилъ: «Ой, будь
Покорлива. Не то тебя придется,
Какъ дочь хозяина, свести къ монаху».

Бенедиктъ.

Не гнѣвайтесь, мой господинъ, скажите,
Зачѣмъ вы тамъ бродили точно воръ?
Что сдѣлать вы хотѣли съ Оттегебе?

Генрихъ.

Что сдѣлать съ ней хотѣлъ? Ее продать
Хотѣлъ я за три геллера на службу
При императорскомъ дворѣ. Ну, да: хотѣлъ.
Тебѣ-то что за дѣло?

Бенедиктъ.

Вѣдь когда-то

Вы сами насъ учили...

Генрихъ.

Неужели

Я могъ учить кого-нибудь? Коль такъ,
Скажи мнѣ въ благодарность за науку,
Гдѣ Оттегебе? У тебя вѣдь?

Бенедиктъ.

Нѣтъ.

Генрихъ.

Такъ гдѣ она теперь?

Бенедиктъ.

У Бога.

Генрихъ.

Гдѣ же?

Бенедиктъ.

У Господа въ рукахъ.

Генрихъ.

Что это значитъ?

У Господа... Такъ умерла она?

Бенедиктъ.

Нѣтъ, кто у Господа, тотъ живъ вовеки.

Генрихъ.

Все-жъ умерла она?

Бенедиктъ.

Для міра—да,

И какъ невѣста Господа.

ГЕНРИХЪ.

Я знаю,

Я долженъ былъ объ этомъ знать. Монахъ,
Не говори мнѣ болѣе. Довольно.

(Усталый, совершенно разбитый)

Какъ человѣкъ ни бѣденъ въ мірѣ—Богъ
Его еще бѣднѣе можетъ сдѣлать.

Она жила... и умерла она,
Ушла отъ насъ. Когда мнѣ старый Мазаръ
Передавалъ сказаніе о томъ,
Какъ умерла она, какъ разорвалось
Въ груди несчастнаго ребенка сердце,
Измученное долгою тоскою

О прокаженномъ господинѣ,—я
Безумно зарыдалъ... и не повѣрилъ!
И я пошелъ такъ быстро, будто крылья
Меня несли. Куда? Не зналъ я самъ:
Черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ долины,
По русламъ рѣкъ, по берегамъ озеръ,
Покуда не пришелъ къ порогу дома,
Гдѣ думалъ я найти ее. Зачѣмъ
Я шелъ сюда, какъ будто уносимый
Потокомъ бурнымъ? Въ глубинѣ души
Таинственный я слышалъ голосъ: снова
Увидишься ты съ маленькой женой...

Напрасно: умерла она!..

(Оттегеве показывается въ дверяхъ кельи).

ОТТЕГЕВЕ (едва слышимымъ голосомъ).

Нѣтъ, Генрихъ,

Она жива.

ГЕНРИХЪ (не видя и не узнавъ голоса
тихо).

Кто это говоритъ?

ОТТЕГЕВЕ.

Л.

ГЕНРИХЪ.

Кто?

БЕНЕДИКТЪ (тихо, но энергично Оттегеве).

Уйди!

ГЕПРИХЪ.

Монахъ, кто говоритъ тамъ?
Ты слышалъ?

БЕНЕДИКТЪ.

Нѣтъ, не слышалъ ничего.

ОТТЕГЕБЕ.

Я говорю.

ГЕПРИХЪ.

Но кто же ты, скажи мнѣ?

ОТТЕГЕБЕ.

Я Оттегебе, маленькая ваша
Жена.

ГЕПРИХЪ (глубоко пораженный, мол-
чать нѣкоторое время).

Постой! Не подходи сюда...
Не говори... Я думаю—ты призракъ,
Но ядъ заразы, что въ моей крови,
Быть-можетъ, отравляетъ даже души
Блаженные: тогда ты вновь умрешь,
А я хочу, чтобъ искрою послѣдней
Мелькнула ты въ моемъ потухшемъ взорѣ...
Нѣтъ, ты не Оттегебе, хоть твой лобъ
И бѣлъ и чистъ, какъ у нея: изъ праха
Не можетъ быть подобный свѣтлый духъ.
Ты говоришь,—и въ голосъ твоимъ
Я слышу звуки пѣсни колыбельной,
Что мать пѣвала мнѣ давно-давно...
Нѣтъ, ты не дочь крестьянина Готфрида;
Не преклонялась ты у ногъ моихъ
И язы ты мои не отирала
Своими волосами... Кто же ты—
Скажи, скажи?.. Но если предо мною
Ты ожила,—какъ вынести мнѣ свѣтъ,
Что проникаетъ въ мрачную темницу
Моей души изъ кроткихъ глазъ твоихъ?
Всю жизнь блуждалъ я, какъ слѣпецъ, и, въ пропасть
Упавши, наконецъ, увидѣлъ вдругъ

Сіяніе небесъ. Нѣтъ, не проклятыя
Я долженъ посылать Тому, Кто свелъ
Меня всесильною рукою съ трона
Затѣмъ, чтобъ въ прахъ я могилу рылъ
Зубами и погтями, нѣтъ, я долженъ
Благословлять Его за милосердіе:
Опъ мнѣ послалъ тебя! *Salve, regina!*
Да будетъ милостивъ ко мнѣ Господы!

(Падаютъ на землю. Его слова переходятъ въ рыданія. Оттегебе появляется въ странномъ освѣщеніи часовня, какъ духъ, будто озаренная ореоломъ. Она подходитъ къ Генриху, становится на колѣни съ простертыми впередъ руками и цѣлуетъ его въ лобъ. Онъ пристально смотритъ на нее, какъ ребенокъ. Она представляется ему видѣніемъ. Бенедиктъ, также потрясенный, преклоняетъ колѣни).

ОТТЕГЕБЕ.

Пойдемъ: Пойдемъ! Ужъ поздно, бѣдный Генрихъ.

ГЕНРИХЪ.

Salve, regina!

ОТТЕГЕБЕ.

Встань. Пойдемъ.

ГЕНРИХЪ.

Куда

Идти ты хочешь?

ОТТЕГЕБЕ.

Праздновать рожденіе

Мое небесное.

БЕНЕДИКТЪ.

Подъ ножъ врача

Салернскаго?

ОТТЕГЕБЕ.

Прощай! Въ своихъ молитвахъ

Не позабудь меня.

БЕНЕДИКТЪ.

Что-жъ я скажу,

Когда отецъ твой спроситъ, Оттегебе,
Куда ушла ты?

ОТТЕГЕВЕ.

Мой отецъ на небѣ:
Я ранѣ тебя приду къ нему.

БЕНЕДИКТЪ (Генриху).

Куда-жъ хотите вы идти?

ГЕНРИХЪ.

Не знаю.

Спроси у ней.

ОТТЕГЕВЕ.

Пойдемъ же, бѣдный Генрихъ,
Пойдемъ. Не медли. Патеръ, ты меня
Напрасно хочешь удержать. Ужель я
Ту каплю крови не могу пролить,
Которою себѣ вѣнецъ небесный
Должна стяжать я?

ГЕНРИХЪ.

Ты моя, моя...

ОТТЕГЕВЕ.

Я Божья. Не твоя. Чтѣ говоришь ты?

ГЕНРИХЪ.

Я говорю, что жизни мнѣ теперь
Отмѣрено лишь столько, сколько можетъ
Твоя рука мнѣ дать.

ОТТЕГЕВЕ.

Я дамъ тебѣ

Здоровье, жизнь изъ родника живого,
Но онъ не на землѣ, не въ этомъ мѣрѣ.
Пойдемъ. Пойдемъ. Такъ Богомъ суждено,
И я должна завѣтъ его исполнить,
И люди мнѣ не могутъ помѣшать.

БЕНЕДИКТЪ.

Коль Божья ты невѣста—удалиться
Должна ты въ монастырь.

ОТТЕГЕБЕ.

Нѣтъ, патеръ, нѣтъ!

ГЕПРИХЪ.

Я за тобою слѣдую, куда бы
Меня ни повела ты: къ жизни, къ смерти,
На пытку, на костеръ! Надъ палачомъ
Смѣяться стану я съ тобою рядомъ
И за твои завѣты кровь пролью!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Зала въ замкѣ въ Ауэ. Въ дверь на заднемъ планѣ видна часовня съ алтаремъ. Гербы рода Ауэ, знамена, оружіе, латы и другіе трофеи по стѣнамъ. Направо отъ часовни въ пролетѣ романская дѣлѣ. Надѣло подѣ балдахиномъ богатый тронъ. Ясное утро поздней весны. Бенедиктъ разговариваетъ съ Гартманомъ. Отакеръ почтительно стоитъ въ отдаленіи.

Бенедиктъ. Говорятъ, будто бы въ Аахенѣ подѣ ударомъ рыцаря, расколовшего его шлемъ, онъ упалъ...

Отакеръ. И умеръ.

Гартманъ. Если это правда,—я слышалъ то же о смерти графа Конрада,—то нельзя не сказать, что пути Господни двѣкни чудесны. Вы знаете, съ какимъ трудомъ я сохранилъ для моего господина этотъ замокъ. И вотъ теперь ко мнѣ дошло письмо, писанное его твердою рукою.

Бенедиктъ. Изъ Италіи?

Отакеръ. Тотъ, кто принесъ его, угольщикъ изъ Застлерталя.

Гартманъ. Ну, что же, ты разспросилъ его?

Отакеръ. Само собой. Я здорово прибралъ его къ рукѣ. Но упрямый негодяй былъ нѣмъ, какъ дерево, изъ котораго онъ выжигаетъ уголь.

Бенедиктъ. Вы думаете, что онъ уже въ Застлерталѣ?

Отакеръ. Можете меня повѣситъ, коли онъ не тамъ.

Гартманъ. Да и гдѣ же быть ему? Кто же могъ написать письмо?

Бенедиктъ. Но вотъ, посмотрите, я получилъ другое, писанное по-латыни. Оно пришло изъ Венеціи.

Отакеръ. Клянусь св. Анной, мнѣ кажется, что писалъ не онъ.

Гартманъ. А что онъ пришлетъ въ этомъ письмѣ?

Бенедиктъ. Коротко и неясно. Хотя я его и очень разсердилъ тогда, но онъ готовъ меня простить, какъ христианинъ.

Отакеръ. Господи. пошли намъ всѣмъ прощенье нашихъ грѣховъ...

Бенедиктъ. ...Но только я долженъ сдѣлать вотъ что: рано утромъ въ Ивановъ день приготовить для торжества часовню въ Ауэ.

Гартманъ (съ надеждою, весело). Ну, вотъ вы здѣсь и можете исполнить его волю. Возьмите этотъ ключъ. Благодаря Бога и благодаря моимъ тринадцати сотнямъ рыцарей я его сохранилъ у себя. Возьмите его и спуститесь въ подземелье замка. Повѣрьте мнѣ, графъ Конрадъ набилъ бы себѣ во рту оскомину, если бы туда могъ попасть. Тамъ золотыя чаши и утварь временъ императора Карла. Достаньте ихъ.

Бенедиктъ (беретъ ключъ). Хорошо. Я сдѣлаю это... Вы, стало-быть, думаете, что онъ выздоровѣлъ?

Гартманъ (пожимая плечами). Право, не знаю, патеръ Бенедиктъ.

Бенедиктъ. До васъ дошелъ слухъ о томъ, что чудесное лѣчение врача удалось?

Гартманъ. Да, какъ и разные другіе слухи. Говорили разъ двадцать: онъ умеръ во Флоренціи, въ Падуѣ, въ Равеннѣ. Онъ лежитъ мертвый на Монте-Кассино. Онъ утопулъ. Былъ убитъ. Бросился въ Этну. Были и такіе рассказы: ангелъ исцѣлилъ его поцѣлуемъ, кунанье въ Поццуоли его очистило, а врачъ въ Салерно вернулъ ему здоровье.

Бенедиктъ (вздыхая). Чему же вѣрить и что дѣлать?

Гартманъ. Поступайте, какъ я: будьте тверды въ своей преданности.

Бенедиктъ. А Оттегебе?

Гартманъ. Патеръ Бенедиктъ! Если господинъ нашъ здоровъ, то я скажу, что небо послало ему эту святую для его жизни, а смерть ея предначертана Богомъ.

Бенедиктъ. Пусть такъ. Но все же привѣтствовать его мнѣ тяжело. То, что я видѣлъ, рыцарь, черезъ что я самъ прошелъ, этого забыть нельзя. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣвушка ушла, мы—Готфридъ, Бригита и я—переходили изъ города въ городъ, искали ее въ больницахъ, въ подвалахъ, гдѣ ютятся нищета... Я не могу, не могу этого забыть!

Вѣдь я былъ какъ бы въ сообщничествѣ съ нею. Этотъ злой упрекъ живетъ въ моей душѣ.

Гартманъ. Вы знали дѣвушку съ дѣтства?

Бенедиктъ. Какъ свою дочь, какъ собственное дитя. И если бы я считалъ ее совѣмъ своей, то былъ бы ея отцомъ. А тутъ вышло такъ, что я оказался наемникомъ, а не добрымъ пастыремъ.

Гартманъ. Знаете ли что? Мнѣ кажется, дѣвушка любила его.

Бенедиктъ. Да, да, то была земная любовь, рыцарь, вы правы. Безнадежная любовь, которая на все надѣется и все терпѣливо сноситъ. По такому же лживому пути когда-то шелъ и я. И все же, обольщенный призракомъ небеснаго, я не прозрѣлъ земной любви.

Гартманъ. Я думаю не такъ, патеръ Бенедиктъ. Помоему, дѣвушка и теперь свитая. Что небеснымъ казалось, — небеснымъ и останется. Любовь земная ли, небесная ли — все та же любовь.

Бенедиктъ. Мѣрская мудрость. Ахъ, если бы въ часы тяжелыхъ испытаній я больше владѣлъ ею.

Гартманъ. Любовь толкнула ее на смерть ради графа Генриха. Почему? Объ этомъ я много думалъ. Въ смерти ея любовь восторжествовала. Смерть была для нея откровеніемъ любви.

Бенедиктъ. Если такъ, то это было бы чудомъ, достойнымъ удивленія. Въ этомъ можно было бы найти утѣшеніе. Но я не вѣрю этому, нѣтъ. Жемчужина упала въ грязную лужу и тамъ затерялась. Да проститъ Богъ господину. Мнѣ же Онъ не проститъ никогда.

Гартманъ (Отакеру, который дѣлаетъ движенію гнѣти). Куда ты, Отакеръ? Вы знаете этого храбраго воина?

Бенедиктъ. Нѣтъ.

Гартманъ. Не знаете? Онъ весь пропитанъ разными розсказнями, которыя выдаетъ за правду слугамъ и служанкамъ въ замкѣ.

Отакеръ. Пусть разразитъ меня громъ, если я понимаю, что вы хотите сказать, господинъ.

Гартманъ. А ужъ какъ онъ любитъ клясться! Рыбы прыгаютъ отъ его клятвъ. Онъ утверждаетъ, что онъ никогда не передавалъ дѣвочкѣ сказки о салернскомъ врачѣ.

Бенедиктъ. Какъ? Это онъ?

Отакеръ. Я? Что—я? Дьяволъ побери... Я не могу ру-

гаться... Позвольте мнѣ уйти, господинъ, на мой постъ, на стѣны замка. (Уходитъ).

Бенедиктъ. Такъ это онъ. Тотъ, что покинулъ господина?

Гартманъ. Да, и внушилъ нелѣпныя бредни дѣвушкамъ. Его черепъ полонъ всякими вымыслами. Онъ тащитъ дрова для костровъ прокаженныхъ и жидовъ. Онъ весь обвѣшанъ амулетами, вѣрить въ совѣ, носить въ мѣшечкѣ пузырьрекъ съ человѣческой кровью и клянется всѣмъ, что кажется ему непонятнымъ и страшнымъ.

Бенедиктъ. Міръ переполненъ злыми духами. Но все же измѣна господину—позоръ и стыдъ.

Гартманъ. Да. Однако же этотъ самый человѣкъ, трусливо покинувшій господина, бросился недавно на его враговъ, подступившихъ къ замку, какъ кабанъ на смерть.

Отакеръ (бѣшено привалая въ залу). Пусть меня возьметъ чортъ. Отпустите меня, господинъ, отпустите сейчасъ же!

Гартманъ. Что такое? Куда?

Отакеръ. Вонъ отсюда! Тамъ внизу, на дворѣ, я видѣлъ старика и его старую каргу. Лучше ужъ мнѣ уйти къ чорту! или къ проклятымъ маврамъ!

Гартманъ (взглянувъ въ окно). Готфриды! Бригита! Патеръ, честное слово, это старая чета изъ лѣсной мызы. (Отакеръ уходитъ).

Бенедиктъ. Вы понимаете, въ чемъ тутъ дѣло?

Гартманъ. Не совсѣмъ. Но мнѣ кажется, что ничего дурного тутъ не выйдетъ. Позаботьтесь объ убранствѣ часовни. По всѣмъ признакамъ нашъ господинъ снова всѣмъ управляетъ. Это все обдуманно имъ. У насъ нынче день добраго святого. Предоставимъ себя его волѣ.

(Входитъ Генрихъ въ одеждѣ монаха. Въ одной рукѣ у него посохъ, другою онъ поддерживаетъ капюшонъ у лица. Онъ быстро идетъ черезъ залу).

ГАРТМАНЪ (останавливаетъ монаха).

Куда идешь ты? Кто тебя впустилъ?

(Монахъ дѣлаетъ знакъ, что желаетъ говорить съ нимъ наединѣ).

Уйдите. Вѣроятно, онъ извѣстия

Желаетъ передать мнѣ одному.

(Бенедиктъ уходитъ. Гартманъ обнажаетъ мечъ).

Ну?

ГЕНРИХЪ (откинувъ капюшонъ).

Гартманъ!

ГАРТМАНЪ.

Генрихъ! Боже милосердый!
(Бросаются другъ другу въ объятія).

ГЕНРИХЪ.

Господь сказалъ мнѣ: возвратись въ свой домъ,—
И я пришёлъ.

ГАРТМАНЪ.

Излѣченный?! А гдѣ же?..

ГЕНРИХЪ.

Дитя? Пошли за нею въ ближній лѣсъ,
И пусть она сама тебѣ отвѣтитъ.

ГАРТМАНЪ.

Такъ, значить, и она жива?

ГЕНРИХЪ.

Ужель

Ты думаешь, что я бы жить остался,
Когда бы Оттегебе умерла?

ГАРТМАНЪ (твёрдо).

Нѣтъ, господинъ.

ГЕНРИХЪ.

Благодарю.

(Вновь обнимаются).

Но стану.

Разсказывать тебѣ я, добрый другъ,
Какъ возвратился я въ родной мой замокъ,
На эти плиты старая ступилъ;
И увидалъ знакомыя мнѣ стѣны;
Не стану говорить, что пережилъ,
Что я позналъ, какія испытанья
Я перенесъ... Про это все потомъ
Узнаешь ты.

ГАРТМАНЪ.

Вамъ, можетъ-быть, извѣстно:
Въ Аахенѣ вашъ родственникъ Конрадъ
Убитъ былъ на турнирѣ.

Генрихъ.

Нѣтъ, я слышалъ,
Что собственнымъ конемъ онъ сброшенъ былъ
Съ сѣдла на камни и безславно умеръ.
Да, жребій каждаго въ рукахъ судьбы.
Но это все оставимъ, другъ, и будемъ
Мы о дѣлахъ насущныхъ говорить.
Гдѣ добрый патеръ Бенедиктъ?

Гартманъ.

Онъ вышелъ
Сейчасъ отсюда, чтобъ убрать алтарь
Въ часовнѣ замка.

Генрихъ.

Такъ скажи, чтобъ мирты
Для торжества нарвалъ онъ: вѣдь хочу
Сегодня же отпраздновать я свадьбу.
И пусть сплетутъ вѣнокъ, чтобъ впору былъ
Для дочери Готфрида.

Гартманъ.

Что сказали
Вы, господицъ мой?

Генрихъ.

Только то, что я
Хотѣлъ сказать. Да, порѣшилъ я твердо,
Что это будетъ такъ. Когда меня
Лучъ милосердыя озарилъ святого,
Я исцѣлился. Изъ души своей
Изгналъ я нечестивыя порывы
И мщенія и ненависти злой,
И жажды людямъ сдѣлать вредъ, хотя бы
Убийствомъ даже. Умерли во мнѣ
Желанія грѣховныя, и слабый,
Безпомощный, я слѣпо шелъ за тою,
Которая меня вела, сіяя
Священнымъ ореоломъ. Я дышалъ
Ея дыханьемъ чистымъ, возвращала
Она мнѣ сонъ утраченный, когда
На лобъ свою мнѣ возлагала руку...

(Входятъ Бенедиктъ).

А, это ты! Тебя ищу, тебя,
Приди ко мнѣ. Твоя нужна мнѣ помощь.
Ты видишь: я здоровъ, я исцѣленъ!
У цѣли я и все-жъ еще далеко
Отъ цѣли. Погоди, не говори,
Но исповѣдь мою сперва послушай.
Свѣтъ милосердья ослѣпилъ меня,
Онъ мнѣ блеснулъ изъ глазъ святыхъ ребенка,
Сомкнувшихся въ тотъ мигъ, когда она
Меня для міра снова возвратила.
О, не блѣдный старикъ: она жива,
Она не умерла, но радость жизни,
Блаженство счастья влила мнѣ въ кровь
Чудесной силой своего желанья
Спасти меня. Я ощутилъ въ тотъ мигъ,
Какъ вся душа моя, вся крѣпость воли
Возстала на борьбу съ моимъ недугомъ.
Я чувствовать, что долженъ быть здоровъ,
Иль умереть я долженъ съ нею вмѣстѣ!
Да, — слушайте же, — повела меня
Она въ Салерно, не внимая просьбамъ
И убѣжденіямъ моимъ. Ея
Обѣтъ священный Богу одолѣлъ
Сомнѣнія. Въ раю прекрасномъ юга
Мы долгій путь прошли, и часто тамъ,
На склонахъ Апеннинъ или у моря,
Гдѣ за волной катилася волна
Лазурная, въ нѣмомъ очарованьи
Она стояла и казалась мнѣ
Такой небесною, что серафимы
Съ ней не сровнялись бы въ святой красѣ.
Она впередъ стремилась неустанно,
Какъ будто впереди ее ждала
Не смерть, а жизнь... Напрасно умолялъ я
И уговаривалъ...

И вотъ къ врачу
Въ Салерно съ ней пришли мы. Изумился
Онъ мужеству ея, онъ убѣждалъ
Ее отъ страшной жертвы отказаться,
Онъ ей показывалъ ножи, скамью,
Гдѣ муки вынести придется... Тщотна:
Его слова не тронули ее.
Тогда онъ съ нею въ комнату замкнулся,

Чтобъ сдѣлать то... А я за дверью былъ
И слушалъ... и не знаю, что со мною
Случилось тутъ: почудился мнѣ крикъ
И стали блескъ... и будто въ грудь мнѣ, въ сердце
Вонзали ножъ... Я вышибъ дверь, туда
Я бросился... и я ее увидѣлъ:
Нагая, связанная, на скамьѣ она
Лежала точно агнецъ... И свершилось
Внезапно чудо: милосердья лучъ
Мнѣ душу освѣтилъ, я испѣлился..
И съ той поры, другъ Гартманъ, понялъ я,
Что человѣкъ подобенъ изваянью,
Иль тѣлу безъ души, откуда онъ.
Не оживится силою небесной
Любви, творящей жизнь, и лишь тогда
Становится онъ божескимъ созданьемъ!
Ступай и приведи сюда ее.

(Гартманъ уходитъ).

Да, патеръ, здѣсь она. Но не узнаешь
Ты прежней дѣвочки. Еще въ тотъ часъ,
Когда я развязалъ ее и поднялъ
Измученную со скамьи врача
И вынесъ, будто даръ священный неба, —
Она вдругъ впала въ забытье и такъ
Томила въ агоніи долго, долго,
Дни цѣлые, недѣли... И потомъ,
Очнувшись, измѣнилась совершенно.
Хотя, постель покинувши, она
Могла ходить съ трудомъ, но не хотѣла
Сѣсть на коня въ дорогѣ. Чуть брела
Она со мною рядомъ и какъ будто
Чуждалась даже близости моей...

Бенедиктъ.

Но гдѣ-жъ она? Ее мнѣ надо видѣть...
Она идетъ. Простите, господинъ:
Вы насъ вдвоемъ должны оставитъ.

(Генрихъ уходитъ въ часовню).

(Гартманъ вводитъ Оттегеве. Она блѣдая, утомленная, босая. Одѣта въ костюмъ пилигрима; въ рукѣ длинный посохъ).

ОТТЕГЕВЕ (оглядывается съ удивленіемъ
кругомъ).

Гдѣ я?

ГАРТМАНЪ.

Ты въ замкѣ Ауэ.

ОТТЕГЕБЕ.

Но гдѣ же, гдѣ?

Въ какой странѣ?

ГАРТМАНЪ.

На родинѣ, въ Шварцвальдѣ.

БЕНЕДИКТЪ.

Взгляни сюда. Ужель не узнаешь
Меня, дитя мое?

ОТТЕГЕБЕ (упорно припоминая).

Постой, дай вспомнить...

(Бросается ему на грудь съ болязливой радостью).

Ты патеръ Бенедиктъ!.. Не говори,
Кто я такая... Помогни мнѣ, патеръ...
Будь добръ и милостивъ... Не то сгорю
Я отъ стыда невольнаго.

БЕНЕДИКТЪ.

Ну, полно,

Не падо волноваться. Успокойся.
Коль хочешь ты уйти, пойдемъ ко мнѣ.

ОТТЕГЕБЕ.

Да, у тебя я скроюсь въ тихой кельѣ,
Что здѣсь въ лѣсу...

БЕНЕДИКТЪ.

Приди въ себя, дитя.

Устала ты. Но здѣсь не лѣсъ: мы въ замкѣ;
И пѣнье птицъ, что слышится тебѣ,
Доносится сюда вотъ въ эти окна.

ОТТЕГЕБЕ.

Я не могу сообразить, гдѣ мы...
Уйдемъ, уйдемъ съ тобой далеко, въ горы,
Уйдемъ скорѣй... Вѣдь ты не знаешь: я
Проклятая, отверженная небомъ...

Бенедиктъ.

Нѣтъ, подвигъ твой угоденъ небесамъ,
Ты жизнь свою отдать была готова,
Чтобъ Генриха спасти. Но поступилъ
Съ тобою Богъ, какъ древле съ Исаакомъ,
И взялъ съ любовью жертву съ алтаря.

Оттегеве.

Я умираю... да, я умираю
На алтарѣ. Меня сжигалъ огонь
Неутолимый. Отъ него горѣла
И вся до самыхъ нѣдръ души моей.
Хотѣла я кричать: освободите
Меня изъ ада! Но въ устахъ слова
Невольно замирали, и со стономъ
Молила я: злой врачъ, скорѣй ударъ
Мнѣ нанеси, пока душа не сгнѣла!
Но тѣло впитывало ядъ грѣха...
И прежде, чѣмъ на небесахъ «Осанна»
Запѣли ангелы, я къ сатанѣ
На грудь склонилась безъ силъ, безъ воли...

Бенедиктъ (поддерживая ее, подводитъ
къ трону).

Ты въ заблужденіи, мое дитя.
Меня ты знаешь хорошо. На свѣтѣ
Никто не близокъ для меня, какъ ты.
Такъ выслушай, что я скажу отъ сердца,
Какъ духовникъ твой. Если этотъ врачъ
Былъ дьяволомъ,—ты несомнѣнно Богомъ
Въ послѣднюю минуту спасена
И не въ объятія сатаны склонилась:—
На грудь того склонилась ты, къ кому
Влеклась душой, кто былъ любовью полонъ
Къ твоей душѣ.

Оттегеве (усталая, опускается въ трон-
ное кресло).

Нѣтъ, патеръ, я зглаа,
Я не къ душѣ его влеклась. За это
Богъ покаралъ меня и присудилъ
Къ позорному столбу.

(Закрываетъ въ вознеліи лицо руками. Генрихъ тихо входитъ и
становится передъ нею на колѣни).

ГЕНРИХЪ.

Очнись. Не бойся.

Взгляни кругомъ. Ты не голубка въ кліткѣ,
А я не змѣй. Ты взгляда моего
Пугаться не должна. Ты мнѣ, какъ мужу,
Принадлежишь. Я твой и ты—моя.
Не искустель я, а искушенный.
Какъ ты, испытанъ небесами я.
И если духомъ отъ всего земного
Очистилася ты, то и меня
Огонь любви очистилъ, и могу я
Теперь алмазъ души твоей святой
Въ кольцо изъ чистаго металла вставить!
Ты маленькой моей была женой,
Такъ вотъ теперь отвѣтъ мнѣ тихо-тихо
На то, что такъ же тихо я спрошу:
Ты развѣ не хотѣла бы мнѣ снова
Жизнь подарить и за нее отдать
Мнѣ жизнь свою? Отдай ее, какъ прежде:
Она моя, всегда была моей.
Должна ты быть моей слугою вѣрной
До смерти. И сегодня я тебѣ
Даю такой приказъ: будь мнѣ женою
И госпожой!

(Оттебе широко открываетъ глаза и, точно ослѣпленная необычайнымъ сіяніемъ, медленно закрываетъ ихъ).

ГЕНРИХЪ (поднявшись, съ рѣшимостью).

Бракъ на землѣ съ тобою

Или вѣчность смерти!

(Входитъ Отакеръ. Узнавъ Генриха, онъ бросается передъ нимъ на колѣни).

ГЕНРИХЪ.

Отакеръ! Слуга

Мой вѣрный и невѣрный. Встань. Прощаю
Тебя, какъ всѣхъ. Боролся ты. Борьбу
Я понялъ хорошо твою. Умѣешь
Бороться только тотъ, кто живъ душой.
Кто ищетъ выхода изъ заблужденья
На путь добра. Поди сюда и стань
У трона здѣсь на стражѣ, какъ бывало,

И охраняй его, покуда я
Не возвращусь сюда, одѣтый въ пурпуръ.
(Геврихъ и Гартманъ уходятъ).

БЕНЕДИКТЪ.

Она уснула. Тише. Тише.

ОТАКЕРЪ (становится у трона).

Если

Она проспитъ здѣсь цѣлый вѣкъ, монахъ,—

Я буду сторожить, и даже смерть

Меня уйти отсюда не заставитъ.

Будь проклять я, коль поступаю не такъ!

(Бенедиктъ уходитъ въ часовню. Видно, какъ онъ украшаетъ алтарь. Зага постепенно наполняется рыцарями. Одни изъ нихъ въ латахъ, другіе въ роскошныхъ одеждахъ).

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Кто это тамъ?

Второй.

Гдѣ, рыцарь?

Первый.

Тамъ, на тронѣ?

Отакеръ.

Потише, рыцари.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Но кто-жъ она?

ТРЕТІЙ РЫЦАРЬ.

Ее сейчасъ я видѣлъ у колодца

Тамъ, на дворѣ. Могу завѣрить васъ

Я словомъ рыцаря: она пила пригоршней.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Какая-то бродяга.

ОТАКЕРЪ.

Господинъ,

Потише. Праведницы сонъ—святинья.

Притомъ она вѣдь наша госпожа.

ЧЕТВЕРТЫЙ РЫЦАРЬ.

Какъ? Наша госпожа!..

(Общій смѣхъ).

ПЯТЫЙ РЫЦАРЬ.

Что говоришь ты,
Любитель привидѣній сумасбродный?
Вѣдь эта дѣвушка больная или
Умершая...

ОТАКЕРЪ.

Чтобъ червь васъ источилъ!
Типунъ вамъ на языкъ! Нѣтъ, слава Богу,
Она живая.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Да, она жива.
Смотрите, шевелить она губами...

ОТТЕГЕБЕ.

Такъ не шумѣла буря никогда...

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ.

Она въ бреду.

ОТТЕГЕБЕ.

Отецъ, отецъ, ужели
Не слышишь ты?

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Что говоритъ она?

ОТТЕГЕБЕ.

Какъ, мама, ты не видишь, ты не видишь?

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ.

Кого зоветъ она?

ОТТЕГЕБЕ.

Смотри, вѣнецъ
Спускается съ небесъ... его приносятъ
Мнѣ ангелы...

ТРЕТІЙ РЫЦАРЬ.

Но кто же ты, скажи?

ОТТЕГЕБЕ (во снѣ).

Я ваша госпожа.

ТРЕТІЙ РЫЦАРЬ.

Кто-бъ ни была бы—

Предъ красотою кроткою твоей
Охотно я готовъ склонить колѣни...
Но графъ фонъ-Ауэ, нашъ господинъ,
Уѣхалъ далеко и не женать онъ.

(Изумленіе и волненіе рыцарей все усиливается).

БЕНЕДИКТЪ (выходитъ изъ часовни.
Таинственно).

Умолкните и выслушайте! Вы
Свидѣтели чудеснаго событія:
Она приведена сюда рукой,
Которой воли смертнаго не можетъ
Противиться. Подъ сѣнью трона здѣсь
Предъ вами сердцемъ чистое созданье,
И будетъ вашей госпожой она,
Должна быть ею. Изгнанный графъ Генрихъ
Фонъ-Ауэ ужъ не изгнанникъ: онъ
Вернулся испѣленнымъ и предстанетъ
Сейчасъ предъ вами гордымъ властелиномъ.

(Входитъ Генрихъ въ пурпурной мантии, опоясанный мечомъ. Ему предшествуютъ три пала. Первый пажъ на подушкѣ несетъ двѣ короны. Рядомъ съ нимъ Гартманъ. Рыцари восторженно восклицаютъ: «Да здравствуетъ графъ Генрихъ фонъ-Ауэ!»).

ГЕНРИХЪ.

Благодарю. Душою обновленный,
Привѣтствую я васъ съ былой любовью!
Подъ этой пурпурной одеждой я
Ношу рубцы на тѣлѣ—и дороже
Они мнѣ пурпура. Недугъ мнѣ далъ
Познанье правды. Судороги боли,
Страданья ужасъ—все извѣдалъ я.
Я видѣлъ скорбь несчастія, во прахѣ
Я на землѣ отверженныхъ лежалъ,
И жизнь свою и муки проклиная,

Покуда не нашла меня любовь,
Что ищеть всѣхъ.

(Обращаясь къ Оттегебе)

Святая Оттегебе!

Голубка кроткая! Проснись, проснись,
Моя супруга! Дайте мнѣ корону.

(Беретъ корону и держитъ ее надъ головой Оттегебе).

Вотъ дѣвушка—она была моимъ
Спасеньемъ—истина святая въ этомъ!
Безъ искупительницы мнѣ Господь
Простить не могъ мои грѣхи. Довольно
Вамъ этого. Во снѣ вѣнчаетъ Богъ
Своихъ избранницъ.

(Вѣнчаетъ ее короной).

Спрашиваю всѣхъ:

Хотите чтить ее вы госпожою,
Чтять больше, чѣмъ меня? Хотите жить
Подъ кроткимъ скипетромъ ея? Хотите-ль,
Чтобы раздался звонъ колоколовъ
Въ честь нашей свадьбы?

Гартманъ.

Господинъ, не только

Въ колокола—ударимъ мы въ щиты
Желѣзные, и радостные клики
Торжественнымъ привѣтомъ прозвучать
И въ старомъ замкѣ и кругомъ въ долинахъ!

(Новый взрывъ привѣстныхъ возгласовъ рыцарей).

Генрихъ (омрачившись на мгновеніе).

Замолкните. Прошу я васъ, не надо
Веселья громкаго, что оглушаетъ слухъ,
Но сердце намъ не будить. Только трусость
Бодритъ себя кричащимъ звукомъ трубъ
А мы не трусы, мужествомъ мы полны
И сознаемъ, что дѣлаемъ, на что
Идемъ мы съ радостію.

Оттегебе (очнувшись).

Что со мною?

Бенедиктъ.

Склонись съ покорностью и кротко...

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ,

Не преклоняйся, поднимись и гордо
Стань передъ всѣми!

ОТТЕГЕБЕ (встаетъ, дрожа отъ блаженства).

Какъ прикажешь ты,

Мой господинъ.

ГЕНРИХЪ (Бенедикту).

Начни обрядъ вѣнчанья.

(Патеръ совершаетъ обрядъ обмѣна колецъ. Начинается тихій трезвонъ колоколовъ).

ОТТЕГЕБЕ.

Ахъ, бѣдный Генрихъ, много ты страдалъ!

ГЕНРИХЪ.

Ты болѣе меня. Но мы объ этомъ
Теперь не будемъ говорить, жена.
Въ коранѣ писано, что за тяжелымъ
Приходить легкое.

ОТТЕГЕБЕ.

Пусть будетъ такъ,

Какъ ты желаешь.

БЕНЕДИКТЪ.

Такъ и совершилось!

(Генрихъ привлекаетъ Оттегебе въ объятія. Они славятся въ долгую поцѣлуъ).

ОТТЕГЕБЕ.

Теперь отъ счастья, Генрихъ, я умру...

ГЕНРИХЪ (надѣваетъ корону).

Я вновь на тронѣ предковъ, вновь владѣю
Моей землею. Умеръ и воскресъ!
Такъ колокола вѣчности удары
Отзвались одинъ вслѣдъ за другимъ.
Теперь я не изгнанникъ, я властитель!
Пусть соколы мои расправятъ крылья,
Пусть снова полетятъ мои орлы!

Занавѣсъ падаетъ).

Оглавление

II ТОМА.

I. Семейныя драмы.

	СТР.
Праздникъ мира	3
Одинокіе	67
Коллега Крамптона	157
Михаэль Крамеръ	219

II. Драмы-сказни.

Ганнеде	279
Потонувшій колоколь	321
Бѣдный Генрихъ	425

